

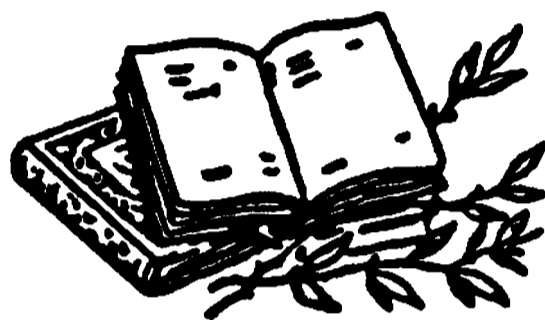
Сергей Снегов
ХРОНОНАВИГАТОРЫ

«ТЕРРА» — «АЗБУКА»

Scan Kreyder - 12.07.2017
STERLITAMAK

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Сергей Снегов

СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

ХРОНОНАВИГАТОРЫ
Роман

ПРЫЖОК НАД БЕЗДНОЙ
Повесть

ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ
ГРАМОТ
Повесть

ТРИДЦАТЬ ДВА ОБЛИЧЬЯ
ПРОФЕССОРА КРЕНА
Памфлет-фантазия

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС
ВЫБИРАЮТ
Памфлет-фантазия

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«ТЕРРА» — «АЗБУКА»
1996

**ББК 84Р7
С53**

**Иллюстрация на обложке
© R. André, 1996.
All rights reserved.**

Снегов С.

С53 **Сочинения: В 3 т. Т. 3: Хрононавигаторы: Роман. Повести. — СПб.: ТЕРРА—Азбука, 1996. — 560 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).**

ISBN 5-7684-0130-X (т. 3)

ISBN 5-7684-0127-X

Последний свой роман «Хрононавигаторы» знаменитый писатель-фантаст так и не увидел опубликованным.

Вам же, взявшим в руки эту книгу, снова представляется счастливая возможность окунуться в полный опасных и удивительных приключений мир Сергея Снегова.

Выпуская в свет трехтомное собрание избранных произведений С. Снегова, издательство «Терра»—«Азбука» осуществляет давнюю мечту не только писателя, но и всех любителей отечественной фантастики.

ISBN 5-7684-0130-X (т. 3)

© С. Снегов, 1996

ISBN 5-7684-0127-X

© «Терра»—«Азбука», оформление, 1996

ХРОНОНАВИГАТОРЫ

Роман

Часть первая

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

1

День, когда юный дилон Уве Ланна получил первый государственный чин Сына Конструкторов Различий, был отмечен в его личной Программе Судьбы еще двумя важными событиями. Кандидат в Сыновья Уве Ланна на рассвете животворящей звезды Гаруны Голубой, то есть в зените свирепой Гаруны Белой, явился в Ратушу, чтобы предстать перед проникновенными зеркалами Отцов Экзаменаторов. И точно в этот миг ему передали приказ немедленно прибыть к Рина Ронне на собеседование. Уве Ланна, естественно, поспешил к руководителю своей недавно разработанной Программы Судьбы и даже порадовался, что экзамен на государственный чин немного отдалается.

Сын Стирателей Различий, выдающийся Брат Дешифратор Рина Ронна ожидал своего ученика в лаборатории Дешифраторов, где ему принадлежал особый кабинет. Овальную комнату, накрытую теряющимся во тьме куполом, освещало мягкое сияние стен. На Ронне была светящаяся фиолетовая мантия, она мерцала в тех же красках, что и стены: сын Стирателей Различий любил подходить при беседах то к одной, то к другой стене и, подравнивая свечение мантии к светоизлучению стен, вдруг как бы пропадать на их фоне. Впрочем, это была единственная причуда — даже Конструкторы Различий не концентрировали на ней своего внимания, хотя выискивать любые отличия от обыденности входило в их государственную задачу.

Уве Ланна уперся руками в пол, вытянул на удлинняющейся шее голову и опустил ее ниже груди: у него с Рина Ронной давно установились столь дружественные отношения, что приветствий почтительней этих уже не требовалось. Выпрямившись, Ланна залюбовался старшим товарищем. В кругу величавых и изящных Сынов Ронна был самым величественным и изящным. Правда, движение по иерархии ему затрудняла молодость — всего три полных перевоплощения с одной частичной сменой личности, — зато он брал энергией и расторопностью. И он

знал о своей красоте и умел высветлить ее и позой, и освещением, и особенно ценным для Стирателей Различий искусством непринужденного обмена мыслями.

Сейчас он стоял посередине кабинета, высоко подняв голову на тонкой шее и почти дважды обвив свою талию левой рукой. Правую руку он вытянул навстречу входившему Ланне и, цепко ухватив ладонь ученика десятью гибкими пальцами, мягко повлек его к себе. Больше всего восхищало в Ронне — и не одного влюбленного в него Ланну — это высокое мастерство рукопожатия. Он так плавно сокращал тянущую руку, так ласково подтягивал собеседника, что даже неуклюжий дилон не оступался, подходя к Ронну.

— Сядем на хвосты, — благожелательно протелепатировал Ронна в сознание ученика. — Беседа будет долгая.

И, выпростав из мантии свой хвост, Ронна упруго свернул его на конце в опорное колечко и откинулся назад. Он любил эту непринужденную позу полусидения-полустояния на хвосте, и Ланна последовал примеру учителя, но с осторожностью: ибо и сам был грузней телом, и хвост имел не такой массивный и крепкий. Ронна продолжал транслировать ученику свои мысли.

— Две новости, Ланна. Первая: тебе разрешено перевоплотиться с полной сменой личности. Ты, конечно, понимаешь, что и неполная смена личности — столь же важное событие в жизни, как первая любовь. И даже важней, ибо любовь возникает непроизвольно, объект ее часто случаен и на нее, раз уж она возникла, воздействовать трудно. А в смене личности случайность исключена, ибо ты выбираешь себя именно таким, каким захочется быть, а не таким, какой ненароком подвернется, а именно это несовершенство характерно для любви. Впрочем, все это ты знаешь сам.

Уве Ланна — хотя еще ни разу не менял личности, а любовь, испытанная им, недавно трагически прервалась, — знал, конечно, все, о чем извещал старший друг. Но его страшило перевоплощение, хотя он и понимал, что оно открывает дорогу в высшие сферы. Он не стремился к возвышению, он был доволен собой, уже совершившимся. Он опасался, что Салана не узнает его в новом образе. Впрочем, Саланы не было, Салана похищена — и неизвестно, удастся ли ее вызволить. Все же Ланна осторожно осведомился, нельзя ли еще немного пожить в нынешнем образе.

Ронна отверг колебания ученика.

— Самое время, Ланна. Дальше медлить опасно. Разновременность в тебе угрожающе накапливается. Время, в котором функционирует мозг, уже ровно на полтора годовых оборота Гаруны Голубой опережает время твоего туловища. Неужели ты сам не чувствуешь, что перестаешь свободно командовать своими руками, своими ногами, своим хвостом? Анализаторы установили, что сытость наступает в тебе с таким запозданием, что ты способен съесть в полтора раза больше, чем нужно. И ты это часто делаешь; ты молод, но уже отяжелел. Нет, дорогой Ланна, пора, пора тебе синхронизироваться! И к тому же я не затрагиваю возможности резонансного нападения проклятых рангунов. А если они снова потрясут нашу прекрасную Дилону? Сколько уже погибло дилонов от разрыва времени в их телах, к моменту атаки наших врагов уже пораженных внутренним рас-согласованием!

Все эти неотвергаемые мысли Ронна неторопливо внедрял в сознание Ланны — и тот понял, что сопротивление бесполезно. Ронна ласково освещал ученика оранжевым сиянием выпуклых глаз и переливчатым мерцанием мантии — свечение стен лишь дополняло лучистую убедительность облика. Рина Ронна, Сын Стирателей Различий, упруго покачивался на хвосте, его вытянутое лицо улыбалось, он обнажил все сорок зубов верхней челюсти — никто так обаятельно не приподнимал мохнатой губы, как Ронна, этим одним он располагал к себе даже противников. Негромкий визг, вырывавшийся из пасти при телепатировании, тоже придавал мыслям вескости.

Уже Ланна только попросил, чтобы новый облик не потребовал больших изменений: он не хотел бы слишком отличаться от прежнего своего образа. Рина Ронна широко распахнул рот и громко пристукнул нижней челюстью о верхнюю — знак уважительного согласия. Во всех своих поступках, даже в момент трудных споров, Рина Ронна оставался изощренно вежливым.

— Правильное настояние, — промыслил он. — Ни один из вещей Стирателей Различий не воспротивится твоему желанию, это я тебе гарантирую как их уполномоченный и верный Сын. Задача лишь в том, чтобы синхронизировать течение времени в клетках твоего мозга, в которых оно несколько убыстрилось, с течением времени в остальных клетках тела, в которых оно замедлилось. Ибо в твоём прекрасном сознании господствует благотворное влияние нашей великолепной Гаруны Голубой, а в остальном теле, к сожалению, пересиливает энергетическое

поле Гаруны Белой. Должен признаться, что мы немного удивлены: у большинства дилонов, так свидетельствует статистика, благотворное действие Голубой звезды гораздо эффективней влияния Гаруны Белой, а у тебя наоборот.

— Разве я виноват в том? — возразил Ланна.

— Не виноват, — великодушно установил старший друг. — Это не твоя вина, а твоя беда. Как ты предпочитаешь синхронизироваться? Сменишь туловище или сознание? Я подобрал по картотеке десяток дилонов, у которых рассогласование времен противоположно твоему, то есть сознание замедлено сравнительно с физиологией. Все они нуждаются в перевоплощении. У тебя выбор: либо принять новую голову с замедленной мыслью, либо согласиться на новое тело с убыстренной физиологией.

— Я бы хотел сохранить свой мозг.

— Хвалю! Решение истинного звездопоклонника Гаруны Голубой. Теперь выбирай, кто больше нравится для перевоплощения.

На стене вспыхнули фигуры дилонов, подготовленных к перевоплощению. Уве Ланна всматривался в них с унынием — ни один ему не нравился. Он выискивал похожего на себя, но похожих не было: один отвращал несообразным носом, у другого слишком торчали уши, у третьего так щерился рот, словно он вот-вот готовился укусить, и почти у всех хвосты были либо безобразно мясисты, либо еще более безобразно худы. Только руки у претендентов выглядели прилично, но — Ланна это хорошо знал — внешняя приличность недостаточна, ибо руки свободно должны удлиняться и сокращаться втрое, а с какой легкостью они у претендентов удлиняются и сокращаются, по рисунку не определить.

Наконец Уве Ланна ткнул пальцем в молодого дилона, показавшегося наиболее похожим на него самого. Рина Ронна одобрил выбор.

— Номер шестьдесят третий. Мат Магон. Отличный экземпляр кандидата в Конструкторы Различий. Теперь вам остается познакомиться и понравиться друг другу. Право выбора мы предоставили тебе, но и Мат Магон должен согласиться на обмен телами. Встречу организуем после экзамена. Теперь можешь идти в Ратушу на экзамен.

— Ты говорил о двух важных событиях, — напомнил Ланна. — Какое же второе?

— Второе событие? Ах, да! Второе событие, собственно, касается не твоей личности, а будущей твоей профессии, если ты хорошо сдашь экзамены, в чем я, впрочем, не сомневаюсь. Итак, слушай меня, Ланна.

И Сын Стирателей Различий, Брат Дешифратора Рина Ронна поведал кандидату в Сыны Конструкторов Различий юному Уве Ланне, еще не прошедшему ни одного перевоплощения, о воистину удивительном новом происшествии в их звездном мире. Из недр Вселенной вдруг вынесся неведомый материальный объект — идеально выглаженный эллипсоид. И не приблизился издалека, а сразу возник вблизи, как бы вынырнув из разверзшихся люков иного мира. И, возникнув, помчался к двойной звезде. Сперва облетел на отдалении обе Гаруны, потом унесся к Гаруне Белой и трижды описал вокруг нее очень близкое кольцо. Немедленно после этого тройного облета устремился к Гаруне Голубой и повторил такой же тройной облет на таком же приближении ко второй звезде. Вот главная, но не последняя странность!

— Это не странность, а невозможность! — мысленно воскликнул взволнованный Ланна. — Ведь переброс из прямого времени Гаруны Голубой в обратное время Гаруны Белой равносителен мгновенному уничтожению. Именно от такого разрыва своего времени и погибла та планета, осколки которой кружат возле Дилоны. Но ведь взрыва эллипсоида не произошло, я так тебя понял, Ронна?

Рина Ронна засмеялся, распахнув рот и чуть ли не до середины шеи опустив нижнюю челюсть, красиво очерченную двумя рядами голубых зубов. Рина Ронна гордился сообразительностью младшего друга.

— Для будущего Конструктора Различий — неплохо, Ланна! Ты сразу указал на главный парадокс. Да, последовательно облетел обе Гаруны — и так близко от каждой, что могучее поле времени обеих звезд не могло не пронизать его. И если допустить, что собственное время космического незнакомца полностью совпадало с хронополем Гаруны Белой и потому в первом полете никакого внешнего эффекта не наблюдалось, то переброс в хронополе Гаруны Голубой должен был вызвать мгновенную аннигиляцию — ты абсолютно прав. Но катастрофы не произошло: незнакомец трижды обогнул голубую звезду — и только отразил на своих зеркальных боках ее спектр. Фантастично до физической недопустимости! Но факт, приходится

это принять. Какой сделаем вывод из реальности невозможного явления?

— Не могу сообразить, — признался смущенный Ланна.

— Что же, ты специализируешься на Конструктора Различий — анализ возможности невозможного даже хорошему Различнику не всегда доступен. Но нам, Стирателям Различий, приходится решать и не такие парадоксы. Наш вывод таков: таинственный незнакомец обладает собственной хронозащитой. Он умеет парировать возмущения хронополей. Резкие повороты физического времени лишь обтекают, а не проникают в него. В общем, ни хроновороты, ни хроноциклоны на него не действуют. В нашем мире не существует объектов с такой совершенной нейтрализацией полей времени, но кто гарантирует, что в иных звездных мирах физические законы такие же, как у нас? Незнакомец, по всему, пришелец из других миров.

Логика в рассуждениях Рина Ронны была убедительна, но Уве Ланна запротестовал. Как? Существовать во времени и быть защищенным от его скачков? Спокойно нестись то в прямом, то в обратном хронополе, хотя каждый объект может двигаться либо только вперед, в будущее, либо только назад, в прошлое. Никто и ничто не перемещается одновременно и в прошлое и в будущее, его мигом разнесет на атомы! И вот Рина Ронна, крупнейший Стиратель Различий, хладнокровно утверждает, что именно этим немыслимым свойством — сразу шествовать и вперед и назад — характеризуется пришелец из иных миров!

— И это еще не все, Уве Ланна, — продолжал Стиратель Различий. — Незнакомец, прочертив два тройных кольца вокруг обеих Гарун, изменил направление полета. Он не собирается обречь себя на вечное спутничество в системе двойной звезды. Он легко преодолел притяжение обеих Гарун, что тоже удивительно, ибо свидетельствует о его чудовищной энергетической мощи, и теперь мчится на Дилону. Он намерен опуститься на нашу планету. Вот такая ситуация, друг мой Уве Ланна.

— И ты мыслишь об этом спокойно! Опасного гостя надо отбросить от Дилоны! Пусть проваливается в бездну, из которой возник!

Ронна смеялся с мелодичным визгом, со всхлипами в горле. При смехе его оранжевые глаза задорно вспыхивали, сияние их освещало не только собственное лицо, но и лицо собеседника.

— Отбросить пришельца, легко нейтрализующего и гравитацию двух звезд, и мощь их хронополей? Даже если мы аннигилируем всю Дилону, у нас не хватит энергии для этого. Возможно, рангуны ударят по незнакомцу из своих резонансных орудий — у этих бессмертных бестий хватит безумия, чтобы пойти на это. Чего им бояться? Но мы смертны, нас не всегда спасают даже перевоплощения. И мы не нападаем, только защищаемся от нападений. Нет, если незнакомец опустится на нашей половине планеты, мы встретим его приветом и почетом. Еще одно важное обстоятельство, Ланна, и оно касается нас с тобой. Анализаторы уловили генерируемое незнакомцем излучение. Возможно, он посылает нам сигналы, передает какую-то информацию — и мы должны в ней разобраться.

— Рангуны тоже принимают сигналы пришельца.

— Конечно. Но вряд ли поймут их, эта задача не для их интеллекта. Так вот, Ланна, Старейшины поручили мне раскодировать сигналы незнакомца. Я попросил помощника, мой помощник — ты, Уве Ланна.

— Готов немедленно!..

— Раньше сдай экзамены на Сына Конструкторов Различий. Иди!

Уве Ланна возвращался в Ратушу без поспешности, какую показал, отправляясь в лабораторию Дешифраторов. Слишком уж необычны были известия, надо о каждом поразмыслить. Он начал с предстоящего перевоплощения, чтобы уже потом переходить к другим новостям. Перевоплощение — операция неприятная, но без нее не обойтись, если не хочешь преждевременной гибели от разрыва времени в теле. К тому же ему повезло, Рина Ронна избавил его от полной смены личности, а сколько по Дилоне слоняется несчастных, многократно терявших самих себя! Ланна припомнил прекрасную фигуру Мат Магона, с которым предстоит поменяться телами, и повеселел. Мат Магон, пожалуй, даже красивей, чем Уве Ланна. Светлая голова Уве в сочетании с совершенным телом Магона — это же отличнейшая комбинация! Салане, когда она отыщется, понравится его новый образ. И Мат Магону не будет резона уклоняться от обмена телами — он получит, правда, фигуру похуже, зато с добротным течением внутреннего времени, и так идеально синхронизирует голову и тело, как вряд ли сумел бы с дилонами покрасивей.

Закончив на этой бодрой мысли размышление о предстоящем перевоплощении, Уве Ланна собрался сосредоточиться на второй новости — появлении в их звездных окрестностях объекта, столь удивительно нарушающего законы материального мира. Но воспоминание о Салане порвало цепь размышлений. Уве Ланна увидел подругу, как если бы она шла рядом с ним: почти одного с ним роста, только гибче и тоньше, прекрасные руки дважды обвивают талию — она любит так шествовать, вся как бы спеленутая собственными руками. А на плечи вздымается хвост, и кончик его изящной лентой окольцовывает шею. Его, Уве, порой охватывал испуг, не удушит ли она себя этой лентой. Салане нравились опасения друга, она признавалась: “Самое приятное в тебе, Ланна, что ты так заботишься обо мне. Рядом с тобой я как в бронированном подвале, экранирующем от резонансных атак мерзких рангунов”. Нет, не удалось ему позаботиться о подруге в единственную грозную минуту ее жизни. Где она? Что с ней? Жива или погибла? Неужели эта разлука уже навеки?

Воспоминание о Салане так разволновало Уве Ланну, что он не сумел сосредоточиться на новости о пришельце из иных миров. Он со стыдом вспомнил, что неумение сконцентрироваться на нужной мысли — тяжкий интеллектуальный проступок и что никогда раньше за ним не числилось таких прегрешений. Он испугался за себя. Все дилоны, встречавшиеся ему по дороге в Ратушу, могли воспринять его мозговую эманацию. И тогда они поймут, что он проваливается на простейшей интеллектуальной операции. И когда? Перед экзаменом на чин Сына Конструкторов Различий! А кому не известно, что первой обязанностью любого Различника является способность всем в себе концентрироваться на нужной мысли?

По улице к Ратуше двигалось много дилонов. Кто просто шел, кто торопливо обгонял других, кто даже бежал, а кто-то неспешно шествовал, опустив голову — полностью отдаваясь неотложному размышлению. Вокруг Ланны вспыхивали фиолетовые, красные, зеленые мантии, метались сокращаемые и удлиняемые при ходьбе руки, по-парадному распушивались и деловито сжимались хвосты. Кто-то на ходу взвизгивал, звучно аккомпанируя своей мысли, кто-то хрипло рычал. А вверху мягко сияла нежная Гаруна Голубая, сменившая в зеленоватом небе двинувшуюся на закат Гаруну Белую. День переходил в

сумерки — обычный день столицы, точно такой был вчера и такой должен быть завтра.

Впоследствии, вспоминая то впечатление обычности дня, юный Ланна, всегда гордившийся своей проницательностью, запоздало удивлялся, до чего непророческим было его понимание обстановки. Ибо день, когда он, встревоженный новостями, шагал на экзамен, воистину был последним днем обычности на прекрасной планете Дилоне.

Только встреча со Старейшиной Старейшин, с великим Стирателем Различий Гуннар Гунной разительно выпала из обычности. Когда Уве Ланна приблизился к Ратуше, у входа опустился летательный шар Старейшин, из шара первыми выбрались два охранника, за ними и сам Вещий Старец.

Ланна поспешно отошел в сторонку, чтобы не помешать Верховному Стирателю Различий прошеествовать в Ратушу. То же сделали и другие дилоны, подходившие к правительственному зданию. Великий Гуннар Гунна прошел, ни на кого не глядя, никому не отвечая на приветствия, ни с кем не перекинувшись одной-двумя глубокими мыслями. Соскользнувшая с зенита Гаруна Голубая светила на высочайшего мыслителя страны, он не мог не радоваться ее ласковому сиянию, а он не радовался, он был чем-то удручен. И такая печаль выпечатывалась на его широком лице, что у Ланны пронзило болью сердце.

2

Уве Ланне достаточно было одного взгляда на Рина Ронну, чтобы понять, что у Дешифраторов дела неважны. Только высокая воспитанность не позволила Ронне сразу сконцентрировать внимание друга на собственных затруднениях. Ронна душевно поздравил Ланну со вступлением в государственную иерархию.

— Ты теперь полноправный Сын Различник, Ланна. Я узнал в коллегии Экзаменаторов, что давно не фиксировалось столь блестящего ответа. Проникновенные зеркала не обнаружили ни одной проплешинки на плодотворном поле твоих знаний. Теперь можно приступать к перевоплощению. Синхронизация физиологии и интеллекта превращается теперь из просто желательной в срочно необходимую.

Ланна не пожелал концентрироваться на перевоплощении, это была операция неизбежная, но не захватывавшая ум. Пове-

дение космического незнакомца гораздо больше занимало его мысли. Ронна помрачнел. Даже оранжевое сияние его выпуклых глаз приугасло, обе челюсти плотно сжались, а голова на утолстившейся шее опустилась так низко, что почти упала на плечи. Все это были признаки великого недоумения. Нет, чего-либо определенного не установлено. Пришелец вращается вокруг Дилоны, с векторной прямолинейностью направляя излучение на те места на планете, какие находятся в этот миг под ним. Возможно, выбирает место посадки.

— Ты предполагал, что незнакомец генерирует информационные сигналы?

— Да, такое предположение было. И оно остается. В луче, ощупывающем Дилону, уловлены колебания с постоянной периодичностью. Естественно предположить, что это речь пришельца к нам. Вероятно, запрашивает разрешения на посадку — повторяющуюся группу обертонов можно расценить как некую электромагнитную просьбу. Но этого мало для расшифровки. Мы не знаем, как кодировать наш ответ. Поэтому сосредоточились на приеме сигналов — и в ответ молчим.

— И рангуны молчат, Ронна?

Ронна распахнул рот в насмешливой улыбке и широким извивом правой руки обхватил свою грудь — он любил эту красивую позу, выражающую сразу и суровое осуждение, и издевку. Рангуны не молчат. Рангуны беснуются. Они окатывают незнакомца пучками волн. Они сами не знают, чего хотят. Они обращаются к пришельцу на своем языке, которого тот, разумеется, не знает. Рангуны не умеют сосредоточиться, они действуют, а не мыслят. И хотя командует их передачами пленный дилон, наш бывший друг Кун Канна, они не дают ему передавать пристойно. И что же они генерируют гостю из иных миров? Вот передача во время его первого облета их стороны планеты: “Кто ты? Чего тебе надо?” Вторая: “Добро пожаловать! Предлагаем три отличных места для посадки”. Третья: “Чего слоняешься? Садись или проваливай!” И последняя, она уже трижды повторялась: “Вот пошатайся еще над нами, так жажнем изо всех орудий, что разлетишься на атомы!” В общем, обычное рангунское хамство — они не изменяют себе, даже встречаясь с непостижимым явлением. Датчики передают, что по всей Рангунии объявлена боевая готовность. У больших резонаторов полные комплекты обслуги, о малых и говорить не приходится, они навешаны на каждом воине рангунов.

— Если столкновения с незнакомцем у них не произойдет, они могут обратить большие резонаторы и против нас. Ты не исключаешь такой возможности, Рина?

— От рангунов всего можно ожидать. Особенно с того дня, когда Ватута захватил верховную власть. Эта бестия ради одного любопытства способен испепелить всю Дилону. Но мы защищены надежней, чем ему хотелось бы. В конструировании хронобойных аппаратов он все же далеко не продвинулся. Теперь пройдем в Обсервационный зал, посмотрим на пришельца.

Все помещения Коллегии Дешифраторов были заполнены аппаратами приема и декодирования сигналов. Одни механизмы работали автоматически, у других дежурили операторы-мыслители. Недавно и Уве Ланна сидел за одним из таких аппаратов в качестве дежурного мыслителя и по перехваченным передачам с той стороны планеты выстраивал умозаключения о намерениях рангунов. Теперь, произведенный в более высокий чин, он мог позабыть о скучном рядовом мыслительстве. Уже никогда ему не вдумываться в неумные высказывания Ватуты и его камарильи, не выискивать рациональный смысл в их бессвязных выкриках.

Но хоть со службой у аппаратов было покончено, Уве Ланна не мог отказать себе в удовольствии подойти то к одному, то к другому щиту с приборами, поздороваться с операторами. Он радовался встречам, радовались и ему. “Доброго настроения! Поздравляем, Ланна! Будь светел, Ланна!” — телепатировали прежние товарищи. Ронна поминутно останавливался, поджидая друга, — ему нравилась популярность у трудяг Дешифраторов нового специалиста Различника.

В Обсервационном зале во всю стену сияло звездами небо над планетой. В правом углу небосвода перемещалась Гаруна Белая — был ее рассвет, экран притушивал яростное излучение звезды, чтобы не слепило глаза. В левом углу нежно мерцала уходящая за горизонт Гаруна Голубая. Ронна сказал:

— Сейчас покажется пришелец.

Пришелец вынырнул из левого угла и помчался по экрану навстречу медленно плывущей по небосводу звезде. Он пересекал видимую половину неба вдесятеро быстрее, чем двигались обе Гаруны. Ланна впился глазами в экран. Темный, гладкий, непроницаемый эллипсоид был огромен. Такое тело свободно накрыло бы любую площадь в столице.

— Думаю, мы имеем дело с космическим кораблем из иных миров, а не с естественным телом, — высказался Ланна. — Вы не рассматривали такое предположение, Ронна?

— Рассматривали, Ланна. Много “за” и много “против”.

Пробежав треть небосвода, эллипсоид вдруг остановился. Теперь он висел над планетой, а не летел вокруг нее. Он затормозил над какой-то облюбованной точкой. Планета, вращаясь, перемещала замершего в высоте незнакомца в сторону, обратную той, откуда он вынырнул. Так продолжалось некоторое время, затем эллипсоид снова пришел в движение, но он уже не облетал планету, а падал на нее — в ту точку на Дилоне, над какой завис.

— Садится, — установил Ронна. — Информую тебя, Ланна, что Старейшины приказали не мешать посадке, если пришелец решится на нее. Проклятые рангуны! Нет на этих дьяволов кары!

Возмущение Ронны вызвала вылетевшая из-за горизонта ракета. Сверкающая белокалильным жаром, распушив дымный шлейф, она мчалась на опускавшегося незнакомца. Ракета была запущена точно в подбрюшье массивного космического тела. Ланна в страхе прикрыл глаза. Все было безобразно ясно: рангуны не захотели пустить пришельца на территорию дилонов. Вот сейчас ракета ударит в цель, вспыхнет багровое облако пламени с дымом — и из облака посыплются осколки небесного гостя!

Ланна раскрыл глаза. Взрыва не было. Ракеты тоже не было. Пришелец продолжал опускаться. Где-то за ним, уже в отдалении, рассеивалось облачко пыли и красноватого газа.

— Какая защита! Нет, какая защита! — взволнованно повторял Ронна. Он не закрывал глаз и видел, как ракета, еще не долетев до цели, вдруг сама взорвалась и разлетелась пылью и газом. — Ланна, друг мой, неужели безумцы и теперь не угомонятся?

Из-за горизонта вынеслась уже не одна, а десяток ракет. И все, не долетев до пришельца, одновременно взорвались, образовав широкое кольцо пламени и дыма. В свободном центре этого кольца плавно опускался темный пришелец — гладкие бока мертво отражали оконтурившее их пламя. Обстрел прекратился. Рангуны, видимо, убедились, что атаки бесперспективны.

— Опустился в район Голубой Чащи, — сообщил Ронна. — Место, конечно, укрытое, внешне оно кажется очень надежным.

Но слишком близко от мертвых лесов, где свирепствует хронобой. Хорошо, что не угодил в разнотык времен, — это было бы губительней ракетной атаки рангунов. Оставайся здесь и следи, что предпримет пришелец. Я иду к Старейшинам.

3

Что бы ни представлял собой пришелец из дальних миров — космический корабль с экипажем или естественный объект, — одно твердо знал молодой Конструктор Различий Уве Ланна: еще никогда ни у самих дилонов, ни у их вековечных врагов рангунов не появлялось такого гостя из космоса. И готовой программы контакта с подобными объектами не существовало. Возникла новая проблема, на ней надо было сосредоточиться. Уве Ланна впал в отрешенность: закрыл глаза, отменил все движения тела и, окаменев перед пультом, пребывал в активном мыслительном состоянии, пока опасно понизившаяся температура тела не принудила выходить на уровень меньшей концентрации мысли — все дилоны знали, что сильное охлаждение тела плохо сочетается с озарением.

— Доложите, что совершилось, пока я размышлял, — потребовал Ланна от оператора.

Дежурный мыслитель доложил, что новостей нет: пришелец покоится в Голубой Чаще — неподвижен, темен и загадочен. Туда посланы разведочные шары, они анализируют параметры гостя: размеры, температуру, структуру вещества, гравитационные, энергетические, оптические характеристики, фиксируют все виды излучения. Ничто особо не поражает. Физика пришельца своеобразна, но не парадоксальна, если оставить в стороне тот факт, что он вынырнул как бы из ничего и взорвал все выпущенные в него боевые ракеты рангунов, даже близко не подпустив эти смертоносные снаряды. Да еще, пожалуй, одно смущает, но, впрочем, нет точного доказательства...

— Знаю, — прервал оператора Ланна. — Незнакомец существует в едином времени. Он синхронизирован от края до края. Ты на это хотел обратить мое внимание? Я установил это в результате собственного размышления.

— Именно это, уважаемый Различник. — Оператор вложил в тембр своей мысли неподдельное восхищение. Все операторы в Коллегии Дешифраторов радовались, что их новый начальник

одарен могучей интеллектуальной энергией — в ней была гарантия их собственной удачной работы.

Ланна уточнил:

— Судя по тому, что ты мне об этом не доложил, расшифровка сигналов незнакомца не удалась?

— Еще не удалась.

— А есть уверенность, что эманация незнакомца — все же разумные сигналы, а не стихийное излучение мертвого предмета?

— Такая уверенность есть, Уве Ланна.

— Тогда подготовь два поисковых шара со всеми аппаратами боя и разведки. Пусть Братья Опровергатели выделяют самое совершенное из арсеналов. Ибо при встрече с незнакомцем и война, и мир пока равноценно возможны.

— Братья Опровергатели потребуют санкции Старейшин...

— Они ее получают. Остановка не за санкциями, а за Опровергателями.

Дежурный мыслитель отключился. Ланна обхватил себя руками и постарался удлинить их так, чтобы получилось два полных извива, как делал Ронна. Но два извива не вышло — у Ронны руки были длинней и гибче. Впрочем, все Стиратели Различий были из длинноруких, а Конструкторы Различий, все как на подбор, короткорукие — больше чем на полуторный обхват рук ни у одного не хватало. Ланна мог гордиться, что в эффектном самоохвате даже превосходит многих товарищей, — ныне он может именовать их, получив сан Сына Различников, своими собратьями.

Уве Ланна гордился собой. Концентрирование мысли на загадках пришельца дало отличные результаты. Он первый понял, что гость из космоса — современник. Только полная самосинхронизация в едином времени объясняет главную странность — то, что пришелец приблизился на опасное расстояние к Гаруне Белой, промчался от нее к Гаруне Голубой и не взорвался, не распался — даже и намека не было, что в нем что-то разламывается. Какая совершенная хронозащита! Рина Ронна прав: без надежной отстраненности от местных перекосов времени, без нейтрализации хроноворотов незнакомцу не удалось бы удивительные перебросы от одной звезды к другой. Но и самая совершенная нейтрализация вихрей времени не помогла бы, если бы он сам хоть в крохотной степени был поражен внутренней дисгармонией, какая всегда есть даже у идеально синхрони-

зированной дилона. И это замечательное открытие стало первой интеллектуальной акцией Уве Ланна в его новом чине Различника!

Вошел сияющий Рина Ронна. Старейшины одобрили его доклад. Если пришелец — разумный космический объект или если в нем как в транспортном аппарате таятся разумные существа, то надо вступить в благожелательный контакт. Первая задача — раскодировать сигналы пришельца. Вторая — защитить его от новых атак рангунов. На той стороне планеты подготавливают баллистическую артиллерию. Нет сомнения, что рангуны решили нанести удар по пришельцу, как только определят точное место его посадки. Два чужих разведочных аппарата обнаружены недалеко от Голубой Роши — их отогнали. Рангунам послано предупреждение, что пришелец взят под охрану дилонов. Будем надеяться, что это их образумит.

— Пустить в ход ракеты рангуны теперь побоятся, ибо знают силу ответного удара, — заметил Ланна. — Но генераторы резонанса, Ронна...

Ронна откинул назад голову — это у него всегда означало не то сомнение, не то нерешительность. “А что мы можем сделать?” — как бы ответил он своим жестом. Впрочем, он тут же добавил, что пришелец так защищен от гравитационных, тепловых и электромагнитных воздействий, что и резонансным нападением рангуны вряд ли чего добьются.

Уве Ланна поведал другу о своем открытии абсолютного хроноединства пришельца: это не хронозащита, а хроноцелостность. Рина Ронна всегда относился к ученику с неизменным уважением, продвижение Уве на пост Различника не обошлось и без его усилий. Но в отличие от дежурного оператора он заколебался. О том, что пришелец защищен хроноэкранами, говорило его рискованное метание от Гаруны Белой к Гаруне Голубой, а ведь звезды генерируют вокруг себя противоположные токи времени, схлестывающиеся в яростные хроновороты. Правда, таких экранов на Дилоне еще не знали, их никто не конструировал, да и загадочный пришелец появился у них впервые, о “гостях из иномиров” тоже никто не слыхал: Но единое время? Разве оно физически возможно? Ведь основу жизни составляет именно несинхронность различных потоков времени в жилах, костях и клетках? Цельное время у мыслящего объекта — ну, не дикость ли?

— Я все же настаиваю на своей концепции. — Уве Ланна был порядком обижен слишком уж резким возражением старшего друга. — И осмелюсь заметить, что разумность пришельца не доказана, пока не расшифрованы его сигналы.

— Да, в этом главное затруднение. Хочу тебя информировать, Уве Ланна, что нам выделен ротонный прожектор, который, как ты знаешь, изготовлен пока в единственном экземпляре. Сейчас его монтируют на одном из поисковых шаров, которые ты велел подготовить. Полетим вместе, Ланна.

— Я готов, Рина Ронна.

Два разведочных шара покачивались на площади. В одном сидели операторы гравитационной и резонансной защиты, оптики и механики, в другом разместился ротонный прожектор. Ронна сел за пульт управления — он любил водить аэроразведчики и иногда залетал на них даже на территорию рангунов, а это всегда небезопасно. Однажды он побывал в приполюсном хроновороте, что было почти губительно, — Ронна потом оправдывался, что его занесла на полюс разгармонизация двигателя и что он лишь на внешнем витке хроноворота сумел справиться с неполадкой. Объяснение показалось не только убедительным — лишь безумцы способны добровольно устремиться в такие места, — но и внушающим уважение: не впасть в панику вблизи хроноворота и, сохранив ясность мысли, справиться с непростой неполадкой! После этого происшествия Рина Ронну, тогда обычному оператору в дешифраторской, присвоили сразу два новых чина: Брата Дешифратора и Сына Стирателей Различий. Каждый означал почет, но два, да еще столь несхожих, — были равносильны триумфу. Сам Гуннар Гунна почтил Ронну вдохновенной речью: “ Наш новый Брат и Сын, — так говорил Вещий Старец, — не только прекрасно видит и глубоко оценивает беспорядок, что доказывает дарование Дешифратора, но еще прекрасней ликвидирует беспорядок, а это бесценное качество настоящего Стирателя Различий”. Старейшины без единого возражения присудили соискателю оба звания и ввели его сразу в два чина — случай неординарный.

И, гордясь своим искусством шаровождения, Рина Ронна дал такое расширение объема, что шар не взлетел, а взвился в высоту. Уве Ланна в эту минуту впадал в очередную отрешенность: надо было вымыслить, какими полями лучше испытать пришельца — гравитацией, оптикой, электромагнитными или кор-

пускулярными импульсами, а без большой сосредоточенности это не удавалось.

— Ты порвал цепь моей мысли, — пожаловался Ланна.

— Зато быстрее прибудем, — возразил Ронна. Он не умел так глубоко отдаваться мысли, как Ланна, да и не считал, что всегда нужно настолько погружаться в размышления. Впрочем, таковы все Стиратели Различий: их способности к анализу существенно уступали аналитическому дарованию Различников, умевших безошибочно определять любые несходства и особенности.

Ронна летел впереди с Ланной и оператором ротонного прожектора, второй разведчик с боевыми и поисковыми аппаратами держался позади.

Пришелец покоился на краю поляны среди голубых деревьев с широкими кронами, перекрывавшими половину поляны. Гость из космоса выбрал отличное место для посадки: сквозь чащу к нему не пробраться, а с воздуха его маскировали кроны.

— Облет! — приказал Ронна и опустился ниже, ту же операцию повторил и второй шар. Пришелец был около двухсот пин в длину, около тридцати в ширину и высоту в центре и не более двадцати по краям: почти идеальный эллипсоид, несомненно — искусственное сооружение, а не метеорит или космический шатун, осколок некогда разлетевшейся планеты, — стихийные создания природы не обладают совершенной выглаженностью поверхности.

Ланна вдруг ухватил друга за плечо.

— Ронна, он исчезает! Он уходит в небытие.

Пришелец стирался — становился из темного серым, пропадала четкость обводов, зеркальная гладкость поверхности. Огромное материальное тело на глазах превращалось в призрак. И не успел Ронна оправиться от изумления, как на поляне больше ничего не было, кроме оранжевых трав и осенявших их голубых крон.

— Твое суждение, Ланна? — Молодому другу после вступления в чин Конструкторов Различий по праву принадлежала первая оценка.

Ланне захотелось поразмыслить, чтобы дойти до всех дальних причин исчезновения пришельца, но Ронна с таким нетерпением ждал ответа, что пришлось телепатировать лишь предположение:

— Выпал из оптики, но вещественно сохраняется на поляне.

— Сейчас проверим.

Ронна отдал приказ поисковику обвести поляну, где находился пропавший пришелец, гравитационными и электромагнитными щупами. С поисковика известили, что для электромагнитных щупов пришельца не существует, но гравитационные показывают его наличие: он лежит на прежнем месте, в прежней неподвижности, только стал прозрачным для всех электромагнитных волн, включая и оптику. Но вещественности своей не потерял.

— Между прочим, примята им трава так и не распрямилась, когда он ушел в невидимость, — поделился наблюдением Ланна. — Следовательно, и в оптике кое-что от него видно.

— Вот-вот — полное совершенство в маскировке отсутствует. Теперь поинтересуемся, что находится внутри нашего гостя. Есть у него экран от ротонов? Судя по тому, что гравитационные экраны отсутствуют, вряд ли он обладает защитой от этих почти невещественных частиц.

Ронна встал рядом с ротонным оператором, командуя расходом энергии на возбуждение потока частиц. Длина пути ротонов определялась только их энергией, и Ронна начал с малой, чтобы ротонны только-только достигли поверхности невидимого пришельца. На экране отчетливо вырисовался его силуэт. Ротонны показывали массивное тело, изображение было ярче, чем гравитационное. Ронна увеличил энергию частиц. Теперь они проникали сквозь оболочку и высвечивали внутренность. Сомнений больше не было. На поляне в Голубой Роще лежал космический корабль. Ротонны высветили внутренние помещения, разобщенные перегородками, механизмы, аппараты, ящики, тюки. Ронна то увеличивал, то уменьшал энергию, чтобы отчетливо обрисовать каждый предмет. Корабль казался необитаемым. Ротонный луч пробежал уже половину его, но, кроме мертвых вещей, ничего не обнаружил в помещениях. Потом высветился обширный отсек в конце корабля. В нем передвигалось пять фигур — живые существа, а не автоматы. Еще никогда на Дилоне не видели созданий столь необычных, как те пятеро, что сновали по самому большому помещению корабля.

Они походили на дилонов, но очень отдаленно — одноголовые, двурукие, двуногие... Но на этом сходство кончалось. Руки были так коротки, что не достигали и колен; на кистях виднелось пять пальцев, а не десять, как у дилонов, и пальцы были толсты и негибки. Негибкой была и вся рука, она не удлинялась

и не сокращалась — такими руками незнакомцы не могли даже в один оборот обхватывать себя. Ноги были еще топорней рук — правда, как и руки, могли сгибаться посередине, но только в одном месте, а не по всей длине. Всего примитивней была голова: она тоже сидела на шее, но такой короткой и такой негибкой, что ни вздыматься вверх, ни даже поворачиваться назад не могла. Лицо было неприятным: плоскощекое, плосколобое, с невыразительным ртом, с крупным носом, нависающим над губами и двумя глазами — такими тусклыми, что сразу понималось — эти глаза пассивно принимают внешний свет, но генерировать собственное сияние не способны. А на головах пяти обитателей корабля шапкой лохматились волосы, охватывая всю голову, ни у кого не было и намека на благородную гололобость дилонов. У одного густая шерсть вылезала даже по нижней половине лица. И ни один не имел хвоста — важнейшего элемента хорошо скомпонованной фигуры!

— Плох конструктор, который разрабатывал эти тела, — установил Ронна. — Одни грубые детали — ни гибкости, ни изящества. Даже смотреть неприятно.

И хоть суждение это было скорее обобщенно-синтетическое, а не аналитическое, Уве Ланна, по профессии призванный к анализу, промолчал, показывая, что принимает оценку Стирателя Различий.

Ронна начал детальное высвечивание экипажа корабля с самого лохматого. Этот был крупней и выше всех. Он сидел на особом приспособлении. Над ним, на стене, висело изображение другого мохнатолицега, но еще лохматей и крупноголовей — оба были схожи как братья. Около мохнача на таком же приспособлении сидело второе существо — с фигурой потоньше и головой поменьше. По помещению расхаживал третий, он казался всех моложе. Этот размахивал руками, шевелил губами, раскрывал и прикрывал рот — в пасти виднелись зубы, они выстраивались по одному ряду сверху и снизу, и их было много меньше, чем у дилонов. У стены стоял толстенный коротышка, на полную голову ниже мохнатого. И когда юноша переставал шевелить губами и двигать нижней челюстью, точно такие же операции проделывал коротышка; а когда и он прекращал игру губ и челюстей, в нее снова вступал молодой. всю боковую стену занимал экран, перед ним на вращающемся сидении помещился пятый обитатель корабля — и на нем Ронна остановил особое внимание. Он выделялся среди уродливых фигур —

высокий, стройный, тоже короткоукий, зато с гораздо более гибкими руками, такой же густоволосый, с двумя рожками, торчащими из волос, — у остальных и намека на рожки не было. И глаза пятого выгодно отличались от глаз четырех других — не только принимали свет, но и сами светились, а порой, когда он обращал лицо к коротышке, из них вырывались как бы электрические искры.

Ронна перевел ротонный луч на стену с экраном, чтобы разглядеть туманную картину на нем, и увидел все, что окружало корабль снаружи: высокие голубые деревья, оранжевую траву поляны, шествующую по небосводу Гаруну Голубую и два разведочных шара над кораблем.

— Однако! — восхитился Ронна. — Оказывается, став для нас невидимыми, сами они продолжают нас разглядывать! Может быть, даже видят нас с тобой, Ланна?

Ланна после краткого размышления отверг предположение Ронны. Если бы пришельцы видели не только поисковые шары, но и дилонов внутри шаров, то и на их экране появились бы дилоны, а не одни шары, как показывает экран. Зато, продолжал Ланна, ему удалось сделать очень важный вывод: они разговаривают. То странное шевеление губ, то нервное опускание и поднятие нижней челюсти, та оживленная жестикуляция рук есть их метод передачи информации, то есть разговор.

— Разговор при помощи губ, челюстей и рук? — удивился Ронна. — Какой невероятный способ общения!

— Еще язык, — добавил молодой Различник. — В пасти у пришельцев, как и у нас, язык, но он много подвижней нашего: дергается и изгибается, когда шевелятся губы и движутся челюсти. Я склонен думать, что у них язык — главный агент информации.

Ронна, однако, не был убежден. Если Ланна прав, то пришельцы могут вступать в общение, только когда видят движение губ, челюстей, языка и рук. А в темноте они, стало быть, беспомощны? Прекращают не только беседы, но и всякое действие, связанное с обменом информацией. Конечно, конструкция их организмов далека от совершенства. Но такая чудовищная недоработка!

В это время молодой пришелец завершил жестикуляцию энергичным взмахом руки и показал на экран, где виднелись два поисковика. Лохматый наклонил голову. Молодой и тот, у которого в волосах торчали рожки, зашагали в другой конец

корабля. Здесь они выдвинули из ниши продолговатый предмет и вернулись назад. Корабль вышел из невидимости и засветился. Операторы могли теперь и без ротонного прожектора разглядывать корабль снаружи. В главном помещении корабля лохматый пришелец опять кивнул копной волос, пришелец с рожками задвигал пальцами на доске с кнопками под экраном — продолговатый предмет выскользнул наружу через открывшийся люк и стал подниматься вверх.

— Запустили разведчика, — прокомментировал событие Ронна. — Двинемся за ним, не выпуская из обзора. Второй поисковик остается на месте. Что-нибудь передашь операторам?

Ланна повторил уже отданный приказ — фиксировать все действия пришельцев внутри корабля и установить, какими полями аэроразведчик будет получать информацию во время облета. Ответ последовал незамедлительно. Аэроразведчик работал в световых лучах, а передавал на корабль сведения в других электромагнитных импульсах. Кроме того, он был снабжен небольшим гравитатором. Для боевых ударов этот аппарат мало пригоден, но массы вещественных объектов определяет надежно.

— Отлично! — оценил сообщение Ронна. — Сейчас я настрою наши собственные приемники на информацию аэроразведчика. И мы столь же ясно, как они сами, увидим, что их заинтересовало у нас.

Аэроразведчик сделал несколько кругов над кораблем, потом повернул в сторону больших лесов на границе между территориями дилонов и рангунов. На дисплее следящего за ним поисковика обрисовалось обширное пространство сперва голубых, потом синих деревьев. Видимо, лес не заинтересовал пришельцев, управлявших со своего корабля полетом аэроразведчика: он крутыми витками вздымал все выше — в поле обзора вмещалась все большая часть поверхности планеты.

— Как бы он не полетел к рангунам, эти бестии мигом собьют его своими ракетами, — забеспокоился Ронна.

Аэроразведчик, словно услышав предостережение, повернул назад. Теперь он мчался к столице дилонов, передавая на корабль пейзаж планеты — каменные сооружения, вытянутые в двойные полосы, возвышения возле них, холмы в стороне от возвышений и башни со светящимися вершинами. Внизу проплывали темные точки.

— Может напороться на охранные маяки, — снова забеспокоился Ронна. — С добрыми или враждебными намерениями он это сделает, но его собьют.

Ланна задумался, выискивая, как донести до пришельцев опасность приближения к охранным маякам. Но аэроразведчик отвернул от первого же маяка и опустился ниже. Картина изменилась. Возвышения вдоль полос превратились в цилиндрические здания без окон, темные точки стали летательными аппаратами. На полосах обозначились дилоны, их становилось все больше — перемещались по улицам, собирались в кучки, кучки снова рассыпались, некоторые дилоны удлинняли шеи и задирали головы, чтобы получше рассмотреть проносящийся над ними аппарат. Видимо, пришельцев, командовавших аэроразведчиком, больше интересовали не здания, а их обитатели, — аппарат подлетал то к одной, то к другой кучке жителей, зависал над ней и не удалялся, пока дилоны не расходились. На одного дилона, остановившегося на улице с задранной головой, аэроразведчик спикировал — на дисплее возникла удлинненная безволосая голова, откинутый назад лоб, острые уши, очень вытянутый губастый и зубастый рот. Дилон испугался опускавшегося на него аппарата и сперва отскочил в сторону, а потом убежал — любопытство сменилось страхом.

Аэроразведчик прекратил наблюдение за жителями и стал перелетать от одного здания к другому, описывая вокруг них круги. Но осмотр зданий не породил продолжительного любопытства: здания были похожи одно на другое. Разведчик сосредоточился на средствах передвижения. По улицам проносились рейсовые шары, то один, то другой сокращал в воздухе свой объем, плавно опускался, из него выходили прибывшие жители, входили улетающие, шар расширялся, быстро взлетал и мчался на другую остановку, где снова выпускал приехавших и забирал отъезжающих. Почему-то простая операция взлета и опускания заинтересовала пришельцев — они перегоняли разведчика от одного шара к другому и держали в опасной близости от них. Но столкновений не было, все движения регулировались очень точно. Увэ Ланна после небольшого раздумья установил:

— Пришельцы для передвижения не используют выталкивающую силу атмосферы, поэтому их так поразили наши транспортные механизмы.

— Очень глубокий вывод, — согласился Стиратель Различий и поспешно добавил: — Но что это, Уве Ланна? Они рискуют!

Пришельцы, по всему, решили, что информации о зданиях, жителях и средствах передвижения с них хватит, но высокие светящиеся башни надо изучить.

Аэроразведчик подлетел к охранному маяку и сделал круг в опасной близости от него. Ронна направил свой поисковик наперерез воздушным эволюциям разведчика, чтобы не дать ему приблизиться к маяку. Но разведчик вдруг камнем полетел вниз, остановился и снова — уже внизу — совершил такую же недопустимую петлю вокруг башни.

Ронна со всей поспешностью опустил поисковик за аэроразведчиком, чтобы и внизу оказаться между ним и маяком. Но когда поисковик Ронны опустился до уровня разведчика, тот взмыл и у вершины башни — самое запретное место — снова закружил вокруг нее.

Ронну вызвал Командующий охранными маяками:

— Уважаемый Стиратель Различий, что у вас за игра? Разве вы не знаете, что приближение к маяку запрещено?

Ронна в этот момент пытался настичь взлетевшего вверх разведчика.

— Я-то знаю, уважаемый Командующий маяками. Но не уверен, что пришельцы это знают так же хорошо, как я.

— Вынужден действовать по уставу, — информировал Командующий.

Верхушка мачты озарилась и погасла. Но еще до того, как она погасла, вспыхнул и аппарат пришельцев. Поисковик подлетел к нему, когда его уже не было. В воздухе развеивались пыль и пар.

Уве Ланна задумался, выстраивая выводы из печального события. Рина Ронна, по профессии обязанный соображать быстрее, воскликнул:

— Хорошо, что самих пришельцев не было на борту! Я лечу к Старейшинам — объяснить, что мы узнали, и оправдаться в том, что мы совершили.

— Что допустили, а не что совершили, — поправил молодой Различник и добавил: — Я возвращусь в Коллегию Дешифраторов и попытаюсь отыскать ключ к поступкам пришельцев.

Ничто не показывало, что уничтожение аэроразведчика вызывает какие-то ответные действия пришельцев. Корабль по-прежнему покоился на полянке в Голубой Роще и не ушел снова в невидимость, а это, по мнению Ланны, доказывало, что он не опасается нападения. Не было и особого волнения среди пятерых пассажиров корабля. Правда, лохматый хмурился и, сердито глядя на юношу с рожками, нехорошо шевелил губами, а тот качал головой и разводил руками. Но больше ничего важного не произошло. Четверо пришельцев разошлись по маленьким помещениям, улеглись на узкие подставки, чем-то накрылись, закрыли глаза, и всякое общение у них прекратилось. Только юноша с рожками на кудрявой голове остался в помещении и то всматривался в обзорный экран — на нем была все та же роща деревьев, полянка, звезды, сменившие дневные светила, и недвижно зависший над кораблем поисковик, — то манипулировал с кнопками и рычагами под экраном. На пейзаж, изображенный на экране, его манипуляции не действовали.

К этому времени подоспела первая расшифровка наблюдений за кораблем. И расшифровка показалась Уве Ланне невероятной. Все снова и снова проверяя соответствие фактов и объяснений, Ланна пришел к выводу, что факты, конечно, практически реальны, но вместе с тем столь же практически невысказаны. Был момент, когда новоопределенный Конструктор Различий в отчаянии даже подумал, не отказаться ли ему от дарованного высокого звания как незаслуженного, ибо установленные им отличия пришельцев от дилонов вышли за рамки допустимого.

— Ты ошеломлен, Уве Ланна, — заметил вернувшийся Ронна. — Ты открыл что-то странное. Я не ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься, Рина Ронна, — ответил молодой Различник. — Я расшифровал способ информации у пришельцев. Он так отличен от нашего, что кажется попросту невысказанным, хотя реален фактически.

После такой глубокой оценки своего открытия Ланна объяснил, что у пришельцев изучены три разных действия: во-первых, уже замеченная раньше жестикуляция рук и мимика лица, но они явно вторичны и необязательны — могут быть, но могут и отсутствовать. Во-вторых, более существенно, что движения языка, губ и челюстей порождают звуки и комбинации

звуков очень разнообразны — всего зафиксировано около трех тысяч их. Можно предположить, что таких звуковых комбинаций гораздо больше, пришельцы использовали в разговорах, которые удалось записать, далеко не все богатство слов — так они называют свои звуковые комбинации.

В-третьих, каждое слово сопровождается излучением мозга такой же примерно физической природы, как и мозговые излучения дилонов при их размышлениях. И каждая мыслительная волна соответствует той акустической комбинации, которую они называют словом. Любое слово сопровождается излучением, характеризующим именно это слово, а не другое.

— Пока все просто, — сказал Стиратель Различий. — Информация у пришельцев, как и у нас, производится излучениями мозга, а акустика слова — побочный продукт передаваемой информации. И мы при разговорах повизгиваем, полаиваем, даже напеваем. И, наверно, есть точная связь попутных звуков нашей речи с самой речью — то есть мыслями, передаваемыми излучением. Но кто будет изучать эту связь звуков и мыслей? Кому она интересна?

— В том-то и дело, что информация у пришельцев совершается вовсе не мозговыми излучениями, а звуками. Передача мыслей идет словами, то есть не прямым, а побочным способом, к тому же весьма неточным: пришельцы не всегда чувствуют соответствие слов и мысли и поэтому часто переспрашивают один другого. Иногда у них возникают споры из-за слов — такие словесные перепалки тоже зафиксированы, — а это немислимо при прямой передаче мыслей.

— Твое сообщение так удивительно, что в него, и вправду, трудно поверить, — согласился Ронна. — Но это наблюдение, а не доказательство.

— Сейчас я тебе изложу и доказательство.

И Ланна объяснил, что слова и у пришельцев сопровождаются адекватными мозговыми излучениями, но те же мозговые излучения происходят и без слов. Такое действие соответствует размышлению у дилонов. Отсюда вывод: пришельцы умеют размышлять, хотя, нет сомнений, их способности к размышлению примитивней наших. Но у них излучения, составляющие мысли, никогда не передаются сами по себе, для передачи они должны предварительно получить акустическую форму.

— Мы тоже не всегда передаем наши мысли, если не хотим такой передачи. Иначе все, что мы думаем про себя, было бы доступно каждому.

— Не передаем, если не хотим, Ронна! А они если и захотят, то не смогут. Их формы общения так примитивны, что меня охватывает ужас, когда я думаю, сколько времени, сколько энергии тратят пришельцы попусту в разговорах, сколько путаницы и непонимания в их беседах! И почти отчаяние овладевает мною, когда думаю о сложностях общения с ними. Оно ведь невозможно без взаимной информации. Мы-то сможем понять их мысли-слова, но как донести до них наши мысли? Нам не воспроизвести ни одного слова! Мы будем понимать пришельцев, они нас — никогда.

Опытному Стирателю Различий положение не представлялось столь безнадежным. Конечно, дилоны не сумеют произносить слова, но каждому слову соответствует излучение мозга, ведь так? Пришельцы не воспринимают собственных мозговых излучений — те слишком слабы. Но разве мы не можем увеличить энергию наших излучений?

— Вот тебе выход, Уве Ланна. Мы оперируем только излучениями, слова не пытаемся воспроизвести. А пришельцы, принимая наши передачи, воспринимают их как привычные им слова. Теперь рассмотрим, что расшифровано в записях дешифраторов, — продолжал Ронна. — Пришельцев пятеро. Они из какого-то далекого мира. Главное светило их мирка — звезда Солнце, окруженная населенными планетами. Сами они примчались с планеты Урании — она в стороне от звезды Солнце. Время в их мирке — прямое и цельное, все живое и неживое у них синхронизировано в едином времени. Но на корабле имеются аппараты для замедления и убыстрения времени, для искривления его и даже для полной перемены хроновектора в будущее на вектор в прошлое. Корабль — космический хронолет. Название — “Гермес”, что оно означает, пока неясно. Пришельцы именуют себя людьми или человеками, еще одно наименование — хрононавигаторы. Чем хрононавигаторы отличаются от людей или человеков, точно не установлено. Первый хрононавигатор, он же капитан “Гермеса”, — самый лохматый — Анатолий Кнудсен. Изображение лохматого мужчины на стене, так сильно схожего с Кнудсеном, они называют портретом бога Хроноса, что это означает, тоже неясно. Коротышка — Михаил Бах, именуется себя археологом, они обозначают его сло-

вом “академик” — возможно, словесная характеристика его маленького роста. Третий пришелец, стройный, золотоволосый, — женщина, имя — Мария Вильсон-Ясуко, геноинженер, это ее специальность, нам незнакомая, но, наверно, важная — к Марии Вильсон-Ясуко все относятся с почтением. Теперь двое молодых. Один, без рогов, — хрононавигатор Аркадий Никитин, ничего особенного о нем пока не узнали. Последний, с рожками, — робот Асмодей, самый подвижный и деловой из пятерки, его красота и умения признаются всеми. Что же до наименования “робот”, то, видимо, это почетное звание, которого удостоиваются только выдающиеся люди, мастера на все руки, так его называют, хотя рук у него всего две и проще было бы квалифицировать таких незаурядных людей как мастеров на обе руки. А имя Асмодей не расшифровано, но, возможно, и в нем есть важный смысл.

— Вот видишь, как много мы узнали о пришельцах, — закончил Ронна. — И можем уже осмысленно воспринимать картинки, появившиеся в луче ротонного генератора. Прикажи подать на экран расшифрованную запись.

На экране снова возникло просторное светлое помещение и пять фигур. Но если недавно оба дилона наблюдали лишь жестикуляцию рук и движение губ и челюстей, то теперь стал ясен и сам разговор.

— Нет, это же поразительно! — говорил тот полный и невысокий, о котором расшифровали, что зовут его Михаилом Бахом и что он академик. — Какие деревья, нет, какие деревья! Каждое до ста метров и больше! Ни в одну эпоху на Земле не было таких гигантов, а ведь растительности хватало. И где? На небольшой планетке, в мире какого-то превратного времени!

— Не превратного, а искривленного, — с улыбкой поправил Кнудсен. — Но какое отношение имеют метаморфозы времени к величине деревьев, Миша?

— Знаю: вы, хронофизики, считаете одинаково законными любые уродства времени. Но я — археолог, Анатолий, земной археолог. Для меня не только я сам, но и горы, и океаны, и леса существуют лишь в моем прямом времени — том, которое движется всегда вперед, всегда от прошлого через настоящее к будущему. И хотя физики убеждали меня, что кроме вещества существует еще и антивещество и то антивещество можно изобразить как пребывающее во времени обратном, я понимал это мыслью, а не чувством. И я ожидал, что встречу в мирах ино-

го времени с чем-то столь же удивительным, как удивительно само понятие иного времени — деревья, растущие не вверх, а вниз или вбок, камни, падающие вверх, холодный жидкий металл... Но вот мы сейчас в каком-то дико запутанном времени, оно движется не вперед и не назад, а кружится и петляет. А за стеной хронолета такой же предметный мир, такие же камни и воздух — правда, много плотней нашего земного, такие же вода и растения. Время течет по-иному, а мир в нем такой же. Нет невероятностей и чудовищностей — и это невероятно и чудовищно! И в этом немыслимо не нашем времени живут какие-то развитые народы — вон два их разведочных аппарата зависли над “Гермесом”: изучают нас, возможно, и прикидывают, как нас приветствовать — объятиями или залпами? Земное, слишком земное! Не удивлюсь, если аборигены планеты ходят на двух ногах, несут на плечах по одной голове и обратятся к нам на человеческом языке.

В разговор вступил молодой хрононавигатор:

— Анатолий, я снова прошу — снимем оптическую невидимость и пойдем на разведку.

Кнудсен глядел на экран. Два шара — явные разведчики — покоились в воздухе, как на фундаменте. Недавно они примчались на полянку, вдруг стали сжиматься и опускаться. Потом сжатие прекратилось, оборвалось и падение. По всему, выталкивающая сила местной атмосферы уравнивала вес шаров. Что могли фиксировать разведчики, упрямо не отрывавшиеся от корабля? Оптический экран для них не помеха: они, перед тем как замереть в неподвижности, облетели весь корабль и так точно повторили все извивы его корпуса, как если бы видели его на ярком свете. Если аборигены применяют гравитационные индикаторы, то могут не только изучать незнакомый объект, но и наносить по нему гравитационные удары. Гравитаторам корабля задана программа отражения гравитационного нападения. Но не было признаков агрессивности аборигенов. И не было сигналов — гравитационных, оптических, тепловых, электромагнитных, — которые зафиксировали бы желание контакта: ограничивались наблюдением за кораблем.

— Выпускаем разведчика, — распорядился Кнудсен.

Затем оба дилона увидели то, что уже наблюдали раньше — вылетевший аэроразведчик и сам корабль, выключивший оптическую защиту. И еще увидели на экране, как они сами на одном из поисковиков помчались вслед за аэроразведчиком.

— Что мы делали, рассматривать неинтересно, Ланна, — заметил Ронна. — Сконцентрируемся на том, что видели в это время пришельцы на экране корабля.

Пришельцы видели то же самое, что совершалось перед глазами Ронны и Ланны, когда они сопровождали разведчик в его метаниях над городом и мешали ему опасно приблизиться к охранным маякам. Интересней были комментарии пришельцев.

— Настоящий город! — воскликнул Бах. — Правда, здания без окон. Боюсь, они не радуются свирепому сиянию своей белой звезды. Отсутствие окон — наверно, для защиты от нее. Сколько аборигенов на улицах! Асмодей, познакомь нас поближе с кем-нибудь.

Асмодей, сидевший у пульта, направил аэроразведчик на одного дилона, задрывшего вверх голову.

Женщина, сидевшая рядом с Кнудсеном, вскрикнула. Дилон, испуганный пикировавшим на него разведчиком, проворно удра, а женщина сказала:

— Какой уродец! Собачья морда, а не лицо. И сколько зубов в пасти! Но глаза добрые и умные. И как этот уродец выразил ужас, когда наш датчик стал падать на него. Он, похоже, подумал, что его собираются раздавить. Между прочим, все они хвостатые и чудовищно длиннорукие.

Кнудсен задумчиво сказал:

— Не знаю, можно ли так говорить: “между прочим, хвостатые и длиннорукие”. А если здесь это важная функция — быть хвостатым и длинноруким? Не между прочим, а по существу, Мария! Напомню, что на Урании в своей геноструктурной лаборатории ты выводила живые конструкции со множеством необычных и неожиданных органов и деталей. Ведь так? Но у каждого нового органа была своя важная функция, ни один не создавался “между прочим”.

Женщина с улыбкой посмотрела на Кнудсена.

— Анатолий, ты продолжаешь попытки обратить меня в свою веру. Но я говорила тебе, что в геноструктурной лаборатории на Урании новые живые формы создаются по разработанным разумным проектам. Не верю в разумность природы. Она работает не по чертежу, не по программе. В ней игра сил, а не проникновенность разума. Вынужденная реакция на внешнюю необходимость. Природа — творец, не отрицаю, но плохой конструктор. И я это всегда буду утверждать.

— Мы, между прочим, для того и отправились в наше хронопутешествие, чтобы выяснить, кто из нас прав, — примирительно сказал Кнудсен.

Асмодей, показывая рукой на экран, закричал:

— Аборигены мешают разведчику. Что делать?

В это время разведчик приближался к башне и поисковик дилонов вклинился между ним и маяком, не давая дороги. Молодой хрононавигатор, Аркадий Никитин, сказал:

— Анатолий, вот прекрасный способ выяснить намерения аборигенов. Они отгоняют от башни — значит, там что-то запретное. Но как они поступят, если продолжим разведку башни? Какие возможности недопущения и защиты?

— Информация методом провокации, — сказала женщина, пожимая плечами. — Не уверена, что это лучший способ знакомства.

— Лезть на рожон не будем, но и сразу отступаться не надо, — сказал Кнудсен. — Асмодей, покажи, что способен уйти от контроля, но большим приближением не нервируй.

Асмодей легко увел разведчик вниз, еще легче оторвался от шара, взмыв вверх. Игра, только начавшись, прервалась. Тускло светившаяся верхушка башни вспыхнула и погасла. Аэроразведчик превратился в клубок пламени, пламя стало облачком пыли, пыль рассеивалась в воздухе. Пассажиры трансмирового корабля молчали, не отрывая глаз от экрана.

— Поделом нам, — прервала молчание Мария Вильсон-Ясуко. — Имели ясное указание, что можно и чего нельзя, и вызывающе не посчитались с этим.

— Обращаю внимание, — доложил Асмодей, — что разведчик перед распадом вдруг завибрировал. В него не попадало извне ни снарядов, ни пуль, он не был облучен силовыми полями. Он вспыхнул и взорвался изнутри, а не от удара извне. Он распался от безмерно усилившейся вибрации. Мне такие методы уничтожения неизвестны. На нас напали неведомым мне способом.

— Не напали, а защитились, Асмодей, — поправил Кнудсен. — Итак, аборигены, столь похожие головой на земных собак, только со змееобразными руками и большим хвостом, искусно защищают свои секреты. Это весьма отранно.

— Что тебя, собственно, радует, Анатолий? — поинтересовался Бах. — Что наши новые знакомцы, с которыми мы, впрочем, еще не познакомились, обладают мощными средствами

уничтожения? Или — конкретней — что без особых усилий превратили в облачко праха наш разведчик?

— И то, и другое, Миша. Ибо оба факта свидетельствуют об их мирных намерениях. Имея такие могучие средства борьбы, они могли бы напасть на нас, но этого не сделали — значит, войны не хотят. А уничтожением аэроразведчика продемонстрировали, что имеют секреты и предлагают в них не проникать. Напомню, что осмотр города и жителей возражений не вызвал. В общем, я надеюсь на дружбу.

— Что мне делать, капитан? — спросил Асмодей. — Запустить второй разведчик, но держать его подальше от запретных башен?

— Не надо. Тебе — дежурить. Нам четверым — спать. После сна высаживаем десант: начальник — Аркадий Никитин, эксперт — Михаил Петер Бах, помощник и охранитель — Асмодей. Мы с Марией страхуем вас защитными механизмами “Гермеса”. Теперь — по каютам.

Пассажиры корабля разошлись.

Рина Ронна притушил экран. На нем виднелся один Асмодей. Этот красивый парень с рожками на голове что-то напевал, трогал гибкими пальцами кнопки и рычаги — важного значения его действия не имели.

— Умный народ эти люди или хрононавигаторы, что, возможно, одно и то же, — с уважением промыслил Ронна. — Даже странно, что существа с такими конструктивными недоработками тела, с таким примитивным обменом информацией — только при помощи слов, не всегда адекватных мыслям, с такими... в общем, что они быстро уловили наши возможности и наши намерения. Ты зафиксировал, что они успели узнать о нас и что мы узнали о них?

Ланна перечислил, что считал самым важным. Они узнали, что защита корабля, непроницаемая для звука, света, корпускулярного излучения, бессильна против гравитационных аппаратов — и догадываются, что эти аппараты в любой момент могут превратиться в орудия истребления. О ротонных прожекторах они представления не имеют. О резонансных механизмах догадываются, ибо аэроразведчик был испепелен перед их глазами. О разрыве времени на Дилоне не знают. Воевать с нами и покорять нас не намерены — и не только потому, что уступают

нам в уровне техники. В отличие от рангунов, хрононавигаторы, они же люди, или человеки, патологической воинственностью не заражены.

— Неплохо, — одобрил Рина Ронна. — Тебе, полагаю, поручат доложить о пришельцах Старейшинам. Основу доклада ты уже выстроил. Противодоклад делаю я. Ты уже обговорил с Мат Магоном ваше взаимоперевоплощение?

— Когда же, Ронна?

— Все же долго не уклоняйся от операции. Появление пришельцев вызовет много событий. Ты должен быть полностью синхронизирован, чтобы не попасть в беду, если возникнут непредвиденности. Говорю это тебе не только как друг, но и как провидец по должности.

— Все сделаю, — пообещал Ланна без энтузиазма.

— Теперь так, — продолжал Рина Ронна. — После сна люди высаживают на Дилону десант. Мы с тобой поведем этот десант в Ратушу. Надо их прозеркалить, без этого — никаких дружеских контактов.

— А если они воспримут прозеркаливание как враждебное действие?

— Не воспримут, Уве. Ты ведь помнишь, что говорил их капитан Кнудсен, так похожий на портрет своего родственника на стене?

— На портрет бога Хроноса, Ронна.

— Я и говорю — не то брата, не то отца. Они поняли, что мы не желаем им зла, а мы знаем, что они явились не воевать, а познавать нас. После прозеркаливания — прием у Старейшин, наши с тобой доклады и окончательное решение Программы Судьбы пришельцев. Подразумеваю программу их пребывания на Дилоне, а не существование вне планеты.

— Ты не боишься, что рангуны помешают приему пришельцев?

— Боюсь. Даже очень. Но надеюсь на разум Кун Канны. Он хоть и служит рангунам, но все же дилон, а не рангун. Он отговорит Ватуту от нового нападения на пришельцев. На всякий случай Братья Опровергатели приняли меры: на всех маяках, на всех батареях резонансных орудий дежурят полные комплекты операторов. Даже хронобойные аппараты задействованы.

Киборг Асмодей для первого выхода на незнакомую планету выбрал свою любимую личину № 17. Он охорашивался, поправлял кудри, складки одежды — высокий, темнолицый, остроглазый, с узенькой бородкой на удлинённом лице, с двумя серебряными рожками, красиво выступающими из курчавых волос, с жесткими усиками, в богатом костюме средневекового аристократа: камзол, короткие штаны, шелковые чулки, шпага на левом боку, сверкающий бриллиантами пистолет — на правом. Мария смеялась, Аркадий хохотал.

— Ты похож по одежде на французского маркиза, а усами — на какого-то немецкого монарха. В общем, помесь дьявола с аристократом. А зачем шпага и пистолет? Устраивать дуэли с аборигенами?

Асмодей выхватил шпагу и ткнул в Аркадия. Лезвие при выпадении удлинилось втрое узким снопиком пламени. Выстрел из пистолета прозвучал неслышно, но Аркадий не устоял на ногах. Впрочем, Асмодей успел его подхватить.

— Одна сотая мощности, — сообщил он, сияя. — А если на полной силе оружия?

— Но зачем такое театральное оформление? Разве бластер с переключателем мощности хуже?

Бластер не отвечает личине № 17, объяснил киборг. Зато в личине № 15 — образе юного звездолетчика — ни шпага, ни пистолет в драгоценных камнях, разумеется, не к лицу. Не годятся они и для личин от № 1 до № 14, копирующих змею, кентавра, волка, сфинкса, корову и прочую живность.

— Аборигенам личина № 17 понравится, — заверил Асмодей. — Вы, люди, мало интересуетесь собственной историей, вы устремлены в будущее. А я без истории не могу. Я еще покажусь тебе в образе грека-рапсода, увенчанного лавровым венком, или старшины гильдии палачей в кроваво-красном плаще, с топором на плечах, или казака-разбойника на лихом скакуне, с пикой наперевес. Обалдеешь!

— Расскажи, почему друзья прозвали тебя Асмодеем, — сказала, посмеиваясь, Мария.

Асмодей охотно поведал, что раньше собственного имени не носил и значился в каталоге как “Конструкция опытная многоцелевая на двадцать четыре функции и девятнадцать обликов”. И вот, прикидывая обертоны к личине № 16, то есть облику

трудяги-лаборанта с большим научным будущим, он для забавы добавил себе светящиеся рожки, усы и бородку, длинные когти на мохнатых руках и усилил сверкание глаз до зловещего блеска. И в таком виде вдруг появился перед одной лаборанткой. Та сперва отшатнулась, потом захохотала: “Ах ты, Асмодей!” Так состоялось крещение киборга-универсала бесовским именем Асмодей.

— Бесовскую внешность я тогда придумал сам, — с увлечением хвастался Асмодей. — Скопировал картинку из книги “Мифические представления древних народов о нечистой силе”. Я только не прирастил себе хвоста. Между прочим, верховных демонов Люцифера и Вельзевула, а также главного Сатану тоже рисуют без хвостов. Хвост — чиновное отличие низших бесов. В низшие бесы мне не захотелось, в верховные дьяволы не пожелал. Стать Люцифером или главным Сатаной — церемониал, жуткая хлопотня, больше парада, чем дела. А я обожаю дело. Оперативность мне по душе, хотя души в меня не встроили. Я спрашивал конструкторов — отвечают: не знаем, как душа выглядит в физической модели, математической формулы души тоже нет. Научная недоработка, по-моему.

Он завершил объяснение нечеловеческим хохотом.

Когда киборг закончил с туалетом, Аркадий попросил разрешения на выход.

— Немного погодим, — ответил Кнудсен. — Меня тревожат новые шары.

Один из шаров недвижно висел над “Гермесом” с того момента, как корабль опустился на полянку в гуще голубых деревьев. Второй шар улетел за аэроразведчиком. А недавно появились еще два шара. Все три были цельные, без иллюминаторов и люков, по их поверхности пробегали цветные волны, шары казались гигантскими мыльными пузырями, тускло поблескивающими в сиянии двух солнц, — одно катилось на закат, другое восходило...

— Что тебя беспокоит? — спросил Аркадий. — Что в каждом шаре сидят аборигены? Нового в этом нет.

— Новое в том, что два шара появились точно к вашему выходу наружу. Уж не поджидают ли вас?

— Если поджидают, значит, подготовили почетный эскорт.

— Но ведь мы им не сообщали, что выходим! И никаких признаков выхода не показали. Как же они узнали о нашем решении?

— Не рано ли мы приписываем аборигенам умения, превосходящие наши собственные? — возразил Аркадий.

— Во всяком случае, умения, отличающиеся от человеческих, мы допустить вправе, Аркадий. Ладно, выводи десантную авиетку.

Когда авиетка вынеслась наружу, два новых шара пристроились к ее бокам. Скоро стало ясно, что они не просто эскортируют авиетку, а задают направление. Аркадий заколебался, куда направиться, вчера аэроразведчик показал несколько мест, заслуживающих изучения. Но оба шара синхронно повернули вбок и придвинулись ближе. В авиетке свободно помещались три человека, но она выглядела крохотной рядом с шарами.

— Приглашают на посадку, — сообщил Аркадий на “Гермес”. — Весьма интенсивно худеют. Я немного покочевряжусь, посмотрю, как они поведут себя.

Оба шара, сокращая объем, плавно опускались вниз. Это могло сойти и за приглашение на посадку. Аркадий задержал авиетку на высоте. Оба шара остановились, словно поджидая. Вместо снижения Аркадий задал автоматам подъем. Авиетка задрожала и закачалась, как на волне. Что-то внезапно заблокировало автоматы подъема.

— Потеряли собственное управление, — передал Аркадий на “Гермес”.

— Не противодействуйте, — отозвался Кнудсен. — Мы все видим. В случае опасности применим защиту.

Аркадий вторично проверил управление. Подъем отключился полностью, автоматы спуска и поворота вяло отвечали на команду — их тоже блокировали.

— Нам разрешают лишь те действия, которые им угодны, — прокомментировал положение Аркадий. — Бездействие тоже разрешено. Остается сложить руки на груди и безмятежно ожидать встречи с хозяевами. Думаю, выключение всех двигателей сойдет за сложенные на груди руки.

В нормальных условиях при остановке двигателей авиетка должна была камнем рухнуть вниз. Но она с той же плавностью, что и шары, опускалась между ними. Шары одновременно коснулись грунта, за ними мягко опустилась и авиетка. На шарах не было и видимого намека на люки, но один шар вдруг распахнулся, и из него вышли два аборигена. Они походили и на сутулых людей, и — еще больше — на вставших на задние лапы крупных собак с непомерно длинными, гибкими передними

лапами. Оба неспешно пошли к авиетке. Хрононавигаторы тоже выбрались наружу. Аркадий заготовил традиционную фразу знакомства: “Земляне приветствуют вас, друзья!” Затем полагалось радушно поднять руку и присмотреться, кого же зачислят в друзья людей.

Все уставные варианты знакомства оказались излишними.

Один из аборигенов протянул внезапно укоротившуюся руку с целым гребешком пальцев и заговорил на хорошем человеческом языке:

— Приветствуем тебя, хроноштурман Аркадий Никитин, и тебя, академик Михаил Бах, и тебя, киборг Асмодей в твоей прекрасной личине № 17! Вы прибыли на планету Дилону в звездной системе Гаруны Белой и Гаруны Голубой. Вы — наши гости. Вас ждут Властительные Старейшины, Конструкторы Различий, Стиратели Различий, Братья Дешифраторы и Братья Опровергатели.

И Аркадий и Бах понимали, что ни при каких ситуациях нельзя стоять с вытаращенными глазами и раскрытым ртом: на Земле это сочли бы невоспитанностью, а доказательств, что на Дилоне нормы общения другие, не было. Бах нашелся первым.

— Вы говорите по-человечески? И знаете наши имена и кто мы? Как это возможно?

— Братьям Дешифраторам пришлось потрудиться, — не то прозвенел, не то пропел дилон. — К тому же вы прикрыли свой корабль оптическими и корпускулярными экранами, даже гравитационные искатели лишь контурно ощупывали его. Но об этом потом. Меня зовут Рина Ронна, я — Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор. Мой друг, Уве Ланна, молодой Конструктор Различий. Мы будем отвечать на ваши вопросы и вводить вас в нашу жизнь.

Все пятеро шли по улице, заполненной аборигенами. Рина Ронна с Аркадием — впереди, за ними Бах с Асмодеем, шествие замыкал Уве Ланна. Почетный эскорт был похож на древний земной конвой для заключенных. Ронна, шагая, разговаривал, Ланна, столь же энергично шагая, не обмолвился ни словом — возможно, не столь хорошо освоил человеческий язык. Бах вдруг обнаружил несообразность: он отчетливо слышал человеческие слова, но звуки, которые дилон произносил ртом, не могли быть словами — они напоминали тихий визг, напев, иногда приглушенный лай. “Мысленно передают слова, а физически не говорят”, — с удивлением зафиксировал Бах.

Аркадий с Бахом рассматривали выстроившихся вдоль дороги дилонов. Их глазами наблюдали жителей и Кнудсен с Марией. Впечатление, что дилоны напоминают поднявшихся на задние лапы собак, лишь силуэтно отвечало облику. Только голова с вытянутым лицом и острыми ушами сильно разнилась от человеческой, да еще слишком короткие ноги при слишком длинных руках. Бах вполголоса заметил Асмодею, что дилонов на отдалении можно принять за пещерных людей. Аркадий мысленно обратился к Марии: если бы ты в своей геноструктурной лаборатории сочетала гены человека с генами собаки и обезьяны, то получилось бы дилонообразное существо.

Аркадий забыл, что дилоны распознают человеческие мысли и что молчаливая передача на корабль так же ясна им, как и негромкое замечание Баха. Ронна доброжелательно напомнил об этом:

— Итак, у нас есть сходство и с людьми, и с неизвестными нам существами — собаками и обезьянами. Надеюсь, собаки и обезьяны пользуются почетом у людей?

Аркадий ответил с полной искренностью:

— Собака — лучший друг человека. А что до обезьян, то мы считаем их своими предками.

Теперь он знал, что надо не только помалкивать, но и воздерживаться от рискованных мыслей. Аркадий вспомнил, что в курсе “Техника безопасности при знакомстве с инозвездными цивилизациями” начинающему астронавту задавали разные вопросы с требованием не допускать никаких мыслей, относящихся к заданным вопросам, — регистратор мозговых излучений фиксировал, удалось ли это ученику. Астронавты дружно ругали запрет спровоцированных размышлений как насилие над интеллектом. Контроль над мыслями — одно из худших явлений древних времен, так высказывались иные. Впрочем, в каждой учебной группе появлялись и свои рекордсмены-мыслемолчалники. Аркадий к ним не принадлежал. Зато сейчас радовался и своей скромной отметке на экзамене по мыслемолчанию.

Улица складывалась из глухих зданий. Каменные пятидесятиметровые цилиндры не имели ни окон, ни дверей, только подземные входы с падающими вниз туннелями. Цилиндры вытягивались в две линии, полоса между ними и была улицей, а на ней такими же ровными рядами, как здания, выстроились дилоны. Ни один не нарушал невидимую запретную линию, но

за ней все толкались, повизгивали, покрикивали и, удлинняя руки, высоко поднимали их над голыми головами. Передатчики хронавтов фиксировали все звуки в толпе, а расшифровку исчерпывали единственным словом: “Радуются!” И Асмодей, легко превращающий всего себя в огромный приемник, обнаружил в поведении дилонов только радость знакомства.

“Наше появление превратилось в торжественный спектакль”, — высказался Асмодей и хохотнул. Ему нравилось, что он — причина дружеского праздника.

Аркадия удивило, что на улице не видно ни одного из транспортных шаров, каких вчера так много обнаружил на той же улице аэроразведчик. Ронна ответил, что шары убраны, чтобы не мешать процессии. Пришельцы могут не беспокоиться о шарах.

Шары появились вскоре после разговора о них. Что-то загрохотало, тяжкий гул пронесся над городом. Дилоны заметались по улице, большинство бросалось в узкие входные туннели домов, но в толчее застревали и валялись один на другого. Ронна что-то прокричал людям, но его самого оттерла охваченная паникой толпа. Ланна тоже пропал. В этот момент в воздухе и возникли транспортные шары и роем посыпались вниз. Шары распахивались, в их зевы вторгались жители. Наполнившиеся шары захлопывались, взмывали и пропадали за линией цилиндрических глухих громад.

И спустя короткое время хронавты обнаружили, что они одни. Аркадий вызвал хронолет. На экранчике наручного передатчика возник салон “Гермеса”. Кнудсен сидел у пульта.

— Что-то чрезвычайное, аборигены впали в ужас, — сообщил Аркадий.

— Мы прикрыли вас силовым щитом, — ответил капитан хронолета.

В недрах снова грохнуло. Вся планета вдруг загудела, запела, застонала, зазвенела, завыла — исторгала из себя на тысячу тонов фантастическую надрывную симфонию, каждый камешек, каждая прослойка голосили то пронзительно режущим, то гулким, как обвал, то дико рычащим звуком. Все вибрировало и содрогалось. И внезапно все внутренние, надрывные вибрации превратились в одну огромную судорогу недр.

Планета вся как бы взорвалась. Людей швырнуло вверх, все трое закачались на высоте — сработала защита. Небо ошалело качалось. Две Гаруны, Белая и Голубая, то рушились за гори-

зонт, то вырывались наверх и валились на другой край неба, как отрубленные на плахе головы. И, в такт метаниям солнц, высотные цилиндры глухих зданий тряслись и изгибались, как былинки на ветру.

А спустя еще некоторое время грохот взрыва стал ослабевать. Планета еще содрогалась, но оба светила перестали носиться в небе взад и вперед, тяжкий гул недр затихал, здания, окаменевавшая, уже не бросались одно на другое. Все возвращалось в то состояние, в каком обреталось перед внезапной катастрофой, как будто и самой катастрофы не было. Десяток минут назад Аркадий не сомневался, что город разрушен и улица, по какой они шли, завалена обломками домов, а под ними погребены дилоны, устремившиеся в туннели. Но здания возвышались невредимые, улица была как улица, только пустая, а с неба лили сияние жаркая Гаруна Белая и ласковая, почти нежная Гаруна Голубая: Белая — большая, Голубая — поменьше.

— Миша, что же это было? — спросил Аркадий. Все трое покачивались на высоте. Кнудсен пока не снимал защиты.

— По-земному — землетрясение, по-местному, наверно, дилолотрясение, — с воодушевлением отозвался академик. Он сиял, как если бы его чем-то порадовали. — Великолепное зрелище! Какая сейсмоустойчивость зданий! Качались и перегибались — но ни одно не разрушилось! Случись такая катастрофа на Земле — и города превратились бы в кучу пыли, и реки вышибло бы из русел, и всюду зияли бы разломы.

На пустую улицу сел вырвавшийся между зданиями шар, из него выскочил Ронна.

— Опускайтесь на грунт, пришельцы!

Кнудсен отключил защиту, и хронавты опустились на землю. У Асмодея восхищение Баха сейсмоустойчивостью преобразовалось по-своему. Он радостно воскликнул:

— Отличный спектакль, дружище Ронна. Игра в паническое бегство разыграна великолепно!

Рина Ронна, Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор — длиннорукий, хвостатый, фигурой смахивавший не то на обезьяну, не то на неандертальца, а лицом на большую добрую собаку, — так выразительно помрачнел, что сразу стало ясно: спектакля не было, было несчастье.

— Асмодей, киборг и обладатель прекрасной личины № 17 и еще многих других личин, ты стал очевидцем не игры, а преступления. Коварные рангуны поразили нас неожиданным на-

падением. И если бы Братья Отвергатели не подготовились заранее, число жертв было бы несравненно выше, хотя и сейчас оно, к сожалению, значительно. Хочу вас заверить, пришельцы, что техника опровержения у нас на высоком уровне. Можете не сомневаться: презренных рангунов сейчас трясет и швыряет еще сильнее, чем они хотели потрясти и пошвырять дилонов. Впрочем, им это не страшно, они бессмертны.

— Так это была демонстрация против нас? — спросил Аркадий.

— И против вас тоже. Рангуны захотели показать вам свою мощь.

— Но если нам грозила беда, почему вы покинули нас?

Рина Ронна изобразил удивление на собакообразном лице. Он мог бы разговаривать не мыслями, трансформировавшись в мозгу людей в слова, а одними гримасами — и было бы понятно.

— Ты забыл, хроноштурман Аркадий, что мы не под силовой броней твоего корабля. Окажись Братья Опровергатели менее бдительны, весь город усеяли бы обломки домов и трупы.

Из туннелей выбирались жители. То тут, то там опускались возвращавшиеся шары, из шаров выпрыгивали дилоны. Но, в отличие от прежней, эта восстановившаяся толпа держалась тихо. Нападение рангунов порядком попортило всем настроение.

Из одного шара вывалился Уве Ланна и молчаливо пристроился на прежнем месте. Асмодей, осклабясь, хлопнул его по плечу. Ланна только взглянул на него большими грустными глазами, не обрадовался и не обиделся, — возможно, не понял, что означает этот странный жест — похлопывание по плечу. В отличие от своего товарища, молодой Различник казался замедленным и постоянно погруженным в размышления.

Так все пятеро подошли к цилиндрическому зданию, замыкавшему улицу. Не только самое высокое, но и самое массивное, оно было к тому же ярко-голубым, а не серо-черным, как остальные. И в него вел не узкий туннель, а просторный коридор, выложенный золотым, ярко светящимся камнем. По обе стороны голубого здания вздымались узкие башни с венцами: одна из таких башен, когда к ней слишком близко подлетел аэроразведчик людей, превратила его в облачко дыма и праха.

— Обиталище Старейшин, — торжественно возвестил Ронна. — Шествуйте за мной, пришельцы.

В просторном вестибюле со стенками из плиток золотого камня и малиновыми колоннами из самосветящихся монолитов Ронна остановился.

— Дорогие гости, раньше, чем мы предстанем перед высокими Отцами Конструкторами Различий и могущественными Отцами Стирателями Различий... В общем, мне и Различнику Уве Ланне поручено вас тщательно прозеркалить. Я сказал “тщательно”, чтобы следовать духу вашего языка и образу ваших действий, ибо, как обнаружили Братья Дешифраторы, у вас имеются три меры исполнения: тщательное, посредственное и халтурное, иначе мерзкое. Правда, не установлено, что вы больше любите, халтурное или мерзкое. У дилонов таких различий нет, все наши операции соответствуют вашему “тщательное”.

Аркадий поинтересовался:

— Прозеркалить? Что это значит?

— Вас усадят перед проникновенными зеркалами. Проникновенными, ибо они сперва проникают, потом отражают. И вы увидите себя, какие сейчас и какие были в юности и детстве. А после посмотрите, какими станете в будущем. Ибо в проникновенных зеркалах вызеркаливается не ваша внешность, а ваша суть. Простая операция, не правда ли?

— Совершенно простая! — Аркадий обалдело поглядел на Баха.

Но академик выказывал лишь любопытство. Он заранее ожидал неожиданностей и разочаровался бы, если бы неожиданностей не произошло.

6

Комната была как комната, такую можно увидеть и в земных зданиях. Высокий потолок чернее сажи создавал ощущение полного отсутствия потолка. Стены — розово-самосветящиеся, широким обводом замыкали небольшое пространство, в центре его стояло на треноге по виду обыкновенное зеркало. В нем бесстрастно и точно отразились оба дилона и хронавты. Ронна раза в два удлинил правую руку, что-то нажал в стене, стена бесшумно раздвинулась, выползло кресло с балдахином и подъехало к зеркалу. Ронна укоротил руку и помахал ею.

— Аркадий, садись и сосредоточься. Углубись в свою душу — такое я открываю в твоих мыслях название предстоящей операции.

Аркадий не был уверен, что именно углубление в собственную душу прочитал в его мыслях Ронна, но подтянулся, как бы готовясь к прыжку. Ронна отвел в сторону Баха и Асмодея — им, видимо, не полагалось лицезреть прозеркаливание чужой души. Дилоны встали позади Аркадия, оба следили за сменой изображений в зеркале, впрочем, по-настоящему их рассматривал один Ронна, а Ланна, только бросив взгляд на изображение, тут же погружался в размышления о нем.

Из зеркала на Аркадия глядел он сам, насупленный, со сжатыми губами, округлившимися глазами. Аркадию захотелось рассмеяться, таким забавным показалось “прозеркаливание”. Он удержался от смеха, но улыбка выползла на лицо. Аркадий знал, что улыбка промелькнула, он чувствовал, как губы раздвинулись, он как бы увидел со стороны свою улыбку — насмешливую, тут же опасно сдернутую с лица. Но в зеркале ее не было, зеркало ее не приняло, оно повторяло все тот же облик — румяный, золотоглазый, с длинными оранжевыми кудрями, спадавшими на плечи. Красивый, в общем, парень, но не улыбочивый, а нарочито хмурый — ухмылка такому не шла.

Удивившись, Аркадий стал всматриваться. Удивление тоже не отразилось. Аркадий вдруг понял, что не узнает себя в зеркале. Он выглядел гораздо моложе и все больше молодел. Он сидел в кресле один и тот же, а изображение показывало поначалу взрослого, гордящегося своей красотой мужчину; мужчина преобразовался в юношу; юноша превращался в мальчишку. И хоть сам Аркадий не сдвигался с кресла и, крепко обхватив его ручки, старался не менять окаменевшей на лице сосредоточенности, лицо в зеркале непрерывно менялось. В нем зарождались и боролись чувства, оно было то гневным, то умиленным, то безмерно удивленным, то ошалело ликующим. Но ни разу его не омрачила злоба, оно ни разу не выразило ненависти. Он был очень разный, этот сперва красавец-мужчина, потом нервный вспыльчивый юноша, потом угловатый, совсем некрасивый мальчик. Но кем бы он ни был — в любую минуту жизни он оставался добрым. Это было главное свойство натуры: то скрытая, то выпирающая наружу, но никогда не отменяемая доброта — и в гневе, и в радости, и в печали, и в ликовании...

— С прошлым у тебя благополучно, — произнес Ронна, и изображение пропало. Аркадий по-прежнему всматривался в гладкую поверхность зеркала, но оно, уже ничего не отражая,

вдруг стало потухшим экраном. Ронна продолжал: — Переключаю на будущее. Полюбопытствуй, кем ты способен стать.

Теперь Аркадий знал, какие изображения дает зеркало, и не удивился, когда снова появился таким, каким сидел в кресле. Изображение стало ощутимо стареть. На переходе от завершенной взрослости в начинающуюся старость изображение замерло. Из зеркала глядел мощноголовый представительный мужчина, в его волнистых волосах посверкивала седина, он теперь походил и на капитана Анатолия Кнудсена, а еще больше на грозного бога Хроноса, висевшего над головой Кнудсена. С минуту Аркадий разглядывал себя, взиравшего из будущего на себя нынешнего, а затем изображение стало меняться. Он оставался тем же, но какая-то огромная ответственность придавила плечи, сделала хмурым лицо. И снова в калейдоскопе сменявшихся изображений зеркало не показало ни злобы, ни иссушающей душу ненависти. Он был суров, но по-своему, по-суровому доброжелателен, — таким увидело необыкновенное зеркало будущего Аркадия Никитина.

— Готово! — сказал Ронна словечком земного фотографа, разрешающего вернуться от парадной позы к обыденности.

— Неужели я и вправду буду таким? — воскликнул Аркадий, вскакивая с кресла.

— Будешь, если будешь, — темно ответил Ронна.

— Как понимать — буду, если буду?

Ронна разъяснил, что проникновенное зеркало изображает возможности тех, кто садится перед ним. И оно моделирует обстоятельства, при каких внутренние потенции способны осуществиться: предсказывает поведение согласно характеру. Однако возможности не всегда реализуются. Удар камнем, налетевшая в бурю волна, пожар в доме, нападение врага и, конечно, разрыв связи времен в организме — и нет будущего. И не станут реальностью потенции, которыми так богат.

— Надеюсь, потенций преступника во мне ваше сверхпроницательное зеркало не обнаружило? — со смехом поинтересовался Аркадий.

Нет, в характере хроноштурмана Аркадия Никитина преступные тенденции отсутствуют. Возможность стать злодеем столь маловероятна, что злодеем ему не быть.

— Твоя очередь прозеркалиться, пришелец Михаил Бах, — объявил Ронна.

Знаменитый на Земле академик Михаил Петер Бах с интересом ожидал, что же откроет ему необыкновенное зеркало, чего бы ни сам он о себе, ни другие о нем не знали. Садясь в кресло, он предвкушал удовольствие от знакомства с собой незнакомым, готовился к раскрытию таящейся в нем неведомой подспудности. Но зеркало не раскрыло никаких тайн. Оно показало, что этот человек, археолог Бах, в сущности своей точно таков, каким предстает в явлении. Он был всегда един и целостен — и в детстве, и в молодости, и в нынешней зрелости — и будет таким же в славной старости, если до нее доживет. Зеркало изображало неутомимого путешественника — “работаю ногами и головой одновременно, такое наше дело”, — говорил он о себе, посмеиваясь. И в грядущем живописало седого, подвижного старичка, веселого и вдумчивого. Старичок глядел умными глазами на себя, сидящего в кресле, жарко и убежденно — не произнося ни слова — что-то доказывал и сердился, что доказательство недоказательно. Миша Бах, так его называли в молодости, так он именовался у друзей, достигнув научных высот, таким же Мишей Бахом подойдет к неизбежной могиле, не обретя имени посолондней.

Бах, однако, почувствовал себя жестоко обиженным. Среди его многочисленных научных успехов был один, последний, значительнейший, — поразительная находка, самое удивительное открытие, какое совершила археология за многие века своего существования. Нет, не просто интересная находка, не просто археологическое открытие, а переворот в воззрении человечества на собственную историю, перемена представлений о развитии всей Вселенной — он и такой огромной формулы не побоится. Разве это его последнее открытие не породило споры на всей Земле, разве не оно вызвало снаряжение еще не бывалой экспедиции в миры искривленного времени, разве не для его проверки сконструировали и оснастили трансмировой лайнер “Гермес”, свободно меняющий в любом уголке мироздания ток физического времени?

И вот — и намека нет на величайший подвиг его жизни! Зеркало показало улыбки и гримасы, ноги, неутомимо шагающие по пустыне, карабкающиеся по скалам, морщины на стареющем лице — мелочи, ерунду, а не единственно важное — великое его открытие.

И оскорбленный Бах хмуро заметил, поднимаясь из кресла:
— Маловато раскрывает тайн ваше волшебное зеркало, Ронна.

— Вполне достаточно, можешь мне поверить, — ответил дилон. — Ты один остался, Асмодей.

Асмодей с готовностью уселся в кресло. Он сразу захохотал, и зеркало отразило это — хохот был важной характеристикой киборга. Еще Асмодей покривлялся, наставив на зеркало рожки, изрядно высовывавшиеся на кудлатой голове, лязгнул зубами, выбросил, поднатужась, облачко дыма из ноздрей, но ничего из этого не отразилось в зеркале. Зато оно как бы распахнуло его по груди и развернуло туловище. Асмодей покоился в кресле, застегнутый на все сочленения своего любимого обличья № 17, помеси древнего аристократа и получиновного беса, а в зеркале показывался умело смонтированными переплетениями аккумуляторов, емкостей, проводов и живых тканей. Затем побежали обличья — кентавр, змея, тигр, человек (то мужчина, то женщина). А после возник лабораторный стенд, и на стенде лежало все то, из чего монтировался киборг. Напоследок зеркало отразило коренную сущность киборга — таблицу цифр и знаков, цифры и знаки сочетались в формулы — программы поведения при разных обстоятельствах.

— Ты ясен, Асмодей, — произнес Ронна, и зеркало превратилось в тусклый экран.

— Вы не полюбовались моими эмоциями, — с сожалением сказал Асмодей. — Мне ведомы все пять человеческих чувств — зрение, обоняние, слух, вкус и осязание; я в них тоньше и острее, чем люди, можешь не сомневаться. Только шестого чувства — любви к особи другого пола — не получил, ибо я внепол. Подчеркиваю, не бесполой, а внеполой. И это, скажу тебе, дилон, мое преимущество, ибо ни страдания неудовлетворенной любви, ни рабское угождение объекту...

— Знаем, знаем, — успокоил его Ронна. — Формулы твоих чувств внушают уважение, ибо составлены с умением и благородством.

— Но вы не посмотрели меня в будущем, — настаивал киборг. — Разве вам не интересно, каким я предстану в грядущем?

— С тобой все ясно, — повторил дилон. — В будущем ты будешь таким же, как в настоящем. А если изобретешь еще десяток личин, это не изменит твоей природы. Теперь, пришельцы, мы перейдем в зал Предварения, там вы зададите мне и Уве Ланне все вопросы, которые придут вам в голову. Затем в зале Утверждения вы предстанете перед Старейшинами — Кон-

структорами Различий и Стирателями Различий. Старейшин возглавляет великий Гуннар Гунна, главный Прорицатель и Утвердитель. Большая честь для вас, гости, появиться перед Вещим Старцем, который будет вас судить.

— Судить? — Аркадий нахмурился. — За какую же вину нас будут судить?

Ронна пояснил, что слово “судить” происходит не от тревожного слова “суд”, которое он читает в мыслях Аркадия, а также и не от плохого слова “осуждать”, которое тоже появилось в мозгу землянина, а от хорошего слова “обсуждать”.

— У вас от одного корня проистекают противоположные оценки, — заметил дилон. — Это затрудняет расшифровку. Теперь пойдем дальше.

Пятерка шла в прежнем порядке: впереди Ронна, посередине люди, позади Ланна. Аркадий заметил, что Ланна не произнес ни единого слова в комнате с проникновенным зеркалом. Его постоянное молчание раздражало Аркадия. Аркадий обернулся к нему и спросил, долго ли им идти. Ланна вздрогнул, но промолчал и на этот раз.

За Ланну ответил Ронна:

— Мы у входа. — И добавил: — Ланне предстоит доклад перед Старейшинами. И это первый в его жизни доклад. Естественно, он волнуется. Не будем отвлекать его от трудных размышлений.

— О чем он будет докладывать Старейшинам? — поинтересовался Аркадий.

— О вас, пришельцы. — И показав на внезапно открывшийся в сплошной стене туннель, Ронна произнес с торжественностью: — Входите в зал Предварения, гости с Земли.

7

Вдоль стен пустого зала стояли скамейки. Первым уселся Асмодей. Он совсем не нуждался в сидении, но демонстрировал, что во всем ведет себя как человек. Бах и Аркадий тоже уселись, у них уже болели ноги от блужданий по городу. Рина Ронна показал гостям, что и дилоны умеют сидеть, но не нуждаются для этого ни в креслах, ни в скамейках: выпростав из-под плаща свой хвост, скрутив его кончик в опорное кольцо, он уселся, как на треноге, на хвосте и обеих ногах. Уве Ланна не умел так красиво сидеть на хвосте, он отошел к стене и скромно

стоял там, молча поглядывая на людей и стараясь вдуматься в их мысли.

— Задавайте вопросы, — предложил Ронна.

Бах взглядом показал Аркадию, что хочет вести беседу.

— Первый вопрос таков: почему вы не задаете нам вопросов? Мы явились из неизвестного вам мира непредвиденно для вас. У людей раньше спрашивают гостей о цели их прихода, потом лишь отвечают на их вопросы.

Ответ Ронны прозвучал неожиданно:

— У дилонов, наоборот, до всего доходят собственным размышлением. Именно о цели вашей высадки на Дилону и размышляет сейчас проницательный Различник Уве Ланна. Уверен, вы будете восхищены глубиной, с какой Ланна обрисует в своем докладе ваши намерения и цели.

— Разве не проще узнать намерения и цели от нас самих?

— Возможно, и проще. Но оскорбительно, ибо равнозначно унижению своего интеллекта, мощи своих познавательных умений. Истинное знание достигается активным движением мыслей, а не накоплением информации пассивными вопросами.

Академику Михаилу Баху понадобилась почти минута, чтобы переварить ответ дилона. Тот спокойно ожидал, пока человек справится с замешательством.

— Мне кажется, вы впадаете в противоречие с собственной практикой, — сказал наконец Бах. — Вы как будто умеете использовать законы природы, но ведь для этого надо раньше узнать эти законы, то есть задавать учителям вопросы и получать ответы.

— Мы сами открывали законы природы, пришелец. Каждый дилон обязан в молодости самостоятельно найти и обосновать хоть один из важных законов мироздания. Наш друг Уве Ланна открыл, что тело, погруженное в воду, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. И с каким блеском он опроверг Опровергателей, старавшихся доказать неправильность этого закона. А я в свои юные годы открыл закон мирового тяготения.

— Неужели другие до вас не знали закона всемирного тяготения?

— Ты меня поражаешь, пришелец. Конечно, все знают. Но кто же признается в таком — от других — знании? Кто

открыто обвинит себя в неспособности к постижению мира? Иные дилоны имеют до сотни собственных законов мироздания — и это не предел. Открытые дилоном в молодости законы природы определяют всю его дальнейшую жизнь. Закон мирового тяготения, найденный и обоснованный мною, внесен в мою личную Программу Судьбы как фундамент для взрослости.

— Я не совсем понимаю тебя, Рина Ронна...

— Но ведь это так просто! Каждый открывает те законы мироздания, которые близки его натуре. В обоснованных закономерностях природы выражается душа, жизненные цели. И когда юноше приходит пора утверждать свою взрослость, составляется его Программа Судьбы, то есть система жизненных целей и методов их осуществления. И в той Программе находят свое место открытые им фундаментальные законы.

— И в твоей Программе нашел место закон всемирного тяготения?

— Естественно! Ибо о чем твердит этот закон, так блестяще мной открыт и защищен от критики Опровергателей? О том, что все различия материальных тел поглощаются общим им всем свойством — притягиваться одно к другому. И когда я доказал, что это всеобщее взаимное тяготение усиливается пропорционально массе тел и обратно пропорционально квадрату разделяющего их расстояния, моя судьба была решена: я стал Стирателем Различий. Моя Программа Судьбы была однозначно решена одной моей научной находкой. Элементарно, не правда ли?

— Ты упомянул Опровергателей. Это что же, общественная функция — опровергательство? И в чем оно заключается? В критике законов природы?

— Отлично, пришелец! Хоть и примитивным способом вопросов и ответов, но ты начинаешь нас постигать. Конечно, Опровергатели критикуют законы природы, это их обязанность в юном возрасте. Все дилоны проходят стадию Опровергательства, но далеко не все превращают умелое опровергательство в главную задачу своей будущей Программы Судьбы. В юном возрасте каждый подбирает достаточно важный, лучше свой, но можно и открытый другими закон природы и опровергает

его — то есть изыскивает условия, при которых этот закон перестает действовать или даже превращается в свою противоположность. Разве у вас формой познания природы не является опровержение ее законов?

— Нет, у людей законы природы не опровергаются. И, честно говоря, я не понимаю, как можно опровергнуть закон мирового тяготения, открытие которого ты закрепил за собой?

— Не закрепил за собой, а просто открыл. Нет одного автора закона мирового тяготения. Тысячи до меня открывали этот закон — и тысячи после меня откроют его. Не только откроют, но и опровергнут, его опроверг Уве Ланна, когда был моим учеником. Он отыскивал условия, когда всемирное тяготение совсем перестает действовать или ослабляется. И как превосходно решил свою задачу! Разве не вес тела является важнейшим параметром тяготения? И разве, погружая тело в воду, он не ослабляет вес? Создавая невесомость, он творит условия, при которых тела теряют самые общие свойства. Такое искусство творить различия там, где они уже стерты в поглотившем их единстве, и стало главной чертой Программы Судьбы Уве Ланны: он сдал экзамен на высокий чин Сына Конструкторов Различий, он ныне — один из выдающихся наших Различников. Вы скоро оцените его по достоинству, когда в зале Утверждения услышите его доклад о вас самих.

— С удовольствием слушаем. Хотя, повторяю, люди не стремятся критиковать законы природы, тем более, не опровергают их...

— Это означает, что вы не умеете строить свою защиту, — заметил дилон. — Ведь враги нападают, используя законы природы. Не будете же вы применять против них использованные ими законы. Это было бы безнравственно.

— На наших планетах у людей нет врагов. Попадают опасные животные, но они нам не враги.

Рина Ронна вдруг рассердился.

— Чудовищно жить без врагов! Аморальное существование. Враги необходимы для обострения разума и утверждения собственного достоинства. Если врагов нет, их надо изобрести. Изобретение врагов составляет одну из прерогатив Конструкторов Различий.

— И много времени они посвящают конструированию врагов? — не без иронии поинтересовался академик.

— В нашу эпоху немного. Теперь нам врагов хватает. Наши враги — рангуны, обитатели второй половины планеты. Эти бессмертные твари с избытком удовлетворяют любую потребность во вражеском противостоянии. В других врагах нужды нет. Мы при вашем явлении, конечно, поразмыслили, не враждебные ли у вас цели. Но ничего враждебного не обнаружили.

— И не могли обнаружить, — подтвердил Бах. — Мы странствуем в мире в прямом и фазовом временах с миссией дружбы, а не вражды. Таково наше человеческое свойство.

В разговор вступил молчавший до того Аркадий:

— Прости, Ронна, примитивность моего интеллекта, но люди не мыслят познания без вопросов, ответа на которые собственным рассуждением не находят.

— Прощаю. Спрашивай.

— Я астрофизик. Меня интересуют закономерности мироздания. Мы повернули к вам наш хронолет, потому что обнаружили удивительное явление. Ваши две звезды существуют в разных физических временах — та, которую вы называете Гаруной Белой, функционирует во времени, практически противоположном времени Гаруны Голубой. Так?

— Так, но не так. Прекрасная Гаруна Голубая существует во времени истинном, но слабом, интенсивно подавляемом зловещей Гаруной Белой. Гаруна Белая функционирует во времени лживом. Это время наших врагов рангунов. Продолжай, иновременник.

— Почему ты называешь нас иновременниками? Ведь физически мы пребываем с вами в одном и том же времени.

— Только в данный момент. Ваш корабль, приближаясь к Дилоне, возник сразу из ничего. Он выпрыгнул из пустоты. Он не вырос из крохотной точки в большое тело, как было бы при подходе издалека. Не приближался, а материализовался. Так могло быть, если ваш корабль возник не из иного пространства, а из иного времени.

— Правильный вывод. Еще вопрос: дилоны и рангуны пребывают в разном времени. Как это сказывается на жизни дилонов и рангунов?

— Вопрос дельный. Жалко, что ты не хочешь самостоятельным ходом мыслей найти на него ответ. Ибо ответ мой будет печален.

Ответ Стирателя Различий походил не на справку, а на речь. По древним преданиям, существовала только одна Гаруна, и

вокруг нее вращалась только одна планета Дилона, и обе они, звезда и планета, существовали в едином времени. И жители составляли один народ, также пребывавший в одном времени. Затем откуда-то примчалась вторая звезда. Физическое время новой звезды не совпало со временем первой. Один ток времени путался с другим током, на планете заметались хроновихри. То одна, то другая звезда, притягивая к себе планету, внедряла в нее свое время — и это порождало великие трудности. На стороне Дилоны, захваченной рангунами, периодически воцаряется то время Гаруны Голубой, то время Гаруны Белой. Отвратительные рангуны впадают то в одно время, то в другое. Им удалось использовать эту неполадку для превращения своей жизни в бессмертное существование.

— Ты сказал — бессмертное существование, Ронна?

— Я сказал — бессмертное существование, друг иновременник. Рангуны смогли растянуть свое бытие на полный период одного из двух времен. Рангун теперь начинает свое детство, когда полновластно господствует время одной из двух звезд, взрослеет в этом времени, начинает стариться в нем — и тут одолевает время другой звезды. И стареющий рангун, не успев умереть, переходит в обратный ток времени и — вместо заслуженной гибели от старости — молодеет, пока не превращается снова в ребенка. А к моменту младенчества время опять меняет свой ход, и рангун повторяет путь в обратную сторону.

— Ты сказал, что ответ твой будет печальным. Тебя печалят качели бессмертного бытия рангунов?

— Нет, нас одолевают собственные недуги. У нас нет периодической смены времен, как на другой стороне планеты. У нас властвует прекрасное время красавицы Гаруны Голубой. Но на него накладывается влияние яростной Белой звезды. Не периодическая смена, а схватка разных времен — вот наша реальность. И от этого нарушается синхронизация в нашем теле. Это тяжкая хворь, человек. Нет большей беды, чем разрыв в тебе твоего единого времени. Иногда мы справляемся с недугом путем перевоплощения — заменяем выпавшие из синхронности органы на другие, естественные либо искусственные. Но и перевоплощение дает лишь временное облегчение. Несинхронизация времени — единственная наша болезнь, и в ней неисчерпаемый источник печали.

Аркадий обернулся к Баху.

— Миша, после твоей археологической находки все мы были покорены идеей, что где-то в глубинах космоса существует Высший Разум — общество инженеров и генотворцов, умеющих распространять по разным звездным системам создания, похожие на нас по образу и интеллекту. В космосе наши звездопроходцы таких жизнесоздателей не обнаружили. Теперь и в фазовом времени...

Рина Ронна, Стиратель Различий и Дешифратор, радостно прервал Аркадия Никитина, штурмана хронолета “Гермес”:

— Иновременник! Вы попали, куда стремились. Дилоны — воплощители Высшего Разума. Глубже нас немислимо познать природу и себя. Ты это сразу поймешь, когда предстанешь перед собранием Старейшин. Высший Разум мироздания, воплотившийся в Отцах Различниках и Отцах Стирателях, а также частично в Братях Дешифраторах, изобразит вам самим, пришельцы, кто вы по своей сущности, а не только по облику.

8

Люди вошли в круглое помещение с четырьмя амфитеатрами, с таким же черным, пропадающим в незримости потолком, как в двух других залах, с такими же излучающими мягкое сияние стенами. В одном из амфитеатров — всего на три ряда кресел — восседало двенадцать дилонов в малиновых плащах, четверо в каждом ряду: Отцы Конструкторы Различий, — протелепатировал людям Ронна. На втором амфитеатре, напротив первого, заседало двенадцать дилонов в фиолетовых плащах — это были Отцы Стиратели Различий. А в боковом амфитеатре разместились шесть дилонов в зеленых плащах и еще шесть в желтых — Братья Дешифраторы и Братья Опровергатели: первые — справочные кладези знания, вторые — начальники боевых башен, готовых в любой момент отразить любое нападение рангунов, как с уважением обрисовал Ронна их общественную функцию.

Четвертый амфитеатр, напротив Дешифраторов и Опровергателей, предназначался для обсуждаемых. Для обвиняемых, — подумал по старинной земной терминологии Аркадий, но тут же поправил себя, вспомнив, какое различие провел Ронна между обсуждением и осуждением. В первом ряду пустого четвертого амфитеатра уселись трое хронавтов, рядом Ронна и Ланна. Ронна вручил людям небольшие шарики, чтобы вставить в уши:

посредством таких шариков Братья Дешифраторы переведут мысленную речь дилонов в человеческую. Асмодей немедленно запихнул шарики в оба уха и радостно хохотнул: ему нравилось, что к его богатейшей дешифраторской аппаратуре для всех языков и кодов добавились и эти забавные белые шарики. Бах с Аркадием не торопились вставлять шарики в уши: в зале Утверждения стояло молчание. Малиновые, фиолетовые и зеленые воплоители Высшего разума не двигались и не разговаривали, только в семьдесят два глаза всматривались в тех, кого собирались обсуждать.

Хрононавигаторы быстро обнаружили, что дилоны в одном амфитеатре не похожи на восседавших в другом. Дешифраторы и Опровергатели, как и Ронна с Ланной, тоже были собаководны — вытянутые рты, высокие уши, торчком стоящие на голокожей голове. Лишь розовая кожа щек, способность улыбаться и выпуклые умные глаза сближали их облик с человеческим. Зато Конструкторы Различий гораздо больше напоминали человека, только пещерного — выпяченные губы, скошенные лбы, глубоко посаженные глаза. И вовсе иными выглядели Стиратели Различий: у каждого львиная, а не человеческая и не собаководная голова, огромная, тонущая в пышной гриве зеленых волос; острые светлячки глаз...

Понимая, что показывает свою примитивность, распрашивая там, где надо бы достичь понимания собственным рассуждением, Аркадий все же обратился к Ронне с вопросом: почему Старейшины так различны? Не связан ли их облик с выполнением государственных функций? Не подбирают ли в Дешифраторы и Опровергатели только собаководных, в Конструкторы — человекообразных, а в Стиратели — львиноликих? Ронна с любезностью разъяснил, что удивляется наивности людей, так странно совмещающих остроту мысли с непониманием простейших явлений. Конечно же, облик связан с государственными функциями. Но не он определяет сан в иерархии, а, наоборот, полученный ранг вызывает перемену облика. Так и он, Ронна, пока Сын Стиратель, выйдя в следующий ранг Отца Стирателя, переменит свою собаководность на львообразность. Операция естественная, не так ли?

— Простая и каждому понятная, — подтвердил Аркадий.

Один из Стирателей выделялся высоким ростом и величавостью, волосы в его зеленой гриве отливали желтизной. Ронна протелепатировал, что перед хронавтами глава Стирателей Раз-

личий, Старейшина всех Старейшин Гуннар Гунна. И если бы он стал перечислять все открытые Вещим Старцем законы мироздания и общества, все отличия, чины, саны и ранги, приобретенные Гуннар Гунной за долгое пребывание в иерархии, то у гостей из других миров не хватило бы ни прямого, ни кривого, ни фазового времени, чтобы уложить все эти сведения в своей голове.

Гуннар Гунна начал заседание Старейшин, как принято у людей, — вступительным словом.

— Слушаем дело о гостях из иных миров. Первый доклад поручен молодому Конструктору Различий Уве Ланне. Он общался с пришельцами с момента их появления на Дилоне. Будьте к нему благосклонны.

Уве Ланна поднялся, люди и киборг уселись боком, чтобы глядеть на докладчика. Ланна волновался — нервно удлинялись и сокращались руки, тело подергивалось, голова подрагивала на шее. Но в мыслях путаницы не было — и Бах и Аркадий с удивлением обнаружили, что молодой Различник рассуждает логично. От молчаливого спутника, постоянно погруженного в какие-то размышления, они не ожидали такой свободы мысли-изъявления.

Над Дилоной, докладывал Уве Ланна, появился чужой корабль. По мощности — звездолет, по типу — хронолет, способный пересекать мировые потоки времени и менять течение своего собственного корабельного времени. Хронолет сделал несколько облетов планеты, выбирая место для посадки. Проклятые рангуны и низменные хавроны, их воины и операторы, пытались посадить корабль на своей стороне, но хронолет игнорировал их вызовы. В полете над планетой он вначале лишь частично материализовался в двух местных временах и виделся в каждом скорее призраком, чем вещественно. Овеществившись в нашем времени, корабль опустился в районе Голубой Роши и попал под опеку охранных маяков. В момент спуска пришельцев обстреляли рангуны. Охранным маякам удалось лишь незначительно ослабить удар рангунов, зато корабль собственными средствами легко отразил нападение.

Для предотвращения новых атак корабль прикрыл себя оптическим щитом и впал в невидимость. Наблюдения показали, что у хронолета надежна защита от оптики, ядерных частиц, гравитационных волн и колебаний времени. В лучах ротонного прожектора он прозрачен. И, нет сомнения, удар ротонных ору-

дий отразить неспособен. К счастью, у рангунов нет ротонных аппаратов.

Экипаж хронолета “Гермес” состоит из пяти особей, продолжал Уве Ланна. Четверо — естественной природы, пятый — искусственник. Естественники именуют себя людьми, каждый обладает еще характеризующим названием, приставляемым к кличке “человек”.

— Перечисляю их в порядке замеченного различия рангов: человек, он же хронофизик, он же капитан, Анатолий Кнудсен; человек, он же академик, он же археолог, Михаил Бах; человек, она же женщина, она же геноинженер, она же геноконструктор, она же Мария Вильсон-Ясуко; человек, он же хронофизик, он же хроноштурман, он же Аркадий Никитин; и, наконец, киборг, он же Асмодей, он же “конструкция опытная многоцелевая на двадцать четыре основные функции и девятнадцать обликов с обертонами”.

Пришельцы, рассуждал Уве Ланна, отдаленно напоминают дилонов, но при разработке конструкции людей допущены серьезные просчеты. Недоработка тела: короткие, негибкие руки, слабые ноги, отсутствие хвоста, неповоротливая шея — даже поворот головы на ней не сделать, — полная неспособность удлинять руки и шею; хотя биоинженеру, конструировавшему людей, наверняка было понятно, что подобная омертвелость органов в однажды заданном размере серьезно осложняет функционирование организма в меняющихся условиях. Трагична нехватка жизненных запасов в теле. Людям вечно не хватает воздуха, они вынуждены непрерывно дышать, хотя вмещение в тело хотя бы суточного запаса воздуха составляет вовсе не сложную биоинженерную задачу. Но не только воздуха не хватает людям, они испытывают частые позывы к еде и питью: трижды в сутки возобновляют в теле запасы пищи и воды. И несмотря на такое постоянное пополнение воздухом, пищей и жидкостью, людьми овладевает порой внезапное бессилие, они тогда впадают в неподвижность, равнозначную короткой смерти. Это непростительное действие, отнимающее у каждого добрую треть его жизнеактивности, они называют сном. И что всего удивительней, незаметно, чтобы впадение в ненужный сон серьезно огорчало их. Еще несовершенней человеческие методы взаимной информации. Их мозг, как и наш, генерирует отдельные мысли, хотя способность к длительной мыслительной концентрации остается под сомнением. Каждой мысли, как и у

нас, соответствует свое мозговое излучение. Но оно так слабо, что не передается из мозга в мозг непосредственно, ибо экранируется черепной коробкой. И вместо того, чтобы ослабить поглощающую силу черепа либо существенно усилить энергию мыслиизлучения, конструкторы человека возложили донесение мыслей на звуки, совершаемые ртом попутно с мыслиизлучением. Это равносильно тому, как если бы они пытались почесать ухо не рукой, а ногой (хотя, по нашим наблюдениям, ногами люди своих ушей не чешут). И последнее. Чудовищно короток их жизненный срок. Люди в их времени живут не больше ста лет, что при пересчете на наше время дало верхний предел жизни примерно в десять раз меньший, чем у дилона. В пределах такой короткой жизни, да при несовершенной телесной конструкции, да при неэффективных методах общения — ни один человек не способен совершить чего-либо по-настоящему выдающегося. Наш общий вывод таков: модель организма, именуемого человеком, выполнена по проекту поспешному и примитивному.

Гораздо совершенней киборг Асмодей, продолжал докладчик. В этой модели видится разумная программа. Но киборг разработан лишь как дополнение к человеку, ибо в него не внедрено стремление к самовоспроизводству. В результате всестороннего размышления мы пришли к заключению, что и людей, и киборгов создали одни и те же биоинженеры, но раньше людей, а потом киборгов. И, сообразив, насколько неудачна первая модель, попытались исправить недоработки в новой конструкции. Остается неразгаданной проблема, почему творцы людей и киборгов вообще не уничтожили свою первую несовершенную модель, то есть людей, и не заменили их полностью второй, более удачной моделью. Этот странный факт сохранения людей при наличии более совершенных асмодеев вызывает обоснованные сомнения в профессиональном умении и моральном уровне биоинженеров, создавших людей и киборгов.

— Перехожу к цели посещения людьми и киборгами прекрасной планеты Дилоны, — продолжал Уве Ланна. — Это, несомненно, труднейшая из загадок, порожденных появлением пришельцев. Первые попытки высветить ее дали неоправданный разброс ответов. Но в результате сложной серии вычислений, а также длительных эффективных раздумий мы готовы предложить Высокому Суду ровно восемнадцать

возможных целей прилета к нам пришельцев из иного времени.

Аркадий со смехом прошептал Баху:

— Мы с тобой интеллектуально и конструктивно недоработаны, но все же не стали бы при помощи математики допытываться о цели прилета, а просто спросили бы: "Зачем прибыли?" И вместо восемнадцати ответов получили бы один, но он удовлетворил бы нас больше, чем восемнадцать.

Бах ответил:

— Вот ты и доказал свое несовершенство. Уверен, что, выслушав восемнадцать ответов на один вопрос, мы узнаем о своих намерениях многое, о чем сами не подозревали. Между прочим, в той критике, которой молодой Различник Уве Ланна подверг телесные недостатки человека, содержится много правды. Ты не находишь?

— Молодой! После того как он сравнил пределы жизни людей и дилонов, я начинаю думать, что в его молодости содержится больше лет, чем у любого нашего старика. А что до критики несовершенств человеческого организма, то точно такую же критику мы с тобой слышали от Марии, когда она демонстрировала нам на Урании свое лучшее творение — Асмодея. Просто удивительно, до чего совпали их рассуждения.

Уве Ланна в это время, нумеруя, перечислял причины прилета пришельцев.

Первая причина — авария. Повреждение хронодвигателей забросило иновременников в поток времени, куда они не собирались проникать. Эта причина недостоверна, ибо ротонное просвечивание не показало и намека на какие-либо разрушения в хронолете.

Вторая причина — желание вмешаться во вражду дилонов и рангунов. Очень маловероятно, ибо от рангунов чужой корабль увернулся, а от дилонов пытался опасно экранироваться силовыми щитами.

Третья цель — попытка завоевания Дилоны для колонизации ее людьми или киборгами, народом искусственников, по всему ныне более многочисленным на их далекой Земле, чем люди. Такую цель нельзя исключить, хотя неисполнимость ее очевидна и разуму, далекому от Высшего.

В-четвертых, похвальное желание, которое на примитивном языке людей называется "поучиться уму-разуму". Цель осуществима, но трудна в силу интеллектуальной ограниченности людей.

Остальные четырнадцать возможных причин появления пришельцев, приведены в сводной таблице, где каждая дана с вероятностью до тысячных долей — более точная оценка недостижима из-за расплывчатости исходных данных.

На потолке засветился экран, на нем вспыхнули знаки и цифры. Бах деловито поинтересовался у Ронны, почему среди восемнадцати причин прилета не упомянуто стремление к знанию, потребность распознать неопознанное.

Ронна разъяснил:

— Этой цели приписана нулевая вероятность. Она включена как теоретический довесок в практическую потребность “поучиться уму-разуму”.

— Это не одно и то же, — возразил Бах.

Заключение Уве Ланны было пессимистично. Люди мало пригодны для общения. Чрезмерность конструктивных недоработок в их организмах и несовершенство интеллекта не позволяет им встать вровень с дилонами. В качестве временных гостей их принять можно, в качестве постоянных сожителей — нет. Кораблю, странствующему в разных потоках мирового времени, надлежит покинуть планету.

Ланна сел. Старейшина Гуннар Гунна возгласил:

— Поблагодарим молодого Различника за воодушевляющее сообщение. Второй доклад сделает Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор Рина Ронна. Пожелаем успеха и Рина Ронне.

Рина Ронна, встав, преобразился. Огонь лился из его глаз — они, как и у Старейшины Старейшин Гуннар Гунны, уже не только светились, но и освещали. В каждом движении удлинившихся рук, в каждом резком повороте головы на свободно крутящейся шее ощущался огонь. Тут и Бах, и Аркадий узнали, как развито у дилонов искусство спора и как мастерски пользуются им называющие себя Стирателями Различий. Ронна не отвергал фактов, отмеченных Уве Ланной, только ограничивал их — смягчал выводы, а не исходные положения. Конструктор Различий безошибочно установил десятки отличий людей от дилонов, Стиратель Различий столь же безошибочно доказывал, что они не могут стать препоной для дружеского общения людей и дилонов.

— Да, конечно, люди и конструктивно недоработаны, и силой интеллекта уступают дилонам, и их передача мыслей несовершенна, и срок их жизни печально невелик. Но что из того? Разве мы обречены общаться только с полноценными предста-

вителями Высшего Разума, подобными нам самим? Разве наши дети интеллектуально и физически равноценны взрослым дилонам? И разве жизненный срок детства не меньше вдесятеро полного времени бытия дилона, включающего в себя и краткое детство, и продолжительную взрослость, и непродолжительную старость? Так примем людей как существа, пребывающие в нашем интеллектуальном и физическом отрочестве. Пусть они станут для нас нашими инодетьми из дальних миров. Ибо ни одно из справедливо очерченных различий людей от дилонов не способно стать причиной вражды.

— И последняя проблема, — продолжал Рина Ронна, — цель прилета инновременников на Дилону. Мы узнали восемнадцать мотивов их появления у нас. Но общая сумма вероятностей всех целей прилета составляет всего ноль целых шестьдесят одну сотую. Лишь немногим больше половины достоверности! Предлагаю поэтому Дешифраторам и Различникам продолжить свои глубокие изыскания, а Старейшинам не класть в основу своих решений мало достоверные предположения о целях появления пришельцев.

Рина Ронна, закончив доклад, продолжал стоять. Встал и первый докладчик. Аркадий поглядел на Баха — не следует ли теперь встать и им? Бах сказал, что пока дилоны прямо этого не велят, он и не подумает подниматься. Трое землян продолжали сидеть, ожидая приговора Высокого Суда, а над ними, молчаливые и неподвижные, возвышались во втором ряду четвертого амфитеатра два докладчика — Различник Уве Ланна и Стиратель Рина Ронна.

В зале простиралось каменное молчание. Все Старейшины пребывали в неподвижности. Люди понимали, что молчание только кажущееся, реально Старейшины в это время обмениваются мыслями и, возможно, спорят, только людям не переводят свои соображения и споры.

И когда, по мнению Аркадия, молчание слишком уж затянулось, до них донеслись слова Гуннар Гунны. Вещий Старец все так же недвижно сидел в первом ряду первого амфитеатра, ни малейшее движение не трогало его губ, а в сознание людей внедрялся приговор:

— Считать отличия пришельцев от дилонов второстепенными и принять иноплеменников как дорогих гостей. Предлагаю также двум пришельцам, оставшимся на хронолете, выйти в

город для радостного знакомства с нами. Благодарю докладчиков и Высоких Судей.

Даже в бесстрастном переводе мысли на человеческий язык было явно, как обрадовался Рина Ронна:

— Теперь вы — наши друзья! Поняли мощь мысли Верховного Воплотителя Высшего Разума? Как он постиг вас! Как постиг!

К удивлению хронавтов, радовался решению Высокого Суда и Уве Ланна, предлагавший изгнать людей с Дилоны. Он все повторял, вдруг изменив своей молчаливости:

— Я так счастлив, иновременники! Я боялся, что Высокий Суд согласится с моими доказательствами — и изгонит вас. А он не согласился — большей удачи я и не желал себе!

Бах обратился к Ронне:

— Не мог бы я поговорить со Старейшиной Старейшин Гунной?

Ронна подвел хронавтов к Вещему Старцу.

— Хотел бы задать несколько вопросов, — начал Бах.

— А не кажется ли тебе, что ты мог бы, поразмыслив, и сам высчитать ответ на интересующий тебя вопрос? — дружелюбно поинтересовался Старейшина Старейшин. — Ведь выпрашивание вместо самопостижения унижает Высший Разум.

Бах ответил с живостью:

— У людей выпрашивание не считается зазорным. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Итак, мой первый вопрос. Почему так разделены функции Различников и Стирателей? Разве для познания любой истины не достаточно ее отличия от всех других истин, тем более от заблуждений? Если дважды два четыре, а четыре — это не три, не десять, не козел с рогами и не сапоги всмятку, то зачем еще подвергать такую непреложную истину дополнительной проверке на достоверность?

Старейшина Старейшин ответил, что ему не совсем ясна разница между козлом с рогами и сапогами всмятку, о чем так красиво сказал иноплеменник, эта разница требует особого размышления. Но отличие четырех от трех и, тем более, от десяти нестираемо и потому должно быть утверждено. Но далеко не всегда возможны такие простые решения. Бывало в истории Дилоны, когда поверхностно установленные причины приводили к вредным действиям. Так возникла ужасная война между

дилонами и рангунами, а ведь ее могло бы не произойти, если бы проанализировали на стираемость разделившие оба народа расхождения. Без утверждения стираемости ни одно различие не может быть принято как реальное.

— Критический подход, достойный Высшего Разума. Вы назвали войну между дилонами и рангунами ужасной, а мне объясняли, что существование без врагов на Дилоне считается аморальным, ибо без этого нельзя обострить разум и утвердиться в собственном достоинстве. И что изобретение врагов является одной из прерогатив Конструкторов Различий...

Баху показалось, что на какую-то земную минуту Гуннар Гунна испытал замешательство. Но он не без основания считался Верховным Воплотителем Высшего Разума.

— Да, враги нужны. В смысле — противники. Именно такими противниками предстают между собой Различники и Стиратели. Их противоборство высветляет глубину познания. Но заметь, иновременник: противоборство, а не война. Борьба, а не истребление. Опровержение, а не убийство. А наша война с рангунами, когда-то начавшаяся как взаимное противоборство мнений, давно преобразовалось в схватку на гибель. Ужасная война! Ты был свидетелем, как рангуны пытались резонансными ударами через толщу всей планеты разрушить наш город. Что в этом хорошего? Меня охватывает глубокая печаль, пришелец, когда я думаю о том, что рангуны непрерывно совершенствуют свои резонансные механизмы, а ведь никакому совершенствованию нет предела. А если им удастся поставить себе на службу околополюсные хроновороты? Поразмысли, иновременник: хроноворот, выпущенный из своих диких пустынь! Да он же истребит все живое! Моя должность — провидение. Провидца не может не терзать страх перед грядущим. Этот страх — единственная гарантия того, что ужасы не выйдут за узкие межи возможностей, ибо страх принуждает искать средства опровержения его.

Даже в словесном переложении этой мысли ощущалось, что сердце Вещего Старца поражено великой печалью. Бах испытывал сочувствие к нелегкой доле Главного Провидца. Ему, однако, показалось, что есть вариант, которого не нашел Старейшина Старейшин.

— Итак, война длится долго и приносит массу горя обеим

сторонам, но разве нельзя завершить многолетнюю распрю миром?

— К сожалению, невозможно. Чтобы установить мир, нужно стереть причины войны.

— Так сотрите их, черт возьми! Я хотел сказать — с вашим разумом, с вашим умением пренебрегать несущественными различиями...

— Я понял твой благородный порыв, иновременник. Но опровергнуть причины, вызвавшие войну, мы не можем при всем своем, так справедливо тобой оцененном, искусстве Стирания.

— Они так глубоки, эти причины?

— Этого мы не знаем.

— Не знаете причин войны?

— Не знаем. Все было так давно, что и мы, и рангуны забыли, из-за чего началась война. И теперь не способны точно установить, заслуживают ли эти причины сохранения или их можно стереть.

— Вот и отлично! Раз вы не знаете причин войны, то и войны не должно быть. Это же так очевидно!

Старейшина Старейшин протелепатировал с укоризной:

— Иновременник! Как же мы можем прекратить войну, если не опровергнуты породившие ее причины? И как можно опровергнуть их, если не знаем, каковы они? Неужели тебе непонятно, что нельзя уничтожить то, чего нет? А ведь все так просто!

— Та самая простота, которая хуже воровства. Нет, нет, не спрашивайте, что такое воровство, вам этого не понять, у вас этого нет.

— У нас все есть, — с достоинством отпарировал Вещий Старец. — И мы никого не спрашиваем, ибо до разгадки любой тайны доходим мощным усилием своего разума. И легко сами уясним, что такое воровство, о котором ты сказал, что оно лучше простоты, а ведь простота так прекрасна! У тебя еще есть вопросы?

— Последний. При такой мощи мысли вы никогда не пробовали высчитать, сколько ангелов может поместиться на острие иглы? У нас когда-то подобный подсчет считался наилучшей проверкой интеллекта.

Вещий Старец, поразмыслив, объявил:

— Об ангелах я знаю из ваших мыслей. В них дешифраторы обнаружили хорошие слова: “ангельские голоса”, “ангельская

доброта”, “машет крыльями, как заблудившийся ангел”, “ангельская наивность”. Дешифраторы сделали заключение, что ваши ангелы — крылатые домашние животные, которых вы опекаете и над которыми иногда дружески посмеиваетесь. Но что такое игла — не установлено. Трудная проблема иглы потребует размышления.

— Не трудитесь! Вот игла!

И Бах показал вынутую из куртки иглу. У Старейшины Старейшин засверкали глаза от воодушевления.

— Великолепная загадка! Давно мы не анализировали столь увлекательных секретов мироздания. Ручаюсь, инновременник, что только мы способны найти удовлетворительное решение мучительной для людей тайны, сколько ангелов можно разместить на острие иглы. Ты вскоре это узнаешь для всех пород ваших домашних ангелов — двукрылых и четырехкрылых. По некоторым расшифровкам у вас водятся и шестикрылые.

— Водились в сознании древних народов. Их называют серафимами. С тех пор как мы ликвидировали старинные мифы, серафимы перевелись, а вместе с ними и все другие ангелы.

Гуннар Гунна радостно кивнул львиной головой — взметнувшаяся грива закрыла его лицо. Могучая копна волос, так сильно отличавшая его от гололобых дилонов, очень шла всему его мощному облику.

— Понимаю. Мифы были у вас вроде загончиков, где вы содержали своих крылатых друзей. В общем, не тревожься, инновременник, наши вычисления будут достоверны. А теперь возвращайтесь на свой корабль вместе с Различником Уве Ланной и Стирателем Рина Ронной. Пусть наши посланцы осмотрят ваш хронолет и разберутся, насколько люди отстали в использовании и опровержении законов природы от воплощений Высшего разума.

9

Аркадий жестоко бы соврал, если бы сказал, что его обрадовало веление Старейшины Старейшин вести обоих дилонов на хронолет. Такие экскурсии мог разрешить только капитан корабля. Аркадий соединился с Кнудсенем и Марией.

— Вас ждут в гости на нашем корабле, — сказал Аркадий обоим дилонам после разговора с Кнудсенем.

На этот раз они шли по пустой улице. Авиетка стояла где-то в ее конце. Аркадий удивился, что нигде не видно дилонов, и хотел было спросить у Ронны об этом, но вспомнил, что дилоны считают интеллектуально неполноценными тех, кто пристаёт к ним с вопросами, и промолчал — только высказал свое недоумение Асмодею. Киборг ответил, что чувствует какой-то непорядок и в себе, но не может разобраться, что к чему, — его приемники ничего существенного не фиксируют. Бах заметил, что неплохо бы киборгу позаимствовать остроту восприятия у дилонов, тогда бы он смог без специальных приемников и датчиков самостоятельно вычислить смысл любых непорядков. У киборгов обидчивость не была запрограммирована, но Асмодей вдруг огрызнулся, что самоусовершенствованием надо заняться людям, а не ему — все восприятия у него на порядок острее, чем у человека.

Аркадий бросил взгляд на склонившего голову Ронну и споткнулся. Ронна так вытянул шею и так склонил голову налево, что она почти падала с плеча. Нижняя челюсть отвисла, глаза потускнели, безволосая голова побелела. Он путался в шаге, что-то тихонько вывизгивал. Но еще больше испугали Аркадия руки дилона. Он удлинял их, когда хотел в два обвива охватить свою грудь, а сейчас они как чужие, будто тряпичные волочились по грунту, когти на десяти пальцах каждой руки сухо постукивали по камням.

Аркадий схватил Ронну за плечо и заорал:

— Что с тобой?

Ронна приподнял голову. Ретрансляция мыслей в слова шла неровно, через каждые несколько слов прерывалась. И каждую фразу сильней обычного сопровождало повизгивание:

— Не понимаю... У меня ломит кости... Мутит... Иновременник, постоим... Уве Ланна, где он? Пусть он...

Уве Ланна плелся позади, так глубоко погруженный в мысли, что непорядок в окружающем мире до него не дошел. Он вздрогнул, когда посмотрел на обессилевшего Ронну, и стал тревожно оглядываться.

Аркадий взглянул на небо. С двух сторон зенита сияли по полдnevному роскошная Гаруна Белая и нежная Гаруна Голубая — Аркадию почудилось что-то зловещее в ее ласковом блеске. Аркадий перевел взгляд на ручной передатчик. На экранчике возникло встревоженное лицо Кнудсена.

— Торопитесь к авиетке! Что-то нехорошее вокруг вас, но наши анализаторы пока не дают однозначного ответа.

Аркадий потянул каменно застывшего в трудном размышлении Ронну, но тот лишь с трудом пошевелился. Бах, присоединив свои усилия к усилиям Аркадия, энергично приказал дилону:

— Двигайся, дружище! Бери ноги в руки! Да не толкуй мои слова так буквально, это образное выражение. До чего же вы, друзья, неповоротливы и неоперативны!

Асмодей в эту минуту возился с Ланной. Молодой Различник, уяснив себе какую-то опасность, вдруг, как и его старший друг, впал в бессилие. Асмодей взвалил на себя Уве Ланну и побежал вперед. Аркадий с Бахом тянули Ронну, в полной прострации волочившего по камням и ноги и руки. Бах крикнул Аркадию:

— Спешу к авиетке и готовь ее в полет. Я как-нибудь дотащу этого слабака!

Аркадий оставил Баха с Ронной и быстро обогнал Асмодея.

Авиетка стояла на том же месте, в сторонке покоились два шара дилонов, недавно конвоировавшие хронавтов. Аркадий заколебался — пятерым в авиетке не разместиться, дилонов нужно сажать в их шар. Но смогут ли они, обессиленные, управлять своим летательным аппаратом? Аркадий включил ручной передатчик и услышал приказ командира “Гермеса”:

— Пусть Асмодей с Ланной сядут в шар. Страхую охранным полем. Скорей, скорей!

— В шар сяду я с Ронной! — крикнул подоспевший Бах и подтащил Ронну к одному из шаров.

Ронна, протянув длинные руки, ощупью, как слепой, цеплялся за раскрытый зев шара, но не мог впихнуть свое тело. Сильным толчком Бах вбросил дилона внутрь и впрыгнул сам. Асмодей проворно влез в авиетку, положил Ланну на скамейку. Аркадий вскочил следом и мигом задраил дверь. Голос Кнудсена прокричал:

— Ко мне!.. — и прервался, не договорив.

То, что совершилось в следующую минуту, — Аркадий это сразу понял — должно навеки остаться страшной картиной в его памяти. Прикинув к окну, почти не дыша от негодования, он все же не мог оторвать глаз от того, что совершалось на поляне.

Оба шара — и пустой, и тот, в каком укрылись Бах с дилоном — вдруг затряслись, завибрировали, зазвенели живыми

голосами и покатались от авиетки. Отдалившись на десяток метров, пустой шар заметался в траве и стал распадаться на части. В воздухе не было ветра, ни одна травинка не шевелилась, а шар разбрызгивало, как взрывом. Не прошло и десятка секунд, как по земле катились, подергиваясь, лишь осколки летательного аппарата.

Второй шар взлетел, но на первых же метрах полета распад настиг и его. Из шара выпал Ронна, его подбрасывало и катало по траве, он судорожно хватался обеими руками за стебли и камни, но не мог удержаться: какая-то мощная сила крутила и несла его.

Шар, в котором оставался Бах, беззвучно распадался в воздухе. Аркадий судорожно хватал рычаги, нажимал на кнопки — надо было немедленно взлететь и мчаться за гибнущим шаром, чтобы выхватить Баха, пока тот еще боролся за свою жизнь в разваливающемся аппарате. Но авиетка не слушалась команд: трижды, четырежды, десятки раз давил Аркадий на кнопку взлета, а взлета не было, и остатки шара медленно уносились от авиетки.

Шар повернулся в воздухе, и Аркадий снова увидел Баха. Археолог распластался всем телом по боковине шара, руки вцепились в какие-то обнажившиеся тяги и провода, ноги впились в неровности бывшего пола. Человека трясло вместе с шаром, бросало то вверх, то вниз, то вправо, то влево, а он не отрывался от тех обломков, за которые так отчаянно цеплялся. Остатки шара пропали между деревьями, а затем в чаще синего леса вспыхнуло багровое пламя и донесся грохот. Еще спустя мгновение пламя погасло, а крутящиеся остатки двух шаров, словно гонимые бурей, все уносило и уносило в безветренном воздухе, не способном пошевелить и травинки. И вдалеке от авиетки, на самом краю поляны, смутно чернело уже неподвижное тело Рина Ронны, да в древесной чащобе расплывалось светлое облачко — дымное свидетельство взрыва.

До Аркадия наконец дошло, что кто-то рвет его руки, судорожно зачоченевшие на пульте.

Аркадий услышал молящий голос Асмодея:

— Аркадий! Пусти к пульту! Мы гибнем!

Часть вторая

В ФОКУСЕ ХРОНОБОЯ

1

Аркадий снял руки с пульта. Асмодей быстро заменил его у кнопок управления. Только теперь Аркадий понял, что таинственная вибрация, разметавшая оба шара дилонов, уже терзает и авиетку, но защитный щит с “Гермеса” амортизирует налетающее волнами чужое поле. Асмодей крикнул, что одна волна отражена, вторая нейтрализуется, но охранное поле “Гермеса” слабеет. Усевшись вместо Аркадия у пульта, киборг ввел полную мощность собственной защиты авиетки — беснование внешних полей немного притихло, однако в кабине все содрогалось и звенело. С трудом передвигая трясущиеся ноги, Аркадий подобрался к Ланне. Дилон лежал на скамье, жалко приоткрыв зубастый рот. Ни одной осмысленной передачи от него не шло. Аркадий сказал Асмодею:

— У парня памороки отшибло. Я постараюсь привести его в чувство, а ты налаживай четкую связь с “Гермесом”. Анатолий почему-то закричал: “Ко мне!..” Миша Бах погиб, с ним и с Ронной так подло расправились! Неужели теперь и на “Гермес” напали?

Асмодей хмуро ответил, не поворачивая головы:

— Связи с хронолетом нет. Ни четкой, ни нечеткой.

— Как нет связи? Разве может отказать связь, если действует силовая защита “Гермеса”?

— И силовой защиты “Гермеса” больше нет. Мы противоборствуем нападению одним своим полем.

Аркадий схватился за ручной передатчик. Рука подрагивала. Передатчик казался целым, а связи не было. На экранчике не появилось даже размытого изображения корабля. Ни при каких вариантах аварии, кроме больших повреждений корабельных генераторов, не могло произойти столь полное отключение.

— С хронолетом беда! — закричал Аркадий. — Срочно курс на “Гермес”! Чему ты ухмыляешься?

Асмодей и вправду улыбался, но то была ухмылка не радости, а замешательства. Аркадий часто видел киборга радостно хохочущим — растерянным он был впервые.

— Не могу определить курса. Все приборы отказали.

— Летим визуально. Держи на большую рощу. Скорей, Асмодей!

Металлический голос киборга прозвучал глухо:

— Не могу! Мир пропадает. Аркадий, скоро не будет мира!

Два дилона, недавно задававшие авиетке направление полета, посадили ее на полянке неподалеку от города. Аркадий запомнил синествольные деревья с оранжевыми кронами — удивился их густоте, когда вылезал из авиетки. И трава поражала: она была сумрачно-фиолетовой, от нее струился терпкий аромат. Точно такой же предстала эта полянка, когда они впятером: трое людей и двое дилонов — выбежали на нее, спасаясь от неведомой опасности, заставившей обоих дилонов так внезапно потеряться и ослабеть.

Сейчас все переменялось. В закрытую авиетку ароматы извне не доносились, но траву можно было бы увидеть — а травы больше не было, ни густо фиолетовой, ни обесцвеченной — ее всю словно вырвали до последнего стебелька. Почва, на которой покоилась авиетка, слагалась из одних камней и песка — однотонно сероватых камней, однотонно сероватого песка. И деревья, замкнувшие полянку в свой круг, вдруг потеряли листву и окраску — они были без оранжевых крон, стволы из синих стали грязно-серыми. Лишь силуэты прежних могучих растений проступали как бы в мареве. Стерся и труп Рина Ронны на краю полянки — темный и неподвижный, он посерел, расплылся и исчез. Уве Ланна, обретя потерянную было способность мыслить, что-то протранслировал Аркадию, с трудом поднимаясь со скамейки. Аркадий подбежал к дилону. Трясущийся Различник показывал на пропадающий лес и путано телепатировал, что рангуны поймали их в прицел своих хронобойных орудий, надо немедленно бежать!

— Куда бежать? Покажи — куда? — крикнул Аркадий.

— Бежать! — твердил дилон. — Поскорей! Подальше! Нас здесь разбросает по прошлому и будущему. Скорей, скорей!

Киборг быстро проверил ходовые генераторы. Они работали. Авиетка взмыла. Стирающийся лес обесцвеченных, потерявших листву деревьев, почва, лишившаяся своей травы, падали вниз. По курсу сверкала свирепая Белая Гаруна, другая Гаруна томно

сияла левой. Авиетка повернула на Гаруну Голубую. Асмодею показалось, что он сам задал направление, — и до него не сразу дошло, что полетом теперь командует чужая сила, и она гораздо мощней его собственных решений.

— Мы в фокусе хронобоя! — горестно телепатировал Ланна. — Нас скоро разорвет на прошлое и будущее.

Аркадий сообразил наконец, чего страшится дилон. Рангуны, похоже, владели искусством путать течение времени — замедлять одни процессы, ускорять другие: то самое, что испытывал в первых своих хроноустановках творец хронистики Чарльз Гриценко. Автор науки о трансформациях физического времени академик Гриценко создал на Урании, соседке Латоны, специально оборудованную хронолабораторию. И там впервые экспериментально осуществил разрыв физического времени в материальных телах. Для биологического объекта это означало гибель, но на минералы и металлы не действовало. А среди сотрудников Гриценко был и нынешний капитан “Гермеса” Анатолий Кнудсен — по собственному признанию создателя хронистики, самый даровитый из его учеников. Но разве Анатолий не говорил, что для “Гермеса” не опасны местные разрывы времени? Мощные хроногенераторы, хронотрансформаторы и хроноэкраны сумеют противостоять любому разрыву связи времен. В лабораторных условиях Урании и он, Аркадий Никитин, хроноштурман “Гермеса”, неоднократно испытывал надежность корабельных аппаратов в любом режиме хроноразрывов. Один из хронотрансформаторов, преобразующих искривленное и пульсирующее время внешнего мира в прямое, смонтирован и в авиетке — небольшой аппарат, вот он покоится на полу у ног Асмодея! Пока он действует, можно не опасаться ни разрывов времени на прошлое и будущее, ни замедлений, ни убыстрений.

И Аркадий стал успокаивать ополоумевшего от страха Различника.

— Возьми себя в руки, Ланна. Нет, не обхватывай себя руками, а перестань трястись. Разрыв времени нам не страшен. Мы унырнем в фазовое время — как раз на точке, где рангуны устроят разрыв.

Асмодей все снова и снова, на разных каналах, выискивал связь с хронолетом. Но для приемников авиетки “Гермеса” больше не существовало. И города дилонов не существовало. С высоты он должен был открыться — но не открылся. На все

стороны простиралось скопище сероватых песков и камней, лишенное признаков жизни. А над авиеткой, почти в зените, сверкала Гаруна Белая, и скромно сияла в сторонке Гаруна Голубая. Был точный астрономический полдень — все хронометры показывали глухую ночь. Асмодей захотел изменить курс и повернул на Гаруну Белую. Авиетка затряслась, завибрировала, завизжала каждым сочленением. Ланну швырнуло со скамейки на пол. Аркадий вцепился руками в поручни кресла и крикнул:

— Асмодей! Ты решил вытрясти из нас душу?

— Хочу узнать, крепко ли завладела нашей душой чужая воля, — ответил Асмодей. — Держись, Аркадий!

Он крутанул на прежний курс. Тряска прекратилась. Выждав несколько секунд, Асмодей снова бросил авиетку вправо, и она снова затряслась и завибрировала. У Аркадия сводило каждую жилку, зубы стучали, руки рвало с поручней. Дилон тихо постанывал на полу. Аркадий еле выговорил сквозь дребезжащие зубы, когда Асмодей обернулся посмотреть, не нужна ли срочная помощь:

— Продолжай!

Асмодей поднял вверх обе руки, показывая, что больше не командует движением. Авиетка, медленно поворачиваясь, сама ложилась на прежний курс — на Гаруну Голубую. И так же медленно стала затихать тряска. Авиетка, потеряв разбуженные в ней голоса вибраций, молчаливо мчалась по предписанному ей направлению. Аркадий усадил дилона в кресло позади своего и сказал Асмодею:

— Поворачивать нам запрещают, а как с высотой? Не меняй курса, чтоб нас не разнесло на кусочки, но опустись пониже.

Асмодей плавно устремил авиетку вниз. Неведомая сила, командовавшая движением, противодействия не оказала. Из марева стали выплывать очертания гор, потом показался и лес, безжизненно серый, как бы ободраный, — хлысты и сучья, ни один листочек не оживлял этого мертвого леса. Аркадий толкнул дилона, отрешенно сидевшего с закрытыми глазами:

— Очнись! Что говорит тебе этот пейзаж?

Ланна глянул вниз. Даже со стороны было видно, что его охватил ужас.

— Назад! Скорей назад! Иновременник, нас несет в разнотык времен!

— В разнотык времен? Я правильно услышал?

— Самое страшное место на планете! Здесь природа сошла с ума, здесь она хронобуйствует. Такие хроновороты! Такие хронобури! Живому здесь нет спасения. Назад, назад!

— Наши двигатели заблокированы, мы не можем повернуть назад.

— Тогда сесть! Может, выберемся пешком.

— Снижение не воспрещено, — ответил Асмодей на взгляд Аркадия. — Попытаюсь идти плавно вниз, будто отказывают двигатели.

Вскоре стало ясно, что тех, кто гнал авиетку в область хроноворотов, обмануть не удалось. На высоте в сотню метров снова появилась вибрация. Асмодей вывернул авиетку на горизонтальный полет.

— Посадку тоже не разрешают, — констатировал Аркадий. — Но смогут ли воспретить падение? Асмодей, проверь защитные поля. Дилона я возьму в свое поле. Веди авиетку вниз, пока она не начнет распадаться. Я выброшусь с Ланной, ты за мной.

Асмодей снова начал снижение. На этот раз вибрация появилась сразу. Аркадий обнял дрожащего дилона. Асмодей распахнул дверцу и крикнул:

— Внизу площадка. Прыгаем!

Аркадий, не отпуская дилона, полетел вниз. Защита сработала — на почву и Аркадий, и Ланна не свалились, а встали. Неподалеку опустился киборг. Распавшаяся авиетка грудой лома умчалась за горизонт. Асмодей топал ногами и орал:

— Провели их! Еще минуту — вытрясло бы мозги! Всех рангунов надул — я такой!

По лицу молчаливого Ланны было видно, что он не разделяет ликования киборга. Аркадий скомандовал:

— Теперь шагать! За горизонт этой околуполюсной пустыни, подальше от проклятого разнотыка времен и убийственных хроноворотов.

2

Он показал рукой на юг — так в древности полководцы повелительным жестом бросали свои войска в поход. Асмодей остановил его.

— Аркадий, ты хорошо продумал план спасения?

— Я не способен сосредоточиваться на размышлении, как Различник, но простым человеческим соображением понимаю — спасение там, где нет угрозы. Здесь грозят хроновороты, на юге их нет. Значит, на юг!

— Аркадий, надо на север. Туда улетели остатки нашей авиетки.

— Для чего тебе эта груда лома?

— Оснащение авиетки полностью не уничтожить. Генераторы хода и защиты, хронотрансформаторы, мой компьютер личин, запасы пищи... Что-нибудь да сохранилось.

— Ты прав. Идем на север.

Асмодей зашагал впереди. Аркадий, поддерживая шатающегося дилона, с улыбкой — для приободрения — сказал:

— У нас моряки считают скорость эскадры по самому тихоходному кораблю. Ты у нас тихоход, будем подделываться под тебя, но и сам старайся двигать ножками.

Уве Ланна освободился от поддержки Аркадия. Он старался не отставать, хотя ему было трудно угнаться за Асмодеем — тот оглядывался и сбавлял шаг. Аркадий восстанавливал в уме пережитые события. Все получалось иначе, чем задумывалось. Люди прибыли на Дилону с миссией мира — и сразу ввязались в войну. Они здесь никому не враги, но один из них, крупный ученый, прекрасный человек, погиб — и ни Аркадий, ни оставшиеся на могущественно оснащенном корабле друзья не спасли его. Почему он погиб? Зачем понадобилось уничтожить его? И что с “Гермесом”? Неужели и хронолет уничтожен? И Мария с Анатолием тоже мертвы, как несчастный Миша Бах?

— И как, возможно, скоро будем мертвы и мы! — вслух произнес Аркадий.

Все непонятно! И что загадочные рангуны беспричинно объявили людей своими врагами и с жуткой последовательностью стремятся их уничтожить. И что в своей жестокой вражде применяют средства мощней защиты хронавтов, и что природу этих средств не удастся разгадать. Самое срочное — разобраться в ситуации. Преодолеть враждебные силы. Хотя бы ускользнуть из мест, где они непреодолимы. Гонят в какую-то область хроноворотов, как баранов на убой!

Итак, ситуация. Две соседних звезды связаны взаимным тяготением, но существуют в двух разных потоках времени. И если одна звезда движется в свое будущее, то другая, тоже двигаясь в свое будущее, одновременно погружается в прошлое

соседки, ибо будущее одной — прошлое для другой. “Удивительно просто, не так ли?” — сказал бы погибший Рина Ронна. — “Чертовски запутанно!” — так скажет Аркадий Никитин, штурман хронолета, свободно перелетающего из одного потока времени в другой. Просто или запутанно, но реально! Если бы две Гаруны столкнулись, они враз бы аннигилировали, ибо одна из обычного вещества, а другая из антивещества, поскольку антивещество, так сегодня считают иные физики, это то же вещество, только в обратном времени. К счастью для Дилоны, ни одна из Гарун пока не стремится в объятья другой.

Зато оба светила устраивают злодейские хроновороты, размышлял Аркадий. Дилона клонится то к Белой Гаруне, то к Голубой — и каждая возбуждает на обращенной к ней стороне свое время. А столкновение их и есть разнотык времен, так ужасающий дилонов. Вроде как идешь навстречу самому себе, как бы бросаешься на самого себя! Пока все просто непостижимой дилонской простотой. Но хроновороты? Но завихрения времен? Хроноциклоны, так?

Чувствуя, что его размышления неспособны разъяснить всю физику времени, Аркадий заговорил с дилоном:

— Ланна, ты не мог бы объяснить мне то, чего я не понимаю. Люди без вопросов не могут, придется тебе с этим примириться.

Ланна знал о хроноворотах только то, что они существуют и что любое существо, попавшее в хроноворот, непременно погибает. Аркадий допытывался — погибает или исчезает? Ланна поправился: погибает, потому что исчезает, то есть исчезает, потому что погибает. Хрен редьки не слаще, — прокомментировал Аркадий. Так погибла его дорогая Салана, пожаловался Ланна. Ее похитили, но потеряли в хроновороте. Она там навсегда исчезла. Из хроноворотов не выбирают.

Больше ничего из Ланны Аркадий не извлек. “Для воплощения Высшего Разума понимание ситуации могло быть и поглубже, — недовольно размышлял Аркадий. — Что, собственно, такое разнотык времен? Место, где прямое время схлестывается с обратным, территория хронобоя. И могила всего живого — качка то в прошлое, то в будущее. Не такова ли поразившая нас вибрация? Прошлое резонирует с будущим — то прыжок вперед, то прыжок назад, а настоящего нет, настоящее разорвано, настоящее — только вибрация между уже прошедшим и еще не наступившим. Для первого приближения подойдет.

И прав Ланна — из такого местечка надо поскорей бежать, пока тебя не разорвало между прошлым и будущим. Но куда? Делаю следующий шаг. В разнотыке времен рождаются хроновороты. Удар лоб в лоб создает завихрения. Стало быть, время из прямолинейного превращается в кривое? И сам хроноворот — уход от прямой аннигиляции, от взаимного уничтожения не только настоящего, но и прошлого и будущего. Безвременность, вневременность — категории, чуждые природе, в ней все существует во времени. Наверно, есть и закон, что сумма разновременностей во Вселенной есть величина постоянная, и, стало быть, время физически неуничтожаемо. Вот, кажется, и я открыл свой собственный закон мироздания — да еще какой! Если останусь на Дилоне, попрошу внести этот закон в мой Паспорт Взрослости — как личное открытие.

Но что следует из этого неожиданного открытия, которое когда-нибудь объявят великим? А то следует, что хроновороты неизбежны при столкновении противоположных потоков времени — только искривление времени гарантирует его неуничтожение. Время изгибается, чтобы сохраниться. А раз так, то можно в том же хроновороте проделать полукруг и возвратиться в свое однолинейное время. Дилоны считают, что на полюсах природа сходит с ума. Во всяком безумии есть своя система — и чаще всего разумная. Безумие хроноворотов — единственная разумная защита от уничтожения. Итак, не бежать от хроноворота, а вынестись на нем, как на взбесившемся коне, в место поспокойней. Должен же, черт побери, любой вихрь где-нибудь ослабнуть и распасться!”

Аркадий почувствовал удовлетворение от силы своей мысли. Немного бы попрактиковаться в самодвижении понятий без подсказок извне — и он, пожалуй, сдаст экзамен на высокий ранг в иерархии дилонов. Но размышление об опасности отнюдь не отменяет самой опасности — тут же сказал он себе.

Аркадий стал осматривать окрестности.

Мир был до того уныл, что щемило сердце. И на Земле встречались пустыни — их берегли как достопримечательность природы. И на других планетах не жаловались на недостачу пустынь — мирились с ними как с неизбежным злом. Но в тех пустынях была первозданная величественность, они покоряли грандиозностью. В околуполюсном пространстве Дилоны на все стороны простиралась не пустыня, а могила — кладбище окаменелых деревьев, серый песок!

— Вижу! — закричал Асмодей, энергично продираясь сквозь окаменевший кустарник. — Авиетка, Аркадий!

Это была не авиетка, а груда обломков. Асмодей извлекал из лома то один, то другой предмет. Аркадий относил в сторонку то, что могло пригодиться. Ланна, уперев глаза в грунт, сосредоточился на какой-то трудно вьющейся мысли. Почти потеряв сходство с человеком, он в эти минуты казался Аркадию настоящей, очень доброй и очень грустной собакой, для чего-то вставшей на задние лапы. Аркадий хлопнул молодого Различника по плечу.

— Не старайся самостоятельно сообразить, для чего нужны предметы, которые мы выуживаем из обломков. Лучше помоги перетаскивать.

Ланна от усердия широко открывал удлинённый рот с двумя рядами зубов сверху и снизу. Но аккуратно складировать вещи было ему не под силу. Аркадий остановил Ланну: тот старался взгромоздить компьютер личин Асмодея на переносной, вроде школьного ранца, гравитатор — механизм капризный, но незаменимый, когда надо срочно превратиться из ходящего и скачущего в парящего и летящего.

— Присядь и отдыхай, Ланна. И наблюдай, что делает Асмодей со спасенным снаряжением, слушай, что он скажет о назначении аппаратов. Тебе полезно ознакомиться с человеческой техникой, раз уж совместно выпутываемся из беды.

Корпус авиетки распался, но почти вся аппаратура сохранилась. Асмодей вслух извещал, что можно использовать. Вот этот хрономоторчик — генератор фазового времени, питается и от радиации “Гермеса”, и от двигателей авиетки. “Гермес” неизвестно где, а двигатели авиетки повреждены. Но почему бы для питания хроногенератора не использовать сохранившиеся гравитаторы? Или личную защиту Аркадия и Асмодея, смонтированную в их одежде? Индивидуальная защита генерирует слабые поля для экранирования от механических, лучевых, гравитационных нападений. Но ее можно подключить и к хрономотору, чтобы выскользнуть из опасного времени в близкую фазу, в которой опасность отсутствует.

— А вот эта турбинка, — Асмодей с нежностью поднимал и поворачивал небольшой приборчик, — по мощности не заменит настоящих двигателей, но если ее закрепить на обыкновенной доске да спарить с гравитатором, а у нас гравитаторов два, то ведь получится самолет. Рекордов скорости не побить, от осна-

щенного врага не скрыться, но заменить пешее продираание сквозь чащу окаменевших веток на неспешный полет над ними — нет, это тоже неплохо!

— А вот этот контейнер, — показывал Асмодей на ящик с пищей, — спасение для Аркадия. Мне, естественно, пищи не надо, дилоны обедают раз в месяц, но Аркадий должен ежедневно подкрепляться: а тут ему еды на добрые три недели.

— И, наконец, компьютер личин, — в бодром голосе Асмодея слышались грустные нотки: великое творение Марии Вильсон-Ясуко было сильно повреждено. В нормальном состоянии он способен создать два десятка личин — об этом сейчас и не мечтать. Удовлетворительно функционируют лишь программы трех личин, в том числе и его нынешней № 17. Такая авария, а даже рожки на голове не погнулись!

— Твоя личина доброго дьявола так хороша, что мы согласны видеть тебя в ней всегда, — успокоил его Аркадий.

— Поищу дерево для самолета, — сказал Асмодей и убежал в чащу.

Аркадий позвал к себе Ланну. В зале Предварения Ронна объяснял, что дилоны еще в школе самостоятельно открывают важные законы природы, а кто специализируется на Конструкторов Различий, обязан еще и опровергнуть закон природы — и непременно важный. Какие именно законы природы опровергал Ланна?

Ланна, оживившись от приятных воспоминаний, сказал, что открыл потерю веса предметов в воде, которая у людей называется законом Архимеда, а выбрав профессию Различника, специализировался на опровержении закона всемирного тяготения. Он долго манипулировал с водой, добиваясь, чтобы она полностью лишилась веса и уже не заполняла сосуды, а размазывалась в пространстве. В дипломной работе на Зрелость он сконструировал воду, которая не растекалась, а сохраняла компактность, рушилась не вниз, а вверх. Фонтанирующая антигравитационная вода была удостоена отличной оценки.

— Очень интересно, — сказал Аркадий. — На Земле за такое изобретение ухватятся специалисты по фонтанам. А пока хочу предложить тебе задачку. Открой противодействие хроноворотам. Опровергни закон природы. Верней, не закон, а безумие природы. Поскольку противоборство с природой — ваше интеллектуальное ремесло, тебе эта задачка вполне по мысли.

— Открою, — заверил Ланна и впал в отрешенность.

Асмодей отыскал массивное сухое дерево. Проворно вытащив шпагу, он сделал выпад. Кончик шпаги удлинился узким лезвием пламени, киборг повел пламенем по стволу, как пилой. Мертвое дерево было толщиной почти в три обхвата, но киборгу потребовалось всего пять-шесть земных минут, чтобы уложить его на песок — срез обрушенного ствола дымился. Обрезав омертвелую крону, Асмодей той же шпагой, превращенной в огненный резак, стал выпластывать в могучем стволе челнок. Работая, он хвастался:

— Вот вы с Мишей Бахом посмеивались, что личина № 17 — это помесь средневекового аристократа с дьяволом. Но ты же знаешь, Аркадий, дьяволы народ работающий, не бездельники. А как аристократы владели шпагой, даже ваши дети наслышаны. Я потому и выбрал эту личину для десантного выхода на планету: во-первых, очень красива, а во-вторых, практична — и оружие, и рабочие инструменты под рукой. Вот поглядишь, что за прелесть получится из этого деревца. Люди еще не знали такой летательной конструкции...

— Похожая была. Имею в виду ковры-самолеты.

Асмодей на миг огорчился, что его опередили. Но потом сказал:

— Знаю, знаю! Я ведь досконально изучил человеческую историю. Ваши предки, точно, летали на коврах-самолетах. При тогдашней бедности на моторы это было общепринятое летательное средство. Но ведь ты же не будешь отрицать, что мой челнок-самолет оборудован гораздо совершенней давно отставленных ковров-самолетов?

— Отрицать не буду.

Ланну пришлось потрясти за плечо, чтобы вывести из сосредоточенности. Нет, решения пока не найдено, но определены три дороги, по которым он усердно шагал, когда Аркадий прервал его раздумье.

— Шагал не шевеля ногами, и сразу по трем дорогам! — восхитился Асмодей.

Первая дорога — пересечь хроноворот, когда он разразится. Как это сделать, Ланна додумать не успел, но чувствует, что хроноворот приближается. Вторая дорога — умчаться с хроноворотом и сдвинуться к его внешнему краю, а там выскользнуть в невозмущенное время. Если еще поразмыслить, он придумает и способ соскальзывания с хроноворота. И третья дорога — бежать в центр хроноворота. В центре — спокойствие.

Аркадий уточнил:

— Спокойствие надо понимать так, что в центре хроноворота время полностью прекращается. В центре пребывает вечность. Я правильно понял, Ланна?

— Правильно. В центре хроноциклона миг равен бесконечности.

— Нового ты сказал немного, — оценил Аркадий плоды раздумья дилона. — Но омертвление времени в центре! Попасть в такое местечко и стать, не умирая, своей собственной нетленной статуей! Жуть! Между прочим, на нашей Земле центр бури, где прекращается бушевание вихрей, называется глазом циклона. Ты описал око вечности, глаз мертвого времени в центре хроноциклона. Постараемся в вечность не угодить.

— Самолет готов! — доложил Асмодей. — Можно любоваться.

Искусство плотничанья числилось в первой десятке двадцати пяти умений Асмодея. В широком стволе он вырезал несколько желобов, как бы перегороженных перекладинами. В трех первых желобах удобно размещались пассажиры, на трех задних закреплялась аппаратура.

— Я сяду впереди, — сказал Асмодей. — Куда держать, Аркадий?

— Пока мы в пустыне, а не в круговороте времени. Дорога на все румбы открыта. Держи на юг, Асмодей, снова на юг, пока не воротимся в гостеприимный город дилонов.

— Или пока нас не вышвырнет на почву новая судорога резонанса... Слушаюсь. Летим!

3

Аркадий никогда не ездил на лошадях, но сказал киборгу, что в креслице, вырезанном в перекладине, еще удобней, чем в седле. Ланна, сидевший между Асмодеем и Аркадием, с грустью вспомнил, что в их шарах гравитаторы придают телу полувесомость — с полувесомостью легче летать, чем с полным весом. Аркадий мог включить свой индивидуальный гравитатор, но опасался, что после аварии регулировка не такая плавная, как была. Взлететь неожиданно наверх, а после обрушиться на почву Ланна не захотел.

Асмодей вел лодку, ориентируясь по Гарунам: они оставались позади, одна левее, другая правее, — он ощущал их спи-

ной. Высоту киборг регулировал гравитатором, тягу создавал один из сохранившихся моторчиков, а на защиту Асмодей использовал и свои с Аркадием скафандры, и генераторы разбившейся авиетки, и переносной хронотрансформатор.

— Летим в броне, — похвалился он, когда лодка взмыла над мертвым лесом. — Если рангуны напустят резонансы, то потрясет, но не разорвет.

Внизу мелькали унылые картины: оголенные холмы, пустынные озера — и по зеркальной гладкости воды, не оживляемой дуновением ветра, виделось, что и вода мертва. Скорбный пейзаж озаряли двойным сиянием Гаруна Белая и Гаруна Голубая — холодная игра двойного света лишь усиливала впечатление смерти.

— А хроноворотов все нет! И мы всё летим! — порадовался Асмодей.

Его замечание пробудило Ланну. Дилон пожаловался:

— У меня путаются мысли. Близится хроноворот.

Киборг, не любивший, чтобы сомневались в его способностях, объяснил понуро сидевшему дилону, что в его наборе ощущений каждое гораздо сильнее человеческого, а это что-нибудь да значит. Так вот, все его ощущала пока не предвещают неурядица.

— Такое смятение в голове! — еще унылей ответил дилон. — Мысли — как огоньки... Вспыхивают, погасают...

Вскоре Асмодею представился случай продемонстрировать чувствительность своих ощущал. Он сбросил скорость и, склонив вниз рогатую голову, стал во что-то всматриваться. Аркадий спросил, что случилось. Асмодей ответил нерешительно — нерешительность ни для каких ситуаций не была у него запрограммирована:

— Вдруг запутался... То вижу, то не вижу!..

— Зрение ослабло? Ты же всегда хвалился, что твои глаза — разновидность оружия, а не тривиальные приемники света.

— Аркадий! Выпусти на меня льва — с одного взгляда опрокину, я такой. Но вон тот лес впереди... Появляется и пропадает...

Лес был как лес — мертвый, темный, на стволах смешивалось голубое сияние одной Гаруны с яркой белизной второй. Кроме этого смешения красок, Аркадий ничего не разглядел в приближающемся лесу. Асмодей закричал:

— Мы в царстве привидений! Запускаю защиту!

Теперь и Аркадий увидел, что лес впереди то светлеет, то темнеет. Он огляделся. Позади простиралась лишенная трав и деревьев пустыня, она стиралась в дымке. Справа поблескивало озерко, его блеск разгорался и притушивался, оно то выступало сверкающей чашей в пустыне, то неразличимо сливалось со своими берегами. Аркадий снова повернулся к лесу. Лес появлялся и исчезал, как будто какой-то густеющий полог то накрывал, то открывал его.

— Разнотык времен? Не так ли? — Аркадий тронул за плечо дилона. — Схлест противоположных потоков времени? Что теперь делать?

Ланна бормотал, что его угнетает неведомая сила, он не способен сосредоточиться. С Асмодея слетела бодрость — даже во время падения авиетки он выглядел уверенней.

— Аркадий, нас то выносит в будущее, то отбрасывает в прошлое.

Один рог Асмодея сиял голубым от левой Гаруны, второй раскаленно сверкал от Гаруны правой — и от такого свечения киборг казался двуликим. Лодка подлетала к лесу. Реальные деревья превращались в призраки, но полностью не пропадали — полустерлись, каждое продолжало слабо обрисовываться, а затем снова восстанавливалось.

Аркадий потряс дилона.

— Ланна, сколько лет живут на Дилоне деревья — вон те, что под нами?

Немалое усилие понадобилось дилону, чтобы во взгляд воротилась осмысленность. Он ответил и снова закрыл глаза:

— По вашему счету этим деревьям лет сорок.

— Отлично! Асмодей, мы залетели в хронобой. Потоки времени, генерируемые одной Гаруной, сталкиваются с противоположным временем другой. В общем, разнотык.

— Вот-вот — разрыв времени. Выдержит ли его наша защита?

— Деревья то показываются в настоящем времени, то отбрасываются в прошлое и будущее. Но они остаются, Асмодей! Стало быть, колебание между прошлым и будущим невелико. Ведь пятьдесят лет назад их еще не было и спустя пятьдесят лет не будет. Колебание в сто лет — вот разрыв времени.

— Разрыв в сто лет наша хронозащита выдержит.

Лес долго не менял своего облика — стирался в призрак, густел кладбищем мертвых стволов, снова превращался в при-

видение. И, поглощенный созерцанием леса, Асмодей не сразу обнаружил перемены в самой летательной лодке. Обернувшись назад, он вдруг обнаружил, что коробка с едой для Аркадия пропала. Остальной багаж лежал, одной коробки не было, словно она выпала в полете. Но сохранились веревки, скреплявшие коробку с лодкой, они натягивались под прямым углом, словно по-прежнему схватывали громоздкий груз. Но под ними была пустота — они обхватывали пустоту. Асмодей крутанул лодку влево. Теперь и веревки пропали, словно их и не было. Асмодей повернул лодку направо — веревки появились. Еще круче повернув лодку вправо, он погнал ее под углом к прежнему курсу. Коробка не возникла, но что-то под туго натянутыми веревками затемнело. Это могло быть лишь то, что сохранялось от содержимого коробки в их новом полетном времени.

Ругательства у киборга были не запрограммированы, но вырвавшееся восклицание было равнозначно брани.

— Что с тобой? — спросил Аркадий.

— Надо поворачивать назад. Впереди хроноразрыв увеличивается. Посмотри на корму — там исчезают не только коробки с едой, но и аппаратура.

— Защита перестает нас экранировать?

— Может, дерево, из которого сделана лодка, сохранится долго — мертвая древесина долговечна. Но нас унесет из лодки, Аркадий. Защита будет экранировать пустоту, а мы будем валяться на мертвой почве в мертвом лесу. Нас разорвет — голова затормозится в прошлом, туловище устремится в будущее. Это даже не для меня. Бежим назад!

Аркадий не захотел поддаваться панике. Спасение — на юге. Там ни разнотыков времени, ни хронovorотов. На севере — лишь кратковременная отсрочка гибели. Только на юг. Единственный шанс сохранить жизнь — там, где Асмодей предрекает гибель.

— Я гибели не боюсь, Аркадий! — с достоинством сказал Асмодей. — Страх смерти в меня не внедрен. Я опасаюсь за тебя и за этого наполовину безжизненного юношу. Слушаюсь. Держу прежний курс.

Теперь и Аркадий поминутно оглядывался на багажник. Коробка больше не появлялась, пропали и скрепляющие ее веревки — возможно, уже навеки не состыкуются ему в едином времени со своей пищей. Лучше все же смерть от голода, чем от разрыва времени в теле, утешал себя Аркадий. Потом на корме

стали пропадать и другие предметы. Аркадий закричал. Впереди пропал Асмодей. На первой перекладине качался его смутный силуэт. Аркадий схватился рукой за призрачное плечо киборга. Пальцы прошли сквозь плечо, как сквозь дымок. Лес заметался, обе Гаруны нестерпимо засверкали в глаза. Аркадий потерял сознание.

Когда он очнулся, впереди сидел реальный Асмодей и сосредоточенно вел лодку на две Гаруны: большую, обжигающую белым жаром, и малую, ласкающую фиолетово-голубым сиянием. Аркадий закричал:

— Ты жив, Асмодей, ты жив!

— Как видишь.

— Значит, ты услышал меня? Я кричал, чтобы ты сменил курс.

— Ничего я не услышал. Разве можно услышать человека, который жил за сто лет до тебя? Мы были уже в разных временах. Я сам изменил курс в последний миг, когда это было возможно. А хронозащита восстановила нашу одновременность.

Аркадий обернулся. На корме все лежало в прежнем порядке. Коробку с пищей охватывали веревки. Аркадий передернул плечами, избавляясь от тошнотворного страха. Все восстановилось, но путь на юг был закрыт. Внезапная гибель не разразилась, но и спасение не состоялось. Аркадий хмуро произнес:

— Куда же нас вынесет? Или мчаться до вечности?

Ланна поднял свалившуюся на плечи голову, повернулся — мутные печальные глаза уставились на Аркадия.

— Я рад, что тебе лучше, Ланна, — сказал Аркадий. — Мы едва не попали в тяжелый разрыв времени, но благополучно ушли. Как у тебя с головой? Мысли больше не раздувает и не гасит, как огоньки на ветру?

— Меня тревожит только одна мысль, — ответил дилон. — Ты сказал, что из хронобоя мы ушли? Нас настигает хроноворот. Это не лучше.

4

Внизу проплывали лески и озера, холмы и долины — безжизненный мир, арена беспощадных вибраций времени. Асмодей заметил, что их сносит вправо: они летели над новой местностью. Новый пейзаж мало отличался от прежнего: та же мертвая пустыня, те же стволы погибших деревьев, те же тускло

поблескивающие озера. Лишь телескопическая острота глаз киборга могла различить в этом одноцветном мире какие-то непохожести. А когда и обе Гаруны, в момент поворота с юга на север переместившиеся из-за спины в лицо, стали съезжать налево, и Аркадий понял, что их выворачивает.

— Старайся держать прежний курс, — посоветовал он.

— Не могу, Аркадий. Посмотри вниз. Тебе не кажется, что слева мир снова становится призрачным? Вон там, на линии горизонта.

У горизонта все расплывалось. Предметы не отдалялись, а теряли очертания, становились полупрозрачными. Недавно, когда они стремились на юг, тоже совершалось нечто похожее. Но тогда то медленно исчезали, то снова постепенно возникали все ближние предметы и справа и слева. А здесь пропадал только левосторонний мир и пропадал издалека, а не вблизи, — горизонт слева суживался, все дальше тускнело и закатывалось за его надвигающуюся линию, все ближнее сохранялось — мертвое, однотонное, но четкое. Пейзаж становился односторонним, он был только с правого бока.

— Это хроноворот, — размышлял вслух Аркадий. — Ланна обещает что-то страшное, но пока я вижу одни несообразности. Просто выход в фазовое время. Правда, угол много больше того, какой мы применяли на “Гермесе”.

— Страхное еще будет, — сказал Асмодей.

— А какой будет страх?

— Не знаю. Потряси Ланну, он должен знать.

Трясти Ланну было пустой затеей. Дилон так измучился, что впал не в сосредоточенность, а в беспамятство. Он откинулся на сидении, вытянул вверх острую мордочку, одно дыхание — гораздо более редкое, чем у людей — свидетельствовало, что жизнь не покидает ослабевшее тело.

Аркадий вспоминал, что знает о хроноворотах. По термину — завихрение времени. Рождается в схлесте двух противоположных потоков времени. Попали в хронокольцо времени и несемся в нем. Пока все просто...

Да, но почему так боятся хроноворотов дилоны? Что в них опасно? Изменение скорости вращения времени? Уменьшение диаметра хроноворотов? Вихревой заворот сжимается, хронокольцо превращается в хроноколечко, хроноколечко завинчивается в точку. Какая же бешеная скорость бега времени в схлопывающемся хроноколечке! Если в центре большого хроноци-

клона время замирает и мгновение оборачивается вечностью, то в ветвях время столь ускоряется, что и вечность равнозначна мгновению. И задолго до того все гибнет. Там, где столетия сжимаются в секунду, не только живые клетки, но и почти бессмертные граниты Скандинавии не устоят. Короче — взрыв!

Аркадий окликнул киборга:

— Тебе не кажется, что диаметр хроноворота постепенно уменьшается?

— Мы не сделали и одного витка, как же судить о том, уменьшается ли диаметр следующих витков? Наберись терпения, Аркадий.

Терпение относилось к свойствам характера, которые были дарованы Аркадию с большим недобором. Он всматривался и всматривался во все, на что падал взгляд. И первый увидел перемену в светилах: ослепительная Гаруна Белая потускнела, томная Гаруна Голубая разгоралась. Асмодея тоже встревожили эти перемены.

— У тебя есть объяснение, Аркадий?

Аркадий напомнил, что обе звезды существуют в разных временах, одна в прямом, другая в противоположном. От схода этих времен и возникают хронобой и хроновороты.

— Ты не отвечаешь на вопрос, Аркадий. Все это я и сам знаю.

— Знаешь, стало быть, и ответ, которого ищешь. Каждая звезда в своем собственном времени ярче, чем в близком по фазе. И когда, вращаясь в хроновороте, мы пересекаем истинное время звезды, она видится в максимуме. Цикл разгораний и потускнений звезды и есть один виток хроноворота. Так вот, ближайшая задача — определить, сохраняются ли размеры хроновитка или он постепенно уменьшается.

— Буду следить, — пообещал киборг.

И опять терпение Аркадия подверглось трудному испытанию. Гаруна Голубая, достигнув максимального блеска, совсем затмила недавно столь великолепную Гаруну Белую. И она уже не была голубой с сумрачной фиолетовостью, она накалилась добела. Затем ее блеск стал притушиваться, а сверкание Гаруны Белой восстановилось.

— Полный цикл, — сказал Асмодей. — Хроноворот сокращается. Горизонт прозрачности приблизился. Жду приказа.

— Может, прокрутимся еще виток?

— Опасно. Ты угадал сжатие хроноворота. Но как угадать, скоро ли кольцо превратится в точку?

Та полоса слева, где даже близкие предметы из материальных тел становились силуэтами, на втором витке приблизилась. “Если выберемся из этого удивительного мира, — думал Аркадий, — поверит ли кто в его реальность, когда стану рассказывать?” Справа, до очень далекого горизонта, простиралась обширная пустыня — все было мертво, но вещественно, предметы отбрасывали тени, они реально были, и небо над ними было реальное. А слева уже ничего не было, лодка-самолет мчалась как бы по самой кромке горизонта, по четко ограниченной линии пустоты, за этой линией даже неба не было.

Аркадий понял, что дальше медлить опасно.

— Асмодей, выбрасываемся из вихря! От твоего умения зависят наши жизни. Нужно выскользнуть наружу, а не внутрь. Ибо внутри будет взрыв, превращение столетий в микросекунды. Ворваться в хроноворот наперерез. Пересечь его!

Асмодей всегда гордился, что застрахован от человеческих эмоций, хотя способен все ощущать острее, чем люди. Но то выражение, с каким он обернулся к Аркадию, походило на ужас.

— Но ведь это значит — снять хронозащиту!

— Асмодей, не медли. С каждым витком время убыстрится. Хронозащита не сможет противостоять такому бегу времени.

Киборг успокаивался быстро. А пейзаж пустоты, поглощавшей слева предметный мир, действовал сильнее, чем приказы Аркадия.

— Общую защиту отключаю, индивидуальную оставляем. Аркадий, возьми в свое поле Ланну! Раз, два!..

Решительное восклицание не означало, что Асмодей так же решительно сбросит всю защиту. Аркадий не почувствовал изменений, лишь стало трудней дышать. Пробудившийся из пассивной беспомощности Ланна зашевелился, завизжал тонким голоском, но четкой мысли не передал. Хроноворот завершил второе кольцо, Гаруна Белая опять потускнела, Гаруна Голубая опять свирепо накалялась. Аркадия уже не удивляло, а беспокоило, что он ничего необычного не испытывает. Он сказал:

— Ты ничего не замечаешь, Асмодей?

— А что замечать? Убыстрение времени мы тормозим индивидуальными полями. Уж не ожидаешь ли ты, что наш самолет начнет распадаться на щепочки от стремительного старения?

— Я не был бы поражен, если бы это случилось.

— Постараюсь, чтобы этого не случилось. Одно новое: сижу неподвижно, а впечатление, будто пустился в бег. Потребление кислорода увеличилось вдвое. Хоть я могу не дышать, меня тревожит, что для нормального дыхания нужно больше воздуха. Боюсь, что индивидуальная защита слабовата. Нас все же увлекает быстрота времени.

Вскоре и Аркадий почувствовал нехватку воздуха. Он тоже, покойно сидя в углублении на перекладине, всем телом как бы устремился в бег. Он уже должен был широко распахивать рот, чтобы заглотить побольше воздуха. Аркадий сосчитал вдохи — дыхание убыстрилось чуть ли не в четыре раза. “Хоть и грубая, но все же оценка убыстрения времени”, — думал Аркадий.

Потом он заметил, что дышать стало легче, — по-видимому, внешнее время стало совпадать с внутренним. Он сказал Асмодею:

— Пора освобождаться от индивидуальной защиты. Я дышу нормально.

— Под хроноэкраном, Аркадий. Мы уже в замедленной области хроноворота, но скорость и здесь больше скорости нашего времени. Освободимся от хроноэкрана, когда внешнее и внутреннее время полностью совпадут.

Пейзаж почти не менялся. Все так же свирепо сверкала белая звезда и томно сияла голубовато-фиолетовая, на них не действовало вращение времени. “Возможно, и нет уже никакого вращения”, — подумал Аркадий.

Киборг вдруг резко направил вниз свой диковинный самолет. Аркадий вздрогнул — уж не падаем ли? Ланна дал знать о своем страхе слабым повизгиванием. Асмодей крикнул, что пора снимать хронозащиту, но лучше это сделать на почве, а не в воздухе.

Летающая лодка врезалась в грунт. Аркадия и Ланну вышвырнуло наружу. Аркадий вскочил, помог подняться дилону. Асмодей ходил вокруг посаженной на полянку лодки и ликовал:

— В последнюю микросекунду! Уже совсем времени не осталось! Погляди, Аркадий! — Он показывал когтистой рукой на обломки лодки.

Аркадий рассердился:

— Чего веселишься? Разбил уникальный воздушный корабль, повредил аппаратуру. Повод для торжества недостаточный.

— Нет, ты погляди! — орал Асмодей.

Он совал Аркадию обломок развалившейся лодки. Аркадий взял обломок в руки, меж пальцев стала сыпаться труха. Аркадий поднял другой обломок, тот рассыпался еще до того, как его подняли. Еще недавно каменно прочное, дерево распадалось при легком прикосновении.

Пришедший в себя Ланна тоже попытался поднять с почвы обломок. И когда он раскрошился в гибких пальцах дилона, Ланна сказал человеческими словами, отчетливо прозвучавшими в сознании обоих хронавтов:

— Мне надо сосредоточиться. Потом я объясню, что случилось.

— У нас не хватит времени, чтобы ты саморазмышлением все открыл, — сказал Аркадий. — Поэтому не сочти за оскорбление мое толкование. Так скорее, а время — деньги, говорят у нас. Нет, нет, — добавил он поспешно, заметив, что дилон опять собирается задумываться, — ты не дойдешь авторазмышлением до смысла термина “деньги”, это древнее понятие, давно забытое человечеством.

И Аркадий объяснил, что киборг снимал хронозащиту двумя этапами — сперва с летящей лодки, потом лишь с них троих. Но за тот десяток минут их собственного времени, что лодка летела во времени убыстренном, внешнем, — там, где для них троих мчались мгновения, для нее уже пробежали годы. Дерево постарело на много лет, а они втроем за это же время, по своему счету, провели лишь несколько минут. Лодка, дряхлея, уже в воздухе стала рассыпаться. Асмодей посадил ее в миг, когда готовилась отвалиться корма с аппаратурой. И было бы истинной катастрофой, если бы их хрономоторы, гравитаторы и генераторы силовой защиты при падении разбились.

— Но ведь они тоже состарились, когда твой друг Асмодей снял хронозащиту с лодки, — возразил молодой Различник, обнаруживая, что не только внимательно слушает, но иногда и быстро делает выводы. — Я сейчас подумаю и определю...

Аркадий не дал дилону впасть в новую задумчивость. Конечно, и аппаратура состарилась. Но для конструкций из металлов и других долговечных материалов это не так опасно, как для дерева, которое даже в омертвелом состоянии не вечно.

— Проверить, однако, надо, — сказал Асмодей.

Втроем они собрали разбросанную аппаратуру. Асмодей осматривал хрономоторы и силовые генераторы. Его лицо мрачнело.

— Говори! — попросил Аркадий. — Вижу, что преувеличил вечность металла. И готов к худшему. Силовая защита уничтожена?

— Ничего подобного! — запротестовал Асмодей. — Силовая защита в порядке, там такая прочность! И гравитаторы работают... Слабей, чем прежде, но если придется падать, не разобьемся.

— Хрономоторы?

— Да, Аркадий. Хрономоторы не вынесли хролотряски. Черт его знает, простого аппарата не смогли по-человечески изготовить. На Урании буду жаловаться.

— Если воротимся, Асмодей. Если воротимся...

— Я попробую подремонтировать их, Аркадий.

— Что нужно для этого?

— Местечко поспокойней, подальше от хроноворотов. И время — обыкновенное время, но много времени, в достаточном количестве.

Аркадий осмотрелся. Картинка была так себе, но выбирать не приходилось. Асмодей посадил рассыпающуюся от грянувшей дряхлости лодку на лесной прогалине. Кругом громоздились окаменевшие стволы. Еще недавно они шумели голубыми лохматыми головами, а скоро и мертвыми перестанут быть — лодка, вырезанная из ствола, показала, что и в смерти своей мертвый лес не вечен. А на севере, над полюсом, клонящимся то к одной, то к другой звезде, разъяренно калится Гаруна Белая и томно струится почти фиолетовая Гаруна Голубая. Там спокойствия не найти — там короткие островки усмирения, крохотные интервалы между трясками. Спокойствие только на юге, в стране дилонов, — и то кажущееся хрупким таким, ненадежным и только в часы, когда их неведомые враги не начинают свои коварные, убийственные резонансные обстрелы. Но туда преграждает путь хронобой. Их, бронированных еще крепкой хронозащитой, вышвырнула оттуда схватка остервенелых хронопотоков. Где гарантия, что, лишенные хронозащиты, они уцелеют в фокусе неистового хронобоя?

— Значит так: взваливаем на себя аппаратуру и шагаем строго на север, — приказал Аркадий.

“Предусмотреть последовательность действий, — думал Аркадий, двигаясь за тяжело нагруженным, быстро шагающим Асмодеем. — Первое — удалиться от хроноворота. Вокруг бешено убыстренного потока времени область времени замедленного — хроноворот, наверно, всасывает в себя и текущее по соседству время. А подальше к полюсу время до того заторможенное, что это уже не время, а вечность. Оказаться вне времени столь же губительно, как и угодить во время убыстренное. В одном гибнешь от мгновенного состаривания, в другом — от консервации сиюмгновенности. Хрен редьки не слаще”.

Аркадий усмехнулся — сколько бы усилий понадобилось дилону, чтобы своим умом дойти до вкуса неведомых ему хрена и редьки. И как ошибался тот древний философ, — а ведь он так нравился в школе! — который придумал для счастья формулу: “Остановись, мгновенье, ты прекрасно!” Черта с два было бы счастье, остановись мгновенье реально!

— Найти бы между, отделяющую хроноворот от заторможенного времени, — посоветовал Аркадий киборгу.

— Выйдем куда надо, — пообещал Асмодей. — В этих местах нет чередования дня и ночи, но хронометр у меня сохранился — моторчик, заменяющий сердце. Я сам назначу ночь и расположимся на отдых. Вы с дилоном поспите, а я подремонтирую аппаратуру.

Вспоминая потом поход на север, Аркадий удивлялся, как они сумели пройти свой недолгий, но бесконечно трудный путь до первой остановки. Асмодей скомандовал привал на голой скале, вздымавшейся над мертвым лесом.

Обессиленный Ланна уткнулся в почву. Аркадий присел рядом, не отключая ни гравитаторы, ни силовую защиту. Вероятно, это и спасло их, когда скала затряслась. Первая же судорога, пронзившая камень, бросила Асмодея вниз — он перед этим отключил защиту, чтобы лучше работать, и, пойманный врасплох, не сразу восстановил связь с генераторами.

Аркадия больше ошеломил гул и грохот, вырвавшиеся из недр скалы, чем ее тряска. Обхватив дилона рукой, он прижался к почве и видел, как киборга швырнуло вниз. Новая судорога в недрах скалы заставила и Аркадия с дилоном заскользить вниз. Теперь они поменялись местами — Асмодей, вцепившись в

выступ скалы, задержался на склоне, а Аркадия с Ланной вынесло к подножью.

Аркадий вскочил, попытался поднять и Ланну; одновременно, еще на учебных тренировках усвоенным движением, проверил, есть ли связь с генераторами защиты. Поврежденные генераторы все же действовали, но защита была слишком слабой, чтобы преодолеть судорогу, в третий раз пронизавшую и каменную скалу, и мертвую почву. Аркадия снова швырнуло, он закричал от боли, раздиравшей тело. Вибрировала каждая жилка, трепетал каждый нерв. Сам Аркадий не услышал своего вопля: ему казалось, что все тело его звенит, вопит, визжит — этот внутренний визг и звон были так реальны, что все истинно реальные звуки потонули в звуках воображаемых.

Потом наступили тишина и неподвижность. Почва обрела устойчивость. Аркадий поднял голову. В глазах стояла пелена, пелену прорезали глумливые искры, они образовали полусветящуюся завесу — за ней проступало что-то темное. Аркадий со стоном опустил голову. Темные призраки материализовались. Вокруг троих хронопутешественников кольцом выстроились странные фигуры. До Аркадия донесся как бы издалека голос Асмодея:

— Да это же земные обезьяны! Откуда они на Дилоне?

Ланна тоже приподнялся. На его выразительном лице изобразились ужас и безнадежность.

— Мы в плену, иновременник. Мы у хавронов.

И, как бы обессилев от тяжкого объяснения, Ланна опять повалился на почву.

6

Это, конечно, не были обезьяны, как почудилось Асмодею. Они были слишком высоки и широкоплечи для земных обезьян — даже мощная горилла уступила бы любому хаврону ростом и весом. И одеждой у них была не собственная шерсть, а что-то похожее на юбочку до колен. В юбочках виднелись карманчики и петельки, и каждый карманчик оттопыривался — в нем что-то хранилось, а в каждой петельке висели предметы — некоторые походили на кинжалы и ножи, другие казались аппаратами. Четырехугольный ящичек на петельке у одного особо рослого хаврона был снабжен жезлом, похожим на антенну. Радиоприемник, подумал Аркадий.

Но еще больше, чем оснащение хавронов, убеждало, что они не животные, то, что двое из них выкатили вперед громоздкое сооружение — фургончик на колесах, и на фургончике высился на треноге диск, похожий на зеркало. Оба хаврона, поворачивая колеса фургончика, направили зеркало на трех хронопутешественников. Издали было видно, как в зеркальном диске тускло отразилась голая скала и три фигурки, застывшие у ее подножья. Не нужно было длительного размышления, чтобы догадаться, что и фургончик на колесах, и диск на нем — боевое оружие и что хавроны выкатили его для удара, а не для радостного знакомства с людьми.

— Что делать? — спросил Асмодей. — Могу напасть на них.

— Не смей! — сказал Аркадий. — Конечно, хавроны воюют с дилонами — они ведь солдаты рангунов, как объяснял бедный Ронна. Но мы рангунам не враги. И я постараюсь показать, что у нас нет других намерений, кроме дружественных. На всякий случай — охраняй меня.

Аркадий стал приближаться к хавронам, протягивая вперед и вверх обе руки. Еще в школе космонавтов ему внушали, что именно такой жест — безоружные руки, поднятые вверх и немного вперед — любого инопланетянина непременно убедит в доброжелательности людей. Но хавроны явно не изучали языка жестов. Они стали тесниться к боевому механизму, а двое мохнатых операторов еще проворней закрутили колеса фургончика. Диск поворачивался, угрожающе нацеливаясь на приближающегося Аркадия.

— Иновременник, падай! — отчаянно протранслировал Ланна и сопроводил свое предупреждение громким визгом.

Диск вспыхнул тусклым желтоватым огоньком и погас. Аркадию показалось, что его рвут на тысячу частей. Он упал и завертелся, гася резонансную судорогу. Поврежденная силовая защита, не отразив полностью удара, все же самортизировала его.

На операторов резонансного аппарата вихрем обрушился Асмодей.

Не имея сил подняться, Аркадий прижался боком к земле. Потом, вспоминая сражение киборга с хавронами, он не переставал удивляться фантастичности увиденного. Стройная человеческая фигура при шпаге и с пистолетом, в роскошном камзоле и узорных штанах до колен, как у средневекового французского маркиза, с усиками какого-то надменного немецкого им-

ператора и изящными рожками придворного дьявола Сатаны, выхватив шпагу, бросилась на двух хавронов, переставших крутить колеса и что-то достававших из своих петелек и кармашков. Из шпаги вырвалось лезвие пламени, пламя полоснуло одного хаврона, он с клетотом рухнул. Второй, наставив на Асмодея какой-то приборчик, сдул пламя, когда оно уже касалось его груди, пламя метнулось в сторону. Но шпаги он сдвинуть не смог, металл пронзил его грудь — и второй хаврон тоже свалился, заверещав еще пронзительней. Асмодей перекрестил струей пламени из шпаги боевой диск, и диск распался на четыре куска. Асмодей бросился на других врагов, размахивая длинным огнем своей шпаги. Хавроны посыпались врассыпную. Только один рванулся вперед на киборга.

Это был рослый хаврон с ящичком, из которого торчала шестообразная антенна. Хаврон наставил на Асмодея ящичек: две струйки пламени, как два меча, скрутились и отбили одна другую — струя из шпаги киборга и струя из ящичка. Асмодей снова сделал выпад, и снова пламенный выплеск из ящичка пересек и отбросил вбок пламя шпаги. Хаврон пока не нападал, а защищался, поджидая момента, когда сможет не только парировать выпад киборга, но и нанести собственный удар. Аркадия томил страх, что остальные хавроны, воспользовавшись тем, что киборг поглощен огненной дуэлью, набросятся на него сзади. Но не было признаков, что воины рангунов, так странно похожие на земных обезьян, собираются нападать со спины и боков. Наоборот — они сгрудились поближе к сражающимся, громко перекликались и так глазели, словно главным была не победа собрата, а красочный спектакль дуэли.

Рослый хаврон улучил момент и бросил пламя в киборга. Асмодей повернулся, пылающее острие сбоку ударилось в боевой приборчик хаврона. Шпага Асмодея, перерезанная у эфеса, отлетела в сторону, а боевой аппарат хаврона вспыхнул. Отбросив комок огня, в который превратилось его оружие, хаврон отскочил. Тут на него ринулся Асмодей. Сбывчив голову, он ударил исполинского врага обоими рожками в живот.

Аркадий всегда считал, что живописные рожки на голове киборга — не больше чем парадное украшение его любимой личины № 17. Асмодей, прихорашиваясь перед зеркалом, так любовно поглаживал их, что становилось ясно: они его восхищают эстетически, деловой ценности в них нет. Но коротенькие рожки были оружием. Когда они коснулись тела хаврона, из

них вылетели точно такие же полоски огня, как и те, что генерировала шпага. Два кинжальных огня пронзили насквозь обезьяноподобного воина и вышли из спины. Голова Асмодея свирепо уперлась в живот хаврона, в полтора раза превышающего его ростом; и два потока пламени выскочили двумя мечами наружу. Хаврон завопил и задергался, замахал руками, но не упал, а повис на двух пронизавших его кинжальных огнях, как на железных клинках.

Ошеломленные хавроны молча взирали на гибель товарища, ни один не рванулся на помощь. Асмодей отдернул рога. Две огненные струи, вылетающие из спины великана, сразу погасли, он зашатался и упал. И, словно очнувшись от оцепенения, все хавроны скопом набросились на Асмодея.

На мгновение он исчез в их куче, затем все были отброшены, и он стоял один, готовый к новой схватке. Три раза повторялось одно и то же: хавроны набрасывались, погребая Асмодея под собой, — он всех отшвыривал, они снова набрасывались — и снова рассыпались.

Аркадий поднялся, пошатываясь на тряпичных ногах, и поплелся к схватке. Вряд ли он понимал, что, вконец обессиленный, не годится для борьбы, зато знал, что киборгу надо помочь — без помощи тот не сдюжит с такой оравой противников.

Ланна, по-прежнему лежащий недвижно на камнях, удлинил свою правую руку и вцепился в Аркадия десятью когтистыми пальцами. Дилон был слабей человека, но у Аркадия не хватило силы содрать с себя цепкую руку. Он только крикнул дилону:

— Пусти! Немедленно пусти, Ланна!

— Не пущу, — твердил дилон, — они тебя убьют, иновременник!

И, вытянув вторую руку, он и ею ухватил Аркадия и потащил назад. Неспособный сделать хоть шаг к киборгу, Аркадий увидел, как закончилась его схватка с хавронами. Один из нападавших сорвал с киборга моторчик индивидуальной защиты и отскочил с радостным воплем, размахивая трофеем. Двум-трем противникам Асмодей и теперь мог противостоять, но их было больше десятка. Киборга повалили, опутали ремнями, положили связанного в фургончик — на нем уже не было боевого излучателя — и проворно потащили фургончик в лес.

Один из хавронов подошел к Аркадию и Ланне — на мохнатой морде остро посверкивали маленькие злые глазки — и повернулся к дилону. Ланна слабо протранслировал Аркадию:

— Велят быстро идти с ними. Надвигается новый хроноворот, надо всем спасаться. Я попытаюсь, а ты сможешь, иновременник?

— Постараюсь. — Аркадий шагнул с большим трудом.

Дилон правой рукой обнял человека.

— До сих пор ты мне помогал, теперь буду помогать тебе.

С помощью дилона Аркадий сумел сделать несколько шагов. Боль в теле усилилась, перед глазами все плыло. Только рука дилона удерживала Аркадия от падения. Ланна что-то громко провизжал — визг, похоже, сопровождала мысль, но мысль до Аркадия не дошла. Конвоирующий обоих хаврон вдруг побежал вперед.

— Ты ему что-то сказал? — спросил Аркадий.

— Велел посадить тебя внутрь фургона. Он поспешил за подмогой.

— Велел? Ты можешь им повелевать?

— Конечно. Эти низшие существа обязаны выполнять волю воплощений Высшего Разума. — Дилон задумался и добавил: — Если мои веления не противоречат приказам рангунов. А посадить или не посадить тебя в их фургон, — я установил это точным размышлением, — рангуны заранее приказать не могли.

Аркадий уточнил ситуацию:

— Хорошо, что ты правомочен отдавать хавронам приказы. Хоть какая-то гарантия безопасности. Но если ты отдашь им приказ освободить нас, они его выполнят?

На этот раз дилон размышлял дольше.

— Не выполнят, иновременник. Им велели взять нас в плен. Они подстерегали нас. И раз есть приказ захватить, то не может быть приказа отпустить.

— Логично. Взять в плен и освободить из плена — операции взаимоисключающие.

— И это хорошо, пришелец.

— Что хорошо? — удивился Аркадий. — Что мы в плену?

— Что мы захвачены по приказу рангунов. Это значит, что мы у хавронов только в плену, но вовсе не в их воле. Нас, так я продумал, доставят к Ватуте. Верховному Злодею Рангунии еще

не приходилось встречаться с людьми. Он захочет с тобой познакомиться.

— Не уверен, что я хочу такого знакомства, Ланна. Да еще таким способом — напали, превратили в полуинвалида...

К пленным подошли двое хавронов. Они взяли Аркадия на руки и понесли к фургону. От них пахло зверьем. Аркадию какую-то минуту было страшно, что их когти вопьются в тело. Но несли его осторожно.

Хавроны положили человека рядом с киборгом и отошли. Асмодей изобразил улыбку, но голова и лицо его были так измордованы, что получилась гримаса.

— Не находишь ли, Аркадий, что я сделал все, что мог? — хрипло спросил киборг — и голосовой механизм у него был тоже основательно поврежден.

— Ты сражался как лев, — сказал Аркадий.

Киборг относил львов к низшим конструкциям живого мира.

— Что может лев? Ну, куснуть, ну, разок царапнуть. А я разбрасывал обезьян как щепки. Будут долго помнить. Ты и Ланна не очень пострадали?

— Я немного пострадал, а Ланна переменялся. Полюбуйся, как он вышагивает среди наших похитителей. Знатный гость, а не пленник.

С дилоном и вправду совершилась перемена. Еще недавно он еле передвигал ноги, испытывая панический страх перед хавронами, — увидев их воочию, он свалился почти без сознания. А сейчас двигался среди воинов, гордо вытянув собаководную голову; правая рука величественно, в полный обхват, обвивала туловище, лишь левая безвольно висела ниже колен. И хавроны воспринимали такое его поведение как естественное — окружавший дилона десяток хавронов казался скорее почетным конвоем, чем суровой стражей.

Аркадий сделал знак, чтобы Ланна приблизился.

— Нужна помощь? Вам плохо, иновременники? — осведомился дилон — он понемногу привыкал к человеческому обычаю задавать вопросы. — Что смогу, все сделаю.

— Вижу, что ты многое можешь сделать. Но почему ты держишься так, будто вовсе не пленник? И почему наши похитители разрешают тебе так держаться? Ты ведь недавно боялся их!

Ланна пренебрежительно оскалил зубастый рот.

— Хавроны опасны при случайной встрече — рвут в клочья, а если оставляют в плену, то издеваются. И совсем иные, если

выполняют приказ своих повелителей. Тупые исполнители! Зачем же унижаться? Пусть видят величие Высшего Разума. Буду держаться так, пока нас не передадут рангунам или пока все не погибнем в этих страшных местах.

Аркадий показал на левую руку дилона.

— Что с ней? Она висит как плеть. Не сосредотачивайся, плеть это... в общем, у людей — полезный предмет. Ты недавно с такой силой ухватил меня обеими руками, чтобы я не рвался к Асмодею.

— Сейчас бы я не мог этого сделать. Левая рука вдруг ослабела. Я боялся этого, иновременник, но думал, что не настанет столь скоро. Ваше появление на Дилоне помешало мне выздороветь.

— Наше появление? Вот уж не думал, что препятствуем твоему выздоровлению. Ты болен?

— У меня рассинхронизирован организм, — с грустью объяснил Ланна. — Главная наша болезнь — рассогласование жизненных времен органов тела.

— У людей рассогласования времен в теле не бывает, — вдруг вмешался в разговор Асмодей, показывая, что прекрасно разбирается в быте людей. — Люди синхронизированы от рождения до смерти.

Дилон посмотрел на киборга со снисходительностью, которая вполне смогла сойти и за жалость. У людей рассинхронизации в организме не наступает? Но не потому ли, что люди мало живут? За ничтожный период в сто земных лет и у дилонов не возникает рассогласования времен. Он, Сын Отцов Различников Уве Ланна, полагает, что и у людей, доживи они до тысячи лет, непременно появится рассогласование: ноги будут пребывать в одном времени, мозг — в другом. Впрочем, о людях он мыслить не будет, он сообщит о себе. У него убыстрилось время в мозгу, время туловища и ног отстает.

— Разве вы не заметили, иновременники, что я кажусь замедленным? Моя быстрая мысль значительно обгоняет движения тела. Мне достаточно маленького размышления, чтобы разобраться в любой проблеме, но совсем иного времени требуют действия.

Для излечения рассинхронизации, продолжал дилон, применяется простое средство — перевоплощение. Два дилона меняются частями своих организмов — и синхронизация восстанавливается. Конечно, подобрать двух дилонов, подходящих для

взаимного перевоплощения, непросто. Но все дилоны находятся на строгом учете Стирателей Различий, а наши Старейшины никогда не ошибаются. Безвременно погибший Различник Рина Ронна подобрал для Ланны отличного перевоплотителя, молодого Мат Магона. У Мат Магона мозг в замедленном времени, зато туловище убыстрено. Снабдив Мат Магона замедленным телом и получив от него в дополнение к своей стремительно мыслящей голове столь же быстрое туловище, и сам Ланна, и его перевоплотитель были бы надолго синхронизированы. Хлопоты с пришельцами отодвинули дату перевоплощения, и вот результат — левая рука болезненно замедлилась.

— Но она еще работает, — сказал дилон, пытаясь вытянуть левую руку, — она удлинилась лишь вдвое.

— На человеческий взгляд, твоя левая рука не рассинхронизирована с туловищем и мыслью, а тривиально больна, — сказал Аркадий.

— Я подумаю над этим, иновременник. Ты сказал — тривиально? Тривиально — неизвестная проблема, которую надо...

Аркадий не дал Ланне впасть в размышление. Асмодей изнывает в путях. Если веления Ланны исполняются хавронами, то пусть он попросит их развязать киборга. Оружие у него отобрано, сопротивляться он больше не будет.

— Сделаю, — ответил Ланна и без спешки удалился.

Вскоре двое охранников развязали Асмодея. Киборг замахал руками и ногами, как бы восстанавливая кровообращение. Гимнастика не была у него запрограммирована, но он видел, что люди по утрам, еще в постели, занимаются ею, и считал своим долгом проделывать все, как люди, только лучше людей.

Потом киборг соскочил на почву и громко захохотал металлическим голосом — сейчас, правда, слегка охрипшим из-за небольших повреждений горлового механизма. Оба охранника и другие солдаты, собравшиеся у фургона, с большим почтением наблюдали за действиями Асмодея.

— Так, хорошо! — объявил киборг. — Ужасно люблю быть на свободе. Быть связанным по рукам и ногам — это не моя стихия. По-моему, Аркадий, эти рослые обезьянки — неплохие ребята. Сражаются неважно, но это им можно простить, как и их дурной запах. Уверен, что мы с ними сойдемся по-доброму.

Хавроны пахли не так уж скверно, скорее необычно для человеческого носа. У киборга, правда, обоняние было острее человеческого.

Аркадий сказал с улыбкой:

— Рад твоему доброму настроению, Асмодей! Ланна, нам остается решить одну важную проблему, тут тебе надо сосредоточиться. Как наладить общение с хавронами? Будешь нашим переводчиком?

Ланна презрительно покривился.

— Хавроны не заслуживают того, чтобы тратить на них размышления. У этих бесхвостых бестий два свойства: они яростно дерутся, пока не победят или не погибнут, и быстро воспринимают любую речь. Я прикажу хавронам быстро освоить ваш язык, внесу в их тупые мозги несколько тысяч ваших слов — и ты будешь доволен!

7

Теперь в повозке лежал один Аркадий. Киборг шагал рядом, поодаль плелись охранники. Впереди четверка мохнатых солдат, схватившись лапами за дышла, тащила боевой аппарат на колесах. По-видимому, других двигателей для него, кроме собственных мышц, у хавронов не было. Картина так напоминала старинные изображения людей, потерявших лошадей и впрягшихся в свои телеги, что Аркадию стало жалко хавронов. Он сказал об этом Асмодею. Киборг отреагировал по-своему:

— Поставить один из наших моторчиков? Они повреждены, но на десяток лошадиных сил каждого хватит. Приказывай!

Аркадий такого приказа не отдал. Неизвестно, куда их везут и что с ними будет, когда привезут. Глупо самому ускорять дорогу к своей гибели. Пусть хавроны надрываются, если у них такой обычай — надрываться.

Кругом простирался все тот же унылый мир — перелески мертвых деревьев, почва, лишённая растений, озёрки мертвой воды. На сероватом мрачном небе сверкали два солнца, голубое и белое. И они не закатывались и не восходили, как было еще недавно — только поворачивались на одном и том же небольшом небесном пространстве. Когда отряд хавронов захватил хронавтов и дилона, Гаруна Белая калилась слева. Теперь на том же месте сияла Голубая звезда, а Белая переместилась вправо. Аркадий вглядывался в нерадостное небо и думал, что раз обе звезды описали полный круг на полюсе и раз они в противоположных временах, то и время должно было описать полный круг и они должны теперь существовать не в своем прямом

времени, а во времени обратном, а он такого перехода не ощутил, да и вообще такой переход — полная остановка времени, то есть смерть, а он вроде бы еще не умирал.

К фургончику подошли Ланна и предводитель отряда.

— Я выполнил твою просьбу, — сообщил Ланна. — Можешь убедиться, что рангуны подбирают в отряды похитителей только способных к языкам. Поговори с Клаппой, главным бандитом хавронов: это и чин его, и почетное звание, а имя Клаппа означает — “несгибаемый”. Он очень гордится и тем, что бандит, и тем, что Клаппа.

Аркадий сообразил, что почетное звание “бандит” представляет собой результат неверного прочтения Дешифраторами человеческих слов, и не решился обратиться к хаврону с таким наименованием. Еще меньше он мог представить себе, что возможен прямой разговор человеческими словами с обезьяноподобным существом. Его первый вопрос к Клаппе прозвучал довольно невнятно:

— Я хотел... Короче, надо бы... В общем, сообщите, куда вы нас ведете?

Ответ был дан на хорошем человеческом языке, только с нечеловеческим акцентом:

— Куда надо, туда и ведем.

Беседу перехватил Асмодей. Киборга не удивило, что обезьяна разговаривает по-человечески. Сам он был конструктивно дальше от человека, чем любая земная или инопланетная обезьяна, но ведь отлично овладел человеческим языком! И заметив, что Аркадий растерялся, быстро заменил его:

— А куда надо?

На это Клаппа ответил обстоятельней:

— Обе Гаруны в противостоянии, неизбежен новый хроноворот. Надо укрыться.

— Есть где укрыться?

— Пещера в скале. Хроновороты в ней гаснут.

Клаппа отошел. Недоумение Асмодея, однако, не было рассеяно. Сведения по хронистике в него не внедряли. Он знал, что время бывает прямым, обратным и фазовым, или криволинейным. В хронолете часто спорили о фазах космического времени, он запоминал такие разговоры. И он умел пользоваться хроноэкранами и хроно тормозами, чтобы отстраниться от опасных скачков времени, — и пользовался ими даже лучше, чем люди. Но дальше его знания не распространялись.

Аркадий объяснил жаждущему познания киборгу, что экраны от хронокатаклизмов бывают не только искусственные, но и естественные. Иные материалы малочувствительны к небольшим изменениям времени — например, граниты. Гранит — долгоживущий камень, он числит за собой не годы, а миллионы лет: тысячу лет назад был такой же, через тысячу лет не изменится. А человеку небольшое колебание времени в сотни лет губительно. Ведь сто лет назад этого конкретного человека не было и сто лет спустя не будет. Поэтому большая толща гранита, не изменяясь при небольших перебросах времени с прямого на обратное, тем самым полностью или частично амортизирует эти опасные для человека хроноскочки.

— Для дилона хроноскочки так же опасны, как и для людей?

— Опасны, но не в такой степени. Дилоны живут тысячу земных лет — что для них жалкий скачок на сотню лет в прошлое или в будущее! Немного постареет в одном случае, немного помолодеет в другом. Но перебросы в пять-шесть тысяч лет губительны и для них.

— А в хроноворотах убыстрения и замедления времени достигают, наверно, миллионов лет? Не так? Вот почему наш Ланна так их страшится. Я рад.

— Чему ты рад, Асмодей?

— Тому, что наш хроноэкран спасал не только тебя и меня, но и Ланну. Он должен быть нам за это благодарен.

Отряд мохнатых воинов в юбочках, набитых оружием и инструментами, шагал все быстрее. Хавроны, тащившие повозку, выбивались из сил, чтобы не отстать от отряда. Аркадий все больше жалел их — его собственный вес немало отягчал фургончик. Попросив Асмодея помочь, он слез на землю. Ноги, еще нетвердые, уже кое-как ходили. Почувствовав, что фургон стал легче, солдаты радостно закивали Аркадию и энергичней поволокли повозку.

— Новая гора. Не в ней ли та пещера? — сказал Аркадий, показывая рукой на холм впереди.

Холм был таким же голым и унылым, как и тот, где на хронавтов напали обезьяноподобные воины. Навстречу небольшому отряду Клаппы высыпала группа хавронов. Два отряда соединились и двигались компактной кучкой. Каталей фургончика сменила другая четверка. Появился пропавший было Ланна. Левая рука все больше тревожила его. В ней появилась боль, особенно при быстром движении. Он сказал, что рассогласова-

ние времен в теле опасно увеличивается. Теперь он и сам понимает, что перевоплощение не надо было откладывать. Вероятно, и Мат Магону, милому пареньку, еще не достигшему никаких степеней в иерархии из-за замедленности в мышлении, несладко. Ему жаль несчастного Мат Магона.

— А себя не жаль? — спросил Асмодей.

Себя Ланне тоже было жаль. Но в своей хвори он сам виноват — затянул перевоплощение. А в нынешних недугах Мат Магона виноват он, Ланна, это тяготит его душу. Бедный Мат Магон так ожидал перевоплощения!

В каменистом холме виднелось темное отверстие. Один за другим солдаты пропадали в нем. Хронавты и дилон подождали, пока в отверстие вкатили повозку, потом проследовали за ней. Узкий туннель круто спускался вниз. Аркадий отметил, что каменные стены туннеля светятся, как и стены в помещениях Ратуши, где их сперва “прозеркаливали”, потом объясняли жизнь дилонов и вели на суд Старейшин. Только свечение стен пещеры было много слабей, чем в Ратуше. Читать при таком свете было бы трудно, но фигуры и лица виднелись отчетливо. Аркадий припомнил, что еще не встречал на Дилоне искусственных светильников, везде применялись самосветящиеся камни, одни излучали ярче, другие слабее — каждый материал подбирался по силе света, необходимой для определенного места. Миша Бах, если бы не погиб, думал Аркадий, наверно, разузнал бы обстоятельней о самосветящихся минералах, это пригодилось бы впоследствии на Земле. Аркадий грустно усмехнулся: Земля далека, Бах погиб, а их, пока живых, гибель поджидает неподалеку.

Самосветящийся туннель расширился и превратился в обширную пещеру, тускло освещенную стенами, затхлую и сырую. К пленникам приблизился Клаппа.

— Здесь будем пережидать хроноворот. Отдыхайте. Выходить нескоро.

— Одному из нас надо поесть, — сказал Асмодей, показывая на Аркадия. — Где пакет с запасами пищи?

— Все ваше вон там, — Клаппа показал на дальний угол. — Возьмите что захочется, кроме оружия и аппаратов.

— Пойдем вместе, чтобы не потеряться потом среди обезьян — их тут жутко много, а свету мало, — сказал киборг и добавил: — Ну, и дух от здешнего зверья!

Хавронов было, и вправду, так много, что в просторной пещере они чуть не лежали один на другом. Духота, показавшаяся такой неприятной Аркадию и Асмодею, шла от их мохнатых тел. Но это был не так запах зверья, как запах болезни. Хотя свету было чуть-чуть, хронавты быстро разглядели, что большинство наполнивших пещеру солдат не отдыхает, а страдает. Это было не спокойное убежище от налетающих снаружи хроноворотов, а лазарет искалеченных и умирающих. Отовсюду доносилось жалобное рычание и стоны. Аркадий спросил Ланну, откуда столько пострадавших, — ведь ни Старейшины, ни сам Ланна, ни его друг Ронна не говорили, что в этих местах недавно происходили битвы, а без жестокого сражения не могло бы появиться так много раненых.

Ланна долго не отвечал — то ли впал в трудное размышление, то ли телепатически допытывался разъяснений у самих хавронов.

— Здесь не сраженные в битве, а пострадавшие в хроновороте, — ответил он потом. — Отряд хотел вторгнуться на нашу половину планеты. Но его покарала природа. Он попал в хроноворот, в солдатах разорвалось время. Часть погибла, часть спаслась в этой пещере. Здесь время единое, но мало кто выйдет отсюда. Только два-три десятка не пострадали, они и захватили нас.

— Разве пострадавшим не оказывают помощи, Ланна?

— Какая помощь, иновременник? От разрыва времени единственное спасение — восстановить синхронизацию. Но и это уже мало кому помогает, если разрыв времени велик. А рангунны никаких перевоплощений...

Ланна, вдруг прервав объяснение, страшно завизжал и бросился в сторону. В полусвете пещеры его невысокая худая фигурка быстро пропала среди массивных хавронов, слоняющихся между лежащими. Некоторое время слышался его голос, в нем смешивались радость и отчаяние. Аркадий побежал на голос. Но Ланна замолчал, и Аркадий остановился, не соображая, куда же идти в беспорядочном навале раненых и искалеченных. Подоспевший киборг показал вправо — там особенно густо теснились пострадавшие.

— Он побежал туда. Там споткнулся и упал. Я все видел.

Резко расталкивая ходящих солдат, не церемонясь и с лежащими, Асмодей поспешил в сторону, где упал Ланна. Кто-то охнул, кто-то грозно зарычал, кто-то жалобно взвизгнул — Ас-

модей не стеснялся наступать то на ноги, то на туловища. Аркадий схватил его за пояс.

— В тебе нет жалости, Асмодей! Разве можно шагать по телам?

— Жалость у меня есть, — с достоинством возразил киборг. — Полный комплекс жалости к людям. К раненым, к больным, к маленьким, к большим. К женщинам, детям и старикам — даже усиленная, так меня запрограммировали. Но ведь это не люди, а обезьяны, да еще враги людей, да еще вооруженные. Зачем их жалеть?

Аркадий сердито сказал:

— Если мы когда-нибудь вернемся на Уранию, я попрошу Марию домонтировать в тебе еще один комплекс — человеческую жалость ко всему живому, нуждающемуся в помощи.

Философское мышление у Асмодея запрограммировано не было, но он иногда собственным старанием прорывался в эту область. Он сказал почти пренебрежительно:

— У людей много излишних комплексов, понижающих жизненную эффективность. Если бы мне поручили сотворить людей, я применил бы более рациональную программу.

Аркадию вспомнилось, что на Урании Мария именно так и говорила о своем искусственном создании: что сотворила Асмодея, освободив его от множества человеческих недостатков. Он лишь повторял ее мысли как верный ученик. Надо будет сказать ей, что лучше бы в новых ее искусственных созданиях она не столько освобождала их от человеческих недостатков, сколько внедряла побольше человеческих достоинств.

— Он здесь! — заорал Асмодей и большим прыжком перепрыгнул сразу через троих лежащих. — Ланна! Ланна!

Ланна, стоя на коленях, склонялся над чьим-то расprostертым телом. Он не откликнулся на призыв Асмодея. Киборг повернул дилона к себе. Мордочка Ланны жалко кривилась, из глаз катились слезы. Аркадий не ожидал, что дилоны способны плакать. У молодого Различника вдруг отказало умение телепатировать свои мысли в человеческое сознание, он только громче обычного повизгивал — мысли не трансформировались в слова.

— Успокойся, Ланна! — твердил Аркадий. — Что так огорчило тебя? Успокойся и скажи!

— Салана! — дошла наконец до хронавтов воплощенная в слово мысль. — Я нашел мою Салану. Ей плохо, иновременник, ей очень плохо, моей дорогой, моей единственной Салане!

Аркадий тоже опустился на колени, всматриваясь в лежащую на полу фигуру. Сияние стен в этом уголке было особенно скудным, но света хватало, чтобы разглядеть дилона, резко отличавшегося от всех, кого Аркадий успел повидать. О том, что дилоны, как и люди, разнополы, Аркадий знал, Ланна уже вспоминал, что у него была невеста, похищенная рангунами. Но ни на улицах, где навстречу хронавтам высыпали толпы дилонов, ни в Ратуше он не видел женщин и уже думал, что если они и имеются, то внешне их не отличить от дилонов-мужчин.

Но одного взгляда на Салану было достаточно, чтобы понять, что она, точно, женщина и что до сих пор хронавтам встречались — преднамеренно, наверно — одни мужчины. Дилоны ростом не брали: Ланна терялся среди внушительных хавронов, а Салана была еще меньше своего друга. И она разнилась от него не только ростом, но и всем обликом — тонкая, без длинных рук, с мордочкой почти вдвое короче, чем у Ланны, она еще имела и волосы на голове, их было немного — рыжих, мягких, коротких, — но они всего больше и выделяли ее и, вероятно, всех женщин-дилонок от гологоловых дилонов-мужчин.

Салана лежала на правом боку, Аркадий видел только один ее глаз. Глаз жил, в нем было страдание и страх. Она вся сжалась, когда Аркадий наклонился к ней, еще сильнее вдавилась правым боком в пол.

— Она тебя боится, — протранслировал Ланна. — Она всего боится, а тебя особенно — она еще не видела людей.

— Могу я с ней говорить, Ланна?

— Она не знает, как переводить свои мысли в ваши слова. Она потеряла три четверти своих мыслительных излучений и почти не понимает меня. Ей очень плохо, иновременник. Посмотри сам, что сделали с ней отвратительные хавроны.

Ланна повернулся к Салане, что-то ей внушал, слегка повизгивая, — и в попутном мыслям визге было столько нежности и горя, что по одному этому звуку Аркадий понимал, как глубоко он страдает. Она что-то отвечала — тихий стон сопровождал ответ. Потом она стала поворачиваться на спину, Ланна помогал, обхватив здоровой рукой ее плечо.

Даже в бредовом видении Аркадию не могло примерещиться то, что он увидел. Перед ним на спине, беспомощно раскинув руки, лежала маленькая, тоненькая, изящная дилонка. Но это было не одно, а два существа в одном теле: одно — правая половина Саланы, другое — левая ее половина. Единое тело скла-

дывалось из двух частей, и две эти части столь различались, что невозможно было вообразить, что они вообще могут составить что-то физически единое.

Левая половина Саланы — та, которую первой увидел Аркадий, — была телом молодого привлекательного дилона; правая, только сейчас увиденная, была телом старухи — дряхлой, морщинистой и уродливой. Левый глаз, в котором Аркадий увидел страдание и страх, излучал все то же молящее, нежное сияние, глаз правый, тусклый, обезображенный нависшей складкой века, глядел дико и отстраняюще. Из левого, молодого глаза покатались слезы.

— Какой ужас! — воскликнул Аркадий.

— Да, ужас! Ты правильно говоришь, иновременник, ужас! И это моя Салана, самая прекрасная девушка на Дилоне. Вот что с ней сделали мерзкие похитители!

— Разрыв времени, Ланна? — Аркадий понимал, что никакое оружие не способно так страшно изуродовать живое существо.

— Разрыв времени! Он был маленький, когда Салану похитили, она могла прожить еще сотню ваших лет без перевоплощения. Но хавроны, когда их настиг хроноворот, бросили ее у пещеры, она прижалась левым боком к почве и так лежала, пока буря не пронеслась. Хроноворот был короткий, это ее спасло от полной гибели, но вот видишь — жизненное время по-разному потекло в двух половинах ее тела.

Салана стыдливо прикрыла левый глаз, но правый, старческий, не закрылся и глядел по-прежнему с дикой безучастностью. Этой половине тела было уже неведомо чувство стыда. Аркадию вспомнилось, как в годы студенчества, на работах в горах страшноватой планетки Лахезы, один из их отряда свалился со скалы и у него парализовало половину тела. Когда его уложили в постель, он лежал вот такой же, наполовину живой, наполовину омертвелый. Аркадий мысленно возразил своему воспоминанию: там был единый человек, у него временно отказала половина тела, но он остался в своем возрасте. А здесь были два существа в едином теле, чудовищно разные существа, немислимо совмещенные, — и каждое жило своей особой жизнью.

Аркадий оглянулся. Повсюду в пещере лежали мохнатые тела, наполнявшие воздух стонами, рычанием, резким запахом ран. Между лежащими расхаживали здоровые хавроны, их было

меньше. Наверно, ходящие — те, которым удалось первыми вскочить в пещеру, когда грянул хроноворот; а искалеченным и раненым не удалось спасение в экранированное каменной толщиной убежище.

— Надо бы ее перенести в местечко поудобней, — сказал Асмодей. — Здесь слишком много раненых.

— Где ты найдешь местечко, свободное от раненых?

— Уже нашел. Вон там, где сложены наши аппараты и твоя еда. Там Клаппа и его охрана, а раненых нет. Салану понесу я. Скажи Ланне, что он может спокойно доверить мне это без предварительного размышления. Пусть только глядит и не мешает.

Аркадий шел впереди, выбирая дорогу между лежащими, за ним двигался Асмодей — Салана покорно лежала на его руках. Ланна то отставал, то шел рядом и, тихо повизгивая, что-то телепатировал своей подруге.

Предводитель хавронов заворчал, что нехорошо без его разрешения менять места в убежище. Несколько охранников потеснились, Асмодей положил Салану на освободившееся место. Ланна прикорнул с ней рядом. Асмодей обратился к Клаппе:

— Ты разрешил нам взять припасы и вообще все, что нам понадобится, — кроме оружия, так?

— Всё, что не опасно для нас, — проворчал Клаппа. Обезьяноликий офицер уже так хорошо освоил человеческий язык, что не только словами, но и тоном мог передавать одобрение и недовольство. Ланна не преувеличивал, уверяя Аркадия, что тот скоро сумеет хорошо объясняться с воинами рангунов на своем языке.

— Помоги разобраться в предметах, — сказал Асмодей Аркадию.

Отобранные у хронавтов вещи были не свалены в кучу, а аккуратно разложены. У Асмодея вырвалось радостное восклицание, когда он увидел, что компьютер личин тоже лежит среди прочих предметов.

— Зачем он тебе? — удивился Аркадий. — Ведь он поврежден. Только одну личину и можешь добавить к своему прекрасному образу № 17.

— Две, а не одну, зато какие! Бык, извергающий пламя из золотых рогов, и огнедышащий дракон с радиоактивными излучателями вместо глаз. Каждая личина на мощность в десяток киловатт. А номер семнадцатый, хоть и самый красивый, но

всего на полкиловатта — максимум три мушкетера в теле одного маркиза. К тому же я пообтрепался — уже не парадная одежда, а рубище. И шпага сломана. Вообще для серьезной битвы дракон или бык эффективней маркиза.

— Жаль, что среди набора личин нет облика хаврона, — посоветовал Аркадий. — Тогда бы ты сумел выскользнуть из пещеры и как-нибудь добраться до “Гермеса”, чтобы вызвать помощь.

— Я бы добрался, Аркадий! Можешь не сомневаться.

Аркадий и Асмодей возвратились к дилонам. Асмодей прижимал к груди компьютер личин. Клаппа скосил на него глаза, что-то проворчал, но отбирать не стал, громоздкая штука на оружие не походила. Аркадий сел около Ланны, тот лежал рядом с Саланой, прижимался к ее больному старушечьему боку, что-то тихо вывизгивал. Салана молодым глазом посмотрела на Аркадия. Аркадию показалось, что взглядом она благодарит человека за сочувствие. Он вдруг почувствовал, что почти преступление — смотреть на чужое страдание, зная, что неспособен это страдание облегчить. Он тихонько заговорил с Ланной:

— Ей не легче, Ланна?

— Немного легче. Она уже не одинока. И, может быть, удастся ей помочь. Синхронизировать ее нельзя, но можно попытаться хотя бы немного смягчить хроноразрыв.

— Смягчить хроноразрыв? Без перевоплощения?

— Перевоплощение Саланы невозможно. Можно меняться отдельными органами, но не половинами тел. Старость с юностью в одно хроноединство не слить. Но есть предание, что один дилон смягчал страдания другого, перенося его хроноразрыв в себя.

— Ты хочешь создать у себя в половине тела старость, чтобы смягчить быстрое старение Саланы? Жертвуешь собой?

— Облегчить страдания своей подруги — разве это жертва? Радость, а не жертва!

В мыслях дилонов, перетранслированных в человеческие слова, передавалась информация, а не эмоции — слова прозвучали в мозгу бесстрастно. В страсть и муку, в радость и облегчение их невольно облакал сам Аркадий. И сейчас в передаваемых Ланной мыслях ему чудилась такая человеческая печаль, такая горькая решимость, такая любовь, что у него стеснило сердце. Он смотрел на Ланну, прильнувшего к больной Салане в, наверно, безнадежной попытке отдать свою молодость, чтобы

остановить неотвратимое дряхление подруги, и думал, смог ли бы он сам поступить так же, если бы и ему выпала судьба бороться за жизнь своей любимой. Аркадий еще никого не любил и не мог ответить на такой вопрос. Он вдруг почувствовал, что хочет любить — и именно так любить, чтобы жертва собой ради подруги была и легче и радостней трусливого самосбережения.

8

К предводителю хавронов подходили его солдаты, он что-то говорил им, они убегали, снова возвращались. Аркадий догадывался, что среди воинов возникла какая-то тревога. Надо было оторвать Ланну от больной подруги, чтобы он разузнал, что произошло. Но Ланна спасал ее — спасению нельзя было мешать.

Вскоре Клаппа подошел к Аркадию.

— Приближается новый хроноворот — и такой силы, что пещера не защитит. Из Рангунии приказано: срочно уходить. Готовьтесь к выходу, можете взять с собой свои вещи.

— Дорога в Рангунию безопасна? — только и догадался спросить Аркадий.

— Безопасных дорог нет, человек. Был бы безопасный выход домой, мы все давно уже были бы дома. При возвращении мы можем погибнуть, но не наверняка. Здесь погибнем все. Пойдут одни здоровые, пострадавшим дорогу не осилить. Обход обезумевшего леса далекий и тяжкий, а другого пути нет. Через лес идти нельзя.

— С нами Салана, подруга Ланны. Мы возьмем ее с собой?

— Я сказал: пострадавшие остаются в пещере.

— Ты осуждаешь ее на смерть, Клаппа!

— И всех, кто остается!

Клаппа отошел к своим солдатам. Аркадий заговорил с Ланной. Новость дошла до него не сразу.

— Хавроны чтут в тебе воплощение Высшего Разума, — напомнил Аркадий. — Ты уже отдавал им приказы. Потребуй, чтобы Клаппа разрешил нам взять Салану.

Ланна с трудом поднялся, с трудом направился к предводителю отряда. Он шел согнувшись; совсем не таким он недавно расхаживал перед хавронами. Не воплощение Высшего Разума, высокомерно взирающий на неразумных солдат-служак, а смиренный и робкий юноша, недавно лишь достигший первого

чина в иерархии, — таким он выглядел среди своих собратьев выше рангом и значением. В такого он вдруг снова превратился.

— Что с ним? — встревожился Асмодей. — Идет как на казнь.

— Боюсь, что именно на казнь, — ответил Аркадий. — Он ведь может требовать от хавронов только того, чего прямо не запрещают рангуны. И он знает, что приказ оставить в пещере пострадавших отдали рангуны.

Достаточно было одного взгляда на воротившегося Ланну, чтобы понять, как принял Клаппа его просьбу. Ланна улегся возле Саланы, Аркадий спросил:

— Что будешь делать, Ланна?

— Останусь с Саланой.

— Клаппа разрешил тебе остаться?

— Он запретил мне оставаться. Но я не могу покинуть Салану. Она со мной проживет столько, сколько проживу я. Я уже задержал старение правой половины. Как же я могу ее оставить?

— Ланна! Хавроны силой уведут тебя из пещеры.

— Клаппа так и пригрозил. Меня требует в Рангунию сам Ватута. Но живым я не уйду от Саланы.

В разговор вмешался киборг.

— Аркадий, у нас два хрономоторчика. Если Ланна останется, я дам им свой. Защиту от несильных хронотолчков он обеспечит. Уверен, что они переживут новый хроноворот.

Ланна улыбался человечески благодарной и грустной улыбкой.

— Клаппа меня не оставит, а я не оставлю Салану, — повторил он.

Аркадий с киборгом отошли. Аркадий сказал:

— Надо нам четверым бежать из пещеры. Пробраться в Дилонию не сможем, но почему бы не уйти в Рангунию? Если большой отряд хавронов решается на такой путь, то мы с двумя хроногенераторами сделаем его быстрее.

— Понял. Готовлю побег!

Асмодей отошел к остаткам аппаратуры и стал рыться в них. Аркадий опустился на слабо светящийся камень. Вокруг стонали, покряхтывали, рычали, наполняя воздух тяжелыми запахами, и искалеченные, и раненые. Сколько жизни им отпущено? До близящегося хроноворота? Многие и до него не дотянут. Какая огромная могила! Тех, кого навсегда покидает жизнь, пока вы-

брасывают наружу здоровые солдаты — там, у входа, уже горка тел. А когда здоровые уйдут? Мертвым хоронить своих мертвецов, как странно посоветовал древний мыслитель. Не будут мертвые хоронить своих мертвецов! Мертвые будут здесь убивать живых — убивать своим запахом, своим тлением, самим обликом неотвратимой смерти.

— Побег будет первого класса! — сказал вернувшийся Асмодей.

И он с воодушевлением объявил, что главный элемент побега — перевоплощение его самого в личину № 3. Действует и личина № 11, но это обыкновенный бык, правда, со стреляющими рогами. Огонь из пасти, молнии из глаз — оснащение почти всех личин, ничего особенного. Так что бык большого страха не вызовет, а на солдат нужно нагнать страху. Личина № 3 тоже не из самых жутких, но все же поужасней. Дракон со всем воинским снаряжением: огнем и молниями, грохотом, маскировочным и боевым дымом и даже гравитационными ударами — и рослому хаврону не поздоровится, если сфокусировать на него.

Аркадий прервал разглагольствования Асмодея:

— Личина! Личина! Речь о побеге, а не о личинах.

Киборг иногда обижался. Именно о побеге речь, он никуда не отклоняется, Итак, они трое — Аркадий, Ланна и Салана — перемещаются поближе к выходу, чтобы, убегая, не запутаться среди лежащих. А он обряжается в огнедышащего ящера и нападает на солдат. Солдаты в панике разбегаются от выхода, Аркадий с дилонами спешит наружу. Асмодей прикрывает их, чтобы ушли подальше, потом догоняет. В общем, отводит себе роль достойного арьергарда их небольшой армии. Но куда направиться после бегства из пещеры?

— Думаю, путь у нас один, — сказал Аркадий. — Клаппа говорил, что идти надо в обход какого-то обезумевшего леса, они его побаиваются. Значит, нам в этот лес, хоть, возможно, он опасен и для нас.

— Знаю его. Мы обходили тот лес по кривой, когда двигались в пещеру. Мертвечина, как и другие погибшие леса. Вряд ли опасен. Ты не сказал — нравится ли мой план побега?

— Нравится уже тем, что другого плана не придумать. Пойду уговаривать Ланну на побег.

— Ради Саланы он согласится на любые муки, а тут все же возможность вызволения, — уверенно сказал киборг.

Предводитель отряда остановил Ланну, когда тот, обвив здоровой рукой Салану, направился к выходу. Уж не намерен ли дилон бежать? Пусть и не старается — у выхода охрана. Аркадию, шедшему вместе с дилонами, Ланна протелепатировал свой ответ Клаппе. Нет, он не собирается бежать, он не безумец. Но Салане нужен воздух посвежей, она задыхается. У входа струя свежего воздуха. Если нет прямого приказа Верховного Злодея Ватуты держать пленников подальше от чистой струи, то он настаивает, чтобы их пустили поближе к ней.

— Запрета дышать воздухом посвежей нет, — сказал Клаппа. — Ложитесь, где нравится, но охрану не беспокойте.

Ланна с подругой разместились у выхода. Рядом опустился Аркадий, положив возле себя коробку с едой. В коробке Асмодей спрятал и переносной хроногенератор. Запрета носить его Клаппа не объявил, но Асмодей позаботился, чтобы приборчик не бросался в глаза. Сам киборг остался на прежнем месте, там было потемней — это облегчало превращение в дракона.

Киборг возвестил о своем новом появлении взрывом, потрясшим всю пещеру. В углу вознеслось огненно-дымное облако, сияние озарило сумрачные стены. А из пылающего облака вырвался диковинный зверь и с ревом кинулся к выходу, рассеивая вокруг себя короткие молнии и светящиеся облачка дыма.

Киборг в несколько огромных прыжков достиг выхода. Солдаты, охранявшие лаз, в ужасе разбежались. Аркадий первым выскочил в туннель. Какой-то из еще не убежавших стражей преградил дорогу, Аркадий повалил его. Ланна с подругой на руках бежал за человеком. В первую минуту в туннеле показалось темно, Аркадий два раза больно толкнулся о стену. Потом туннель осветился наружным светом, стало видно, куда бежать. Асмодей продвигался за тремя беглецами и сражался — пришедшие в себя после паники солдаты наседали на него.

Выскочив наружу, Аркадий пошатнулся, ослепленный — так засверкала в глаза Гаруна Белая. Ланна с подругой пробежал мимо, его глаза были привычней к сиянию обоих солнц.

Асмодей выдвинулся спиной из туннеля. Отбиваясь от хавронов, он закричал:

— Аркадий, торопись! Бести тащат резонансные аппараты, долго я их не задержу.

Аркадий припустил во всю мочь. Слева от пещеры простирался темный лес мертвых деревьев, справа лежало мертвое

озеро. Аркадий помнил, что в пещеру отряд хавронов шел вдоль берега озера, сторонясь леса. Ланна уже пропал среди деревьев. Аркадий добежал до леса и обернулся. У пещеры шло сражение. Несколько хавронов с резонансными орудиями наподобие того, что Асмодей разрезал на четыре части пламенем из шпаги, вырвались наружу. Одного Асмодей сразил вместе с аппаратом, другой успел нанести удар. Асмодей выбросил из пасти длинный язык огня — второй хаврон закрутился на каменистой почве, сбивая охватившее его пламя. Из лаза выскакивали солдаты.

Аркадию надо было бежать: любая минута промедления могла стать роковой. Он все стоял, наблюдая картину боя. Асмодей в своей новой личине на открытом месте уже не казался таким ужасным, как предстал в пещере, — и пламя не ослепляло в сиянии двух Гарун, и молнии не так сверкали, и рев, вырывавшийся из пасти, не оглушал, а клубы дыма быстро рассеивались в воздухе. Да и туловище его не выглядело устрашающим, он был лишь немногим крупней рослого хаврона, а их навалилось с десятков.

Асмодей сражался так яростно, с таким боевым изяществом, что Аркадия охватило восхищение. На него нападали, и он нападал. В него целились резонаторы — от одного он ловко уворачивался, другой уничтожал до того, как попадал ему в фокус. И он не забывал, что за ним человек и двое дилонов. Кто-то из хавронов, оставив Асмодее, припустил за беглецами, киборг приобернулся — длинный луч прошел преследователя. Еще один солдат, выскочив из лаза, бросился за беглецами, но не добежал и до сраженного собрата. Асмодей обещал стать боевым арьергардом их небольшой армии, а стал несокрушимым заслоном.

Клаппа, выскочивший из пещеры, понял, что, пока не сражен киборг, преследовать беглецов опасно. Солдаты больше не нападали на Асмодее, а разбегались, замыкая его в неширокое кольцо: ни молнии, ни струи огня уже не доставали до них. Картина боя переменилась. Один резонансный выстрел угодил в цель: Асмодей закричал, подпрыгнул, завертелся, но устоял. Второе попадание опрокинуло киборга. Асмодей завалился, забил в воздухе лапами, мощный гребень, увенчивающий спину, разорвался и улетел, жиденькое пламя струилось из ноздрей...

Аркадий побежал в лес.

Это было такое же скопище омертвелых деревьев, как и те леса, что встречались раньше. Аркадий смутно удивился: почему хавроны так страшились этого унылого, но вовсе не грозного леса? В чаще, лишенной кустов, травы и листьев, виделось далеко, но Ланны и следа не было. Аркадий закричал, ни один звук не донесся ответно, только где-то хрустнула упавшая ветка — даже треск падения слышался мертвым. Аркадий снова закричал — отклика не было. Аркадий растерянно оглядывался. Неужели Ланна взял другое направление? Нет, он не мог ошибиться. Обе Гаруны стояли у полюса, они должны были оставаться за спиной, чтобы идти точно на юг, Ланна бы не повернулся на них лицом или боком.

— Иновременник, я здесь! — донесся слабый зов.

Аркадий остановился. Откуда позвал его Ланна? Если бы слова прозвучали, он побежал бы на звук. Зов был телепатирован в сознание, он не имел направления и был очень слаб. Аркадий снова громко закричал. В этом странном лесу, прозрачном для глаза, так легко потеряться, если сам безгласен. Хоть бы научился кричать “Ау!”, подумалось Аркадию.

— Иди, как шел, — донесся тихий ответ дилона.

Аркадий повернулся спиной к обеим Гарунам — единственно верный ориентир — и побежал на голос.

Ланна с Саланой лежали за большим камнем, прикрывавшим их с севера. Салана прижималась к другу обезображенной правой стороной. Аркадий раньше не слышал, как дилоны дышат, одного вдоха воздуха, много более плотного, чем земной, хватало им надолго. Сейчас, на отдалении, он услышал шум втягиваемого и выдыхаемого воздуха. Ланна, измученный, не повернул к Аркадию головы, только скосил глаза. Аркадий с восхищением сказал, прикидывая пройденный дилоном с Саланой на руках немалый путь:

— Ты молодец, Ланна, бежал так, что еле догнал вас. И хорошо, что присел отдохнуть. Но надо двигаться, хавроны, уверены, уже преследуют нас.

— Где Асмодей?

— Последнее, что видел: Асмодей упал. Его расстреливали из резонаторов.

— Значит, погиб. Надо идти. Я понесу Салану.

— Будем нести Салану поочередно. Сейчас моя очередь. Но, может быть, Салана хоть немного пройдет сама?

Ланна покачал головой.

— Иновременник! Ее правая нога так одряхлела, что Салана и ступить на нее не сможет.

Аркадий поднял девушку, прижал к себе обезображенной правой половиной. Салана была не тяжелее пакета с едой и хроногенератора, которые он носил на себе. Она прижалась правой щекой к груди человека, молодой глаз глядел умоляюще и благодарно. Она что-то тихонько провизжала, нежный визг наверняка сопровождал мысли и чувства, но ни мыслей, ни чувств она не умела передать на человеческом языке.

— Она благодарит тебя за доброту, — перевел Ланна, но Аркадий и без перевода понял, что хотела сказать девушка.

Он шел быстро, не заботясь о Ланне. Одно было важно: поскорей положить между собой и преследователями расстояние побольше. Хавроны боялись леса, но нужда поймать беглецов могла пересилить страх. Ланна старался держаться рядом с подругой — вытягивал здоровую руку, дотрагивался до Саланы, гладил ее плечо, что-то мысленно говорил, тихонько повизгивая. Но шаг Аркадия постепенно становился ему непосилен. Он не просил отдыха, но Аркадий чувствовал, что силы Ланны на исходе.

На крохотной полянке, закрытой мертвыми кустиками — хоть какое-то укрытие, — Аркадий скомандовал:

— Привал! Набираемся сил на новый переход.

Ланна поспешно сел. Аркадий передал ему Салану, девушка все тем же движением — поскорей спрятать обезображенную половину — прильнула правой щекой к дилону. Аркадий долго всматривался в северную часть леса. Оттуда не доносилось ни звука, лес там был недвижим и прозрачен. Неужто хавроны примирились с потерей пленников? Тут была странность, каких-то фактов не хватало, чтобы уяснить истину. Аркадий обратился к Ланне:

— Почему хавроны не преследуют нас, Ланна?

— Они страшатся безумного леса.

— Но я не вижу безумия. Лес как лес. Мертвый, как и все здесь. Но и только.

— Мне надо подумать. Поразмышляю и раскрою тайну.

Ланна отдался размышлению. Аркадий подкрепился едой, выбросил пустую коробку, потом, подумав, прикрепил ее снова к поясу — не следовало оставлять хавронам, если они сюда явятся, следов своего пребывания. Вынутый из коробки хрономоторчик занял свое обычное место на поясе. Теперь

можно было двигаться дальше. Посмотрев на задумавшегося Ланну и его подругу, Аркадий решил дать им еще несколько минут отдыха. Салана внешне не изменилась с момента, как Аркадий ее увидел. Правая нога походила скорей на палку, чем на ногу, правая рука висела плетью, а голова не поворачивалась: шея, такая гибкая у всех дилонов, справа окаменела — больше не удлинялась и не изгибалась. Зато левая, здоровая половина тела даже посвежела, в ней возродилась жизнь. Ожила оттого, что уже не чувствует себя такой безысходно одинокой, думал Аркадий.

А Ланна сдал. Поврежденная рука выглядела лишь немногим лучше, чем одряхлевшая рука Саланы. Дилон иногда пытался удлинить ее, повернуть, но даже крохотное движение давалось трудно — Ланна страдальчески разевал зубастый рот. И правая рука, которой он прижимал к себе подругу, уже не так свободно вытягивалась и сгибалась, и гибкая шея потеряла какую-то долю подвижности. Поднимать голову вверх Ланна еще мог, но поворачивать назад уже не был способен. Аркадий подумал, что если дилоны и вправду живут тысячу земных лет, то юный Сын Конструкторов Различий за считанные земные часы постарел на добрых четыреста лет. И если бы ему пришлось сейчас снова докладывать совету Старейшин, то даже глаза самого острого Различника не нашли бы значительных различий в возрасте между ним и величественными старцами в фиолетовых и красных мантиях.

— Додумал, Ланна? — спросил Аркадий.

— Додумал. Безумие впереди. Мы до него не дошли.

— Не густо. Но все же ориентир. Итак, торопимся к безумию, ибо, сколько понимаю, только область неведомого нам безумия может стать надежным барьером между нами и преследователями. Нет, Салану понесу я.

Теперь Ланне было уже не по силам держаться вровень с человеком. Он так отставал, что Аркадий несколько раз останавливался и поджидал его. Дилон не просил отдыха, но Аркадий сделал новый привал раньше, чем хотел вначале. Местом отдыха стала ложбинка, ее пологие стены надежно укрывали беглецов.

— Мне кажется, лес оживает, — поделился наблюдениями Аркадий. — Он меняет свой вид. Ты не находишь?

Ланна еле протелепатировал, что изменений не замечает. Но Аркадий видел изменения, которых дилон не обнаруживал.

Изменения были несущественные, мертвый лес оставался мертвым, даже легкое движение не шевелило окаменевшие ветви, в лесу по-прежнему не слышалось шорохов зверья, голосов птиц. Но деревья уже не высились недвижимыми хлыстами, как в том лесу, какой они прошли, на них оставались ветви и сучья, такие же окаменевшие, но не обрушенные. В том лесу ни одно дерево не имело кроны. Здесь кроны попадались — безлистные, неширокие, голые ветви и сучья. “Не оживает, конечно, я, пожалуй, преувеличил, — думал Аркадий, всматриваясь в деревья, — но и не добит до полного распада”.

— Вставай, дружище! — сказал он дилону. — Знаю, что не отдохнул, но времени на добрый отдых пока нет. Ты сказал, что безумие ожидает нас впереди. Мне кажется, мы приближаемся к безумию.

Чем дальше они шли, тем гуще на деревьях раскидывались костяшки сухих крон. А под деревьями виднелось все больше кустов — наборы безлиственных палок, цеплявшихся за одежду. Лес перестал быть прозрачным, в таком лесу уже можно было укрыться. Аркадий сбавил шаг. Было чудом, что преследователи их до сих пор не настигли. Но теперь утаиться от врагов уже не составляло труда. “Пройдем вон до той кучки деревьев, на которых даже сухие листья сохранились, — думал Аркадий, повеселев, — и там расположимся на длинный отдых, там даже треклятые Гаруны не будут припекать спину — сучья с сухими листьями сойдут за навес”.

Что-то схватило Аркадия и дернуло назад. Он вскрикнул и едва не уронил Салану. За одежду, за шею, за руки цеплялись ветви дерева, под мертвой кроной которого он пробирался. Аркадий издали прикинул на глаз, что костлявая шапка ветвей гораздо выше головы, веток он не заденет. Но крона вдруг оказалась много ниже, Аркадий очутился в гущине омертвелых, искривленных палок и сучьев, они перекрыли путь. Аркадий окликнул дилона:

— Иди сюда. Да наклонись, а то сам запутаешься в палках. Бери Салану, а я расчищу дорогу.

Ланна склонился так низко, что не коснулся ни одной ветки, пробираясь к Салане. Аркадий отодрал сучья, вцепившиеся колючками в девушку, и положил Салану на правую руку дилона. Ланна, обняв Салану, опустился на почву. Аркадий начал расчищать путь. Каменно-омертвелые, усыпанные крупными колючками, ветки не отпускали одежды.

Он стал ломать их. Скоро вокруг высился большой ворох сломанных сучьев и веток.

— Если бы дерево было живым, я бы зачислил его в отряд хищных растений, — сказал он дилону. — В нашем космосе на некоторых планетах попадаются растения-разбойники. Одно так и названо — “вампир-дерево”. Не дай бог животному пробежать под его кроной, ветви вдруг падают, обхватывают жертву присосками и не оставляют, пока не высосут. Я сам попал под такое дерево и спасся лишь благодаря бластеру-огнемету. Огня вампиры не переносят. Теперь надо набраться побольше сил. Новый переход будет длинным.

Приближаясь к следующему дереву с распатланной сухой кроной, Аркадий увидел, что ветви отчетливо опускаются. Аркадий остановился. Дерево было каменно-сухим, но не мертвым. Оно как бы готовилось к нападению — как истинный хищник. И крона, приготовившаяся схватить беглецов, была и гуще, и массивней, чем у прежнего дерева.

— Безумия пока не вижу, но разбой несомненен, — констатировал Аркадий. — Остался бы у меня мой походный бластер, я бы поборолся с этим сухим бандитом. Но переносной хроногенератор, да еще не вполне исправный, для таких операций не годен. Поищем обхода.

Обойти опасное дерево удалось просто, но впереди были другие деревья, они стояли гуще, проход между ними приходилось заранее выглядывать, чтобы не попасть в рискованную близость сразу к двум хищникам. Стали досаждают и кусты. Их становилось все больше, они хватали за ноги, впивались колючками в одежду. Салана раза три тоненько взвизгивала и стонала. Постаревшая половина тела, плотно прижатая к Аркадию, была защищена, но в наружную, юную, колючки впивались часто. Аркадий осмотрел одну колючую ветку. Ни присосков, способных пить кровь, ни даже длинных шипов, пронзающих одежду и кожу, на ветке не было. Аркадий отломил одну колючку и кольнул свою руку, но не испытал ни жжения, ни боли. Колючка была как колючка: цеплялась и кололась — и только. Ни яд, ни высасывание крови не грозили.

— Странные растения: мертвы и живы одновременно, — сказал Аркадий. — Нападают, чтобы мешать идти. Вроде бы хищники, но ран не наносят. Если бы я не знал, что хавроны сами их побаиваются, я бы решил, что они верно служат хавро-

нам: задерживают, чтобы преследователи сумели догнать. Ты слышишь шум, Ланна? Нет, определенно — лес оживает!

Ланна ничего не слышал. Ланна стоял рядом с Аркадием, прислонив свою голову к голове Саланы, лежавшей на руках хрононавигатора. Они безмолвно переговаривались, разговор был печален, — в левом, юном глазу девушки светилась жалоба и покорность судьбе, в глазах Ланны было отчаяние, — он плакал, крупные слезы катились по щекам. Аркадий не понимал их мысленного разговора, но догадывался, о чем они могут говорить.

— Положение плохое, но не отчаянное. Ты преждевременно оплакиваешь Салану. Если дойдем до рангунов, ее удастся спасти: они враги, но ведь не палачи. — Аркадий говорил так откровенно, зная, что смысл слов до нее не дойдет, а Ланна не переведет его на свой язык.

Аркадий теперь выбирал такой путь, чтобы не только клонящиеся сухие кроны не могли схватить их, но чтобы и кустарник не опутывал ноги. А Ланна спотыкался на ровных местах, два раза вдруг беспричинно падал. Во второе его падение Аркадий воротился назад, чтобы подать руку. Поставив Ланну перед собой — Салану он держал одной рукой, — Аркадий сильно встряхнул дилона:

— Ланна! Ты двигаешься как во сне. Вот уж не думал, что на дилона способна напасть сонная одурь!

— Дилоны не спят, — невнятно протелепатировал Ланна. — Мы не знаем одури. Я очень устал, иновременник.

Обе Гаруны освещали Ланну. Недавно юный Различник показался Аркадию почти равным по возрасту Отцам Старейшинам. Но он не просто казался старцем, он реально стал стариком. На Аркадия глядело незнакомое существо — морщинистое собаковидное лицо с глубоко запавшими щеками, тусклые глаза, одеревеневшая шея, одеревеневшие руки, ноги, не гнущиеся от бессилия...

— Хорошо, — сказал Аркадий. — Значит, долгий отдых! Отдых на всю ночь. Хоть в этих местах, где два солнца не сходят с неба, ночи и не бывает.

Он выбрал удобное место — прогалину среди рослых стволов с мощными кронами. Прежде чем положить Салану на почву, Аркадий прикинул, не смогут ли опустившиеся ветви накрыть его и дилонов. Кроны, как бы низко ни падали, достать

беглецов не могли. Аркадий помог дилону улечься рядом с Саланой, потом улегся и сам.

— Теперь бы поспать, — сказал он вслух. — В палатах “Гермеса” можно принять радиационный душ, чтобы отделаться от сонливости. Здесь радиационные души не смонтированы. Ох, и лихо же я посплю!

Но сон не шел. Аркадий разбирался в ситуации. Хавронов теперь можно не страшиться, они вряд ли сюда доберутся. Если хронавта в зализанном костюме так цепляет всякое когтистое сучье, то лохматым в такую чащу не пролезть. Но что это за отдаленный шум? Шума не должно быть в мертвом лесу. Всю долгую дорогу от пещеры до последнего привала томила тишина. И когда они летели над мертвыми полями, недвижными озерами, окостеневшими лесами — всюду стояло каменное безмолвие. Тишина угнетала, терзала тело и душу. Кто-то из древних поэтов сказал: “Тишина, ты лучшее из всего, что слышал”. Тот поэт слушал не эту тишину. Он слушал тишину отдыхающей, погруженной в самую себя жизни, то была тишина бытия — временное успокоение от деятельности. А здесь каменное безмолвие небытия, безгласие абсолютной недвижимости: тишина-пытка, а не тишина-отдохновение. И вот в лесу, остающемся окостенелым, пробудился шум — мертвый шум мертвого леса! К чему бы это?

Шум доносился издалека, вблизи ничто не звучало. Аркадий стал прикидывать, на что похож этот отдаленный шум. Грохот сражения? Нет, конечно. Гул прибоя? Схож, но не очень. Буря, забушевавшая в чаще? И не это. Голоса живых существ? Вопли, стоны, рык и свист, тысячеголосо слившиеся в единое звучание? Маловероятно: откуда здесь столько живых существ, чтобы породить такой хаос звуков?

Шум шел из той части леса, куда лежал путь беглецов. Вокруг была неподвижность и безмолвие, шум накатывался издалека. Аркадий вдруг увидел, что кроны деревьев, обступивших прогалину, зашевелились. Ветви и раньше опускались, пытаясь схватить беглецов, это выглядело странно и дико — такая подвижность у омертвелых растений, но что было, то было, повторение раздражает, но не удивляет — удивляет неожиданное. Всматриваясь в задвигавшиеся кроны деревьев и убеждая себя ничему не удивляться, Аркадий удивился. Движение в окостеневших кронах не было повторением известного. В воздухе не чувствовалось и легкого дуновения, воздух был такой же ка-

менно застывший, как и все в этом окаменелом мире. А кроны заметались, как от урагана. И заголосили. Тот шум, что слышался издалека, теперь гремел вокруг. Ветки со свистом полоховали неподвижный воздух. Не внешняя буря, а какой-то внутренний ураган, вырвавшийся из стволов наружу, бешено взметал кроны.

А вскоре Аркадий увидел, что два ближайших дерева стали вершинами изгибаться одно к другому, их кроны смешались. Аркадий вскрикнул. Деревья дрались! Ветви одного дерева хватили ветви другого, скручивали и ломали их, осатанело вырывали из стволов. На Аркадия посыпались сучья, превращенная в пыль кора, остатки листьев, еще сохранявшиеся на ветках. Аркадий окликнул дилона. Ланна, не отпуская подругу, приподнялся. И ему, и Салане зрелище битвы деревьев было внове, они глядели с испугом, потом оба обернулись к Аркадию. Ланна что-то провизжал. Самоуверенность, похоже, покинула дилона, он уже не считал, что достаточно глубоким размышлением сможет раскрыть все тайны мира. Аркадий прочитал в его запавших глазах немой вопрос.

— Не знаю, — сказал Аркадий. — Наверно, то безумие, которого страшились хавроны. Пока нам это не грозит бедой. Но не уверен, что без беды обойдется.

Теперь весь лес вокруг представлял собой арену злого сражения. Куда Аркадий ни оборачивался, дерево схватывалось с деревом. Стволы хищно гнулись, кроны схлестывались, снова выпрямлялись, отдирая ухваченную своими ветвями крону соседа. От бешеного метания ветвей появился ветер. Сучья и крупные обломки коры рушились на почву, остатки листьев металась в вышине. Хронавта оглушали свист и грохот, визг раздираемого сухого корья, треск и глухое уханье стволов, тонкие всхлипы рвущихся веток — почти живоголосый вопль. Тот тревожный шум, что недавно слышался издалека, теперь, тысячекратно усиленный, грохотал вокруг.

Аркадий, согнувшись, старался не шевельнуться, чтобы не попасть под удар свирепо качающихся ветвей. И если раньше бредовый пейзаж сражающегося леса его только удивил, то сейчас все оттеснил страх за себя и дилонов. Он выбрал это место потому, что сюда не могли бы достать ветви соседних деревьев, как бы они ни склонились. Но в этом проклятом лесу гнулись и стволы! Если они, прекратив взаимное сражение,

наклонятся к беглецам, их кроны перекроют всех троих чудовищной сетью — и выбираться будет некуда.

— Слушай меня, Ланна, — сказал Аркадий. — Предвижу новую опасность. Взбесившиеся деревья могут перенести свою ярость на нас. Сражаться с мертвыми бестиями, наделенными отнюдь не мертвой хваткой, нам не под силу. Единственная защита — хроноэкран. Мой хроногенератор поврежден, но небольшую хронофазу он обеспечит. На какие-то секунды мы ускользнем из местного времени. Но мы должны двигаться, чтобы за несколько выигранных секунд выиграть и несколько метров. Ты бежать не можешь, Салана тоже. Я понесу вас обоих, а вы хватайтесь за меня покрепче и старайтесь мне не мешать. Вам понятно, друзья мои?

— Нам понятно, — ответил за обоих Ланна.

Аркадий проверил хроногенератор. Небольшое поле он создавал. Шум ослабевал, сражение деревьев иссякало. Стволы выпрямлялись, кроны замирали. Лес снова изменил свой облик, теперь, ободранный, покореженный, он мало чем отличался от того голого и прозрачного леса, куда они вступили. Аркадий не отрывал глаз от ближних стволов, чтобы не пропустить грозного мгновения. Он точно уловил его: стволы окружающих деревьев шевельнулись, стали медленно изгибаться к центру площадки. Их ободранные ветви хищно наклонялись к трем беглецам. Аркадий вскочил.

— Пора! Бежим!

9

Аркадий прижимал дилонов к своей груди: правой рукой — девушку, левой — Ланну. Салана прижалась к Аркадию молодой щекой, больная рука дилона висела плетью, да и здоровая так обессилела, что он не сумел ухватиться за шею человека, только слабо цеплялся за пояс. Аркадий чувствовал, что, если споткнется, Салана с трудом, но удержится, а Ланна свалится. И он изо всей силы притиснул к себе дилона, когда кроны изогнувшихся деревьев не просто опустились, а всей массой упали на них.

Опережение времени, какое мог обеспечить поврежденный генератор, составляло около четырех секунд — Аркадий знал, что большего не достичь. И еще готовясь к побегу сквозь купу деревьев, окруживших прогалину, рассчитал, что за эти четыре

секунды сумеет одолеть с двумя дилонами на руках не более двадцати метров. Но и пятнадцати хватало, чтобы вырваться из опасного кольца. Любому космонавту приходилось в годы учения бегать с грузом на груди и в руках по пересеченной местности — и Аркадий в последних по бегу никогда не числился. Но еще ни разу ему не случалось разгоняться так, как он это сделал сейчас.

И, прорвавшись за цепь взбесившихся деревьев на свободное место, он остановился и оглянулся. Деревья плотно сомкнулись кронами, тысячи сучьев и веток шарили по грунту, пытаясь ухватить то, что по времени этого ошалелого мирка еще находилось тут, но по времени самого Аркадия отстояло ровно на четыре секунды — и на двадцать метров дальше. На лекциях в Институте Времени хронавтам часто говорили, что расхождение своего и окружающего времени даже на секунду бывает достаточно, чтобы успеть покинуть опасное место, если соединить сдвиг времени с быстрым движением в пространстве. И сейчас, остановившись и оглянувшись, Аркадий до дрожи в ногах чувствовал, что спасли их от гибели именно эти ничтожные секунды. Упав он, просто замешкайся на бегу — и их всех накрыла бы беснующаяся гора ветвей: вон они снуют там, уже полная минута прошла, а они всё копошатся, всё впиваются колючками в почву, всё пытаются выхватить одна у другой ускользнувшую добычу.

— Первый раз проскочили, — сказал Аркадий трясущемуся от страха Ланне. — И во второй раз проскочим!

— Иновременник, я непрерывно размышляю, — слабо протелепатировал Ланна. — И прихожу к выводу, что у всех деревьев нарушена синхронность, оттого они такие агрессивные, хотя и безжизненные. От этой несинхронности они в конце концов распадутся.

— Этот конец концов будет в очень далеком будущем. Раньше они полностью окаменеют.

— Камни от внутренней несинхронности тоже распадаются.

— Да, через миллионы лет, ибо что для камня несинхронность в какое-то тысячелетие? Меня это не устраивает. Я не смогу так долго дожидаться их распада. Секунды мне сейчас важнее миллионов лет.

Теперь надо было избегать скопищ деревьев, там четырех секунд опережения могло и не хватить для бегства. Аркадий

кривил дорогу, пробирался мимо отдельных стволов там, где гарантия в двадцать метров обеспечивала свободный пробег. Вторично ускользнуть от падающих ветвей удалось легко, столь же легким было и третье бегство. Аркадий повеселел от удачного обмана. Он не сражался с удивительным противником, а обманывал его — это была захватывающая, хотя и опасная игра. Лес поредел. Уже можно было пробираться так далеко от деревьев, встречавшихся на пути, что никакой изгиб ствола в сторону беглецов не давал возможности ухватить их ветвями.

И на безопасном месте, между двух деревьев — проскочить между ними можно было всего за две секунды опережения, за десять метров бега — случилась беда. Он ее предвидел — и не сумел предотвратить.

Здесь везде были понатыканы скелеты кустов, за один Аркадий запнулся, уже бросившись в бег. Он бы устоял на ногах, одно потерянное мгновение не стало бы роковым в сравнении со спасительным запасом в четыре секунды. Но висевшая левая рука дилона зацепилась за куст, Аркадий дернул Ланну, но не вызволил — и все запасные секунды были потеряны на выпутывание руки дилона. На них обрушились ветви, и Аркадий упал, подмяв под себя обоих дилонов.

В школе Аркадий как-то смотрел стереофильм об освоении Семелы, неплохой планетки в системе Денеба. Один астронавт, безрассудный парень, вступил в единоборство с араном — многоногим чудищем, похожим на паука, только размером с земного бегемота, — а товарищ его спокойно фиксировал их схватку. Затея вышла из неудачных: аран так прижал человека, что стал лопаться прочнейший скафандр, даже гравитатор не преодолел железного объятия мохнатых ног чудища. И если бы товарищ не бросил свой стереоаппарат и сам не схватился за бластер, забава могла бы окончиться трагически.

И теперь Аркадию почудилось, что повторяется ситуация из того стереофильма: хищные ветви будут рвать и ломать его столь же яростно, как это делали ноги арана. И разница будет лишь в том, что у арана всего восемь ног, а у дерева сотни сучков и веток. Он уже ощущал, что в тело впиваются колючки, но это было ложное ощущение. Его опутывали, не давали подняться, но не рвали на части, не впивались мертвыми остриями в живое тело. Он был как бы в сети — странной сети, шевелящейся, ползущей, хватаящей, но не терзающей. С минуту он

остро страшился, что его и дилонов, опутав ветвями, куда-то потащат, но и тащить дальше самого дерева было некуда, и похитить их не стремились так же, как не стремились и разорвать: лишали движения, придавливали к почве — и только!

И когда до Аркадия дошло, что физический разрыв тела не грозит, он понял и другую страшную истину. Все деревья в этом безумном лесу были вампирами. Это предположение было первым — и оно оказалось правильным. Но здесь — и во время схваток меж собой, и сейчас, опутывая и сжимая три тела, — сучья пили не кровь, не соки организма, а физическое его время. И мгновенно вспыхнула мысль, что если он немедленно не придумает отпора, то не пройдет и десятка минут, как и он, и оба дилона превратятся в нечто без собственного живого времени — во вневременные окаменелости, которым безразлично, сейчас они, тысячу лет в прошлом или тысячу лет в будущем. Ибо из его жил, из его крови, костей, из самого его мозга, секундами и минутами, как каплями крови, вытекает самое животворящее, самое важное, чем он обладает, — физическое время бытия. Вот чего так страшились лохматые обезьяноподобные хавроны, старательно обходившие этот лес: здесь и растения, утратившие собственное жизненное время, уже почти вневременные, исступленно, яростно вырывали у всего, что пока было во времени, а не вне его, остатки живых секунд, минут и часов.

Вместе с пониманием пришло и решение. До сих пор он стремился вперед, выискивая секунды опережения, чтобы пробежать мимо древесных вампиров в их близком будущем, а не в прошлом. Но в будущее он не проскользнул, он схвачен и опутан в настоящем. И если снова выиграет еще недавно столь спасительные четыре секунды, то для них не хватит свободного пространства. Не то что за четыре секунды, но и за четыре минуты он не выберется из этой чащобы навалившихся, ползающих по его телу, жадно прилипающих ветвей. И почти нечеловеческим усилием выдернув руку из перехлеста веток, Аркадий переключил хроногенератор на обратный ход.

Теперь он уходил в прошлое — и не на секунды, а на минуты, точного счета он не знал, но в минутах не сомневался. И быстро почувствовал перемену в борьбе с вампирами. Только что все тело томило, из него что-то высасывалось настойчиво и беспощадно: ветви не кололи кожу, не рвали мышцы, но как бы сливались с телом, становились его частями — как язва, губя-

щая организм, всегда часть этого организма, а не внешняя сила. И вот сразу оборвалось отвратительное слияние. Ветви скользили по его телу, отыскивая и не находя соединения. Он был для них как бы смазан жиром, не дающим зацепок. Ибо они существовали в настоящем, а он еще пребывал в прошлом, они хватали его теперешнего, а он отстоял от теперешнего на несколько минут назад, его сейчас еще не было, хотя реально он уже был — но не для них.

Аркадий понимал, что от быстрой гибели ускользнул, но от угрозы гибели в близком будущем отнюдь не избежал. Он продолжал жить, его время шло — и с каждой пройденной секундой прошлое приближалось к настоящему, он не мог вечно пребывать в нем — на это не хватило бы энергии тысяч карманных хрономоторчиков. Одни могучие генераторы “Гермеса” могли бы обеспечить полную отстраненность от настоящего. Но где он, “Гермес”? Аркадию не понадобилось вспоминать инструкции хрононавигаторов, они всегда стояли в памяти, и среди них одна, единственная в этот миг важная: “Сдвиг времени не дает гарантий ухода из опасного места, если не сочетать его с перемещением в пространстве”. Аркадий рванулся вперед. Он еще оставался в прошлом, но устремился в будущее, не оставляя врагу ни одного мгновения настоящего.

Он хотел подняться, но не смог. Он полз, вытаскивая за собой Салану и дилона, — извивался, отталкивался от неровностей почвы, цеплялся ногами и телом за каждый бугорок. Шапка накрывших их ветвей становилась все реже, в ней виднелись просветы. Он исступленно полз к просветам, а когда дополз до открытого простора — не остановился, не отдохнул, не встал, а все продолжал ползти, таща обоих дилонов.

И только увидев себя на поляне, лишенной деревьев и кустов, он замер и, закрыв от бессилия глаза, судорожно и жадно дышал, пытаясь восстановить силы. И еще не отдышавшись, потерял сознание. А когда сознание воротилось, оно было спутанным и неполным: мутные ощущения, такие же мутные мысли, неопределенные желания чего-то — Аркадий никак не мог сообразить, чего же. Одно он понял раньше остального — надо встать, надо убедиться, что не надвигается новая беда. Руки приподняли туловище, но ноги не удержали. Он снова упал, набираясь сил и как-то безучастно удивляясь, почему силы не приходят. Он прошептал вслух — ему казалось, что он говорит очень громко:

— Ну, не высосали же они из меня всю мою жизненную энергию? Дудки! Отдохну еще минутку, и хватит.

В ответ он услышал тихий визг Саланы. Девушка лежала головой на груди Ланны и плакала. Наверно, она еще что-то говорила мыслями, но мысли до него не доходили, а плач ее, очень похожий на человеческий, хватал за душу. Аркадий подполз к дилону. Он плохо видел, неожиданная картина не входила в сознание — смутное видение из другого мира. Перед ним лежал опавший всем телом, иссохший, маленький старичок. Ланна должен был постареть от тяжелых испытаний, он и раньше уже походил на Старейшин, а не на молодого Сына Различников. У него пострадала одна рука, она не могла удлиняться, но другая была здоровой. А старик, лежащий на каменистой почве, раскинул две одинаково сухие крохотные ручки, он весь был крохотный — вовсе не тот дилон, что звался Ланной. И мордочка, такая живая и выразительная у Ланны, у этого была уродлива и много меньше. Но тем же смутным сознанием Аркадий установил, что перед ним именно его добрый товарищ, милый юный мыслитель, внезапно катастрофически одряхлевший, уходящий из бытия, если уже не ушедший.

— Добрались они до тебя, Ланна! — горько сказал Аркадий. — И я не смог защитить! Все твоё жизненное время высосали. Нет тебя больше, Ланна!

Что-то дрогнуло в неподвижной мордочке крохотного старца: он раскрыл глубоко запавшие глаза, медленно скосил их на Салану, так же медленно обратил на Аркадия. В глазах не было ни мысли, ни чувства, они были безучастны к окружающему, они, отрешенные, уже ничего не выражали. Но Ланна три раза — все медленней, все с большим усилием — переводил взгляд с Аркадия на Салану. И Аркадий понял, что хотел передать этим последним в своей жизни движением уже потерявший способность генерировать свои мысли дилон.

— Да! — сказал Аркадий. — Я не покину Салану. Либо сам с ней погибну в этом проклятом лесу, как погиб ты, либо выберемся оба.

Он говорил с Ланной, как с мертвым. Он знал, что Ланна уже не может слышать. На груди недвижимо Ланны тихо плакала его подруга. Аркадий лег рядом с ним, вытянул ноги, закрыл глаза. Позади, уже ощутимо ниже зенита, две недобрые звезды, Голубая и Белая, очень медленно — им некуда было торопиться, они пребывали в вечности — преследовали одна

другую. Аркадий набирался сил. Силы возвращались медленно, но он уже ощущал их слабый прилив.

Почувствовав, что сможет устоять на ногах, Аркадий поднялся, положил Салану в сторонке на обезображенный правый бок, чтобы она могла видеть умершего друга, и стал собирать камни. Он клал их вокруг мертвого тела и на него, пока не возник холмик. Потом подошел к Салане и наклонился над ней.

Она глядела на него здоровым левым глазом и что-то почти неслышно визжала. Аркадий услышал в ее тихом визге такую мольбу, увидел в ее незамутненном глазе такой страх и такую надежду одновременно, что его волной охватило еще не испытанное чувство — горячая нежность к слабому существу, молящему о помощи.

— Деточка, я не покину тебя, — сказал он. — Правда, ты не понимаешь моих слов. Но это неважно. Я без тебя не уйду. Сейчас я подниму тебя и крепко обниму, а ты тоже крепко обними меня, и мы пойдем вместе. До полного спасения вместе! Верь в это так же, как я сам в это верю. Нет — не верю, Салана, ибо верят в то, чего не знают, — а я знаю, я твердо знаю — скорее умру, чем оставлю тебя!

Она вслушивалась в его слова, они как-то доходили и успокаивали. В здоровом глазу пропал страх. Он поднял ее, обнял обеими руками, она обхватила левой рукой шею, уткнулась правой щекой в плечо. Он чувствовал, как расслабилось ее тело: она доверилась его воле — маленькое создание покоилось на груди защитника.

Он еще раз оглянулся по сторонам. Позади сияли два злобующих солнца и чернел погибший лес — опасный лес, еще не ушедший во вневременность и в последней судороге существования пытающийся оживить себя крохами чужого жизненного времени. Впереди проглядывались разбросанные стволы бывших деревьев — их теперь можно было не опасаться. Он шел к ним, осторожно переставляя ноги, чтобы не наткнуться на бугорок или яму.

Отчетливое сознание еще не вернулось. Глаза порой затягивало туманом. Мысли не вспыхивали, а медленно вырисовывались: он не постигал уже родившуюся мысль обычным мгновенным знанием, а как бы всматривался со стороны в какие-то возникавшие в сознании надписи, и лишь после этого они становились ясными. И ноги потеряли устойчивость, он не был уверен в их крепости. Ему все казалось, что если он сильно топ-

нет ногой, то она согнется, как резиновая, или переломится, как высохшая тростинка. Надо было проверить, так ли это — без проверки он не мог доверять ногам долго нести его с Саланой. Но он не смел рисковать такой опасной проверкой, она могла стать роковой.

Смутно соображая, что страшно не только ему, но и Салане, он заговорил вслух. Она не могла понять его слов, да это было и лучше: он говорил о том, что ей не нужно было знать, о том, что могло ее скорей огорчить, чем успокоить. Но она успокаивалась от его голоса — он старался, чтобы в голосе звучала ласка и доброта.

— Бедная моя девочка, теперь я понимаю, отчего погиб твой друг, — говорил он, медленно передвигаясь. — Мне он сказал: “Она будет жить, пока я живу”. Я тогда не понял. Вот, думал я, выпренность, человеческие словесные фиоритуры, а не глубокое рассуждение дилона. Вот так я думал — поверхностно, ты права, но не от пренебрежения к нему, он ведь — ты знаешь — достоин восхищения. “Я такой”, — как любил говорить о себе наш добрый Асмодей; он тоже погиб, хороший был парень, настоящий человек, хотя и не человек. Я о Ланне, я о твоём друге — ты не сердись, от меня ускользает мысль, я ловлю ее. Ланна погиб от любви к тебе, и это такая прекрасная смерть, девочка!.. Он нес тебя и вливал в тебя свое собственное жизненное время, он не давал тебе состариться, как ты уже начала, ты даже помолодела постаревшей половиной, а другой, юной, так молода, так прекрасно молода, что мне хочется плакать: ну почему свалилась на тебя эта чудовищная хворь раздвоения — разрыв связи времен в едином теле. Он отдавал тебе свое живое время, а сам старел, нес тебя и непрерывно старел. Вот так он любил тебя, девочка, так чудесно, так скорбно тебя любил. А я не смогу передать тебе свое жизненное время — я человек, Салана, люди живут много меньше дилонов, но не в этом дело. Я отдал бы тебе свое маленькое время, если бы оно могло влиться в тебя, но я не знаю, как это сделать. Вы умеете не только открывать, но и опровергать законы природы, а я не научен — прости меня за это. Вот мы идем и идем, а Ланны нет, а без Ланны вдруг опять ускорится твое постарение, что нам делать тогда? Я же не умею, как он, а мы идем и идем, и я так боюсь за тебя, бедная моя девочка!..

Аркадий помолчал и снова заговорил:

— Итак, я о Ланне, о моем добром друге Ланне, о твоём друге Ланне... Он умер, ты видела, как он умирал, ты плакала на его груди. Он упал под тем деревом уже постаревший, а я не защитил его — я не знал, что моего хрономоторчика не хватит на троих; тебя защитил, а его не сумел, вот так это получилось. И проклятый вампир высосал из него остатки его физического времени, которое он предназначал для тебя, для тебя одной, Салана. Боже мой, как он внезапно одряхлел, каким стал древним стариком, я не узнал его, но ты плакала на его груди, он, уже не знакомый для меня, оставался для тебя все тем же близким, самым дорогим, — и это так печально и хорошо, что ты не отшатнулась от страшно преобразенного старика, что ты плакала о нем на его груди... И мы идем, Салана, мы идем, только не знаю куда — к спасению или к гибели.

Аркадий снова остановился. Салана плакала. Маленькое тельце содрогалось от рыданий. Аркадий прижал ее покрепче к себе, погладил растрепавшиеся волосы, поцеловал в голову. Она, поплавав еще немного, затихла. Аркадий пошел дальше, продолжая разговаривать:

— Я человек, Салана; ты не человек, а другое существо — разумное, милое и страдающее. Так много различий между нами, так ужасно много различий! Не нужно быть специалистом по конструированию различий, каким был твой друг Ланна, чтобы разглядеть ту бездну, что нас разделяет. И внешний облик, и все прочее — да, очень, очень многое, ты права, я согласен. Но в тысячу, в безмерную бездну раз больше единства — я этого раньше не знал, теперь знаю. Мы непохожи, мы радуемся по-разному, но страдаем одинаково, твое маленькое сердце так же болит, когда у тебя беда, как и мое в мою беду. И у тебя есть свое добро и свое зло, и у меня свое добро и свое зло, мы не вне добра и зла. Кто может быть по ту сторону добра и зла? Так когда-то у нас писали высокомерные глупцы, а это была ерунда: та сторона, за которой нет добра и зла, вне нашей вселенной, вне любого разума и любой жизни. А мы с тобой живые и разумные, разве не так?

Он еще помолчал, набирая побольше дыхания.

— Салана, я обрадую тебя. Лес уже другой! Не мертвые хлысты и палки, а настоящие деревья. Вот погляди, я чуть-чуть поверну тебя, чтобы ты могла увидеть своим здоровым глазом, видишь — живые листья, такие же голубые, как и на всех живых деревьях на вашей планете. И трава под ногами живая, та-

кая ярко оранжевая. Ты ведь видишь, правда? Это — спасение! Мы возвращаемся в мир нормального времени, мы возвращаемся в жизнь, хорошая моя девочка! Правда, там рангуны, там ваши враги, но ты не страшись, я не дам тебя в обиду, пусть лучше меня разорвут на клочья, чем я позволю тебя обидеть. Не дам, слышите вы, не дам!

Аркадий выкрикнул эти слова с гневом и угрозой. Он вдруг ощутил, что в нем самом что-то очень важное переменялось. Он больше не был веселым юнцом-хронавтом, в столь молодые годы наделенным высоким званием хроноштурмана, — он стал суровым мужчиной, какого показывало Зеркало Сущности в зале Предварения. И на руках у него было слабое существо, почти ребенок, доверчиво прильнувшее к спасителю. Он должен был ее защитить, он жаждал ее защитить — это была его священная обязанность, его радостный долг взрослого, собственным телом заслоняющего ребенка от опасности, высочайший долг мужчины, собственной жизнью спасающего женщину. Он вдруг стал как бы всеми отцами мира, людьми и не-людьми, оберегающими своих детей. Он ощутил себя мужчиной всех мужчин вселенной — охранителем и надеждой всех женщин мира!

— Я спасу тебя, Салана, спасу, мы уже вышли в хорошее место, — бормотал он и вдруг оборвал бормотание.

Он остановился, взгляделся в девушку. Она холодела. Она преображалась. Левая здоровая половина тела теряла свою резкую отличность от одряхлевшей правой. Обе половинки сливались, в них восстанавливалась целостность времени. Салана вновь обрела единое время существования — не жизненное неровное время, а постоянное вечное время смерти. На руках у Аркадия лежала маленькая, почти лишенная веса старушка. Аркадий положил Салану на траву, молча смотрел на нее.

— Не донес, — сказал он горько. — Прости, не донес тебя.

Потом он собрал камни и, как перед тем хоронил Ланну, похоронил и его подругу. Когда вознесшийся холмик полностью закрыл маленькое тело, Аркадий сел рядом с могилой. Надо было идти, спасение было недалеко. В нарядном голубом лесу уже не грозили разрывы времени, хроновороты и хронобои: еще тысяча шагов — и кончатся его страдания. Но у него не было сил сделать эту тысячу шагов. И не было желания искать спасения — так непреодолимо трудно стало добывать его.

Все же он заставил себя встать и пойти. Но он не шел, а плелся: тело стало тяжелым для ног, в глазах все расплывалось и мелькало. Споткнувшись о бугорок, он упал.

Теперь ему было хорошо. Он смотрел на серое небо: где-то вверху одна безжалостная Гаруна преследовала другую — он не видел их, они были вне обзора. Тихо шумела голубая листва деревьев, тонко пела оранжевая трава. Он закрыл глаза. Надо было заснуть, надолго заснуть.

До него донеслись голоса, кто-то с силой схватил его за плечи, потряс, кто-то целовал его щеки, со слезами говорил:

— Сын мой, родной мой! Мальчик мой, скажи что-нибудь!

С усилием он поднял веки. Около него на коленях стояла Мария Вильсон-Ясуко — она тормошила его, по лицу ее текли слезы. Он не поверил, что это Мария, ее не могло здесь быть. Он не хотел отвечать на ее призыв, на ответ не было сил. Он перевел взгляд в сторону. Вокруг Марии толпились какие-то фигуры, он не узнавал их. Только одна показалась отдаленно знакомой: она чем-то напоминала Асмодея. На ней был такой же камзол средневекового аристократа, та же сломанная шпага, рожки, высовывавшиеся из кудлатой головы. Но это не мог быть киборг: тот был строен и элегантен, этот изодран, согнут, изможден — развалина, а не изящный кавалер.

Аркадий перевел взгляд дальше. Справа от Марии стояло незнакомое высокое существо — нечто очень похожее на человека и очень нечеловеческое. Львиной головой и гривой он напоминал Старейшину Старейшин Гуннар Гунну, но был много моложе, не имел таких длинных рук и был лишен хвоста. Он был высок, этот незнакомец, рост гармонировал с величавой осанкой.

Мария встала с колен и сказала величавому незнакомцу:

— Ватута, прикажи положить Аркадия на носилки. Он плох, его надо срочно доставить на “Гермес”.

Незнакомец церемонно поклонился настоящим человеческим поклоном и громко ответил на хорошем человеческом языке:

— Будет исполнено, Повелительница!

Часть третья

МЕРТВОЕ БЕССМЕРТИЕ

1

Михаил Петер Бах, знаменитый на Земле археолог, академик и знаток населенных и пустынных планет ближнего к Солнцу космоса, человек, испытавший множество опасных приключений и неизменно выходявший сухим из воды, ни минуты не сомневался, выпадая из разваливающегося шара, что гибель и на этот раз не близко. Его выбросило наружу, но не разбило; его непреодолимо тащило куда-то, но тащило мягко; он вполне мог разнести свой череп о любой крупный камень, но его увертывало от камней. Это не случайность, понял он. “Меня похищают”, — подумал он и перестал сопротивляться уносящей силе.

И он не удивился, когда вдруг почувствовал, что его тело уже не катится, а летит над почвой. “Подняли антигравитационным полем, — хладнокровно думал он, — а зачем подняли? Что-то новое, подождем”. Новое предстало в образе такого же шара, из которого его выбросило, но значительно крупней. Шар подлетел вплотную, в нем открылся лаз, из лаза высунулась рука, схватила человека и втянула в шар. Бах упал на пол, с усилием приподнялся. У пульта сидело трое аборигенов, весьма похожих на людей. Лишь у того, кто втянул его, руки были по-дилоньи гибки; у двух других они, более короткие, явно не удлинялись, а хвостов не было ни у одного. И лица у всех были скорей обезьяноподобными, а не собаковидными, как у дилонов; на теле — густая шерсть, губы выпячены. Все трое повернулись к Баху спиной, как только он поднялся с пола, — похоже, он больше их не интересовал. Один что-то сказал другому, тот что-то ответил — они разговаривали звуковой речью, слова были непонятны, но это были слова, а не однообразный визг дилонов, лишь сопровождающий передачу мыслей. Это приободрило Баха — акустической речью, как она ни сложна, все же легче овладеть, чем телепатированием неизвестно как закодированных мыслей.

Он обратился к аборигенам, стараясь говорить медленно и членораздельно, чтобы они, если и не поймут сразу, то хоть запомнили слова:

— Вы рангуны? Не откажите в любезности сообщить, куда меня волочите? В смысле: для чего похищаете?

Все трое разом обернулись. Один сказал гортанно, как бы не произнося, а выплевывая каждое слово поодиночке:

— Хаврон. Бедла.

— Хаврон. Кадла, — подхватил второй.

Третий закончил:

— Хаврон. Рудла.

И все трое опять повернулись спинами к Баху.

— Понятно. Хавроны, — сказал Бах в спину троим. — Воины рангунов. Не знаю, будет ли приятным наше знакомство, но все же познакомимся. Я — человек, Михаил Петер Бах, археолог. Впрочем, вряд ли вы поймете, что такое археолог. Да и вообще сомнительно, чтобы вы хоть словечко мое понимали. Но все же — куда вы меня тащите?

Хавроны, уловив вопросительную интонацию, обернулись.

— Хаврон. Бедла, — выплюнул первый.

— Хаврон. Кадла, — дополнил второй.

— Хаврон. Рудла, — закончил третий.

Бах помолчал. Долго молчать он не мог. Его распирало от мыслей и чувств. В далеких походах он привык общаться со словоохотливым и умным собеседником — самим собой. Он заговорил вслух:

— Итак, хавроны. Дилоны ненавидят хавронов (все они обезьянолики или только эти три молодца?), пожалуй, больше, чем рангунов. Это-то, впрочем, объяснимо. Слуга врага всегда отвратительней самого врага. И тащат меня эти слуги, естественно, не по своей прихоти, а по велению господина. Возможно, по приказу Верховного Злодея рангунов, как его назвал Старейшина Старейшин, тот милый старец, который сейчас трудит свою высокоумную голову над мучительной загадкой, сколько ангелов можно разместить на острие иголки. Как его зовут, Верховного Злодея? Да, вспомнил — Ватута!

Трое хавронов поспешно вскочили, услышав громко произнесенное имя, разом обернулись, разом склонили мохнатые головы.

— Хаврон. Бедла, — почтительно сказал первый.

— Хаврон. Кадла, — угодливо добавил второй.

— Хаврон. Рудла, — торжественно завершил третий.

— Заткнитесь, лохматые! — раздраженно попросил Бах. — Мне ваши церемонные самопредставления надоели. Одно важно: кому и зачем я нужен, а этого вы не скажете, даже если бы знали, а наверно, и не знаете. Поэтому помолчим. Сидите ко мне спинами. Спины у вас еще невыразительней лиц. Один древний писатель по выражению спин определял характер людей точнее, чем по их лицам. Вы его не читали, естественно. Интересно, умеют ли в вашей стране читать? У дилонов, считающих себя воплощениями Высшего Разума, книг нет, но разум есть, хотя, по-моему, не высший. Впрочем, это мое частное мнение. Поэтому и о дилонах помолчим. В вашем летательном снаряде все стены изнутри прозрачны, это хорошо. Конечно, взирать на ваши светила: и томную Голубую, и разъяренную Белую — равно нерадостно, зато можно полюбоваться планетой. Хорошая планета Дилона, одно плохо — враждуете, воюете, а зачем? Причины войны позабыли — значит, и прекратить войну не можете, ибо без устранения позабытых причин... В общем, неважная ситуация, лохматые. Вы не находите?

Хавроны уловили не только вопросительную интонацию, но и некоторое сокрушение в голосе Баха. Все трое согласно обернулись.

— Хаврон. Бедла, — печально сказал один.

— Хаврон. Кадла, — грустно добавил второй.

— Хаврон. Рудла, — скорбно вымолвил третий.

2

Шар делал круг над столицей дилонов. На охранной башне — они пролетали вблизи — ярко вспыхнула верхушка, донесся грохот взрыва. Шар уклонился от удара резонансных орудий, отделавшись лишь кратковременной вибрацией, сделал круг и воротился к той же башне, чтобы ловко сманеврировать при новом ударе. Полет походил на игру, но игру опасную. Бах помнил, как вспыхнул и превратился в раскаленную пыль аэро-разведчик с “Гермеса”, — и не хотел такой же участи для себя. Надо было сказать об этом хавронам, но ведь они в ответ только обернутся и сообщат, кто они. И тут Бах сообразил, почему они неустанно рекомендуются, — он обращался сразу ко всем, никого не называя особо.

— Бедла! — сказал он громко. Обернулся один Бедла, двое других деловито выворачивали шар на третью петлю вокруг башни. — Бедла, мне не нравится ваша игра с башнями. Во всяком случае, пока я в шаре. Ты не знаешь моего языка, но уверен, что ты меня понял.

Бедла махнул лохмами, изобразил подобие улыбки и так же гортанно, как свое имя, выплюнул одно слово, зато настоящее человеческое слово.

— Понял! — И, помолчав и вторично обернувшись, добавил так же гортанно, скорее звериным рыком, чем речью: — Улетаю.

Шар отвернул от башни и унесся за город. Вскоре он пролетел над местом, где произвели резонансное нападение на авиетки “Гермеса” и шары дилонов. Внизу лежали остатки одного из шаров, но авиетки не было. “Гермес” пригрунтовывался где-то неподалеку, с высоты открывался большой обзор, но корабля и следов не было.

Бах тихонько — чтобы не привлекать внимания хавронов — беседовал с собой:

— Четыре возможности. Первая: погиб. Чушь! “Гермес” может в ответ на нападение разнести все боевые установки на планете, но погибнуть? Исключено! Вторая: улетел. И обсуждать не буду — вздор! Товарищей не оставляют. Третья: заэкранирован. Возможно, но сомнительно. Кнудсен будет нас вызволять, а не экранироваться. Последняя: сменил место стоянки. Зачем? Не знаю, может быть, толковому Различнику под силу авторазмышлением обнаружить место новой стоянки, но мне — нет. И все же “Гермес” где-то в другом месте!

Шар увеличивал скорость. Внизу проплывала странная планета: безмерные леса, прерываемые остриями скал. Где-то на другой стороне ее разместились гористая страна рангунов; горы виделись издали, но Рангунии все не было. На вершинах гор что-то посверкивало — жгучее сияние Гаруны Белой мешало разглядеть детали. Вероятно, резонансные батареи, думал Бах. Батареи его не интересовали, эта техника была ближе Кнудсену и Аркадию. Он поглядывал на хавронов. Согнутые спины трех похитителей свидетельствовали о сосредоточенности. “Нахмуренные спины”, — думал Бах. Он любил выразительные словечки, они улучшали настроение при неудачах. Нахмуренные спины, угрюмые затылки, невеселые локти рук — или лап? — варьировал Бах описание пилотов шара.

Потом показалось населенное место, разорвавшее лес, — равнина, утыканная зданиями и сооружениями, похожими на промышленные. А вокруг на все стороны простирались бесконечные леса, уходившие за далекий горизонт.

Шар стал снижаться. Бах увидел толпу на крохотной площадке. Шар опустился, в стене распахнулся лаз. Бедла показал мохнатой рукой на выход. Бах вышел и остановился, оглушенный. От города несся такой грохот, что заложило уши. Из шара вылезли трое хавронов. Бедла лапой подтолкнул Баха к стоявшей поодаль толпе встречающих. Толпа складывалась из таких же хвостатых собаколиких дилонов, каких Бах встречал в Дилонии, даже хавронов не было, кроме троих пилотов шара. “Где же чертовы рангуны?” — с удивлением спросил себя Бах, но не стал придумывать ответа. Бедла подталкивал, надо было идти.

Толпа раздвинулась, вперед выступили три фигуры. Бах понял — рангуны! Эти трое не были похожи ни на дилонов, ни на хавронов — в их облике было много человеческого, но и нечеловеческого хватало: две ноги, две руки, два глаза, два уха, мощная шевелюра, зато голова скорей львиная да и бочкообразное туловище сразу выдавало нечеловечность. Баху показалось издали, что приближаются три вертикальные цистерны с руками и ногами и пышноволосой головой. В рисунках одного детского художника он видел много таких бочкообразных фигур — эти трое сходили за спрыгнувших с тех красочных страниц.

Рангуны встали в ряд перед Бахом: правый самый высокий, средний пониже, третий самый низенький и очень юный.

Правый выдвинулся на шаг вперед и сообщил на неплохом человеческом языке, только со скрипом в голосе — будто одна сухая доска терлась о другую:

— Бессмертный номер двадцать девять. Кагула.

Выступил средний, в его голосе звучал металл:

— Бессмертный номер сорок четыре. Варана.

Юный рангун прозвенел тонким голоском:

— Бессмертный номер одиннадцать. Казана.

Бах постарался не показать, что его поразило и человекоподобие рангунов, и что они, не зная до него ни одного человека, все же знают человеческий язык. Он вежливо отрекомендовался:

— Михаил Петер Бах, археолог, хронавт.

— Знаем, — благожелательно сказал Кагула, Бессмертный № 29. — Путешественники по искривленному времени, хронолет “Гермес”, родина — планета Земля, другой поток времени. Верно?

— Верно. Откуда вы все это узнали?

— От вас. Вы о себе рассказали дилонам, все рассказали... Мы знаем все, что делается у дилонов, что делается... Они отлично раскодировали ваш язык, они это могут, но говорить по-вашему неспособны. Для нас это просто, для нас...

Кагула по-человечески наслаждался удивлением Баха. Он еще добавил, что рангуны могли похитить людей и раньше, но решили дать дилонам досконально изучить пришельцев, а потом изымать их.

— Похищен я один? А мои товарищи?

Рангун любезно разъяснил:

— Пока один. Твои товарищи, некто Аркадий и некто Асмодей Киборг или Киборг Асмодей, его точное имя пока не установлено, попали в хроноворот, попали... Мы велели найти и выволить их. Будь покоен, они не минуют плена, они не минуют...

— А наш корабль?

Рангун нахмурился.

— Исчез. Но мы его разыщем. Иди рядом со мной. Нас ждут в городе, все нас ждут... Это близко.

Впереди шли три хаврона — Бедла, Кадла и Рудла, потом Бессмертный № 29 и Бах, а замыкали церемонное шествие — уже беспорядочной толпой — дилоны, составившие, сообразил Бах, свиту Бессмертных.

Город рангунов походил скорее на промышленный поселок и грохотал, как древний котельный цех на Земле. В городе имелись и здания, и улицы, но все окутывала пыль, в пылевом тумане посверкивали искры. Бах, скинувший было шлем астроскафандра, пожалел, что поторопился открыть голову. Можно было натянуть шлем снова, но трое Бессмертных шли с непокрытыми головами. Бах ограничился тем, что натужно закашлялся.

— Много пылят в вашем городе, — сказал Бах Бессмертному № 29.

— Стараются! Вот этот дом, — Кагула показал на облако пыли, в нем что-то смутно темнело, — должны были разрушить только завтра, а начали разрушать вчера, начали... А это прекрасное здание, — он показал на другое облако пыли, в нем еще

меньше можно было что-либо разглядеть, — должны были завершить только через неделю, но строители передадут разрушителям для уничтожения совершенно готовое здание на четыре дня раньше срока, раньше передадут... Великолепная работа, не правда ли?

— Не понял. Разрешите, я повторю: строители завершают сооружение прекрасного здания, чтобы без промедления передать его разрушителям на слом?!

— Правильно. Ведь нельзя разрушить то, что еще не построено, ведь нельзя...

— Да, уничтожить можно лишь то, что предварительно создано.

— Рад, что понимаешь это. Мы уверены, что найдем с людьми общий язык быстрее, чем глубокомысленные глупцы дилоны, которых вы почему-то предпочли, вы предпочли. Мы сразу поняли: пришельцы — существа такого же разума, как и мы, такого же... Это облегчит взаимопонимание.

— В порядке взаимопонимания... — Бах закашлялся от удушливой пыли. — Ты сказал, что нас ждут. А где? В одном из тех прекрасных зданий, которые немедленно идут на слом, едва их построят?

— Нет, мы идем в пещеру. Иногда и наши боевые операторы могут переусердствовать, иногда и дилоны-Опровергатели возмутительно плохо сдерживаются... Бессмертный № 3, великий Ватута, не любит, чтобы при важных обсуждениях валилась крыша или судорога сводила пол... В глубоких пещерах такие неудобства исключены, такие неудобства...

— Вы меня ведете к Ватуте?

— К Великому Ватуте, так точнее. К Великому!

— А зачем?

— Как зачем? Надо дружески обсудить, какой тебя удостоить казни, какой удостоить. Где это торжественней совершить, как не на синклите Бессмертных под председательством самого Ватуты.

Бах споткнулся на ровном месте.

— Удостоить казни, ты сказал? А зачем меня казнить?

— Казнь — лучшее, что можно предложить тебе.

— Я не считаю ваше решение наилучшим. Тем более, в порядке взаимопонимания... Буду протестовать!

— Непременно протестуй! Протест удостоенного казни входит в ритуал, входит... Если бы казнимые не протестовали, их

было бы неинтересно казнить. Дружески информирую тебя, что после того, как ты объявишь Бессмертным свой протест, который они, естественно, отклонят, ты сможешь выбрать самую приятную для тебя форму перехода в небытие, сможешь выбрать...

— И с самой приятной формой перехода в небытие не примирюсь, — твердо сказал Бах.

3

Ошеломленный дружеским сообщением Кагулы, Бах все же сохранил наблюдательность. Он не раз в беспокойной жизни исследователя незнакомых планет попадал в отчаянные положения — и никогда не впадал в отчаяние. Минуту-другую он присматривался, нельзя ли сбежать из-под конвоя. Сбежать, наверно, не так уж трудно — рванул в ближайшее облако пыли: в удушливом полусумраке теряются целые здания, кто его там быстро отыщет? Быстро не отыщут, но отыщут непременно! Бегство — не выход, надо придумывать другой. И тут он вспомнил простодушный ответ рангуна на свой возмущенный вопрос. “А что еще с тобой делать?” — сказал рангун. Здесь выход — надо самому придумать, что с ним делать. Он должен стать нужен для еще чего-то, кроме казни. Вон сколько у них дилонов, а ведь это их враги, а он никому не враг — ни дилонам, ни рангунам. Местные дилоны им чем-то полезны. Хорошо, он станет полезным проклятым бессмертникам!

Пока эти мысли торопливо проносились в голове Баха, он продолжал набираться впечатлений. Бах любил ощущать себя не только исследователем, но и уличным зевакой. И хоть грохот из облаков пыли мешал что-либо отчетливо слышать, а пыль не давала что-либо отчетливо рассмотреть, Бах быстро установил, что рабочие на стройке и разрушении чаще всего дилоны, но попадают и хавроны, а переноска тяжестей совершается так: груз — иногда и громоздкий, и по виду тяжелый — сам плывет над поверхностью, а рабочий только подталкивает его ногой или поворачивает рукой. И еще Бах разглядел, что главные инструменты — резонаторы, небольшие аппараты, которые все здесь носят с собой: резонаторами, при слабой вибрации, утрамбовывают и закрепляют, резонаторами же, давая большую нагрузку, сваливают и разрушают. Грохот и пыль, терзавшие

уши и горло, свидетельствовали, что резонаторы работают исправно и эффективно.

— Интересный у вас способ переноса тяжестей, — заметил Бах Бессмертному № 29.

— Очень простой, — любезно откликнулся Кагула. — Я рад, что ты это заметил, я рад.

— Не мог бы ты меня проинформировать обстоятельней о вашем быте и труде, — осторожно продолжал Бах, не зная, как относятся рангуны к чрезмерному любопытству.

Рангуны, в отличие от дилонов, видимо, не считали зазорным задавать вопросы и требовать ответа. С охотой, граничащей с энтузиазмом, Кагула разъяснил, что их общество совершенно, ибо гармонично. А вот общество дилонов уродливо, у них отсутствует гармония, они страдают от несинхронности своего физического времени и, стало быть, смертны. И так углубляются в саморазмышления по любому поводу, что забывают о реальностях бытия. Они...

В этом месте Бах счел возможным просто прервать Бессмертного № 29:

— Я спрашивал тебя не о дилонах, а о цели вашего строительства и разрушения, ибо мне показалось, вы не различаете эти понятия и строить у вас то же, что разрушать.

Кагула, однако, считал, что отвечает именно на заданный вопрос. Итак, дилоны. Дилоны знают, но не умеют. Дилоны способны многое постигнуть продолжительным размышлением, но не в состоянии реально использовать знания. Им раздумывание важнее применения. Зато рангуны знают и умеют. Кое-что и меньше знают, но зато больше умеют. Уловил ли пришелец Михаил Петер Бах, чем разнятся рангуны от своих вечных противников?

— Очень интересно, — неопределенно и медленно прокомментировал Бах.

Рангун с тем же воодушевлением продолжал. До вибрации и резонанса додумались дилоны. Их Конструкторы установили, что при помощи резонанса можно разрушить любой предмет, любую конструкцию, живую и мертвую. Их Опровергатели доказали, что тот же резонанс способен и созидать, превращая конгломераты частиц в прочные предметы. Ну и что? Что сделали значительного дилоны из своего великого открытия? Да ничего! Зато рангуны сумели все свое строительство, все свои разрушения базировать на резонансе. Наши аппараты превра-

щают самые прочные конструкции в осколки при помощи вибраций. Потом из этих же осколков и пыли, теми же аппаратами воссоздаются прежние величественные строения. Разве это не великолепно?

— Как ваши резонансные орудия превращают в прах летательные шары дилонов и наши авиетки, я испытал на себе, — заметил Бах.

Вот именно — испытал на себе! Это же восхитительно — испытать на себе действие мощного резонатора! Чтобы все клетки в теле тряслись и стонали! Чтобы и вопль, исторгаемый из груди, распадался на тысячи разобщенных звуков, чтобы и в вопле звучала все та же непреодолимая вибрация. Все основано на резонансе! Мы резонируем даже мыслями, ибо мысли одни у всех, они — всеобщий резонанс от главного резонатора: он и создает ту пленительную, ту захватывающую, ту таинственную вибрацию в голове, которая называется мыслью и которая немедленно резонирует во всех головах. Все Бессмертные сообща вибрируют одними и теми же мыслями. А у людей имеются всеобщие идеи, творимые могучим резонансом?

— Всеобщие идеи у нас есть, например, хорошие идеи добра, справедливости, дружбы, любви, совершенствования, да и много других. Но они создаются не вибрацией какого-то резонатора, а всей нашей жизнью — воспитанием, чтением, бытом...

— Несовершенный способ, — установил Кагула. — Вы могли бы у нас поучиться, у нас... Жалко, что из-за казни ты не успеешь перенять наши успехи.

— Ради этого можно бы и повременить с казнью, как по-твоему?

— Это решит ассамблея Бессмертных, это решит.

— Но ты мог подсказать, что ли... С одним поговорить, с другим...

— Какое это имеет значение? — удивился Кагула. — Идея сохранить тебе жизнь не может принадлежать кому-то одному, то есть принадлежать-то может, но должна одновременно про-резонировать во всех головах.

— Тогда провибрируй во все головы мысль, что мне надо непременно сохранить жизнь.

— А если Ватута провибрирует мысль о твоей казни? Его вибрация так сильна! Ее резонанс забьет любую мою вибрацию, забьет...

Процессия миновала два дома — один строился, другой разрушался. Густой пылью одинаково несло от обоих, грохота каждый производил столько, что Бах невольно ускорил шаг. Кагула придержал его рукой.

— Полюбуйся, пришелец! Сколько энергии! Уверен, что у вас и похожего нет.

— Почему же? — возразил археолог. — И на Земле иногда совершаются подобные операции. Их называют переливанием из пустого в порожнее.

— Звучит неплохо — переливание из пустого в порожнее! — одобрил Бессмертный № 29. — Но согласись: создавать, чтобы разрушать, — еще сильнее! Выразительнейшая формула. Самодумы дилоны, определенные на нашу службу, установили, что эта формула прорезонирует на всю Вселенную.

— Старайтесь, старайтесь! — хмуро ответил Бах.

Пока Бах разговаривал с Кагулой, двое других Бессмертных молчали, и, как показалось Баху, не просто молчали, а почтительно. Наверно, и у рангунов табель о рангах — как у дилонов, думал академик. Тогда решают не сообща, а высшие в иерархии. Кагула сказал о Ватуте, что тот командует, а остальные вибрируют под него, то есть ответно резонируют... в общем, покорствуют.

Поселок конвой прошел быстро. За поселком высилась гора — безлесная и островершинная. В горе зияло отверстие. У отверстия сторожили два рослых хаврона: голова Баха была ниже их плеч. Наружное отверстие начинало собой туннель — обычные самосветящиеся стены, уклоны и повороты. И на Земле, и на других планетах Бах повидал множество пещер — естественных и искусственных, обитаемых и безжизненных, грандиозных и крохотных. Эта была из средних — не брала ни красотой минералов, ни обширностью пустот. В этом логове рангунов не придется ничему удивляться, кроме них самих, — невесело думал Бах.

Но когда его ввели в обширную пустоту, он удивился. Удивительное предстало в форме ярко светящегося пятна на потолке. Какое-то естественное вкрапление в массивный камень разбрасывало вокруг столь яркие лучи, что освещение в пещере не намного уступало дневному свету. Бах быстро прикинул природу светящегося пятна. Конечно, какая-то смесь радиоактивного минерала с минералом, способным выбрасывать фотоны при облучении нейтронами и протонами. Модель естественной

ядерной бомбы, только тлеющего, а не взрывного типа. Но ведь этот естественный светореактор не только дарует сияние, но и губит своим излучением! Неужели радиоактивность не действует на рангунов и их прислужников?

Все пространство освещенной естественным фонарем пещеры заполняли рангуны. Один направился к Баху — он был на голову выше всех. Короткие руки едва доставали до бедер, зато ноги были длинные и массивные. А на массивных ногах покоилось цилиндрическое туловище, и грудь не выпирала бочкой, как у других. Уродлив, но величественным уродством, оценил его Бах. И ближе к человекообразию, чем остальные рангуны, не говоря уже о хавронах и дилонах.

Величавый рангун неторопливо проговорил на хорошем человеческом языке — скрип в голосе был слабей, чем у Кагулы:

— Бессмертный № 3. Ватута. Дилоны зовут меня Верховным Злодеем. Горжусь этим званием. Дилоны чтут меня.

— Ваш гость. Человек, археолог, хронавт и академик Михаил Петер Бах, — отрекомендовался Бах. — Друзья обычно зовут меня Миша Бах.

— Пленник, а не гость, — ласково поправил Ватута. — Пленник.

— Гость, — повторил Бах. — Пленные — профессиональный продукт войны. А мы с вами не воюем, братъ нас в плен вы не можете.

— Но мы взяли тебя в плен. Ты этого не будешь отрицать?

— Буду. Вы пригласили меня в гости, только выбрали для приглашения не самый лучший способ.

— Ты гость дилонов, ты друг наших врагов. Мы взяли тебя в плен как врага. И против этого будешь возражать?

Бах быстро заметил, что Бессмертному № 3, с гордостью носившему титул Верховного Злодея, по душе их спор. Он улыбался, глаза лучезарно сияли, слова — отнюдь не дружественные — произносились весьма дружелюбно. На этом можно было сыграть.

— У меня тысяча возражений против плена и все — убедительные! Но прежде хотел бы спросить тебя... как величать столь высокую особу. Не Верховным же Злодеем?

— Можно и Верховным Злодеем, это правдиво и величественно. Можно и Ватутой. Каждое наименование рисует мою исключительность. Ибо у рангунов только один Верховный Злодей и только один Ватута.

— Понял. Именовывать тебя просто Бессмертным № 3 не годится, ибо у вас Бессмертных, наверно, много.

— Годится и наименование Бессмертный № 3, но оно, кроме номера, мало выражает мою особость — Бессмертных сейчас девяносто восемь. О чем же ты хотел спросить меня? Об ожидающей тебя казни?

— И об этом. Люди в древности казнили только больших преступников за очень большие провины. Но я перед вами не провинился. Почему бы вам не перенять благородные обычаи древних людей?

Ватута заулыбался еще шире и благодушной.

— Мне не нравятся ваши порядки, человек. Ты назвал их благородными? Это звучит нехорошо. Кто из Бессмертных согласится все бессмертие пребывать в благородстве? Таких глупцов не найти.

— И все-таки — почему меня надо казнить?

— А почему бы не казнить? И то и другое возможно. Из двух равнозначащих возможностей я выбираю ту, что приятней. Приятней видеть твою казнь, чем постоянно видеть тебя. Казнь врага — радостное зрелище, а какая радость в любовании твоей тщедушной фигурой?

— Я могу быть вам полезен, Ватута.

— Не смей! Смертному надо искать пользы, чтобы удлинить свое кратковременное существование. А какая польза искать пользы Бессмертному? Можешь ли ты удлинить мое существование? Оно и так безгранично. К чему же твои услуги, тем более, что ты и сам не знаешь, на какую услугу способен. Бессмертные ненавидят полезное. Ты заметил, что мы одновременно строим и разрушаем построенное?

— Заметил.

— И сказал при этом, что на вашей далекой родине подобные действия называют переливанием из пустого в порожнее. Мой министр Прогнозов и Ведовства, дилон Кун Канна, в своей стране некогда величайший из Конструкторов Различий, додумался глубоким саморазмышлением, что переливание из пустого в порожнее равнозначно творению бесполезного и ненужного. Вот единственная операция, роднящая людей и рангунов: с энтузиазмом переливать из пустого в порожнее! Именно с энтузиазмом, ибо без энтузиазма такие совершенные операции не совершить! Вы расцветиваете редкими случаями бесполезности свое скудное существование, оно немислимо без непрерывно

творимой пользы. Вы всё делаете по необходимости. А мы, не нуждающиеся ни в чем, заполняем свое бессмертие одним бесполезным. И чем выше степень красивой бесполезности, чем горячей градус великолепной ненужности, тем привлекательней. Вот если бы ты сказал: могу сделать нечто такое, что никогда, нигде, никоим образом и ни для какой цели не сможет вами быть использовано, еще можно было бы сохранить тебе жизнь. Но разве ты, раб полезного, мог бы сотворить что-либо прекрасное и абсолютно ненужное?

— Могу, — хладнокровно объявил Бах.

Пока Ватута разглагольствовал, Бах увидел путь к спасению. В студенческие годы Бах среди друзей прославился как остро слов и софист. Создатель хронистики, науки о трансформации физического времени, Чарльз Гриценко, тоже артист в переименовании понятий, с уважением говорил о молодом ученом: “Миша Бах способен убедительно доказать, что “да” это “нет”, а после — еще убедительней, — что “нет” это “да”. И сообразив, как воздействовать на Верховного Злодея, Бах быстро переориентировался. Но, уже уверенный в успехе, он позволил себе раньше поиздеваться над Ватутой, а уж потом увлечь его абсолютной бесполезностью задуманного плана.

— Мой отец был из немцев, — начал он, — а мать гречанка. Теперь все народы на Земле сильно перемешались, но в древности немцы и греки существовали особо. И каждый народ отличался от другого. Считаю, что от отца-немца я унаследовал трудолюбие, глубину мысли и основательность, а от матери-гречанки — любовь все оспаривать и неверие в незыблемость истин.

— В самовосхвалении тебе не отказать, — одобрил Ватута.

— И, в порядке побочного замечания, — продолжал Бах, игнорируя реплику Ватуты, — я сейчас докажу, что, казнив меня, ты совершишь полезный для себя поступок. — Бах почувствовал удовольствие, увидев, что Ватута удивился. — Ведь, оставив меня в живых, ты обязан заботиться обо мне, кормить, искать мне дело без переливания из пустого в порожнее — я не из мастеров такого искусства. Тысяча хлопот! А казнив, избавляешься от всех хлопот, то есть совершаешь нечто полезное для себя. Ты не смеешь умертвить меня, поскольку такой поступок тебе полезен и, стало быть, противоречит сущности вашего абсолютно бесполезного бессмертия.

— Интересно, я подумаю, — с уважением промолвил Ватута. — Но ты хотел предложить что-то, а не только оспорить твою казнь.

— Именно предложить. Слушай, Ватута.

И Бах сообщил, что за свою не такую уж короткую жизнь он совершил немало путешествий по ближнему к их Солнцу космосу, прежде чем записался в хронавты. На сотнях планет он узнал столько событий, форм жизни, катастроф и расцветов, что одно перечисление открытий заняло бы месяцы местного времени. И главным из его открытий была недавняя по их земному времени находка в Северной Скандинавии — есть такая мало обитаемая местность на Земле. Та находка поколебала все устоявшиеся представления о жизни во Вселенной. Именно для проверки его скандинавского открытия и снарядили “Гермес”, первый хронокорабль, путешествующий не только в прямом времени космоса, но свободно вторгающийся во времена фазовые — под углом к прямому.

— Так вот, Ватута, я согласен рассказать о всем пережитом и обнаруженном, и ручаюсь, что рассказ мой, во-первых, будет захватывающе интересным, и, во-вторых, ничто услышанное никогда, нигде, никоим образом и ни для какой цели вы не сможете использовать. Все будет для вас абсолютно и всеохватно ненужным!

Ватута задумался.

— А если что-либо из твоей информации будет неинтересно или, что хуже, полезно для нас? Тогда тебе придется немедленно расстаться со своим краткосрочным существованием.

— Кое-какие мелочи моей жизни могут быть вам малоинтересны, — согласился Бах. — Но не буду злоупотреблять скукой. Зато гарантирую собственной головой бесполезность даже интереснейшей информации.

— Гарантируешь собственной головой — это внушительно! Принимаю твое предложение. Немедленно приступим к извлечению из тебя всего интересного и ненужного для нас, что ты успел накопить за жизнь.

Бах быстро сказал:

— Предупреждаю: рассказ займет не один ваш день, ведь перевести в слова все события моей жизни...

Ватута презрительно прервал его:

— Переводить всю свою жизнь в слова? Даже у нас, имеющих в запасе бессмертие, не хватит терпения слушать. Мы не

услышим, а увидим твою жизнь. — Ватута повысил голос: — Где Кун Канна, министр Прогнозов и Ведовства? Пусть он говорит так, чтобы его понял и пришелец. Почему я не вижу Кун Канны?

Уже не речью, а телепатированной мыслью до Баха донеслось:

— Повелитель, я всегда рядом. Прости, что не осмеливаюсь попадаться на глаза, твое величие ослепляет меня.

— Прощаю. Выдвинись.

К Властителю засеменял худыми ногами дилон — проволочил облезлый хвост по камню, плотно ухватил десятью пальцами одной руки десять пальцев другой, удлинил обе руки и сложил их, сплетенные, к ногам Ватуты — вероятно, высший знак покорности и послушания, подумал Бах.

Ватута недавно назвал Кун Канну величайшим из Конструкторов Различий, но на Старейшин министр Прогнозов и Ведовства походил лишь отдаленно: те, хоть и немолодые, были еще в теле — этот выглядел увядшим старцем; те держались величественно — этот униженно горбился; те транслировали свои мысли с важной неспешностью — у этого даже мысли, так показалось Баху, от торопливости заплетались. Бах на миг закрыл глаза от сострадания к жалкому пленнику, словно в насмешку наделенному высоким званием министра.

— Кун Канна, доложи поведение старого глупца Гуннар Гунны на ближайший срок, — повелел Ватута.

В мозгу Баха зачастили ответы министра Прогнозов и Ведовства. У дилонов не проходит ошеломление. Старейшина Старейшин Вещий Старец Гуннар Гунна пребывает в страдании после недавнего удара по Столице. Новые разрушения ввергли его в полуомертвелость. Ни мыслей, ни приказов он не генерирует. На башнях растерянность и тишина. Окончательный прогноз: дилоны ответных атак не предпримут, на это у них нет сил.

— Очень хорошо. Отмечаю перед всеми, что ты постарался провести последний бой на высоком уровне. Теперь скажи, Кун Канна, ты слышал мой разговор с пришельцем?

— Внимал каждому слову и каждой мысли, повелитель.

— Объясни, что с ним сделаешь. Повернись к пришельцу лицом, Кун Канна.

Кун Канна повернулся к Баху не лицом, а боком — похоже, побаивался встать спиной к Бессмертному № 3. Теперь дилон

телепатировал свои мысли без спешки. У каждого непрерывно накапливаются воспоминания о разных событиях жизни. Любое воспоминание имеет свой энергетический потенциал сохранения. Большие события высокопотенциальны — прочно внедряются в память, легко возобновляются, иногда самопроизвольно возникают в сознании, когда вспоминать о них вовсе не хочется. События мелкие легко забываются, но и они полностью не выветриваются из мозга. Особым облучением можно восстановить в мозгу любое событие, даже если оно кажется прочно забытым. Но многое так стерто, что для воспоминания о нем нужно облучение большой мощности, а это не всегда безопасно. В общем, легче восстанавливаются важные воспоминания, а не пустяки. В министерстве Прогнозов и Ведовства имеются резонаторы любого калибра — от слабоимпульсных, восстанавливающих лишь сильные воспоминания, до мощных, возобновляющих мелочи.

— Восстановленные воспоминания записываются, и ты, пришелец, сможешь собственными глазами увидеть и себя, и всё пережитое тобой, собственными ушами услышать свой голос и голоса своих собеседников, — объяснил Кун Канна.

Бах сказал, что это напоминает “прозеркаливание” в зале Предварения. Кун Канна возразил, что там анализировали его характер — каков был в прошлом и каким, всего вероятней, станет в будущем, а здесь — только восстановление событий жизни: характер человека и события его жизни — вещи не одинаковые.

Ватута встал.

— Тебе ясно, пришелец? В рассказе ты мог одно приукрасить, другое выдумать. Но воспоминание, сохранившееся в мозгу, не знает лжи. Оно может фиксировать ошибочное понимание, но не лукавое вранье. По прогнозу враждебные действия дилонов пока не грозят. Приказываю для рассмотрения жизни пришельца перебазироваться из пещеры Безопасности в рабочий зал.

4

Они опять двигались по городу, сотрясаемому строительством и разрушением, и вскоре подошли к зданию, по виду вполне законченному, но еще не разрушаемому. Ватута первый вошел внутрь.

Огромный рабочий зал, залитый теплым сиянием самосветящихся стен и потолков, был роскошен, как парадные хоромы королей. Для каждого Бессмертного стояло кресло, похожее на трон. У стен высились постаменты, на них покоились разноцветные камни. Бах узнал старых знакомцев: кусок мрамора — на Земле эту белую глыбу не сочли бы достойной экспонирования, но здесь, видимо, мрамор был в чести; а по обе стороны мрамора, на таких же постаментах, красовались два других камня. У Баха даже дух захватило: бесценный зеленый нептуниан, размером с футбольный мяч, и алмаз такой величины, что на Земле его сочли бы невозможным.

И куда археолог ни кидал взгляд, всюду на постаментах, как драгоценные статуи, высились образцы минералов и каменных пород. Ватута воззвал к Баху:

— Садись, пришелец! — и показал на трон рядом с собой.

Бах опустился на трон, подумав, что хорошо бы получить снимок своего как бы восшествия на престол — вот бы посмеялись в Академии Наук! Ватута и Бах разместились в первом ряду, остальные Бессмертные расположились сзади. По левую руку Ватуты, на простом стуле, перед столом с аппаратурой уселся министр Прогнозов и Ведовства. Кун Канна обхватил двадцатью гибкими пальцами какие-то приборчики на столе и обернулся к Ватуте. Вероятно, он что-то протелепатировал Властителю, но без трансляции для Баха, а на Баха и не поглядел.

— Начинай, — разрешил Ватута, и обратился к Баху: — Узнаешь ли себя в молодости? Многие не узнают себя, ибо воображали себя другими.

Кун Канна протелепатировал:

— Изображаю детство пришельца, возобновляю воспоминания на самом малом резонансе — только для крупных событий.

Передняя стена зала исчезла. Пропавшую стену заполнило изображение какой-то комнаты. На плите кипела кастрюля, из нее вкусно пахло — Бах отчетливо услышал аромат варева, — а из-под крышки высовывался красный тряпичный колпачок игрушечного гномика. Женщина в халате с возмущением выговаривала рыдающему мальчику, который натягивал штанишки на голый задок:

— Михель, ты получил по заслугам! Разве это хорошо — в свежий суп из свежей косули бросать свою старую грязную куклу? Хорошо это? Отвечай мне!

— Хорошо! — сквозь слезы упрямо ответил мальчик. — Пусть и Ганс немного поварится. Он любит горячее, ты сама говорила, что гномы опускаются в вулканы и без пара и дыма не живут.

А в стороне стоял рыжебородый мужчина с ремнем в руке и не то гневался, не то смеялся. Женщина обратилась к нему:

— Петер, придется заново варить обед. Ты подождешь?

— Не надо, — сказал мужчина. — Жидкое слей, а косуля, приправленная поркой Михеля, будет от этого еще вкусней. — Он захохотал и весело потрепал мальчишку по плечу, словно не наказывал, а одобрял.

Картина исчезла. Теперь хохотал Ватута — рангуны чувствуют смешное, отметил про себя смущенный неожиданным воспоминанием Бах.

— Интересная, но бесполезная сценка — это хорошо, — сказал Ватута. — Мне нравится твой отец, человек.

— Лучшего отца и не надо было, — сказал Бах.

— Продолжай, — велел Ватута министру Прогнозов и Ведовства.

Второе ожившее воспоминание показало того же мальчишку, бредущего по лесу. Мальчик впервые в жизни отправился в дальнее путешествие. Он знал, что отец работает на краю света, так говорил сам отец. Мальчик понимал, что край света сразу за лесом. Но, наверно, он прошел далеко за край света: отца нигде не было, лишь попадались группки туристов. Мальчик выбрался на береговой простор. Над ним высилась угрюмая громада горы Бастай — отец много рассказывал сказок и о ней, и о соседних горах. Внизу — кружилась голова от страшной глубины — серебряной лентой струилась Эльба. Мальчика заполнила красота мира. Все было так хорошо, что трудно стало дышать. Мальчик, очарованный до неподвижности, вбирал в глаза все, из чего складывался восхитительный мир: поросшую лесом гору, крутые берега, сияющую, как небо, реку внизу... Позади раздался сердитый голос отца:

— Вот он где, негодник! Три часа расспрашиваю всех туристов, не видели ли они моего сорванца. А он на обрыве и поплеывает с высоты в Эльбу. Мне кажется, ты вполне заслужил новую порку, Михель. Как ты к этому отнесешься, хотел бы я знать?

Мальчик показал на реку и сказал:

— Папа, как красиво!

Мужчина присел рядом с мальчиком, помолчал и сказал:

— Да, очень красиво, ты хорошо это увидел, Михель.

Мальчик горячо сказал:

— Когда вырасту, я буду лазать по горам, переплывать реки, проходить сквозь леса... Всю Землю увижу и узнаю!

— Это еще нескоро, Михель. Пока пойдем домой, мама тревожится. Ты не устал? Обними меня за шею, я понесу тебя.

И это изображение погасло. И его тотчас заменило новое. По прекрасному городу Дрездену шагал юноша — невысокий, быстрый, веселый. Сидя в кресле, похожем на трон, Бах понял, что это он сам, но не узнал себя в юноше. Ватута точно сказал — Бах был незнаком себе. Проходя мимо музея Цвингер, юноша напевал песенку. Он торопился, ему надо было в другое место, а не в музей, он отлично знал все, что было в музее. Из картинной галереи вышла девушка — и юноша замер. Он потряс головой, чтобы сбросить наваждение. На него шла святая Инеса с картины Хосе Рибейры, висевшей в галерее. Сколько раз он всматривался в это прекрасное лицо, сколько восхищался удивительными волосами, закрывшими коленопреклоненное тело! Это была она, точно она, его юная святая Инеса — только не нагая, а в нарядном платье, и волосы не раскинуты свободной струей по всему телу, а собраны в два ручья на спине.

Юноша повернул за девушкой. Он уже не помнил, куда шел. Во всем мире теперь существовала только одна эта девушка, и было только одно дело — идти и идти за ней.

Девушка почувствовала преследование.

— Что вам надо от меня? — спросила она гневно. У нее был звучный голос, низкое контральто.

— Мне нужно смотреть на вас! — Он сам ужаснулся глупости ответа.

— Не терплю, когда на меня бессмысленно глазеют! — Она взмахнула двумя жгутами волос и пошла быстрее.

Он тоже прибавил шагу — она побежала. Бежать за ней по улице он не осмелился. Вдалеке пропадавал тонкий силуэт незнакомой девушки, так удивительно похожей на юную страдалицу Инесу с картины великого испанца Хосе Марии Рибейры.

— Важная информация, — насмешливо прокомментировал картину Ватута. — Неплохо бы поглядеть, во что девица потом превратилась.

И словно отвечая Ватуте, на экране показалась та же женщина — уже не юная, а представительная дама со светлой ко-

сой, дважды обернутой вокруг головы. Она сидела в первом ряду академической аудитории и слушала лекцию профессора Михаила Петера Баха об открытых им поселениях в Месопотамии, построенных почти шесть тысяч лет назад. Она слушала, а он — впервые в жизни — путался в словах. Он сразу узнал ее, хотя с их единственной случайной встречи прошло почти двадцать лет. Он смотрел на нее, думал о ней и мысленно одергивал себя, чтобы не сбиться. После лекции она собралась уходить, он перехватил ее у двери. Он не придумал вопроса умней:

— Зачем вы пришли сюда?

Она спокойно ответила:

— Чтобы услышать вашу лекцию, разумеется.

Он все больше волновался.

— Как вас зовут? Я хочу поговорить с вами.

В ее голосе зазвучал металл:

— Мне кажется, я сказала очень ясно: я пришла слушать вашу лекцию, а не беседовать с вами, профессор.

Картина погасла.

— Вот пока все воспоминания с высоким потенциалом сохранения, Властитель, — донеслось до Баха объяснение министра Прогнозов и Ведовства. — Зато сейчас...

Бах сердито прервал Кун Канну:

— Протестую, Ватута! Ваш импульсатор чудовищно искажает мою жизнь. Ту женщину я видел всего два раза, не знаю даже ее имени. А в промежутке между этими встречами я влюбился в чудесную девушку Ирмгард Вебер, она стала моей женой, у нас трое детей, я люблю их, я люблю свою Ирмгард — каждый день вспоминаю их! Никакой объективности! Так вы ничего важного в моей жизни не обнаружите.

Пленный министр смиренно возразил, что задал наименьший уровень резонанса. На этом уровне воспоминания о незнакомой женщине возникли сразу: в них высокий потенциал сохранения, он скажет резче — высочайший потенциал! Для возбуждения воспоминаний о семье нужны импульсы сильнее. Конечно, пришелец может внутренним позывом — собственным резонансным импульсом — быстро возобновить в себе любые семейные воспоминания. Но одно — субъективные желания, другое — объективная реальность. Наверно, пришелец запрещал себе думать о незнакомке, вот ему и казалось, что она выпала из памяти. Объективно же воспоминание о той девушке куда глубже прочих воспоминаний — потому сразу возникло

при самом малом резонансе, а семейные картины не проявились даже силуэтно.

— Дай резонансный потенциал помощней, — приказал Ватута.

Теперь на экране появилось то, что Бах считал своим семейным счастьем, — добрая жена Ирмгард, здоровые дети, веселые разговоры и игры, когда он возвращался из поездок. Бах узнавал себя — всматривался и вслушивался в лица и голоса близких людей... Счастливец Миша Бах, говорили о нем. Все удавалось: работа, семья, друзья. Но вот память плохо сохраняла картины лучшего в жизни; довольства и удачи не впечатали в нее глубоких зарубин: низкий потенциал сохранения — так это сформулировал пленный дилон, возведенный в сан министра-раба. Всегдашнее и лучшее забывается, мимолетное и неудачное хранится вечно. Для чего он помнит ту женщину? Она пришла на его лекцию — тоже думала о нем, тоже помнила его. Почему? Какая бессмысленная трата энергии памяти! А если не бессмысленная? Тогда что в ней? Или это сумрачный мост, переброшенный от островка достигнутого через бездну неосуществимого на широкие просторы желанного? Или только ценой такой траты энергии на воспоминания о неосуществленном и сохраняется вечный призыв к тому, чего нет, — в иной мир, в иные края духа? Бах припомнил стихи Эмиля Верхарна, он часто в детстве читал про себя эти древние строки, не понимая, чем они покоряют его, — возможно, ощущал сопричастность души поэта своей собственной душе. Он снова, мыслью, повторил эти восемь и радостных, и горестных строк:

Жили — были на свете юный принц и царевна,
Но поток разлучал их, грохочущий гневно,
И моста не бывало — разве тонкая жердь
Где — то там, где с землею сливается твердь.
Но любили друг друга юный принц и царевна
Потому ль, что стремнина угрожала им гневно?
Иль им снилась над бездной повисшая жердь
Где — то там, где с землею сливается твердь?

До Баха донесся резкий голос Ватуты:

— Скучная жизнь. Поищи воспоминаний поярче, Кун Канна.

Покорный, учтивый и маленький голосок министра Прогнозов и Ведовства — даже выраженный одними бесстрастными мыслями, он сохранял униженность — ответил:

— Переключаю на самый малый резонанс. Фиксирую яркое воспоминание о какой-то раскопке.

Бах выпрямился в роскошном, но неудобном кресле. Сейчас он увидит со стороны главное дело своей жизни.

5

— Чудовищно! Невероятно! — энергично высказался Бах, вылезая из котлована. — То самое, что не может быть, но есть! У кого имеются соображения?

Группа археологов, окруживших своего руководителя, растерянно молчала. Ни у кого не было соображений, хоть отдаленно отвечающих парадоксу находки. Лишь один неуверенно пробормотал:

— По-моему, это женщина. Хорошо сохранившийся труп древней женщины.

— Конечно, женщина — вы правы, коллега! И достаточно древняя — трупу три с половиной миллиарда лет. Здесь нет ни одного камешка, который был бы хоть на крохотную сотню миллионов лет моложе.

Бах широким жестом обвел окрестности. На все стороны простиралась полярная тундра. Зеленые болотца сменяли покрытые серым ягелем полянки, сверкали сталью озера. Синеватый камень сопки испятнили бурые пятна мхов. Невысокое солнце заливало холодным светом сугробики снега, уплотнившегося во впадинах и на северных склонах. Мир был уныл до боли в сердце.

Тундра потускнела, ее сменила комната, заполненная книгами и фигурками из разных раскопок, — рабочий кабинет Баха в Академии Наук. Он с нетерпением смотрел на дверь: кого-то ждал. Дверь открылась, вошли двое мужчин. Бах заторопился навстречу.

Один из вошедших — немолодой, широкоплечий, длинноногий, крупноголовый, с темным лицом, тонущим в могучей волнистой бороде, с такой же могучей копной лохматых волос — шагал неторопливо и мощно, как запущенный на прямой ход механизм: по всему, он был не из тех, кто уступает дорогу другим, таких почтительно обходят.

А его безбородый спутник — пониже на полголовы, тонкий, светлолицый, золотоглазый, тоже длинноволосый, но в ярко-оранжевых кудряшках — спешил за товарищем, поминутно

сбиваясь с шага. Они являли собой впечатляющий контраст, эти двое: сумрачный могучий мужчина и его ангелоподобный спутник. И голоса отвечали внешности: у одного — колокольные гуды, у другого — флейта; один как бы гремел, другой вроде бы пел.

— Миша, дорогой, как видишь, отозвались на зов! — прогудел мужчина. — Только с Латоны — и сразу у тебя!

— Сто лет не виделись! — воскликнул Бах. — Конечно, знал, что откликнешься, но все же нервничал, ибо без тебя... В общем, невозможно без тебя, Анатолий! Такие новости! Садитесь, друзья.

— Знакомьтесь, — сказал мужчина. — Собственно, только ты, Миша, знакомься, тебя не нужно представлять — Михаил Бах всемирно знаменит. Но Аркадий тебе незнаком. Итак, официально: Аркадий Никитин, сперва мой ученик в хронолаборатории, потом мой помощник, блестяще сдал полный курс хронистики — мне сдал, а это, Миша, кое-что значит, — теперь хрононавигатор, хроноштурман “Гермеса”, первого трансвременного корабля. Больше о нем ничего не скажу, хотя и мог бы. Говори ты.

— Вы, друзья, наверно, знаете об удивительной скандинавской находке? — начал Бах.

— Только то, что находка удивительна. Не возражаю, если прочтешь нам лекцию о своих изысканиях. Всегда любил твои лекции, Миша.

— Тогда слушайте.

Первыми на место находки явились геологи, рассказывал Бах. В Северной Швеции первозданный каменный щит — древние кристаллические породы Земли — образовался еще на раскаленной поверхности и выстоял, не разрушаясь, до нашего времени. Три с лишком миллиарда лет — таков возраст здешних пород. А когда заложили шурф в глубину, чтобы извлечь пробы минералов, геологи наткнулись в недрах гранитов на следы человеческого захоронения и вызвали археологов. “Я сам поспешил туда”, — с воодушевлением повествовал академик. В граните обнаружили человеческое тело. Захоронения в обычном смысле не было, останки тела неразделимо слились с гранитной массой. Тело было в своем каменном претворении — и его не было, оно стало из тела камнем. Можно допустить, что расплавленные первозданные породы, застывая, образовали подо-

бие человеческого тела, но в камне нашли все химические элементы реального человека, и сочетания их были точно такими, какими они даны в любом из нас. Облик окаменевшего тела указывал, что погребена женщина.

Вокруг тела, продолжал Бах, обнаружили как бы сгущение растворенных в камне посторонних образований. Их тоже проанализировали. И себе не поверили, когда узнали составы искусственных изделий, немыслимых в естественных гранитах. В некоторых случаях они почти с абсолютной точностью повторяли сверхпрочные стали, в других соответствовали элементам пластмасс, в третьих копировали составы одежных тканей современного производства. И во всех пробах комбинации элементов свидетельствовали о жароупорном выполнении. Вывод был один: необычайные вещества не были расплавлены в толще гранита, ибо могли сохраниться и при температурах более высоких — ведь гранит плавится при 700-800 градусах. И это значит, что они растворились в камне в результате постепенной диффузии. А на это требовалось чудовищное время.

— Проблема возраста находок превратилась в главную, — все больше воодушевлялся Бах. — И оказалось, что возраст окаменевшего женского тела и вещей, уложенных в могиле, сравним с возрастом замуровавших могилу гранитов. Нет ни одного признака, ни одного показателя, опровергающего такой вывод. Доныне считалось, что человек появился на Земле около трех миллионов лет назад. Я утверждаю, что уже три миллиарда лет назад человек впервые ступил на поверхность нашей планеты — и это была не полуобезьяна, не питекантроп, а “гомо сапиенс”, человек разумный.

— Нет, температура нормальная, — произнес Кнудсен, дотрагиваясь до руки академика. — И глаза не вовсе безумные.

Бах наслаждался произведенным впечатлением.

— Итак, картина рисуется в таких линиях и красках, — снова заговорил он. — Примерно три миллиарда лет назад, когда наша Земля была молодой планетой, снедаемой внутренним жаром, изуродованной чирьями тысяч вулканов, где-то на островах раскаленной суши высадилась экспедиция разумных существ, подобных современным людям. Один из членов экспедиции, по всему — женщина, скончалась. Ее не увезли с собой, а похоронили на Земле. Она была укутана в жаропрочные ткани, около трупа оставили ненужные изделия из жаропрочных пластмасс. В течение последующих тысячелетий на

могилу, погребая захоронение, изливалась лава. А затем потянулись уже не тысячелетия, а миллиарды лет. Застывшая лава кристаллизовалась в граниты, и под страшным давлением наваленных на могилу масс произошла взаимодиффузия костей и камня, искусственных изделий и естественных пород. Вот такую гипотезу я представил на суд Академии Наук — для мыслей и домыслов.

— И каков результат, Миша?

Бах выразительно пожал покатыми плечами.

— Никакого! Никто не принял моей гипотезы. Никто не представил убедительных возражений. Никто не предложил другой идеи, объясняющей парадоксы находки. Проблема остается открытой.

Кнудсен размышлял, поджав губы и наклонив голову, — мощные кудри соскользнули с плеч на грудь. Юный хроноштурман переводил взгляд с одного на другого. Кнудсен сказал:

— Миша, а можно ли утверждать, что, кроме твоей скандинавской находки, за все миллиарды лет существования Земли не открыты другие следы человека? Не инопланетного пришельца, а именно человека, нашего земного предка?

— Да, могу! Миллиарды лет Земля не знала людей. Человеку всего около пяти миллионов лет. И он, появившись, был мало схож с современным. Низкорослый, сутулый, длиннорукий, весь в шерсти, с покатым лбом, с глубоко посаженными глазами, с вытянутыми губами — скорее пастью, чем ртом... В общем, полуживотное — телесно и интеллектуально.

Великое чудо истории, что эта полуобезьяна так стремительно пробежала все стадии своего физического и интеллектуального совершенствования. Уродливый дикарь превратился в Аполлона и Афродиту. Таков уникальный исторический бег человека. Ни одно другое существо и за несравненно большие сроки не проделало схожего преобразования. Будешь возражать, Анатолий?

— Не буду. Но хочу поразмыслить. Итак, не человек, а инопланетянин открыт тобой в скандинавской тундре. Об инопланетянах твердят уже пять столетий. Следы их ищут повсюду — и пока не находят. А ты нашел! Разрешил мучительную загадку — одни ли мы во Вселенной или не одни? Но разрешил ее, создав такой новый парадокс, что он, мне кажется, полностью опровергает всю концепцию инопланетной экспедиции.

— В чем тогда парадокс находки, опровергающий ее существование?

— В возрасте ее, Миша. В возрасте! Три миллиарда лет. Да это же черт знает что такое! Вдумайся, Миша! Ведь если ты прав, то уже многие миллиарды лет во Вселенной существует могущественная цивилизация подобных нам существ. Они посещали Землю, посещали, несомненно, и другие планеты. И если эта сверхмогущественная цивилизация людей давно погибла, то не могли же исчезнуть ее следы, не менее впечатляющие, чем окаменелый труп твоей скандинавки. А их нет, Миша. Их нет — ни могущественной цивилизации, ни оставленных ею следов.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно! Вот вопрос, на который отвечаю с убежденностью. Конечно, мы не изучили всю Вселенную. Это просто невозможно. Но наши лайнеры, аннигилирующие пространство для сверхсветовых скоростей, углубились в космос на тысячи световых лет. Наши астронавты проносились мимо миллионов звезд, высаживались на сотнях планет. Мы познакомились с бесчисленными формами жизни. Но нигде не встречали цивилизаций, равных нам технологически и интеллектуально. Вселенная, в общем, однородна. Знаю, чтобы определить качество вина, нацеживает из бочки один стакан, ему нет нужды выпивать всю бочку. Можно обоснованно утверждать, что и в дальнем космосе мы не найдем того, чего не нашли в ближнем. Хочу тебя огорчить, Миша,— думаю, что во Вселенной никогда не существовало цивилизации, так удивительно похожей на современное человечество.

По лицу Баха казалось, что возражения Кнудсена не только не огорчают его, но, напротив, приносят удовольствие. Бах улыбался, одобрительно кивал. Когда Кнудсен закончил, Бах чуть ли не с ликованием воскликнул:

— Именно то, чего ожидал. Великолепный анализ! Согласен с каждым твоим словом! Ты абсолютно прав.

— Но если я прав, то ты...

— Тоже прав. И сейчас это докажу. Для этого я и попросил вызвать тебя с Латоны. Ты единственный, кто может — и гораздо лучше меня! — превратить мою гипотезу в полную достоверность.

— Воля твоя, Михаил...

— Не перебивай! Формулирую. Ни на Земле, ни в космосе не обнаружено и намека на мощную человекоподобную цивилизацию, тем более возникшую миллиарды лет назад. Но открытие в Скандинавии доказывает, что такая цивилизация существовала и ее представители посещали Землю. В общем, было то, чего не могло быть. И нужно решить непростую задачу: как может быть то, чего не может быть? От имени Академии Наук поручаю решение этой задачи тебе!

— И ты хочешь, чтобы я нашел то, чего не может быть. Не слишком ли много взваливаешь на мои слабые плечи?

— Ровно в меру твоих возможностей. Есть еще один человек, который думает о тебе так же, как я.

— Кто же этот человек, которого ты выставляешь против меня?

— Это ты, Анатолий.

— Ты серьезно?

— Вполне. Ибо ты уже нашел решение проблемы. Правда, пока только гипотетически, а не практически. Но от слов к делу перейти не так уж сложно.

Кнудсен начал сердиться.

— Миша, я не такой любитель парадоксов, как ты. Выпусти свои соображения вторым изданием со списком опечаток.

— Никаких опечаток! Ты говорил, что существа, оставившие тело своего представителя на Земле, не могли быть из нашего космоса. Значит, они были из другой Вселенной. Вот ты и нашел решение проблемы.

Кнудсен медленно проговорил:

— Начинаю понимать. Они из миров с иным течением времени?

— Наконец-то снизошло! Ты стал тугодумом, Анатолий! Еще до того, как ты пустился в иновременность на опытном хронолете “Протей”, меня стала мучить проблема иных вселенных — невидимые черные дыры, звезды из антивещества, схлопнувшиеся галактики... А после возвращения “Протея” стало ясно, что Вселенные с иным течением времени существуют реально. И во время раскопок в Скандинавии я уже подумывал об этом. Раз человекоподобных могущественных цивилизаций не существуют в мирах прямого времени, а они все-таки существуют, поскольку побывали на Земле, то, значит, они пришли из миров иного времени. Неотразимое рассуждение, не так ли?

Кнудсен усмехнулся.

— Уж не хочешь ли ты послать нас с Аркадием на поиски человекоподобных цивилизаций в миры с иным течением времени?

— Именно, Анатолий! Академия Наук постановила использовать новый хронолет “Гермес” для рейса в иновременные Вселенные. Таким образом, проверка моей гипотезы станет одним из пунктов вашей рейсовой программы. Будут и другие, но они вне моих интересов.

— Понятно. Теперь скажи — ты вызвал меня, чтобы получить мое согласие на рейс в иновременность?

Бах вдруг смутился.

— Не только. Хочу просить... Возьми меня, пожалуйста, в члены экипажа!..

— Да ведь ты не хронавт, Миша.

— Изучу. Сам проэкзаменуюсь. Поблажки не попрошу. Кнудсен пожал плечами.

— Нужно решение Академии, чтобы включить тебя в экипаж. Конечно, разрешение ты получишь. О чем еще проинформируешь нас?

— Только о том, что тебе предложат взять еще одного человека. Не я назвал эту кандидатуру, но горячо поддержал ее, хотя лично не знаю кандидата — только читал работы, знакомился с научными успехами.

— Кто же этот кандидат, которого ты не знаешь, но горячо рекомендуешь?

— Мария Вильсон-Ясуко, директор геноструктурной лаборатории на Урании. Она создала такие искусственные организмы, что поражаешься. Выдающийся геноинженер Вильсон-Ясуко, так считают в Академии Наук, будет незаменима, когда мы повстречаем новые формы жизни.

По лицу Кнудсена пробежало темное облачко.

— Не уверен, что хотел бы видеть Марию в своем экипаже. Но для удачи рейса это несущественно. Она, конечно, незаменима в своей области. Вы уже говорили с ней?

— Мы не могли вести с ней переговоры до твоего согласия.

— И вы уверены, что она бросит создание новых типов животных ради участия в экспедиции, цели которой очень далеки от ее специальности?

— Надеемся, что она посчитается с просьбой Академии Наук. Пока важно одно: нет ли у тебя возражений против ее участия?

Кнудсен ответил ровным голосом:

— У меня возражения нет.

Эта картина погасла, и сейчас же вспыхнула другая: Бах и Кнудсен вдвоем шли по улице и разговаривали...

Бах с возмущением сказал Ватуте:

— Повторяю снова: ваш импульсатор показывает на экране далеко не самые важные события моей жизни. Против встречи с Кнудсеном и Никитиным не возражаю, она была важна, решалось — быть или не быть хроноэкспедиции в миры искривленного времени. Но ведь происходили события и не менее важные, а где они? Например, мой доклад Академии Наук о скандинавской находке, дискуссии в связи с моей гипотезой, разработка проекта экспедиции, штудирование хронистики, очень сложной науки, — я в математике не силен, а там такая математика! Совещания, заседания, встречи, вызовы, лекции!.. Ничего этого и в помине нет. А взамен вот эта прогулка в музей, которую Кун Канна восстановил на экране. Разговоры о личных взаимоотношениях...

Министр Прогнозов и Ведовства поспешно погасил экран и смиренно протелепатировал:

— При низком уровне резонанса восстанавливаются воспоминания с сильной сохранностью. Но если прикажешь, Властитель, я увеличу потенциал резонанса, и тогда оживут события, которые человек считает более важными, но которые гораздо слабей сохранились в его памяти.

— Работай при низком потенциале, — сказал Ватута. — Возобновляй только сильные воспоминания. А почему наш пленник прочней запоминал пустяки, а не важное — это его личное дело.

Бах больше не протестовал. Он удивился себе. Он всегда думал, что хорошо помнит свою личную жизнь. Он порой оглядывал пережитое как бы с большой высоты — и жизнь представляла как обширная местность, неровная, пересеченная, живописная: ровные долины повседневности, высокие пики успехов, темные болота неудач, уходящий за горизонт океан непознанного... Пейзаж, называвшийся “жизнь”, был ярок и впечатляющ, его можно было восстановить любым усилием памяти. Но вот пленный министр возобновляет жизнь Михаила Баха, фиксируя только сильные воспоминания — и он плохо узнает себя. Он тот же и уже не тот — пропала гармония событий. По-прежнему

различима с высоты хорошо знакомая местность, но долины и реки затянуло туманом, над пеленой тумана вздымаются отдельные пики, между ними нет связи, нет переходов — картина дикая и неожиданная...

На экране Бах и Кнудсен шли по улице города.

— Заседание в Академии прошло удачно, — говорил Бах. — Все важное утвердили, против состава экипажа не возражали.

— Опасался, что тебя отведут?

— Сомнения были. А ты за своего Никитина не опасался?

— Почему я должен за него опасаться?

— Не должен, а мог. Уж очень несхожая вы пара!

— В чем ты увидел несхожесть?

— Не я один. Во-первых, внешность. Ты — огромен, хмур, лохмат, грозен; в общем — зверь из бездны, так называл похожих на тебя один старый писатель. Он — ангельский лик, кудряв, румян, нежен, женообразен до неприличия. Скажешь, внешность несущественна? Оставим внешность, присмотримся к сути. Ты — любимый ученик создателя хронистики, продолжатель гениального Чарльза Гриценко, его преемник, создатель “Протея”, первого трансмирового корабля, главный конструктор трансвременного “Гермеса”. Короче — сотни выдающихся научных работ, десятки первоклассных изобретений. Вот он — ты! Прославленный Анатолий Паоло Кнудсен! А он? Ни одной работой о себе не заявил — ни в теории, ни в эксперименте. Нет, не подумай, что отговариваю братья его. Твое решение — закон! Но почему он? Сотни напрашивались тебе в помощники, в стажеры, в лаборанты. Ты выбрал его.

Кнудсен добродушно посмеивался.

— На простой вопрос — почему? — ответить очень непросто. Начну издалека. Много лет прошло с момента, когда я впервые прибыл на Латону. Чарльз Гриценко только приступал к основным хроноэкспериментам. Да и кто тогда разбирался в хронистике? Пожимали плечами, говорили неопределенно: “Да, новая наука, много, много в ней загадочного”. А я мечтал о ней, мечтал увидеть ее создателя. И вот вошел в его лабораторию, остановился на пороге — перехватило дыхание! А Чарльз взглянул на меня, улыбнулся и сказал: “Наконец-то вы пришли! Давайте направление, стажер!” Так он открыл меня. Это незабываемо, Миша.

— Отличная лирико-психологическая сценка. Гриценко любил поражать. Но какое это имеет отношение к Аркадию Никитину?

— Прямое, Миша. Их было десятка два, кандидатов в первую хроноэкспедицию, — каждый предъявлял труды, инженерные или теоретические, каждый мог похвалиться усердием в стажировке. Аркадий бледнел в ярком созвездии таких фигур. И он знал, что его физическая красота — недостаток, а не достоинство, с красотой обычно связывают легкомыслие и самолюбование. И собственная молодость угнетала его, она знаменовала отсутствие опыта. А я взглянул на него и понял: единственный, кто нужен! И отвергнутые мне нравились, но Аркадий не просто понравился — покорила. Так когда-то Чарльз выбрал меня среди многих стажеров лаборатории, так теперь и я выбрал Никитина. Гриценко не пришлось раскаиваться в своем выборе, я пока тоже не разочаровываюсь. Я сразу понял, что ангелоподобный облик Аркадия мало отвечает его характеру. Он решителен и крут, настойчив и вспыльчив, чертовски требователен — не правда ли, это плохо вяжется с кудряшками и румяными щечками? Посмотрел бы ты на него во время монтажа “Протея”. Он тогда своими придирками доводил кого до слез, кого до ярости, кого до ухода. Лишь на ходовых испытаниях выяснилось, что не было придирок, было обоснованное требование совершенства, без этого еще не виданный корабль не сумел бы уйти в еще не слыханный рейс.

— Буду рад, если он таков, как описываешь. Но раз уж мы заговорили о личных отношениях, то разреши задать еще один вопрос.

— Задавай.

— Ты сказал при встрече, что не жаждешь видеть Марию Вильсон-Ясуко в составе экипажа. Почему, Анатолий? Такой геноконструктор, такой знаток всех форм земной и неземной жизни... Ты хмуришься? Неприятен вопрос?

— Задумался, как отвечать. Отвечу в Музее Космоса.

— Он сегодня закрыт.

— Не для меня. Ты забыл, что до того, как я стал хрононавигатором, я имел звание астронавта первого класса — это звание открывает двери всех залов музея. Но мы с тобой пойдем не в главные помещения, а на окраину музейного городка, в домик планет, уже потерявших интерес для звездопроходцев.

Они свернули на боковую улицу, подошли к группе зданий, обнесенных оградой. Над входом светилась надпись “Музей Космоса”. Кнудсен углубился в улочку между двумя высокими зданиями, остановился перед двухэтажным домом, вынул металлическую карточку астронавта, вложил ее в щель автоматического контроля, и дверь отворилась. Кнудсен прошел два первых зала. Над входом в третий зал висела надпись: “Созвездие Лиры. Звезда № 6. Планета Гефест”.

— Смотри внимательней, Миша, — сказал Кнудсен. — Это важно.

Бах смотрел во все глаза — и не открывал ничего важного. Гефест, небольшая планетка, весь был в струпьях гор, в пламенных опухолях вулканов — его затягивали дым и пар, сотрясали взрывы. На одной серии стереоснимков массивная гора отрывалась от тела планеты и уносилась вверх, а вверху рассыпалась на миллионы раскаленных обломков — огненный дождь камней иссекал поверхность Гефеста. Местечко было жуткое, но страшных планет в космосе и без Гефеста хватало.

— Прежде всего, интересна лава, — сказал Кнудсен. — Она слабо радиоактивна. Воды на Гефесте немного, но в лужицах найдены живые клетки, не организмы, но все же жизнь! Все благоприятствовало здесь творению жизни — теплота, влажность и радиоактивность! Ты помнишь, конечно, геохимика Владимира Вернадского, он ближе к твоей профессии, чем к моей. Вернадский, я читал, относил слабую радиоактивность к синтезаторам жизни, а радиоактивность сильную — к ее губителям. Гефест открыли два века назад, но что это такое горнило непрерывно возникающей и непрерывно гибнущей жизни, узнали недавно. Пятнадцать лет назад сюда послали экспедицию в составе вулканолога Хидаки Ясуко, его сына Алексея Ясуко и руководителя, которого пока не назову. Хидаки было сорок лет, Алексею — шестнадцать, руководителю тридцать семь. Хидаки был мужем Марии Вильсон, Алексей — ее сыном. Во время одного из вулканических выбросов Хидаки и его сын погибли, руководитель даже ранения не получил. Он видел, как мальчика взметнуло вверх огненным факелом. И мальчик кричал, все кричал из пламени! Что до отца, то он сразу провалился в кратер. Расследование показало, что огнеупорные костюмы вулканологов были недостаточно надежны — их конструкцию пришлось перерабатывать.

Бах в негодовании воскликнул:

— Как руководитель экспедиции мог потом смотреть в глаза жене Ясуко?

Кнудсен спокойно сказал:

— Ты прав, он не мог смотреть ей в глаза. Он был так страшно, так непростимо виноват перед ней!

Бах вдруг сообразил, зачем Кнудсен привел его в музей.

— Руководителем экспедиции был ты?

Кнудсен продолжал:

— Я должен кое-что добавить к обстоятельствам трагедии. Руководитель был с детства дружен с Марией, а в юношеские годы дружба превратилась в любовь. Односторонне превратилась, только у него. Мария и слышать не хотела о других отношениях, кроме дружеских. А затем появился Хидаки Ясуко — обаятельный человек, умница, талант. Женщины в него влюблялись, мужчины считали радостью общение с ним. Это была удивительная пара — Мария и Хидаки! Семнадцать лет они прожили вместе — и каждый день был днем внимания и любви.

— Руководителем экспедиции был ты? — повторил Бах.

— Руководителем был я, Миша. Так захотели в Совете Космоса — я считался хорошим астронавтом и геофизиком. Я обрадовался назначению, мне хотелось после долгих лет отдаления от Марии хоть служебно приблизиться к ее семье. Прежней любви уже не было, ничто не могло помешать нашей дружбе.

— Мария верила, что ты преодолел прежнюю любовь к ней?

— У нее не было оснований думать, что я лгу. Перед нашим отлетом на Гефест она сказала: “Анатолий, я вручаю судьбу моего сына и моего мужа в надежные руки”.

— Что ты сделал после возвращения с Гефеста?

— Что я мог сделать? Она уже знала о трагедии. Следственная комиссия установила, что моей вины в катастрофе нет — неожиданный взрыв вулкана произошел в спокойном месте Гефеста, приборы прогнозировали здесь длительное спокойствие.

— У тебя был разговор с Марией после возвращения на Землю?

— Я ее не видел. Она улетала на Латону, оттуда на Уранию: ей предложили заменить Глесстона, — директора геноструктурной лаборатории, тот ставил слишком уж жестокие эксперименты. В общем, никаких объяснений в связи с трагедией на Гефесте у нас не было.

— Но ведь ты сам вскоре прилетел на Уранию. Ты не мог не встретиться с Марией. Надо было объяснить ей свою невиновность!

— Выводы комиссии она читала. Повторять их своими словами? И я не сразу полетел на Уранию, я больше года провел на Земле. Геофизика мне опротивела. Об экспедициях на планеты, охваченные вулканическим жаром, я и думать не мог. На Землю прилетел Чарльз Гриценко. Он рассказывал о своих экспериментах с фазовым временем в атомных процессах. Ты его знал — он истинный златоуст! И я понял: надо проситься в ученики к творцу науки о трансформациях физического времени. Чарльз, как и ты, Миша, был любителем поэзии. Когда я завершил стажировку, он приветствовал мое превращение из геофизика в хрониста прекрасными словами древнего поэта:

... Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны,
Глубокие, пленительные тайны,
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним,
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?

— Так ты очутился на Урании?

— Так я очутился на Урании. Не знаю, что думала Мария о моем появлении у Гриценко, но встретиться со мной не пожелала. Мы иногда виделись в столовой, на ученых советах... Пятнадцать лет прошло с катастрофы на Гефесте, пятнадцать лет мы живем с Марией на одной планете, но не помню случая, чтобы мы перекинулись больше чем двумя-тремя равнодушными словами: “Здравствуй, Мария!”, “Добрый день, Анатолий!”

— Она сохраняет такую вечную вражду к тебе?

— Вражды нет. Она безразлична ко мне. Она смотрит не на меня, а сквозь меня. Ей нужно усилие, чтобы заметить меня.

— Может, она и к другим так относится?

— С другими она иная. Она строга, но приветлива. Я один обладаю грустной привилегией не существовать для нее.

— Анатолий, зачем ты привел меня в этот зал? Печальную историю о Гефесте я мог услышать и в другом месте.

— Не мог. Я не сказал тебе, что приборы, фиксировавшие уголок Гефеста, я установил на вершине одного из холмов. Сейчас ты сам увидишь катастрофу. Пойдем в демонстрационную.

В демонстрационной Кнудсен включил экран. На нем вспыхнул пейзаж Гефеста. Планета гудела и погромыхивала, огнеточила из кратеров, похожих на открытые раны. Две фигуры карабкались на холм, помогая себе присасывающимися жезлами, на спинах висело походное снаряжение.

— Хидаки и Алексей, — бесстрастно сказал Кнудсен. — Меня не видно, я заполнял дневник рядом с регистрационными приборами.

Ничто не предупреждало о возможности катастрофы. Вдруг разверзлась почва и вверх рванулся исполинский столб багрового пламени. Хидаки пропал сразу, а юношу взметнуло. Секунду он темной фигуркой возносился в диком выбросе извержения, потом тело стало факелом, и огненный факел был ярче возносившего его тока газа и камней. Из факела вынесся пронзительный вопль: “А-а-а!” — и иссяк, а тело, ставшее огнем, распалось на куски, и куски на лету обращались в пар и дым.

Кнудсен выключил экран. Бах в ужасе смотрел на друга. Кнудсен был смертно бледен.

— Этот крик будет вечно звучать в моих ушах! — воскликнул Бах.

— Этот крик вечно звучит во мне! — глухо сказал Кнудсен. — Выйдем. Я должен показать тебе еще одну картину.

Кнудсен повел Баха к другому стенду. На нем висели две стереографии. С одной глядели трое — высокий, широкоплечий, тогда безбородый, коротковолосый Кнудсен, Хидаки Ясуко, мужчина пониже и постарше, с умными, улыбчивыми глазами, а между ними юноша — красивый, радостно смеющийся. На второй стереографии к трем мужчинам добавлялась Мария Вильсон. Высокая, статная, серьезная, она обнимала левой рукой мужа, правой Кнудсена; сбоку к Кнудсену доверчиво прижимался Алексей, и Кнудсен, как бы охраняя, охватывал плечи мальчика рукой.

— Послушай, но ведь Алексей удивительно похож на Аркадия, — сказал Бах. — Если бы я не знал, что это разные люди, я бы подумал, что вижу портрет Аркадия, только помоложе.

Кнудсен кивнул.

— Ты правильно разглядел — очень похожи. Сходство странное, у них нет кровного родства. Вот еще одна причина, почему я заколебался, приглашать ли Марию в экспедицию. Она еще не видела Аркадия...

— Ну что ж — увидит, удивится и расстроится, наверно, но примирится, что Аркадий похож на сына! Столько лет прошло, любые душевные раны за этот срок затягиваются.

— У нее не затянулись. И думаю, она не примет приглашения на “Гермес”, чтобы не видеть меня.

Они вышли из музея и зашагали по улице. Бах сказал:

— Знаешь, я уже видел Марию, не просто видел, а долго рассматривал. Даже любовался ею.

— Ты же никогда не бывал ни на Латоне, ни на Урании, а Мария с той катастрофы не прилетала на Землю.

— Верно! Я не мог ее видеть, а все-таки видел. И знаешь где? В музее.

— В том, где мы были? В Музее Космоса?

— Нет, в музее живописи. Во всех городах я посещаю художественные собрания. В столичном музее меня числят завсегда-таем. Там я часто стоял перед картиной старого русского художника Врубеля. “Валькирия” — так называется та замечательная картина. Ты знаешь, кто такие валькирии? Девы-воительницы северных саг — полубогини-полуженщины, на полях сражений летают на крылатых лошадях, оказывают помощь раненым. Не то боевые помощницы, не то прототип позднейшей сестры милосердия. Врубель изобразил величественную женщину — одной рукой она держит уздечку коня — удивительное лицо, удивительная фигура. Так вот, Мария Вильсон-Ясуко похожа на ту валькирию. Правда, на стереографии Мария помоложе и покрасивей врубелевской девы.

— Очень возможно, — рассеянно отозвался Кнудсен; он думал о чем-то своем.

6

Министр Прогнозов и Ведовства, дилон Кун Канна сделал перерыв в передаче на экран воспоминаний Баха. Ватута зевнул человеческим зевком — широко распахнул рот, долго вбирал воздух, долго выдыхал его, даже — тоже по-человечески — чуть-чуть подвыл, выдыхая.

— Станный народ — люди, — сказал он после зевка. — Самые сильные воспоминания у вас не о делах, которые вы считаете главными в жизни, а о том, что чувствуете, о чем думаете, как общаетесь. Беспрестанное выяснение отноше-

ний. Если, конечно, все люди похожи на тебя или думают так же, как и ты.

— Все люди, в общем, как я, — заверил Бах. — Мы существа общественные, взаимные контакты для нас очень важны.

— Ты сказал, что ты ученый археолог и что вся жизнь твоя — служение науке. По воспоминаниям, которые всего прочней, такой вывод не сделать.

— Дай резонанс посильней, тогда увидишь, чем была заполнена моя жизнь. Память капризна...

— Много еще прогнозируешь воспоминаний на малом резонансе? — спросил Ватута министра.

Тот сверился с аппаратурой.

— Две-три картинки, Властитель.

— Две-три картинки вытерплю.

На экране появилась небольшая комнатка — стол, три кресла, диван. На диване сидели Кнудсен и Аркадий. Бах у окна любовался пейзажем.

— Замечательная планетка эта Латона, — сказал Бах. — Идеальное место для отдыха и научных экспериментов, которые нельзя проводить поблизости от Земли. Но для чего обустроили Уранию — та ведь хуже.

— Хуже для отдыха, лучше для работы, — возразил Кнудсен. — Если бы заводы и лаборатории Урании были размещены на Латоне, ты не говорил бы, что Латона — идеальное место для отдыха. На Урании сосредоточены предприятия, которые опасно размещать в окрестностях Земли.

— В том числе и твоя хронолаборатория? А чем она опасна?

— Ничем, пока исследования идут нормально.

— Всё, что ненормально, опасно. Разве не так?

— Не так, Миша. На Урании однажды произошел взрыв двух миллионов тонн сгущенной воды. Случись он на Латоне, добрая треть планеты лежала бы в развалинах. Урания защищена путаницей гор — пострадали лишь несколько зданий. И если хротрансформаторы на Урании выйдут из строя... Конечно, и там радости не будет, но соседи уцелеют — горы вокруг Института Гриценко послужат щитом от катаклизмов с временем. Камню безразличны скачки в тысячу лет назад или вперед, а люди не выдерживают больших хроноперебросов. Между прочим, еще в мое стажерство один из хронистов лаборатории погиб от разрыва внутреннего времени в организме. Гриценко тогда очень усилил защиту, не столько нашу собственную, сколько соседей — от нас.

— Почему ты посматриваешь на дверь, Анатолий?

— Мария должна была быть уже десять минут назад.

— Женщины неточны, разве ты этого не знаешь?

— Только не Мария. Она женщина, но точней тебя.

— Может, ты перестал ее понимать? Ты думал, что она откажется от экспедиции, а она согласилась сразу.

В комнату вошла женщина. Она остановилась на пороге, оглядела троих мужчин. На ее лице возникло удивление, когда она увидела Аркадия. Бах и Кнудсен обменялись быстрыми взглядами. Если женщину что и поразило, то справилась она быстро.

— Здравствуйте, друзья! — Она обратилась к Баху: — Знаменитый Бах, автор открытия, которое всех нас скоро бросит в океан иновременности? Столько раз видела твои стереопортреты, что узнала бы при встрече на улице. А юноша — Аркадий Никитин? О тебе у меня не было предварительного представления, но рада видеть. — Только теперь она повернулась к молчаливому Кнудсену, на лице ее высветилась улыбка. — Ты не меняешься, Анатолий. Такой же могучий, серьезный, лохматый. Говорят, что ты внешность скопировал с Зевса, но, думаю, твоим прототипом был отец Зевса, бог времени Хронос — и по его узкой божественной специальности он тебе больше походит.

Кнудсен ответил без улыбки:

— Учту, Мария, схожесть с Хроносом. Непременно раздобуду его изображение. Жалко, что древние греки не удосужились фотографировать своих богов. Большое упущение, по-моему.

Мария Вильсон-Ясуко опустилась в кресло. Высокая, широкоплечая, худая, с нервным и резким лицом, она могла сойти за мужчину, одевшись в мужское, — лишь красные губы на бледном лице да очень женские глаза выдали бы ее. Голос у нее был звучный и сильный.

— Ты, наверно, сердился, что я опаздываю, Анатолий, — сказала она, все так же дружески улыбаясь. — Помню, ты выходил из себя, если кто опаздывал на минуту. Не сомневаюсь, что ты сохранил вызывающую привычку быть педантично точным.

— Просто точным, Мария, без вызова.

— Так вот — ради точности... Хочу предупредить, друзья, что в нашей встрече примет участие мой друг и помощник. Он явится точно в двадцать один час. У него есть хорошее имя, внесенное в паспорт астронавта, но он охотно откликается на

дружеское прозвище Асмодей. Я бы хотела взять Асмодея в нашу хроноэкспедицию. Он будет полезен и вам, а я просто не мыслю себя без него.

Бах и Аркадий посмотрели на Кнудсена. Кнудсен нахмурился.

— Ты ставишь предварительное условие своего участия?

— Нет. Если не возьмешь моего друга, я от экспедиции не откажусь. И можешь дать ответ после того, как посмотришь на Асмодея. Уверена, что он всем вам понравится. Теперь задавайте вопросы.

— Пока один. Давая согласие на участие в экспедиции, ты, естественно, ознакомилась с ее задачами?

— В самых общих чертах, Анатолий. Знаю о находке в Скандинавии и о гипотезе, что высокоразвитые антропоиды посещали Землю уже три миллиарда лет назад. И о том, что в нашей Вселенной не обнаружено и следов такой цивилизации. И что вы надумали искать ее во вселенных с иным течением времени. И что для этого снаряжен хронолет “Гермес”, в члены экипажа которого пригласили и меня. Этими скудными сведениями и ограничивается мое знание программы хронорейса.

— Но ведь это самое существенное! — воскликнул Бах. — Что-либо добавить не берусь.

— Ты не берешься, другие возьмутся, — сказал Кнудсен. — Не знаю, будет ли верна добавка, но что существенна — ручаюсь.

— Надумали менять программу рейса? — удивился Бах.

— Не я, а наш общий друг Никитин. — И Кнудсен с улыбкой показал на покрасневшего Аркадия.

— Лучше в другой раз, я не подготовился, — попросил Аркадий.

— Рассказывай, как придет в голову. А чтобы помочь тебе, я изложу вкратце твою концепцию — доказательства представишь сам. Так вот, друзья, Аркадий считает, что наша основная цель — отыскать в иных мирах человекообразную цивилизацию, представители которой миллиарды лет назад посетили Землю, — в принципе своем ошибочна, ибо такая цивилизация невозможна и потому не существует. Я правильно излагаю, Аркадий?

— Правильно. Но это...

— Понимаю. Только вступление к идее, а не сама идея. А

вот и идея. Человек не естественное создание природы, а искусственная конструкция, продукт какого-то эксперимента. Поэтому надо искать не другую антропоидную цивилизацию, а того экспериментатора, который пустил в биологическое существование человека... Но где гарантии, что экспериментатор конструировал человека по своему образу и подобию? Тот неизвестный конструктор разрабатывал не только человека, но и все биологические формы. Какая — его подобие? Амеба, рыба, бык, обезьяна?

— Новый вариант Высшего Разума? Чепуха! — воскликнул Бах.

Аркадий, вспыхнув, с обидой сказал:

— Не мешало бы раньше выслушать мои аргументы, а потом говорить, чепуха или не чепуха.

— Для чего? Идея, что человек — искусственник, отнюдь не нова. Почти во всех религиях людей порождают субъекты, именуемые богами, то есть существа со сверхъестественной мощью и волшебной способностью не считаться с законами природы. Правда, говорится не о конструировании людей, термин туманней — творение. Но уже в библейской легенде о сотворении первой женщины трактуется, что тело Евы нарастили на ребре, вынутом у ее будущего мужа Адама. Иначе, предлагается ясный метод конструирования с применением исходного материала — ребра. Твоя концепция об искусственном производстве биосуществ не имеет ли истоком такие религиозные сказания?

— Религиозные сказания мне и в голову не приходили. Я слишком мало знаю историю религий. Я исхожу из научных данных.

— В частности, из работ твоей геноструктурной лаборатории, — обратился Кнудсен к Марии. — Когда пришло твое согласие на участие в хронорейсе, Аркадий проштудировал все, что опубликовано тобой и твоими сотрудниками.

Мария ласково посмотрела на Аркадия. Ее доброжелательная улыбка воодушевила его.

Воинственный Бах спросил с вежливостью, какой одаривал лишь противников, заслуживающих не опровержения, а уничтожения:

— Какой же из блестящих экспериментов нашего друга Марии Вильсон-Ясуко породил в тебе, друг мой Аркадий, идею о

Высшем Разуме? Или лучше говорить о Высшем Существо, а не о Высшем Разуме?

— Можешь говорить как заблагорассудится — термины Высший Разум и Высшее Существо принадлежат не мне, а тебе, — сдержанно возразил Аркадий. — Я бы сказал по-иному — высококвалифицированный геноинженер. И докажу, что этот термин соответствует реальности.

— Подождем Асмодея, он появится через десять секунд, — сказала Мария. — Ему тоже полезно ознакомиться с темой спора.

Асмодей уже открывал дверь, когда Мария заканчивала фразу. Он на мгновение задержался на пороге — высокий мужчина лет тридцати пяти, стройный, жилистый, крупноголовый, с худым, быстро меняющимся лицом — сейчас оно приветливо улыбалось. И он был нарядней всех мужчин — та же одежда сидела на нем изящней.

— Общий привет, друзья! — Асмодей поклонился. У него был высокий веселый басок с металлическим звоном. — Я не опоздал?

— Не опоздал! — Мария показала на кресло рядом с собой. — Садись и слушай. Нам предстоит познакомиться с интересными идеями. — Она кивнула Аркадию. — Итак, мы слушаем.

Аркадий начал с того, что еще недавно и не думал о происхождении человека. Изготовление аппаратов для навигации в разных токах мирового времени представлялось ему операцией куда сложнее, чем сотворение человека. Ибо производство хроноштурманских механизмов совершалось в человеческой истории впервые, чего нельзя сказать о создании людей. Знакомство с геноструктурными исследованиями открыло ему новый мир. Нет, он и раньше знал, что биоэкспериментаторы способны переконструировать маленькую ящерицу в огромного дракона, наделить двурогого барана целой бороной рогов, вырастить у вороны крылья. Он не слишком удивился бы, если бы к нему привели говорящего козла и тот скромно попросил просветить его в интегральном исчислении. В принципе он спокойно приемлет любую новизну — раз искусственная конструкция практически осуществима, она уже не искусственна, а естественна. Его удивило не новаторство, а, наоборот, консерватизм биоконструкторов.

— Консерватизм! — не удержался Бах от восклицания.

Кнудсен тихо радовался, что помощнику удалось поразить академика. Мария слушала со спокойным любопытством. Бах сверкал глазами, парадоксы мысли вздыбливали его на схватку.

— Да, консерватизм, — продолжал Аркадий. Какая бездна неизменного, давно отработанного сохраняется в каждой новой конструкции! Только потому и удается переконструировать животных. Основные жизненные отправления у всех одни и те же. И тогда он задумался о человеке. И понял, что человек — биологический автомат. Все основные жизненные процессы в организме человека совершаются сами собой, не требуют осознания и осмысления. Люди автоматически дышат, переваривают пищу, засыпают и просыпаются, рождаются и умирают, автоматически вырастают из зародыша в ребенка, из ребенка во взрослого, автоматически приобретают способность создавать потомство. И сознание и воля могут лишь крохотно замедлить или ускорить эти процессы, но бессильны взять их под свою власть. Еще ни один человек не отменил неизбежности старения и смерти, хотя многие жаждали. Просто повелеть своему желудку не выделять соки для пищеварения — и такого пустячного воздействия на свои жизненные процессы человек лишен.

— Автоматизм жизненных функций свойствен и животным, — заметил Бах.

— Да, и животным! И животным даже больше: человек способен осознать, что он автомат, а животные лишены такого самопостижения. Вот этот автоматизм и лежит в основе конструирования новых пород животных. Геноинженер меняет у подопытных существ один автоматический процесс на другой, такой же автоматический, одно автоматическое свойство преобразует в другое. Несколько составных частей заменены в генонаборе барана или коровы — и вот на голове барана часток рогов, а на боках коровы крылья. И ни сам геноконструктор, ни тем более баран с коровой уже не способны не допустить выращивания абсолютно им ненужных рогов или крыльев. Творение новых пород животных становится в принципе проще творения новых механизмов.

— Хлестко, хлестко! — произнес Бах, и не понять было, осуждающе или одобрительно.

— Но если возможно переконструировать живые организмы, то неизбежна мысль: а не искусственные ли они создания во-

обще? Конечно, курица возникает из яйца, а дуб из желудя; живую курицу не собрать искусственно из ее анатомических частей. Но в первом образце той курицы не участвовал ли чего-то расчет? Завтра можно будет ввести в питательный раствор рассчитанный набор генов и потом увидеть, как из бассейна тяжело карабкается наружу лохматый бычок. А через сто лет? А через тысячу? Никто не наложит запрета на возможность такого эксперимента!

И народилась новая мысль: вообразить себя творцом геноструктур и поразмыслить, как бы я сам решал проблему создания жизни? И тогда вся история жизни на Земле предстала в форме исполинского эксперимента. Традицией стало описывать великую эволюцию как постепенное движение от первичной клетки в питательном бульоне древнего океана до высших организмов, включая человека. Но можно рассматривать эволюцию как стадии методического эксперимента. Я, хроноштурман Аркадий Никитин, став жизнеконструктором, начал бы с создания живой клетки — и Земля начинала с творения триллионы раз нарождавшихся и погибавших в океане клеток. Если бы этот первый эксперимент удался, если бы клетка показала себя естественной жилицей океана, я перешел бы ко второй стадии: наделил клетку генным аппаратом, заставляющим ее соединяться с другими в определенном соподчинении — создал модель организма. Разве не так шла эволюция? Следующая стадия: наделить коллектив клеток специальными функциями — инстинктом, чувствами, движением в пространстве, начатками рассудка. На этой стадии немалым соблазном было бы определить, какие организмы наиболее жизнестойки. Но ведь и биологическая эволюция не удержалась от такой любознательности, создавая рядом с вирусами китов и динозавров, слонов и птиц, мхи и деревья. Следующая стадия: сконструировать популяции — стаи, стада, сообщества. Экспериментально проверяются типы жизни, немислимые вне коллектива, само индивидуальное существование становится функцией коллективного бытия. Существенное усложнение, не правда ли? И последнее — создание разума. Для этой цели и сконструирован человек.

Человек — завершение эксперимента, во всяком случае на современном этапе. Вас не удивляло, что все биологические функции и у животных, и у человека даны в очень скудных границах от средних потребностей? Скажем, максимум десятикратных. Не пробежать в десять раз быстрее обычного шага, не

съесть вдесятеро больше нормы, не прожить в десять раз дольше среднего бытия. Все живое запроектировано с большой экономией жизненного потенциала. И только одна жизненная функция и только у одного человека дана воистину в безграничности — разум. Только разуму вы не положите десятикратного верхнего предела. Ни в еде, ни в ходьбе, ни в физической силе, ни в росте мы и двукратно не превзошли нашего предка питекантропа. А в разуме? Тысячекратно! И продолжаем наращивать наш интеллектуальный потенциал!

Аркадий чувствовал себя победителем. Бах сказал с одобрением:

— Отличная речь, друг Аркадий. Весьма горячая, весьма! Но ты не ответил на главный вопрос. Раз обнаружены искусственные конструкции, да еще в таком количестве, то должен существовать и искусник-конструктор. Мы не возвращаемся к идее бога, но все же конструктор, разработавший безграничный, как ты утверждаешь, потенциал человеческого разума, должен сам обладать разумом не меньше нашего, а, пожалуй, больше. Где же он, этот Высший Разум? Как его найти? Как вступить с ним в контакт?

— Предлагаю такую гипотезу. Вообразим человечество, ушедшее от нас на тысячу лет вперед. И пусть на новой Урании новая Мария Вильсон геноконструирует организмы. Она тогда, наверно, сможет не просто менять их, но создавать неслыханно новые, необыкновенные. Какому-нибудь дикарю, нашему предку, та грядущая Мария покажется творящим божеством — ее инженерное умение он расценит как божественное.

— Божественность как инженерное умение! Неплохо! Но как связать все эти твои рассуждения со скандинавской находкой?

— Вижу две возможности. Либо сами представители Высшего инженерного Разума посетили молодую Землю, но потеряли здесь одного из своих. Либо — особенно если они сами не человекообразны — начали оснащение Земли всеми биоконструкциями, включая и человека, но потерпели фиаско, ибо еще не было условий для высших организмов.

— То есть, иначе говоря, Высшему Разуму не хватило разумного понимания обстановки? Но послушай, друг Аркадий: даже если эксперимент жизни сознателен, а не стихийен, почему его не может произвести сама природа? Напомню тебе об одном старом философе, Фридрихе Энгельсе. Он писал, что при-

рода одарена внутренней потребностью познавать себя. Создание мыслящего человека — один из способов ее самопознания. Но человечество появилось и может исчезнуть, а потребность самопознания в природе остается, поскольку остается сама природа. И вот Энгельс утверждает, что с такой же неизбежностью, с какой природа в какое-то время в каком-то месте уничтожает свое высшее создание — мыслящий разум, с такой же неизбежностью в другом месте и, возможно, в другой форме она снова возродит его.

— Но ведь это не противоречит моей гипотезе! — воскликнул Аркадий. — Вижу подтверждение, а не опровержение.

Кнудсен обратился к Марии, весело смотревшей то на одного, то на другого, но не проронившей ни одного слова:

— Спор интересен, не правда ли? Твое мнение о спорящих?

Она ответила:

— Мне понравилась дискуссия. Благодарю тебя, Аркадий, за доброе упоминание работ моей геноструктурной лаборатории.

Он спросил с вызовом:

— Понравился только хороший отзыв о геноструктурщиках?

— Не только.

— Что же еще?

— Многое. И что тебя с академиком одолевают не совсем стандартные идеи. И что оба вы захвачены силой своих доказательств. Мне приятно, что буду работать с людьми, умеющими мыслить и увлекаться.

— Это значит, друг Мария, что ты согласна с моей гипотезой?

Она ответила спокойно:

— Нет, конечно.

Он сказал с удивлением:

— Не понимаю! Так блестяще использовать разумное начало в трансформировании животных — и отрицать разумность жизни!

— Не разумность, а только то, что в ее создании и эволюции участвовал некий Высший Разум.

— По твоему мнению, Высшего Разума нет?

— Ты меня не так понял. Я хочу сказать другое: если Высший Разум и существует, то он неразумен. Если твой гипотетический Высший Разум надумал конструировать жизнь, то такая попытка ему не удалась.

Бах в восторге воскликнул:

— Черт возьми! Я думал, что спор закончен, а он снова начинается — и по-иному! Друзья мои, спорьте, спорьте! Я весь обратился в слух, как выражались в старину.

— Попытка не удалась? — переспросил Аркадий. — Как же не удалась, если жизнь реально существует?

— Существует, но без предварительного инженерного расчета. Ты ведь не будешь отрицать, что расчет есть основа разумного решения. Я не нахожу его в эволюции жизни. Жизнь не несет на себе печати разумности. Если живые существа — искусственные конструкции, то генеральный конструктор — посредственность. Слово “искусственное” происходит от слова “искусство”, не так ли? Твой Высший Разум неискусен, если живой организм его творение.

— И это можно доказать?

— Уверена, что смогу это сделать.

Аркадий в замешательстве посмотрел на Кнудсена. Старший товарищ вмешаться в дискуссию не захотел. Бах, ухмыляясь, наслаждался стычкой. Изящный Асмодей словно набрал в рот воды. Мария сидела невозмутимая, легкая улыбка смягчала серьезность лица.

— Я слушаю, — сказал Аркадий.

Все, знакомившиеся с земными организмами, отмечали в них целесообразность строения и функций, говорила Мария. Но что содержится в той прославленной целесообразности? Только то, что организмы существуют не погибая. Возможно, нарождались и миллионы тварей с меньшей целесообразностью — такие погибали быстро. Целесообразность — набор того минимума приспособлений и умений, без которого не прожить самому, не породить потомства. Но где же здесь разум?

Разум выявился бы и здесь, если бы в строении и функциях организма были найдены оптимальные решения. Ибо разумное творчество изобретает лучшие варианты. Но такого стремления к совершенству в природе и в помине нет. Она немедленно удовлетворяется, едва найдет первое, самое примитивное решение, она конструирует тят-ляп, лишь бы пустить свое создание в мир. Поиск узких щелей существования — такова творческая работа природы. Она создает организмы для жизни в границах десяти — сорока градусов тепла. Попробуй брось их в нулевую температуру, в стоградусную жару! Сконструированы легкие — и всю жизнь непрерывно дыши, остановишься на несколько

минут — погиб! А рабская прикованность к еде? Вечная трагедия безостановочного поиска пищи? А разве нельзя найти решение, при котором пища создается в самом организме либо откладывается в длительный запас, чтобы высвободить физические силы и мозг для иных дел? Таких недоделок и скороспелостей в труде природы — тысячи! Даже обычный мыслящий разум не может примириться с ними — а ты еще говоришь о каком-то Высшем! Некогда поэт Владимир Маяковский требовал жить “не на подножном корму, не с мордой, опущенной вниз”. Это было требование истинного разума, возмущенного слепой неряшливостью природы.

— Но ведь та великая целесообразность... — попробовал вставить слово Аркадий.

Мария оборвала его властным жестом. Она спорила по-иному, чем Бах. Тот наслаждался вывязыванием аргументов, мог восхититься искусством противника доказывать идеи, с которыми он не соглашался. Для этой женщины, так похожей на древнюю полубогиню-воительницу, красота слов и стройность фраз значения не имела, у нее был один божок — истинность факта. Спор с Бахом закончился на нулях — и это удовлетворило обоих, они предоставили решение грядущему опыту. Здесь решение вырисовывалось ясно — и оно опрокидывало концепции Аркадия.

Она продолжала:

— Вот что такое целесообразность природы! Целесообразность казалась успешной, пока человек не проверил ее собственным экспериментальным искусством. Разработка новых геноструктур утвердила тебя, Аркадий, в мысли, что в животворчестве природы есть разумное начало, а должна была утвердить в обратном — что нет разума в миллиардолетнем творении жизни на Земле, только игра слепых сил. Ведь в своей геноструктурной работе мы стремимся прежде всего избежать недоработок природы, мы поправляем ее, выискиваем оптимальные решения. И только теперь, только с высоты наших успехов, только на фоне нашей геноструктурной работы мы начали доказательно понимать, как далеко от разумного поиска шла природа. Метод проб и ошибок, выхватывание удачного случая — вот ее труд.

Аркадий попытался еще возразить:

— Но автоматизм жизненных функций — разве он не свидетельство искусственного конструирования?

Широким движением руки Мария словно отогнала подлетевшую пушинку. Нет, тысячекратно — нет! Автоматизм — продукт слепой эволюции, а не творение разума. Мыслящий творец все же добавил бы сознания и воли в жизненные функции. Для этого ему нужно бы построить их на оптимальном варианте — природа таких вариантов не нашла или, скажем так, до них не дошла. В этих условиях только автоматизм может обеспечить жизнеспособность жизни. Дай сознанию и воле, обычным атрибутам разума, командовать всеми функциями организма, такая бы разыгралась дикая вакханалия, что в ней погибла бы сама жизнь.

— Итак, друг Мария, ты напрочь отрицаешь разум в житнетворчестве?

— Сомневаюсь в нем. Я сегодня могу конструировать организмы совершеннее природных. И мне для этого не требуются миллионы лет. А ведь я не представитель Высшего Разума, а только человек.

Аркадий не удержался от укора:

— Хотел бы я посмотреть, как геноструктурщики превзошли природу. У тебя тоже гипотезы — насчет надежности, резервов, лучших решений жизненных функций.

— Не только гипотезы! — Она повернулась к Асмодею. — Продемонстрируй себя, друг.

Асмодей вскочил, снял пиджак, бросил его в кресло, туда же полетела сорочка, обнажив волосатую грудь. Нарочито медленным движением руки Асмодей провел от горла до живота — и грудь отверзлась. В ее глубине раскрылось переплетение проводов и механизмов.

— Объясняй! — приказала Мария.

— Прежде всего — питание, — заговорил Асмодей. — Если я в человеческом облике, как сейчас, то могу и питаться как человек: еда утилизируется в желудке. Но основная жизненная энергия — от ядерных аккумуляторов, отличные аппараты последней модели! Их хватает на два года, это время могу прожить без пищи. Конструкторы не лишили меня и дыхания, но вместо легких — пластины, адсорбирующие кислород. Могу без воздуха прожить восемь месяцев, передам часть своего кислорода задышающемуся человеку. Обычное дыхание тоже есть, но идет лишь на пополнение запасов. Конструкторы ввели в меня генератор крови и насосик типа сердца. При драке могу истечь кровью, но не погибну, только обману противника. За-

пускаю кровогенератор и для того, чтобы снабдить кровью человека. Что до мозга, то это компьютер. Мозг работает от желудка... в смысле — от ядерных аккумуляторов. Конструкция моя — комбинация органических тканей и искусственных приспособлений. Типичный облик — человек. Но способен модифицироваться в иные облики — всего их двадцать. Имею набор человеческих чувств, кроме шестого — любви к существу другого пола, ибо сам бесполой. Способен на дружбу и преданность. Имею дар гипноза, генерирую электромагнитные и гравитационные поля. Могу стрельнуть взглядом, как пулей. Список моих умений и возможностей описан в паспорте “Кибернетический организм на живых тканях и механизмах”, к которому вас отсылаю. Все. Одеваюсь.

Асмодей захлопнул грудь, надел сорочку и пиджак. Конструкторы не лишили его и такого человеческого чувства, как самолюбование. Он завершил объяснение гулким, не совсем человеческим смехом.

Бах с восхищением сказал:

— Друг Мария, поздравляю! Какое инженерное умение, какое изящество проекта! Конечно, это не тот киборг или кибер, которых так размусоливали древние фантасты. В Асмодее превалирует искусственное, а не естественное начало — электроника, ядерные реакции, полупроводники, генераторы различных полей. Однако, дорогой друг, твой ответ Аркадию не совсем корректен.

— Ты тоже считаешь, что в творениях природы виден Высший Разум?—с удивлением спросила Мария. — Но ведь ты доказывал другое.

— Я не доказывал ничего другого, я только проверял прочность аргументов нашего молодого друга. Опровергала их ты — и лично меня убедила. Но разве этот восхитительный молодец, этот очаровательный парень с сатанинским именем Асмодей, разве он может быть доказательным аргументом? Ты обвинила Аркадия в софистике, но сама же софистически противопоставила живому организму внежизненную модель. Именно внежизненную, а не безжизненную! И если в лабораторной модели найдены самые оптимальные решения, то это еще не порочит долгий труд природы.

Приунывший было Аркадий воспрянул духом.

— И не доказывает, что в природе нет разума, — продолжал Бах. — Твои геноконструкторы талантливы, но почему считать

всех остальных геноконструкторов глупцами? Доверим решение спора нашему хронопоходу.

Мария засмеялась.

— Доверим, доверим!.. Теперь скажите, друзья, принимаете Асмодея?

— Принимаем, — сказал Кнудсен.

— Принимаем, — эхом отозвались Бах и Аркадий.

— Как видите, мои предварительные условия необременительны, — весело продолжала Мария. — Надеюсь, вы не будете возражать еще против одного. И я, и наш теперь общий друг Асмодей беремся выполнять любые обязанности. Но у меня есть свои проблемы. Хочу брать генопробы всех форм иновременной жизни. И если познакомимся с представителями Высшего Разума, — она лукаво поглядела на покрасневшего Аркадия, — то постараюсь разжиться генофондом высшей разумности. А на Урании разберемся, насколько разумность Высшего Разума уступает разумности обычного человеческого, в чем я заранее уверена.

Аркадий молча пожал плечами.

7

— Хватит! — Ватута снова по-человечески, с подвыванием, зевнул. — Скучные вы, люди. Все разговариваете, все разговариваете...

— Не только разговариваем, — возразил Бах. — Еще построили трансмировой корабль “Гермес”, прилетели на Дилону.

— На Рангуну, — поправил Властитель. — Но в твоих воспоминаниях больше разговоров, чем дела.

— Ты просто не перевел на экран другие воспоминания. А если я запомнил прочней наши споры, чем наши дела, то это значит, что наши мысли шире и глубже наших дел, а великие дела — обыденность.

Властитель опять зевнул. Другие Бессмертные тоже раззевались — зевота вдруг стала всеобщей. Отзевавшись, Ватута сообщил:

— Люди как дилоны, те тоже обожают думать. Все смертные размышляют. Мы Бессмертные, нам незачем размышлять. Мне нравится тот парень — Асмодей. Он сейчас мчится на самодельном автолете в разнотык времен. Если уцелеет в хроново-

роте, его перехватят мои хавроны. Я сделаю его главным министром. Твою судьбу, человек, решим позже. Кагула, обеспечь охрану пленника.

Ватута встал. Бессмертные задвигались. Ватута пошел к выходу, за ним потянулись рангуны, Бессмертный № 29 подозвал троих хавронов.

— Хаврон. Бедла, — преданно сказал первый и стал во фронт.

— Хаврон. Кадла, — почтительно сказал второй и тоже вытянулся.

— Хаврон. Рудла! — восторженно выплюнул третий и от усердия стал выше на целую голову.

— Слушайте меня, Бедла, Кадла и Рудла, слушайте меня, — Кагула говорил на человеческом языке — очевидно, чтобы пленник знал его распоряжения. И Бах с уважением отметил, что Кагула говорит много лучше, чем при встрече за городом, даже скрипы в голосе почти не слышались — так быстро он перенял произношение и интонации, когда ожили на экране воспоминания Баха. — Будете охранять пришельца по имени Академик, по возрасту — археолог, по рангу — Бах.

Бах хотел было поправить рангуна, тот все же путал смысл хорошо выговариваемых слов, но удержался.

— Ваши три головы отвечают за его одну, ваши головы... Понятно?

— Понятно, Бессмертный! — одинаково лихо отрапортовали хавроны.

Кагула, удаляясь, дружески помахал Баху рукой — наверно, и этот жест он заимствовал из воспоминаний.

Бах расположился в кресле, похожем на древний трон, и не без внутренней усмешки подумал, что спать на троне древние Властители не умели — на тронах только красовались, а он найдет трону новое применение. Но, бросив взгляд на Кун Канну, Бах выпрямился. Министр Прогнозов и Ведовства, весь сеанс воспоминаний смиренно просидевший за пультом, теперь, преобразенный, стоял лицом к хавронам — важный, хмурый, на груди его сияла изумрудная звезда — видимо, знак министерского сана. Он мысленно заговорил со стражей, телепатирюя Баху свои слова:

— Видите, кто я? — Министр показал когтистой десятипалой лапой на сановный знак. — Вам ясно мое значение?

Трое хавронов склонили головы, что-то мысленно ответили. Кун Канна продолжал — даже в визге, сопровождавшем, как у всех дилонов, его мысли, слышалась повелительность:

— Мне нужно провести тайный допрос пленника. Выйдите из зала и охраняйте дверь. Никого не пускать, кроме Бессмертных. Идите!

Было ясно, что приказ министра Прогнозов и Ведовства показался охране странным. Трое хавронов переглядывались. Визги в голосе министра зазвучали еще повелительней — он повторил приказ.

Бедла повернулся к Баху, с колебанием произнес:

— Хаврон. Бедла, — и первый пошел к двери — так медленно, словно его толкали в спину и только потому он двигался.

— Хаврон. Кадла, — покорно сказал второй и последовал за Бедлой.

— Хаврон. Рудла, — угодливо воскликнул третий и поспешил за товарищами.

Кун Канна сделал знак Баху, во всех мирах имеющий одно значение: “молчи!” — и неслышно подобрался к двери. Там он постоял, потом воротился и четырьмя рядами зубов улыбнулся Баху. Бах показал на дверь.

— Что там происходит?

— Телепатня, — непринужденно ответил пленный министр.

— Телепатня?

— Ну, болтовня, говорня, трепотня — так на вашем языке? Я боялся, что они поднимут тревогу. Но они не осмелились нарушить покой Бессмертных. И убеждают один другого, что, вероятно, допрос раскроет большие тайны, раз я не разрешил им присутствовать. Впрочем, в данном случае они не ошиблись, иновременник.

— Так меня называл погибший Рина Ронна, твой земляк, — грустно сказал Бах.

— Я видел его в твоих последних воспоминаниях, которые не подал на экран, когда ты говорил с презренным Ватутой.

— Ты сказал?.. Я не ослышался?

— Ты правильно услышал. Презренный Ватута, Верховный Злодей Рангунии. Впрочем, он гордится своим мерзким прозвищем. Ватута собирается тебя казнить.

— Кагула говорил, что меня обрекут казни, если коллегия Бессмертных захочет этого.

— Бессмертные захотят всего, чего захочет Ватута.

— А зачем Ватуте казнить меня?

— Незачем.

— Но если незачем...

— Пришелец, ты рассуждаешь слишком по-человечески. У вас для всего должны быть причины. Нет причины для действия, нет и действия — вот ваше понимание.

— Сколько знаю, у дилонов понимание такое же.

— Нет, иное. Чтобы проверить силу причины, мы противопоставляем ей первопричину. И только если причина выдержит опровержение, мы действуем согласно ей.

— Знаю, вы пытаетесь опровергать даже законы природы.

— И опровергаем! Вы мыслите точно, мы мыслим широко, рангуны не мыслят. У них позыв к действию, а не к пониманию. И они не любят действия по воле причин. Любая обоснованность им кажется принуждением. Беспричинные поступки для них — единственно приятные.

— Ватута разъяснял, что ему хочется делать бесполезное, а не полезное. А я доказал, что моя казнь ему будет полезна и потому он не должен меня казнить.

— Я слышал твой ответ. Ты нашел отличный способ избежать смерти, я порадовался за тебя. Но обстановка переменилась. Я составил прогноз его поведения. Прогноз нехороший. Вы, люди, к чему-то стремитесь, вам всегда чего-то не хватает, вы ставите себе цели, вы меняете все вокруг ради исполнения цели. Это опасно. Вы можете внести полезную цель в бесцельное бессмертие рангунов. Это смертный приговор тебе.

— Какая странная логика в их бессмертии!

— Бессмертие и логика несовместимы. Бессмертие алогично. Завтра тебе предстоит доказать, что информация из твоих воспоминаний абсолютно бесполезна рангунам. Но тебя опровергнут. Твой план защиты развалится, как дом на песке.

— Кто меня опровергнет? Ты сам говоришь, что логика рангунам не дарована.

— Опровержение Ватута поручит мне, — сумрачно сказал дилон. — Я докажу, что в твоих воспоминаниях много полезного для Бессмертных.

— Значит, выхода нет? — Бах побледнел. В разговоре с Кагулой и Ватутой угроза казни воображалась чуть ли не шуткой, он не мог воспринять ее серьезно — игра слов, причуды обращения. Мрачный прогноз министра Прогнозов и Ведовства рисовал иную перспективу.

— Выход есть. Он опасен, но не более опасен, чем грозящая тебе смерть. И если удастся — реальное спасение. Много надо пережить мук, пока вырвешься на свободу.

— Смерть — единственное, чего не смогу пережить, — не весело пошутил Бах. — Все остальное — трудности. Трудности переживу. В чем выход?

— Защищайся оружием, а не словами.

— У меня нет оружия, Кун Канна.

— Я даю его тебе.

Пленный министр Прогнозов и Ведовства извлек из кармана приборчик, похожий на пистолет. Бах с удивлением смотрел на дилона. Кун Канна стал выше ростом, уверенность заменила бывшее смирение, визг, сопровождавший мысли, стал громче и резче, — но еще сильнее переменились глаза. Пылают, сказал себе Бах. Из глубоко посаженных темных глаз лился красный свет — воодушевление и ярость.

— Бери, бери! — требовал Кун Канна, всовывая в руку Баха оружие. — Этот резонатор безотказен. Рангуны бессмертны, ибо их жизнь точно совпала с фазами двух светил. Но они разрушаемы. Удар извне может для каждого стать гибельным. Порази Ватуту!

— Ты уверен, что это гарантирует мне жизнь и свободу?

— Гарантии не дам, но возможность есть. Ватута испугается, когда увидит резонатор. А если ты убьешь его, перепугаются все Бессмертные.

Бах долго смотрел на возбужденного дилона.

— Кун Канна, почему ты стараешься мне помочь? Ведь это опасно и для тебя: Бессмертные допытаются, кто дал мне оружие...

— Не допытаются, если не скажешь. Я пленный. У пленных резонаторов быть не может.

— Ты украл этот резонатор?

— Я изготовил его. В их пустые головы не придет, что я могу это сделать. Они решат, что ты украл оружие у хавронов.

— Ты не ответил, Кун Канна, почему помогаешь мне.

— Ненавижу рангунов, разве не ясно? — Визг в голосе дилона стал еще резче и громче. — Посмотри на меня, пришелец. Неужели тебя не удивило, что министр Властителя такой униженный, такой покорный, такой угодливый? Разве ваши министры тоже так жалки?

— Твой внешний облик и твой ранг плохо вяжутся...

— Вот-вот, не вяжутся! Оскорбление и издевательство! Мой высокий ранг — это моя голова, мои знания, мое постижение событий. Рангуны кичатся, что их бессмертие ни в чем не испытывает нужды. Но я им нужен — за это они ненавидят меня. На пленнике легко выместить ненависть!

— Значит, это они предписывают тебе покорность и угодливость?

— Я сам предписал себе быть таким. Иным я бы не выжил. Уже не один дилон попадал к ним в плен — где они? Не хочу увеличивать список погибших.

— У тебя нет надежды на освобождение, Кун Канна?

— Какая надежда? Уж кого-кого, а меня Ватута не выпустит. Он знает: среди своих я значил побольше, чем министр у рангунов! В моем нынешнем жалком облике ты не разглядишь того, кем я был в своей стране,— сперва самого выдающегося из Различников, потом самого глубокого из Стирателей. Я получил ранг Отца Стирателя Различий, когда по возрасту еще во Внуки не годился. Великий Гуннар Гунна объявил, что передаст мне звание Старейшины Старейшин, вот каким я был! Подлые хавроны похитили меня сразу после его заявления. Ватута знал, что на таком посту я не потерпел бы их вечных нападений. Он презирает пользу, но опасается вреда — помни об этом!

— Никакой надежды на освобождение!..

— Никакой! Вечный пленник.

— Тяжело тебе жить, Кун Канна!

— Зато у меня есть одно животворящее чувство, одна одушевляющая мысль. Ненавижу рангунов! Ненавижу их бессмысленное бессмертие! Ненавижу их бездельную хлопотню! Ненавижу за отсутствие целей, желаний, просто мыслей, наконец! И особо ненавижу за то, что они заставили меня творить зло моей стране. Сколько бед я причинил собратьям! Сколько несчастий и бед!

Он помолчал, взволнованный. Помолчал и Бах, потом спросил:

— Ты считаешь их всех глупцами?

— О нет! Они не глупцы! Но их ум — пустота! Мысль ничего не стремится постичь. Воля не жаждет свершений. Страсть не требует удовлетворения. Да и нет у них страсти — ни к чему, ни к кому! Какое пустое существование! Какая чудовищная кража бытия у тех, кому так не хватает жизни!

Бах сказал задумчиво:

— У людей слово и дело, чувство и поступок неразделимы. А у вас? Почему при такой ненависти к рангунам ты верно служишь им? Разве ты не мог бы сам воспользоваться резонатором? У тебя, ты сказал, нет надежды, но есть ненависть. Но если ненависть не порождает поступков, она бессмысленна. Твоя живая ненависть столь же пуста, как неживое бессмертие рангунов.

Министр Прогнозов и Ведовства опустил голову. Визги звучали надрывно.

— Иновременник, я боюсь хавронов. Я никогда не подниму руку на моих мучителей. Я боюсь!

8

Кун Канна удалился, и тотчас вошли трое стражей. Они стояли у двери — высокие, лохматые, молчаливые. Бах обошел вдоль стены все помещение, присмотрелся к красочным камням на пьедесталах, приблизился к хавронам — они не шевелились, только не спускали с него глаз. Бах нерадостно засмеялся, ему вдруг вообразилось, что он пытается вырваться наружу. Что они будут говорить? В нормальном мире беглецов ругают, грозят: убью, разорву на куски, не смей убежать! А эти, хватая шерстистыми лапами, наверно, вежливо отрекомендуются: Бедла! Кадла! Рудла! Вышколили лакеев!

Соблазн испытать вежливость охраны был велик, но Бах не стал искушать судьбу. Погрузившись в похожее на трон кресло, он задумался. Оружие у него теперь есть, это хорошо, но зачем ему оружие? Уничтожать других, чтобы вызволить себя, — нет, это не путь! Разве для того они впятером пустились в иные миры, чтобы размахивать оружием?

Познавать, а не завоевывать — вот их задача. Ученые, а не конкистадоры! Миссия познания не отменяется, даже если наталкивается на вооруженный отпор. Но и умирать не хотелось.

И Бах стал думать — далека ли цель великого познания? Продвинулись ли они к ней? Что важного узнали? Не густо, с грустью думал Бах. Углубились в миры с другим течением времени, услышали о хронобоях и хроноворотах — астрофизики обрадуются, им будет интересно. Познакомились с сообществом мыслителей-диллонов — странных, непостижимых мысли-

телей, радующихся мысли просто как мысли, а не как средству добыть что-то практическое. С каким воодушевлением несчастный Рина Ронна доказывал, что познание природы состоит из двух стадий: сперва открыть закон природы, потом опровергнуть его. Размышление о природе, а не овладение ей — в эту сторону направлена глубокая мысль дилонов. Переплетение противоборствующих рассуждений, ожесточенные бури на интеллектуальном мелководье — где Высший Разум, открытие которого запрограммировано в рейсовом задании хронолета “Гермес”? А ведь дилоны считают себя воплощениями Высшего Разума! Интеллектуальная мельтешня — вот что такое их Высший Разум! Разум грызет сам себя, он самоедствует, у него отныне одна задача — возиться с собой, как иные возились с писаными торбами. Какое жалкое зрелище!

Но, может, дилонов превзошли их вечные враги рангуны? Черта с два, а то — и с три! Один важный признак чего-то высшего у рангунов, правда, есть — биологическое бессмертие. Но какое оно бессмысленное и уродливое! И оно не полное, оно одностороннее. Не умирают по внутренней потребности организма, либо, скажем так, по внутренней необходимости. Их организм так же разрушаем, как и любой другой, но только под напором внешних сил — смерть всегда грозит им извне.

Стало быть, они, приобретя бессмертие, внесмертия не приобрели. Они не только просто смертны, как мы, они смертны хуже нас, смертны трагично, вот формула их бессмертия. Ведь вдуматься! Для смертного смерть — это неизбежность самой жизни. Ее можно отдалить, но нельзя отринуть. А для бессмертного рангуна смерть — чудовищная случайность, роковая неудача.

Нет, как же они должны страшиться смерти, эти Бессмертные! “И не от этого ли бессмысленность их бессмертной жизни? — размышлял Бах. — Они восхваляют одно бесполезное, никакой пользы нам не нужно, надменно провозглашает Ватута. Я было подумал — словоблудие, глупое хвастовство.

Нет, Ватута прав — все полезное им не только не нужно, оно опасно. Ибо что такое польза? Приобретение того, чего нет, но что нужно. Польза, без нужды в ней, — не польза. Но если что-то нужно — значит, чего-то не хватает, значит, нет полноты существования. А неполнота требует восполнения — выход дальше первичного бытия. Из чего следует: всякий выход из

границ закосневшего бессмертия грозит случайностями, случайности грозят бессмертию. Внесмертия нет, любое углубление во “вне” опасно — а что новое не лежит во “вне”?”

А жажда действия — величайшее свойство живого — остается. И у бессмертного, освобожденного от “подножного корма, от морды, опущенной вниз”, эта жажда стократ усилена. Так возникает энергичное переливание из пустого в порожнее, недаром эта хлесткая формулировочка так восхитила Ватуту. Строить — чтобы тут же разрушать; разрушать — чтобы тут же строить.

Воевать с дилонами, ни в коей мере не стремясь к победе, ибо победа создает новую ситуацию, а новизна опасна. И войну не прекращать, ибо война — деятельность, а без деятельности не пробессмертствовать все бытие. Война без желания победить, бесполезная война — как раз то, что нужно! Ах черт, опять парадокс — нужно то, что не нужно. Не выбраться из железного круга понятий и дел, очерченных великим настоящим: надо!

— Что же делать? — вслух спросил себя Бах. — Каким волшебным доказательством пронять их души, чтобы не умертвили мое тело?

Трое сторожей, услышав голос, пошли к Баху. Он понял, что сейчас они будут кланяться и отрекомендовываться.

— Кыш! Я вас не звал! — Бах с досадой замахал на них.

Сообразив, что они не нужны, хавроны, пятась спинами, воротились к двери. Но церемонии избежать не удалось.

— Хаврон. Бедла, — доверительно сообщил один, низко кланяясь.

— Хаврон. Рудла, — радушно добавил второй и склонился еще ниже.

— Хаврон. Кадла, — угодливо проговорил третий и, опустив голову в поклоне, не поднял ее, пока не уперся спиной в запертую дверь.

Баху явилась новая мысль — и показалась спасительной. Он не будет беседовать с рангунами на языке физических понятий и социальных категорий. Строй их жизни не изменить, психологию не переделать. Он поговорит с Ватутой на языке морали, самом общепонятном языке всех народов Вселенной. Не может же того быть, чтобы рангунам были вовсе чужды концепции добра и зла!

Баха разбудил веселый призыв Бессмертного № 29.

— Археолог по имени Академик, чина Бах, по ученой степени человек, — вставай, нас ждут. Ужасно вы, Бахи и человеки, медлительны. Рангуны не переносят медлительных, не переносят...

Кагула так забавно путал имена и звания, что Бах не удержался от смеха, хотя ситуация не веселила. В зале, кроме Баха, Кагулы и трех хавронов, истово вытянувшихся у двери, никого не было. Радостный Кагула разъяснил, что все уже в Главной пещере, только их двоих не хватает, чтобы приступить к восхитительной операции приговора. Он так и сказал: “восхитительной операции”. Бах сердито заметил, что для приговоров, какие бы они ни были, люди применяют совсем иные оценки, чем восхищение, и вообще — чем собирается восхищаться Кагула? Бессмертный № 29 сперва вытаращил шарообразные глаза, потом, подумав, сказал:

— Разве тебя не восхищает, что услышишь великого Ватуту?

— Послушаю, что он скажет, тогда решу — стоит ли восхищаться.

В третий раз Бах шел по улице, оглушаемый грохотом и удушаемый пылью. Теперь он заметил известный порядок в лихорадочной деятельности рангунов. Дома строились и разрушались по системе: справа строились, слева разрушались. На правой стороне не было той пыли, что неслась слева, зато грохота у строителей было больше, чем у разрушителей. Бах сказал об этом Кагуле, тот с уважением посмотрел на археолога.

— Ты нашел наше слабое место. Разрушители ломают быстрее, чем строители возводят. Строители не успевают вовремя сдать свои здания на разрушение, у разрушителей частые простои, у разрушителей... Боремся за ритмичную работу, но разрушители постоянно опережают. Как по-твоему, это не оттого, что в разрушители стремятся лучшие работники?

— Именно поэтому. У людей раньше говорили: ломать — не строить, душа не болит. И вообще — дурное дело не хитрое. К вам подходит.

После хорошо освещенного зала и улицы, залитой сиянием двух светил, пещера, как и в прошлый раз, показалась сумрачной. В дальнем углу возвышались два самосветящихся валуна. На одном стоял Кун Канна, обвив себя в полный обхват гибки-

ми руками, на другой возвели Баха. Стоять было неудобно, валун был покатым и скользким — Бах потоптался и сел, свесив ноги вниз. “В ногах правды нет”, — хладнокровно разъяснил он Бессмертному № 29. Тот беспомощно оглянулся на Ватуту, сидевшего на камешке перед валуном. Ватута махнул рукой: добродушный жест, видимо, означал — ладно, пусть сидит. Кагула мигом успокоился и встал рядом с валуном. Позади выстроилась охрана пленника — Бедла, Кадла и Рудла.

Пещера мерно гудела от перешептываний Бессмертных — каждый маленький звук усиливался отражением стен. Ватута милостиво изрек — громкий голос гулко разнесся по подземелью:

— Пришелец! Доказывай, что жизнь, изображенная в твоих воспоминаниях, абсолютно бесполезна для рангунов и что общение с людьми не принесет нам ни пользы, ни вреда.

Бах сразу отметил, что Ватута говорит не только о пользе, но и о вреде. Раньше он требовал одной бесполезности, теперь добавил и безвредность. Новые условия не беспокоили — скорее порадовали. Бесполезность общения с людьми все же трудней доказывать, чем то, что от людей не будет вреда. И Бах перечислил цели хронавтов: узнать законы природы в мирах с иным течением физического времени, познакомиться с народами иномиров, познакомить их с собой; добраться до разумной сверхцивилизации, есть некоторые надежды, что и такая существует где-то во Вселенной, — с ней бы хорошо завязать дружбу. Вот, собственно, и все. Какая от этого может быть польза рангунам? Да никакой! А какой вред? Тот же самый — никакой!

— Кун Канна, — промолвил Ватута. — Ты когда-то был нашим злым врагом, а не верным помощником, каким стал теперь, и в те свои позорные времена свободы считался у дилонов великим Конструктором Различий и — одновременно — крупнейшим Опровергателем. Докажи, что та твоя слава верна. Опровергни пришельца!

Бах с надеждой посмотрел на Кун Канну. Неужели и вправду дилон, так страстно убеждавший его защищать свою жизнь, с опасностью для себя вручивший ему оружие, будет ныне безжалостно губить его? Дилоны не умеют лгать, но ведь можно и не лгать, только кое-что опустить, кое-что затушевать, что-то, наоборот, акцентировать. Человеческая, слишком человеческая,

с унынием думал Бах об этой своей надежде,— а ведь дилоны не люди.

И Кун Канна еще не начал своего опровержения, как Бах понял, что пощады не ждать. Кун Канна нервно шевелил чересчур подвижными руками с целой бороной пальцев на ладонях, он дергался, двигал хвостом по гладкому валуну. Его охватил азарт опровержения, восторг от убедительности мысли. Он забыл о Бахе, видел сомнительные утверждения и вдохновенно уничтожал их.

Как нет пользы от того, что мы встретились с пришельцем из иных миров? Огромная польза, бесспорная польза! Мы думали, и что время всегда раздвоено, что два его течения всегда под углом одно к другому, как времена наших Гарун. Но вот оказывается, что существует и однонаправленное время; и в том времени нет ни хронобоев, ни хроноворотов, ни рассинхронизации, ни попеременного постарения и омоложения, а оно всегда идет вперед, только вперед — от прошлого к будущему. Такое однонаправленное время можно ввести и у себя — дилоны поразмышляют и найдут средства, рангуны сделают. Польза очевидна!

— Потеряете тогда бессмертие, — кинул Бах реплику. Вату-та кивнул головой, он ее услышал. И Бах понял, что реплика опрометчива,— он хотел показать бесполезность для рангунов однонаправленного времени, но доказал его вредность: в нем циклического бессмертия не сохранить.

Кун Канна продолжал нанизывать в убийственную цепочку возражение за возражением. И дойдя до Высшего Разума, с восторгом живописал, сколько бесценного можно получить от настоящего Высшего Разума, если он существует. Дилоны всегда считали себя воплощениями Высшего Разума, но это не тот разум, которого ждут пришельцы. У того Разума, наряду с всепроницательностью, есть еще и всемогущество. Дилоны одарены озарением и провидением, но всемогущества у них нет. Именно поэтому сам он, знаменитый Кун Канна, попал в позорный плен... Он хотел, конечно, сказать, в почетный плен! Нет, какая польза, какая великая польза будет от знакомства со всемогущим Высшим Разумом — хоть бы немного перенять от того всемогущества.

И Кун Канна с воодушевлением громко провизжал:

— Я кончил, Властитель!

Ватута наморщил лоб, сжал губы. В пещере установилась густая тишина. Ватута заговорил:

— Итак, пришелец, доказать безвредность и бесполезность твоего прилета тебе не удалось. Доказано, что общение с людьми способно принести рангунам одновременно и пользу, и вред. Ты уяснил, чем это грозит тебе?

— Уверен, что твое решение будет милостивым.

— Самым милостивым, пришелец. Предоставлю тебе самому выбрать способ своей казни. Наиболее простой — распад тела под действием резонатора. Быстро, но мучительно, и казнь тебе не по рангу — так мы расправляемся с провинившимися хавронами, в этой казни нет почета. Гораздо возвышенной замуровывание с похоронами.

— Замуровывание с похоронами?—Бах не мог отделаться от чувства, что путается в дурном сне — хотелось разобраться в жутковатых подробностях видения.

— Да, замуровывание с последующими похоронами. Отличная казнь, только для особо чтимых. Тебя сперва закладывают в строящееся здание, возводят на твоём теле стены и даже колонны — это уже высшее отличие, но ты можешь просить и о нём, мы тебе не откажем в красивой колонне. Оконченное здание быстро разбивают, тело извлекают и с почётом хоронят. Все Бессмертные при похоронах говорят хорошие речи о прекрасном казнённом. Но, может, тебе хочется ещё большего отличия? Есть и такое. Казнь, которую совершают не рабочие и не воины, а одни Бессмертные. Тебя приводят в тот зал, где мы любовались твоими воспоминаниями, каждый Бессмертный берет с пьедестала один из священных камней, говорит в твою честь похвальную речь и бьёт тебя священным камнем. Обычно пятидесяти ударов хватает. Бессмертных около ста, так что не тревожься — смерть обеспечена. Какую ты выбираешь форму преодоления жизни?

— Никакой! Считаю смерть абсолютно излишней.

— В принципе — правильно, — одобрил Ватута. — Мы тоже не признаем смерти. Но мы Бессмертные. А ты? Разве тебе даровано бессмертие?

— Послушайте меня, Ватута, и вы, Бессмертные, — с волнением сказал Бах. — Во всех мирах, где мы побывали, все разумные существа различают категории добра и зла. И если они воистину разумны, они защищают добро против зла.

— Добро и зло?— спросил Ватута. — Никогда не слышал! Расскажи подробнее, что такое добро и что такое зло.

Меньше всего Бах думал, что способен объяснить кому-нибудь природу добра и зла. Он всю жизнь пребывал в убежденности, что каждому и добро и зло понятны без объяснений и обоснований. Но Ватута не издевался, а спрашивал серьезно. Бах с сокрушением подумал, сколько обидных слов о неточности формулировок накидал бы ему университетский профессор философии. И утешив себя мыслью, что сейчас нужна не точность тысячекратно проверенных определений, а самое грубое толкование, он с отчаянной решимостью бросился в омут этических оценок.

Он начал с того, что добро и зло — одновременно и самые общие категории жизни, ибо вбирают в себя все ее муки и успехи, и самые конкретные, ибо сопровождают любого со дня его рождения до дня смерти. И всю историю человечества эти два понятия — добро и зло — противоборствуют. Но побеждает добро, оно главная двигательная сила истории. Когда человек жил одной собственной семьей, добрым было все, что шло на укрепление, на расцвет семьи, злом было все, что мешало ее благополучию: самые примитивные формы добра и зла. А когда человек объединился в роды, племена, в общество, добро стало шире и благородней, а зло коварней и опасней. Главной целью добра стала охрана благополучия и совершенствования человеческих обществ, а зло, наоборот, превратилось в силу, вредящую обществу. И добро для себя уступило место более высокому понятию — добра для всех. Взаимная дружба и уважение, взаимная поддержка — вот простые выражения общего добра. Не сделай другому того, чего не хотел бы, чтобы сделали тебе! Но шло время, и наступила эпоха еще более высокого обобщения. Человек понял, что живет среди других существ — на Земле и во внеземных мирах, что он — часть природы. И злом стало все, что вредит и человечеству, и иным формам жизни, и благополучию самой природы. Человек стал другом всего живого и разумного, он не ищет себе добра в создании кому-то зла. И если вы, рангуны, явитесь когда-нибудь на наши планеты, вы будете там дорогими гостями, а не пленниками. И никто вам не причинит зла, ибо это означало бы отступить от великих принципов добра. И я уверен, что во имя высочайших требований морали вы и мне не причините губительного зла.

Ватута задумался. Баху показалось, что он убедил Властителя. Ватута сказал:

— Я понял тебя, человек: добро у вас — это то, что приносит пользу, а от зла ждут вреда. Техника безопасности — вот ваше добро и зло. Но к чему это нам? Никакая польза не продлит нашего бесконечного существования. Для вашей короткой жизни добро важно, оно удлиняет жизнь, делает ее прочней. Но ваша мораль не для нас. Мы не знаем ни добра, ни зла. Все эти выдуманные смертными понятия годятся лишь для смертных. Ты меня не убедил. Скажи теперь, какой способ смерти тебе приятней?

— Они все омерзительны! — с отвращением воскликнул Бах.

— Решаю за тебя. Тебя казнят с почетом. Начинается закладка нового строения. Твое тело станет опорой главной колонны. Бедла, Кадла и Рудла, связать пленника!

Охранники подбежали к камню, на котором сидел Бах, и хотели стащить его. Бах отчаянным ударом ноги опрокинул Бедлу, вслед за Бедлой рухнул и Кадла. Рудла, дико заверещав, напал не сзади, а сбоку — Бах воткнул ногу в его лохматую морду. Рудле досталось больше, чем товарищам, он катался по полу и визжал от боли. Бедла и Кадла, вскочив, снова бросились на Баха, и он снова их свалил. В мозгу Баха зазвучал исступленный призыв Кун Канны:

— Достань резонатор и сокруши их!

Отбрасывая хавронов, Бах мельком взглянул на пленного министра Прогнозов и Ведовства. Кун Канна дергался и прыгал на валуне — то, удлиняя руки, размахивал ими в воздухе, то, резко утолщая, прижимал к груди, словно сдерживал мятущееся сердце. И он все снова и снова телепатировал Баху призыв к оружию. Два хаврона стали одолевать Баха — стащили его с валуна, бросили наземь. Кадла наступил ногой на грудь, Бедла вязал руки ремнем.

И, лежа на каменном полу, Бах увидел, как Кун Канна сорвался со своего валуна и побежал к сражающимся. Еще на бегу, безмерно удлинив обе руки, он схватил Кадлу за горло, приподнял и далеко отшвырнул.

Бедла отшатнулся от нового удара. Кун Канна наклонился над связанным Бахом, лихорадочно ощупывал его одежду, в мозгу Баха гремело:

— Где резонатор? Где резонатор?

Бах услышал выкрик Ватуты. Хавроны, недвижно выстроившиеся вдоль стены, бросились к валуну. Кун Канна с резонатором в руках вскочил на валун, на дилона ринулся Бедла: раздался визг, и хаврон развалился на две части — голова направо, туловище налево. Кадла успел вскочить, но дилон повернул на него резонатор — и Кадла рухнул. Все хавроны в смятении попятись, ни один не осмелился приблизиться под удар резонатора. И тогда министр Прогнозов и Ведовства с торжествующим визгом, оглушительно усиленным стенами пещеры, обернул резонатор на Ватуту.

Ватута успел вскочить, но не устоял на трясущихся ногах. Кун Канна прицеливался всего мгновение, но и мига хватило Рудле, чтобы заслонить своим телом ошеломленного Властителя. И еще увидел лежащий со связанными руками Бах, как смертоносный луч прошелся по груди хаврона — мучительный вопль сраженного стражника еще отражался от стен, когда сам он кучей праха рассыпался у ног шатающегося Ватуты. Кун Канна не успел вторично включить резонатор. Подобравшийся со спины Кагула вскочил на плечи дилона; тот, круто повернувшись, отшвырнул его, но, падая, Бессмертный № 29 выхватил из рук дилона резонатор. И когда Кун Канна наклонился над Кагулой, чтобы вырвать оружие, его самого полоснул убийственный луч — дилон, уже мертвый, упал на рангуна, и только тогда Кагула выпустил резонатор из рук.

Несколько минут пещера гремела, пищала, визжала, звенела на сотни голосов. Ватута поднял руку, но и повелительный жест Властителя не сразу восстановил тишину. Ватута подошел к мертвому дилону, долго смотрел на него.

— Он казался таким смирным и угодливым! Как же он ненавидел нас, чтобы решиться на бунт.

Ватута повернулся к Баху. Лицо Властителя перекосила ярость.

— Самая мучительная смерть — вот теперь твой удел, пришелец!

— Прикажи поднять меня! — попросил Бах.

— Лежащий ты мне больше нравишься. Лежи!

— Жаль. Я хотел плюнуть тебе в лицо. И перед всеми твоими Бессмертными громко сказать: будь ты проклят навеки, на все твое отвратительное бессмертие!

— За это тебе!.. — гневно произнес Ватута и вдруг замолчал.

В сумрачной пещере, освещенной лишь призрачным сиянием самоцветов, вдруг вспыхнул факел. Все Бессмертные и хавроны отшатнулись к стенам. Факел медленно угасал и превращался в силуэты двух человеческих фигур. Призраки материализовались. Бах увидел Марию в боевом скафандре астроразведчика и Асмодея рядом с ней. Мария простерла руку, из руки струился свет. Все, на кого падало сияние, цепенели. Мария направила луч на Ватуту. Властитель затрепетал и сделал шаг к Марии. Она погасила сияние, и он остановился.

— Асмодей, развяжи Баха, — приказала Мария. Низкий сильный голос колокольно прозвучал в пещере. — Вы все здесь облучены, не вздумайте сопротивляться. Ватута, будешь передавать мои приказания своим подданным.

— Буду передавать, — почти беззвучно прошептал Ватута.

Мария подошла к Баху.

— Миша, я так боялась, что хроногенератор проскочит ваше местное время и затормозится где-нибудь в прошлом или будущем. Асмодей сделал почти невозможное, и мы прибыли вовремя.

— Лучше бы вы все-таки явились на час раньше, — с горечью сказал Бах и показал на мертвого Кун Канну.

Отвращение исказило лицо Марии.

— Не хочу и смотреть на него. Ты будешь презирать его, когда узнаешь, что этот предатель сотворил в своей родной Дилонии!

Часть четвертая

МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И ГИБЕЛЬЮ

1

Возглас Марии был похож на стон:

— Анатолий! Я простила тебе гибель сына — гибели Аркадия не прощу.

На экране распадался транспортный шар, из шара вываливались Рина Ронна и Бах; дилона ударило о землю, он лежал неподвижно, коротышку Баха несло как пушинку на ветру в глубину голубого леса. Авиетку трясло. Асмодей, сидевший у пульта, пытался поднять ее, но ее снова бросало на почву. Кнудсен видел две картины одновременно: ту, что показывали датчики хронолета — они отчетливо высвечивали полянку; и ту, что передавали изнутри авиетки ее приборы. Обе картины были безрадостны: нападение было слишком внезапным и мощным.

— Ответь мне! — закричала Мария. — Ответь, я требую!

Он не отрывал глаз от экрана.

— Подожди! — сказал он. — Меня нельзя сейчас отвлекать.

Спустя минуту он обернул к ней лицо. Полянка на экране погасла.

На сером фоне мчалась авиетка, серая и расплывчатая, — скорей привидение, чем реальное тело.

— Чего ты хочешь? Спрашивай побыстрее!

Мария показала на экран.

— Куда их несет? И что с Мишей?

— Ни того, ни другого не знаю. Я вижу не больше, чем ты.

— Ты видишь столько же, но знаешь больше меня. Объясни, что случилось? И почему не поднимаешь хронолет им на помощь?

Он опять повернулся к экрану. Похожая на привидение авиетка теряла последнее подобие предметности. Кнудсен знал гораздо больше Марии — и потому не спешил с ответом. Она продолжала:

— Ты закричал Аркадию: “Ко мне!” Отчего к тебе, а не ты к ним? Почему не спешишь на выручку? Почему теряем драгоценные минуты, когда им еще можно помочь?

— Мы ничего не теряем, — сказал он. — Нельзя потерять то, чего нет. Мы блокированы. У нас отказали двигатели.

— Но ты кричал: “Ко мне!”. Ты звал их к себе, на них напали, ты требовал, чтобы они убежали от опасности, а сам не противоборствовал нападению? Ведь так? Почему ты струсил, вот что я хочу знать!

Она стояла перед ним, разгневанная и преображенная. Она не была красивой и в молодости, но, сердясь, хорошела. Сейчас она увиделась ему такой зловеще красивой, что сжалось сердце. Она ненавидела его — нужен был сильный толчок, чтобы вырвалась наружу так долго сдерживаемая ненависть. “Сильный толчок? — подумал он с горькой иронией. — Трагедия, а не толчок! Возьми себя в руки! — мысленно приказал он себе. — Хронолет не уничтожен. Не такой корабль “Гермес”, чтобы его можно было превратить в груды обломков с первого удара”.

— Не молчи, Анатолий! — гневно крикнула Мария. — Я должна знать все, что знаешь ты!

Да, она должна знать все, что знает он. Да, он кричал “ко мне!”, а не “иду к вам, держитесь!”. Но не оттого, что струсил. Нападение совершилось разом и на хронолет, и на десантный отряд. Но хронолет лишь блокирован и обездвижен, а десантный отряд разметали. Бах, возможно, погиб. Авиетку с Аркадием, Асмодеем и Уве Ланной гонят в плен или на гибель. Она закатывается в невидимость, а что в той невидимости? Связи нет — их передатчики повреждены, приемники “Гермеса” бездействуют.

Блокада “Гермеса” усиливается. Вокруг хронолета дико выкручиваются физические поля. Гравитационные удары, резонансная судорога...

— Но я не чувствую нападения, Анатолий! Мы экранированы?

— Конечно. Сниму на минутку оптический экран, чтобы ты увидела, что снаружи.

Мария, ослепленная, закрыла глаза, но бушеванье света проникало и сквозь веки. Мир пылал и содрогался. Огромные деревья — еще недавно величественные стволы с голубыми кронами — метались, раскалывались и рушились белокапильными факелами. Земля стала подобием воды — по ней мчались волны

песка и камней, она вспухала и опадала, взбрызгивалась фонтанчиками, взлетала облачками валунов и осколков, земляные волны оторачивало, как пеной, пылью. Небо валилось на землю. Мимо хронолета ошалело пронеслась одна из Гарун. Мария вскрикнула — звезда чудовищным болидом врезывалась в планету. Гаруну взметнуло ввысь, она пропала в пылающем лесу.

Кнудсен погасил внешний мир. Только на дисплее расплывалось пятнышко — авиетка пропадала где-то вдали, в еще не возмущенном краю. Светопреставление было поставлено только в окрестностях корабля.

— Анатолий, это ужасно! Ты уверен, что экраны выдержат?

Он ответил с мрачным спокойствием:

— Какое-то время — да. Постараюсь провести контрманевр до того, как защитные экраны откажут.

Она сказала с надеждой:

— Ответим на их нападение контрударом?

Он покачал головой.

— Они держат “Гермес” на прицеле и бьют по кораблю. А по какой цели бить нам? Хочу выскользнуть в фазовое время. Но хрономоторы от неожиданной вибрации, которую автоматы сразу не погасили, разрегулированы. Если не будешь меня отвлекать...

— Я не буду тебя отвлекать, Анатолий!

И, чтобы не попадаться ему на глаза, она села позади. Кнудсен склонился над пультом, пальцы бегали по кнопкам — как по клавишам рояля в бурном фортепианном пассаже. Она видела его спину — какая хмурая спина, какие суровые плечи! А в лакированной панели мнемосхемы отражалось его лицо. Лицо было незнакомо: старый друг, сколько раз смотрелось на него, каждая черточка, каждая морщинка — так всегда представлялось — изучены абсолютно. Внешне все такое же: те же морщинки, те же глаза, те же волосы, но всё вместе — неожиданное.

Она помнила Анатолия — доброго паренька, так смешно смущавшегося, когда над его неуклюжестью подшучивали друзья; помнила мужчину, подавленного их общим великим несчастьем — гибелью ее сына и мужа; знала и знаменитого хроноконструктора, создателя первых кораблей времени — спокойного, невозмутимого при осложнениях, равнодушного к своей славе, к ученым почестям... Этого, собранного и натянутого, сурового, почти жестокого — таким он глядел из панельного

зеркала,— еще не знала. Таким, наверное, был древний бог Хронос — недаром он повесил в каюте образ грозного бога.

Он уловил ее взгляд в зеркале, ответил рассеянным взглядом, и тут же забыл о ней. На панели вспыхивали и погасали красные и зеленые огоньки, они вытягивались в линии, складывались в запутанные фигурки — схемы взаимодействия аппаратов. В их метании ощущался хаос, пальцы Кнудсена нажимали на кнопки — каждая красная и зеленая вспышка была ответом на приказы с пульта. Пальцы нервничали и сердились, они чего-то добивались, у них что-то не выходило. Правая рука разбрасывалась пальцами по всему пульту, левая била в одни и те же точки — как бы вызывая что-то из бездействия. И вскоре у Марии сложилась ясная картина — правая рука обеспечивала координацию, она создавала общий фон, она трудилась сосредоточенно и хладнокровно. А левая взывала: каждый палец, нажимая на свои кнопки, чего-то настойчиво требовал и раздражался, что требование не исполняется. Марию захватила живая речь левой руки, она хотела проникнуть в скрытое ее значение, но смысл оставался вне ее понимания. Мария не вынесла и сказала очень тихо:

— Не получается...

Кнудсен услышал и сердито ответил — сердился не на нее, а на разлаженные автоматы, она это поняла:

— Получится!

Он продолжал с той же быстротой и настойчивостью манипулировать с клавиатурой, и она вскоре определила, что картина вспышек меняется. Зеленые и красные огоньки складывались в правильные сочетания, стали повторяться одни и те же фигурки. Повторяющиеся фигурки, видимо, образовали схему, какой добивался Кнудсен. Его пальцы успокаивались — уже не раздраженные, просто властные, они приказывали, а не взывали. Из рук исчезало живое чувство, так поразившее Марию: они только что были самостоятельными личностями, со своими мыслями и знаниями, теперь снова стали только руками — работали, как и полагается рукам, исполнителям воли хозяина.

Кнудсен хмуро сказал:

— Выскользнули в фазу. Теперь буду определяться, где мы и когда мы в этом “где” и что нас ждет?

Она спросила:

— Опасаешься нового нападения?

— Вряд ли. У рангунов нет хронопребразователей. Мы в другом времени и в другом месте — стало быть, недоступная цель.

Она знала, что любой отход во времени от пути в будущее или в прошлое невозможен без смены места в пространстве. Таков кардинальный закон хронистики — начатки ее она усвоила. Но тот же закон утверждал, что и малый выход в хронофазу иногда сопровождается несоразмерным броском в пространстве. Как далеко от прежнего места это их новое “где”? Не столкнутся ли они при перемещении с крупным материальным телом? Не унесло ли хронолет с Дилоны? Может быть, они снова в межзвездном пространстве? И, словно отвечая на ее молчаливые вопросы, Кнудсен сказал:

— Далеко не унесет. И автоматы следят, чтобы перемещение в пространстве было такое же незначительное, как и во времени. Снимаю оптический экран.

Стены кабины стали прозрачными. Хронолет лежал на голой скале в долинке. Вокруг высились горы.

— Мы по-прежнему на Дилоне, это главное. Сейчас выйдем и определимся. Но перед этим я должен кое-что сказать тебе. Не время для выяснения отношений, но ты сама вызвала меня на это.

— Слушаю, Анатолий.

Он глядел строго и печально.

— Ты сказала, Мария, что простила мне гибель сына, но гибели Аркадия не простишь. Я хочу, чтобы ты знала: сам себе я гибели Алексея никогда не прощал. А товарищей мы спасем, если они еще живы. И горе тем, кто будет мешать нам!

Она молча смотрела на него. Она все более убеждалась, что он иной, чем она всегда думала о нем.

2

Если это и была Дилона, то неизвестный ее уголок. Дилоны обитали на лесных равнинах, рангуны укрывались в лесистых горах. Здесь тоже вздымались горы, но один голый камень, и травинки не росло на склонах. Мария читала в отчетах астронавтов, что на всех планетах, где есть воздух, вода и тепло, трава и деревья заполняют любые закоулки. Здесь этот закон нарушался. На Дилоне было вдоволь воздуха, воды и тепла — и в этом мертвом уголке тоже; на Дило-

не — не так уж далеко отсюда — шумели величественные леса, везде гнездилась жизнь.

Различие было лишь в том, что в иных местах эта жизнь на какое-то время сокрушалась хроноворотами, чтобы опять возродиться и снова быть сокрушенной. А здесь и намека не было на жизнь — существующую или погибшую: какая-то абсолютная внежизненность. Мария вытащила “индикатор жизни” — маленький приборчик, с которым не расставалась. Не то что высокоорганизованных клеток, даже бактерий не показывал индикатор.

— Ты знаешь, почему здесь так голо? — спросила Мария.

— Знаю, — ответил Кнудсен.

— Результат хроноворотов, о которых Старейшина Старейшин рассказывал Мише?

— Не думаю. Здесь не кладбище погибшей жизни, а изначальное ее отсутствие. Ничто живое здесь не возникает и сюда не добирается.

— Но почему?

— Погляди на свой наручный передатчик.

На ручном передатчике ярко светилась красная точка — индикатор опасных излучений. Кнудсен сказал, что хронолет, выскользнув по фазовому времени, попал в район интенсивного распада атомных ядер. Здесь все пронизано альфа- и гамма-лучами, здесь свирепствуют нейтронные бури — природа тут казнит саму себя, так можно определить это невеселое место. И, по всему, характер этого страшного уголка сложился таким задолго до того, как на Дилоне народилась жизнь.

— Значит, хронолет вышвырнуло в жерло природного ядерного реактора, так?

— Не в жерло, а на поверхность его. Но нам это самодурство природы не опасно. Конструкторы скафандров постарались, чтобы мы оставались в живых не только в раю, но и в аду.

— Я не поклонница рая, но хотела бы поскорей убраться из ада.

— Тогда возвращаемся на корабль.

— Еще постою здесь несколько минут, если не возражаешь.

Мария осматривала горы, никогда не знавшие жизни, и думала, что если Аркадий прав и где-то существуют могущественные геноинженеры, то и всего их разума не хватит устроить полигон жизнерождения в таких вот гибельных местечках. “А почему бы и нет? — думала она. — Надо лишь создать живую

ткань, так же противостоящую смертоносному излучению, как наши скафандры. Вот еще аргумент против Аркадия: существуют такие высшие геноинженеры, они бы сконструировали жизнь всезащитней, чем она реально вышла. Природа, слепая природа — и без Высшего Разума в себе!”

Мария вспомнила, что новых аргументов Аркадию не узнать, ибо, возможно, Аркадия уже нет. Анатолий обещает выволить товарищей, если они живы. А если нет? Будет мстить за них?

— Обратная синхронизация с временем, в котором мы находились в момент нападения, прошла хорошо, — сказал Кнудсен, когда Мария возвратилась на корабль. — Сдвиг был всего в одно или два столетия вперед, пустяк для наших хронотрансформаторов.

— Будем возвращаться на прежнюю стоянку?

— Поищу другое местечко. Прежняя стоянка под прицелом рангунов.

“Гермес” пронесся над крутогорьем, превратившимся в природный ядерный реактор, и вскоре оказался над лесом. Кнудсен высмотрел извилистую долинку среди крутых холмов. От прицельного обстрела место было защищено надежней, чем прежняя стоянка, а нападения с зенита корабельная защита отражала автоматически. Кнудсен сказал:

— Вывожу на поиск планетолет.

— Авиетка для поиска удобней, Анатолий.

— Но защищена хуже. Планетолет — боевой корабль.

— Ты допускаешь возможность сражения?

— Не отвергаю такой возможности.

Планетолет, космическая ракета на ядерных аккумуляторах, взмыл над лесом. Спустя короткое время Кнудсен приземлился на полянке, где недавно стояли авиетка и два разведочных шара дилонов.

— Вот здесь выпали Рина Ронна и Миша Бах, — Кнудсен показал на примятую траву полянки.

Мария наклонилась над темным пятном, широко разлившимся по оранжевой траве. Кровь, куски одежды, раздробленные кости, клочья кожи и тканей... Несчастливого дилона не разбило о почву при падении с высоты, а еще в воздухе разорвало и разбросало.

— Какая ужасная сила в резонансной вибрации! — Мария обернула к Кнудсену побледневшее лицо.

— Во всяком случае, много больше той, какую способно вынести незащищенное тело.

— А следов расправы с Бахом не видно, — сказала Мария.

— Поищем дальше.

Осмотр окрестностей полянки нового не принес.

— Миша не погиб, — сказал Кнудсен. — Вспомни: он цеплялся за прутья развалившегося шара, потом вывалился, но не упал на почву, а пронесся над ней, как если бы его несло вихрем, и пропал в лесу. В лесу его нет, вихря не было — ни один кустик не поврежден. Миша в плену у рангунов.

— Будем искать авиетку, Анатолий?

Кнудсен ответил не сразу.

— Нет, Мария. Что авиетка сразу не погибла, мы знаем. Знаем и то, что ее унесло на север. Я хочу раньше посоветоваться с дилонами.

Хронавты воротились на планетолет. Кнудсен направил корабль к столице дилонов. Внизу показался город. Кнудсен сделал над ним несколько кругов.

С тяжелым чувством люди смотрели вниз. Города не было. Еще не так давно они вглядывались в высокие цилиндры жилых зданий, удивлялись, что ни на одном не видно окон, веранд и балконов. А потом наблюдали на своем экране, как эти здания противостояли искусственному недротрясению — раскачивались, нагибались, но ни одно не обрушилось, даже трещин не появилось на стенах. А сейчас, сколько хватало взгляда, простирался ландшафт разрушения — улица, забитая обломками зданий, неусмиряемая пыль, тонким туманом, как куполом, заволокшая Столицу.

Планетолет медленно проплывал над обломками, стали видны и дилоны: и недвижимые тела на камнях, и живые, подбиравшие убитых и раненых, — и транспортные шары, куда складывали тех, кого поднимали. Шары, полные тел, уходили за пределы города.

— Ужасная картина! — Мария содрогнулась. — Сколько погибло! Половина зданий разрушена.

— Да, многое погибло! — с какой-то нарочитой бесстрашностью отозвался Кнудсен: еще никогда она не слыхала у него такого голоса. Впрочем, никогда ни ему, ни ей не приходилось видеть таких варварских разрушений. Она понимала, что он лишь с великим трудом сдерживает негодование.

Планетолет опустился перед Ратушей. Правая половина прекрасного здания превратилась в холмик камней, на левой половине слетела крыша и на стенах змеились трещины. Но главный вход сохранился, около него стояла охрана. Два рослых охранника преградили людям путь. В отличие от быстро раскодировавших человеческую речь Рина Ронны и Уве Ланны эти два дилона телепатировали что-то невнятное. Но оскал ртов и угрожающее движение рук недвусмысленно объясняли происходящее. Несколько дилонов встали поодаль, жестикулируя и повизгивая — по-видимому, готовились помогать охране.

— Дай мне поговорить с ними, — сказала Мария. — Код их мысленных передач я подучила на “Гермесе”. Возможно, они поймут меня.

Не было сомнений, что и охрана, и прохожие хорошо разобрались в том, что протелепатировала Мария при помощи наручного передатчика. Но враждебная встреча не преобразовалась в дружественную. Кнудсен шагнул вперед, схватил обоих стражей за плечи и отодвинул.

— Проходи, я за тобой, — сказал он, не отпуская вырывающихся охранников.

Она вошла в туннель, по которому недавно двигались Бах, Аркадий и Асмодей. И намек не было на торжественность той процессии дружеского прибытия хронавтов во Дворец Старейшин. Позади топотала, возмущенно повизгивая, охрана; у зала Проникновения с десятков дилонов пытались остановить людей. Они, казалось, не знали, как повести себя с неожиданными посетителями — одни показывали назад в туннель, а двое захотели усадить на кресло перед проникновенным зеркалом: и кресло, и зеркало, неповрежденные, стояли на том же месте, где их видели на экране оба хронавта. Кнудсен, не тратя времени на объяснения, размеренно шагал дальше — и все, кто хотел задержать его силой, быстро уступали силе человека: даже легкого толчка ему хватало, чтобы отстранить с дороги любого.

— Ты уверен, что идешь верно? — спросила Мария, стараясь поспеть за широким шагом капитана хронолета.

— Уверен, — ответил он, не оборачиваясь.

— Но Гуннар Гунны здесь может не быть.

— Тогда зачем охрана у входа, зачем нас — уже в здании — стараются не пустить дальше? Нет, все Старейшины здесь. Совершились чрезвычайные события — где еще быть руководителям, как не на общем сборе?

После зала Предварения противодействие людям прекратилось. Дилоны, толпившиеся на дороге, дружно убежали вперед — в самосветящемся туннеле виднелись лишь спины и хвосты.

— Торопятся предварить правителей, что нашего визита не избежать, — проворчал Кнудсен.

Тем же размеренным широким шагом он вошел в зал. На трех амфитеатрах в строгом порядке, как они предстали Баху и Аркадию — отдельно Различники, отдельно Стиратели и, компактной кучкой, Дешифраторы и Опровергатели, — сидели правители страны. Только четвертый амфитеатр — в нем усадили тогда хронавтов — пустовал. Но Старейшин было много меньше, чем при первом приеме людей.

Катастрофа внесла сумятицу в ритуал торжественных заседаний: присутствовало пять Отцов Конструкторов Различий в малиновых плащах, всего три фиолетовых Отца Стирателя, два зеленых Дешифратора и два желтых Опровергателя. В первом ряду амфитеатра, среди Отцов Стирателей, выделялся одинокий — по виду погруженный в глубокую печаль — Старейшина Старейшин Гуннар Гунна. И, не обращая внимания на остальных, Кнудсен направился к Вещему Старцу, готовясь произнести заранее продуманную фразу:

— Ты пригласил нас двоих прийти на радостное знакомство с вами. Хоть в знакомстве теперь будет мало радости, но мы пришли.

Но еще до того, как он произнес первое слово, в мозгу обоих хронавтов прозвучало горестное восклицание Старейшины Старейшин:

— Пришельцы! Чем мы заслужили несчастье, принесенное вами?

Кнудсен знал, что каждое его слово преобразуется в мысль, понятную всем дилонам, — надо следить, чтобы оно было недвусмысленно точным.

— Мы не считаем себя, Гунна, причиной вашего горя.

— До вашего появления не было таких разрушений!

— И до нашего появления дилоны воевали с рангунами. Или рангуны воевали с дилонами — так, наверно, точней.

— Да, не мы воевали с ними, а они с нами: мы только давали отпор. Огромная разница в этих двух понятиях — нападение и отпор; неплохо, что ты ее постиг. Но до вашего посещения Дилоны война шла по-иному. Что она так страшно

переменилась, виноваты вы. Столько разрушений, столько смертей! Никакой враг не сделал нам столько зла, сколько сделали вы, назвавшие себя друзьями! Не будешь же ты возражать против очевидности?

— Буду, — твердо сказал Кнудсен. — Взываю к твоей проницательности, надеюсь на твою глубокую мысль, уверен в твоей выдающейся способности постичь даже непостижимое, хотя буду говорить о простом и понятном... Прошу меня выслушать, Гуннар Гунна.

— Говори, — разрешил Вещий Старец. — И если даже от простого и понятного уклонишься в глубины непостижимого, не смущайся: любой из нас, как ты справедливо заметил, постигает и непостижимое.

Хронавты еще на площади, вступив в перепалку с наружной охраной, поняли, что причина того, что отношение дилонов к людям сменилось на враждебное, — в варварской жестокости рангунов. Даже не видя Гуннар Гунны, Кнудсен не сомневался, что Старейшина Старейшин поставит в вину людям все новые бедствия. Но одновременно Кнудсен не сомневался, что переубедит Старейшин, если использует их любовь к рассуждениям, их привычку докапываться до отдаленных причин любого события, не останавливаясь и перед уходом в дальние абстракции.

— Ты не будешь возражать, Великий Провидец, — так начал Кнудсен, — что рангунам надо было заранее хорошо подготовиться, чтобы нанести такой мощный удар? Подразумеваю материальные средства — орудия, боевую службу...

— Не буду возражать, — промолвил Вещий Старец.

— И что для такой подготовки требуется время? И время немалое! Простым нахрапом, с бухты-барахты... я хотел сказать — без умелой мобилизации всех ресурсов, без длительного их накопления, без сохранения подготовки в тайне...

— Ты и прав и неправ, пришелец, — промолвил Вещий Старец. — Конечно, накопление ресурсов, использование резервов... Тут твоя мысль проницательна — даже удивительно, что человек способен на такое непростое рассуждение. Но тайны для нас не было.

На мгновение Кнудсен растерялся.

— Вы знали, что совершится такое страшное нападение?

— Вот ты и показал несовершенство человеческого понимания сравнительно с нашим, — не то упрекнул, не то просто установил печальный факт человеческой интеллектуальной отста-

лости Старейшина Старейшин. — Ты не ощущаешь неодинаковости двух разных понятий: возможности свершения и реального свершения. У дилонов даже дети не путают так грубо этих категорий.

— У нас тоже стараются их не путать, — сделал попытку оправдаться Кнудсен. — Но мы ведь не представители Высшего Разума.

— До Высшего Разума вам далеко, — согласился Гуннар Гунна. — Поэтому мы и предлагали вам использовать наши великие успехи и возможности. Но сейчас...

— Сейчас мы должны исправить то, что еще поддается исправлению. Итак, тайны в подготовке рангунов к решающему удару не было?

— Тайны не было, я уже объяснил. Но почему ты назвал ужасный удар рангунов решающим? Он ничего не мог решить.

— Как не мог? А победа в затянувшейся войне — разве не решение? Такой удар, они могли подумать, принесет им долгожданную победу.

— Нет, — с грустью промолвил Старейшина Старейшин. — Вашей слабой мысли не проникнуть в глубины наших взаимоотношений с рангунами. Вы не сосредоточиваетесь и мыслите... как это ваше хорошее определение? — нахрапом, с бухты-барахты, так? Очень выразительная формула! Иногда у вас такие прекрасные и благородные выражения! Такие глубокие проблемы... Например, та мучительная проблема, о которой так красноречиво повествовал пришелец Бах — сколько поместится...

— Черт возьми! — не удержался Кнудсен. Его охватил страх, что хитродвижение спора уведет Вещего Старца далеко от темы. Он поспешно поправился: — В данном случае “черт возьми” означает вопрос: как вы проникли в тайну подготовки рангунов к большому наступлению?

— Понял, пришелец. Итак, “черт возьми” — в смысле постижения великой тайны подготовки рангунов к большому наступлению... Но ведь в среде рангунов много дилонов. Один из них — глубокий Кун Канна, великий мыслитель Кун Канна — я его прочил в свои преемники. Этот выдающийся стратег Кун Канна с момента его похищения хавронами трагически раздвоился: душой он по-прежнему с нами, а искусные руки и мудрая голова верой и правдой служат рангунам. Он провел подготовку того наступления, которое ты неправильно назвал решающим и

которое, тем не менее, ужасно и губительно, и, естественно, сообщал нам по секрету, что делает.

— Но удар по дилонам провел, конечно, не он?

— Конечно, он, кто же еще? Неужели ты думаешь, рангуны сами могли провести такую операцию? Разве хоть одного Бессмертного можно сравнить с самым неудачным из дилонов? Понимаешь меня, пришелец?

— Стараюсь понять, но мне трудно. Позволь возвратиться к термину “решающий удар”. Значит, рангуны не стремятся к победе?

— Рад, что до тебя дошла эта простая истина. Они воюют ради войны, а не ради победы. Что им делать, если они победят? Тем более, если уничтожат нас? Чем тогда они заполнят свое бессмертие?

— Но если так, им было не нужно наносить такой удар.

— Совершенно не нужно. Подготовка к удару — это деятельность; рангуны деятельны. Но удар, уничтожающий нас, прекращает их военную хлопотню — так, кажется, на вашем языке? И они нанесли этот бессмысленный удар лишь потому, что вы появились на планете. Вот почему мы утверждаем, что вы принесли нам великое горе.

— Бессмысленный, ты сказал? Позволю себе не согласиться. Смысл в нападении был. Надумали расправиться с нами и не посчитались, что погибнет и множество дилонов. Это ведь уже третье нападение на нас. Они обстреливали наш корабль при посадке, хотели уничтожить нашу авиетку при помощи искусственного недротрясения, а теперь применили средства помощней. Мы тоже можем сказать: дружба с вами сделала людей объектом мести рангунов. Мы потеряли трех наших товарищей.

Кнудсен не сомневался, что его контраргументы вызовут растерянность среди дилонов. У этого странного народа рассуждение, которое нельзя опровергнуть, по одной этой причине возводилось в истину. Они не изучали школьной логики, как люди. Они и не подозревали, что об очень многом можно высказать противоположные мнения и ни одно не опровергнуть, потому что в каждом будет истина. Такая словесная диалектика им чужда, хоть в диалектике реальной дилоны сильней: каждый практически опровергает незыблемые законы природы — то есть находит условия, при которых закон лишается действительности.

Но в следующую минуту Кнудсен убедился, что недооценивает Вещего Старца. Гуннар Гунна, поразмыслив, опроверг

Кнудсена — и таким опровержением, которое было радостней согласия, дороже признания в дружбе. Старейшина Старейшин протелепатировал:

— Очень сильное соображение, пришелец, очень сильное: проклятые рангуны нападали на людей, а не на дилонов, а дилоны погибали от случайности сопричастия при ударе, направленном против вас.

— Именно это я и утверждаю. Хотели уничтожить людей.

— Но ведь все было по-другому, — продолжал Старейшина Старейшин. — Погибали мы, а вы невредимы.

Кнудсен не сдержал возмущения:

— Если ты считаешь гибель трех хронавтов...

Вещий Старец не дал ему договорить:

— Почему гибель? Все трое живы. В плену, но живы.

У Кнудсена на миг перехватило дыхание. У Марии засияли глаза. Кнудсен медленно проговорил:

— Твои сведения верны?..

— Дилоны не лгут, — с достоинством отвечивал Гуннар Гунна. — Мы ненавидим неправду.

— Такое радостное для нас известие!.. Вы узнали, что наши товарищи живы, глубоким усилием мысли? Или есть иные доказательства?

— Мы видели их в плену. Конечно, изображение примитивней рассуждения. Мысль можно тысячекратно проверить, рассуждение сто раз повторить, а картину достаточно один раз подделать... Понимаю твои сомнения, пришелец. Будет ли для тебя доказательным изображение твоих друзей после атаки рангунов?

— Будет, будет! — поспешно заверил Кнудсен.

Гуннар Гунна повернул львиную голову к амфитеатру, где восседали зеленые Дешифраторы и желтые Опровергатели. Один Дешифратор поднялся. Гуннар Гунна что-то повелел, не перетранслировав приказ в человеческие слова. Зато ответ Дешифратора ясно донесся до людей:

— Канал на Клаппу, командира отряда хавронов. Связь через Уве Ланну. Нечеткость передачи вызвана болезненным состоянием Конструктора Различий высокочтимого Уве Ланны.

Стена позади Дешифраторов вспыхнула. На ней замелькали тени и силуэты. Кнудсен и Мария разглядели Аркадия, с трудом выбиравшегося из сооружения, похожего на древний человеческий фургон. Аркадия поддерживал Асмодей. В стороне хаврон

могучего телосложения показывал мохнатой рукой на темное отверстие в скале: туда один за другим входили вооруженные хавроны, туда же вели ослабевшего Аркадия.

— Расшифруй! — дошло до людей веление Вещего Старца.

Дешифратор свободно вносил в сознание людей свои пояснения. Хронавтов и дилона Уве Ланну забросили в хроноворот аппараты рангунов. Пришельцы выскользнули из губительного хроноворота. Их взял в плен отряд хаврона Клаппы. На Клаппу сфокусирован разведывательный луч, связь с Клаппой тайно создана Уве Ланной. И пленные, и охрана скрылись в пещере от нового хроноворота. Из пещеры связь не действует.

— Теперь канал на бедного Кун Канну, — велел Гуннар Гунна.

Экран озарился новой картиной. По улице городка, окутанной пылью и сотрясаемой грохотом механизмов, вели Баха под конвоем хавронов. Коротышку Баха сопровождал, умеря широкий журавлиный шаг, бочкообразный рангун. Человек и рангун беседовали.

— Бессмертный № 29, Кагула, любимец Ватуты, — бесстрастно докладывал Дешифратор. — Ватута хочет казнить пришельца. Основание для казни такое — никаких оснований. Вполне в обычае Ватуты, передает Кун Канна. Созывается ассамблея Бессмертных, там согласятся с Ватутой, что пришельца хорошо бы умертвить. Казнь совершится в полдень следующего дня. Ватута предложит пришельцу самому выбрать форму своего умерщвления — знак уважения и высокого почета. У Кун Канны нет возможности вызволить пленника. Почетных казней у рангунов еще не совершалось. Ватута гордится, что первым из Властителей Рангунии совершит такой выдающийся акт.

Картина на экране погасла.

Кнудсен обратился к Старейшине Старейшин. Дилоны мудры и справедливы. Великим укором будет, если они оставят в беде своего гостя. Не допустить беспричинной и преступной казни! Что бы ни предприняли дилоны для вызволения хронавта, они — капитан хронолета Кнудсен и геноинженер Вильсон-Ясуко — добавят своих усилий. Дилоны могут рассчитывать на всю мощь механизмов корабля.

Гуннар Гунна, поразмыслив, заверил хронавтов, что они сделают все возможное, чтобы спасти пленника. И, не дав порадоваться, с печалью констатировал, что никаких возможностей нет и поэтому спасение нереально.

Кнудсен настаивал: оборона дилонов — разве нельзя превратить ее в орудие нападения? Охранные башни, это ведь могущественные крепости — ударить из них по берлогам рангунов! Собрать смельчаков, он сам возглавит такой отряд, вооружение найдется — и грянуть на город Ватуты! А если и это невозможно, то вступить в переговоры с Ватутой, пообещать ему золотые горы и хрустальные замки — не может же быть, чтобы не существовало чего-то такого, что было бы для рангуна ценней, чем наслаждение от бессмысленной казни человека, не сделавшего ему вреда!

Гуннар Гунна, впадая в кратковременные размышления, попеременно отвергал все планы человека. Защитные орудия дилонов не способны поразить другую сторону планеты, зона действия охранных маяков тоже невелика. И ни один дилон не согласится войти в отряд для нападения на рангунов — агрессия принципиально чужда дилонам. И переговоры с Ватутой неосуществимы: он твердит, что ему ничего не нужно, ибо он презирает всякую пользу, — а какие могут быть переговоры без того, чтобы выговорить что-то полезное? Дилоны, так страшно пострадавшие от гибели своих близких, всей душой разделяют страдания пришельцев, у которых должен завтра погибнуть друг, но, кроме сочувствия, им нечего предложить.

— Постарайтесь сами спасти товарища, — закончил Вещий Старец.

Нахмуренный, злой капитан хронолета размышлял еще дольше, чем дилон, впадающий в трудную сосредоточенность.

— Хорошо, принимаю — собственными усилиями, — снова заговорил Кнудсен. — Совет глубокий и дельный. Но нашего друга казнят завтра. Для серьезной подготовки мало времени.

— Завтра — это очень скоро, — высказал очередную глубокую мысль Гуннар Гунна. — Времени для спасения товарища, ты верно это грустное явление определил, решительно не хватит.

— Послушай меня, великий Гуннар Гунна, — продолжал Кнудсен. — Вы народ глубоких мыслителей. Вы знаете свою планету, знаете все ее законы и свойства, все ее особенности и процессы. На что нам нужно воздействовать, какой местный закон опровергнуть, чтобы хоть немного задержать казнь? Без подготовки, требующей времени, мы не сумеем спасти нашего друга.

— Подожди, пока мы поищем ответ на твой очень непростой вопрос, — сказал Гуннар Гунна.

На этот раз Вещий Старец со Старейшинами пребывал в молчаливом раздумье так долго, что Мария успела перекинуться с Кнудсеном несколькими фразами.

— Анатолий, у тебя не появился план спасения Миши?

— Даже отдаленно не представляю себе, что можно сделать.

— Неужели отказываешься выручать его? — Мария не сдержала негодования.

— Отвечу в стиле дилонов. Ты путаешь разные понятия, Мария. Хотеть — хочу! Что сделать, чтобы исполнить хотение, — пока не знаю.

В мозгу людей зазвучали слова Вещего Старца:

— Мы рассмотрели все физические процессы на планете и не нашли ни одного, воздействие на который помогло бы вам спасти товарища. Конечно, если бы в Рангунии могли остановить течение времени... Но задача эта самой природе непосильна. Пришелец, мы не сможем тебе подсказать никакого решения.

— Немного мы услышали от них, — грустно сказала Мария.

— “Немного” — все же лучше, чем “ничего”, — возразил Кнудсен. — Теперь скорей на корабль, Мария!

— Ты же сказал, что у тебя нет плана спасения Миши.

— Уже есть. Скорей, Мария, скорей!

3

В планетолете Кнудсен объяснил свой новый план. Почему он твердил Старейшине, что нет времени для спасения Баха? “Гермес” не только еще не виданный корабль, свободно плывущий в разных потоках мирового времени, но и могучая крепость, надежно защищенная от атак извне. Но он сконструирован для миссии мира, а не для завоеваний. Конечно, и на нем можно напасть на рангунов и принудить их выдать пленника — и времени на подготовку такого рейда не потребуется. Но сколько тогда погибнет рангунов и хавронов? Ватута без сопротивления не выдаст Баха. В рейсовом задании не предусмотрены войны с другими народами — тем более, их уничтожение.

— Все это я знаю сама, — прервала Мария. — К чему ты клонишь? Ты сказал, что обдумываешь план спасения Баха. Пока я вижу, что надежного плана не существует.

— Нет, план есть — и вполне надежный! И выполнишь его сама, Мария. Миша когда-то сказал, что ты схожа обликом с валькириями, девами-воительницами северных мифов. Пришел час проверить, только ли внешностью напоминаешь ты валькирию. Те девы отважно сражались на поле боя и вызволяли своих воинов из беды. Ты придешь к рангунам и выручишь Мишу. Но чтобы подготовиться, нужно время — то самое время, которого в запасе нет. Понятна идея плана?

— Конечно, нет! — сказала Мария. — Можешь не сомневаться, я согласна на все, что ты велишь. Но в чем она, эта подготовка? Где и как ты будешь добывать то время, которого в запасе нет?

— Совместим дальнейшее объяснение с освоением аппаратуры.

В долинке, где Кнудсен укрыл хронолет, ничто не показывало, что рангуны обнаружили корабль. Кнудсен ввел планетолет в трюм.

— Пройдем в хроногенераторную, Мария.

Итак, нужно время, чтобы подготовиться к вторжению в царство Ватуты, а времени нет, говорил Кнудсен, передвигаясь между хроногенераторами. Вещий Старец посоветовал затормозить бег времени, будучи твердо убежден, что нет в мире сил, способных остановить течение времени. Но такие силы есть. Вот они — в недрах этих механизмов!

Его план таков. Он переводит хронолет поближе к убежищам рангунов, запускает хроногенераторы на полную мощность — и замедляет бег внешнего времени. Больше чем вдвое время не затормозить — пройдет реально около двух суток там, где рангунам покажется, что они прожили всего одни. Выиграша в сутки хватит для оснащения Марии в поход. Еще одно: почему Мария, а не он?

— Об этом не спрашиваю! Я горжусь, что ты доверил мне освобождение Миши, независимо от того, какие мотивы...

Кнудсен спокойно остановил ее. Им командуют не мотивы, а причины. Он должен их высказать. Форсирование генераторов произведут автоматы, но присутствие капитана при этом необходимо. Такова строгая инструкция, он сам ее составлял — и не разрешит себе ее нарушить. И последнее: они пока идут на выручку Баха, а не Аркадия, потому что положение Миши серьезней. Аркадию грозят новые хроновороты, но не расправа хавронов, — а от хроноворотов он укрыт в пещере. После спасения

археолога настанет черед вызволять Аркадия с Асмодеем и Ланной.

— Готовь меня в поход, — нетерпеливо сказала Мария.

4

Кнудсен высмотрел потайное местечко неподалеку от пещеры, куда Бессмертные укрывались на отдых. Приближалась ночь, когда он запустил хроногенераторы. Дежурные хавроны и пленные дилоны не засекли хронолета и не подняли тревоги, а ночь была как ночь: обе Гаруны ушли чуть-чуть за горизонт, север неба светился кровавым пятном. Торможение времени сперва шло слабо, потом все сильнее и сильнее. Когда одна минута за бортом хронолета сравнилась с двумя на корабле, Кнудсен остановил дальнейшее растяжение внешнего времени и пошел проведать, как Мария осваивает боевую экипировку.

— До полного дня по нашим часам остались целые сутки, — поделился он успехом. — Рангуны и не подозревают, что спят уже не по своему естественному времени, а по тому, какое мы им диктуем. Демонстрируй теперь свою подготовку.

Мария успела облачиться в форму десантника, выходящего на задание высшей сложности — разведку, диверсию, боевые действия, если без них не обойтись. В училищах астронавтов снаряжение и методы такой операции завершали курс — и всегда считались тем орешком, который трудно разгрызть. Мария начала с боевой аппаратуры: бластеров, стреляющих крохотными шаровыми молниями и лазерными лучами; гранат, создающих при взрыве кратковременные потери сознания; ручных парализаторов, лишаящих воли к сопротивлению; и резонаторов, вызывающих — последняя крайность сражения — распад живой ткани. Мария покраснелась, глаза горячо блестели — ей нравилось превращение ученого геноконструктора, творца новых форм жизни, в воительницу, сражающую противников.

Кнудсен не одобрил увлеченности Марии.

— Нет! Нет, Мария! Это не для хронавтов — ослепить, ослабить, обезоружить, а при большом отпоре и уничтожить. Примитивная война наших предков.

— Захват и казнь пленных тоже весьма примитивны. Одно стоит другого. Не понимаю твоего недовольства.

Она должна понять: он и не подумал бы тормозить внешнее время, если бы планировал победу в прямом сражении.

Для этого не нужно длительной подготовки. Умение сражаться заложено в природе человека, за каждым из нас — опыт предков; бессмысленно опорочивать силу этого генетического наследства.

Хоть ситуация не располагала к веселью, Мария рассмеялась.

— Генетическое наследство, ты сказал? В двадцатом веке один ученый псих уверял, что существуют особые гены храбрости и трусости, гомосексуализма и платонизма, религиозного экстаза и атеизма, щедрости и скупости. Я всю жизнь экспериментирую с генами, создавая новые формы животных. Но ни разу не открывала и сама не создавала ни одного из генов, описанных тем ученым — моим однофамильцем Чарльзом Вильсоном.

Кнудсен понял, что перехватил.

— Не хочу знать древних Вильсонов! Пусть не генетическое, а социальное наследство. Покажи, как ты справляешься с хроноэкраном? Как тайно проскользнешь в пещеру к рангунам?

Мария думала, что и эту часть операции хорошо усвоила. Она должна пробраться в пещеру не в том времени, в котором пребывают находящиеся там Бессмертные. Она проникнет в пещеру из близкого грядущего. Ее индивидуальные хрономоторчики обеспечивают выход из грядущего в настоящее так же свободно, как из прошлого в настоящее — она промелькнет мимо всех встречных невидимкой, в крайнем случае — как привидение, и материализуется именно там и именно тогда, где и когда нужно.

Тревога Кнудсена не была, однако, развеяна.

— Делаем хронобросок. Я засекаю время на уход в будущее и возврат в настоящее. Даю на две эти операции одну минуту.

Но Марии понадобилась минута только на то, чтобы исчезнуть. И исчезла она не сразу, а постепенно — сперва расплывались очертания, тело превращалось в силуэт, силуэт становился призраком, призрак тускнел и стирался. Еще медленней совершилось возвращение из будущего — сперва такой же призрак, после силуэт и лишь потом полная материализация.

— Нет, нет и еще раз нет, Мария! Тебя успеют трижды убить, прежде чем ты выполнишь один хронобросок.

— Если я дам по себе стрелять! Я ведь могу и защищаться.

— Сейчас я покажу тебе, что защита неэффективна. Берем демонстрационные пистолеты. Исчезай!

До того, как Мария полностью ушла в близкое будущее, Кнудсен пять раз разрядил в нее пистолет. От двух выстрелов она увернулась, три попадания были удачны. Сама она, стираясь в невещественность, два раза поразила Кнудсена. Последний удачный выстрел был произведен из пистолета, которого Кнудсен уже не увидел, лишь легкая полоска тумана качнулась перед ним, когда вылетела демонстрационная пуля.

При обратном витке хроноброска повторилась та же картина: Кнудсен пять раз успел выстрелить, три пули угодили в Марию. И сама она дважды поражала капитана корабля.

— Плохо, даже очень плохо, — невесело констатировал Кнудсен. — Ты была шесть раз убита. Хронобросок не удался.

— Но и я ровно четыре раза тебя убивала!

— Да, четверых ты убьешь. А если их будет семь? Или семнадцать? Или тысяча? Твоя боевая операция будет удачной в одном случае: если обойдется без боя! Надо победить искусством повыше первобытного умения убивать. Повторим хронобросок еще раз.

И вторая, и третья репетиции не развеяли недовольства Кнудсена. Мария по-прежнему растворялась в будущем слишком медленно. Она оправдывалась:

— Ты настаиваешь: уход только в близкое будущее. Но если я слишком быстро дематериализуюсь в настоящем, я слишком далеко унесусь в будущее. Разве это хорошо?

— Нехорошо. Но все же лучше медленного исчезновения. В будущем тебе не грозят сражения с реальными врагами. Будем повторять хроноброски, пока не отработаешь мгновенности.

Только на третьей десятке повторений Кнудсен расщедрился на похвалу, но продолжал репетиции с прежней настойчивостью.

— Мария, — сказал он на пятидесятой репетиции, — ты выдающийся геноинженер. Но если бы ты ушла в хронавты, то и тут не осталась бы в середнячках. Еще два-три десятка хронобросков — и можно выпускать тебя без больших опасений.

Настал момент, когда он объявил:

— Хватит! Технику исчезновения и материализации ты освоила. Воздействие на противника отработала. Датчики, посланные мной еще до репетиций с хронобросками, проникли в пещеру рангунов и показывают, что суд над Мишей начался. Больше нельзя терять ни минуты!

Она упрекнула его:

— Ты ничего не говорил о датчиках! Что они собой представляют и когда ты их выслал?

— Не хотел говорить, чтобы ты не нервничала, узнав, что судилище уже идет. А датчики по виду — обыкновенные камни, каких множество в пещере. Вряд ли кто определит их истинное назначение.

Мария подумала.

— Ты не можешь превратить их в боевые средства?

— Могу. Но что толку, если мы выведем из строя какое-то количество рангунов? Все равно надо проникать в пещеру, чтобы вывести Баха. Теперь исчезай!

Она пропала столь стремительно, что он не успел махнуть рукой на прощанье. Кнудсен подсел к экрану и включил датчики, высланные в пещеру. Один показал вход и хавронов, замерших на страже, — этот датчик лежал на земле. Один из хавронов, проходя мимо, задел его ногой — картина лишь незначительно переменяла угол зрения. Второй валялся в туннеле: он показывал тускло освещенный лаз, то одного, то другого проходящего хаврона. Третий высвечивал саму пещеру — Кнудсен сосредоточился на нем.

В пещере творилась странная процедура: она мало напоминала суд, каким он представлялся Кнудсену. Ему вообразилось, что он присутствует на философском диспуте о природе добра и зла. Бах профессорским голосом излагал концепции добра на разных стадиях развития человечества; вероятно, так же размеренно он объяснял с кафедры азбучные истины археологии своим студентам. Ватута, зло выкривляя на лице улыбку, устанавливал, что в основе добра лежит — от вечной нужды — потребность в пользе, а им, Бессмертным, польза ни к чему, они ни в чем не нуждаются. И, стало быть, добро — понятие чисто человеческое, рангуны же вне добра и зла — и поэтому он не видит препятствий к тому, чтобы казнить пришельца по имени Бах, по природе человека, по званию академика, самой почетной казнью, которую тот сам пожелает, — и это будет знаком высокого уважения рангунов к пришельцу из космоса.

Теоретические споры всегда были вне интересов Кнудсена, если только не затрагивали основы хронистики. В этой созданной Чарльзом Гриценко и разрабатываемой самим Кнудсенем молодой науке еще много было необъясненного и непонятого. И быстро утратив интерес к предмету препирательства человека и рангуна, Кнудсен стал осматривать пещеру. Датчик угнездил-

ся в углублении под потолком и хорошо высвечивал два валуна — на одном сидел Бах, на другом стоял немолодой смиренный дилон — и разбросанные вокруг камни, на которых разместились Бессмертные. Впереди, особо, — Ватута, позади, беспорядочной кучкой, — остальные. Охрану Кнудсен видел отчетливей, чем Бессмертных. Охрану несли хавроны — рослые обезьяны с могучими мышцами и свирепыми мордами, каждый сжимал в мохнатых лапах резонатор. Кнудсен всматривался в них и уверялся, что от таких ни пощады, ни раздумий не ждать: Властитель кивнет — и мигом вся вооруженная орава ринется хватать, вязать, впиваться когтями, рвать клыками. Кнудсен передернул плечами — стало нехорошо от лицезрения лохматых палачей. Пора бы уже Марии появиться! Времени прошло достаточно для хроноброска в близкое будущее и возвращения в настоящее. На репетиции уход и возврат совершались быстрее.

Теоретический диспут в пещере вдруг превратился в битву. На Баха набросились хавроны. Он поразбросал их отчаянными ударами. Кнудсен с волнением и гордостью за Баха глядел, как коротенький полный человечек отражает натиск лохматых гигантов. Баха повалили, один хаврон наступил ему ногой на грудь, другие вязали руки. “Где Мария? — думал Кнудсен. — Почему она задерживается? Нет, почему она задерживается?”

В пещерном сражении возник неожиданный поворот. Пленный дилон, долгое время одиноко горбившийся на валуне рядом с Бахом, — уродливая фигурка, до того смиренная и жалкая, что один взгляд на нее вызывал у Кнудсена смутное недоброжелательство — вдруг разразился диким визгом и кинулся к сражающимся. Кнудсен увидел, как дилон выхватил из кармана упавшего Баха резонатор и резко повернул его на хавронов. Один из нападавших сразу распался надвое, другой рухнул, густо залившись кровью, остальные в страхе попятились, хотя каждый был вооружен. “Боятся применять оружие, чтобы не угодить во Властителя, — этот чертов Ватута слишком близко к сражающимся, — думал Кнудсен. — Что с Марией? Она опаздывает недопустимо!”

В это время возмущившийся дилон с радостным визгом направил резонатор на Ватуту. Властитель Бессмертных попытался отбежать, он — Кнудсен хорошо видел это — весь затрясся. Но Ватуту заслонил своим телом какой-то хаврон; резонатор по-

лоснул по нему, хаврон рухнул, уже разваливаясь и все еще вопя запоздавшим воплем, а на дилона набросился со спины один из Бессмертных — единственный, кто в этой кучке жалко потерявшихся рангунов нашел в себе смелость вмешаться в сражение. Марии все не было, Мария непоправимо запаздывала!

Схватка взбунтовавшегося дилона и Бессмертного закончилась быстро — рангун был много массивней. Сраженный бунтарь рухнул, на Баха снова набросились и стали вязать. К человеку подошел Ватута. Ярость и жажда мщения искажали львиное лицо Властителя Бессмертных. А Марии все не было, Мария затерялась где-то в просторах грядущего — она, наверно, не сумела найти пути для быстрого возвращения из какого-то слишком далекого “потом” в это так нуждавшееся в ней “сейчас”. Кнудсен остро пожалел, что растянул внешнее время только вдвое. Нужно было притормозить бег времени не вдвое, а втрое; ему не удалось надежно подготовить Марию к спасательной операции. Кнудсен положил руку на пульт, нащупал две крайние кнопки — особые кнопки — последнее средство спасения Баха. “Ultima ratio regis”, последний аргумент короля — так называли бы эту новую операцию древние. Он ничего не говорил о ней Марии, ей не следовало знать, что есть и еще один способ спасения товарища — способ был чрезмерно жесток. Но если она так и не появится, в момент, когда слуги Ватуты кинутся убивать Баха, один из датчиков — тот, что обычным камешком валяется сейчас в углублении на стене — вырвется наружу взрывом пламени и ядерных частиц. И верная гибель поразит все живое, кроме человека, защищенного, как все хронавты, от излучения распавшихся ядер. Это еще не будет спасением — связанный пленник сам не выберется наружу, но и немедленной гибели не произойдет.

Ватута грозно заговорил, отклоняясь от лежащего Баха:
— За это тебе!..

И Кнудсен понял, что, когда Властитель Бессмертных закончит свою фразу, наступит миг лихорадочно выстукивать на обеих кнопках шифр взрыва.

Ватута не закончил приговора. Ватута в ужасе окаменел. В сумрачной пещере вдруг вспыхнул факел. И с радостным удивлением Кнудсен увидел, что в погасающем факеле материализуются не одна, а две фигуры. С Марией был Асмодей — жалкий, оборванный, светящийся сквозь дыры одежды не розова-

тым подобием человеческой кожи, а металлическими скрепками и пластмассовыми пластинками, но, как всегда, быстрый и исполнительный. Всего мог ожидать Кнудсен, когда выяснилось, что Мария сильно опаздывает, но что она отыщет киборга и явится с ним — и отдаленно не мог вообразить.

Мария быстро поворачивалась, из ее руки вырывался конус фиолетового света — все, на кого падало сияние, замирали. Асмодей поспешно развязывал Баха, помогал ему встать на ноги. До Кнудсена донеслось громкое предупреждение Марии: все в пещере облучены, малейшее сопротивление равносильно гибели! Ватута покорно склонил большую голову, он не сопротивлялся. Мария подошла к Баху, перекинулась с ним несколькими словами. Только после этого она обернулась к выходу из пещеры — она знала, что капитан хронолета в эту минуту взволнованно наблюдает за ними, и, сам невидимый, наблюдает, вероятно, именно с этой стороны.

— Анатолий, высылай планетолет!

5

Бах кинулся в объятия Кнудсена. У сдержанного капитана хронолета дрожали губы и влажно сияли глаза. Он сказал:

— Знаешь, я сегодня узнал, что всего горестней! — Бах с улыбкой смотрел на друга, догадываясь, что речь пойдет о том, как страшились за него. Но Кнудсен сказал по-иному, чем ожидал Бах: — Самое горестное, когда видишь, как гибнет близкий человек, и знаешь, что можешь спасти его, но ценой гибели тех, кого вовсе не хочешь уничтожать.

— Погибли один Кун Канна и трое хавронов, правда, ребята хорошие, я успел к ним привязаться, — с сокрушением сказал Бах.

— Упрек в их гибели адресован мне? — спросила Мария.

— Тебе, — ответил Кнудсен, — и не только в гибели четверых. Если бы ты задержалась еще на минуту, погибли бы все, кто находился в пещере, — кроме Миши, естественно.

— Ты сам виноват, что я запоздала, — сказала Мария. — Ты снабдил меня хронодетектором. Благодаря ему я нашла Асмодея. Поставь мне в заслугу хоть это.

И она рассказала, что уже собиралась выбираться назад из скачка в будущее, когда хронодетектор обнаружил какой-то беспорядок в близком времени. Неподалеку свивался небольшой

хроноворот, в кольце замкнувшегося на себя времени металось материальное тело. Она догадалась, что естественные хроновороты так далеко от полюсов не возникают — он мог быть только искусственным. И когда ударом из своего хроногенератора разорвала хронокольцо, из него вывалился Асмодей. Подробности он расскажет сам.

— Это произошло, когда Аркадий с двумя дилонами бежали в мертвый лес, которого страшно боятся все хавроны, а я остался прикрывать их бегство, — рассказывал Асмодей. — Я был в личине № 3, вы ее еще не видели — настоящий стереозавр с полным набором зубов, к тому же огнедышащий. Подлинное страшило, вы в этом сами убедитесь, когда подремонтируюсь. Хавроны стали меня одолевать. Хронотрансформатор был на издыхании, но вынес меня в иновремя, зато отказал при возвращении. И я запутался в новом времени, только не знаю как, все так повторялось, что звенели все контакты в мозгу. Если бы не Мария, мне бы крышка, хотя никакой крышки над собой я не видел — и не совсем понимаю, почему вы, люди, так любите это словечко. Но главное не во мне, главное в том, что я увидел в будущем — я такое увидел! Не поверить! Сейчас я вам все расскажу...

— Ты расскажешь потом. Аркадий, значит, спасся в каком-то лесу? — спросил Кнудсен.

— Он побежал в обезумевший лес, так его называют хавроны, они его ужасно боятся. Они его не преследовали, да и я бы не пустил. А что с ним теперь — не знаю.

Кнудсен распорядился:

— Будем отыскивать Аркадия и его спутников. Мария, поручаю это тебе. Возьми Асмодея.

— Одного Асмодея может не хватить. Разреши взять в помощники десяток хавронов и двух-трех Бессмертных. Что они будут вести себя смирно, уверена.

— Бери кого хочешь, хоть в смирении рангунов я не уверен.

Мария повторила, что убеждена в покорности Бессмертных, но какая-то капля сомнения оставалась и у нее. Вспоминались древние книги о покорении одних народов другими: в них ярко живописались восстания против покорителей и угнетателей. Что хронавты не угнетатели, рангуны убедятся быстро, но покорителями они остаются в любом случае. И, направляясь из салона в трюм, где разместили Бессмертных, Мария тихо твердила про себя строчку из романа о приключениях астронавтов

на прекрасной планете, населенной высокоразвитыми гуманоидами. Ни планеты столь прекрасной, ни совершенных гуманоидов реальные астронавты за двести лет после выхода романа в свет так и не обнаружили — ни в ближнем, ни в дальнем космосе. “Мы покорители сердец, мы завоеватели душ!” — говорил герой романа жителям удивительной планеты, и добросердечные аборигены — волей автора романа — немедленно раскрыли души и отдали сердца покорившим их людям. Мария утешила себя еще одной древней цитатой из кодекса завоевателей и покорителей — она звучала не так красиво, зато внушительно: “Пусть не любят, лишь бы вели себя смирно”.

Пленные рангуны вели себя смирно. Предоставленный им пустой трюм был достаточно обширен, чтобы вместить пленников и побольше. При появлении Марии все рангуны поспешно выстроились как на параде. Ватута церемонно наклонил голову и чуть отвел назад руки. Асмодей, вошедший вместе с Марией, немедля повторил приветствие Ватуты, ему понравилась красивая поза: наклоненная голова, отброшенные назад руки — и уважение, и непринужденность, отлично подойдет к личине № 17. Мария ограничилась тем, что впервые внимательно присмотрелась к Ватуте — в пылу вторжения в пещеру было не до любования ошеломленным противником. Властитель Бессмертных был импозантен — рослый, крупноголовый, с цилиндрическим туловищем, лишенным бочкообразности, отличавшей почти всех рангунов, с пропорциональными туловищу ногами. Он вполне годился быть статуей самого себя, на такую статую и на Земле ребята взирали бы без смеха — в отличие от бочек на журавлиных ногах-рычагах, какими скульптор должен был бы изобразить остальных Бессмертных.

— Ватута, попрошу тебя об одной услуге, — дипломатично начала Мария.

Он явно не поддавался на дипломатические приемы.

— Твое дело повелевать, мое — исполнять, — промолвил он на приличном человеческом языке — общение с Бахом дало плоды.

Мария решила, что еще не время перевоспитывать Бессмертных. Хорошо: повеление, а не просьба. Надо спасти хронавта Аркадия Никитина и двух его спутников-дилонов, бежавших от хавронов в какой-то мертвый лес. Она хочет, чтобы Ватута сопровождал ее в спасательном отряде со своими помощниками, которых сам отберет.

Асмодей не преминул поспешно объявить:

— Я поведу отряд. Я хорошо помню пещеру, где задержал хавронов, когда они хотели помешать нашему бегству.

Ватута снова наклонил голову — на этот раз такой жест можно было истолковать как знак согласия.

— Пусть ведет блистательный Асмодей, он отважно сражался против моих солдат. Удивляюсь только, что он остался в живых; в последнем донесении Клаппы сообщалось, что Асмодей погиб в битве, а трое других беглецов несомненно погибли, ибо скрылись в безумных лесах, где все противодействует жизни. Даже мы, Бессмертные, избегаем их. Впрочем, я пойду в любое место, куда поведешь, Повелительница!

— Ты уверен, что наши друзья погибли? — спросила Мария, обеспокоенная легкой иронией в ответе Ватуты.

Он выразительно показал на киборга.

— Я был уверен в его гибели, а он жив. Вы умело творите чудеса. Не буду поражен, если в гуще леса повстречаем твоих друзей, веселых и здоровых. После того как ты, внезапно появившись из небытия, взяла нас всех в плен, о чем бестолковые дилоны даже подумать не осмеливались... В общем, я теперь допускаю и недопустимое!

Мария отметила, что общение с Бахом принесло и еще один результат — Властитель Бессмертных не только хорошо объяснялся по-человечески, но и приобрел навыки земного оратора. В данной ситуации он мог бы разглагольствовать и не так напыщенно — и Мария постаралась показать, что лучше бы ему держаться по-иному.

— Три минуты на сборы! Все, кто не в поход, перемещаются из планетолета в другие помещения корабля. Асмодей, быстро!

Планетолет с пассажирами стартовал на север. В рубке у пульты села Мария, рядом разместился Асмодей, позади обоих — невозмутимый Ватута. Сперва потянулись дремучие леса, такие же, как в Дилонии, только гуще — исполинские голубые деревья с пышными кронами. В глаза сверкала Гаруна Белая, был ее час на небосклоне. Сбоку сияла Гаруна Голубая. По мере углубления на север Белая звезда смещалась вбок, прямо по курсу легла Голубая. Густые леса разрежались: деревья теряли свою высоту и яркость, чаща перебивалась кустарниковыми зарослями, появлялись пустоши, их становилось все больше.

Пейзаж все сильнее омертвлялся — сухие деревья, голые холмы, тускло поблескивающие озера... Ватута, молчавший всю первую половину полета, подал голос:

— Повелительница, веди корабль осторожней. Впереди пещера, где хавроны держат нашу последнюю заставу.

Мария посадила планетолет у озера против горки, где неширокий лаз вел в пещеру. Площадка перед пещерой хранила следы недавней битвы — валялись трупы хавронов, оружие, остатки боевой личины Асмодея. Киборг поднял обломки зубастой головы.

— Все поломано, Мария. А какой был зверь! Нет, какой зверь! Глаза — факелы, рот — пылающее горнило, каждый зуб — раскаленный металл! А шерсть? Не шерстинки — электрические разряды. Ты бы посмотрела, Мария, как шарахнулись от меня хавроны.

Мария велела идти в пещеру. Асмодей ручным фонарем осветил картину побоища. Всюду лежали мертвые тела — перекоженные, раздробленные, расчлененные; труп возле трупа, труп на трупе. Тяжкое безмолвие нависло над могилой. Асмодей прислушался — и его обостренный слух не уловил ни вздоха, ни стоны.

— Мой храбрый Клаппа, — спокойно проговорил Ватута, показывая на растянувшегося во весь рост хаврона. — Лучший солдат моей армии. Его одного хроноворот не разорвал на части.

Планетолет снова поплыл над лесом. Индикаторы обшаривали каменные деревья. Минута шла за минутой, час за часом, беглецов не было видно. Мария повернула к Ватуте побледневшее лицо.

— Неужели Аркадий погиб?

Рангун вежливо проговорил:

— Радуйся, что никого не видишь. Мертвые деревья отбирают жизнь, но тела оставляют. Раз нет трупов беглецов — значит, им удалось пробраться сквозь чащу. Хавронам это еще не удавалось.

— А Бессмертные эти места не посещают?

— Бессмертные эти места не посещают, — бесстрастно повторил Бессмертный № 3.

Лес стал меняться, появились живые стволы, их становилось больше. Индикатор показал, что вдали движется человеческая фигура. Мария впиалась глазами в экран. Это мог быть только

Аркадий, но бредущий в лесу человек — пошатывающийся, старчески согнутый — мало напоминал того юного Аркадия, какого она знала. Человек упал, с усилием повернулся на спину и замер, обратив неподвижные глаза к тусклому небу. Мария опустила планетолет на купку деревьев — кроны посыпались в стороны, стволы затрещали — и первой выскочила наружу.

Она упала возле Аркадия, схватила его, тормошила, целовала, громко звала:

— Сын мой, родной мой, мы нашли тебя, мы спасли тебя!

Он глядел на нее большими, серьезными, лишенными мысли глазами.

6

Кнудсен оглянул салон. Все пятеро снова были вместе — он сам, сидевший под изображением так странно похожего на него бога Хроноса; Мария, свободно откинувшая голову на спинку кресла, — ей шла эта непринужденная, не лишенная какой-то значительности поза; Бах, с ногами забравшийся в свое кресло — он любил, усаживаясь, превращать себя в подобие комка; Аркадий, бессильно распростершийся на диване; и Асмодей, отремонтированный, вычищенный, в своей любимой личине № 17 — для нее в его багаже оказался полный дубликат деталей.

— Были несчастья — преодолели, — сказал Кнудсен. — Что дальше?

Бах незамедлительно откликнулся:

— Одно из двух: либо улепетываем восвояси с этой негостеприимной планетки, либо задерживаемся на ней. Но для чего?

Мария поморщилась.

— Мне не нравится формула — улепетывать. И где расположено это твое “восвояси”? Воротиться на Землю? Выискивать новые негостеприимные планеты? Возвращаю тебе твой вопрос: для чего?

Бах, обожавший научные дискуссии, с увлечением начал спор.

— Очень даже для чего! Вспомни рейсовое задание. Открывать неизвестные цивилизации в мирах с иным физическим временем, поскольку в космосе неизвестных цивилизаций уже нет. И среди неоткрытых цивилизаций обнаружить ту сверхцивилизацию, тех воплощений Высшего Разума, которые три

миллиарда лет назад высаживались на Землю и так удивительно походили на современных людей. Дилоны причисляют себя к воплоителям Высшего Разума, но, думаю, не только Высший, но и обычный разум не всегда найдешь у прекраснодушных дилонов — не говорю уже о дубоватых рангунах, числящих себя вне добра и зла. И те и другие к тому же не человекоподобны. В общем, на Дилоне задание выполнить нельзя. Так в чем же дело? Искать в иных местах!

— Ты ясен, — сказал Кнудсен. — Аркадий?

Аркадий с усилием приподнялся. Исхудавшее, побледневшее лицо кривилось — не то от боли, не то от слабости. Он передыхал после каждых двух-трех слов, произнесенных слабым голосом:

— Да, не находим... Но дилоны, наши друзья... попали в беду... Предательство — оставить их...

Потратив минуты три на несколько фраз, Аркадий снова откинулся на диван. Мария с нежностью поправила накинутый на него плед.

— Ты, Мария? — спросил Кнудсен.

— Остаться, — твердо сказала она.

— Итак, тебя никто не поддерживает, Миша, — резюмировал Кнудсен. — Я тоже против того, чтобы покинуть Дилону сейчас.

— Ты приписываешь мне то, чего я не желаю, — хладнокровно отпарировал Бах. — Я и не думал предлагать бегство.

— Если я правильно понял тебя, Миша...

— Ты неправильно понял! Я сказал, что есть две возможности: уходить или оставаться. И каждую можно доказательно обосновать. И я показал, что бегство вполне укладывается в задание рейса. Но я вовсе не стремлюсь бежать с Дилоны. Наоборот, намерен уговорить вас на радикальные меры по оздоровлению планеты. В корне переменить существование рангунов и дилонов — вот моя идея!

— В наше рейсовое задание не вписано вмешательство в жизнь народов, которые мы повстречаем, — напомнил Кнудсен. — Людям только в исключительных случаях разрешено менять образ жизни инопланетян.

Бах ожидал такого возражения. Основа для серьезной дискуссии была создана. Она привскочил на кресле.

— Утверждаю, что на Дилоне исключительная ситуация, требующая нашего вмешательства. Совражество дилонов и

рангунов социально бессмысленно и морально нетерпимо. Нужно покончить с их враждой. И, чтобы разделаться с ней, вижу только одну эффективную меру. Вы спрашиваете — какую?

— Еще не спросили, но спросим.

— Покончить с бессмертием рангунов — вот единственный способ ликвидировать междоусобицы на Дилоне! — торжественно возгласил Бах.

Он наслаждался эффектом. Мария не сдержала возгласа негодования. Аркадий ничего не сказал, но было видно, как жестоко задела его слова академика. Один Кнудсен сохранил спокойствие, даже иронически улыбнулся — молчаливая улыбка отвечала какой-то собственной мысли.

— Ты хочешь уничтожить рангунов, чтобы ликвидировать их вражду с дилонами? — спросила Мария. — Радикально, конечно...

Бах энергично прервал ее:

— Но глупо — во-первых, и преступно — во-вторых, ты это хочешь сказать? Полностью согласен — преступно и глупо! Друзья мои, и мысли не держу уничтожать рангунов, это было бы чудовищно. Нет, надо просто превратить рангунов из бессмертных в смертных. Пусть живут долго, но бессмертие — ликвидировать! Ибо бессмертие аморально, а любая аморальность неизбежно становится преступлением. Хотите обоснований?

— Обосновывай! — разрешил Кнудсен. — Послушаем, как археолог превращается в философа.

Бах махнул рукой. Нет, в философа он не превратится, он из тех сверчков, что знают свой шесток. Но есть изначальные понятия, свойственные каждому, — он будет говорить о них. Итак, бессмертие. В принципе, в бессмертии нет злодейства, оно даже кажется высшим благом бытия — люди всегда мечтали стать бессмертными. Но, к счастью, значительно продлив жизнь, бессмертными так и не стали. Ибо что такое бессмертие? Отмена пределов жизни, иначе — превращение необходимости во вседозволенность. Ватута, доложу вам, не дурак, он сразу сообразил, что наши понятия добра и зла связаны с бранным бытием человека. Он издевательски обозвал человеческую мораль техникой безопасности нашего существования — и многое тут верно, не буду отрицать.

— Но посмотрите, — с увлечением ораторствовал Бах, — что следует из их удивительной философии, отвергающей великую формулу “надо”, издевающейся над понятием “польза”. В существовании исчезает разум, отыскивающий самый полезный и справедливый путь в голой необходимости жизни, — и оно само становится бессмысленным. Для чего им бессмертие? А ни для чего! Ибо не содержит в себе цели, просто есть и не требует никаких усилий. Но существование без деятельности невозможно — потребность в деятельности свойственна всему живому. Они деятельны, но деятельностью бессмысленной. Строить, чтобы разрушать, воевать ради войны. Даже жизнь свою не украшать, не улучшать, не совершенствовать! К чему ее совершенствовать? Украшательство от нужды, а они не знают нужды ни в чем.

— Что лихорадочная деятельность рангунов превращается в пустую хлопотню, мы знаем и без твоей лекции, Миша, — заметил Кнудсен.

— Нет! — воскликнул Бах. — Нет, Анатолий, не хлопотня, а трагедия. Хлопотливое строительство превращается в разрушение, деятельная война порождает уничтожение противника. Война на Дилоне не просто длится, она усиливается, она не может не усиливаться. И окончится она лишь взаимным истреблением дилонов и рангунов. Это неизбежно, друзья мои! Бессмертие неспособно вечно сосуществовать со смертной жизнью. Такое сосуществование взрывает само себя. И мы должны совершить гуманную операцию: ликвидировать бессмысленное бессмертие рангунов.

— Гуманную, ты сказал? — переспросила Мария. — Я по-иному представляла себе это понятие.

— Гуманную! — повторил Бах. — И это не парадокс. Настоящая жизнь у рангунов начнется, когда они покончат со своим бессмертием.

— Когда мы покончим с их бессмертием! — спокойно поправил Кнудсен.

— Да, мы! Сами они на это не пойдут, ибо не представляют себе нормальной жизни. Какие возможности интеллекта открывает жизнь, лишенная тупой бесконечности! Оберегать свою жизнь — и разрабатывать тысячи средств обережения! Превращать из короткой в долгую — и еще больше усиливать свой разум! Украшать существование, превращать его из только биологического в эстетическое! Заботиться о потомстве, которого

бессмертным не нужно, испытывать любовь, нежность, страсть — ведь всего этого они сейчас лишены. Наполнить жизнь любовью и красотой! Рангуны способны возводить дворцы, но прозябают в пещерах — такова цена их бессмертия. И когда увидят они, что конец жизни неизбежен, то постараются не только отдалить его, но и облагородить все, из чего складывается существование. Тогда и народятся те законы справедливости и добра, которых так не хватает рангунам сегодня.

— Какой гимн смерти! — сказала Мария, качая головой. — Вот уж не ожидала, что твоя любовь к парадоксам простирается так далеко.

— Гимн жизни, а не смерти! Мария, ты геноконструктор, ты творец жизненных форм, ты лучше нас должна понимать, что бессмертие неэтично, что только нормальная жизнь прекрасна. Ты ведь ни разу не создавала бессмертных животных.

— Просто не умею их конструировать. Не знаю, как бы я поступила, если бы умела.

— Зато я знаю. Отвергла бы бессмертных животных как объекты, лишённые стимула к усовершенствованию.

Бах с торжеством оглядел друзей. В том, что переубедил всех, он уверен не был, но что неотвергаемых возражений не встретит, не сомневался.

— Очень хорошо, — сказал Кнудсен. — Допустим, мы приняли твою концепцию аморальности бессмертия. И допустим, твое красноречие покорит и Ватуту, и всех его Бессмертных. Но как тогда внедрить у них это смертное существование со всеми его прелестями — любовью, заботой о продлении рода, украшениями быта? Имеешь конкретные идеи по этой части?

— Об этом пока не думал.

— Напрасно. У меня подозрение, что если рангуны и примут твои идеи об осмысленном существовании, то не согласятся со средствами, какие ты придумаешь.

— Я еще ничего не придумал.

— Зато я думал за тебя.

— Ты знал, что я хочу предложить?

— Догадывался, скажем так.

— Как ты мог догадываться?

— Думал о том же, о чем думал ты!

— И дошел до тех же выводов?

— Не дошел, а меня довели. Я разговаривал с природой.

— У тебя есть способ непосредственного общения со всей природой?

— Не со всей природой, а с ее полномочным представителем.

— Кто же этот полномочный представитель природы?

— Можешь посмотреть на него.

Кнудсен указал на Асмодея. Радость и смущение — для человекообразности — были порознь внедрены в сознание Асмодея. Но радостное смущение не было запрограммировано, он дошел до такого чувства собственным усилием. И ухмылку на его лице можно было назвать только радостно-смущенной. В отличие от киборга, капитан хронолета выглядел серьезным и хмурым. Бах воскликнул:

— Ожидаю чрезвычайных известий! Верно, Анатолий?

— Верно, Миша. Иначе как чрезвычайными не назвать те сведения, какие принес Асмодей из своего побега от хавронов. Спасаясь от них, он ускользнул не в фазовое время, что было бы проще, а унырнул в будущее. И по запарке оказался в далеком “потом”. Что он там увидел, я переведу на экран. Асмодей, садись в демонстрационное кресло. Сосредоточься на выдаче картин, а комментировать буду я.

7

Демонстрационное кресло помещалось в нише салона. Кнудсен выкатил его на середину.

— Первая картина на экране, — сказал Кнудсен.

Это было сражение киборга с хавронами. В сторонке, в поле бокового зрения Асмодея, промелькнул Аркадий с Саланой на руках, рядом торопился Уве Ланна. На Асмодея наседали хавроны, он отбивался — экран полосовали выбросы пламени изо рта ящера; падали, воя и извиваясь, лохматые солдаты. Потом взметнулся сорванный резонатором спинной гребень и, трепеща и содрогаясь в остаточной вибрации, покатился по земле. За гребнем посыпались другие части оболочки ящера. Пламя и дым ослабели. На экран вырвалась свирепая морда Клаппы — осатаневший хаврон пошел на единоличную схватку с киборгом. Картину затянуло туманом, в тумане сновали темные силуэты.

Кнудсен прокомментировал первую картину:

— Асмодей понял, что хавронов не одолеть, что Аркадий с дилонами успел убежать далеко в лес и что надо теперь бежать

самому. Обычный побег в пространстве исключался. Асмодей повернул регулятор хрономоторчика на предел, но выскользнул, как я уже говорил, не в боковое время, а напрямиком в грядущее. Посмотрите, что он там увидел.

Асмодей удирал не только во времени, но и в пространстве — мир на экране пустился в ошалелый пространственно-временной танец. Леса вырастали и рушились, в лесах бежали, как живые, реки — они бросались то вправо, то влево, вдруг пересыхали, вдруг набухали сверх берегов. Одна гора, оставаясь на своем месте, внезапно побежала за другой горой, та тоже стояла на месте и тоже бежала. Горы были невысокие, остроголовые — скорее крупные скалы, чем горы; их некогда выперло из недр, они держались подошвами в недрах — и вместе с тем непостижимо неслись по экрану вместе с державшей их почвой. Одна из гор догнала другую, рухнула на нее — взрыва не было, грохот не прозвучал, только мириады камней заполнили весь экран. Мария отшатнулась, в лицо ей метнулась глыба, но, не долетев, пропала. Мир путался в самом себе, расшвыривал и судорожно захватывал все, чем был: леса, горы, небо, реки, даже светила — одна Гаруна бледнела и терялась, падая за горизонт, другая увеличивалась и накалялась — с экрана повеяло жаром. Мария прикрыла рукой лицо, Аркадий что-то пробормотал, Бах вскрикнул.

— Тысячи лет истории планеты, сконцентрированные в минуты хронобега Асмодея, — прокомментировал Кнудсен. — Сейчас Асмодей впадает в ужас, что забрался чрезмерно далеко, и пытается затормозить бег времени. Картина третья. Полюбуйтесь, что ждет Дилону через два или три тысячелетия.

Экран уже не показывал ошалелый бег изменений во времени, теперь мир менялся в пространстве. Асмодей проносился на экране над городом дилонов. Груда обломков чернела там, где он когда-то высился. Ни одного дилона не виднелось среди обломков, только в сторонке от бывшего города темнело нагромождение предметов. Асмодей устремился к нему — горка мертвецов, трупы, одни трупы. Собрание мертвых тел унеслось в сторону — киборг бежал из страны дилонов.

— Картина четвертая: рангуны, — сказал Кнудсен.

Рангунов тоже не было. Не было и города с попеременно возводимыми и разрушаемыми зданиями — такая же груда развалин, что и у дилонов. В восемь глаз всматривались хронавты в мертвую площадку в горах, где в прошлом так шумно

сновали лохматые обезьяноподобные хавроны, смиренно плелись пленные работяги дилоны, важно вышагивали на журавлиных ногах бочкообразные рангуны. В сторонке от погибшего города мелькнула какая-то фигурка, Асмодей устремился к ней. У голубого великана-дерева сидел рангун, он скорбно взирал на них. Такого рангуна не могло быть, он был очень стар — еще ни одного старика не встречали люди среди Бессмертных. Все запертые сейчас в хронолете были в цветущем возрасте: кто просто юн, кто уже в зрелой поре — ни одного ребенка, ни одного старца. У ног старика, на земле, высветились две фигурки — ребенок, раскинувший ручки, и второй старец, много дряхлей первого. Оба были еще живы, еще слабо шевелились, но смерть уже вцепилась в них — и ребенок и старец замирали. Живой старик плакал, трясая седой головой.

— Как похож этот ребенок на Ватуту! — воскликнула Мария.

— А плачущий старец — копия Кагулы, Бессмертного № 29, моего, смею думать, доброго друга среди рангунов, — сказал Бах. — Но как он чертовски постарел! Просто безмерно стар! А кто все же третий? Во время суда надо мной присутствовали все Бессмертные — ни один не похож на умирающего старика. И на тех, кто сейчас на корабле, не похож.

— Возможно, мы захватили не всех Бессмертных, — отозвалась Мария. — Но неужели через два тысячелетия останутся только эти трое умирающих? Асмодей, можешь мне ответить?

— Только трое, Мария. Я несколько раз облетел всю Рангуню, никого больше не было.

— Картина пятая, — объявил Кнудсен. — Присмотритесь теперь к светилам: в них перемены, предвещающие важные события.

На экране сильно увеличилась Гаруна Голубая и столь же сильно потускнела Белая. Мария повернулась к иллюминатору, чтобы поглядеть, что снаружи: но там свирепо сверкала Гаруна Белая, томно светила Гаруна Голубая, ее скромное сияние терялось в неистовом излучении Белой сестры. А на экране Голубая звезда забивала Белую. Бах задумчиво сказал:

— Впечатление, будто Гаруна Голубая перетянула Дилону поближе к себе. Но как это возможно?

— Впечатление правдивое, — сказал Кнудсен. — Я выключаю экран, остальные картины не так интересны и не так важны. Асмодей, ты свободен.

Асмодей выскочил из тесного кресла и, страшно довольный, что вызвал у людей волнение, пристроился у стены. Улыбки разных сортов не были заранее для него разработаны, он был оснащен лишь ухмылкой, но умел сам разнообразить ее — сейчас она изображала почти торжество. Картины грядущего были трагичны, торжествовать было не ко времени, но Асмодей радовался, что свое дело — добыть важные известия — проделал отлично.

— Я не астрофизик и не хронист, — сказал Бах. — Мария в хронистике смыслит не больше моего. Объясни нам, Анатолий, возможно ли зафиксировать грядущее зримой картиной? Ведь грядущего еще нет, оно только грядет, как же фотографировать то, чего нет? По-моему, видения Асмодея обычные футурологические прогнозы, лишь облеченные в живописные картины.

Кнудсен ответил:

— Нет! Картины Асмодея не гипотезы, а фотографии реальной действительности. И хоть это действительность далекого завтрашнего дня, она не становится от этого менее реальной.

— Значит, и города дилонов, и города рангунов, и сами дилоны, а с ними рангуны с хавронами реально погибнут в скором будущем?

— Нескоро, но непременно погибнут.

— Тогда повторю свой вопрос. Как заранее сфотографировать то, чего еще нет? Никогда не слыхал об этом!

— И этим доказываешь, как далек от астрофизики. Уже пять веков назад астрофизики знали, что реально существует то удивительное явление, которое ты и сегодня отказываешься признать: реальной картиной увидеть грядущее. Именно тогда они обнаружили необычайные звезды и выразительно наименовали их черными дырами. При некоторых условиях обычная звезда вдруг схлопывается, превращается из огромного космического тела в небольшой шарик с невообразимой плотностью — в миллиарды раз плотней воды. Все частицы, все кванты света, пролетая мимо такой звезды, поглощаются ею, как бы проваливаясь в дыру. Для постороннего наблюдателя звезда выпадает из времени, погружается в вечность. А если бы на ней существовал наблюдатель, он, наоборот, увидел бы, как все окружающее время стремительно сжимается, превращается из необозримо длинной линии в точку. И этот наблюдатель воочию увидел бы все будущее вселенной — вплоть до последнего мига ее существования. И — будь у него фотоаппарат — сфотографи-

ровал бы бесконечное грядущее как сиюминутную реальную картину. Вот что знали астрофизики двадцатого столетия и чего ты, Миша, не знаешь в столетии двадцать шестом.

— Принимаю упрек в невежестве. Но почему Дилону ожидается такое трагическое будущее? Можешь объяснить это так, чтобы я понял?

Кнудсен видел трагедию Дилоны в том, что она обретается в сфере притяжения двух звезд. В местном космосе Гаруна Голубая чужеродна. Эту звезду как-то вышвырнуло из мира антивещества в местный мир. В пространственном “недалеке”, очевидно, имеется галактика из таких же звезд, как она. Для местного космоса та галактика невидима, она схлопнулась в точку, закуклилась в самой себе — тот самый “фридмон”, закрытый наглухо звездный мир, о котором немало писали еще в двадцатом веке, но который пять последующих веков так и не удалось обнаружить. Так вот, выброшенную из фридмона Гаруну Голубую снова втягивает туда, она неотвратно тянет за собой и прихваченную планету. В настоящем на Дилоне действуют оба времени — прямое и обратное. Этим и объясняется рассинхронизация в телах дилонов, единственная их хворь, как они нам горестно поведали.

— По-твоему, и они, и их города погибли в будущем... извини, погибнут в будущем от усиливающейся рассинхронизации?

— Они погибнут раньше! Усилится их вечная война с рангунами — вот отчего погибнут дилоны. А рангуны потеряют свое биологическое бессмертие.

— Тогда новый вопрос: почему они его потеряют?

Кнудсен пожал плечами, Мария сказала:

— Мне кажется, это лучше растолковать мне. Я все думаю о том умирающем младенце с лицом Ватуты.

И Мария объяснила, что бессмертие рангунов циклично, а не линейно. Люди ведь как рисовали образ бессмертного существа? Бытие тянется вечно, все вокруг стареет и уничтожается, а бессмертный — например, божество — пребывает в неизменности. “Дурная бесконечность” — так презрительно называл когда-то подобную повторяемость философ Гегель. А писатель Свифт поиздевался над бессмертием, законсервировав навечно не молодость, не зрелость, а немощь и дряхлость. У него некие струльдбруги, лишь достигая старости, обретают бессмертие — жалкое, безрадостное, полное мелких свар и лишений. Так вот,

бессмертие рангунов совсем иное. В нем гармонически соперничают два тока времени — прямой и обратный.

В этом месте Бах прервал Марию:

— Я доказал вам, что бессмертие рангунов аморально, а ты заговорила о гармонии в зле и бессмысленности? Гармония — это красота! Аморальность — уродство!

Мария с улыбкой возразила:

— Не переходи меру, Миша! В отличие от человека, природа не признает прямых линий и дурных бесконечностей — даже свет искривляется в поле тяготения. Гармония в природе одинакова и в том, что мы называем злым, и в том, что расценивается как добро. А биологическое бессмертие рангунов создано природой.

Противоборство времен, продолжала Мария, почти не меняет процессов в мертвой природе. Зато живая ткань чувствительней. Деревья омертвляются, когда в них возникает переброс времени, дилоны заболевают рассинхронизацией, а рангуны избежали рассинхронизации, переходя от одного тока времени к другому. Так создалось циклическое бессмертие: когда господствует время Гаруны Белой, они развиваются в прямом направлении — взрослеют, постепенно стареют. А когда пересиливает Гаруна Голубая, столь же постепенно совершают обратную эволюцию — и молодеют. Амплитуда между старением и омоложением пока не очень велика, сами рангуны, возможно, и не ощущают, что молодеют и стареют. Но видения Асмодея показывают, что циклическое движение в дальнейшем превысит жизненные пределы. Цикл расширит свои границы. Рангун в прямом развитии докатится до старости, а в обратном низвалится до младенчества. А при дальнейшем раздвижении цикла превзойдет и эти граничные межи: одни будут умирать от дряхлости, ибо за дряхлостью нет продолжения жизни, а другие от прогрессирующего младенчества, ибо за ним еще не началась жизнь. Так прекратится циклическое бессмертие рангунов.

Некоторое время в салоне стояла тишина. Капитан хронолента прервал затянувшееся молчание:

— Итак, перспектива ясна: никакой перспективы! Не говорю о будущей катастрофе, но и сейчас все скверно. Вещий Старец обвиняет нас в обострении войны...

— Ты хочешь вмешаться в их борьбу?

— Мы уже вмешались, Миша. Мы силой освободили тебя, а всех Бессмертных взяли в плен. Остановиться на этом нельзя. Я хочу прекратить войну рангунов с дилонами.

Бах высоко поднял брови.

— Прекратить войну, которую ведем не мы? Но как? Воспретить ее специальным приказом? Провести среди противников красноречивую агитацию?

— И это, не смейся! Для агитации используем твое красноречие, Миша. Я уничтожу все боевые арсеналы на Дилоне. Сделаю войну технически невыполнимой — вот мой план. Ликвидирую все виды оружия, все технические возможности войны. “Гермес” не уйдет с Дилоны, пока не выполнит этой первоочередной задачи.

С дивана раздался слабый голос Аркадия. Штурман хронолета все обсуждение промолчал, а сейчас, с усилием приподнимая голову, вступил в разговор:

— Анатолий, ты сказал “первоочередная задача”. Значит, есть задачи второй и третьей очереди? Асмодей показал, что жизнь на Дилоне должна погибнуть. Она уже и сейчас гибнет, омертвление распространяется... Если бы вы блуждали в том лесу... Равнодушно покинуть планету перед катастрофой!.. Такие оснащенные, такие могущественные!.. Бездействовать перед свирепым своеволием природы!..

Он снова откинулся на диване. Его жалоба воспламенила увлекающегося Баха. Археолог энергично хлопнул себя по коленям.

— А что? Идея! Побороться не с рангунами и хавронами, а с самой природой! Те же дилоны... Они кое в чем превосходят нас, но куда больше отстают; а ведь ставят перед каждым задачу — опровергнуть хоть один закон природы. Чем мы хуже их? Так давайте опровергнем безобразие, которое устраивает астрофизика с Дилоной!

— Что конкретно предлагаешь?

— То самое, что требуется! Увести Дилону от Голубой Гаруны. Воротить в лоно родной звезды, чтобы больше не было ни хроноворотов, ни рассинхронизаций, ни чертового циклического бессмертия. А средства — ваше дело, астрофизики!

С дивана снова подал голос Аркадий:

— Анатолий, астроинженеры меняют орбиты планет. Та же Урания... Ее ведь отвели от Латоны незадолго до твоего прилета.

Кнудсен вслух размышлял:

— Это произошло, когда Гриценко налаживал свою первую хронолабораторию. Использовали вулканическую потенцию

Урании: одни вулканы притушили, другим надали жару. А отдача от их взрывов превратилась в космическую двигательную силу. Урания умчалась в направлении, противоположном тому, куда извергались вулканы. Были и тормозные вулканы, остановившие ее бег в заданное время.

— Короче, превратили Уранию в ракету, а потом затормозили в нужном месте, — сказал Бах. — Вот и решение. Разожжем на Дилоне вулканы и отгоним от Гаруны Голубой на орбиту Гаруны Белой.

Кнудсен покачал головой.

— Миша, Дилон — планета, где легко вызвать недротрясения. Но вулканизма она лишена. В ней отсутствует раскаленное ядро.

— Не имела, так будет иметь! Заразить ее недра искусственным жаром! Использовать для этого естественный атомный реактор, открытый вами в какой-то долинке.

Кнудсен задумался.

— Превратить ослабевший ядерный реактор в искусственный вулкан? Можно попробовать... Кстати, на Земле естественные атомные взрывы уже происходили. В Африке, в Нигерии, нашли остатки ядерного реактора, образовавшегося путем слияния жидких урановых руд в критическую массу. Правда, это было полтора миллиарда лет назад, и ядерный взрыв был несильным... Хлопок в атмосферу, а не вулкан.

— Об открытии в Нигерии я тоже знаю. Но мы на Дилоне разожжем пожар, которому позавидует сам огненный работяга Гефест или его римский тезка Вулкан. Между прочим, у римлян Вулкан обладал великой привилегией на десять лет отсрочивать любой приговор судьбы. Даже Юпитер не имел таких прав, а бог огня противостоял самой судьбе. Вот какое уважение он заслужил — можно сказать, был первым опровергателем законов мироздания. Слепая судьба гонит Дилону на гибель в какую-то черную яму...

— Черную дыру, — спокойно поправил Кнудсен.

— Я так и говорю — черную дыру схлопнувшегося звездного мирка. А мы не дадим судьбе своевольничать — у нас вулкан не на десять лет, а навсегда отведет от Дилоны уготованный ей скорбный жребий!

Кнудсен заговорил тоном командира, принявшего окончательное решение и отдающего приказы исполнителям:

— Вулканом займешься ты, Миша. Помощником твоим назначаю Асмодея. Тебе, Мария, ставлю задачу дипломатическую. Ватута именует тебя Повелительницей. Но искренно ли его смирение? Если ты убедишь рангунов, что можно спасти Дилону, немалая часть затруднений будет преодолена. Нужно и от дилонов получить согласие. У Миши еще при первой встрече завязалась дружба со Старейшинами — воспользуемся этим. А я буду отыскивать и уничтожать технические средства войны. Поможет мне Аркадий. Он еще слаб, но выздоровление наступит скоро.

Кнудсен глядел на распростертого на диване молодого хроноштурмана. Суровое лицо капитана “Гермеса” светилось ласковой улыбкой.

8

Мария часто посещала помещение, отведенное пленным рангунам, — и Бессмертные встречали ее с такой приветливостью, что она казалась радушием. Уже не один Ватута, но и остальные Бессмертные показывали, что видят в Марии истинную Повелительницу — она подозревала, что кое-кто готов причислить ее к обладателям Высшей Силы.

Лишь одно тяготило пленных — и Мария хотела сыграть на этом, как на козырной карте. Уже на второй день плена, когда несколько усмирилось смятение от нежданного поворота судьбы, Ватута с сокрушением признался Марии:

— Все хорошо, Повелительница, но, видишь ли, нам нужно дело. Мы принципиальные враги безделья. Кагула, Бессмертный № 29, горюет, что строительство и разрушение в городе лишено надзора, он у нас Верховный Строитель-Разрушитель. Ленивые дилоны способны лишь на длительные размышления о пустяках, а хавроны нерадивы...

Мария в той беседе строго оборвала Властителя Бессмертных:

— У людей создалось нехорошее впечатление о вашей хлопотне, — он сознательно употребила презрительную оценку Баха. — И мы постараемся подыскать вам занятие поэфффективней.

— Полезное, да? Коротышка археолог, он же Бах, поведал нам, что люди признают единственное божество — пользу. Он не преувеличивал? — В очень вежливом, почти смиренном

вопросе Ватуты Мария уловила иронию. Возможно, чтобы скрыть ее, Ватута склонился в почтительном поклоне.— Повелительница, мы будем работать на вашу пользу.

— На свою пользу, Ватута! Для себя, а не для нас.

Ватута снова поклонился. Мария могла бы поручиться, что его угодливые поклоны совершаются не столько для свидетельства покорности, сколько чтобы скрыть насмешку в глазах.

И отправившись выполнять задание капитана хронолета, Мария готовилась напомнить Ватуте о его просьбе приобщить их к делу. Рангуны повскакали со своих мест и поспешили навстречу Марии. Радостно ухмылявшийся Кагула протиснулся ближе всех — этот веселый Бессмертный всегда старался стать рядом с ней. Мария дружески положила руку на его плечо, Кагула счастливо осклабился. К нему пробилось еще двое Бессмертных, Кадана и Варана: один выглядел немного постарше Кагулы, другой был юн. Везде возле Кагулы появлялись эти двое — не то закадычные друзья, не то верные помощники Верховного Строителя-Разрушителя.

В стороне ото всех в своей теперь обычной смиренной позе стоял Ватута — даже в его нарочитом смирении ощущалась величественность, он уже одним этим выделялся среди Бессмертных. Мария направилась к нему, сопровождаемая Кагулой и его двумя спутниками. Говорить надо было со всеми, но обращаться предпочтительно к нему: речь должна прозвучать как слово истинной Повелительницы — значительно и категорично.

— Друзья мои! — Мария встала против Ватуты и подчеркнула голосом обращение, еще ни разу не слышанное пленными. Все Бессмертные уже хорошо владели человеческим языком, особенно Ватута и Кагула, — на них не могло не произвести впечатление новое обращение. — Друзья мои! Мы узнали, что ждет в скором будущем вашу планету. Перспективы нерадостные. Понадобятся совместные усилия людей и рангунов, чтобы избежать больших несчастий.

В помещение вошли Асмодей и Бах. Мария, показав на Асмодея, рассказала, как он ускользнул от хавронов, как унесся в будущее и что обнаружил в том будущем.

— Сейчас вы и сами увидите, что видел наш друг.

Асмодей развернул на стене экран, поставил перед ним демонстрационное кресло. Бах тихо заговорил с Марией.

— Мы с Асмодеем вернулись из радиоактивной долинки. Облетели ее, взяли пробы пород, индикаторами просветили

недра на глубину. Обнаружена урановая жила с повышенным содержанием легкого урана. Идеально делящийся материал! И если жилу растворить в воде — а она растворима — и слить урановый ручеек в обширную пещеру, то образуется тот самый объем урана, который ядерщики именуют критическим. Пустоты в недрах тоже найдены — природа сама заготовила помещение для горна.

— В общем, на Дилоне созданы все условия для своего Кракатау, — с улыбкой дополнила Мария.

— Не Кракатау — в сотни раз мощней! Ведь тот знаменитый Кракатау — что? Побушевал в августе 1883 года, погубил сорок тысяч человек и иссяк. Мы создадим вулкан непрерывного действия, к тому же постепенно нарастающего — другой не годится. Нужна твоя помощь, Мария. Нужны рабочие — хавроны, дилоны, рангуны. В общем, все черти с дьяволами. И ангелы в роли прорабов.

— Позабочусь, — пообещала Мария, и Бах ушел.

Большой экран в помещении для пленных давал изображение и крупней, и отчетливей показанного в салоне — Мария повторно всматривалась в видения киборга, открывая в них новые детали. И комментировала картины грядущего обстоятельней, чем Кнудсен: бочкообразные Бессмертные и понятия не имели о том, что представлялось естественным для хронавтов.

— Теперь вы знаете, что ждет вашу планету, — закончила Мария.

Рангуны взволнованно переговаривались — и человеческими голосами, и еще более непонятными Марии рыком и клекотом: в отличие от дилонов Бессмертные свободно высказывались на разные голоса. Кагула громко прокричал Ватуте человеческими словами:

— Это был ты, Ватута, я увидел хорошо, я увидел! Но почему ты превратился в младенца, почему ты превратился, Ватута?

— Это был я, — мрачно согласился Ватута. — Я не знаю, Кагула, почему я превратился в ребенка. Я никогда не был ребенком. Я не мог стать ребенком. А тот плачущий старик — ты, Кагула. Ты был стариком, Кагула.

— Я был стариком, я был, — печально сказал Кагула. — Я видел себя стариком, Ватута. А то тело, что лежало у моих ног, это же Дилай, Хранитель Энергии, он лежал у моих ног, он лежал!.. Ватута, скажи свое великое решение, скажи. Этого же не

может быть, чтобы Дилай умер, Бессмертный № 1, твой предшественник, Ватута. Скажи решение, Ватута, скажи!

— Право решения принадлежит Повелительнице! — Ватута зло показал на Марию.

Она слушала их восклицания, всматривалась в их возбужденные лица — и ей вообразилось, что она не на космическом корабле, в кругу пленных врагов, а в каком-то детском саду, среди детей, которые играют в Бессмертных. Что было бы с рядовыми людьми, не экипажем хронолета, узнай они, что в скором будущем на Земле погибнет все живое? Мария усмехнулась, столь разительно иной представилась реакция людей на грозное известие. Дети, большие дети — странная цивилизация, достигшая технических высот, но не вышедшая из интеллектуального младенчества. От этого, от законсервированного младенчества, и ребяческое их самолюбие, и неосознанная жестокость, и стремление все превращать в игру — детское влечение строить, чтобы тут же разрушать. Все окружающее — набор игрушек! “Дети, — думала она, — сообщество вечных детей, так и не приблизившихся к взрослости — вот истина их поведения; она вовсе не в порочности их бессмертия, как выдумал Бах. Сегодня же докажу ему, что люди, стань и они бессмертными, отнюдь не выйдут из мира морали, отнюдь не станут по ту сторону добра и зла, и деятельность их, по-прежнему разумная и полезная, отнюдь не превратится в подобие детской хлопотни, как он зло именуется младенческую игру в бессмертие”.

Ватута впервые изменил предписанному себе смирению.

— Ты улыбаешься, Повелительница! — закричал он. — Пригрозила великими несчастьями — и улыбаешься! Ты радуешься, Повелительница!

— Я улыбаюсь своим мыслям. И ты верно понял — радуюсь.

— Тому, что планете угрожают беды?

— Нет, тому, что это так взволновало вас. Вижу в этом хороший знак. Я ведь предупредила, что лишь соединенные усилия всех — рангунов, дилонов, хавронов — могут предотвратить надвигающуюся беду.

— Дилоны — наши вечные враги, Повелительница. Они ненавидят нас. Мой министр Прогнозов и Ведовства Кун Канна... Мы захватили его в плен, вознесли на такую высоту, а он? Вдруг восстал и погиб, пытаюсь наброситься на меня. Все дилоны такие.

— Пусть отношение дилонов к вам тебя не беспокоит. Важно ваше отношение к ним. Хочу устроить твою встречу с Гуннар Гунной. Будешь возражать?

Ватута, видимо, решил, что не следует перебирать в противоборстве. Он покорно склонил голову.

— Твоя воля, Повелительница! Будут еще приказы?

— Будут, Ватута. Войну рангунов с дилонами запрещаю. Строительство и разрушение прекращаются. Освободившиеся жители: вы, ваши солдаты хавроны, ваши пленники дилоны — в общем, все население направляется на строительство важного объекта, которым руководит твой бывший пленник, твой — уверена — будущий друг.

Ватута кивнул Кагуле.

— Ты слышал приказ Повелительницы, Кагула?

— Я жду твоего решения, я жду...

— Будешь командовать всеми строителями объекта Баха.

— Понял. Большое строительство вдалеке от города. Наши мерзкие враги дилоны, наверно, нападут на строителей, Ватута? У них такие резонансные орудия, такие орудия!

Ватута выразительно скривил львиное лицо.

— Повелительница запретила войну.

— Дилоны не нападут, — твердо сказала Мария.

— Будем строить, — радостно сообщил Кагула. — Выстроим и сразу разрушим. Наш бывший пленник будет доволен, он будет...

Мария не сдержала новой улыбки. Представление о рангунах как о народе взрослых младенцев укреплялось. Кагула огорчился, услышав, что строительство разрешается, и самого высокого класса, а разрушение запрещено. Бессмертный № 29, в отличие от Властителя, и не собирался демонстрировать покорность. Он удивился — зачем же строить, если потом нельзя разрушить? Мария растолковала, что таковы обычаи людей: люди, построив, не разрушают, а надолго сохраняют возведенное.

— Повелительница, — сказал Ватута, — разреши заметить, что, находясь на корабле, мы не сможем выполнить твои приказы. Значит ли это, что ты освобождаешь всех пленных?

Мария не колебалась.

— Все освобождаются, Ватута. Вы нам не враги, а добрые знакомые, и в будущем, я надеюсь на это, — друзья.

Спустя короткое время, уже в салоне хронолета, она повторила капитану корабля и Аркадию, о чем договорилась с Бессмертными.

— Против освобождения рангунов у меня возражений нет, — сказал Кнудсен. — Твои решения одобряю.

— Тебе что-то не нравится? — Мария видела, что он чем-то недоволен.

— Не то, чтобы не нравилось... Тревожусь.

— Что тебя тревожит?

Кнудсена тревожило многое. Хватит ли на всех радиозащитных костюмов, если Кагула ретиво погонит на площадку все население Рангунии? Рангуны узнали, что в будущем им грозит гибель, но дошло ли до них, что и в случае спасения они лишаются своего нынешнего бессмертия? Что вечная повторяемость жизненного цикла прекратится? И что нынешнее их преимущество перед дилонами исчезнет — все будут одинаково смертны.

— Я на этом внимания не концентрировала.

— Вот-вот, не концентрировала! Как нынешние Бессмертные поведут себя, когда поймут, что бессмертию пришел конец? И как воспримут известие, что все орудия войны уничтожаются?

— Я объявила, что запрещаю войну. Они подчинятся.

— Но о ликвидации всех военных средств ты не говорила?

— Об этом не говорила.

Кнудсен покачал головой.

— Это не одно и то же: не воевать — и не иметь орудий войны. Они могут возмутиться, узнав, что их лишают оружия.

— Не думаю. Ватута хорошо запомнил, как я единственным излучателем в руке парализовала их волю к сопротивлению. Вряд ли он осмелится испытать еще раз наши средства обороны.

— Ты считаешь их разновидностью детей. Поступки детей не всегда предсказуемы. Но оставим эту проблему на будущее. Пока ты вела переговоры, я задействовал наши датчики и анализаторы. Имею схему всех батарей, всех мастерских, где собираются боевые аппараты. Работают дилоны, охраняют хавроны, руководят рангуны. Четырех рангунов тебе не удалось захватить в пещере. Вот их имена — Урана, Китата, Хрон, Парача. Те самые Бессмертные, которые даже торжественные собрания в Тронном зале не посещают — без перерыва дежурят на боевых

постах. Они подчиняются велениям Ватуты, а командовал ими погибший Кун Канна. Нужно, чтобы они сдали оружие.

— Ватута велит им.

— Если захочет, — с сомнением проговорил капитан хронолета. — Я не так уверен в его покорности, как ты. Еще одно: как они называли того старичка, который умрет у ног постаревшего Кагулы?

— Дилай, Бессмертный № 1. И титул у него немаловажный — Хранитель Энергии.

— Номер один... наверно, не случайно! И такое звание — Хранитель Энергии! Очень интересно...

— Чем так привлекает твое внимание Дилай?

— Тем, что его нет. Наши приемники настроены на специфическое излучение рангунов. Аппараты точно фиксируют каждого рангуна, где он ни находится и как ни укрыт. А Бессмертного № 1 они не фиксируют. Он есть, но его нет. Нигде нет, Мария!

9

Бах с увлечением докладывал капитану хронолета, что строительство искусственного вулкана в Долине гибели — так называют это место и рангуны, и дилоны — идет успешней, чем он рассчитал. На большой глубине обнаружена вместительная пустота; хавроны с бывшими пленными дилонами резонаторами пробивают туда спуск — отличный инструмент для раздробления пород, похвалил резонаторы Бах. Они превращают руду в порошок, а нагнетаемая в жилу вода растворяет руду. Скоро высокоактивная жидкая смесь ринется в подготовленную пещеру — и зародится искусственный вулкан.

— Надеюсь, без большого недротрясения? — осведомился Аркадий. Он уже ходил и начал помогать Кнудсену в поисках арсеналов. — После вибраций, что бросали нас с тобой на землю, я не чувствую любви к тряске.

Бах заверил, что вулкан начнет работать постепенно. Недротрясения рангунов — ведь что? Взрыв и волна от взрыва, еще взрыв — и еще волна. Они с Асмодеем оборудуют нарастающее извержение из огнедышащего горнила, а не взрыв. Разница!

Узнав, что Мария подготавливает свидание Гуннар Гунны и Ватуты, Бах пожелал участвовать во встрече. Он, можно сказать, приятель Вещего Старца, столько переговорено на разные

темы — очень интересно снова повидаться. И с Ватутой надо побеседовать: Властитель Бессмертных хоть и приговорил его к казни, но приговор вынес без злобы — это нельзя не ценить. В общем, он считает свое участие в переговорах необходимым!

Планетолет — его вел Аркадий — опустился на Ратушной площади, окруженной руинами зданий. Ватуту сопровождал его любимец Кагула. Людей и рангунов встретил один из Старейшин. Бах с Аркадием уже совершали путь через залы Проникновения и Предварения, Мария видела этот путь на экране в салоне хронолета, но Бессмертным он был внове: Ватута, чтобы не нарушить своего достоинства, не показывал живого интереса, но Кагула, жадно осматриваясь, даже останавливался, чтобы получше все рассмотреть. Мария с удивлением обнаружила, что Ватута нервничает: львиное лицо покраснело, руки подрагивали. А Бах отметил, что тяжелые события последнего времени внесли перемены в ритуал шествия: никто не подумал усаживать их перед зеркалом Проникновения, никто не задерживал в зале Предварения для вопросов и ответов. И еще больше поразило Баха, когда он вошел с Аркадием к Старейшинам, поредение в зале. “Какое малодилонство!” — переиначив привычное слово “малолюдство”, сказал себе Бах.

Старейшины поднялись со своих мест, когда вошли люди с рангунами. И на этот раз дилоны не размещались по разным амфитеатрам, сообразно функциям и чинам, а сконцентрировались все на одном, предоставив противоположный амфитеатр рангунам. Люди встали между двумя группами недавних врагов. Мария торжественно начала:

— Вы хорошо знали друг друга, но еще никогда не виделись. Я рада, что устраиваю вашу встречу в час примирения. Отныне прекрасную вашу планету, столь долго сжигаемую пламенем беспощадной вражды, осенит вечный мир. Большая беда угрожает Дилоне, если такого вечного мира не наступит.

Она сделала Ватуте знак приблизиться. Ватута не шел, а вышагивал. Теперь не только Мария, но и Бах, и дилоны, впервые увидевшие Властителя Бессмертных, могли разглядеть, как сильно Ватута волнуется. И Марии, увлеченной идеей, что бочкообразные рангуны — популяция детей в облике взрослых, увиделось, будто нашаливший мальчишка ждет выговора за проказы. Ватута так потерялся, что, приблизившись к Гуннар Гунне, молча стоял перед ним, не поднимая головы. А Старейшина Старейшин скорбно взирал на Властителя рангунов как на

нашкродившего сорванца, явившегося с повинной. И еще отметила Мария удивленной мыслью, что оба они: короткорукый, цилиндрофигурный, рослый рангун, пышущий здоровьем и силой, и согбенный, длиннорукий, хвостатый старец-дилон, — несмотря на все их различия, в чем-то, более важном, чем внешнее несходство, очень схожи. “Это оттого, что у них почти одинаковые львиноликие головы”, — подумала она.

Вещий Старец, не разжимая рта — даже обычного слабого визга не услышалось, — протелепатировал Ватуте — Дешифраторы ввели в сознание людей его слова:

— Столько лет мы знали в тебе нашего злого врага, великий Ватута. Столько лет ты гордился титулом Верховного Злодея. И вот ты явился возвестителем дружбы. Можно ли в это поверить?

Видимо, Властителю рангунов нужно было услышать Старейшину Старейшин, чтобы быстро отделаться от смущения. Он принял обычную надменную позу и громко ответил на человеческом языке, демонстрируя уважение к людям:

— А почему бы и не поверить, Гуннар Гунна? Разве вы не опровергаете законов природы? Опровергнуть законы природы куда трудней, чем изменить себя. Я ведь меньше природы, не так ли?

— Резон в этом есть, — согласился Вещий Старец. — Ты незначительная часть природы и потому меньше, чем вся она. Но надо поразмыслить, что трудней: преодолеть частный закон природы или преодолеть самого себя? Ибо для себя каждый не часть, а всеобъемлющее целое, и потому...

Ватута прервал его с поспешностью, показывающей, что он знает о способности дилонов отдаваться глубоким размышлениям и побаивается, что размышление будет чрезмерно продолжительным:

— Я не сам переделывал себя, Гуннар Гунна. Мне велели восстать против себя. Нами командует Высшая Сила — вот она! — он показал на Марию и добавил, не скрывая злорадства: — Вы, дилоны, тысячекратно объявляли себя воплощениями Высшего Разума. Теперь вам предстоит убедиться, что Высший Разум вынужден покоряться Высшей Силе.

Старейшина Старейшин с сомнением смотрел на Марию. Бах, стоявший рядом с Гуннар Гунной, вдруг почувствовал, что не может отвести от Марии глаз. “Она прекрасна! — с восхищением сказал себе академик. — Не Афродита, конечно, но прекрасна!”

Мария, захваченная врасплох неожиданным обращением Ватуты, только переводила глаза с рангуна на дилона. Раскрасневшаяся, она ждала какого-то выпада против себя и готовилась дать отпор. “Нет, гораздо красивее валькирии с той картины, — думал Бах, — но эти хвостатые и бесхвостые, смертные и бессмертные ничего не понимают в человеческой красоте!” Он впервые видел Марию такой — стройной, решительной, вдохновенной, — и ему стало жаль, что потеряно столько времени: ни разу не любовался ею, только разговаривал и спорил.

Гуннар Гунна снова повернулся к Ватуте.

— Ты сказал, Ватута, Высший Разум должен покориться Высшей Силе? Стало быть, ты отделяешь Разум от Силы? Я должен поразмыслить, верно ли твое утверждение.

Ватута бросил с торжеством:

— Пусть глубокий анализ разъяснит тебе, почему вы, воплощатели Высшего Разума, всегда отступали перед нами, которым отказываете не только в Высшем, но даже в простом разуме? И почему ни один рангун не давался вам в плен, а у меня твоих дилонов, вещий Гуннар Гунна, в плену больше, чем у тебя под свободной властью?

Мария властно прервала их — Аркадий сделал знак, что передача подготовлена:

— Теперь смотрите на экран!

Пока на экране возникали видения Асмодея и потом, во время объяснений Марии, Бах украдкой присматривался к зрителям: дилоны держались много сдержанней, чем люди в такой обстановке. Мария объявила короткий перерыв для раздумья. Бах заговорил с Гуннар Гунной. Старейшина Старейшин охотно откликнулся на призыв к беседе.

— Я очень рад снова видеть тебя, пришелец, — протелепатировал он. — Не скрою, еще недавно вы были мне неприятны, я так и сказал вашему капитану Кнудсену. Ибо ваше появление вызвало обострение войны с проклятыми рангунами. Какие разрушения, какие потери! Ты видел наш прекрасный город, пришелец. Что осталось, спрошу тебя? Что сохранилось в нашей любимой столице?

— В городе много развалин...

— А наши замечательные дилоны! — скорбно продолжал Вещий Старец. — Пришелец, помнишь ли ты великолепного Стирателя Различий Рина Ронну? Как он открывал сходство у самых несхожих понятий! В том, что мы приняли вас с таким

гостеприимством, его огромная заслуга! Такой Стиратель погиб! А юноша Уве Ланна, глубочайший мыслитель, будущее светило Высшего Разума, он так проникновенно постиг ваши души и ваши цели! Помнишь его блистательный доклад о вас в этом зале?

— Наш друг Аркадий Никитин пытался спасти бедного Уве Ланну, но не смог. И его подругу Салану — они ее нашли — спасти не удалось.

— Уве Ланну погубила любовь к Салане, — с грустью объявил Вещий Старец. — Я знаю об ужасном переходе двух дилонов и пришельца Аркадия Никитина через мертвый лес. Еще ни одно живое существо не пересекало ту область гибели. Великая участь была суждена глубокому Уве Ланне, высокая честь — погибнуть самому, отдавая всю свою жизненную силу подруге. А нам — скорбеть о нем.

Бах посчитал, что настал момент выяснить впечатления Вещего Старца от увиденного на экране.

— Вспомни нашу первую встречу в этом зале, — потребовал Гуннар Гунна. — Вспомни, что я тебе тогда говорил. Ты спрашивал, почему я печален? Я разъяснил, что печален, ибо провижу будущее. Я говорил, что губительные хроновороты расширяются и что их могут поставить под свою власть ненавистные рангуны и наслать их на нас — и тогда великому народу дилонов конец. И вот теперь на экране мы увидели, что я узнал в результате длительного размышления и что уже и тогда терзало мою душу. Пришелец! Дилоны никогда не ошибаются в своих прогнозах. Осуществилось, что я предсказывал. Хроновороты захватили всю планету и погубили все живое, не только нас, но и рангунов. Это им расплата за злодеяния.

Бах понял, что мысль Вещего Старца пошла в нежелательном направлении и способна породить нежелательные выводы. Он энергично внес поправки в рассуждения Старейшины Старейшин.

— Грядущую катастрофу вызовут не рангуны, а слепая стихия природы. Гибель Дилоне несет Гаруна Голубая. Несчастный Рина Ронна говорил мне, что время Гаруны Белой — ложное, Гаруны Голубой — истинное.

— Да, теперь мы узнали, что Голубой звезды нужно опасаться больше, чем Белой, — с чувством высказался Гуннар Гунна. — Вы нам открыли горестную истину, что все рассинхрони-

зации создаются ею. Мы отныне ненавидим Голубую звезду, вот такие важные перемены совершили ваши открытия, пришелец.

Бах деликатно объяснил, что его мало интересуют астрономические эмоции дилонов, — ему важно знать, поддерживают ли Старейшины планы людей. На это Вещий Старец ответил вдохновенной речью. Он всецело за проекты людей. Его покоряет, что увод планеты от злотворной Голубой Гаруны прекратит рассинхронизацию дилонов. Его восхищает, что прекратится, наконец, возмутительное бессмертие рангунов, пусть они станут смертны, как все живые, — лишь тогда возникнет между их двумя враждующими народами настоящая дружба. А что люди уничтожат все орудия войны, переполняет его горячей благодарностью. Рангуны безмерно вооружены, это нетерпимо. Конечно, охранные маяки следовало бы сохранить, ведь доверять рангунам опасно. Но он пойдет на демонтаж последнего маяка, если враги искренно разоружатся. Пусть пришельцы не сомневаются: дилоны завтра же присоединятся к тем, кто вышел на строительство первого вулкана в Долине гибели.

— Не только первого, но и последнего, Гуннар Гунна. Очень рад твоему благоразумию. Впрочем, от воплощений Высшего Разума иных поступков, кроме разумных, мы и не ожидали.

— Подожди еще минутку, — попросил Вещий Старец. — В прошлую встречу ты поставил мне мучающую людей важную задачу и я пообещал, поразмыслив, дать на нее скорый и точный ответ. Но несчастья этих дней, разрушение города... У меня не было возможности сосредоточиться. Попрошу тебя еще погодить, пока я сумею свободно углубиться в столь трудную проблему. Ты, разумеется, понял, что я говорю о том, сколько можно разместить ангелов на острие иглы.

— Дело не к спеху, я подожду, — пообещал академик.

Пока Бах беседовал со Старейшиной Старейшин, Ватута, еще сильнее волнуясь, чем при встрече с Гуннар Гунной, заговорил с Марией:

— Повелительница, сегодня ты сообщила нам много нового. Выходит, при уходе от Гаруны Голубой на орбиту Гаруны Белой рангуны теряют свое бессмертие? Это неизбежно?

— Вам нужно выбирать между гибелью всех рангунов и смертным существованием, которое вы сможете продлевать на долгий срок. Долгое существование не так уж разнится от бессмертия.

Ватута мрачно усмехнулся. Это был первый случай, когда он разрешил себе улыбнуться в присутствии Марии.

— Выбирать между гибелью и смертью, Повелительница? Еще одно. Ты не только запретила войну, но и хочешь уничтожить все наши боевые средства, все запасы оружия?

— Уже уничтожаем, — сказала она спокойно.

Он долго не отрывал от нее хмурого взгляда.

— Разве недостаточно, что не будет войны? Зачем лишать нас средств защиты?

— Ватута, отсутствие оружия есть лучшая гарантия мира.

— Я-то понимаю, — сказал он холодно, — но не уверен, что дилоны, при их неистощимой изобретательности...

— Оружия не должно быть ни у кого. Мы за этим будем следить.

Он опять усмехнулся.

— Да, пока вы здесь. А когда улетите? Последний вопрос: вы говорите, что являетесь везде с миссией мира, но зачем тогда сами так вооружены? Вы подавили нас силой, а не добрым словом. Разве могущественное оружие равнозначно слову дружбы?

На его обвинения можно было ответить исчерпывающе и неотразимо. Но она не захотела спора, которого не слушают другие. Она сказала с подчеркнутой холодностью:

— Поставь свои вопросы перед всеми. И выскажи свои несогласия.

Он сделал шаг назад, склонил голову, широко разбросил в сторону руки — уже знакомый ей знак покорности.

— Какие несогласия, Повелительница? Рангуны выполняют все твои веления. Не уверен, что Гуннар Гунна сможет поступить так же без предварительного размышления, а оно у него длится так долго...

Гуннар Гунна, словно угадав насмешку Ватуты, высказался коротко. Дилоны поддерживают пришельцев. Дилоны завтра же выйдут на строительство вулкана. Мария с тревогой ждала речи Ватуты. Но, как и обещал, он не объявил возражений. Успокоенная Мария предложила разъезд.

— Я так устала, Аркадий, — пожаловалась она в планетоле. — Столько страха перед последним выступлением Ватуты...

Кнудсен в салоне всматривался в мнемосхему. С момента нападения на Аркадия и Баха Мария не видела у капитана хронолета таких злых глаз.

— Что у вас? — спросил он Марию и Аркадия.

— Встреча бывших врагов прошла отлично, — ответила она. — Возражений не было. Наш план принят. Рангуны улетели к себе, дилоны собирают собратьев. Завтра строительная армия получит прибавку рабочих. Что у тебя?

Он показал на огоньки, вспыхивающие на мнемосхеме.

— Взрываем арсеналы рангунов. Сейчас не это главное.

— Тебя что-то тревожит, Анатолий?

— Да, тревожит. Ватута сразу после вашего совещания поднял восстание. Его поддержали все рангуны, много хавронов. Самые крупные арсеналы заблокированы, уничтожить их дистанционно я не могу — нужна прямая атака. Объявился таинственный Дилай, он снабжает восставших оружием. Очень сожалею, что он умрет лишь в будущем и, лишенный бессмертия, все же доживет до глубокой старости. Нужно покинуть хронолет. Охрану его доверим автоматам. Аркадий, грузи в планетолет оружие.

Мария быстро встала, Аркадий выбежал.

— Я готова, — сказала Мария. — Куда идем, Анатолий?

— На стройплощадку. Ватута повел на нее яростное нападение. Будем выручать Мишу и Асмодея.

— Оружие погружено, — прокричал Аркадий, появившись на миг в салоне.

10

На подлете к стройплощадке стало видно облако пыли. Мария подумала было, что вулкан начал действовать. Кнудсен ответил, что пыль от извержения будет другой. Еще в воздухе планетолет затрясся. Кнудсен направил его на вершину единственной скалы в центре Долины гибели, здесь размещались командные аппараты строительства. Все вокруг содрогалось и вибрировало. Аркадий выбежал наружу первый и после нескольких неуверенных шагов свалился, поднялся и снова рухнул — еще не окрепший, устоять на сотрясаемой почве он не мог. Кнудсен помог ему подняться и с минуту поддерживал, пока Аркадий не укрепился на ногах. На капитана корабля тряска почти не действовала — он только раскачивался, широко расставив ноги. И подав Марии руку, когда она спускалась на землю, он посоветовал:

— Не пытайся противостоять качанию почвы, на это не хватит сил. Покачивайся, как качает, лишь бы не свалиться.

Откуда-то издалека прибежал Бах. Коротенький археолог даже не пошатывался — сказалась многолетняя привычка таскаться по руинам, где все потеряло устойчивость.

— Где Асмодей? — спросил Кнудсен.

— Защищает колодец, куда подается вода под давлением.

— Нужна ему немедленная помощь?

— Думаю, рангуны скоро потеснят его и передвинутся поближе к этой скале.

— Доложи обстановку подробней, Миша.

Бах считал, что на стройке имеются две опасные точки. Первая, где сражается сейчас Асмодей, — колодец в рудную жилу, в него нагнетается вода, растворяющая руду. Если выведут из строя насосы, прекратится подача раствора в подземную пустоту и станет невозможным создание критической массы. Восставшие отлично понимают значение этого места и обрушили на него удары своих резонансных орудий. Асмодей энергично отбивается, используя захваченные резонаторы рангунов, а также наши корабельные вибраторы, настроенные на противофазу: те либо полностью поглощают залпы вражеских орудий, либо сокращают амплитуду резонансных колебаний.

— Что не мешает, однако, почве и в стороне от сражения трястись как в лихорадке, — заметил капитан хронолета.

— Почва тут только трясется, Анатолий! А если бы Асмодей не гасил резонанс, все бы здесь взметывалось и рушилось, камни взлетали до неба и скалы рушились в преисподнюю.

— Очевидно, преисподняя неподалеку, — пошутила Мария.

— Мария, ты и не догадываешься, как права! — весело воскликнул Бах. — Преисподняя точно под нами!

И он объяснил, что под скалой, на которой они стоят, на глубине в несколько километров обнаружена та обширная пустота, куда сейчас стекает активный раствор. Заполнение пещеры, предназначенной стать ядром вулкана, совершается по узкой естественной расщелине. И это самое уязвимое место всей стройки! Резонансный удар по расщелине, любое недротрясение, проникшее на глубину, способно полностью оборвать сток раствора в пещеру. И если этого еще не произошло, то лишь потому, что у рангунов в обиходе орудия для поверхностных сейсмических волн — они ведь направлены против дилонов, а те даже на такую маленькую глубину, как рангуны в пещерах, никогда не забираются. Но бывшие пленные рангунов, ныне солдаты Асмодея, говорят, что несколько таких глубинных ору-

дий сконструированы и есть опасение, что Ватута доставит их к месту боя.

Кнудсен обратился к помощнику:

— Аркадий, назначаю тебя комендантом “преисподней”. Все дилоны, направляемые Вещим Старцем, в твоём распоряжении.

Аркадий попросил еще хавронов. Он присмотрелся в плену к эти лохматым бестиям — народ работающий и исполнительный, а по физической силе один хаврон превосходит двух дилонов. И они, как и рангуны, быстро усваивают человеческую речь, чего дилоны не умеют. Кнудсен пообещал отдать всех хавронов, какие встанут за них.

Автоматы быстро выгружали из планетолета боевую аппаратуру. Аркадий указывал, как размещать ее на скале, вознесшейся над “преисподней”. В Долину гибели выдвинулся отряд дилонов во главе с самим Гуннар Гунной. Вещего Старца сопровождали три Старейшины: Конструктор Различий, Стиратель Различий и Брат Дешифратор. Два первых шествовали поодаль, Брат Дешифратор держался рядом со Старейшиной Старейшин. Хронавтов удивило, что Верховный Провидец бледен, растерянно оглядывается, шагает неуверенно. Импульсивный Бах решил, что надо подбодрить главу дилонов и сделать это должен он, больше всех людей дружески беседовавший с Вещим Старцем. Он подбежал к Старейшинам.

— Друг Гуннар Гунна! Почему ты так склонил свою могучую голову? Узнал о восстании Ватуты? Неужели тебя испугал безрассудный поступок этого авантюриста? Ты сам называешь его Верховным Злодеем, он оправдывает сейчас это свое позорное звание. Или ты сомневаешься в нашей скорой победе над восставшими?

Брат Дешифратор трудился изо всех сил, переводя быструю речь академика в понятные дилонам мозговые волны. Кнудсен посоветовал Баху настроить свой ручной передатчик на телепатический язык дилонов, корабельный компьютер наконец выдал код перевода слов в волны мозга. Вот здесь на циферблате стоит индекс З-П, это ячейка для общения с дилонами: теперь можно беседовать, пользуясь одним своим аппаратом. Бах включил кнопку З-П. В это время Вещий Старец, выслушав телепатический перевод Брата Дешифратора, выдал ответную передачу:

— Пришелец, я знаю о восстании Ватуты. И знал об этом еще до того, как он восстал. Он удалился от нас, а я впал в глу-

бокое размышление и скоро постиг, что он вышел из зала Сочещаний не для мира, а для войны. И когда Братья Дешифраторы доставили мне горестное известие о восстании, в нем не было для меня ничего неизвестного. Снова и снова твержу вам, иновременники: рангунам нельзя верить, на их обещания нельзя полагаться. Но пугает меня не новая война. Я провижу грядущую победу, хотя под ногами у нас сотрясается почва. Нет, не война страшит меня, а другое.

— Поделись своими страхами.

Вещий Старец вытянул правую руку и, не поворачиваясь, обвел ею вокруг себя. Удлинившаяся рука, обернув спину, вышла с другой стороны и уперлась десятипалой ладонью в свое плечо.

Четверо хронавтов с уважением отметили, что даже безвременно погибший Рина Ронна не вытягивал так свободно руки, хотя и мастерски пользовался этим эффектным жестом.

— Меня удивляет и пугает, пришельцы, — неторопливо телепатировал Старейшина Старейшин, — что вы выбрали для спасительной стройки самое убийственное место на планете. В области хроноворотов гибнет все живое.

— Все верно, в этом месте жизнь не может появиться — слишком велика радиоактивность, — подтвердил Бах. — И любое существо, пришедшее со стороны, должно здесь погибнуть, если не имеет защиты от грозных ядерных излучений. Но у нас есть такая защита. А выбрали это место потому, что только здесь можно устроить ядерное расплавление глубинных пород. Нет, от стихийных сил природы мы защищены надежно! Единственная опасность — нападение рангунов!

Приободрившийся Верховный Провидец известил людей, что не боится рангунов. Он по-прежнему не верит этому коварному народу, но глубокое размышление убедило его, что пришельцы, именующие себя людьми или хронавтами, гораздо сильнее рангунов. И хоть те используют подвластных им хавронов и многочисленных пленных дилонов...

В этом месте Бах довольно бесцеремонно прервал неторопливое размышление Вещего Старца:

— Ты прав, великий Гуннар Гунна, мы, объединенные, мощней заклятых врагов. Но надо срочно обрушить нашу мощь на атакующих. Идем на выручку нашего друга Асмодея. Не хочешь ли сопровождать нас?

Гуннар Гунна после непродолжительного раздумья согласился. Трое хронавтов с Гунной и его свитой вошли в частично разгруженный планетолет. Корабль взмыл.

Место сражения с армией Ватуты угадывалось издали не только по густой туче пыли, но и по лихорадочной трескотне вибраторов. К хронавтам и Старейшинам метнулся запыленный Асмодей и радостно крикнул:

— Пока держимся! Немного отступили, но основные позиции сохраняем.

Кнудсен сурово сказал:

— Чего ты ликуешь? Отступление — не повод для восторга. Замешательство не было свойственно киборгу.

— Смотря какое отступление, капитан. Это отступление для успокоения врагов. Я снял с обороны две трети моих солдат. Пусть Миша объяснит, а мне некогда. Скорей давайте новые вибраторы, они дьявольски нужны.

Асмодей побежал командовать выгрузкой оружия. Бах объяснил, что одного не успел рассказать, когда докладывал обстановку. В окружающих Долину гибели горах, на высоте, в глубокой воронке, образовалось озеро. Если пробить из него канал в радиоактивный котлован, то и насосов не понадобится: вода под собственным давлением пойдет по всей рудоносной жиле. Сделать это раньше, чем рангуны доберутся до насосов, — и первая фаза боя выиграна: новообразованный бассейн рангунам не вычерпать. Асмодей снял лишние войска с обороны, чтобы форсировать канал.

К хронавтам снова подбежал Асмодей.

— Я на линию боя. Кто со мной?

Он умчался, не дожидаясь ответа. Роботы тащили с планетолета оружие. Люди пошли за ними. Немного подумав, трое Старейшин с Верховным Главой неторопливо последовали за ними.

Линия обороны проходила по склону двух гор, замыкавших Долину гибели. Кнудсен недовольно сказал Баху:

— Военной тактике ты не обучен. Позиции нападающих гораздо сильнее наших: они на склоне, а мы в низине.

Академик пожал пухлыми плечами.

— Не обучен военному искусству, верно. Впрочем, как и ты. Ты забываешь, что восстание началось внезапно. Солдаты Ватуты уже подбирались, когда мы и не подозревали, что они готовятся напасть.

Мария сказала с волнением:

— Безумцы! Ватута гонит своих солдат на верную смерть! У нас есть защита от ядерных излучений. А на что надеются рангуны? Если хавроны и победят, ворвавшись сюда, то вскоре после победы погибнут.

— Возможно, они не знают об опасности ядерных излучений?

— А кто назвал это местечко Долиной гибели? Нет, Ватута намеренно жертвует своими солдатами.

— Не только ими, но и собой. — Бах показал на дальний склон голой горы. В отличие от Марии и Кнудсена, академик обладал столь острым зрением, что не нуждался в оптике.

Мария долго вглядывалась, потом сказала:

— Он и другие Бессмертные. Анатолий, разреши мне прогнать всю эту свору с горы.

— Чтобы спасти от убийственного излучения? — спокойно поинтересовался капитан корабля.

— Чтобы угрозой немедленной гибели спасти от гибели не столь близкой.

— Тогда готовься! Снаряжение уже выгружено.

Вскоре воротился убежавший на передовую позицию Асмодей. Оружие было доставлено в самый критический момент, шел сильный натиск хавронов. Он преодолен, но в двух местах отступили. Рангуны готовят решающий штурм, подтягивают новые резонансные орудия. Они встретят отпор, но новое сокращение обороны не исключено. Кнудсен сердито сказал:

— Наотступаемся, пока не отдадим насосов. На человеческом языке это будет называться поражением, Асмодей!

Впервые киборг выглядел растерянным.

— Сделаем что сможем...

— У нас имеются и другие боевые средства, — сказал Бах. — Почему бы не использовать артиллерию хронолета: ядерные курдины, например. Они вмиг разнесут в пыль и прах все позиции противника.

— Да, разнесут, — с горечью сказал Кнудсен. — Но вместе во всеми, кто залег на позиции, — рангунами, хавронами, пленными дилонами. Хорошая миссия мира — истреблять сопротивляющихся! Хороший план спасения планеты: сейчас уничтожить тех, кого планируем спасти от гибели в дальнейшем! Запомни, Миша: что бы здесь ни случилось, корабельная артиллерия не будет задействована!

— Но наши вибраторы!.. — пробормотал смущенный Бах.

— Они убийственны только для тех, кто сунется под прямой удар. Вызывают болезненные потрясения, выводят из строя, но никого не превращают в пламя и пепел! Разница, Миша!

К ним подошла Мария. Киборг удивленно глядел на свою создательницу — она была в боевой форме. Мария сказала:

— Анатолий, все исправно: гравитатор обеспечит полет, силовая защита предохранит от вибраций, а излучатель однажды уже парализовал психику рангунов и хавронов — и сейчас действует не хуже.

Асмодей радостно осклабился.

— Капитан, позволь и мне в набег! Давно хочется врукопашную, в смысле — с огнем из глаз и пальбой из бластера... С того боя у пещеры, где я один против целой шайки...

У него прожекторно вспыхнули глаза. Кнудсен прервал отрадные воспоминания киборга:

— Летите вместе!

С места, где стояли хронавты, хоть оно было и в низине, хорошо наблюдался полет Марии и Асмодея на склон горы, где затаились нападающие. Гравитаторы не обеспечивали ни высокого подъема, ни большой скорости, но оба приближались к противнику достаточно быстро. Кнудсен не отрывался от бинокля. Бах и без бинокля разглядел, как шарахнулись от Марии выскочившие из укрытий враги.

— Воительница! — восторженно орал Бах. — Нет, какая воительница! Все перед ней падают. Анатолий, взглядишь, как она атакует!

Кнудсен опустил бинокль и холодно проговорил:

— Напрасно ликуешь, Миша. Рангуны падают, а не замирают. Вспомни пещеру, где она спасла тебя. Сегодня нападение не удалось. Ватута понял, что излучатель — короткофокусный, далеко не разит.

Теперь и Бах разглядел, что сражение не так радужно, как поначалу представилось. Враги разбегались от Марии, а не цепенели, парализованные облучателем. Она настигала то одного, то другого, настигнутый валился и снова поднимался, когда она преследовала другого. В пещере рангунам некуда было бежать, здесь они умело рассредоточивались. И те, что оказывались позади Марии или Асмодея, вдогонку направляли на них резонаторы. Ватута скрылся — ни Бах своим невооруженным глазом, ни Кнудсен в бинокль не углядели его среди сражающихся.

— Нет, но почему облученные сразу поднимаются? — вдруг вознегодовал Бах. — Они же парализованы! Асмодей проверял все облучатели, ни один не отказывал.

Кнудсен усмехнулся.

— Недооценили Ватуту. Он не сомневался, что мы применим парализаторы. Присмотрись — и рангуны, и хавроны надели на головы металлические сетки, чтобы ослабить излучение.

— Тогда надо скорей выводить обоих из боя, пока их не сразили резонаторами, — сказал обеспокоенный археолог.

— Я уже послал приказ возвращаться.

Возле Кнудсена и Баха опустились Мария и Асмодей. Асмодей ухмылялся: ему понравилось, что противники разбегались врассыпную.

— Трусые! — выразился он о вылазке в стан противника. — Никто не принял честного боя один на один.

Мария расценивала вылазку иначе.

— Полная неудача! Я и подумать раньше не могла, что нападение с таким оружием, как парализаторы, не даст никакого эффекта.

— Эффект есть, но не тот, какого мы ожидали, Мария, — Кнудсен говорил как всегда спокойно и неторопливо. — Ватута знает, что мы не собираемся уничтожать рангунов, только отбрасываем их, и принял свои меры. Посмотри вправо, куда умчался Асмодей. Там скоро прорвут нашу оборону.

На правом крыле по-прежнему клубилась пыль, оттуда доносился режущий визг резонаторов, распарывающих гранит. Диллоны, оборонявшие подступы к насосам, сражались молча, телепатируя один другому команды Асмодеев. Неподалеку тонкая струйка воды стекала в небольшой приямок. Три компрессора, высасывая воду из приямка, вгоняли ее в колодец. Из пыли вырвался Асмодей.

— Прорвали? — спросил капитан хронолета.

— Прорвали! Остановил их на последней линии. Люди, спасайтесь! Скоро хавроны Ватуты перенесут свои резонаторы и прицельно ударят по насосам. Я приказал убираться всем, кто прокладывает канал с горы в долинку. Побегу обезвреживать заряды, заложенные по склону. Ими хочет завладеть Ватута. Я ему этой радости не дам!

С горы спускались рабочие. Асмодей приказал им идти к Аркадию — укрепить “преисподнюю”.

— Курдины бы сюда, Анатолий! — чуть не простонал Бах. — Хоть бы одну! Пойми, колодец уступать нельзя.

— Не смей и упоминать о них! — отрезал Кнудсен. — Асмодей! Не надо извлекать заряды. Надо взорвать их. Сможешь?

— Конечно, смогу, но для чего? Их слишком мало, чтобы взрыв образовал канал. Пустая трата взрывчатки.

— Не пустая, нет! — Кнудсен осматривал вершину горы. — На Дилоне не было вулканов, но планета по структуре сейсмоактивна. Те недротрясения, что учиняют рангуны, были бы немыслимы, будь она иной. Взрыв на склонах горы может пробудить дремлющие силы. Взрывавай заряды, Асмодей!

Асмодей умчался. Позади молчаливой группой стояли Старейшины. Кнудсен подошел к Гуннар Гунне.

— Друзья мои! — взволнованно сказал капитан хронолета. — Нужна ваша помощь. Скоро сюда прорвутся передовые отряды Ватуты. Конечно, мы могли бы физически уничтожить всех рангунов...

Гуннар Гунна с несвойственной ему поспешностью прервал Кнудсена:

— Так сделай это! Если рангуны не сдаются, почему бы не уничтожить их? Разве не ясно, пришелец, что в борьбе двух противников уничтожение одного из них — лучший способ прекратить борьбу?

— Это не наш способ, Гуннар Гунна. У людей свои правила морали. Слушай мою просьбу. Вы умеете в длительных размышлениях находить опровержения законов природы. Я поставлю тебе задачу попроще: поразмысли и найди такой способ, чтобы мы могли разоружить рангунов, никого не истребляя. У нас могущественные боевые средства, но единственное безвредное оружие — временно парализующие излучатели — решительно отказало, а всякое другое — уничтожает.

— Ты правильно поступил, что обратился к нам за помощью, — величаво одобрил Вещий Старец. — Ибо вы, пришельцы, просто разумны, а мы воплощатели Высшего Разума. Я сделаю все, чего ты требуешь.

И он немедленно впал в такую сосредоточенность, что при очередном толчке почвы не устоял на ногах. Два других Старейшины — Различник и Стиратель — едва успели подхватить его под руки. Он и остался так недвижно стоять — двое поддерживали его, а он, опустив величественную голову, не выходил из глубокого размышления.

Кнудсен отошел к своим. Мария и Бах молчаливо следили за бегущим вдалеке Асмодеем. Хавроны, захватившие главную линию обороны, обстреливали киборга: то спереди, то по бокам, то позади Асмодея взлетали фонтанчики пыли. Асмодей вдруг упал — не то добежал до нужного места, не то свалился, сраженный.

— Не поднимается! — глухо произнесла Мария.

И, словно отвечая ей, над склонами горы поднялся огненный столб. До людей донесся грохот взрывов, снизу вверх по горе промчался смерч из пламени и камней. Огромные глыбы взлетали и рушились. Асмодей все не поднимался.

— К нему! — Мария побежала наверх, за ней поспешил археолог.

Кнудсен нагнал друзей, когда они стояли над местом, где упал Асмодей. Киборг успел выйти к цепи зарядов, успел включить взрывную машину, но спастись от падающих глыб не успел. Вокруг валялись разрозненные части того, что еще несколько минут назад составляло прекрасную фигуру и совершенный механизм — сорванная с шеи голова с рожками, торчащими из кудрей, разmozженное туловище, изломанные руки, развалившиеся на сочленения ноги. Мария остановившимися глазами смотрела на груды обломков, оставшуюся от ее детища. Бах увидел моторчик индивидуальной силовой защиты и с негодованием пнул его — защита надежно предохраняла от ручных резонаторов, но против рушащихся глыб была бессильна.

Кнудсен прервал горестное молчание Марии и Баха:

— Друзья, соберите останки Асмодея, похороним их, как похоронили бы останки отважного человека. Он выполнил свою боевую задачу и погиб. Посмотри на гору. Нам больше не нужно оборонять насосы.

С горы рушился водопад. Тысячи тонн воды, грохоча и пенясь, устремились в Долину гибели. Бах, отведя взгляд от ново-созданного водопада, с болью проговорил:

— Я просил... Один залп курдины — и наш друг был бы цел!

Кнудсен резко повернулся и пошел назад. Мария позвала его — капитан хронолета не ответил и не обернулся.

11

Аркадий знал, что времени на подготовку обороны “преисподней” в обрез: сразу после падения защитной линии у

колодца наступит его черед отражать атаку всей армии Ватуты. Кнудсен передал, что Мария с Асмодеем совершили нападение на атакующих и что вылазка была неудачна. Аркадий должен торопиться.

Аркадий не торопился, он был готов.

А затем донесся грохот взрывов на склоне горы, запиравшей Долину гибели, и он увидел водопад, ошалело ринувшийся из верхнего озера в котлован. Вода с ревом заполняла долинку. На единственном возвышении — скале, нависшей над “преисподней”, — скапливались беглецы. Аркадий всматривался в далекую линию обороны — там оставались друзья, они все еще не появились.

Первым прибыл Гуннар Гунна со своей свитой, за ними Кнудсен. Аркадий кинулся к капитану хронолета с вопросом, где остальные.

— Асмодей погиб, Мария и Миша скоро появятся, они собирают его останки. У тебя все в порядке?

— Пусть Ватута приходит — его солдатам не поздоровится.

Кнудсен стоял спиной к новой оборонительной линии, лицом к котловану Долины гибели. Уровень воды поднимался, она уже доходила до колен последних защитников первой линии, торопившихся к спасительной “преисподней”. Ни Марии, ни Баха не было видно.

— Скоро Ватута не подойдет, — сказал Кнудсен. — Новое озеро над бывшим колодцем спутало его планы — надо преодолевать воду. Он найдет средство для переправы, но на это ему понадобится время.

— Марии и Миши еще нет, — с тревогой сказал Аркадий.

— Уже идут, — ответил Кнудсен и отошел к Старейшинам.

Мария и Бах брели по пояс в воде. Аркадий спустился со скалы и помог им выбраться наверх. Бах сложил в кучку останки киборга.

— Вот и весь Асмодей тут, — произнес археолог. — Я так привязался к нему!

— Мария сконструирует нового Асмодея, — сказал Аркадий.

Мария грустно покачала головой.

— Если вернемся на Латону. Но это будет уже другой Асмодей. Может быть, и лучше, но другой.

Кнудсен беседовал со Старейшиной Старейшин.

— Пришелец, я выполнил твою просьбу, — торжественно протелепатировал Великий Провидец. — Воплотители Высшего

Разума, как тебе известно, свободно решают самые сложные задачи. Я подверг всестороннему изучению твою проблему и окончательно постиг, что нет никаких известных нам средств, способных усмирить проклятых рангунов без физического уничтожения. Я уже объяснял тебе, что этот коварный народ...

— Немного же ты постиг, Верховный Воплотитель Высшего Разума, — с горечью проговорил капитан. — Я и без твоего глубокого размышления знал, что у меня нет никаких средств...

Дилоны, похоже, что-то переняли от людей — Старейшина Старейшин совсем по-человечески прервал Кнудсена:

— Ты не понял меня, пришелец! Нет известных средств, но есть неизвестные. При опровержении законов природы, нашем, как ты знаешь, любимом занятии и непременном долге каждого дилона... В общем, природа для своих законов применяет известные всем средства, а чтобы их опровергнуть, мы конструируем нечто природе неизвестное...

Кнудсен с загоревшимися глазами ждал продолжения.

— Пришелец, единственная тяжкая болезнь дилонов — рассинхронизация организма. В отличие от нас, рангуны избежали разрыва времени в своих телах, ибо освоили свободный поворот своего целостного времени на обратный ход; на этом, как тебе известно, основано их бессмертие. Так вот — опровергни целостность их жизненного времени! Порази их рассинхронизацией головы и тела, желаний и поступков. У вас такие аппараты, такие хроновозможности!.. Спутай время в рангунах!

Старейшина Старейшин еще не окончил, а у Кнудсена уже возник план действий.

— Понял. Благодарю!

Он быстро направился к помощникам. Давно они не видели своего хмурого капитана таким оживленным, почти радостным — состояние отнюдь не по объективной ситуации борьбы с восставшими.

— Друзья, Вещий Старец подсказал мне прекрасный новый план, но надо продумать, как его выполнить, — сказал он, предваряя вопросы. — Обсудим возможности сообща. Сделаем это в хронолете.

Аркадий оглядел подготовленные для обороны позиции.

— Мне тоже покинуть “преисподнюю”? А если нападение произойдет раньше, чем ты ожидаешь?

— Оставайся. Потом сообщим тебе детали нового плана. Остальные — в планетолет.

Бах задержал капитана.

— Анатолий! Я знаю, ты рассердился на мой упрек... Я о курдинах... Случайно вырвалось, прости!

Кнудсен мгновенно стал холодным, почти враждебным.

— Прощаю, но с условием: никогда больше ни случайно, ни преднамеренно не наталкивай меня на такие средства борьбы!

Он первым вошел в планетолет и молчал, пока не ввел небольшой корабль в трюм хронокрейсера.

В салоне, усевшись на привычное свое место под образом лохматого бога Хроноса, капитан хронолета начал обсуждение нового плана неожиданными словами:

— Мне стыдно, что идею рассинхронизации рангунов предложил Вещий Старец, ничего не смыслящий в хронистике, а мы, хронисты и хронавты, даже отдаленно не подошли к этой великолепной мысли!

После такого энергичного вступления Кнудсен изложил саму идею. Бах мгновенно загорелся.

— Я не хронист, хотя и хронавт, то есть путешественник во времени. Я археолог и мало смыслю в хрономоторах, хроногенераторах и хронотрансформаторах. Но мне кажется, что аппаратура, в которой я мало смыслю, вполне пригодна для рассинхронизации наших врагов.

Мария согласилась с Бахом. Она тоже немного смыслит в аппаратуре и тоже уверена, что эта аппаратура отлично спутает жизненное время в рангунах. Кнудсен вскочил.

— И вы не ошибаетесь в своей уверенности! Идемте на склад резервных механизмов.

На складе, у стеллажей, заполненных приборами, Кнудсен показал на громоздкие стационарные хроногенераторы.

— Приглядитесь к ним! У каждого из нас на скафандре хрономоторчик такого же типа, как этот, но слабей. И вы знаете, что, пользуясь им, можете менять свое собственное время — убыстрять и замедлять, создавать фазу к основному течению. Такой хрономоторчик, даже частично разлаженный, выручил Аркадия в лесу хроновампиров. А эти громоздкие аппараты — хроноорудия. Они — для нападения, а не для защиты. Обстрел хроноимпульсами выводит неприятеля из его сиюсекундности, выбрасывает в иное время. Выводить из нашего времени рангунов бесполезно, с ними придется сражаться и в ином времени. Вещий Старец подсказал иное использование орудий. В них ведь можно менять и скорость, и фазу хроноимпульса.

— Я поняла, Анатолий! — сказала Мария. — Скорость времени меняется по-разному в разных частях организма — вот и рассинхронизация. А вывод в фазу рассогласовывает совместные действия рангунов, ибо каждый уходит в фазу неодинаково с соседом.

Кнудсен хохотал. Бах, тоже обрадованный, поглядывал на него с удивлением — академик и не подозревал, что его старый друг способен на бурные выражения чувств. Отхохотавшись, капитан сказал:

— Теперь грузим два хроноорудия и — к Аркадию!

Аркадий встретил друзей с облегчением. На противоположном берегу новосотворенного озера рангуны собрали громоздкое сооружение — не то плот, обнесенный металлическими щитами, не то широкопалубную лодку, и установили на палубе массивные орудия-резонаторы, какие Ватута готовил для уничтожения колодца и какими намерен теперь закупорить подземную щель из озера в пещеру.

Кнудсен наблюдал в бинокль возню на другом берегу.

— Отлично придумано! Ватута не глупец, но он думает, что у нас только одно орудие — парализаторы. От них он защитился надежно — и сетками на головах, и металлическими щитами на плоту. Но мы ему приготовили сюрприз. Аркадий, сколько времени понадобится рангунам, чтобы пересечь озеро?

— Через час они будут у “преисподней”.

— Часа нам хватит.

Кнудсен объяснил идею нового сражения. Аркадий, гораздо лучше разбирающийся в аппаратуре, чем Бах и Мария, пришел в восторг.

— Прошу доверить расправу с противниками коменданту “преисподней”, — сказал он весело. — Искривление времени однажды уже спасло меня, теперь оно выручит нас всех.

Но Мария тоже захотела участвовать в хроносражении.

— Вы называете меня воительницей. Какая же я воительница, если не воюю? Аркадию хочется повторить свой успех в манипуляциях со временем, а мне, выражаясь языком древних воинов, нужно смыть позор неудачной вылазки. Что морально весомей — повторение успеха или преодоление неудачи?

— Сражение начинает Мария, — решил Кнудсен. — Мише поручаю второе орудие. Он немедленно вступает в бой, если Марию постигнет неудача.

Мария и Бах заняли свои посты. Плот рангунов отчалил от берега. Он быстро двигался по озеру — хавроны энергично работали веслами. Группа вооруженных солдат сгрудилась на носу, чтобы ринуться на скалу, когда плот сядет на береговое дно. За их рослыми фигурами не было видно рангунов: то ли ни один не пошел в атаку, то ли они терялись за солдатами. Капитан “Гермеса” залюбовался порядком на плоту: весельники дружно — с синхронностью до миллисекунд — вздымали и опускали весла, воины смыкались плечами, плот покачивался и покачивал весь отряд как единое целое, ни один солдат не разрешал себе индивидуального движения. Внешний порядок выражал внутреннюю собранность и дисциплину. Ватута посылал в атаку отборных солдат.

— Начинаю! — доложила Мария.

Кнудсен скосил на нее глаза. Она проворно переключала хроноорудие с фазы на фазу, со скорости на скорость. Волны пульсирующего и разрывающегося времени обрушились на вражеский десант. Плот приближался с той же быстротой, гребцы так же синхронно работали веслами, воины каменели в той же предписанной боевой неподвижности. Перемены начались с помутнения обзора. Кнудсен проверил стекла бинокля — не наса ли пыль, — лишь потом сообразил, что дело не в пыли, а в хронообстреле. Хавроны, стоявшие на носу, ближе всех к скале, вдруг потеряли резкие очертания и яркие краски, их словно замазало однотонной серой грязью. В неподвижном строю возникла толкотня. Один хаврон оборачивался к другому. Какой-то солдат вырвался из строя вперед, двое других отпрянули от борта, словно спасались от падения в бездну. Кто-то замедлил взмахи весла, кто-то их убыстрил. Плот по инерции еще надвигался на скалу, но гребцы — так громко, что их слышали на скале — корили друг друга в нарушении ритма. Самый вспыльчивый вдруг кинул весло и бросился на соседа — мохнатым кулаком учить трудиться. А сосед, так и не выпустивший весла, внезапно стал терять очертания и непрозрачность — на скамье сидело привидение, а не прежний массивный гребец: сквозь его тело виднелись задние хавроны, а в руке призрака неумоимо двигалось массивное, отнюдь не призрачное весло — только двигалось не в том ритме, как у других гребцов. Драчун, увидев, что сосед превратился в силуэт, издал вопль и ринулся за борт — вода сомкнулась над его головой, но он тут же вынырнул и широкими взмахами рук потянул к берегу.

Плот толкнулся в скалу, солдаты и гребцы попрыгали за борт. Вперед вырвался бочкообразный рангун, дешифратор донес его истошный крик: “Вперед! Вперед!”. И тут же, словно не поняв собственного приказа, он бросился назад и, остановившись уже по колено в воде, потерянно оборачивался, словно допрашивая себя, как его сюда занесло.

Мария, непрерывно меняя фазы и силу импульсов, ведя аппарат по всей разбросанной линии атакующих, быстро путала в каждом единство движений. Рангун, командовавший отрядом, снова выбирался из воды на берег, снова орал “вперед!” и сам же, вместо броска на защитников, вдруг начинал вертеться — словно собака, преследующая собственный хвост. И его солдаты тоже вертелись, кто вправо, кто влево, у каждого неумоимо трудилась одна нога, другая отказывала — он бежал послушной ногой вокруг второй, окаменевшей. Наступающий отряд превратился в скопище живых волчков, вращающихся в разные стороны, толкающихся плечами, сшибающих один другого и падающих.

— Какой прекрасный приступ массового безумия! Какой роскошный концерт массовой эпилепсии! — восторженно кричал Бах. Он понял, что Марии помощь не понадобится, и, не отдаляясь от своего хроноорудия, весь отдался смакованию разгрома неприятелей.

Командир отряда чудовищным напряжением воли преодолел непослушание рук и ног и заковылял, спотыкаясь на ровной почве, к передовому хроноорудию. Ручной резонатор, покачиваясь в нетвердых руках, угрожающе нацеливался на Марию. Мария хладнокровно повернула хроногенератор на подходившего Бессмертного. Предводитель отряда вразброд замахал руками, выронил резонатор и стал стираться. Он еще был, и его уже не было — почти вплотную перед хроноорудием пошатывался призрак рангуна, а не рангун. Призрак повалился наземь и замер. Бах подбежал к нему: на земле лежало живое, слабо шевелящееся привидение — сквозь полупрозрачное бочкообразное туловище смутно проступали камни.

— Забери резонатор и сними сетку у него с головы! — крикнула Мария.

Бах с трофеем в руках убрался к своему орудию.

Борьба с командиром отряда отвлекла Марию от нейтрализации остальных. В отряде восстановилось подобие порядка. Уже несколько обезьяноликих солдат лезли на орудия, безоши-

бочно установив, что в них основа обороны. Нападающие были слишком близко, чтобы ограничиться слабыми хроноимпульсами. И люди, и Старейшины позади людей, и рядовые дилоны увидели зрелище, которое могло померещиться лишь в малярском бреду. У нападающих в телах разорвалось единство времени. Вдруг появились одни свирепо оскаленные морды, морды орали и мчались, а шей, их несущих, не было, и туловищ не было, и ноги отсутствовали. А на другом краю отряда бежали одни ноги без туловищ и голов и чуть повыше ног раскачивались и самостоятельно нацеливались несущиеся сами собой резонаторы. И где-то перли одни лохматые туловища без голов, без ног и без рук.

Еще продолжавшаяся инерция атаки оборвалась. Нападающие валились один за другим. Все пространство перед двумя хроноорудиями было усеяно телами хавронов. Мария остановила хроногенератор. Единство времени медленно восстанавливалось — безногие и безрукие туловища обретали конечности, у безголовых обрисовывались головы.

— Неплохо, — буднично оценил обстановку Кнудсен. — Теперь разоружаем лохматых, пока их силы не восстановились.

Трое хронавтов снимали с хавронов защитные металлические сетки и собирали брошенные резонаторы. Бах наклонился над сраженным рангуном. Это был его старый знакомый Варана, Бессмертный № 44, вместе с Кагулой, Бессмертным № 29, встречавший пленного Баха в городе рангунов. Варана приходил в себя; он еще не мог подняться, но в глазах возрождалось сознание.

— Привет тебе, Варана, вельможа кровопийцы и Верховного Злодея Ватуты! — обратился Бах к пленному. — Теперь наши роли переменились, не так ли? Но в отличие от вас, обрекших меня на казнь, я не собираюсь насильственно превращать в смерть ваше бессмертие. На короткий срок привили тебе любимую болезнь дилонов, маленькую рассинхронизацию организма — и все. Как себя чувствуешь, дружок Варана?

Варана с усилием приподнял голову, оперся руками о скалу. Ответ — на хорошем человеческом языке — прозвучал стоном:

— Спутаны времена мои. Ах, как спутаны времена мои!

К Баху, услышав его разговор с рангуном, подошли Мария и Кнудсен. Аркадий с дилонами относил в тыл отобранное оружие. Бах продолжал допрашивать пленного:

— А что мой добрый друг Кагула? Все ходит на задних ножках перед Верховным Злодеем? Что так смотришь? Не узнаешь меня?

У Вараны уже хватило сил на обстоятельный ответ:

— Я узнал тебя, иновременник. Ты Бах, археолог, академик и человек, что, как ты сам объяснил, означает одно существо. С твоим другом Кагулой плохо. Ватута заточил Кагулу.

— Заточил своего любимца? Своего спасителя в битве с Кун Канной? Я не ослышался?

— Ты не ослышался, человек и Бах. Кагула отказался воевать с вами. Кагула сказал, что он вам друг, а не враг. Сейчас Кагула в цепях у ног Ватуты. Властитель грозит, что так будет с каждым, кто ослушается. Никто не ослушался, но многие колеблются.

Варана показал, что хочет подняться. Бах помог ему встать на ноги. В разговор вступила Мария:

— Ты не колебался, верно? Я три раза поражала тебя, пока спутала твое жизненное время. Ты зашатался лишь после второго хронопопадания.

Бессмертный № 44 бесстрастно возразил:

— Я колебался. Но в душе, а не на ногах. Кагула своим непослушанием поразил мою душу, ты поразила мои ноги.

— Колебался в душе, но всем телом бросился на нас! И вел на нас озверелых хавронов!

— Повелительница! Хавроны выполняли мой приказ, я выполнил приказ Властителя.

— Ты назвал меня Повелительницей? — Мария внимательно всматривалась в рангуна. — Значит ли это, что ты исполнишь мое повеление? Ты отрекаешься от Ватуты?

— Я в твоём плену и в твоей власти. Приказывай, Повелительница — так тебя назвал сам Ватута. Так тебя называем мы все.

— Очень хорошо! Анатолий, разреши мне действовать? — Кнудсен молча кивнул. — Варана, мы пойдем на приступ позиций Ватуты. Мы хотим выручить нашего друга Кагулу. Повелеваю тебе принять командование над хавронами, которых ты отберешь. С нами пойдут, конечно, не все.

Варана поднял голову.

— Пойдут все, Повелительница. Еще не было случая, чтобы хавроны ослушались моих приказов. Я командую гвардией Ва-

туты. — И он добавил с радостью: — Спасем Кагулу! Спасем Кагулу!

Кнудсен распорядился:

— Собирайте хавронов. Плот в порядке — отправимся на плоту. Миша, погрузи один хроногенератор. Идем мы трое, Аркадий остается. Поторопимся. Ватута, наверно, нервничает, что долго нет победных реляций, и может сообразить, что это означает поражение.

Кнудсен направился к группе стоявших поодаль Старейшин.

— Друг мой Гуннар Гунна! — сказал он с чувством. — Твоя замечательная идея осуществлена, мы породили в неприятеле жуткую рассинхронизацию, они из воинского отряда превратились в обезумевшее стадо. Спасибо тебе, Верховный Провидец!

Вещий Старец величественно протелепатировал:

— Рад, пришелец, что ты убедился в могучей силе Высшего Разума, свободно опровергающего незыблемые законы природы. А мы убеждаемся, что вы, люди и хронавты, что, впрочем, как мы твердо установили, одно и то же, могли бы стать добрыми помощниками воплощений Высшего Разума. Наше проникновение в любые проблемы, ваша мобильность и энергия так дополняют одно другое, что слияние их породит новую всемирную силу. Я знаю, вы не любите и неспособны всем в себе отдаваться вдохновенному размышлению. Но если ты преодолешь это, впрочем, извинительное для людей нежелание всецело сосредоточиваться на мысли, то непременно поймешь, сколь благотворен будет наш союз Высшего Разума и Физического Динамизма.

Кнудсен поспешно сказал:

— Непременно поразмыслию о твоём великолепном совете. Но не сейчас. Снаряжается плот для десанта на тот берег. Хотите ли сопровождать в последний бой людей и перешедших к нам рангунов?

На лице Верховного Провидца выразилось замешательство.

— Мне нужно поразмыслить, пришелец. Столько важных аргументов за твоё удивительно красивое предложение — и столько убедительных аргументов против. Я должен выяснить разумное соотношение тех и других. Позволь мне не торопиться с ответом.

Он впал в очередную сосредоточенность. Кнудсен более не вмешивался. Он понял: дело сделано, — и пошел к плоту.

Хавроны, как и обещал Варана, не выказали ни замешательства, ни сопротивления, когда узнали, что они отныне солдаты пришельцев и будут воевать против своих господ. Гарантией, что новая борьба законна, было уже то, что их неизменный предводитель Варана сразу перешел на сторону пришельцев, потерпев неудачу при высадке. Они даже не вполне верили, что то была их военная неудача, а не временное помрачение умов и непонятный упадок сил, — впрочем, от грозной Долины гибели можно было ожидать любой беды, а загадочных и необъяснимых происшествий — тем более.

Варана вернул своим солдатам отобранное оружие, они повеселели и с новым приливом мужества ожидали приказа к сражению.

— Мне сдается, им безразлично против кого и за кого сражаться, — заметил Бах, с любопытством разглядывая ряды хавронов. — Отличные, в общем, ребята! С тремя я даже сдружился. Их звали Бедла, Кадла и Рудла, они непрерывно называли свои имена и оказывали мне всяческое почтение. Их всех сразил министр Прогнозов и Ведовства, робкий по натуре Кун Канна, когда так отважно бросился меня защищать.

— Кун Канна был, конечно, предателем, но довольно странным предателем, — задумчиво сказал Кнудсен. — Из страха перед Ватутой обрушил на своих собратьев ужасные бедствия, а сразу после этого напал на Ватуту, зная, что ничто, кроме гибели, не может его ожидать.

Около Марии, не отходившей от хроногенератора, встал Варана. С ним подошли четверо рослых солдат.

— Повелительница, командовать сражением будешь ты?

— Старший у нас капитан Кнудсен. Но в бой поведу вас я.

— Я выделил для твоей охраны двух солдат. Двое других помогут передвигать орудие. Сам я пойду с десятком хавронов прямо на Ватуту. К счастью, он не догадывается, что я теперь с вами.

— Ты уверен в этом?

— Он ожидает депеши, что мы захватили скалу. Я депеши не послал. Он подумает, что сам хочу доложить о победе. Когда он выйдет ко мне, бей сразу, не ожидая, что он скажет мне и что отвечу я.

— Почему же сразу? Узнав, что ты у нас и что мы используем новое оружие, он покорится. Он уже покорялся.

— Теперь он не покорится. Он взял у Дилая те страшные резонаторы, которые погубили столицу дилонов. Когда я отплывал, пленные дилоны заканчивали монтаж орудия.

— Мой хроногенератор не даст применить резонаторы — ни ручные, ни стационарные.

Варана презрительно усмехнулся. У рангунов лица были подвижные, с быстро меняющимся выражением. Варана выглядел серьезней других рангунов, и, когда на его лице появлялась усмешка, оно казалось еще выразительней, чем у его собратьев.

— Повелительница, ты преувеличиваешь свои возможности. Я видел, как ты умело стреляешь. Но если почва затрясется, если сама ты повалишься на камни, а орудие твое понесется вскачь от тебя, обстрел не удастся. Ты должна поразить Ватуту до того, как взмахом руки он раньше тебя откроет бой.

Мария с минуту раздумывала.

— Ты отдаешь себе отчет, что и сам попадешь в зону обстрела вместе с Ватутой?

— Да. Но раз я на вашей стороне, я хочу обеспечить вашу победу. И еще одно, Повелительница. И ты, и твои друзья не должны показываться, пока я не встану рядом с Ватутой. Охранники прикроют тебя, а остальные люди пусть затаятся.

Все было разумно в плане Вараны — и очень рискованно. Мария подошла к Кнудсену и Баху посоветоваться. Кнудсен спросил, верит ли она сама в верность нового союзника? Мария верила. Тогда, решил капитан хронолета, подчинимся его совету. Если Варана изменник, он все же не успеет предупредить Ватуту до того, как Мария начнет обстрел. А если верен, то нет ничего лучше, как поступить по его совету.

— Мы согласны, Варана, — сказала Мария, возвращаясь к хроногенератору, замаскированному фигурами стоявшей к нему вплотную охраны.

Сдержанный Бессмертный № 44 — Бах успел сообщить, что в плену, во время его долгой беседы с Кагулой, Варана, сопровождавший Кагулу, не обмолвился ни единым словом — и на этот раз в ответ только молча наклонил голову.

Плот медленно подплывал к берегу. Из воды торчали крыши палаток и оборонительные щиты — хлынувшая с гор вода затопила сооружения, какие были пониже. Поодаль — в линию — размещались летательные шары, на них рангуны со своими солдатами недавно прибыли в Долину гибели. Двойная цепь вооруженных хавронов выстроились на пологом склоне. Между

рядами хавронов сновали рангуны, несколько Бессмертных выбежали навстречу плоту. Ватуты не было.

Толкнувшись в щит, плот остановился. Варана, сделав своим солдатам знак оставаться, сошел на берег. К нему метнулись рангуны. У Марии сильно забилося сердце. Если Варана изменник, он придумал отличное средство победить людей — самый раз рангунам наносить упреждающий удар! Но толпа рангунов расступилась, Варана шагал дальше один, остальные лишь сопровождали его на отдалении.

На склоне горы показался Ватута. Он сделал с десятков шагов и остановился. Две Гаруны, преследовавшие на небосклоне одна другую в необычайной своей взаимной погоне, заливали косым сиянием мощную фигуру Властителя. Он не просто стоял, а красовался — видный и своему войску, и хавронам на плоту, и людям, таившимся за широкими спинами лохматых солдат. Варана приближался к Властителю. И не дойдя двух-трех шагов, повернул голову назад. Это был условный знак, и Мария не потеряла ни секунды.

Охранники, маскировавшие хроногенератор, расступились. Ватута зашатался, завертелся, замахал руками, свалился на камни, судорожно подергался и замер. Рядом рухнул Варана. Долгую минуту Мария ожесточено осыпала два неподвижных тела хроноимпульсами — массивная фигура Властителя стала терять очертания и стерлась, на камнях покоился лишь силуэт. То же произошло и с Вараной — обоих выбросило в какое-то иное время, не то прошедшее, не то грядущее, — Мария не знала.

И лишь убедившись, что с Властителем рангунов покончено, Мария повернула аппарат на его солдат и офицеров, нестройно карабкавшихся на гору помочь Ватуте. Несколько импульсов хватило, чтобы внести разброд и смятение в их толпу; три шара взлетели над горой — два Мария сшибла. Настал черед войска, сгрудившегося у воды. Многоголосый вопль ответил на хроноудар. Мария оставила хроногенератор и велела хавронам, каменно стоявшим на плоту, сходить на берег и собирать оружие.

— А мы пойдем спасать Кагулу и брать Ватуту в плен, если он успел восстановиться в нашем времени, — сказала Мария Кнудсену и Баху.

— Оставишь плот без охраны? — спросил Кнудсен.

Мария пренебрежительно махнула рукой. Оставлять или не оставлять оружие без охраны — дело капитана, а не ее. Он командир и стратег, она — воин. Сама она не сомневается, что

никто и не подступится к хроногенератору. Да и кто о нем знает, кроме Вараны, а он наш, и он лежит вон там, с трудом возвращаясь в свое время.

— Ты права. Поторопимся найти Кагулу.

Три человека с трудом пробирались между толкающихся, орущих хавронов, между бессмысленно слоняющихся рангунов. Все были живы, ни на одном не было телесных повреждений — и ни один не держался нормально. Берег превратился в шумное сборище потерявших себя безумцев. Какой-то рангун побежал и едва не свалил Баха, тот сердито крикнул: “Смотри куда идешь!” Рангун остановился, посмотрел на Баха, не увидел его и снова двинулся как бы сквозь него — археолог еле увернулся. Два хаврона, стоя один против другого, толкались руками: они хотели идти, ни один не давал другому пути, а что можно обойти, они не соображали. Между лишившимися четкого сознания неприятелями деловито сновали хавроны с плота, отбирая оружие.

— Впечатление, будто обитателей сумасшедшего дома выпустили скопом на прогулку, — поделился наблюдениями Бах.

— И ведь никто, держа оружие, не пускает его в ход, — задумчиво сказал Кнудсен. — Страшное было бы зрелище, если бы они стали обстреливать окружающих. Какое чувство дисциплины! Даже потеряв себя, сохранили понимание, что без приказа оружие не должно действовать.

— Инстинкт, а не понимание! — проворчал Бах.

Варана, уже восстановившийся, приподнялся, увидев людей. Бах помог ему встать на ноги. Кнудсен отыскивал Ватуту. Ни вблизи, ни поодаль Ватуты не было.

— Потом разберемся, куда мы его забросили — в будущее или в прошлое, — сейчас отыскиваем Кагулу. Варана, ты не знаешь, где Кагула?

— Знаю. Немного выше пещера, где был Ватута. Он держал Кагулу около себя.

В пещере — небольшом логове, тускло освещенном самосветящимися стенами, лежал связанный Кагула. Варана стал развязывать его, Мария помогала. Бах торжественно произнес:

— Привет тебе, мой добрый друг, Бессмертный № 29! Мы явились вовремя, чтобы сохранить твое бессмертие от гибели.

Кагула потопал ногами, чтобы восстановить кровообращение.

— Я знал, что вы явитесь, я знал. Жаль, что Ватута ускользнул!

— Как понимать — ускользнул? Ватута где-то в будущем. Впрочем, возможно, что и в прошлом. В общем, в нашем времени встреча с ним не грозит.

— Ты ошибаешься, иновременник. Он не в прошлом и не в будущем, а у Дилая. Он быстро пришел в себя после вашего нападения и хотел утащить меня с собой, но не смог развязать, не смог... Он улетел на шаре. Я покажу вам склады Дилая, я покажу...

Люди разочарованно переглядывались. Мария вспомнила, что над горой взмыли три шара; два она сбила, третий улетел — на нем, видимо, и спасся Ватута. Кнудсен вызвал Аркадия. На ручных экранчиках появился улыбающийся хроноштурман и заговорил первым:

— Поздравляю, друзья, с удачей! Мне хорошо видно, как мечутся воины Ватуты. Анатолий, не пора ли убираться со скалы? Расщепляющийся материал заполняет “преисподнюю”, она и впрямь превращается в настоящее пекло, там уже такое выделение тепла, что припекает. Наши добрые Старейшины что-то часто перебирают ногами. Жду указаний и распоряжений.

Кнудсен разрешил эвакуацию “преисподней” — нападение на нее теперь исключено. Аркадий должен позаботиться о срочной эвакуации обезоруженной армии Ватуты куда-нибудь в страну дилонов. Они трое — Миша, Мария и он — отправляются добывать бежавшего Ватуту, их сопровождают рангуны Кагула и Варана и несколько верных хавронов. Пусть Аркадий доставит три авиетки с боевым снаряжением.

В каждой из трех авиеток за пульт сел человек. В свою авиетку Кнудсен взял Кагулу и Варану. Варана не знал, где убежище хранителя Огня и Энергии Дилая, оно держалось в большой тайне. Но Кагула, руководивший Строительствами и Разрушениями, бывал там часто — он уверенно показывал путь.

— Здесь! — сказал Кагула, показывая на лесистые горы внизу. Кнудсен с удивлением посмотрел на рангуна: у молодого Бессмертного дрогнул голос — местечко, видимо, было из священных, и Кагулу приводила в смятение мысль, что он явился сюда с оружием в руках. Возможно, было и не так, как вообразилось капитану хронолета, но он не стал доискиваться правды длительным размышлением, а, выбрав место, посадил авиетку.

Рядом опустились другие авиетки. Варана скомандовал хавронам выгружать снаряжение. Кнудсен предложил Баху и Марии оборудовать боевую позицию — не исключено, что убежи-

ще Ватуты и Дилая придется брать силой. Сам он с Кагулой отправится на последние переговоры с Ватутой. Мария потребовала, чтобы и ее взяли на переговоры: Ватута еще недавно прислушивался к ее настояниям, она надеется, что и сейчас сумеет воздействовать на него.

Хранилище Огня и Энергии, как и все убежища рангунов, представляло собой пещеру в горе, вход в нее закрывали кусты. Кагула, очень бледный, лишь показал направление, но идти впереди не осмелился — первым шагал Кнудсен. То ли от слабости, то ли от страха Кагула, замедлив шаг, стал пошатываться. Не пройдя и сотни шагов в гору, он воскликнул с испугом:

— Ватута! Дилай!

Кнудсен остановился. Впереди никого не было, капитан хронолета уже решил, что рангуну от волнения померещилось, но в эту минуту кусты раздвинулись. Наружу вышел Ватута и с ним маленький рангун с непропорционально большой головой. Оба встали на крутом склоне, метров на десять выше подходивших хронавтов и Кагулы.

— Ни шагу дальше! — приказал Ватута. — Приветствую тебя, Повелительница. Ты отлично управляешься с орудиями, я бы взял тебя в начальницы моих резонаторов дальнего действия. И тебя приветствую, капитан Кнудсен, ты гораздо лучше командуешь своим войском, чем Варана моей гвардией, — недаром он так легко переметнулся к тебе. А тебя, Кагула, презираю — ты изменник! Ты отказался слушаться меня.

Видимо, Кагулу нужно было оскорбить, чтобы он отделался от страха. В его ответе не слышалось ни робости, ни смирения:

— Скажу тебе то же, что говорил раньше, Великий Ватута: я слушаюсь разума, а ты впал в безумие, ты впал... Твое восстание бессмысленно — сам видишь это, сам видишь.

— Вижу, что мой бывший любимец Кагула попал под влияние автодумов дилонов, сдружившихся с людьми. Я давно подозревал в тебе это пагубное перерождение. Недаром ты так охотно беседовал с тем бешеным трусом Кун Канной, моим министром Прогнозов и Ведовства.

— Я спас тебя от нападения Кун Канны, я спас, — с достоинством указал Кагула. — Если бы не я, твоя голова и твои руки отлетели бы от туловища.

— Ты только исполнил свой долг, Кагула. Ты ясен, с тобой толковать не о чем. Пусть люди скажут, чего хотят.

— Мы пришли за тобой, Ватута, — сказал Кнудсен.

— Пришли за мной, но уйдете ли отсюда сами?

— Восстание не удалось, пора прекращать войну.

— Восстание не удалось, война продолжается.

— Ватута, не безумствуй! — воскликнула Мария. — У тебя такая светлая голова, ты не можешь не понимать!..

Ватута страстно прервал ее:

— Перестань, Повелительница! Я честно подчинялся твоей воле, пока вы не решили все переменить на планете.

— Не мы, Ватута! Сама природа уготовила вам гибель, мы спасаем вас!

— Природа со мной не разговаривала, со мной разговаривали вы. Почему я должен вам верить? И отчего вы нас спасаете? Лишаете нас бессмертия, разве не так?

— Ты погибнешь, отстаивая свое мнимое бессмертие!

— Умереть, защищая бессмертие, — разве это плохая доля, Повелительница? Покорюсь я или нет, все равно меня ждет участь жалкого смертного. Так хоть поборюсь. Бессмертие стоит смерти — тебе не нравится такая формула, Повелительница?

— Мне не нравится твое упрямство, Ватута, — сказала она с горечью.

Кнудсен решил подвести итоги спору:

— Слушай меня, Ватута. Внизу установлен хроногенератор. Прицельные фазы сдвинуты на разные углы. Надеюсь, ты прекрасно понимаешь, что это значит. Знаешь, что, когда мы начнем обстрел вашего логова, вас пронзит тяжкая болезнь дилоннов — рассинхронизация. И она поразит вас обоих в тысячекратном усилении. После этого мы возьмем вас голыми руками. Даю полчаса на раздумье.

— Полчаса мне вполне хватит на подготовку к ответу, — насмешливо бросил Ватута.

Ватута и карлик Дилай скрылись в чаще кустов. Кнудсен быстро пошел вниз.

— Скорей, скорей! — командовал он. — Ватута задумал что-то скверное. Нужно до исхода получаса приготовиться к неожиданностям.

Кнудсен приказал хронавтам подготовить защитные хрономоторчики. Рангуны и хавроны тесно обступят Марию и Баха — они будут под защитой людей. Аркадия в безумном лесу спасло, что он на несколько минут отпрянул в прошлое от си-

юмгновенности. Возможно, и сейчас придется уходить из настоящего минут на десять.

— Я дам знак на уход в прошлое — действовать тогда мгновенно! Сам займу позицию у хроногенератора.

Когда подготовку к защите закончили, Кнудсен с беспокойством посмотрел на гору и произнес — скорее для себя, чем для товарищей, тесно сгрудившихся неподалеку:

— Прошло пятнадцать минут. Вряд ли Ватута обещанные полчаса...

Над горой взвилось огненное облако. Кнудсен дал знак уходить. Мария и Бах включили защитные хрономоторы. На позиции людей обрушилась туча камней — они их не увидели. Грохот взрыва потряс окрестности — они его не услышали. А когда спустя несколько минут Мария и Бах синхронизировались в настоящем, они не узнали окружающего мира. Гора, взорванная, еще тяжело оседала, по склонам рушились выброшенные из почвы деревья, груды камней завалили площадку, где недавно размещалась боевая позиция. Мария кинулась к хроногенератору — он валялся изуродованный, холодный и ни для чего больше не пригодный. Кнудсен, окровавленный, пытался встать на ноги.

— Ты ранен, Анатолий? — спрашивала Мария, вытирая кровь с лица капитана хронолета. — Где ранен? Да ответь, я так волнуюсь!

Он сделал попытку улыбнуться.

— Немного ранен. Запоздал с уходом в прошлое. Еще повезло, что не вовсе остался в настоящем...

— Повезло! — говорила она, все более волнуясь. И это было страшно на нее непохоже. — Хорошо везение: весь в крови, весь в ссадинах, голова разбита...

К ним подбежали Бах и Кагула. Бах подхватил Кнудсена под мышки. Опираясь спиной на друга, Кнудсен показал рукой на гору.

— Погребен навеки!.. Тысячи тонн над Ватутой! Устроил себе могилу!..

Они молча глядели на взорванную, осевшую гору — густое облако пыли медленно, лениво, как бы сознавая никчемность всякой спешки, клубилось над бывшей вершиной. Внезапно тяжелое содрогание свело землю. Затем донесся грохот дальнего взрыва. Взрыв повторился и стал непрерывным тяжким гулом, разносившимся по всей планете.

— “Преисподняя” превратилась в вулкан! — радостно воскликнул Кнудсен. — Друзья мои, друзья! Мы полностью выполнили свою миссию!

13

У койки раненного капитана хронолета сидели Мария и Бах и беседовали о событиях на Дилоне.

— Хочу немного пофилософствовать, — сказал академик. — Думаю о том, что мы совершили на планете, — и многого не понимаю. Надеюсь, ты рассеешь мои недоумения.

Кнудсен улыбнулся.

— Я не философ, а астрофизик и хронист. Попробуем вместе решить твои недоумения. Начиная с главного.

— Начну со странных видений Асмодея, забросившего себя в будущее. Они содержат объективную истину?

— Конечно. Почему ты сомневаешься в этом?

— Потому, что не будет того будущего, какое он увидел. Будущее, которого не будет, — вот парадокс! Предложить бы решение этого парадокса Вещему Старцу, он же Великий Провидец!..

— Обойдемся без старцев и провидцев. Мы хоть и не воплощатели Высшего Разума, но достаточно разумны, чтобы разобраться в простой проблеме.

— Простой проблеме?

— Да, Миша. То будущее, которое Асмодей увидел, должно было объективно наступить, если бы нас с тобой не было. Оно естественно вытекало из закономерностей природы — и потому Асмодей его увидел. Оно реально в том смысле, что иным быть не могло. Но появились мы, и будущее будет иным — и столь же реальным, как было бы то, в котором очутился Асмодей.

— Итак, мы та высшая сила, которая меняет объективное развитие в природе?

— Мы просто одна из сил природы — сила разума, столь же естественная, как и слепые ее силы. Природа меняет саму себя через посредство нашего разума, он — ее собственная функция. Вспомни, что наши предки в эпохи общественной разобщенности составляли правдивые прогнозы, но поскольку сами творили свою историю, то, пугаясь неблагоприятного будущего, меняли настоящее — и будущее получалось не по предсказанию. Раньше люди меняли свое завтра, теперь мы доросли до преобразования завтра природы, то есть она сама осуществляет пре-

образования себя, используя свою высшую силу — наш разум. По-моему, ясно.

— Как в подземелье в глухую полночь. Ладно, буду думать.

В каюту вошел Аркадий.

— Дилоны и рангуны пришли прощаться.

Первым вошел Гуннар Гунна, за ним Кагула. Кнудсен показал гостям на диван. Вещий Старец торжественно поблагодарил хронавтов за все их услуги. Главная услуга — вечный мир, так успешно восстановленный на планете. Дилоны и рангуны — отныне братья. Они в сладостном плену друг у друга. Рангуны приняли в почетный плен Высокий Разум дилонов, дилоны взяли в радостный и плодотворный плен энергию и деловитость рангунов. Это необыкновенное слияние разума и силы сулит прекрасное будущее. Он уже не говорит о том, что зловещая борьба двух светил ослабляется, вскоре восстановится единое время и сами собой отомрут злые хвори рассинхронизации у дилонов и тягостное пустое бессмертие у рангунов.

Вещий Старец разглагольствовал так долго, что у Кнудсена сами собой стали опускаться веки. Кагула коротко согласился со всем, о чем повествовал Гуннар Гунна, Воплотитель Высшего Разума, и в заключение вполне по-человечески пожал людям руки.

Бах и Аркадий пошли провожать гостей. Кнудсен с улыбкой сказал Марии:

— Вот и завершилась экспедиция на Дилону. И, как принято в старинных романах, завершилась счастливым концом.

В каюту снова вошел Аркадий.

— Анатолий, по твоему приказанию принял на время твоей болезни командование хронолетом “Гермес”. Корабль взлетел с Дилоны и лег на новый курс.

— Покажи курс, Аркадий.

В каюте капитана висела рейсограмма. Аркадий показал на ярко засветившуюся на карте Гаруну Голубую. Они идут на эту звезду, непрерывно меняя фазу рейсового времени. Где-то за Гаруной еще не видная точка — космическая черная дыра, царство схлопнувшейся галактики, исчезнувшей из местного космоса. Когда физическое время на “Гермесе” полностью преобразуется, черная дыра распахнется на всю ширь неба миллиардами своих звезд. Их курс — на те неведомые звезды обратного времени.

ПРЫЖОК НАД БЕЗДНОЙ

Повесть

1

Рой знал, что новое задание по номенклатуре проблемного отдела Академии наук относится к высшей категории трудности. Боячек не скрывал опасений:

— Ни с чем похожим на это мы не встречались. И пока не способны оценить, что сулит возня с таинственным шаром. Возможны открытия ошеломляющей важности, а всего вероятней, что проблема вообще не имеет решения. Мы пока слишком мало знаем о структуре Вселенной, хотя и астрофизики и космологи уверяют обратное.

Вряд ли президент Академии наук употребил бы столь сильные выражения, если бы не имел серьезных оснований. Рой иронически поинтересовался:

— Нам, стало быть, предстоит найти решение проблемы, которая вообще не имеет решения? Я верно понял?

— Нет, конечно, — и сами это знаете, Рой. Вам надлежит всесторонне исследовать загадку, а что получится — решение загадки или доказательство, что решения нет — будет видно. Я просил Кобытина помогать вам. Он придет к вам в лабораторию.

Рой мог многое возразить против нового задания. В лаборатории братьев было полно незавершенных работ. Рой не считал себя подготовленным к распутыванию астрофизических тайн. Вылет на Виргинию был несвоевременным. И если бы Рой надеялся, что Генрих его поддержит, он выложил бы полный набор убедительных возражений. Но Генрих, отмахивавшийся от любых новых тем, исключение для заданий Боячека делал. На нежность к нему старого ученого Генрих отвечал горячей привязанностью. Просьбы Боячека звучали Генриху неотвергаемыми приказами. А взаимоотношения братьев давно сложились так, что когда Генрих запальчиво кричал “нет”, это вовсе не означало реального “нет”. Генрих легко отказывался от своих

отказов. Зато если он объявлял “да”, то это было “да”, и ничто иное. На всякий случай Рой усилил неопределенность задания и сгустил черные краски трудностей.

— Старик не уверен, имеет ли загадка шара физическое решение, — сказал Рой осторожно. — Во всяком случае, привидение с того света...

— Ты прав, привидение! — с восторгом воскликнул Генрих. — И мы с тобой установим меру материальности космического призрака!.. Если тебе нужно мое согласие, считай, что оно у тебя есть.

— Я рад, что ты не возражаешь против рейса на Главную Космостанцию, Генрих. — Хоть немного и разочарованный быстрым согласием брата, Рой немедленно перешел к действию. — Планетолет на Марс уходит завтра, там пересядем на рейсовый звездолет. Лабораторию оставим на Армана.

Вечером в Институт Космоса ворвался Андрей Корытин. Этот человек не приходил, а вторгался, не появлялся, а возникал, не здоровался, а накидывался. И говорил с такой страшной торопливостью, что не находил пауз для знаков препинания, — речь лилась сплошным потоком, не разделяясь на фразы и не останавливаясь на точках. И он любил поговорить, спешил поделиться мыслями. Беда была в том, что мыслей у него всегда было больше, чем слов, и мысли проносились быстрее, чем он мог их высказать, — речь Андрея превращалась в столкновение мыслей, они вспыхивали и погасали в беге фразы. Генрих как-то пошутил: “Поймать Андрея трудно, его слова — взрывающиеся искры, зато его хорошо слушать без света: речь Андрея тысячами вспышек озаряет физическую темноту”.

Андрей пришел с двумя сотрудниками; оба — миловидная женщина и юноша — были братьям незнакомы, но Корытин и не подумал представлять их: надо было немедля освободиться от распиравших его идей. Он закричал, едва распахнув дверь:

— Здравствуйте, братцы мистикофизики, здоровы, здоровы, и я тоже, не надо пустых пожеланий. Замечательное событие, правда, удивились, не сомневаюсь, что распутывать назначено вам, тут посодействовал я, у вас обоих дьявольский нюх на необыкновенное, я так и бухнул президенту: “Только они, никому другому!”, ведь главное в чем, поймите, ведь тайна какая: куда девается поглощаемая шаром энергия, пропасть без дна, одно слово — непостижимо, вот почему я думаю...

Рой мог так форсировать голос, что легко заглушал скороговорку Андрея. Он воспользовался своим преимуществом:

— Может, начнешь с того, что познакомишь со спутниками?

Андрей редко обижался, если его обрывали, он знал свои недостатки. Он засмеялся: добродушный смех над собой, так он считал, вполне извинял любую нетактичность. Юноша, казавшийся мальчишкой, был уже известным космологом, Андрей с увлечением перечислял его работы. Об одной братья слышали — гипотеза пузырьчатой вселенной, так автор назвал ее. В ответ на восхваления шефа он покраснел, умоляюще замахал рукой, но братья заметили, что глаза Курта Санникова, так звали юношу, смотрели холодно и уверенно. “Парень знает себе цену”, — сказал о нем Генрих потом.

А милovidная женщина, Людмила Корзунская, астроэнергетик, свободно протянула руку, открыто глядела в глаза, ни в движениях, ни в словах, ни в выражении лица не показывала стеснительности или смущения. И хоть братьям имя ее ни о чем не говорило — а сами они, знаменитые, размноженные в миллионах фотографий, были ведомы каждому, и это накладывало отпечаток неравенства при любом знакомстве — Корзунская держалась так, словно понятия не имела о каком-то неравенстве: возраста, званий, научного авторитета, того, что она женщина и четверо ее собеседников мужчины и о троих — Генрихе, Рое, Андрее — известно, что они одиноки и что многие женщины с радостью “составили бы их счастье”, как именовалось такое событие. И Генрих, после гибели своей невесты Альбины сторонившийся молодых женщин, с приятным удивлением почувствовал, что ему нравится свобода Людмилы и что он сам может держать себя с ней раскованно, и что вообще это изящное, хрупкое, коротковолосое, сероглазое существо в обычном рабочем комбинезоне — чуть лишь покрасивей скроенном — из тех, о ком говорят “парень свойский”.

— Надеюсь, нам удастся распутать все тайны, — сказала она просто, как если бы говорила: “Надеюсь, не холодно, надевать пальто не будем”.

Голос — низкий, звучный, медленный — не очень вязался с фигуркой, в нем было больше силы, чем обаяния, но и голос понравился Генриху. Когда гости ушли, он сказал брату: “В этой девушке прекрасно даже не прекрасное”. И Рой, не столь увлекающийся, согласился, что новая их помощница показыва-

ет себя с лучшей стороны одним тем, что не старается этого делать.

Андрей вскочил.

— Представления закончены: программа ясна, теперь пойду, терпеть не могу напрасно болтать, а у вас так забалтываешься, спасу нет, не забывайте, что тайна — одна, на другие не отвлекайтесь, выясните, куда девается энергия, все остальное — пустяк, пропасть без дна, говорю вам. Люда, это по вашей части, Курт, не зарывайтесь, шар Петра Кэссиди — это не то волшебное яйцо, из которого возникла вселенная, иду, иду, тысяча дел, просто удивительно, до чего вы задерживаете занятого человека, Генрих, проводи меня, Рой, не таращись, у меня к Генриху важное дело, он потом тебе расскажет.

За дверью Андрей говорил так же торопливо и бессвязно, лишь понизил голос. Он вручает своих спутников персональному попечению Генриха. Собственно, о Курте он не беспокоится. Этот человек зарывается в идеях, но не в поступках, он точен, исполнительен и осторожен. А Людмила, по древней поговорке, — “большой джентльменский набор” сумасбродства. От нее надо ждать любых неожиданностей, предвидеть одно непредвиденное, считаться только с нерассчитываемым, и вообще, самое вероятное в ее поведении — устраивать самое невероятное. Она из породы тех, кто на посту раньше стреляет, а потом кричит: “Кто идет?” И, стало быть, пусть братья поберегутся выставлять ее на передовые посты исследований — втянет в опаснейшие эксперименты, целым из них не вылезть. Зато прислушиваться к ней стоит, в десяти случаях она врет, просто рукой махнуть, такие глупости, а в одиннадцатый раз выдает ослепительную идею, только зажмуривайся от яркости!

— Твоя черта! — Генриху удалось найти щелочку в плотно летящей речи друга. — И ты десять раз — носом в лужу, один раз — на такую высоту, что голова кружится — у меня, во всяком случае.

— Моя черта, моя, Генрих. Кое-чему научилась, третий год вместе работаем, только я о другом, последнее по счету, но не по важности, в общем, не хочу скрывать, если суждено мне быть женатым, то на ней, я на женщин не падох, а здесь вот просто споткнулся и рухнул...

— Неужели ты?..

— Не прерывай, отвратительная у вас с Роем привычка, никогда не даете договорить! Короче, она согласна, но поставила

условие — раньше командировка на Главную Космостанцию, замужество по возвращении, блажь, но уступил, возьми ее под персональную опеку, тактично, мягко, дружески, без роевского диктата, в очень опасные дела не назначай, у тебя хорошая душа, ты понимаешь!

— Невесту мы тебе возвратим в добром здравии и хорошем расположении духа, — пообещал Генрих с улыбкой.

Просьба Андрея немного растрогала Генриха, он и не подозревал, что властный, страстно преданный науке Корытин способен на такие “посторонние делу” поступки, как любовь. Генрих возвратился, не погасив радостно-сочувствующей улыбки, она мигом стерлась, когда на него поглядела Корзунская. Чувства на ее лице отчетливо выпечатавались: ей не нравилось, что Генрих улыбается. Она нахмурилась, глаза потемнели, она показывала, что поняла, о чем шел разговор за дверью, и что ее возмущает покровительство: она такой же сотрудник экспедиции, как и остальные, она не позволит к себе относиться по-особому.

Генрих смешался, он всегда терялся, встречая отпор — молчаливый, но явный. Рой вопросительно поднял брови, он уловил что-то неладное. Генрих чуть заметно кивнул головой — правильно, кое-что есть, после расскажу.

2

На Марсе братья с сотрудниками пересели в рейсовый звездолет. До Виргинии было больше месяца пути, и добрая треть рейсового времени тратилась в окрестностях солнечной системы, где сверхсветовые скорости, связанные с разрывом пространства, запрещались. Этот первый, досветовой этап, был самым интересным — звездолет облетал дальние планеты. На Уране и на Нептуне разрешалось выбраться наружу и побродить по древнему космическому льду обеих планет. Генрих, забывший счет своим посещениям дальних планет, с охотой играл роль экскурсовода. Курт с часок походил по Урану, еще меньше отдал нептуновым прогулкам, зато Корзунская резвилась. Она все взбиралась на холмы и катилась вниз, даже старалась скользить по гладким поверхностям, но мертвые льды держали крепко, по ним можно было катиться и бегать, но не скользить: коньки примерзали ко льду, она тут же падала, пытаясь оторвать от него ногу.

— Возьмите пример с Курта, Людмила, — советовал Генрих. — Он знает, что на морозе в двести градусов коэффициент скольжения почти равен нулю, и не думает бороться с этим непреложным фактом. Он мудро усвоил, что до возвращения на Землю нечего и думать о конькобежных развлечениях.

— Вы путаете мудрость с вялостью, — возражала Корзунская. — Ему просто лень восстать против скверных физических законов. Он раб, а не революционер науки! — И быстро сменив пренебрежение на лукавую мечтательность, добавляла: — А как бы хорошо потом похвалиться: я каталась на аммиачном льду, присыпанном кислородным снежком, при минус двухстах или двухстах тридцати, точно не помню, только было холодновато.

Она хохотала, Генрих улыбался. Так — со смехом — они бежали по планетному космодрому. Рой не выходил из каюты: ни Уран, ни Нептун его не интересовали, надо было изучить материалы, полученные от Боячека, — доклад Петра Кэссиди, командира “Протея”, штурманский дневник, рассказы участников экспедиции — материалов было уже столько, что, показав на ленты и кристаллы с записями, Рой двумя словами мрачно охарактеризовал Генриху их содержание: “Голова пухнет!”

На Нептуне Санников учтиво попросил Роя о разрешении поговорить наедине. Рой все не мог привыкнуть к противоречию смущенно краснеющих щек, вежливых до униженности фраз и холодного, почти дерзкого взгляда. Парень нетривиален, все снова говорил себе Рой.

— Давайте договоримся, Курт, — предложил Рой. — Мы разговариваем друг с другом, не спрашивая разрешения. Прошу заходить ко мне в любое время.

Санников вскоре постучался к Рою.

— Прежде всего объясню, почему разговор наедине, — начал он. — Собственно, против вашего брата у меня возражений нет. Но Людмила стала бы меня обрывать, она без этого не может. Она считает меня рабом науки.

— Следует считать, что такое обвинение ложно и вы вообще не раб науки? — уточнил Рой.

— Нет, почему же? Все верно. Вообще, замечу в скобках, Людмила редко ошибается в оценках, у нее дар схватывать существенное. И во мне она уловила главное мое свойство — не разрешаю себе отступаться от науки. При желании поиронизировать это можно квалифицировать и как научное рабство.

Санников сидел на диване пригнувшись, положив руки на колени. Гораздо проще было бы откинуться на спинку, закинуть ногу на ногу, сам Рой признавал только непринужденные позы, а юноша показывал, что скромн, смирен, почти смиренн. И он, похоже, искренне не сознавал, что сама его старательно культивируемая скромность — вызывающа, что нарочитая робость сходна с дерзостью. Рою захотелось подразнить Санникова.

— Вам нравится моя каюта, Курт? — Рой обвел рукой стены.

Санников непроизвольно повел головой вслед движению руки Роя. В его глазах засветилось удивление.

— Какие странные краски! Вы сами выбирали их?

Каюта мерцала безднами оттенков фиолетового цвета, в ней не было двух одинаковых участков; красно-фиолетовое сияние превращалось в золото-фиолетовое, золото-фиолетовое становилось зелено-фиолетовым — все было фиолетовым: и стены, и мебель, и потолок, и полы, — и все светилось по-иному, чем рядом, и ярко-фиолетовое погасало в сумрачно-фиолетовом.

— Я люблю фиолетовый цвет, Курт. В нем что-то увлекательно нездешнее, недаром ваш шеф назвал нас с братом мистикофизиками. Фиолетовость, по-моему, равнозначна таинственности. Я и попросил окрасить мою каюту в цвет, напоминающий, что великие тайны — типичность мира. Ведь фиолетовость — крайняя граница видимого спектра, она предвещает закат в невидимость.

— Нет, я реалист, — сказал юноша. — Мир, по-моему, очень прост, только мы не всегда понимаем его простоту. У нас не хватает фантазии на простое, мы нагромождаем сложности. Это от нашей собственной примитивности.

— Сложность от примитивности? Я правильно понял, Курт?

— Совершенно правильно, Рой. Вы не изучали дикарский период человечества? Мне пришлось. Дикарь — интеллектуально примитивен, а ведь как дьявольски сложно его представление о мире! Всюду непонятное, необъяснимое, загадочное, всюду потусторонние силы, призраки, привидения, духи, боги, черти — в общем, мистика. А в основе мистики лежит мистификация. Дикарь мистифицирует природу тем, что видит в ней лишь то, что открывается его скудным чувствам, и пытается внести логику в хаос восприятий. Вот так он придумывает сложнейшую теорию эпициклов Птолемея, чтобы объяснить себе видимое движение планет.

— Дикарь придумывает теорию эпициклов Птолемея? Впервые слышу!

Курт разрешил себе показать небольшое раздражение:

— Птолемей, я знаю, писал книги, принимал ванны, умащивался благовониями: не дикарь, но примитивный по логике человек, строивший координатную систему отсчета от себя как от пупа мироздания. Полагать себя центром природы примитивно, от этого мир жутко усложняется, в его простые законы вторгаются разные фиолетовости, граничащие с провалом в потусторонность.

Рой с интересом наблюдал, как спадает с молодого космолога напыленная на себя смиренность. Рой вежливо уточнил:

— Вы пришли изложить мне философию того, как примитивное понимание природы порождает мистику?

— Вы сами знаете, что не для этого. Меня тревожит практическая программа поисков, а не общефилософские проблемы.

— Я все-таки не понимаю...

— Выслушайте меня терпеливо, Рой! Знаете, почему-то никому не могу методично рассказать все свои... Людмила взрывается на второй фразе, но у других внимание тоже быстро исчерпывается. Вероятно, я чем-то раздражаю слушателей...

Рой засмеялся.

— Валяйте, Курт. Обещаю внимательность. Догадываюсь, что вы хотите связать проблему шара с гипотезой пузырьчатой вселенной.

Да, именно это он и хотел сделать. Он постарается быть кратким. Его теория происхождения вселенной абсолютно проста и логична — как, впрочем, и сама вселенная. Мировой вакуум — бесконечно сжатая среда, нечто вроде теста, распираемого внутренним брожением и порождающим пузыри. Пузыри вырываются из вакуума. Они и есть то, что мы называем материальными частицами. Иначе говоря, вся наша материальная вселенная — не больше чем собрание пузырей вакуума.

— Это и есть ваша теория пузырьчатой вселенной? И вы считаете ее новой?

Санников явственно подводил Роя к какой-то новой идее, но зашел очень уж издалека. Он, вероятно, всегда так изъяснялся, от ветхого Адама. Не удивительно, что слушатели теряли внимание, пока он добирался до сути. Рой постарался показать, что интереса не потерял, юноша может спокойно продолжать. Санников продолжал, но беспокойно. Предписанная себе почти-

тельность позы стесняла, он стал вдруг поворачиваться на диване, то откидывался, то снова наклонялся, порывисто поднимал руки с колен, опять опускал их на колени — как рвущийся в бег конь, которого ездок, в данном случае собственная воля, осаждает, с любопытством думал о юноше Рой. Нет, Санников отнюдь не выдает за свою идею пузырьчатости вакуума, ее обсуждали еще в двадцатом веке старой эры. Он просто определил, при каких условиях вакуум вспучивается, выпенивая то, что мы называем веществом, а при каких вещество намертво сковано в вакууме. В доказательстве, что вакуум неоднороден, что в нем появляются слабины и перенапряжения, и заключено все новое, что он внес, на большее он не претендует, он готов удовлетвориться этим скромным вкладом.

— Хорош маленький вклад! — Рой покачал головой. — Теперь, надо полагать, мы перейдем от общих проблем мироздания к делам Космостанции? Я правильно понял ваши намерения?

Да, именно это Санников и хотел предложить. Он напомнил, что звездолет “Протей” обнаружил шар, когда пролетал мимо звезды, превращавшейся в тот момент из нормального светила в “черную дыру”. “Черных дыр”, то есть небесных тел размером с Луну и массой Солнца, в космосе не меньше, чем блох в шерсти бродячей собаки. Но еще ни один человек не присутствовал при коллапсе звезды, то есть при космической катастрофе, когда гигантский газовый шар за считанные секунды чудовищным взрывом опадает в себя, превращаясь в крохотное тельце с веществом в миллиарды раз более плотным, чем вода. И едва штурманские аппараты установили, что чуть в стороне от курса готовится опасность в себя, как в бездну, какая-то звезда, командир “Протея” без колебаний повернул корабль в район катастрофы. И он сообщает в отчете, что неподалеку от “черной дыры”, в которую превратился звездный гигант, обнаружен шар размером с их звездолет. “Протей” взял его на буксир своими силовыми полями.

Петр Кэссиди считает шар искусственным сооружением, может быть, даже летательным аппаратом, внутри которого — неведомые разумные существа, и видит одну загадку — как наладить с ним контакт?

На контакте с инозвездными цивилизациями чуть не свихнулись все наши астронавигаторы, раньше на эту тему писали одни авторы фантастических романов, теперь районы возмож-

ного гнездования инопланетян внесены в космические лоции. Кэссиди поддался моде и выискивает в космосе “братьев по разуму”. И никто не дает себе отчета, что тайна не столько в конструкции шара, объявленного инозвездным кораблем — он, Курт, голову положит на плаху, что никаких разумных существ в шаре нет, — а совсем в ином: в месте, где увидели шар, во времени, когда он возник.

Он, Курт Санников, утверждает, что коллапс звезды и возникновение шара — два явления одного физического процесса, возникшего в районе мирового пространства, где пролегал курс “Протея”. Не нужно искать контакта с несуществующими существами, все это от примитивного восприятия мира, все это дикарство. Когда-то кругом виделись духи и призраки, а планеты изворачивались на небе в эпициклах, а не в простеньких коперниковских орбитах, а сейчас выдумывают призрачных разумных братьев и в любом космическом шатуне выискивают искусственное сооружение. Все тысячекратно проще — надо только понять физику процесса, поглотившего в бездне звезду и выбросившего наружу крохотный шарик.

Остальное несущественно.

— Разве мы делаем не то, что вы хотите, Курт? — Рой искренне не понимал, к чему клонит молодой космолог. — Изучить все, связанное с шаром, — таково наше задание. Что, собственно, вам не нравится? Доказывайте, что шар не больше чем забавное физическое явление. Никто вам не мешает.

Санников смотрел так, словно не знал: то ли вспылить, то ли расплакаться. Он выглядел растерявшимся ребенком — губы подрагивали, лицо покраснело, глаза влажно блестели. Он тихо сказал:

— Не умею объяснять. И вам не сумел.

— Я слушал вас внимательно. И не прерывал.

— Не в этом дело — не прерывали... Я хотел короче, а все краткое — сложно. На длинные мысли у людей не хватает терпения.

— Вы сегодня говорите одними парадоксами, — добродушно заметил Рой. — Примитив сложнее простоты. Фундамент мистики — мистификация. Еще и длинные мысли. Никогда не думал, что истинность мысли можно измерить в метрах.

— Шар должен скоро исчезнуть, — печально сказал Санников. — Я проделал все вычисления... Шар, трофей космическо-

го поиска “Протея”, с которым так возятся на Виргинии, от курса появления перешел на курс уничтожения. Он должен бесследно раствориться в вакууме.

— Знаете что? Устроим теоретическое собеседование, — предложил Рой. — Отчет Кэссиди я усвоил, в нем нет ничего неясного, кроме, конечно, непонятной природы самого шара. А в ваших объяснениях не разобрался. Может быть, совместно поправим дело?

Генрих, узнав о беседе брата с Санниковым, равнодушно пожал плечами. У Генриха бывали периоды увлечения, периоды безучастности, периоды легкомыслия. Рой отнес его состояние к третьепериодному. Он пошучивал, отвлекался на пустяки, говорил о мелочах. Рою казалось, что брат увлекся Корзунской: до любви не дошло, но душевная приязнь проглядывала. Рой не был уверен, что увлечения такого рода способствуют делу, у Генриха две страсти в душе не уместались. Рой утешил себя: послушаем доклад Санникова, тот столько всякого наговорит, что не сможет Генрих остаться безучастным.

Санников докладывал два часа, идеи его Рою снова показались весьма смутными, но математика была безупречна: получалось, что шар от гибели удерживала только вливаемая в него энергия, но и ее надолго не хватит.

— Интересно? — спросил Рой, когда братья остались одни.

— Не хуже многих других теорий мирового вакуума! — отозвался Генрих. Поняв, что брата такой ответ не удовлетворяет, добавил: — Не будем торопиться, Рой, поглядим собственными глазами на загадочный шарик.

— Мне кажется, ты слишком много времени посвящаешь Корзунской — и это тебя отвлекает, — упрекнул Рой.

Брат отшутился:

— Она столь очаровательна, что становится безопасной. Я не Андрей, господ себе, даже в женском облике, не ищу. А Людмила из тех, кто главенствует. И потом я обещал Андрею вернуть ее невредимой на Землю. Я слово держу, ты это знаешь.

3

В посещении Главной Космостанции Рою была своя радость — он встретился со старым другом, командиром “Протея” Петром Кэссиди. Восемь лет они не виделись, и — судя по тому, что Петр готовил свой звездолет в новый рейс, — встречи

не было бы еще восемь лет, не появился сам Рой на Виргинии — планетке, где разместили Галактическую базу и ремонтные заводы.

Рой с волнением, радостно и грустно рассматривал друга. Петр был тот же — и иной. Он постарел. Одного года рождения с Роем, он выглядел человеком другого поколения. На Земле больше ста лет говорили, писали, свято верили в то, что при околосветовых скоростях возраст как бы консервируется и звездопроходцы, воротившиеся после дальних рейсов, должны выглядеть среди земных сверстников юнцами.

Петр своим обликом опровергал это утверждение. Он согнулся, посерел, поседел, лицо исполосовали морщины, в нем мало что осталось от того жизнерадостного, энергичного, средних лет мужчины, какой сохранялся в памяти Роя. Прежним в нем были, пожалуй, милая улыбка, неторопливая походка, только ему присущая доброта голоса, внимательность, с какой он каждого слушал, да еще, пожалуй, нападавшая на него порой задумчивость, почти отрешенность...

Петр встретил друзей на космодроме. Он вызвал авиетку, чтобы лететь на Космостанцию, но Генриху захотелось размять ноги, Людмила заверила, что обожает пешие прогулки, особенно по незнакомым местам, а Рою и Санникову было безразлично — шагать или лететь.

По дороге Корзунская спросила:

— Мы сможем сразу увидеть шар? Не терпится познакомиться с ним.

Звездопроходец с улыбкой покачал головой.

— Шар на другой стороне Виргинии, а Виргиния — с нашу Луну. Но завтра мы туда полетим, обещаю.

— Скажите, с шаром изменений нет? — поинтересовался Санников. — Вам не кажется, что он... вроде бы... Я хочу сказать, он не собирается исчезнуть?

Кэссиди с удивлением посмотрел на молодого космолога.

— Нет, — сказал звездопроходец, подумав. — Признаков исчезновения нет. Зато поглощение энергии увеличивается, что создает трудности у энергетиков.

— Увеличивается — это хорошо, — сказал Санников.

Впереди шагали Рой с Петром, Генрих с Людмилой двигались за ними, девушка то останавливалась, осматривая окрестности, то, хватая Генриха за руку, догоняла первую пару.

— Как удивительно красиво! — твердила она. — Генрих, мы все знаем, что Виргиния прекрасное место, столько раз видели ее на стереоэкранах. Но только живому взгляду открывается вся прелесть! И воздух! Честное слово, не хуже земного!

Атмосфера на Виргии была хуже земной, но ходить разрешалось без скафандров: повышенное содержание озона компенсировало недостаток кислорода. И ходилось здесь легче, чем по Земле: Виргиния была много меньше, но сказывалось ураноплатиновое ядро планеты — предметы весили на ней меньше лишь процентов на сорок. Людмила, подпрыгивая со смехом, убеждалась, что способна взять высоту, о какой рекордсменам по прыжкам и не мечтается.

На небе светили три звезды. Первая — в зените, очень яркая, желтая как Солнце; вторая — оранжевая, поменьше, не такая блестящая, — шла неподалеку от главного светила; а третья — красноватая, тусклая — лишь поднималась над горизонтом. И все три светила пробивались сквозь пелену красноватого тонкого тумана, он всему придавал особый цвет. А на почве от каждого предмета разбегались три тени: одна короткая, густая, медленно меняющая очертания, вторая — подлинней и побыстрей и третья, от красного солнца, — самая длинная и быстрая, она явственно сокращалась.

— Я излучаю тени, я вся истенена! — с восторгом воскликнула Корзунская. — И вы все истеняетесь, чудо как хорошо!

— Вот и Космостанция, а рядом — гостиница, — сказал Петр, показывая на группу зданий. — Отдыхайте, вечером встретимся в салоне Станции.

Спустя час к Рою вошел брат — умытый, побритый, в новом комбинезоне.

— Прихорашиваешься, — сказал Рой и с удовольствием втянул в себя запах духов: Генрих душился редко, но сильно, иногда даже чрезмерно. — Снова повторяю: не теряй головы!

— Голова на месте, Рой. Как тебе показался Петр?

— Изменился в чем-то, а в чем-то прежний. Ты вот позади все болтал с Людмилой, а Петр сказал мне с десяток слов и задумался, спотыкался на колдобинках, потому что не видел их. Мы и раньше так с ним прогуливались, не произнося ни слова, а потом он мне говорил с благодарностью: “Как хорошо мы с тобой потолковали, Рой”. Он принимает свои молчаливые раздумья за оживленную беседу.

— Это и была беседа — телепатический обмен мыслями.

— Самого важного не было — обмена. Он о чем-то размышлял, а во мне ответных мыслей не рождалось.

— Мне нравится на Виргинии, — сказал Генрих. — Планета достойна того, чтобы ею любоваться. Сюда надо приезжать для развлечений.

— Пока здесь ни один не выдерживает больше года. Энергетические заводы запущены на полную мощность, каждый виргинец обязан четыре часа в день сверх обычной своей работы дежурить у аннигиляторов. Выражение “падает с ног от усталости” здесь деловая характеристика состояния. Так мне сказал Петр в те три-четыре минуты, когда разговаривал, а не молчал.

— Возможно, завтра мы с тобой будем падать с ног от усталости, а сегодня мне хочется любоваться планетой, — сказал Генрих и вышел на веранду.

С веранды открывался вид на Виргинское море, освещенное тремя солнцами. По морю мчался катер, он покачивался на волнах, вместе с ним качались три его тени, он метался меж них, как бы удирая от одной и набрасываясь на две другие, от него уносящиеся. Генрих отметил, что тени на виргинской воде гораздо отчетливее, чем на земных морях, на Земле тень резка лишь на почве. Он любовался метанием черных силуэтов на море — одного телесного, трех призрачных. Рой крикнул из комнаты:

— Тебе еще не надоело бездельничать? Пора на Космостанцию.

Главная Космическая Станция, управляющая галактическими полетами в звездных окрестностях Солнца, была трехэтажным зданием с высокой глухой башней. И башню, и здание прикрывали купола, один высокий, как богатырский шлем, другой немного побольше, приплюснутый — сегмент на основном здании. Навигационные аппараты станции находились в башне, под большим куполом разместился салон — обычный зал с креслами, столами и столиками, обзорными экранами на стенах и потолке, одни высвечивали свои районы в звездном пространстве, другие служили для стереопередач.

В салоне было человек десять, обширный зал казался почти пустым. Генрих уселся рядом с Людмилой.

— Парадного приема мы устроить не смогли, столько у всех на Виргинии работы, друзья, — сказал Кэссиди. — С нами штурманы “Протея”, работники энергозаводов, будем отвечать

на ваши вопросы. Посмотрите теперь для начала встречу с шаром.

Один из экранов вспыхнул, он высвечивал путь “Протея” среди светил галактического региона ТК-273. Тысячекратно убыстренные на экране, звезды мчались на зрителей и, так и не ворвавшись в зал, разбегались в стороны — “Протей” как бы врезался в густое звездное месиво, расшвыривая светила. Кэссиди комментировал картину. Вся команда взволновалась, когда анализаторы донесли, что крейсер приближается к звезде, готовой в чудовищном антивзрыве внутри себя превратиться из гигантского светила в крохотный темный шарик. Было безмерно опасно ворваться в район исполинской катастрофы — было захватывающе интересно стать свидетелем еще никем не увиденного антивзрыва. Он спросил экипаж, стоит ли зрелище риска, ни один не сказал “нет”. Были усилены экранные поля, боевые аннигиляторы приготовлены для уничтожения любого опасного излучения, любого несущегося навстречу материального тела. Но антивзрыв произошел раньше, чем “Протей” прибыл в район катастрофы, — звезда вдруг просто исчезла. А “черная дыра”, комочек невообразимо плотной материи, какой стало недавнее светило, вообще не разглядывалась, это было черное пятнышко, что-то вроде типографской точки, и только сверхзоркие анализаторы свидетельствовали, что черное пятнышко все же мерцает, от него лился слабый свет — призрак, а не тело, воистину черный паук вселенной.

— Теперь посмотрите наш трофей, — сказал Кэссиди.

Это был темный шар идеальной сферичности, вырвавшийся вдруг из беснования взрыва. Звезда рушилась в себя, а он вымчался из центра катастрофы, он был в самом пекле, в горниле невероятно мощных сил, — и выскользнул, гладкий, тускло блистающий. Он летел сквозь район катастрофы как сквозь пустоту, исполинские гравитационные поля, мгновенно сжавшие звезду в крохотный комочек, на него не действовали, он был словно из иного мира, чуждого законам космоса. “Протей” осветил космического незнакомца, шар повернул к звездолету, словно откликаясь на приглашение познакомиться. Именно в этот момент корабельный компьютер объявил, что шар — космический корабль, управляемый разумными существами.

— Если и вправду внутри шара обитают разумные существа, то в контакт с нами они не пожелали вступить, — говорил Кэссиди. — Они не отвечают ни на какие сигналы. Посланец чуж-

дого мира, призрак в металлическом образе существует, мы его наблюдаем, возможно, и нас из него наблюдают — и ничего больше!

— Но энергию нашу шар принимает, — заметил Рой. — Как вы пришли к мысли, что незнакомца надо подкармливать? Это произошло случайно?

Да, случайно, подтвердил Кэссиди. Среди прочих попыток наладить контакт испробовали и обстрел потоком ротонов. На “Протее” ротонный генератор смонтирован приставкой к аннигиляторам пространства, обеспечивающим сверхсветовые скорости. Он не собирается читать лекций по астрофизике, но должен напомнить, что когда аннигиляторы уничтожают пространство, то взамен образуются хорошо известные всем протоны, нейтроны, электроны, мезоны, нейтрино. Эти частицы — результат, так сказать, чистого сгорания пространства, но стопроцентной аннигиляции не бывает, какая-то доля деформируется в эти самые полуматериальные ротоны — частично уже вещество, частично еще пространство. Для астронавигаторов ротоны — как угольная пыль из труб для энергетика, они свидетельствуют, что коэффициент полезного действия рейсовых аннигиляторов до ста не достиг — звездолет, рассеивающий много ротонов, пора отправить в ремонт. Исторгнутые из аннигиляторов ротоны обычно выбрасываются в космос и там постепенно сливаются с вакуумом — генератор ротонов, вроде старой трубы, рассеивающей несгоревшую угольную пыль, служит как раз для их выброса. Кому-то пришла в голову мысль направить эту пыль несгоревшего пространства на шарообразного незнакомца, мчавшегося за “Протеем” в его силовых полях. Эффект был ошеломляющим. Шар поглотил все ротоны. Мы увидели в этом возможность контакта, нам показалось, что ротоны — тот самый агент информации, который мы ищем. Никогда еще аннигиляторы “Протея” так скверно, по космическим нормам, не работали, скорость звездолета упала ниже навигационных границ, зато поток ротонов становился все обильней, и шар жадно поглощал их. На Виргинии “Протею” дали отдых, питание шара энергией взяли на себя местные заводы — и могу вас заверить, они трудятся на пределе.

— А каков эффект в смысле контакта? — спросил Рой.

Кэссиди пожал плечами. Никакого! Контакт — двусторонняя связь, один передает, другой отвечает. Связь, несомненно, есть — наши передачи воспринимаются. А ответов — ноль.

— Сколько энергии уже влито в шар? — спросил Санников.

— Можете посмотреть запись.

На экране появился график подачи в шар энергии. Санников воскликнул:

— Вы затратили столько энергии, что можно было изготовить десять таких шаров из чистого железа. Вы знаете, что отсюда следует?

— По-моему, отсюда следует, что шар не из чистого железа. У вас другое мнение?

— Абсолютно другое! Никакое вещественное тело не может принять такую бездну энергии не взорвавшись, не превратившись из скромного шара в пылающую планетку. Вся доставляемая вами энергия рушится в шар, как в яму, проносится сквозь него, как автомашина в открытые ворота.

— Куда проносится?

— Очевидно, в вакуум. Шар — открывшиеся в вакуум двери. В этом его загадка и в этом его значение.

Рой снова спросил:

— На чем вы все-таки основываете мысль, что внутри шара — разумные существа?

— Мы их видим, — сказал Кэссиди. — А сейчас и вы увидите.

Шар, увеличиваясь, захватил половину экрана — по-прежнему идеальная сферическая конструкция, похожая на маслянистую каплю, взвешенную в жидкости. Цвет шара менялся при каждом повороте изображения, словно и не было у него собственной окраски, а впечатления цвета привносились извне: он виделся то густо-красным, то желтел, то зеленел, синел, снова краснел. И вдруг — Кэссиди молчаливым жестом призвал зрителей к вниманию — все краски шара стали слабеть, он казался уже холодно-беловатым, потом и беловатость ослабла, теперь он был как бы затяну туманом, и туман рассеивался — шар впадал в полную прозрачность: возникшее в нем собственное освещение сделало видимым, что совершалось внутри.

— Картинка! — удивленно бормотал Генрих.

В шаре перемещались странные фигурки, скорей силуэты, а не тела: темные, расплывчатых очертаний, к тому же менявшие форму, то круглые, то вытягивающиеся из круглых в цилиндрическую, то превращавшиеся в блин, то сворачивающиеся змеями. Силуэты переплетались, удалялись один от другого, снова сходились, ощетинивались отростками, как будто взаим-

но ощупываясь, снова расходились... Внутри шара толклась толпа теней, все казалось беспорядочным в их перемещениях, а когда представилось, что какой-то порядок смутно улавливается, шар утратил прозрачность и снова окрасился разноцветно — из желтого становился синим, из синего зеленым, из зеленого красным.

— Любопытные эти картинки мы видим обычно в самые пики потребления энергии, — комментировал необычное зрелище Кэссиди. — Но что означает пляска теней, понятия не имеем. Компьютеры квалифицируют силуэты как изображения живых существ. Но разумных сигналов от них мы так ни разу и не получили.

— Может, непосредственное наблюдение даст больше данных? — спросила Людмила.

— Вы поглядите на шар завтра, — повторил Кэссиди. — И могу заверить, что это ничего не даст. Шар отчетливей на экране, чем в натуре. Ведь анализаторы совершенней наших глаз.

Рой спросил Генриха, когда они вышли из зала:

— У тебя демонстрация шара вызвала какие-либо интересные мысли?

— Никаких, — весело отозвал брат. — Зато у Курта таких мыслей — тысячи, погляди, как он хмурится. Ручаюсь, он перекачивает в голове новые идеи, как валуны, — прямо-таки физическая работа. И Людмила покраснелась, у нее блестят глаза, это свидетельство обжигающих мозг идей. Почему бы тебе не поспросить обоих?

— Они сами придут ко мне докладываться, — предсказал Рой. — Что собираешься сейчас делать, Генрих?

— Гулять, Рой. Прошвырнусь по-земному в виргинских парках, надышусь до головокружения виргинским озоном.

— Вместе с Людмилой?

— Не с тобой же, Рой. Ты, несомненно, погрузишься в проекты и графики срочных действий, — хотя тебе самому непонятно, зачем их делать.

— Непонятно, — подтвердил Рой. — Но что-то надо делать.

4

Как и предупреждал Петр Кэссиди, осмотр шара вблизи ничего не дал. Шар покоился в облаке пыли. Дежурный энергоинженер объяснил, что пылевой туман — результат непрерыв-

ного внедрения в шар огромных масс энергии — состоит из захваченного вещества самой Виргинии. Посторонних веществ нет.

Людмила объявила, что пыль мало интересна. Генрих зевал. Санников один многозначительно качал головой, словно объяснение электроинженера подтверждало самые смелые его догадки.

В гостинице он пришел к Рою, на этот раз не испрашивая предварительного разрешения.

— Вы с новыми, невероятно сложными простыми идеями, Курт? — спросил Рой. — У меня просьба — не развивайте долгих объяснений. Боюсь, я неспособен вникать в слишком длинные доказательства.

— Хочу предложить план исследований шара, — сказал юноша. — Доказательства буду излагать, если вы потребуете их сами.

Прежде всего надо выяснить, говорил Санников, правильно ли, что шар — пузырь, выбросившийся из вакуума и теперь втягивающийся обратно. Он настаивает именно на таком толковании. Если оно верно, проблема упрощается. Энергия, вливаемая в шар, тормозит его исчезновение. Отсюда первое действие — сократить подачу энергии и понаблюдать, как поведет себя шар.

— Принимается, — сказал Рой. — Но допустим, что при сокращении подачи энергии шар — в соответствии с вашей гипотезой — покажет стремление сбежать из нашего мира. Разрешим ему улизнуть?

— Ни под каким видом! — поспешно сказал Курт. — Только тогда и начнется настоящее изучение.

Он постарался, помня условия Роя, быть кратким. Если шар станет быстро втягиваться в вакуум, подача энергии немедленно восстанавливается. Будет доказано, что внутри шара имеется провал в мировой вакуум, куда и рушится энергия. Превращение гигантского газового светила в сверхплотный комочек вызвало разрыв вакуума. И шар не что иное, как защитная пленка вокруг разрыва. Разрыв затягивается, пленка вбирается внутрь. И, стало быть, следующее действие — найти в центре шара этот самый разрыв. Для этого проникнуть в его недра в специальной капсуле — сперва автоматы, потом и люди...

— Вы с ума сошли, Курт! Какая безумная идея! Вы сообра-

жаете — при таком потоке энергии! Да это же в миллионы раз опасней, чем вплавь одолеть Ниагару. Любая капсула мгновенно превратится в плазму.

— Я все продумал! — заверил юноша. — Во-первых, при запуске капсулы подача энергии прекращается. Во-вторых, мы применим ваше собственное изобретение. В вашей лаборатории доработана антигравитационная защита академика Томсона. Сквозь стену, не нарушая ее целостности, у вас свободно проскальзывает снаряд с человеком. Андрей говорил, что вы сами проходили сквозь гранитную скалу толщиной с десяток метров. Почему не воспользоваться вашими экранными полями? Игра стоит свеч!

Юноша серьезней, чем показался поначалу, думал Рой, иска са поглядывая на Курта. И если даже идея его неверна, почему не доведаться, в чем ошибка? И отчего не проверить экранирование на важном деле, а не только на проскальзывании сквозь стены? Испытания, произведенные на Земле, отдают все же фокусничеством — игровые спектакли, красочные демонстрации возможностей экранных полей.

— Хочу обратить ваше внимание, Рой, еще вот на что, — продолжал Санников. — Силуэты, появляющиеся в шаре, глубоко убежден, лишь оптические свидетельства неведомых физических процессов, а не фигуры живых существ. И доказательство этого прекратит распространение необоснованных надежд и нереальных планов.

— Вы уже беседовали с кем-нибудь о своих предложениях?

— Только с Корзунской.

— Она, конечно, выдвинула массу возражений?

Санников удивился.

— Что вы, Рой, Людмилу, правда, раздражает моя манера излагать мысли... Она нетерпеливая, а я медлителен... Но еще не было случая, чтобы она не соглашалась по существу дела. Она ведь сама захотела лететь со мной. Андрей намечал меня одного, она сказала: “Нам с Куртом вместе хорошо работается”. Это правда, Рой. Мы с Людмилой работаем дружно... когда я не огрызаюсь на ее насмешки, этого она не любит.

— Насмешек не любит? — иронически поинтересовался Рой.

— Нет, насмехаться она любит, — серьезно сказал Санников. — Она не любит, когда не любят ее насмешки. Я стараюсь терпеть.

— Я поговорю с братом, Курт.

У Генриха продолжался период легкомыслия. Он не захотел обсуждать идеи Санникова. Пусть Рой решает сам, он доверяет мудрости брата. Рой сказал, что для создания экранирующего поля понадобится вызвать с Земли Арутюняна с аппаратурой. Генрих воскликнул, что будет рад обнять Рорика на Виргинии. Рой пожал плечами. Было хорошо, что Генрих соглашался без спора. В дни “третьего периода” бывало, что он восставал против любого предложения Роя. И поспешное согласие, и столь же поспешные возражения одинаково выражали одно: что Генрих временно потерял интерес к работе. Но неаргументированное согласие было все же лучше неаргументированных возражений. Рой сказал:

— Если Петр примет программу Курта, я дам ротонограмму Боячеку с просьбой прислать Рорика Арутюняна.

5

Арутюнян привез столько механизмов, что один из трюмов звездолета загрузили доверху. Пока аппаратуру монтировали в специальном здании около шара, Арутюнян познакомил своих руководителей с делами их лаборатории на Земле.

— Рорик, ты знаешь, что предписывает нам старик? — Рой показал на письмо Боячека, только что доставленное Арутюняном.

— Знаю. Боячек устно высказал то же самое. Нам троим — тебе, Генриху и мне — запрещено пилотировать капсулы, проникающие в недра шара. Боячек советует ограничиться засылкой автоматических анализаторов, он считает, что этого достаточно.

— Этого недостаточно, Рорик. Боюсь, беспилотное зондирование немного даст. Поговори с Куртом Санниковым, его мысли относительно природы шара пока что подтверждаются: при сокращении подачи энергии шар явственно уменьшается в размерах, как и предсказывал Курт.

Арутюнян после объяснений Санникова признался братьям, что у него не лежит душа видеть в загадочнейшем объекте, когда-либо найденном в космосе, только пузырь, вынырнувший из разрыва в мировом вакууме: звездная катастрофа, самоуничтожение гигантского светила — и какой-то пузырь! Рой посоветовал не распространять на природу человеческие эмоции.

пусть он назовет шар благопристойней, скажем бриллиантом, выскочившим из пекла звездной катастрофы — и успокоится на таком наименовании. Их задача — расследовать природу таинственного объекта, это физика, а не семантика. И готовить капсулу к безопасному проникновению в недра шара, что бы он собой ни представлял — пузырь из вакуума, разновидность космических бриллиантов или, не исключено, корабль с экипажем разумных существ.

Генрих засмеялся. Арутюнян с недоумением посмотрел на него. Генрих весело сказал:

— Рою свойственно воспринимать события драматически, а я смеюсь, когда чего-либо не понимаю.

— У тебя есть представление, что такое этот шар?

— Только одно представление — непонимание. Я уже сказал о нем.

— Ты будешь помогать мне в оснащении капсулы?

— Я механик неважный. Но среди инженеров Космостанции ты найдешь много специалистов. Тебе помогут и Курт с Людмилой.

Санников отговорился от помощи Арутюняну. Он с печалью показал свои маленькие, тонкие пальцы: его руки не просто слабые, у них отвратительное свойство — все, за что они берутся, ломается или разлаживается. Корзунская пошла в помощники с восторгом. Она мастерила у Корытина приборы, монтировала сложные установки, а экранирующие поля захватывают ее, она сочтет за честь принять участие в сборке генераторов таких удивительных полей. Арутюнян сказал Рою, что загрузит Людмилу тонкими сборками, он не знает, какой она космоэнергетик, но в наладчики аппаратуры и на Земле взял бы ее без раздумий.

Рой с иронией сказал брату:

— Как тебе теперь прогуливаться без спутницы по райским уголкам Виргинии?

— Обойдусь без прогулок! — Генрих засмеялся. — Когда-нибудь придется же забросить приятное времяпровождение. Я вижу, как ты нервничаешь, Рой.

— Пора, пора приступать к делу, Генрих. Нам не хватает твоего живого участия в выборке программы.

— Не торопи меня, Рой, — попросил Генрих. — Программу испытаний ты наметишь и без меня. Поверь, ни одной стоящей мысли мне пока не приходит. Подождем, пока испытания принесут новые данные.

Рой привык, что их трудовое содружество мало напоминает нормальное сотрудничество. И он понимал, что Генриха надо порой освобождать от мелочей, от методичного накапливания фактов — девять десятых лабораторного труда сводилось к такому медленному умножению деталей. Зато мыслительные силы Генриха вспыхивали, когда исследование тормозилось непредвиденными коллизиями.

Так установилось с первых лет их сотрудничества, такие отношения особенно усилились после двух болезней Генриха — аварии планетолета на Марсе и неудачного испытания аппарата для индивидуальной музыки.

Первое испытание капсулы дало меньше, чем ожидали. Капсула проникла внутрь шара без осложнений, ее анализаторы фиксировали все, что совершалось во время проникновения. Записи подтверждали то, что знали и раньше, — вокруг шара пылевое облако, за пылью — оболочка из сплава доброго десятка тяжелых металлов, за оболочкой — рыхлая пемзообразная сердцевина, тоже металлический сплав. Никаких помещений, никаких механизмов, никаких существ! И никаких странных силуэтов, похожих на движущиеся живые тела. Анализаторы капсулы дали меньше данных, чем те же анализаторы, фиксировавшие шар с поверхности.

— Может быть, слишком велико экранирование? — сказал Арутюняну огорченный Рой. — Возможно, оно не только защищает капсулу, но и, так сказать, ослепляет ее.

Капсулу вывели из шара. Рой подал на экран запись внешних анализаторов.

В салоне возникла знакомая картина: в недрах шара перемещались расплывчатые силуэты. Приборы оконтурили и капсулу, неторопливо скользившую к центру, и вызванное ею усиленное движение силуэтов: одни как бы разбегались от надвигающегося на них чужого снаряда, другие как бы стремились к нему с периферии, извивались вокруг аппарата — порядка ни в разбегании, ни в сгущении не улавливалось.

Рой предложил расширить программу исследований. Капсула снова вводится внутрь, и экранирование ее меняется от самого мощного до такого, где появляется угроза разрушения, — может быть, тогда и произойдет реальная встреча с призраком. Рисуем и разрушением, чтобы поглядеть, как оно пойдет.

На этот случай необходимо собрать другие капсулы для замены.

— Для меня и брата ваша теория провалов в вакууме не очень привлекательна, — объявил Рой Курту Санникову. — Куда приятней было бы встретить братьев по разуму. Мы уже как-то сжились с мыслью, что предстоит деловой контакт с инозвездной цивилизацией. Но с огорчением констатирую: факты опять складываются в вашу пользу. В первых экспериментах, во всяком случае.

— Дальнейшие эксперименты только еще убедительней подтвердят мою концепцию, — вызывающе пообещал молодой космолог.

Арутюнян выполнил новую программу. Капсула, при полном снятии экранирования, растворилась в массе непонятного вещества в центре шара. Рой констатировал, что науке разрушение капсулы ничего не дало, кроме знания факта, что без защитного экранирования материальные тела внутри шара существовать не могут.

— Это, возможно, тоже имеет значение, — сказал он, пожимая плечами.

Гораздо существенней было, что анализаторы капсулы фиксировали канализацию энергии к центру шара, а там она вдруг пропадала бесследно.

— Можно, конечно, принять, что центр шара — бездонный колодец в вакуум, куда рушится вся энергия, — обратился Рой к Санникову. — В этом, сколько понимаю, сущность вашей теории. Но это, по-моему, равносильно объяснению одной загадки при помощи другой, вовсе не более ясной. Что делать дальше, не знаю. Хотел бы услышать все мнения.

— Пришел час человеку проникнуть в шар, — сказал Санников. — Прошу оказать мне честь быть первым пилотом капсулы.

— И мне! — воскликнула Корзунская. — Напоминаю, что я космоэнергетик и меня специально командировали на Виргинию для исследования, куда исчезает энергия. Я участвовала в сборке капсулы, мне знаком в ней каждый прибор. Роберт Арутюнян может подтвердить.

Рой подвел итоги обсуждению.

— Начинаем пилотное зондирование шара. Скорее всего первыми пилотами капсулы будут астрофизик Курт Санников и космоэнергетик Людмила Корзунская...

— У тебя другое решение? Тогда объяви его! — сказал Рой брату. — Твое унылое лицо действует мне на нервы. Впечатление такое, что ты готовишься не к эксперименту, а к похоронам. Может, расскажешь, что тебе не нравится?

— Мне все не нравится. Все, Рой. Способен ты это понять?

— Нет, не способен. Все — это ничего. Мы учили когда-то, что истина — конкретна. Подави раздражение и объяснись по-конкретней.

Генрих постарался сдержать раздражение. Ему не нравится теория провалов в вакуум, это главное. Опытные данные подтверждают фантастическую гипотезу космических пузырей, но он ничего не может с собой поделаться: пузыри ему, как и Рорику Арутюняну, неприятны. Он не может противопоставить пузырьной теории ни одного стоящего возражения, но от этого его отношение к ней не меняется. И его беспокоит пилотное зондирование. Он боится вторжения людей в шар.

— Опыт показал, что капсула свободно проникает туда и беспрепятственно возвращается. Ты не веришь опыту?

— Рой, ведь речь идет не о том, во что я верю, а во что — нет. Да, экранирование пока надежное, это я вижу. Но ты спрашиваешь меня не о надежности экранирования, а почему у меня плохое настроение. Вот я и отвечаю: плохое настроение у меня оттого, что мне не нравится затея с проникновением в шар людей. Обосновать, почему не нравится, не могу.

— Зато я могу обосновать это, — спокойно сказал Рой. — Тебя беспокоит, что в капсулу сядет Корзунская. Не так?

— А хотя бы и так? — сердито крикнул Генрих. — Здоровые мужчины будут покоиться в креслах салона, а женщину отправляют черт знает в какой мир. Или ты забыл, что мы обещали Андрею позаботиться о безопасности Людмилы? Хороша забота, скажу тебе.

— Рассмотрим твои соображения по порядку, — предложил Рой. — Ты знаешь, я педант, я люблю так: пункт первый, пункт второй. Итак, пункт первый. Мы покоимся в креслах, ибо нам прямо запрещено пилотировать капсулу. Пункт второй. Если бы мы находились в капсуле, толку было бы кот наплакал: мы не инженеры, с навигационным оборудованием капсулы не знакомы. Пункт третий. Людмила и Курт имеют тысячи преимуществ перед нами: он вооружен расчетами, с которыми ни ты, ни я не

удосужились детально ознакомиться, она превосходно справляется со всеми механизмами капсулы. Рорик меня в этом заверил категорически. Пункт четвертый...

— Хватит, Рой! — взмолился Генрих. — У меня от твоих бесчисленных пунктов судорога в мозгу. Делай, как все вы решили, только снова и снова повторяю: мне эта затея не нравится!

Рой задумчиво сказал:

— Главная опасность связана с энергией, подаваемой в шар. Даже томсоновское экранирование может отказать в бешеном вихре частиц. Мы будем следить с пульта за продвижением к центру, но сумеем ли справиться с аварийными ситуациями? Курт просит манипулировать величиной энергии, чтобы точно определить место, где она пропадает. Он хочет исследовать шар при максимальной подаче энергии и полном ее прекращении. По-моему, это резонно. У тебя нет возражений?

— Никаких, — устало сказал Генрих.

— Тогда завтра, — решил Рой. — Твое место на пульте.

— Я провожу их и со стартовой площадки полечу на пульт.

На стартовую площадку Генрих прибыл с Арутюняном, вместе с ним влез в пустую капсулу. Она походила на штурманскую рубку, столько в ней было всяческих механизмов. Арутюнян сказал:

— Генрих, эта капсула сквозь любой металл пройдет так же свободно, как раскаленный нож через масло.

— Твоя капсула уже показала свои достоинства, — хмуро сказал Генрих. — Не знаю, схоже ли вещество шара с маслом, но капсула уже прорезала его.

Он вышел и прохаживался возле капсулы. Арутюнян возился с механизмами. Из авиетки вышли Людмила и Санников. Корзунская побежала к Генриху, издали протягивая руку.

— Генрих, благословите меня на важные открытия в рейсе! — сказала она весело.

— Благословляю вас на благополучное возвращение, — сказал он.

— Нет, нет, — настаивала она. — Благополучное возвращение — норма, оно предусмотрено программой. А важные открытия — удача. Нечто, что заранее трудно планировать. Благословите меня на удачу!

— Благословляю вас на удачу! — сказал он, с усилием засмеявшись.

Курт первым влез в кабину. Корзунская помедлила у входа в капсулу.

— До скорого свидания! — радостно крикнула она. — Генрих, выговорите себе на завтра выходной — мы после отдыха устроим большую прогулку по виргинским просторам. И Курта заставим пойти с нами.

Курт проворчал, не улыбнувшись:

— Найду занятие поважней прогулок.

Арутюнян дал старт. Продолговатый, похожий на огурец снаряд неторопливо двинулся к пылевому облаку и скоро пропал в нем. Арутюнян взял Генриха под руку. На стартовой площадке больше нечего было делать. Генрих поспешил к авиетке.

На пульте Рой встретил их восклицанием:

— Все по программе, никаких сбоев!

На экране была картина, какую уже неоднократно видели. Продолговатая капсула вползала в темную массу — в сплошной сплав десятка металлов, в человеческой технике такие сплавы были неизвестны. Без томсоновского экранирования нельзя было бы и думать о рассечении столь плотного вещества.

Капсула двигалась свободно. У Генриха тяжело стучало сердце. В какой-то момент Санников включил оптические преобразователи, кабина ярко осветилась. Санников держал обе руки на регуляторах хода, Корзунская обернула радостное лицо к передатчику, ликующе крикнула:

— Мы в центре. Варьируйте подачу энергии.

Рой повел регулировку подачи, два инженера энергостанции, сидевшие по бокам, молча следили за его командами, готовые в любой момент подстраховать оператора. Санников погасил свет, на экране виднелась только темная масса неизвестного вещества вокруг капсулы, рыхлая масса, — то удивительное место, где энергия, вопреки всем законам космоса, превращалась в ничто. Генрих, не отрывая глаз от экрана, мысленно видел то, что экранные пленки были бессильны изобразить. Ему чувствовалось, как ум заходит за разум. Все, что совершалось в эту минуту там, в центре шара, вокруг маленькой капсулы с двумя пилотами, было больше, чем непредставимо, — невысказано! Реальность, которой не может быть! Бездна энергии от генераторов Космостанции мчалась потоками частиц и волн от поверхности к центру, она концентрировалась здесь, около капсулы с двумя людьми. Даже секунды такой подачи хватило бы, чтобы возник чудовищный взрыв, чтобы забушевало пекло рас-

каленной до миллиона градусов плазмы — так вещали фундаментальные законы мира, мир не допускал ни единого исключения для своих фундаментальных законов. Вот оно — немыслимое исключение! Может, и прав юный космолог Курт Санников — и в центре дыра в тартарары, в потусторонний мир, в чуждую нам вселенную? Но почему грандиозный водопад энергии, рушащейся в подпол космоса, не увлекает с собой и капсулу, она ведь из тех же материальных частиц? Капсула повисла над неведомой бездной. Не швырнет ли и ее туда же?

Рой обернулся к брату и негромко сказал:

— Передача уменьшена вдвое. Опасность стала меньше.

— Опасность стала заметно меньше, — бесстрастно повторил Генрих.

— Уменьшаю еще на треть, — сказал вскоре Рой.

Некоторое время подача шла на четверти обычной нормы.

Санников попросил еще уменьшить подачу. Рой с удивлением сказал инженерам Космостанции:

— Впечатление, что команды стали тормозиться. Почему бы это?

Один инженер связался с генераторами, другой проверял, нет ли неполадок на пульте. На экране вдруг возникли и забегали силуэты — Генриху показалось, что хаоса в их метаниях сегодня было больше.

Снова вспыхнула внутренность капсулы, Курт вертел какой-то регулятор, но это ничего не меняло. Корзунская кричала в передатчик:

— Друзья, что там у вас? Никаких изменений. Продолжайте уменьшать подачу.

Инженер Космостанции сказал Рою:

— В генераторной вдруг возникли неполадки, они устранены. Можете продолжать операцию по программе.

Рой повернул регулятор на очередное половинное уменьшение подачи. Опять ярко вспыхнула внутренность капсулы. На полу судорожно катался Курт Санников, Корзунская хваталась обеими руками за стенки, без перерыва кричала, передатчик донес ее исступленный, на одной мучительной ноте крик: “Спасите! Спасите!”

На мгновение опередив брата, Генрих рывком из-за спины Роя перевел регулятор на увеличение подачи. Рой быстро проговорил:

— Буду выводить капсулу наружу, а ты скорей на площадку!

Генрих бросился к выходу. У авиетки его догнал Арутюнян. Подлетела вторая авиетка, в нее сели врачи. Генрих задал максимальный ход. Стартовая площадка была пуста. Генрих прыжком выбросился из авиетки. Врачи вынули носилки, спешно готовили инструменты. Арутюнян тронул молчаливого Генриха за плечо:

— Пожалуйста, успокойся. Что можно сделать для их спасения, будет сделано.

Генрих не ответил. Ничего нельзя было сделать, он понял это, когда увидел свалившегося на пол Санникова, услышал предсмертный крик Корзунской. Произошла непоправимая катастрофа, он один предчувствовал ее — и не предотвратил! Из пылевого облака медленно выползала капсула, она казалась неповрежденной. Из третьей авиетки выскочили Рой с Петром. Капсула остановилась в центре площадки. Арутюнян разгерметизировал двери, первый шагнул внутрь, за ним врачи, за врачами Генрих с Роем и Кэссиди. Тесно сомкнувшись, чтобы не наступить на то, во что превратились их товарищи, вошедшие молча глядели на пол. На полу лежали два мертвых тела. Санников мало переменялся — скрюченный, с искаженным лицом, он только казался несколько меньше. А Корзунская как бы опала, она выглядела девчонкой, странной девчонкой, без кровинки в лице, тощей, с руками-палочками, такими же тонкими ногами — это был другой человек, совсем не тот, которого видели ежедневно. Врач сказал:

— Друзья, выходите. Мы будем выносить пострадавших.

На площадке Рой подошел к брату. Генрих сказал:

— Рой, в их гибели виноваты мы с тобой. Мы убийцы, Рой!

— Возьми себя в руки! — приказал брат. — Когда освобожусь, мы обсудим, кто виноват и что виновато. А сейчас возьми себя в руки! Слышишь, Генрих, возьми себя в руки!

7

Рой пошел с врачами в операционную, узнал там, что воскрешение из мертвых, к тому же столь странно деформированных, выше сил медицины, единственное возможное — законсервировать тела в нынешнем состоянии, чтобы потом их обследовали земные медики. Арутюнян, осмотревший капсулу, доложил, что в ней отсутствуют и внешние, и внутренние повреждения. Рой влез в капсулу и тоже убедился, что капсула

была такой же, какой ушла в последний эксперимент. Энергоинженеры доложили, что затруднений в подаче энергии в шар нет, все совершается так, как совершалось все дни. Рой попросил проверить, возникают ли тормозные препятствия при уменьшении подачи энергии, именно после них и произошла катастрофа. Подача трижды уменьшалась почти до нуля, Рой сам проверил переход через величину, вызвавшую противодействие,— противодействия больше не было. Рой сказал Кэссиди: “Мне кажется, где-то здесь таится причина катастрофы, только пока я не знаю, как связать ее с затруднениями в подаче энергии”.

Кэссиди согласился, что причину трагедии надо связать с неожиданным торможением подачи, но тоже не мог сказать ничего определенного — затруднения не возобновлялись и было темно, почему они вообще возникли. Надо посоветоваться с Генрихом, решил Рой и подумал, что уже несколько часов не видел Генриха: тот исчез сразу со стартовой площадки и больше не давал о себе знать. Рой с тревогой вспомнил, в каком отчаянии был брат, когда из капсулы выносили трупы, как побелел, как тряслись его губы, как подрагивали руки. Рой гневно упрекнул себя: нельзя было покинуть Генриха в таком состоянии, нужно было придумать ему какое-то срочное задание по расследованию катастрофы, только не оставлять одного с мыслями, что он виновен в гибели товарищей.

— Петр, меня беспокоит Генрих, — сказал Рой. — Пойдем поищем его.

Генрих отыскался легко, он был у себя: ходил взад и вперед по небольшой гостиничной комнате и не прекратил нервного хождения, когда вошли брат и Петр, только жестом предложил им усаживаться.

— Генрих, хочу тебя информировать обо всем, что мы узнали, — сказал Рой. — Новостей немного, но кое-какую пищу для размышлений они дают.

Он говорил и вглядывался в молчаливо шагавшего перед ним брата. Генрих взял себя в руки, это было несомненно. И следов отчаяния, так встревожившего Роя, не было ни в лице, ни в словах. И нервное хождение не выдавало недавнего исступления, Генрих нередко — особенно когда одолевали трудные мысли — пускался в такой комнатный бег.

И еще одно стало видно Рою: брат стряхнул с себя так долго полонявшую его вялость. Несчастье преобразило его, он снова

был собранным, быстрым на мысли: то, что он называл “моя рабочая форма”. Именно в таком состоянии он находил свои лучшие идеи.

Слишком поздно, с печалью подумал Рой.

— Каковы ваши планы? — спросил Генрих, когда Рой закончил.

— Пришли посоветоваться, Генрих.

Генрих обратился к Кэссиди:

— Вы не собираетесь прекратить перевод энергии в ничто? Раньше вы высказывали столько недовольства по этому поводу.

— И сейчас высказываем. Но короткое время еще можем уничтожить наши энергетические запасы.

— Рой, капсула годится для новых зондирований шара?

— Рорик хоть сейчас может запустить ее в работу. — Рой пронизательно посмотрел на брата. — Генрих, я должен тебя предупредить — больше никаких экспериментов с пилотами в кабине. Ни один человек не сделает попытки проникнуть в недра шара.

— Это меня устраивает. Хочу продолжить беспилотное зондирование. Капсула внесет в недра шара один небольшой груз.

— Какой груз, Генрих?

— Цветы.

Рой так удивился, что не нашел ответа, Кэссиди, привыкший больше слушать, чем говорить, невольно хмыкнул — таким странным ему показалось предложение.

Генрих нахмурился.

— Что вас так ошеломило? Да, цветы, обыкновенные цветы в вазонах — хорошие, в доброй поре. Хочу дознаться, действует ли на растения обстановка в шаре. Как на Виргинии с цветами, Петр?

— Никогда цветами не интересовался. Но оранжерея у нас есть. Отсюда можно заключить, что и цветы имеются.

— Будут тебе цветы, — сказал Рой. — Сам пойду в оранжерею. Но объясни на милость, зачем они понадобились?

Генрих задумался и ответил не сразу:

— Разрешите мне пока помолчать. Одна идея... Без убедительного доказательства она покажется слишком фантастической.

— Цветы сыграют роль убедительного доказательства?

— Надеюсь на это.

Рой поднялся, Кэссиди тоже встал.

— Не будем терять времени, Генрих. Завтра запустим капсулу с самым пышным букетом цветов, какой мне удастся достать.

Рой постарался — набор цветов занял один из столов в салоне. Все, что выращивалось в виргинской оранжерее, было представлено лучшими экземплярами. Рой вызвал брата. Его в комнате не было. На стартовой площадке, где Арутюнян подготавливал капсулу к очередному запуску, Генриха тоже не нашли. Рой отправился в больницу.

В прозрачных саркофагах, водруженных на топчаны, покоились останки погибших. Генрих стоял около саркофага Корзунской. Рой увидел в глазах брата то же отчаяние, что и на стартовой площадке. Рою показалось, что Генрих расплачется. Но Генрих сказал почти спокойно:

— Рой, какие изменения ты находишь у Курта и Людмилы?

Рой медленно обошел оба саркофага. Санников изменился мало: врачи выправили гримасу боли, так искажавшую его лицо, он теперь походил на себя живого, только похудевшего и измученного, словно от долгой болезни. А Корзунская по-прежнему была иной, чем в жизни, Рой не узнал бы ее такую, встретиться они на улице. Не изуродованная, сохранившая прежние изящные очертания, и раньше довольно хрупкая, она теперь казалась девчонкой, только-только выбравшейся из отрочества.

— Оба изменились по-разному, — сказал Рой. — А общее у них то, что они оба уменьшились в размерах. Если бы это не звучало кощунственно, я бы сказал, что оба в смерти как-то помолодели.

— И мне так кажется, — глухо сказал Генрих. Он еще раз глянул на Корзунскую и пошел к выходу.

В салоне Генрих так осматривал цветы, словно искал в них что-то иное, кроме красивого вида и приятного запаха, — поднимал вверх ветки, ощупывал лепестки, проводил пальцами по листьям. Выбор его пал на молодой розовый куст — большинство бутонов недавно распустились, некоторые лишь готовились к цветению. Генрих залюбовался кустом.

— Вот это — в капсулу. Остальные цветы поставьте у саркофагов.

— Ты пойдешь на стартовую площадку? — спросил Рой. — Или на командный пульт?

— Я останусь в салоне. В одиночестве хорошо думается. Не буду наблюдать за операциями, какие вы проводите, а постараюсь вообразить, чем вы заняты. Иногда это дает более правдивую картину.

Говорил он ровно, даже улыбался. Приказ брата — взять себя в руки — он выполнял. Рою захотелось шуткой поддержать его.

— Ты натурфилософ, Генрих. Фигура в двадцать пятом веке довольно странная. Вместо того, чтобы экспериментально исследовать загадку, ты доискиваешься ее философской сути. Знаешь анекдот о художниках, которым поручили рисовать осла?

— Я не любитель анекдотов. Особенно, когда анекдоты об ослах.

— Ослы в них действуют за экраном. Итак, трем художникам — англичанину, французу и немцу — выдали заказ на портрет осла. Англичанин пошел на конюшню и спокойно срисовал осла. Француз поспешил во дворец, чтобы доведаться, какие осла всего приятней фаворитке короля. А немец заперся в кабинете, стараясь мысленно обрисовать себе философское понятие, выражаемое образом осла.

Генрих принужденно засмеялся.

— Вас понял, как говорят на уроках радиосвязи. Ты вроде художника-англичанина, а я философ-немец. Какая-то доля правды в этом есть. Но не очень большая, Рой. Напомню, что ты сейчас будешь проводить эксперимент с цветами, но эксперимент придумал я. Так что и я не чужд экспериментальных конюшен.

Рой шутил не только для того, чтобы подбодрить брата, и уж, во всяком случае, не для того, чтобы поддразнить, хотя в иной обстановке не преминул бы это сделать. Ему не хотелось отпускать Генриха. Брат уединялся, чтобы свободно размышлять, так он сказал. Не превратится ли размышление в новый приступ горя?

На людях Генрих сдерживается. Сумеет ли он сдержаться, когда на стереоэкране в затемненном салоне развернется точно такая же картина, которая привела к катастрофе? Но противиться столь явному настроению Генриха Рой не мог.

— Мы придем к тебе по окончании эксперимента. И цветы из капсулы доставим, — пообещал он.

— Как условились, Рой: на минимальной подаче держите капсулу всего несколько мгновений, — напомнил Генрих.

Если бы Рой знал, зачем Генрих настаивал на одиночестве, ему стало бы спокойней. Пора отчаяния прошла: случившегося не поправить, так сказал себе Генрих, когда метался в гостиничной комнатухе. Он весь ушел в трудное размышление; постороннее — люди, разговоры, вызовы — отвлекало. Он развивал странную мысль, длинную мысль; она была похожа на сюжетную историю, возникавшую сразу со всеми картинными деталями и скачком перебрасывающуюся от главы к главе. Так бывало и раньше, когда монотонно воспроизводимые измерения утомляли Генриха.

Среди диковинных гипотез, прихотливо вспыхивающих в мозгу, Генрих всегда ориентировался свободней, чем в столбцах цифр. В цифрах разберется машина, это дело компьютера, — не раз защищался он от нападок брата; цифры имеют лишь ту ценность, что опровергают или подтверждают идеи. Они и наводят на идеи, доказывал Рой. Генрих огрызался: если тебя наводят, возись с ними. Рой мог ворчать сколько угодно, превратить брата в исправного лаборанта он был бессилен: экспериментальная точность, экспериментальное изящество, так восхищавшее Роя, оставляли Генриха равнодушным.

Генрих включил стереоэкран. Покоясь в удобном кресле — не в модном силовом, как на Земле, а старого типа, из дерева, тканей и металла, — Генрих вглядывался в пейзаж, много раз виденный, но видел не только его. Рой показывал пылевое облако, сигарообразную капсулу, медленно исчезающую в пылевой завесе, но то была одна картина, в мозгу была и вторая, независимая, не показываемая операторами. В черной пустоте космоса, среди льдинок далеких звезд недвижно висел странный шарик; он временами менял окраску — то был совершенно синий, то красный, потом зеленый, сейчас выглядел голубоватым; голубизна бледнела, словно выцветая, в ней была зелень, начинало теплиться золото, это были как бы побежалые цвета, но не мчавшиеся торопливо сменить друг друга, а выроставшие один из другого. И, тускло вытениваясь сквозь наружные краски, в шаре сновали темные расплывчатые фигуры, не тела, скорей силуэты, нечто призрачное, нечто из иного мира, не космической материи — капсула много раз углублялась в шар и ни разу реально не наталкивалась на привидения, они вещественно

не существовали, они были изображениями, как и картинки на стереоэкранах: яблоко на рисунке тоже не схватить рукой, не укусить зубом.

— Вздор, — вслух сказал Генрих, — за экранном образом яблока стоит реальное яблоко, оно и породило изображение. А что стоит за силуэтами на виргинских экранах?

Рой вел капсулу в центр шара, Генрих следил, как сигарообразный аппарат скользит в неизвестном веществе, словно торпеда в воде, и снова видел то, чего на экране не было — меняющие свою форму неторопливо-подвижные силуэты. Он закрыл глаза, так было лучше видеть. Погибшему юноше Курту Санникову вообразилось, что внутри шара открыты ворота в неведомые подспудные миры, поглощающие нашу энергию. Нет, что за нелепая картина: вампир, присосавшийся к человечеству, неистово жадный рот, возникший вдруг в космической пустоте! Куда приятней вера звездопроходцев, что они, ухватив за собой иноземный корабль, ведут за собой на силовом аркане плененных незнакомцев. Нехорошие для межзвездного контакта словечки — ухватили, ведут на аркане, плененные незнакомцы. Слова нехорошие, а точные: если и существуют эти незнакомцы из иных миров, то в контакт пока не вступают, их принуждают к контакту — и безрезультатно. Не хотят или не могут? Сколько дней он ломает голову над этой тайной! Может, прав Санников: никаких незнакомцев нет, нашли неизвестное до того, удивительнейшее астрофизическое явление — и все тут! Нет, не все, не все! Почему тогда погибли Санников и Людмила? Никуда они не провалились, остались в нашем космосе, но остались иными, чем были, — мертвыми, непонятно преобразенными.

Ошибался Курт Санников, милый юный космолог, так нелепо, так непредвиденно погибший. Истинно другое — та странная мысль, что впервые возникла у него, Генриха, когда он рассматривал два мертвых тела.

Генрих откинулся в кресле, что-то бормотал вслух. Размышление не шло. Мысль расплывалась, превращалась в грезу, в красочный полубред. Он уже не покоился в удобном кресле, не смотрел на экран, где в центре шара замерла капсула, — он был одним из тех силуэтов, мимо которых проскользил, не обнаруживая их, зондирующий снаряд: он был мыслящим существом, диковинным существом, он корчился от боли жить не в своем мире. На все стороны простиралась бесконечная вселенная,

миллиарды световых лет черной пустоты с зернышками взвешенных в ней светил — и пустота была чужой, и скопления звезд чужими. Это был не его мир, его вырвали в него взрывом — произошла катастрофа, он оказался в горниле чудовищного разрыва пространства и времени. И теперь он чужестранец в незнакомой стране, слепой в мире красок, безногий на шляху, безрукий в воде. И он не тонул, он даже потонуть не мог, это был не его мир — в нем не было простора для жизни, не было возможности смерти, и жизнь и смерть были привилегиями существ этого мира, он не принадлежал к ним. Он мчался в чужой вселенной, не соприкасаясь с ней, был ей потупределен — навечно, всецело отстранен от ее предметов и существ: одиночество, равное бесконечности. Печаль томила его — безнадежная, непостижимо величавая, самое сверхчеловеческое из человеческих чувств.

Генрих положил руку на сердце, так вдруг стало больно. В салоне из невидимых калориферов струился напоенный влагой и ароматами воздух — воздуха не хватало. Генрих задыхался, его душила вдруг познанная безмерность одиночества. Воздух не насыщал, словно и он был чужим.

— Чертовщина! — нервно сказал Генрих вслух и, вскочив, взволновано прошелся по салону.

В салон вошли Рой и Кэссиди.

— Эксперимент закончен, Рорик спустя несколько минут доставит сюда твой розовый куст, — сказал Рой. — Знаешь, как проходило понижение подачи энергии?

— На малых подачах снова появилось торможение? Я его ожидал.

Рой переглянулся с Кэссиди.

— А какие существенные изменения ты ожидаешь в розовом кусте, Генрих?

— Думаю, вазон не изменится. А цветы погибнут. И странно погибнут, не завянут, а распадутся в труху, втянутся в себя.

Вошедший Арутюнян поставил на стол вазон с розовым кустом. Распустившиеся розы уменьшились и сжались, они казались скорей вялыми бутонами, чем недавними роскошными цветками.

— Нет, друзья, нет, — сказал Генрих, когда Рой, Кэссиди и Арутюнян, оторвавшись от роз, расселись в кресла. — Не ждите от меня обстоятельной теории. Ничего в таком роде не будет. Я хочу изложить одну гипотезу, скорее даже фантазию, чем гипо-

тезу. И начну с того, что установлю некоторые исходные пункты. Если они ошибочны, то и моя гипотеза неверна. А если верны, то...

— То и твоя гипотеза верна, ты это хочешь сказать?

— Почему ты всегда считаешь меня примитивней, чем я есть, Рой? Я хочу сказать, что если предпосылки верны, то моя гипотеза становится одной из возможных и следует проанализировать ее вероятность.

Генрих остановился, ожидая реплики. Никто из слушателей не отозвался. Генрих продолжал:

— Итак, исходные пункты. Первое: шар появился в космическом пространстве при коллапсе звезды. Второе: он вырвался прямехонько из того ада, каким стал центр звезды в считанные секунды. Третье: при коллапсе звезды, превратившейся в “черную дыру”, деформируется не только пространство, но и время. Таковы мои исходные пункты. Считаете ли вы их правильными?

— Все три пункта — правильны, — подтвердил Кэссиди. — Но ведь в них не содержится ничего нового.

— Новое привнесет в них моя фантазия. Допустим, что — кроме нашего — существует еще и другой материальный мир. Например, столько говорили о звездах, о целых галактиках из антивещества. Мы пока их не встречали, но возможность антимира никто оспаривать не будет, ведь так? Так вот, прифантазируем необычный мир, существующий рядом с нашим космическим, но отличающийся одной чертой — у него иное течение времени.

— Иное течение времени? — разом воскликнули Рой и Кэссиди. Арутюнян только изобразил на лице удивление.

— Да, иное течение времени. Под каким-то углом, может быть, даже перпендикулярное нашему. Миры с разным временем не стыкуются, один не может перейти в другой. Мы с вами ведь не можем встретиться с Юлием Цезарем или Аристотелем, хотя и обитаем в одном с ними физическом времени: мы в разных точках этого единого времени. А если бы время было еще и физически разным по течению своему — ведь тогда невозможность встречи, немислимость соприсутствия в пространстве стала еще очевидней. Но времена разного течения могут один раз пересекаться, как пересекаются непараллельные линии. И только одна физическая возможность дается в космосе, чтобы мир одного времени мог проникнуть в мир времени иного.

— Ты подразумеваешь коллапс звезды, Генрих? — спросил Кэссиди.

— Именно это, Петр. При катастрофическом антивзрыве светила не только вещество невообразимо плотно сжимается, но столь же невообразимо плотно сжимается и время. Оно становится внеисторичным, внефизичным, оно, собственно, здесь, в точке чудовищного сгущения массы, уже вовсе не время, а некая всевременность, некое слияние в одно месиво всего прошедшего со всем будущим. Представьте себе теперь, что в мире иного времени развилась разумная цивилизация с очень высоким техническим уровнем, скажем, такая, как мы, возможно, будем через десять или сто тысяч лет. И цивилизация эта дозналась, что существует иновременный мир — наш космос — и что проникнуть в него можно лишь в точке, где коллапсирует одна из наших звезд — а в каждой галактике ежегодно схлопывается какое-нибудь светило, “черных дыр” везде полно, так что ворот из своего мира в другой хватает. И вот, подчиняясь главному свойству всякого разума — пытливости, — эта иноцивилизация захотела проникнуть в наш космос, чтобы завязать контакт с другими разумными цивилизациями, если они повстречаются. Выбрать местечко, где готовится рухнуть в собственные свои недра какое-нибудь светило, для иноцивилизации при ее техническом развитии труда не составляет.

— И случайно около таких раскрывшихся в иномир ворот оказался и мой “Протей”, — продолжил Кэссиди мысль Генриха. — И мы притащили на буксирных полях разведочный корабль иномирян? Что ж, это соответствует нашим прежним предположениям. Мы ведь с самого начала думали что имеем дело с кораблем, а не с мертвым телом.

— Генрих, твоя концепция порождает добрый десяток трудных вопросов, — сказал Рой.

— Тысячу, Рой, тысячу вопросов, а не десяток. Называй их, попытаемся найти ответы.

— Буду удовлетворен, если дашь ответы хоть на пяток из тысячи. Итак, корабль и внутри него разумные существа. Почему же они не дают о себе знать? Почему нет контакта?

— Они не в нашем времени, Рой. Они нам иновременны. Не требуешь же ты контакта с фараоном Эхнатоном, хотя он в едином с нами времени, только в другой его точке. Возможно, странные силуэты, возникающие в шаре при усиленной подаче

энергии, и являются попытками иновременников дать о себе знать в наших оптических образах.

— Хорошо, соглашаюсь, — иновременники. Но ведь и сам шар, примчавшийся из иного мира, тоже иновременен. А мы его видим, он физически присутствует в нашем мире.

— Он из тех же материальных частиц, что и космические тела. И хоть время, в котором находится вещество корабля, иное, но оно в нем течет так медленно, что какой-то интервал нашего времени, раз уж корабль попал в него, он может существовать. Возьми кусок гранита. Не один миллион лет должен пройти, чтобы он изменился. Чем больше срок существования предмета, тем больше он может пробыть в чужом времени, не исчезая из него.

— Малым сроком существования ты и объясняешь гибель друзей?

— Да, Рой. Все дело было в подаче энергии в шар. Она предохраняла капсулу от подчинения местному времени. А когда подача упала до нуля, капсула попала во власть иновременных процессов. На мертвом материале капсулы это сказалось мало, а хрупкая биологическая ткань не вынесла. Жизнь — процесс краткосрочный. И судя по характеру изменений в телах наших погибших друзей, собственное время шара убыстрено сравнительно с течением космического времени и направлено в обратную сторону, может быть, и не строго обратно, а под углом, но назад. Большая скорость времени объясняет быстроту гибели. Иное направление объясняет, почему за короткий срок существования в чужом времени развитие шло назад. И Курт и Людмила как бы возвращались в детство, они, погибая, молодели.

— Для проверки обратного хода времени ты и придумал эксперимент с цветами?

— Растение — тоже жизнь, Рой. И продолжительность существования цветка несравнима с продолжительностью существования камня или металла. Эксперимент с цветами должен был дать ответ на два вопроса: верно ли, что внутри шара иновременность, и верно ли, что собственное время шара имеет по сравнению с нашим обратный ход. На оба даны утвердительные ответы.

— Но убедительные ли? Ибо появляются новые вопросы. Один из них — почему в момент, когда капсула попадает под действие того, что ты называешь иновременем, возникает торможение? Ведь торможение в этом случае означает, что кто-то

или что-то старается предотвратить гибель наших друзей и цветов.

— Рой, ты коснулся самого важного и самого трудного пункта. И четкой постановкой вопроса даешь на него столь же четкий ответ. Да, именно это — существа иновременного мира стремились предотвратить гибель наших друзей и растений, ибо понимали, что биологическая ткань не способна вынести переориентацию времени. Здесь моя гипотеза стыкуется с почти фантастическими идеями, не знаю, как и подойти к ним...

— Подходи любым способом, мы уже столько наслушались фантастического и столько в экспериментах с шаром навидались фантастики, что можем без ошеломления принять еще парочку ошеломляющих идей.

Генрих некоторое время собирался с мыслями. Еще на Земле сформулировали основную проблему — куда девается вводимая в шар энергия? Свою попытку разъяснить это сделал Курт Санников. Он, Генрих, предлагает иное решение. Шар — разведочный корабль, проникший в космос через туннель времени, созданный антивзрывом звезды. Возможно, некоторый срок продержавшись в нашем времени, разведочный корабль без помех возвратился бы в свое время. Аналогия примерно такая: чтобы взлететь вверх на Земле, нужен мощный толчок, а для падения обратно толчка не понадобится — достаточно исчерпать начальную энергию подъема. Не исключено, что иновременная цивилизация неоднократно предпринимала подобные проникновения в космос, чтоб ознакомиться с его природой. Но получилось так, что на траектории вылета разведочного корабля оказался наш звездолет “Протей”. Звездолет энергично ухватил чужой корабль своими силовыми полями. Иновременники могли скрыться в свое время, вряд ли это составило бы чрезмерную трудность. Но — пытливые, жаждущие прикоснуться к неведомому, настоящие исследователи и разведчики — они воспользовались энергией звездолета, а потом и заводов Виргинии для смелой попытки — вывернуть свое время на время космическое. Вот куда девается энергия наших генераторов: при ее помощи меняют течение времени шара, иновременники хотят стать современниками, больше чем современниками — нашевременниками, космовременниками. Неизвестно, как далеко они продвинулись в своей попытке, но намерение ясно: стать существами нашего тока времени, выйти к нам не только разведчиками — друзьями.

— Не заносись, Генрих, — предупредил Рой.

— Друзьями! — с силой повторил Генрих. — Настаиваю на этом, Рой. Разве при уменьшении подачи энергии они не тратят вещество своего корабля, чтобы поддержать выкривление времени? Вот почему его размеры при этом уменьшаются. Разве они не пытались предотвратить гибель жизни, уловленной в капсуле: торможение, обнаруженное Роем, свидетельствует, что они пытались донести до нас весть об опасности. Я верю в их разум и в их доброту, друзья мои!

Наступившее молчание прервал Рой:

— Петр, твое мнение обо всем этом?

— Гипотеза Генриха вызывает во мне двойственное чувство, — задумчиво отвечал Кэссиди. — Она, если верна, порождает радость и печаль. Радость, что мы повстречались с цивилизацией высокого технического и духовного уровня. И печаль, что настоящего знакомства не произойдет, ибо мы не можем долго тратить запасы активного вещества, Земля предупредила, что лимиты его не увеличит.

— Тогда шар вскоре выпадет из нашего времени. Он расплывется, станет призрачным, потом исчезнет, — сказал Генрих. — Прыжок над бездной чужого времени не удастся. Как не удался он нашим погибшим друзьям...

— Вряд ли шар возвратится в свое время, — педантично поправил Рой. — Время его мира тоже течет, пока он обретается с нами в космосе. И, согласно твоей гипотезе, течет быстрее космического. Стало быть, шар угодит или в будущее, или в прошлое своего времени — если ток времени у них обратный по сравнению с нашим. Так что прыжок над бездной удастся, но не над бездной, разделяющей наше и их время, а над бездной между будущим и прошедшим их собственного мира. — Рой встал. — Не будем терять времени.. Нам троим — мне, Генриху и Рорику — нужно срочно возвращаться на Землю. Это важно для нашего дела.

— Для какого дела, Рой? — с удивлением спросил Кэссиди.

— Того самого, для которого мы прибыли на Виргинию. Неужели оставим на полусвершении знакомство с иновременной цивилизацией? Нужно информировать Землю о всех возможностях и обо всех трудностях, пусть там решат, выделять ли сверхлимитное активное вещество или не выделять. В старину говорили: овчинка стоит выделки.

— Не стоит выделки, — улыбнулся Петр.

— В данном случае — стоит. Генрих и Рорик, идемте в гостиницу, будем собираться в обратный путь.

В гостинице Рой обратил внимание на сумрачный вид брата.

— Неужели не хочешь возвратиться на Землю? — спросил он. — Ты предложил замечательную гипотезу. Если она подтвердится, совершится одно из крупнейших открытий нашего времени. Или ты не веришь, что нам предоставят такую возможность?

— Не в том дело, Рой, я хочу вернуться домой — и боюсь...

— Чего боишься?

— Как мне смотреть в глаза Андрею? — грустно сказал Генрих. — Я сказал: “Возвращу тебе невесту в добром здравии и хорошем расположении духа”. И возвращаю — саркофаг!

ПОСОЛ
БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ

Повесть

Глава первая

ПРИЗРАКИ В ЗВЕЗДОЛЕТЕ

1

Рой спрыгнул, не дожидаясь остановки самодвижущегося трапа. Навстречу шел крупноголовый рыжий мужчина в форме звездолетчика. Рой много раз видел этого человека, Эраста Винклера, начальника звездопорта, во время телепередач с Марса. Страх, терзавший Роя все дни перелета, стал непереносим. Винклер слишком торопился, чрезмерно размахивал руками... Рой быстро проговорил:

— Скажите одно!..

— Жив, жив! Сегодня ему лучше! — ответил Винклер. — Разве вы не получили моей последней мыслеграммы, друг Рой?

Рой вздохнул, провел рукой по лицу. На трапе показались операторы следственной бригады. Большинство впервые видело Марс. Если бы впереди не шагал подавленный несчастьем начальник, они выскакивали бы наружу с изумленными восклицаниями, они шумно приветствовали бы новую в их жизни планету. Так и он когда-то выскакивал здесь из планетолета. Он был тогда в тяжелом скафандре, а не в легком комбинезоне, как эти операторы; но и скафандр не помешал ему восторженно кричать, топтать ногами, метаться то вправо, то влево... Они вели себя куда сдержанней, они лишь молчаливо замирали на ступенях трапа, взволнованно осматривались.

Не отвечая Винклеру, Рой перевел взгляд с востока на юг и запад. Унылая каменистая равнина, стертые плоскогорья. Столько раз он уже блуждал по этим однообразным полям, ничего нового не открывая, как бы далеко ни шел. Марс есть Марс, место не для жилья, перевалочная база космоса — так ее именуют в лоциях, — унылый мир, не одаренный способностью к переменам, неудавшаяся модель, созданная и выброшенная природой. Что здесь искать? Чего бояться? Неожиданности на Марсе исключены — разве не так их учили в школах? Как же могла произойти катастрофа? Где угодно — на Земле, на Венере, на Плутоне, — но только не здесь!

— Он по-прежнему бредит, — сказал Винклер. — Его горячие видения я тоже передал по мыслепроводу.

Рой молча смотрел на Винклера. Рослый, рыжеволосый, рыжеглазый, с коричнево-золотистым лицом — венерианского, а не марсианского загара, — в новенькой, очень нарядной форме, начальник звездопорта склонился в поклоне чуть более глубоко и чуть более длительном, чем принято; его рукопожатие было чуть более почтительным, чем следовало бы. Он чувствует себя виновным. Авария произошла в зоне действия тормозных механизмов планеты. Он обязан был остановить рушащийся корабль, вышвырнуть его обратно в космос, превратить, пока подоспеет помощь, в спутник планеты. Ничего этого он не сделал! Чепуха все это! Все было бы слишком просто, если бы вина лежала на Винклере. Не стоило лететь на Марс только для того, чтобы схватить за шиворот нерадивого межпланетного диспетчера.

Маленькое Солнце заливало красным сиянием невысокие холмы. Солнце тоже было какое-то равнодушное к этому неудавшемуся миру — не озаряло, а словно отстранялось от него. Рой вспомнил стихи Андрея Корытина о Солнце: “Терзающее Венеру, взрывающее Меркурий, ты холодно поглядываешь на Марс, ты только поглядываешь на Марс — такое всегда не наше!” Андрей провел на Марсе восемь земных лет — и половины этого срока было бы достаточно, чтобы возненавидеть эту планету. При Андрее и сейчас нельзя говорить о Марсе, он мигом приходит в дурное настроение.

— И еще я передавал, друг Рой, что не разрешил что-либо менять на месте гибели планетолета. — Голос у Винклера потускнел, он был уверен, что следственная комиссия настроена против него.

“И я бы на его месте держался не лучше, — упрекнул себя Рой. — Его нужно успокоить. Пусть дает объяснения, а не оправдывается”. Рой опять оглянулся. Молодые операторы усердно разевали рты: искусственный марсианский воздух пах озоном, на Земле такой воздух бывал лишь после грозы.

— В прошлый мой прилет свободное дыхание было затруднено, — сказал Рой. — На прогулки мы захватывали кислородные аппараты. Сейчас можно обходиться без них.

— Мы запустили третий атмосферный завод. Он добавляет ежегодно несколько миллиардов тонн воздуха высших земных кондиций. С водой хуже, но и воды прибавляется. Кроме того,

мы рассаживаем созданное специально для Марса дерево калиопис.

— Значит, и зелень появилась?

— Мы говорим “красень”: растения здесь красноватые. Надеемся, что скоро зашумят леса.

— Марс всегда был планетой безмолвия. Андрей Корытин считал это единственной привлекательной чертой Марса.

— Думаю, что вскоре заговорят о марсианских бурях, уступающих лишь ураганам на Венере. Если вас интересуют наши метеорологические...

Рой жестом прервал Винклера:

— Я получил все ваши мыслеграммы. Мы еще поговорим о них. Ведите к брату.

2

Генрих лежал с закрытыми глазами, недвижимый, исхудавший, на бледном лице зловеще отчеркивались темные губы. Даже после гибели Альбины, когда Рой опасался за его жизнь и разум, Генрих не выглядел так страшно. Рой положил руку на грудь брата, стараясь уловить биение жизни в его теле. Рука была слишком слабым приемником, жизнь без усилителей не ощущалась. На самописце, висевшем у кровати, змеилась красная кривая суммарной жизненной функции больного; она была всего на три сантиметра выше черной полосы внизу — жизнь едва теплилась, она была в опасной близости от небытия.

— Двенадцать процентов нормального энергетического расхода, — сказал Винклер, заметивший взгляд, брошенный Роем на самописец. — В первые дни было три процента. Электронный медик определяет поворот на выздоровление.

— Глаза, — задумчиво сказал Рой. — Те дикие глаза... я говорю о видениях его бреда...

— Не только глаза. Вы ведь знаете, друг Рой, автоматические врачи на планетах не так совершенны, как медицинские механизмы на Земле. Боюсь, мы зафиксировали лишь часть болезненных картин, пронесившихся в мозгу вашего брата.

— И, вероятно, еще проносятся.

— Да, но, к сожалению, мы их не узнаем.

— Все узнаем. Я привез аппаратуру, позволяющую перевести в открытую запись даже самые слабые мысли и видения.

— Я очень рад! — с облегчением сказал Винклер. Он старался показать, что жаждет самого тщательного расследования.

Рой невольно поморщился. Люди остаются людьми, в какую служебную форму ни обряжаются, но имеются все же проблемы куда важнее чьей-то личной ответственности. Винклер уловил настроение Роя и быстро взял себя в руки: теперь он показывал выражением лица и спокойно-сдержанным голосом, что готов помогать комиссии с Земли, даже если выводы обратятся против него. Иного отношения Рой, впрочем, и не ждал.

Рой поднялся. Движение на космических трассах было остановлено. Каждая минута, потраченная не на исследование, была потерянной. К тому же он ничем не мог помочь Генриху. Но Рою пришлось сделать усилие, чтоб оторвать глаза от брата. Винклер сказал с сочувствием:

— В смысле лечения на нашего электронного врача можно положиться.

— Да, конечно. Тем более, что ничего другого нам не остается. Пойдемте, друг Винклер. — Рой все же не сумел заставить себя назвать начальника звездопорта по имени, как принято у работников космслужбы.

— На место катастрофы или посмотрите еще раз записи бреда?

— Начнем с записей, пока выгружают аппаратуру.

3

Мозг Генриха работал толчками, в нем изредка вспыхивали сумбурные видения — без системы, расплывчатые, нечто без начала и конца: летела птица, таких не было ни на Земле, ни на планетах; кружились туманные облачка, временами все пропадало в тумане; кто-то, возможно пилот, пробежал по салону корабля; в темных окнах посверкивали звезды, быстро уменьшалась Земля; она становилась из яркой крупной горошины светящейся точкой, одной из многих точек неба; на диване лежал второй пассажир, тоже с Земли, Василий Арчибальд Спенсер, астроботаник, он появлялся часто и все в той же позе: руки закинута за голову, глаза устремлены в потолок, ординарнейшая внешность — средний рост, средний вес, невыразительное лицо, тусклые глаза. Генрих не присматривался к Спенсеру, он просто бросал на него равнодушные взгляды. И вдруг все менялось; какие бы образы ни наполняли в эту секунду мозг Генриха — салон ли, звезды, пробегающий пилот, второй пассажир, — все вдруг пропадало в огромных глазах, пронзительно

засиявших на экране. Глаза неслись с экрана в зал, они полонили все клетки мозгового вещества Генриха, в его сумеречном сознании уже ничего не было, кроме беспощадных глаз — четырехугольных, исполинских, скорее прожекторов, чем ласковых человеческих приемников внешнего света; и все-таки это были глаза, а не аппараты, память Генриха сохранила и ресницы, и взметенные в подбровные расщелины веки, и окраску радужной оболочки, и блеск роговицы, и зрачок. Нет, это были глаза, исступленно засверкавшие на чьем-то сразу стершемся в тусклой серости лице, — человеческие глаза...

Рой вздохнул. Всю неделю полета ему передавали с Марса такие же картины.

— Не густо, — словно извиняясь, сказал Винклер.

— Возможно, наша аппаратура добавит, — пробормотал Рой.

В зал вошел один из операторов.

— Мозговые излучения больного введены в приборы, улавливаются и основные волны, и обертоны, — сказал он.

— Продублируйте запись сюда, — попросил Рой.

Но на экране повторились те же картины, многие были даже слабее прежних — больной мозг Генриха успокаивался, воспоминания теряли прежнюю лихорадочную яркость. Только одна картина была новой: Спенсер вдруг стал приподниматься на диване, лицо его исказилось, глаза выражали ужас — это была, вероятно, та минута, когда корабль, потерявший управление, стал рушиться на поверхность планеты и защитные поля Марса не сумели его затормозить. Новая картина не имела продолжения, она не развивалась, а прерывалась: Спенсер исчезал, пропадали салон и все, что в нем находилось; в сгустившейся темноте появлялись все те же глаза, и опять ничего уже не было в сознании Генриха, кроме них.

— Между прочим, в видениях Генриха не сохранилось облика планеты, — сказал Винклер. — А ведь мы не только отчаянно генерировали тормозные поля, но пытались всей мощностью космических маяков пробудить в пилотах сознание приближающейся катастрофы... Пассажиры не могли не увидеть, куда их несет.

— Вы хотите сказать, что внутри корабля разыгрались события, так потрясшие людей, что никто не взглянул на несущуюся навстречу планету?

— Я не сказал — никто. Я говорю о вашем брате. Пилоты и Спенсер мертвы, и мы никогда не узнаем, что они видели.

— Пойдем же все посмотрим, что совершалось внутри планетолета, когда стали отказывать его штурманские автоматы, — предложил Рой, поднимаясь с кресла.

У Винклера озадаченно взметнулись брови.

— Не понял, друг Рой. Наши стереокамеры зафиксировали все обстоятельства аварии. Впрочем, если нужно повторить снимки обломков...

— Ваши снимки мы повторять не будем. Внутренние стенки звездолета покрыты пленкой, сохраняющей изображение всего, что совершалось в нем. Каждый внутренний кусочек звездолета — история его полетов, галерея портретов побывавших в нем людей. Проявлять эти изображения можно лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Наш случай как раз такой. И я запасся соответствующим разрешением.

— Впервые слышу о таких пленках, — признался Винклер.

— О них не распространяются. Фиксирующие пленки предназначены лишь для расследования несчастий.

4

Операторы продолжали монтировать аппаратуру: приборов было много, среди них и громоздкие. Остатки корабля покоились в выбитой звездолетом воронке, напоминающей небольшой кратер. Охваченные паникой работники звездопорта, когда защитные поля не подействовали, использовали последнее средство — взрывной выброс нейтрального газа: только это и предохранило гибнущий корабль от превращения в пыль. Винклер в те трагические секунды действовал быстро и грамотно. Рою это становилось все очевидней. И он уже два раза обратился к начальнику космопорта со словами: “Друг Эраст!”

В рубке, единственном помещении на корабле, где возник пожар, фиксирующая пленка была уничтожена. В отделении механиков и в каютах имелись уцелевшие участки стен, но на них была зафиксирована обычная жизнь корабля, ни одно проявленное изображение не могло быть отнесено к аварии.

— Посмотрим салон, — сказал Рой.

Операторы расположили свои приемники среди обломков корабля, Рой и Винклер надели оптические дешифраторы. В общем расшифровка пленки повторила бредовые видения Генриха: в небольшом овальном помещении — два человека, единственные посторонние люди на небольшом грузовом корабле,

обычно не берущем пассажиров. Рой увидел Генриха. Брат с любопытством смотрел в окно — звезды и приближающийся Марс интересовали его больше, чем сосед, он не оборачивался к Спенсеру. Так тянулись минуты, они казались нестерпимо долгими; двое в салоне молчали, один о чем-то думал, уставясь в потолок, другой всматривался в окно.

— Через пять секунд — начало катастрофы, — предупредил оператор, поворачивая голову от прибора.

Несчастье ворвалось внезапно изменившейся картиной салона. Генрих смятенно отпрянул от окна, где навстречу потерявшему управление планетолету уже летела его каменная могила.

На диване, очень медленно для бешено убыстрявшихся событий, приподнимался Спенсер; его губы свела судорога, он от чего-то отстранялся рукой...

И тут же все стерлось в темной неразличимости, пленка на сохранившихся переборках не фиксировала больше предметов и людей; в черноте засияли те же сумасшедшие глаза, терзавшие Генриха в бреду: перехода от одного к другому не было.

Рой подозревал оптика.

— Пленка-то сохранилась, а фиксации нет. Почему она не запечатлела и падение корабля?

— Запись вдруг обрывается, — ответил оптик. Он казался смущенным.

Рой и без объяснений понял, что оптик озадачен. Вероятно, в его практике не было случая, когда бы фиксирующая пленка не фиксировала.

К Рою подошли механик и физик с диаграммами в руках. Механик протянул свою запись.

— Это суммарная сводка команд звездопорта и ответных действий автоматов корабля. Мы искали неверных приказов с планеты, неправильных штурманских реакций.

— Что вы нашли?

— Команды с планеты были правильны, ответные действия на корабле точны.

Рой всмотрелся в схему. Причальная программа совпадала с причаливанием корабля. Все совершалось по предписанию, точно, как и десятки раз до этого, когда не происходило несчастий... Винклер вздохнул. Горестный вздох говорил: абсолютно все, что от нас требовалось, мы сделали. Нет, на тебе — совершилось...

— Мы трижды проделали измерения, — продолжал механик. — Поставили контрольную проверку, потом снова проверяли. Общих выводов я делать не могу, но, по нашим данным, катастрофы не должно было быть. Она произошла, но она остается невозможной.

Рой повернулся к физику.

— Ты тоже не нашел отклонений от нормы, Арман?

Физик пропустил мимо ушей язвительный тон вопроса. Этот человек, Арман Лалуба, сотрудник лаборатории Роя, большой друг Генриха, сам при случае любил иронизировать.

Он был серьезным исследователем, поэтому Рой и взял его с собой.

— Рой, я ничего не понимаю! — Арман возбужденно помахивал записями. Все, что он чувствовал, рельефно выразилось на его смуглом, с негритянскими чертами лице. — Эти чертовские уники показывают черт знает что! Я тоже три раза перепроверял! Ты сказал — отклонений нет? Рой, это слишком мягкая формула!

— Стало быть, и у тебя получается, что корабль не разбивался? Команды с планеты правильны, ответы точны.

— Правильность команд и ответов — не моя сфера. Но я могу гарантировать, что ответы совершались мгновенно. И это непредставимо, Рой! Даже не невероятно — немыслимо! Физика наизуот. Светопреставление крупным планом!

— Спокойней, Арман! — с досадой сказал Рой. — Ответы и должны возникать мгновенно после приема сигнала. Штурманская аппаратура звездолетов работает без инерции — разве не так?

— Мгновенно после принятия сигнала — да! А она срабатывала мгновенно после отправки сигнала!

Арман подал стандартную диаграмму, развернутую по оси времени, — команды, ответы, команды на ответы...

Десятки раз рассматривал Рой такие же записи — стандартный штурманский бланк, по нему можно судить и о работе портов, и о надежности корабельной аппаратуры, и о квалификации диспетчеров и командиров кораблей. В школах эти бланки давались на экзаменах, чтобы по времени, отделяющему сигнал и прием, определить расстояние корабля от порта, скорость затормаживания, вычертить причальную кривую...

Там, в школах, считалось достаточным, если время измерено с точностью до миллисекунды, здесь оно было дано в микросе-

кундах. А узлы на кривых свидетельствовали, что в момент, когда корабль находился в трехстах тысячах километров от Марса и сигналы с планеты должны были приниматься лишь через секунду, они вдруг стали приниматься точно в мгновение отправки.

Даже одну миллионную этого интервала восприняла бы контрольная аппаратура, но и одной миллионной не было!

Время словно перестало существовать для приемных устройств корабля. И мгновение, когда время словно бы исчезло, было тем мигом, когда приборы зафиксировали начало катастрофы, и Генрих вдруг отпрянул от окна.

Две минуты четырнадцать секунд летел после этого корабль, пока не врезался в коричневые камни Марса, но этих долгих минут не существовало ни для ходовых механизмов, ни, возможно, уже и для людей, ни даже для холодно рассудочных приборов, ни для бесстрастной фиксирующей пленки на стенках салона...

— Обрати внимание, Рой! — Арман с азартом прирожденно-го исследователя тыкал пальцем то в одну, то в другую точку. — Время перестало существовать лишь для сигналов с планеты, ответные сигналы корабля принимались точно через положенное для света время. Дикая разноголосица, полное рассогласование!.. А в итоге — гибель корабля!

— Ты веришь, что измерения показывают точную картину?

— Кем ты считаешь меня, Рой? Разве можно поверить в то, что противоречит всем законам физики?

— Значит, измерения неверны?

— А вот это — извини! Приборы показывают то, что есть. Сама реальная действительность физически невозможна — вот о чем надо поразмыслить!

Рой размышлял. Сверхсветовые скорости, мгновенная передача сигналов через пространство? Или одностороннее исчезновение времени: вперед — времени нет, назад — время есть? Да, конечно, простых решений не существует. Но разве это решение? Распутать одну локальную загадку путем нагромождения исполинской, поистине вселенской путаницы?

— Мистика какая-то! — Рой возвратил Арману записи. — Призраки в звездолете, глаза без лица.. Время вдруг исчезло, сверхсветовые скорости! Фантастическая мелодрама, а не наука, вот что я скажу вам, друзья! Идемте в морг.

Рой с тяжелым чувством отошел от стола, где под простынями лежали тела пилотов.

— Вы знали Спенсера? — спросил Рой Винклера. — Он, кажется, летел на Марс по вашему вызову?

— Нет, мы его не знали. Мы запросили астроботаника — в связи с расширением марсианской красени. Нас информировали, что посылают на Марс специалиста по внеземной растительности.

Спенсер казался уснувшим, а не умершим. На его теле не было повреждений, на бледно-желтое лицо почти не легла восковатость. И опять Роя поразила внешность астроботаника, до тусклости непримечательная: все рядовое, ничто не поражало, даже внимания не привлекало. Но если глаза, наполнявшие видение Генриха и так зловеще отпечатавшиеся на фиксирующей пленке переборок, принадлежали человеку, то они могли быть лишь глазами Спенсера, покоившегося сейчас на столе. И Рой всматривался и всматривался в умершего, с напряжением понуждая себя вообразить, что могло тогда произойти: Спенсер приподнялся, что-то его потрясло, глаза его засверкали... Генрих отпрянул от окна, отшатнулся, закричал... Да, да, Спенсер мог, конечно, ужаснуться впечатлительного брата, но пленка не имеет нервов, однако она тоже запечатлела эти надвигающиеся, расширяющиеся факелы — так их назвать всего точнее.

— Знаете, друг Рой, — с удивлением сказал Винклер, — мне кажется, Спенсер как-то уменьшился. Может быть, я ошибаюсь, но тело вроде было и длинней, и массивней. Неужели оно так быстро ссыхается? И еще одно: гамма-анализаторы показали, что мозг его сильно поврежден — пепел вместо мозговых клеток...

Рой шагнул к Спенсеру, приподнял одно веко, потом другое. Глаза были мертвые, маленькие, грязновато-голубой цвет оболочки размылся, они уже не отражали света — вряд ли они могли при жизни излучать какое-либо сияние. Призраков не существует, это известно каждому ребенку, но в звездолете был призрак — не мифический фантом, а физический феномен! Вещественное, осязаемое привидение! Воистину простых решений не существовало.

— Я привез контейнеры с нейтральной атмосферой, — сказал Рой. — Распорядитесь, друг, чтоб погибших перенесли в них. Там они будут гарантированы и от ссыхания, и от гниения.

6

Рой задремал у постели брата. Его пробудило осторожное прикосновение руки Винклера.

— Операторы закончили обследования. Погибшие перенесены на корабль. Вы можете отдохнуть в нашей гостинице, друг Рой.

— Отдохну на корабле, — пробормотал Рой. — Передайте ребятам, чтобы шли по каютам.

— Вы раскроете наш порт? — с надеждой осведомился Винклер.

— Такой приказ может отдать только Земля. Не забывайте, что в загадке мы не разобрались.

Винклер со вздохом согласился, что нельзя торопить важные решения, когда возможность повторения трагедии не предотвращена. Рой дружески положил руку на плечо Винклера. Он сочувствовал состоянию начальника звездопорта.

— Между прочим, друг Рой, Земля сегодня устраивает передачу на планеты, — сказал Винклер. — Артемьев вторично выступает с новой художественной программой “Гориллы у космопульта”, а Кoryтин докладывает об удивительных открытиях его лаборатории.

— Я не поклонник творчества Артура Артемьева, — сказал Рой. — Что до Кoryтина, то у Андрея каждую неделю совершаются удивительные открытия. Неудивительных он не признает.

Рой вышел наружу. В аэробусе порта сидел Арман, уткнувшийся в ленту вычислений. Рой прошел мимо. До звездолета было всего четыре километра. Солнце клонилось к горизонту, оно закатывалось на Марсе раза в два медленней земного, но Рой помнил, что сразу после его исчезновения наступала тьма, а еще до того, как Солнце пропадало за каменистой кромкой неглубокого окоема, небо усеивали звезды — крупные, много ярче земных, безучастно неживые, как и все на этой неживой планете.

Нет, многое изменилось с его прошлого прилета! Сгустившаяся атмосфера породила не только низенькую раститель-

ность, но и сумерки. После заката наступала не ночь, а вечер, он быстро погасал, но был — на севере сгущалась тьма, запад горел, вверху переливались красновато-голубоватые тона, побегалые цвета проносились по небу, как по нагретому металлу. А сквозь них пробивались звезды, и они тоже уже не казались унылыми огоньками, вкрапленными в однообразную черноту, они обрели жизнь, мерцали, то словно падали, то словно вздымались.

С востока надвигалось темное пятно; оно поглотило Фобос, обволакивало Деймос. Рой остановился — это была настоящая тучка, нечто немыслимое на прежнем Марсе. Он не опускал головы, пока тучка не растаяла. Неяркие, мало похожие на огромную земную Луну, оба спутника висели над равниной, они двигались быстрее Луны. Рою казалось, что, оправдывая свои названия, они конвоируют Марс: Фобос — страх — шествует впереди, Деймос — ужас — крадется за спиной. Но и они потеряли прежнюю неприкрытую голизну и четкость, они двигались в прозрачной дымке, вокруг них, как и возле Луны, простиралось колечко сияния. Рой вспомнил, что именно резкость очертаний, четкая граница яркости спутника и черноты неба поражали его когда-то больше всего. Скоро на Марсе нечему будет поражаться, кроме разве того, что он так быстро превратился из каменистого мертвого шара в удобную космическую гостиницу.

Аэробус нагнал Роя. В салоне сидели операторы, Арман по-прежнему был погружен в бесконечное вычисление. Аэробус, неслышный, как летучая мышь, промчался не притормаживая; один из операторов махнул рукой, показывая, что надо торопиться. Рой покачал головой. Они спешили на корабль, чтобы, приняв освежающий радиационный душ, насладиться выдумками Артемьева и открытиями Корытина. Рой не захотел ради артемьевских фантазий и каких-то новых находок Андрея поступиться одинокой прогулкой по каменистой саванне, озаренной двумя бегущими по небу спутниками.

Вспоминая потом эту ночь на Марсе, Рой не переставал удивляться, что по странной прихоти не пожелал узнать о событиях, имевших столь важное значение для расследования катастрофы. “Все пошло бы по-иному, прояви я больше любознательности”, — упрекал он себя, хотя, конечно, ничто не могло пойти иначе, чем оно уже шло.

Глава вторая

ДВА ТРУПА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

1

Генрих прислал брату письмо. Полный курс лечения в их санатории могут вынести только отменные здоровяки: он чувствует себя неважно, лечение ему не под силу. Генрих просил забрать его домой. Рой по стереопередатчику пообещал выполнить просьбу, когда врачи дадут гарантию выздоровления, а пока надо терпеть, памятуя, что предки в аналогичных ситуациях утешали себя сентенцией: лечение горше болезни.

Рой постарался, чтоб отповедь звучала бодро, он говорил с улыбкой: раз уж к Генриху вернулось чувство юмора, брат не обидится, что просьба вызывает сочувствие, но остается без исполнения. Был час, когда Генриху по режиму полагалось спать, Рой с намерением выбрал эту пору: Генрих, проснувшись, выслушает Роя со стереозэкрана, а спорить будет не с кем.

В комнату быстро вошел Арман. Медленно ходить он не умел. Когда он испытывал возбуждение, в заставленных приборами лабораториях ему было трудно. А выводили его из спокойствия, как он сам признавался, только три вещи: неудача, успех и отсутствие того или другого.

— Все исполнено, Рой. Твой друг Корытин хотел выставить меня за дверь, но потом сменил гнев на милость. Скоро он будет здесь. Ты прокомментируешь расшифровку сам?

— Мне хватит забот с обхаживанием Андрея. Ты напрасно думаешь, что со мной он будет вежливее. Как с отождествлением мозговых излучений Генриха?

— Нового ничего. Ты неточно представляешь себе масштаб работы, Рой. Перебрать одиннадцать миллиардов волновых характеристик! Даже для сверхскоростной машины это не просто. И я не уверен, что твоя гипотеза правильна. Гениальное озарение все же могло посетить Генриха самостоятельно. А если и вправду кто-то стимулировал видения Генриха, передавая ему собственные открытия, то мы обязательно найдем этого человека... А вот и твой друг. Готовься к буре.

Щуплый, почти на голову ниже Роя, тонконосый, с узким костлявым лицом и большими, темными, всегда блестящими глазами, Андрей Корытин не вошел, а ворвался. Бесцеремонность и доброта, грубость и доброжелательность соединялись в нем так неразделимо, что общаться с Андреем могли только люди, стерпевшиеся с его странностями.

Еще в дверях он что-то сердито прокричал, погрозил кулаком, сердечно тряхнул руку Роя, свирепо покосился на Армана, не сел, а рухнул в кресло и заговорил как обычно — запальчиво, нервно, сливая в одну фразу различные по смыслу предложения.

— Вид у тебя приличный; жаль, твой помощник, этот вот, — он ткнул пальцем в Армана, — врал о болезнях, иначе черта с два я пришел бы сюда. Говори же, раз вытащили, терпеть не могу, когда люди таращат глаза, это неуважение, короче, я думаю...

Рой так искренне рассмеялся, что смех остановил Андрея. Рой сказал:

— Ничего ты не думаешь, ты извергаешься! Дай мне спокойные две минуты, об одном прошу.

— Три! — великодушно разрешил Андрей. — В две ты не уложишься, вы с Генрихом дьявольски болтливы, если бы у нас на дворе был допотопный двадцатый век, не цивилизованное двадцать пятое столетие, вы читали бы ветхие книги, разговаривали бы докладами, раздел первый, глава вторая, параграф четвертый, впрочем, Генрих молчаливей, с ним приятно, он умеет слушать, не в пример тебе, печально, что с ним такое несчастье, я ведь хотел поехать к нему, надо, надо проведать, давай полетим, я как раз свободен, ну, раз, два, встали!..

— Начинаем! — Рой сделал знак Арману.

На стереозэкране вспыхнули картины катастрофы на Марсе. Андрей, уже было вскочивший, снова опустился в кресло. Он был плохим собеседником, но отличным наблюдателем, вдумчивым аналитиком. Разглагольствования об известном или малоизвестном порождали в нем раздражение, в нетерпении он старался скорее выговориться, чтобы отделаться от неинтересной темы. Но, встречаясь с неизвестным и неожиданным, он сосредоточивался, вопросы его делались четкими и сжатыми. На эту особенность Рой и рассчитывал, когда задумал привлечь Андрея к расследованию несчастья на Марсе. Загадочные физи-

ческие явления, открытые Арманом, не могли не заинтересовать Коритина.

И все-таки главная причина, заставившая Роя пригласить Андрея, была совсем не в том, чтобы пробудить в друге любознательность. Мало ли чем интересовался Андрей в своей научной работе! Он был из тех, кто часто переходит от проблемы к проблеме, он сам о себе говорил с удовольствием: “Застолблю идею — это мое, а всю жилу до крох выцарапывать из породы найдутся энтузиасты и без меня!” Рой как-то пришлось сотрудничать с Андреем. Воспоминание было не из приятных. Андрей то загорался, то погасал, то на ровных местах удивлял пронзительной остротой мысли, то возмущал безучастностью, поражал равнодушием в тех поворотных линиях исследования, где — Рой твердо в этом был уверен — только и открывался простор научному увлечению, только и становилась обоснованной придирчивая старательность.

Андрей Корикин обладал удивительной способностью покидать намеченную столбовую дорогу эксперимента ради того, чтобы нырнуть в случайно открывшиеся боковые тропки. Его захватывала непонятность как таковая, вообще непонятность, а не конкретные загадки конкретных тем. Если бы Рой мог обойтись без Андрея, он и не подумал бы о друге. Но еще в звездолете, на обратном пути с Марса на Землю, Рой понял, что Андрей необходим.

Только в лаборатории Корикина можно выяснить загадки аварии.

Только там имеется сложнейшая аппаратура для проверок вневременных передач, только там он с Арманом найдет человека, этого самого Корикина, несравненно лучше их разбирающегося в существе явления, породившего аварию. “Ради Андрея нам придется примириться с Андреем”, — со вздохом охарактеризовал Арману ситуацию Рой.

— Рассогласование во времени команд с планеты и ответных действий корабля вполне объясняет катастрофу, — прокомментировал Арман картины на экране. — Но такое объяснение, в свою очередь, порождает столько новых и сложных проблем...

Андрей прервал его нетерпеливым взмахом руки:

— Какие новые проблемы — чепуха! Пульсирующее течение времени — вздор, плохо знают физику в вашем институте, никуда время не пропадает! А сверхсветовые скорости — не

исключено, я недавно выступил в передаче, надо прислушиваться к новым идеям...

— Мы слушали ваше сообщение на Марсе, — вежливо сказал Арман. — И нас поразило, как близки ваши исследования к явлениям, с которыми столкнулись мы. Я еще на Марсе сказал об этом Рою.

— Я не слышал твоей передачи, — признался Рой. — Я был подавлен несчастьем с Генрихом, ужасной картиной в морге... И что твои работы могут пролить свет на наши загадки, я в тот момент и вообразить...

— ... не мог, знаю, иного и не ожидал: для воображения нужна работа мысли, на это тебя всегда не хватало, Рой, говорю как друг, ты мыслишь слишком медленно, это уже не подходит. Постой, дай сказать! — закричал он на протестующий жест Роя. — Я же пришел не обсуждать тебя, не отвлекай! Катастрофа на Марсе, точно, соприкасается с нашими работами, твой помощник прав, только не прерывай, ненавижу, когда прерывают!.. Мы совершили величайшее открытие века, и от такой формулировки не отрекусь, она самая точная. Я полностью потерял покой с минуты, когда узнал, что дважды два четыре!

— А ты раньше не подозревал, что дважды два равняется четырем?

Рой знал, о чем говорит Андрей, но не удержался от насмешки.

Андрей был незаурядным математиком. Он легко оперировал рядами Нгоро, сложнее же суперматрицы Петровского были знакомы ему, как сам он утверждал, “не только в лицо, но и за руку”.

— Ты грубиян, Рой! Или хочешь, чтобы в потоке света, мирно льющемся из скопления Кентавр-3, а оно на периферии Галактики, почти двадцать тысяч парсеков от Солнца, нам сразу преподнесли высшую математику? Спасибо, что хоть это удалось расшифровать!

И он с восторгом стал описывать, как приняли необыкновенное сообщение из далекого шарового скопления. В тот день испытывали большую шифровальную машину, разлагающую суммарный световой поток на отдельные фотоны. “Самая совершенная станция приема из созданных человечеством!” — воскликнул Андрей. Свет в ней используется как рабочее тело, но не как агент передачи. Для космической связи свет не годится, свет движется слишком медленно. Разумные цивилизации

Вселенной разделяют тысячи, сотни тысяч, миллионы светолет. Человечество успеет состариться и погибнуть, а Солнце погаснет, пока от далеких собратьев придет ответ на вопрос, заданный при помощи света на заре развития человечества. Космические цивилизации не выберут в качестве агента связи медленный свет, это заведомо обречет на неудачу попытки знакомства.

— Но ты же сам говоришь... — вставил реплику Рой.

— Не говорю, нет, отвратительная привычка вторгаться с пустячными вопросами в объяснение, слушай и молчи!

Рой больше не задавал вопросов, и Андрей возвратился к большой шифровальной машине. В их лаборатории заранее решили рассматривать все виды электромагнитных излучений, поступающих из космоса, как некий канал, внутри которого распространяется несравненно более быстрый реальный агент межзвездной связи.

Для ясности он приведет такой пример. Свет подобен древней железнодорожной колее. Рельсы строились трудно, медленно, они продвигались вперед на какие-то считанные километры в сутки. Но зато потом по ним мчались бесконечные, быстрые поезда! Свет тысячелетия, миллионы лет ползет от звезды к звезде, от галактики к галактике. Но, протянувшись от светила к светилу, он становится соединяющей их колеей, по ней можно пустить скоростные агенты, самостоятельно не движущиеся в космосе.

И тогда межзвездная связь становится практически мгновенной. Между прочим, волны со сверхсветовой скоростью были открыты еще в двадцатом веке, их тогда называли волнами материи. Тогда же установили, что они не несут энергии, — и к ним потеряли интерес.

Предки воображали, будто все виды энергии исчерпываются теми, какие им были известны. Их ошибок не повторили. Любое чудовищное предположение принималось для проверки.

— Чего мы только не делали, Рой! Но эффект дало лишь замедление света. Не изображай недоверия, Рой, знаю твои возражения. Да, свет медлителен, но когда? Когда пересекает космические бездны! А для пленок, на которых его фиксируют, слишком быстр! Частота световых колебаний даже в видимом спектре так велика, что можно все человеческие знания, миллиарды старинных книг, миллионы лент полностью уложить в десятиминутной передаче! А теперь вообрази в том же световом потоке информацию от агента побыстрее, да ведь тогда всю

тму человеческой премудрости впихнешь в микросекундную передачу! Как же уловить ее начало, ее конец, не говорю — расшифровать полностью!..

Вот и задача: замедлить свет, чтоб открыть в нем сверхсветовые передачи! Мы теперь принимаем излучение по фотону: свечу, зажженную на отдалении Веги, — вот такую яркость. Потом, естественно, усиление, запись, анализ... И на диаграммах появились позывные первой внеземной цивилизации, уровнем развития, вне сомнения, превосходящей земную — наши звездные соседи, как ты знаешь, пока далеко уступают человеку. Вот эта пульсация: два-два-четыре, два-два-четыре...

Он наконец выговорился и замолчал. Рой спросил с недоверием:

— Запись одноразовая или повторяется?

— Чудак ты, Рой, разве можно быть уверенным, что дважды два — четыре, если бы непрерывно, из века в век не повторялось все то же!

— И ничего, кроме этой арифметической истины, не принято?

— Пока ничего. Это же позывные, чего еще ждать от позывных!

— Чем ты объясняешь, что основная передача не принята?

Андрей стал терять живость речи:

— Вариантов тысячи, тысячи... А самый вероятный: мало ослабляем свет. Не могут же позывные и основная передача идти в одном темпе — позывные медленнее, только тогда их уловят малочувствительные приборы, не все же цивилизации одинаково развиты! А привлек внимание — дело сделано, на приемных станциях знают, что не просто свет, в нем информация, надо настраивать аппаратуру на тонкое улавливание!

— Готовите проверку этого предположения?

— Готовим, готовим, эксперимент будет сложным, очень! — Андрей повернулся к Арману: — Вы со мной, собирайтесь-ка поживей!

Арман вопросительно посмотрел на Роя. Рой усмехнулся:

— Так сразу? И зачем тебе нужен Арман?

— Не мне — ему самому нужно, вам всем: вы же интересуетесь сверхсветовыми передачами, вневременными — так вы их по глупости называете, только в моей лаборатории имеется подходящая аппаратура.

— Мы воспользуемся твоим разрешением, но раньше познакомим тебя с последними болезненными видениями Генриха.

Андрей нетерпеливо дернулся.

— Мне хватит бреда Артемьева, до такой ерунды Генриху все равно не добраться. Не хочешь в лабораторию, летим в санаторий, с радостью погляжу на самого Генриха, нет времени на ваши пустые зрелища.

— Времени, потраченного на эти зрелища, ты не пожалеешь. Дело в том, что в бреду Генрих проделал удивительное математическое вычисление.

2

На стереоэкране менялись краски и контуры, зрелище походило на картину сумасшедшего художника — мир разноцветных призраков, пространство, пронизанное взрывами, фигуры, напоминающие скорее диаграммы, чем живых существ. Вскоре стало ясно, что это мысли, но закодированные не словами, не чертежами, а как-то по-иному — полупредметное-полусимволическое мышление.

Арман комментировал, тыкая указкой в экран:

— Вот здесь клубится фиолетовое облачко биологических переворотов, расшифровка дала фантастическую картину диковинных существ. Обратите внимание на бурно проносящиеся силуэты, это демоны физических закономерностей; институтской машине понадобилось шесть часов, чтобы разобраться, — рейс до Сириуса она рассчитывает за два часа. Результат: школьная физика, Генрих мог бы сдать курс на четверку, но не больше. Зато те красные змеи, крадущиеся в лиловом тумане, интересней. Приглядитесь к извивам, к гребням на туловищах... Все эти обертоны мозгового излучения после расшифровки оказались ответвлениями ряда Нгоро.

— Расшифровку! — нетерпеливо потребовал Андрей. — Змеи не интересуют, давайте математику!

На стереоэкране засияла математическая структура: переплетения посылок, разброс следствий, обобщенная конструкция результата. Рой торжественно произнес:

— Ты видишь формулу движения трех тяготеющих тел вокруг общего центра. Кроме того, Генрих вывел формулы для любого числа взаимно тяготеющих тел, но они слишком сложны, чтобы показать на экране. Все вычисления правильны...

Андрей вскочил и возбужденно заходил по комнате.

— Это же значит, что Генрих совершил открытие, которое не удавалось ни одному математику! — крикнул он, останавливаясь перед Роем. — Он самый выдающийся гений из живших на Земле!

— Никакой он не математик, — с досадой возразил Рой. — Тем более не гений. Мы со всем тщанием проверили математические способности Генриха.

— Ты хочешь сказать...

— Да, именно! Ординар. Генрих так же способен создать новую математику, как репа заколоситься.

Андрей с удивлением смотрел на Роя.

— Но тогда мозг его послужил приемником чужой мыслительной работы, стал полем, на котором разыгралась не им порожденная буря?

— Похоже, так.

— Значит, все-таки есть этот гений, этот математический титан, который добился огромного результата, но сам его не обнаружил, а навеял в мозг твоего брата! Так в чем дело? Немедля вывести его на свет! Предки выражались еще ярче: “При жизни поставить памятник!”

— Мы ищем, — невесело сказал Рой, — неведомого человека, настроившего свое сознание на мозг Генриха, или непостижимое явление, превращающее рядового жителя Земли в научного исполина... Мы ищем разгадку катастрофы на Марсе, ибо ни я, ни Арман не сомневаемся, что гибель звездолета и чудесные возникновения математических способностей у Генриха — звенья одной таинственной цепи.

3

Генрих, помогая себе палкой, ковылял по аллее парка. Когда прилетели Рой и Андрей, он радостно махнул рукой и заторопился, но ноги еще плохо слушались его.

Рой, подбежав, успел поддержать брата. Он упрекнул Генриха:

— Не рано ли в бег? Тебе лежать и лежать.

— Бежать — рано, в остальном я здоров, — весело ответил Генрих.

Он опустился на скамью, Рой и Андрей сели рядом. Андрей молча глядел на друга. Генрих похудел; в нервном, раньше лег-

ко менявшем выражение лице появилась восковая оцепенелость, странно противоречившая глазам, по-прежнему живым. Генрих усмехнулся: он знал, как выглядит.

— Когда человек рассыпается на атомы, Андрей, его трудно собрать в старом виде, — сказал он.

— Да, конечно, конечно, — поспешно согласился Андрей. — Жуткая же была авария, просто жуткая! И столько загадок, столько тайн, столько всякой удивительности!..

И он опять замолчал, не отрывая испуганных глаз от Генриха. И молчание всегда словоохотливого, импульсивно исторгающего из себя слова друга показывало яснее любых слов, каким страшным кажется Генрих. Генриху это даже понравилось. Плохой внешний вид соответствовал ужасу катастрофы. Генрих по-человечески порадовался бы, если б Андрей счел, что он пышет здоровьем: он тяготился болезнью, особенно в те первые дни на Земле, когда, возвращенный в сознание, еще не знал, хорошо ли пойдет выздоровление, и с опаской думал о будущем.

Сейчас каждая клетка тела ощущала возвращение здоровья, будущее было светло, скверный внешний вид уже не соответствовал внутреннему состоянию; он лишь свидетельствовал о глубине той ямы, из которой Генрих выбрался. Генрих, с удивлением поймав себя на этой мысли, ощутил удовольствие, что так напугал Андрея.

И он сказал шутливо:

— Насчет тайн и удивительностей промолчу. В том, что считать удивительностью, а что стандартом, ты знаток выше нас всех. Но так утомительно почти месяц бесцельно валяться на постели, когда другие...

Андрею почудилась в ответе Генриха не шутка, а жалоба. Он запротестовал, чтобы не дать Генриху углубиться в жалость к себе — жалость плохой помощник выздоровления:

— Не надо, Генрих, какие бесцельности! Ты столько во время болезни сотворил поражающего воображение!..

Генрих грустно усмехнулся:

— Ты насчет моего превращения в великого математика? Это уже прошло. Поболел гениальностью и выкарабкался в нормальность.

— Все-таки это твои открытия, — пробормотал Андрей.

— Вряд ли. Каким-то образом мой больной мозг стал приемником чужих сокровений, к тому же плохим приемником:

сразу же выплеснул их наружу. А тот, кто реально генерирует великие мысли, носит их в себе. Так ведь, Рой?

Рой сдержанно сказал:

— Пока ты можешь еще претендовать на авторство.

— Это было бы слишком простое решение, Рой. А ты ведь сам доказывал, что самое бесплодное дело — искать простых решений. Трудно и вообразить себе, Андрей, как Рой мучил меня вопросами, расспросами, допросами и повторными запросами с той первой минуты, когда я стал способен на что-либо отвечать.

— А каков результат? — осторожно спросил Андрей. — Я имею в виду...

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Моя память обрывается на моменте, когда Спенсер стал приподниматься на диване. Что было потом, даже и не представляю себе.

Андрей взглядом спросил Роя, не повредит ли Генриху дальнейший разговор об аварии. Рой, отвернувшись, не поймал взгляда Андрея. Поколебавшись, Андрей продолжал задавать новые вопросы, лишь постарался говорить помедленней и наблюдал при этом за лицом Генриха, чтобы прервать выпрашивания, если при каком-либо воспоминании оно болезненно исказится. Но Генрих отвечал спокойно, то пожимал плечами, то недоуменно улыбался, то задумчиво смотрел куда-то вдаль — такова была его обычная манера разговора. Андрей понемногу успокаивался: Генрих был прежним, несмотря на свой новый страшный вид.

— Твое сознание, однако, сохранило многие картины, Генрих!

— Знаю. Чьи-то дикие глаза. Они отпечатались в моем мозгу, а не в сознании. Картинки любопытные, я их сейчас с интересом рассматриваю на экране, но ощущение такое, будто ко мне они не имеют касательства.

— Что ты можешь сказать о Спенсере?

— То же, что об экипаже: практически ничего. Мы встречались в столовой и салоне, изредка перекидываясь словами.

— Полет проходил нормально?

— Точно по графику. Если бы рейс закончился благополучно, я сказал бы — удивительно скучный перелет.

Рой, запрокинув голову, рассеянно глядел на листву. Лето переламывалось в осень — та особая пора, когда в воздухе глухо и сонно, листья почти не шелестят, птицы не перекликаются.

В парке было пусто — выздоравливающие, видимо, отдыхали в своих комнатах. Андрей обвел глазами тронутую желтизной зелень и с удивлением сказал:

— Знаешь, Генрих, хороший же месяц сентябрь, я его всегда люблю, а тут забыл о нем, мне казалось — еще весна.

Насмешливая улыбка чуть обозначилась на лице Генриха. Улыбался он по-новому — сдержанней и суше.

— Это у нас с Роем тоже бывало — забыть, какое время на дворе. Расскажи о своих достижениях, Андрей. В эфире поминуют вашу лабораторию больше, чем все другие. Значит, вы открыли новую галактическую цивилизацию? Поразительно!

Андрей о своих работах всегда распространялся с охотой, а сейчас еще хотелось отвлечь Генриха. И он знал, как и раньше интересовался Генрих всем, что совершалось в его лаборатории.

— Не новую — единственную. Внеземных цивилизаций немало, но цивилизация на Кентавре намного превосходит человеческую: еще не доступные нам методы связи, все на сверхсветовой скорости...

— Не так быстро, — попросил Генрих. — Прежней скорости восприятия я еще не восстановил.

Как ни был увлечен своим рассказом Андрей, он заметил, что Рой подает осторожные знаки. Вскочив со скамьи, Андрей оборвал себя на полупhrase:

— Остальное узнаешь, когда выйдешь, к тому времени накопим новые наблюдения. Выздоровливай! Выздоровливай!

Генрих остался в парке. Рой шел не торопясь, пока Генрих мог их видеть, потом убыстрил шаг. Андрей недовольно сказал:

— Дикая же спешка! Разве могли повредить мои объяснения, не понимаю, почему не дал досказать...

— Скорей, скорей! — Рой уже не шел, а бежал к авиетке, оставленной у входа. — Я получил мыслеграмму от Армана, что уловлены мозговые излучения такой же характеристики, что у Генриха во время болезни.

— Человек? Машина?

— Человек. И находится в Столице.

4

Когда Арман волновался, его смуглое лицо не краснело, а темнело. Сейчас оно казалось угольно-черным. Он что-то раздраженно выкрикнул, увидев Роя с Андреем. Рой догадался, что

Арман ругается: Арман гордился, что знает старинные клятвы, заклятья и проклятья, заговоры и наговоры; он часто, когда опыты не шли, отводил душу в странных восклицаниях. Рой считал, что так облегчать себя все же лучше, чем швырять приборы, как иногда делал вспыльчивый Генрих.

— Я же просил, просил поскорей! Неужели потом нельзя было наговориться?

— Я не хотел при Генрихе вынимать передатчик из кармана и не все отчетливо слышал. Значит, нашли?

— Не нашли, а потеряли! Засекли, стали пеленговать — вдруг замолк!

Прерывая себя раздраженными восклицаниями, Арман рассказал, что институтская МУМ — малая универсальная машина — приняла излучение той же сумбурной характеристики, что и больные видения Генриха. Электронный медик санатория информировал, что Генрих мирно беседует с другом и братом в парке и что его мозг излучает на спокойных частотах. И в этот момент излучения оборвались, генерирующий их мозг выключился так внезапно, словно погасили лампочку.

Ничего существенного в уловленных излучениях не было, обычная мозговая работа — возможно, человек читал книгу, или любовался телезрелищем, или с кем-то разговаривал. Но что характеристика совпадает с мозговыми записями Генриха, Рой увидел, едва взглянул на перепутанные кривые. Он часто с волнением, с тревогой, с восхищением вглядывался в точно такие же кривые — странные линии, сумятица, судорожные выплески пиков, стремительность падений: одни были вызваны тяжелой болезнью, другие свидетельствовали о пронзительных озарениях...

— Если торопишься к себе, я не держу, — сказал Рой Андрею, с любопытством рассматривавшему изображения. — Завтра продолжим беседу.

Рой постарался, чтобы предложение оставить их прозвучало достаточно убедительно. С Андреем можно было беседовать о его открытиях, но не налаживать погоню за каким-то незнакомцем, мыслительная работа которого так странно повторила болезненные видения Генриха. В сыщики Андрей не годился. Но он был иного мнения о себе. Бледноватое лицо Андрея побагровело.

— Ну нет, на самом интересном месте, вот еще что придумал — завтра! Будь покоен, не помешаю, еще похвалишь!

Рой махнул рукой:

— Тогда сиди и молчи! Будем педантично рассматривать каждый вариант, Арман. Первая возможность, по-моему...

— Да. Излучающий мозг удалился из зоны, где могут засечь его работу.

— Конкретней — источник излучений улетел из Столицы.

— Отпадает. По мере удаления излучение ослабевало бы постепенно, а кривые обрываются круто.

— Вторая: человек заснул.

— Те же возражения. Когда человек засыпает, мозг еще некоторое время работает, ты это знаешь не хуже меня.

— Смерть?

— Маловероятно. Был бы взрыв, перестройка всей картины.

— Сумбура хватает.

— Нормального сумбура, я бы так сказал. Необычная картина, которая непрерывно продолжается. Смерть — все-таки обрыв непрерывности, а не ее продолжение.

— Больше я не могу ничего придумать, — сказал Рой.

— Я придумал! — воскликнул Андрей. — Есть еще возможность, теперь слушай меня, я самым простым и коротким...

— Да, пожалуйста, коротким.

— Переключился на иную мозговую генерацию, вот и все! Подробнее хочешь?

Рой согласился выслушать подробней. Андрей настаивал, что от человека, умеющего переадресовать свою умственную деятельность другому, да еще внедрить в чужой мозг способность на величайшие открытия, можно ожидать и умения менять свои мозговые излучения. Правда, с такими явлениями пока не сталкивались; считается, что каждый мыслит в характеристике, созданной генами, теперь удастся углубить наши знания, только и всего.

— Хорошенькое “только и всего”! — с досадой сказал Рой. — Был дураком, стал гением, снова обратился в дурака — вот чему равноценно твое “только и всего”!

— А что? Каждое невероятное явление требует своего объяснения.

— Но вероятного, Андрей! Объяснить — значит свести странное явление к нормальным причинам. Если принять на минуту твою версию, то это значит: кто-то в Столице прогенерировал в мозговой характеристике Генриха и, сменив свой

мозг,— иначе я это и назвать не могу, — выпал из нашего наблюдения.

— Есть возможность проверить, был ли раньше когда-либо среди жителей Столицы человек с такой характеристикой, — сказал Арман. — Наша машина сейчас изучает мозговые паспорта, хранящиеся в архиве.

Он набрал вызов МУМ и покачал головой, получив ответ.

— Рой, машина дает справку, что среди постоянного населения города нет ни одного, кто бы генерировал в этой характеристике. Она проверила мыслительную работу нескольких миллионов человек с момента рождения — отождествление исключено!

— А переменное население? — спросил Рой. — Командированные, гости, туристы?..

— Проверка их сложнее, но делается и она. Машина изучает архивы гостиниц.

— Мы с Андреем полетим в гостиничный городок, — Рой сделал знак Андрею, — а ты передашь нам ответ по мыслепроводу.

Андрей, опередив Роя, первым вскочил в авиетку и вынесся наверх. Рой лишь поднимался над деревьями институтского парка, когда Кoryтин уже парил над крышами небоскребов Большого Кольца, нетерпеливо поджидая там замешкавшегося друга. Андрей не только демонстрировал усердие, но и захватывал инициативу.

Это, впрочем, не показалось Рою неожиданным: стремление всегда первенствовать было неистребимо в Андрее; он не желал выделяться, но просто не мог не выделяться — вторые роли были не для него, за какое бы дело он ни брался. И, увидев, что Рой наконец выбрался на высоту, Андрей сердито махнул рукой, чтобы он поторопился, и умчался вперед.

Они проносились над зелеными массивами, над улицами и проспектами; внизу было много пешеходов, еще больше людей носилось в воздухе. Ни один из прогуливающихся или летящих не мог быть тем, кого они разыскивали, перемена характеристики мозга — операция вообще невыполнимая, тем более в какие-то считанные минуты. Рой понимал это, но несуразная мысль все возвращалась.

— Крепко же в меня засели невероятные вероятности Андрея! — пробормотал Рой, усмехнувшись.

Андрей, летевший метров на двести впереди, услышал в передатчике свое имя и спросил, чего Рой хочет. В это время Арман дважды выкрикнул по мыслепроводу: “Сектор шестой, корпус первый, двадцать девятый этаж, номер сто шестьдесят первый!” Рой продублировал Андрею сообщение Армана.

— Высаживаемся на причальном балконе тридцатого этажа! — крикнул Андрей.

Гостиничный городок, район самых высоких зданий Столицы, располагался на острове, возведенном в центре Восточного озера. Островок сам по себе был невелик — всего один квадратный километр, но, заселенный полукилометровой высоты домами, с воздуха казался собранием гигантских глыб, взметнувшихся над сравнительно невысоким пейзажем, — жилые дома вокруг Восточного озера не превышали сорока этажей, лишь на кольцевых проспектах были повыше. Шесть секторов разделяли гостиничный городок на равные участки, в центре каждого возвышался двухсотэтажный корпус, номер его в каждом секторе был первым — шесть гигантских малиново-белых факелов обозначали своим сиянием секторы. Особенно красочным зрелище было в ночи, когда верхние этажи, казалось, пропадали среди звезд.

К одному из высотных корпусов и устремил свою авиетку Андрей. Он подлетел к двухсотому этажу, но не остановился на его посадочной площадке, а заскользил вниз. Каждый десятый этаж опоясывал гигантский балкон, на третьем снизу балконе Андрей остановился. Рой добавил скорости и догнал Андрея, когда тот выскакивал из авиетки. Андрей, прыгая через три ступеньки, сбежал на двадцать девятый этаж и помчался по коридору к диспетчеру этажа. Диспетчер — металлический щит, на нем вспыхивали разноцветные глазки номеров и красные цифры оказываемых услуг, — выпечатал на приемном окошке лицо милостливой женщины и заговорил приветливым женским голосом: гостиничные автоматы последней модели были устроены так, что с мужчинами разговаривали в женском образе, а с женщинами — в мужском: по утверждению конструкторов, это предохраняло от многих раздражений.

— Федор Ромуальд Гаррисон, да, Федор Ромуальд Гаррисон, — учтиво говорил диспетчер.

— С ума сойти! — восторженно заорал Андрей подходившему Рою. — Знаешь, кто живет в номере, мой сотрудник Федя Гаррисон, паренек с Плутона, чудеснейший мастер по много-

мерной внеалгоритмике!.. Голубка, вы не ошиблись, двадцати семи лет, рост двести двенадцать, глаза голубые, холост, специалист по эн-мерным непорядкам?

Автомат подтверждал все, что выкрикивал Андрей:

— Да, с Плутона, двадцать семь лет, рост двести двенадцать, восемьдесят девять килограммов, холостой.

— Почему же он не в лаборатории? — вдруг возмутился Андрей. — Черт знает что, достаточно разок не явиться, все сотрудники разбегаются — он, правда, неделю хворал, но ведь поправился, неужели опять?.. А вы не ошиблись, милая, он у себя?

— Он выходил утром, постоял в коридоре и возвратился.

— Задам я ему, пошлите-ка вызов!

— Гаррисон не отвечает на вызовы, друг.

— Как не отвечает? Дайте-ка снова!

— Не надо! — Рой положил на приемный столик жетон — свое удостоверение: оно выдавалось лишь тем, кто имел право вести розыск в Столице. Жетон провалился в недра диспетчера и вновь вернулся.

— Слушаю, друг! — сказал автомат совсем другим голосом, такие голоса называли “информационными” — в отличие от “обслуживающих”.

— Ключ к Гаррисону!

На столике появился ключ, его схватил Андрей.

— Я побегу вперед!

Он мигом исчез за поворотом коридора.

Когда Рой подошел к номеру, оттуда выскочил Андрей, он что-то силился выговорить и не мог. Слова путались в непонятное. Рой схватил друга за руку:

— Да что там? Что? Не молчи же!

— Доктора! — пролепетал Андрей. — Федя... Федя!..

Рой вбежал в номер, повернул на стене рычажок медицинского вызова — Андрей в ошеломлении забыл о нем, — огляделся: на кровати лежал прикрытый простыней человек, на столике была записка. Рой прочитал: “Андрей, простите меня, не могу иначе!”

— Это и вправду твой сотрудник Федор Ромуальд Гаррисон? — хмуро проговорил Рой.

Андрей с трудом прошептал:

— Он, он! Такая страшная смерть!

— Мертв?

— Пустил себе разряд в ухо. Из лабораторного разрядника. Восемь тысяч вольт!.. Мгновенная смерть, абсолютно мгновенная... А твой Арман говорит — смерть маловероятна...

— Прикрыл его ты, Андрей?

— Я, я! Такой ужасный вид!.. Я набросил простыню и побежал.

Рой отдернул простыню. На кровати неестественно скорчился человек среднего роста. Рой сразу узнал его. Он десятки раз рассматривал этого человека, вспоминал его, размышлял о нем...

Андрей в испуге крикнул:

— Что с тобой? Как ты побледнел!

Рой опустился на диван, трясущиеся ноги не держали. С трудом выговорил:

— Андрей! Повтори — кто он?

— Федор Ромуальд Гаррисон! Разве не ясно?..

— Ты уверен? Отвечай, уверен?

— Абсолютно! Мне ли не знать Федю! Да и записка мне, разве не видишь? Он, он!

Дрожь в ногах все нарастала. Рой медленно выговорил:

— Человек этот — Василий Арчибальд Спенсер, тело которого я привез с Марса.

В номер вбежал врач с двумя санитарями.

Глава третья ОБЕЗЪЯНКА ОЛЛИ

1

Сначала надо было совершить дела, не допускавшие промедления: наскоро объяснить врачу, как они очутились здесь и что увидели в номере; вызвать в гостиницу Армана; прикрикнуть на Андрея, снова впавшего в отчаяние — этот человек, несмотря на энтузиазм, с каким вызвался в помощники, решительно не годился в следователи; объяснить Арману — все с той же косноязычной торопливостью, — что они опоздали к Гаррисону и тот успел сам распорядиться собой; попросить врача отправить умершего не в общий морг, а в институтский, а там

поместить рядом с трупом Спенсера, ибо потребуется отождествление обоих погибших; а когда врач с санитарями вынесут Гаррисона в коридор и уложат в санитарный автокар, имевшийся на каждом этаже, поспешить за ними и сопровождать на авиетке медицинский аэробус.

— Можешь идти с нами, — сказал Рой Андрею, в полной прострации следившему, как выносят из номера тело его помощника. — Но лучше вернись домой и прими радиационный душ.

Арман, взглянув на Гаррисона, тоже сразу признал в нем Спенсера. Это еще больше расстроило Андрея. Он негодуяюще воскликнул, что не может — как бы ему это ни доказывали — допустить, что один человек существует в двух телах. Арман хмуро возразил:

— Не существует, а дважды погибает в одном обличье.

Андрей не нашел разницы.

— Послушай, ты пойми меня, — почти умоляюще говорил Андрей Рою, шагавшему по коридору за медиками. — Я уйду к себе, ты прав, зрелище не для меня, вы расследуете аварии и катастрофы, там везде мертвые, вы привыкли, а у меня звезды, это же совсем другое, пойми! Но как ты можешь говорить, что это не Федя, мне ли не знать Федю, это же мой лучший сотрудник, моя правая рука, артистическое понимание непорядков и сумбура, виднейший исследователь антилогик, как он может стать другим человеком, как, я тебя спрашиваю!

— Могу сказать одно: он, видимо, захотел свое артистическое понимание нелогичностей претворить в жизнь, — хмуро ответил Рой. — Ибо, согласен с тобой, нет человеческой логики в том, что один является в двух ипостасях, как говорили в старину. — Он с иронией посмотрел на Андрея. — Но для специалиста в антилогике, для теоретика сумасбродства природы все невозможное — возможно. Ибо в любом безумии есть система, и для самих безумцев она в том, что безумие — норма.

— Они близнецы! — с горячностью объявил Андрей. — Уверяю тебя, Спенсер и Гаррисон — близнецы, вот ты увидишь сам, когда прилетишь в морг, не сомневаюсь ни минуты, категорически потребуй, чтобы твой Арман немедленно запросил у Справочной...

— У меня нет охоты обижать своих сотрудников. Уверен, что Арман и без моих приказов уже послал Справочной все нужные запросы.

Когда Рой и Андрей вышли на балкон тридцатого этажа, от него отваливал медицинский автобус. Вслед за медиками помчалась авиетка Армана.

Андрей внезапно переменял решение. Он должен собственными глазами посмотреть на таинственного Спенсера, должен сравнить его с Фейей Гаррисоном. Вскочив в авиетку, он помчался за Арманом.

Рой не торопился в морг. Сейчас там укладывают один загадочный труп рядом с другим загадочным трупом. Специалисты уже вызваны. Им нужно время, чтобы сформулировать свое заключение, он не хотел им мешать. Он будет думать. Выпало несколько спокойных минут: не надо ничего объяснять, командовать, принимать срочные решения, можно размышлять, а не действовать.

Итак, Гаррисон и Спенсер... Возможно, они и вправду близнецы, но это маловероятно — ведь даже у близнецов не совпадают полностью мозговые излучения. И оба настолько схожи, что их не различить. И оба кончили трагически. И оба связаны с Генрихом — каждый по-особому, но связаны. Генрих и Спенсер — жертвы аварии, Гаррисон через Спенсера и Генриха, с которыми связан — с каждым по-особому, — тоже, не исключено, к ней причастен. Они оба, Спенсер и Гаррисон, — звенья какой-то единой цепи. Зловещая цепь! Кто управляет ее движением? Чья злая рука вершила судьбами этих двух несчастных?

Ни на один из вопросов ответа не было. А Рой и не жаждал немедленного ответа. Еще на Марсе он убедил себя: простых решений не ждать. Надо искать решений неожиданных, решений удивительных — таких, чтобы о них сказали: “непостижимо!” Лишь они соответствовали сложности явления. Рой мрачно усмехнулся. Хорошо бы познакомиться с Гаррисоновой разработкой антилогики — возможно, там и вправду найдется что-либо более подходящее к случаю, чем их логические построения. Он иронизировал на эту тему с Андреем, но ограничивается ли дело одной иронией? А если природа сама иронизирует над собой? Рой покачал головой. Он заходит слишком далеко. В любом безумии имеется не только система, но и мера. А значит, и законы, управляющие безумием.

Одно несомненно: еще ни разу не приходилось сталкиваться с такой трудной проблемой. Были и раньше глубокие тайны, были запутанные загадки, были ужасные события, но все они лежали в границах реальной действительности: результат тра-

гического столкновения известных сил и факторов, драматический плод нарушений режимов и правил, вторжение стихий в планомерную деятельность. Много, много было странного и страшного, что на спокойном языке отчетов называется “происшествиями”. И гибель космических кораблей при посадках и взлетах и в рейсах, и гибель людей на дальних планетах, и гибель людей на Земле. И все это было — иное!

Неудачно сложившаяся комбинация естественных причин, естественная необычность, так бы он сказал. Но два трупа одного человека, внезапное превращение обычного человека в гения и снова “падение в обычность” — где тут нормальные причины?

— Сверхъестественно, как говорили предки, когда чего-либо не понимали, — пробормотал Рой. — Ладно, ладно, не будем преждевременно делать широкие обобщения.

Он приземлил авиетку у служебного входа в университетскую клинику — отсюда был самый короткий путь в морг, помещавшийся в десятом подземном этаже.

На залитых светом столах лежали два тела, над одним склонялись эксперты. Среди них Рой увидел и Андрея с Арманом.

Андрей поспешил к Рою.

— Ужас, Рой! — воскликнул Андрей, нервно сжимая руки. — Ты прав, они не близнецы, даже не родственники, но такое удивительное сходство, такое невозможное сходство!

Рой вопросительно посмотрел на приблизившегося Армана. Арман молча подал ленту с записью ответа Справочной. Спенсер родился на Земле в 320 году нового летосчисления в весенний день 9 мая. Гаррисон, уроженец Плутона, на той далекой планете провел детство и кончил школу, впервые на Землю попал, лишь когда подошли годы поступать в университет. Но различие между Гаррисоном и Спенсером этим и исчерпывалось, если не считать еще и различия профессий: один — математик, другой — астроботаник.

Все остальное совпадало: рост, вес, цвет волос и глаз, внешний вид. Справочная педантично отмечала даже родинки на шее и на спине. И хотя происходили они от разных родителей, родились в один и тот же день одного и того же года.

Рой молча вглядывался в запись, смутно ощущая, что держит в руках разгадку тайны. Но разгадка была закодирована непонятными символами, их надо было в свою очередь разгадывать.

Арман сказал:

— Различие между ними есть, но не физическое. Разные места рождения, имена, образование. В общем, биографии непохожи, а в остальном — полное совпадение!

Рой приблизился к группе медиков. Полного совпадения в облики двух умерших все же не было. Спенсер был меньше Гаррисона. Это было настолько явно, что Рой обратился к справке. Там стояло: “Рост у обоих одинаков — 2 метра 12 сантиметров”. Но Спенсер был меньше по крайней мере на десять сантиметров.

Один из медиков, Кон Араки, заметил, с каким недоумением Рой переводит взгляд с мертвых на запись и снова на них.

— Нас это тоже удивляет, — сказал Араки. — Спенсер мумифицируется, хотя и помещен в нейтральную атмосферу. — тело Спенсера покоилось в прозрачном саркофаге. — Мы не ожидали, что он с такой интенсивностью будет терять вес. Вероятно, это связано с неизвестными нам особенностями его гибели.

Рой вспомнил, что еще на Марсе начальника астропорта Винклера поразило быстрое ссыхание трупа. Очевидно, и специальная атмосфера, обрывающая все реакции в клетках мертвого тела, в этом случае оказалась малоэффективной: новая странность, доказывающая необычность этого трагического происшествия. Рой сказал медику:

— Я, как и вы, не знаю, почему труп так быстро теряет вес, но мне это представляется очень важным для расследования аварии. Нельзя ли сохранить тела в таком виде, как они есть? Особенно это относится к Гаррисону.

— Попробуем. У нас имеются и более сильные консервирующие средства, чем нейтрализующая атмосфера.

— Оживление Гаррисона решительно невозможно? — на всякий случай уточнил Рой.

— Решительно, друг Рой! Тело практически не повреждено, но мозга не существует, все мозговые клетки переплавлены. Дня через два мы пришлем вам подробный доклад.

Рой кивнул головой и отошел. Арман сказал, что останется с медиками, пока они не закончат исследование трупа. Андрей бросил прощальный взгляд на Гаррисона и догнал Роя.

Они молча вышли в сад. Рой ласково положил руку на плечо Андрея.

— От всей души сочувствую тебе — потерял друга, хорошего работника...

Нервное лицо Андрея исказилось от боли.

— Нет, Рой, при чем здесь сочувствие мне, все куда страшнее! Я знаешь о чем думаю? Это ведь самоубийство, а почему, нет, объясни, зачем понадобилось Феде умирать, ведь не было причин, не было, не было, я-то ведь хорошо знал Федю!

Рой сумрачно возразил:

— Были причины, и вероятно — важные. Боюсь, Гаррисон жил какой-то двойной жизнью, а ты об этом и не подозревал.

Андрей вызвал авиетку, сказал, что ждет Роя с Арманом к себе, и взмыл ввысь. Рой вышел на радиальную улицу, завернул с нее на кольцевой проспект, выбрал тенистое местечко. Здесь было хорошо сидеть и размышлять. Он откинулся на спинку скамейки, но не размышлял, а отдыхал. Высоко над деревьями проносились одиночные авиетки с жителями, торопившимися по своим делам, важно проплывали туристические аэробусы, мчались спортивные машины.

В воздухе была толчея, сумятица на всех разрешенных для движения уровнях. Такая же сумятица открылась бы, вероятно, и на подземных этажах, если бы удалось снять верхний покров и разом увидеть все эти “минусовые горизонты”. А на Земле, на видимой ее поверхности, была удивительная, хватающая за душу тишь.

Рой сперва вяло удивился тишине — низовой ветер на этот день, видимо, разрешен не был, ни один листочек на липах и кленах не подрагивал, даже всегда беспокойные тополя не шелестели листвой, и густая трава на газонах высилась надменно, — потом с удовлетворением подумал, что человечество, все дальше погружаясь в недра, все выше забираясь в воздух, оставило наконец поверхность если и не в покое, то для покоя.

Сегодня первый день бабьего лета, вспомнил Рой.

Инженеры Управления Земной Оси хорошо разбирались в значениях древних слов; они и оттенки давно изжившего себя словаря педантично переводили на язык современных метеорологических понятий — вдохновенно переводили, поправил он себя с удивлением: до него вдруг дошла вся прелесть дня.

Солнце выбралось за край высотного корпуса гостиничного городка, оно шествовало по опускающейся небесной кривой — жаркое, томное, упоенное собой. Утром шел дождь; дождь всегда начинал этот знаменательный день, первый день бабьего лета. Бабье лето начиналось со свежести, свежесть лишь к полудню превращалась в жаркое дыхание, а сейчас уже шло к

вечеру. Могучие соки земли струились в жилах трав и деревьев, исторгались наружу пьянящими ароматами. Рой вдыхал, как пил, дурманящий дух земли. Это было воистину бабье лето — пора созревания плодов. Он закрыл глаза, голова немного кружилась, мысли путались, уже не было мыслей, было отрешение от дел, разрешение от забот, то облегчение от тягот, с которого начинается истинный покой, — ощущение завершенности.

— Хорошо, ах, до чего же хорошо! — пробормотал он.

И когда слово “хорошо” дошло до сознания, и больно укололо своей несвоевременностью, и напомнило, что до хорошего далеко, ничего нет пока хорошего, кроме вот этого великолепного дня, созданного не столько вольной прихотью природы, сколько запланированным старанием метеорологов, он, повысив голос, упрямо повторил себе, как заклинание:

— Хорошо, просто невозможно как хорошо!

2

Генрих переходил от стенда к стенду, от прибора к прибору, до каждого с наслаждением дотрагивался, с нежностью провел рукой по схеме переключений, дружески похлопал по щиту с командными аппаратами, Остановившись в углу, он обвел расстроганными глазами лабораторию.

— Здорово же ты изголодался по работе, — заметил Рой.

Генрих присел около брата.

— Ужасно, Рой! Я ведь уже потерял веру, что возвращусь к нормальной жизни.

— Медики не считали тебя безнадежным ни на Марсе, ни на Земле.

— Я сам считал себя безнадежным. Чем ты нагрузишь меня? Чем вы сейчас занимаетесь?

— Легче сказать, чем мы не занимаемся! Лаборатория особых космических проблем, а под особыми все больше понимают несчастья в космосе... Что до меня с Арманом, то мы заняты тобой. Отчего ты чуть не погиб?..

— И для чего выздоровел, да? — Генрих нахмурился. — Вряд ли по этой проблеме я буду тебе хорошим помощником. Древние говорили, что познать самого себя — самая трудная штука.

— Они же говорили, что самопознание — предпосылка всякого иного знания. Впрочем, ни минуты не сомневался, что

выберешь тему сам, и обязательно не ту, какую тебе порекомендуют.

Генрих засмеялся. У него и раньше были обычны быстрые переходы от дурного настроения к веселью и от веселья к хмурости.

После болезни внезапная смена настроений стала резче. Обдумывая, как держаться с братом, Рой предписал себе подтрунивать, но не противоречить.

Не встречая отпора, Генрих легко “перегорал”, эта черта в нем сохранилась.

— Но если деятельно участвовать в расследовании мне непосильно, то интересоваться им буду, — предупредил Генрих.

— Это не противопоказано, — согласился Рой.

— В этой связи у меня много вопросов к тебе.

— Задавай их.

— Доказано ли, что Спенсер и Гаррисон — одно лицо?

— Доказано, что их нельзя различить физически.

— Как-то они все-таки различаются?

— Биографически. Анкетно, как говорили наши предки.

— А как понимать физическое тождество?

— Буквально. Совершенные близнецы, хотя и от разных родителей. Высокомудрая МУМ едва не впала в электронное безумие при обработке их данных, на третьем запросе она уже путала их.

Генрих, помолчав немного, заговорил опять:

— Зачем Спенсер летел на Марс? Ты объяснял как-то, но я забыл.

— Изучить энергию марсианской растительности. Физики считали тему важной.

— А его двойник? Они не были знакомы? Разумеется, если не исходить из посылки, что оба — одно существо.

— Они сейчас лежат рядышком, повергая студентов-медиков в трепет своим сходством. Наличие двух тел доказывает, что существа они разные.

— Что значит предсмертная записка Гаррисона?

— Этого никто не знает.

— Это может знать Андрей, записка адресована ему.

— Он и понятия не имеет, что подразумевал Гаррисон.

Генрих опять помолчал, размышляя.

— Доказана ли сверхсветовая скорость команд Марса?

Рой пожал плечами.

— Я бы сказал осторожней: не доказано, что сигналы распространялись со скоростью света. Мгновенность передачи остается пока единственным объяснением загадки.

— Но это противоречит законам мироздания, Рой.

— Да, известным... Напомню тебе, что сама авария тоже не может быть объяснена только действием известных нам законов.

— Мгновенность передачи возвращает нас к работам Андрея. Ты считаешь их обоснованными?

— Не мне судить о таких проблемах. Общее же мнение таково: уловлена передача, но позывные ли это иной цивилизации или результат природного процесса, случайно приводящего к повторению арифметических азбук, неведомо. Мысль, что прием идет при помощи сверхсветового агента, пока не больше чем блестящая гипотеза. Андрей подготавливает решающий опыт. Он приглашает нас познакомиться с его аппаратурой. Ты пойдешь?

— С охотой. Еще вопрос, Рой.

— Хоть сто.

— Сообщение с Марсом восстановлено?

— Только грузовое. Пассажирское — в порядке исключения, туристское на неопределенное время отменено.

— Воображаю, как с разных сторон тебя торопят с расследованием, Рой!

Рой сумрачно усмехнулся:

— Каждый день вызывает Боячек. Задал, задал ты работы, Генрих!

На экране засветилось улыбающееся лицо Армана.

— Поздравляю с возвращением в родные места, Генрих! Рой, ты поклонник бредотворчества? Величайший снотворец нашего времени Артур Артемьев просит незамедлительно принять его.

Генрих с недоумением взглянул на брата:

— Не ожидал, что мои видения породят в тебе любовь к художественному бреду!

— Если у нас появился Артемьев, то, значит, это нужно ему, а не мне, — ответил Рой.

— Прими его повежливее, Рой, — посоветовал Арман. — Он все-таки знаменитость, и характер — по славе!

В лабораторию вплыл круглый подвижный человечек. Рой учтиво пошел ему навстречу.

Предупреждение Армана было излишне: и Рой, и Генрих хорошо знали, кого принимают. В странном роде искусства, именуемого художественным сновидением, Артур Артемьев давно был признан выдающимся мастером, чем-то вроде классика-сновидца. Правда, полного собрания сновидений ему не удалось выпустить, но лишь потому, что и сейчас, уже пожилой, он продолжал систематически продуцировать сны, яркие, как у ребенка, и сюжетно весьма стройные (запутанность острого сюжета была важнейшим художественным приемом Артемьева). “Мое бредовое академическое издание возможно лишь после моей смерти”, — утверждал он. Зато ежегодно пополняемая катушка “Избранных бредовидений Артемьева” не залеживалась на полках: у молодежи, склонной к экстравагантности, Артемьев ходил в любимых авторах. К тому же техника бреда у Артемьева была столь отработана, что сновидения его транслировались непосредственно из сна, без черновой записи и “доводки”, он, как это говорилось у профессионалов-сновидцев, “творил завершённый бред”. Даже великий Джексон Петров, создатель бредоискусства, не сумел бы похвастать таким мастерством.

И, крепко пожимая гостю руку, Рой начал разговор с того, что поблагодарил Артемьева за посещение их лаборатории.

— Правда, мы далеки от вашей отрасли техники, — честно предупредил Рой, усаживая гостя. — И если, случается, бредим сами, то относимся к этому как к браку в работе. Но, в общем, мы с Генрихом понимаем, сколь велико ваше...

Артемьев, невысокий, толстенький, с коротенькими — до бедер — руками, одутловатым лицом и такими блестящими глазами, что он, казалось, не глядел, а озарял ими, нетерпеливо оборвал Роя. Сновидец говорил отрывисто, слова его складывались скорее в лай, чем в речь.

— Чепуха! — прогавкал он. — Какая техника? Бред — искусство. Вам не понять. Собственные ваши сновидения... Вы наблюдаете — я переживаю, ясно? Я спрашиваю: ясно?

— Мы не хотели вас обидеть, — мягко сказал Рой. — И если вы изложите, что привело вас...

Артемьев со злостью попросил не прерывать его. У него путаются мысли, когда его прерывают. Прерывать человека невежливо. Он ненавидит тех, кто его прерывает. Когда шесть лет

назад на Марсе, в безводной пустыне, он вытранслировал прямо из головы свой знаменитый шедевр “на тонущего в океане человека бросается акула”, один из наглецов-марсонавтов уронил на него угловой шест палатки и, вместо того чтобы молча поднять тот проклятый шест, не обрывая захватывающего сновидения, стал бесцеремонно извиняться. Возмутительные извинения погубили конец сна, человеку не удалось заглотить акулу, как складывалась вначале бредоситуация, утопающий сам угодил акуле в пасть. Вот к какому шаблону привело невежественное вмешательство в искусство!

— Я ненавижу извинения! — гневно прокричал Артемьев. — Начнете беспардонно извиняться — поставлю крест на обоих! Можете вы наконец ответить по-человечески: ясно?

— Ясно, — успокоил Артемьева Рой.

Братьев стала забавлять воинственная нетерпимость прославленного сновидца. Генрих, повеселев, придвинулся поближе.

— Извиняться не будем. Тем более, что еще не прови...

Артемьев опять не дал договорить. Он явился в институт не для болтовни. Болтовня — способ общения у сумасшедших, именующих себя нормальными, то есть ординарными людьми. Бредовики общаются между собой лишь видениями. Сновидец kloкотал минуты три, потом извилисто подобрался к теме прихода. С ним несчастье. Когда других людей постигает беда, это их личная драма, но неудачи искусного бредовика — горе для всех, ибо художественный бред — продукция, с увлечением потребляемая зрителями. Его заслуги известны каждому. После Джексона Петрова еще не существовало снотворца столь умелого и разнообразного, столь широкоохватного и своеобразного, столь глубокого и увлекательного, столь, наконец... В общем, такого мастера, вот что он хочет сказать.

— Вы говорите, естественно, о себе? — деликатно уточнил Рой.

Снотворец зло сверкнул глазами.

— Не о вас же! В области бреда от вас пока еще... Оригинальность. Неповторимость. Непохожесть. Несравнимость. Особость. Своевыражаемость. Своекартинность. Своекрасочность. Своемузыкальность. Весь — свой. И потому — для всех. Ибо общий бред уже не бред, а реальность. Вы меня понимаете?

Из дальнейшего объяснения стало ясно, что несчастье снотворца как раз и состоит во внезапной утрате оригинальности.

Недавно он после веселой прогулки в горах пошел, не отдыхая, на работу, то есть уснул. По многолетнему обычаю (а также, добавил он, в соответствии с пунктом третьим договора с Управлением телеискусства), подключенный к кровати ретранслятор передал в эфир его сон. Сновидение было красочное и впечатляющее.

— Вы, очевидно, видели его? — сказал сновидец, подозрительно вглядываясь в братьев. — Не поверю, чтоб вы не... Мое творчество столь популярно... Насчет горилл во Вселенной. Было повторение на планеты.

— Я слышал об этой передаче, но мы не видели ее, — ответил Рой. — Я в это время на Марсе расследовал аварию, а брат лежал без сознания. Мне говорили, что зрелище было восхитительное.

— Да, это верно, сновидение захватывало. В лаборатории, заставленной механизмами, — вот примерно такой же, как эта, — исполинская горилла орала человеческим голосом: “Мы вас не звали! Вы несете смерть! Вы сами погибнете! Удалитесь! Живей! Живей!” И сама горилла была удивительна, и еще удивительней — загадочные механизмы, а всего поразительней — молнии, вылетающие из мохнатой головы обезьяны при каждом жесте. К тому же она кричала не словами, а вспышками разрядов, она гремела, а не говорила, так было выполнено телезрелище. Люди отшатывались от экранов, две женщины упали в обморок, они сами написали об этом на студию. Дело не в нервных женщинах. Искусство хорошего производителя снов захватывает и терзает, печалит и радует даже флегматиков!

— Короче, вас можно поздравить с созданием нового бредового шедевра, — вежливо промолвил Рой. Он переглянулся с братом.

Да, его можно поздравить, сам он тоже так думает об этом трижды неладном сновидении, оно ему удалось, хотя и принесло множество огорчений. Коротенькая жуткая картинка, фантастическое эссе — вот как он сам воспринимает это произведение, названное сжато и точно: “Гориллы у космопульта”. А на другой день посыпались письма и на телестудии зазвенели звонки: точно такое же видение имеется и в четырнадцатой завершающей катушке полного собрания сновидений Джексона Петрова, и даже название похожее: “Обезьяны в космосе”... Нет, он спрашивает, отдают ли братья себе отчет в трагизме ситуации? Оригинальнейший сновидец сегодняшнего века

эпигонски повторяет ветхий бред полузабытого древнего мастера — гениального, конечно, но допотопного, как ихтиозавр! Что общего между ним и стариком Джексоном? Каким образом видения давно истлевшего человека могли повториться в мозгу современного бредовика? Вот какую задачу он ставит перед братьями, вот почему приехал к ним. Генрих и Рой распутали тайну гибели Фреда Редлиха, восстановили доказательства великой теоремы Ферма, а теперь могли бы потрудиться над загадкой передачи бреда из одного мозга в другой. Буквальное повторение одного и того же видения через сто лет после его первой трансляции — величайшая тайна века, он и такой формулы не побоится!

Когда снотворец умолк, Рой осторожно сказал:

— А может быть, тайны-то нет? Вы когда-то познакомились со сновидением Петрова, оно отпечаталось в вашем мозгу...

Артемьев остановил его возмущенным взмахом руки:

— Нет! Сто тысяч раз — нет! Я не хотел говорить... Будет ужасно, если телекритики узнают...

Рой со скукой пожал плечами:

— Чтоб распутать загадку, мы должны быть уверены, что она реально существует. Такой убежденности у меня пока нет.

Снотворец теперь запинаясь на каждой фразе:

— Оригинальность видений — такое бесценное качество... Любое чужое видение столь ужасно на меня влияет... Даже мастер превращается в эпигона. — Он набрался духу и выпалил: — Я никогда не видел этого сновидения Джексона Петрова! И других его сновидений не знаю. Вот полная правда...

— Но можете ли вы поручиться, что его сновидения не стали вам известны иным путем, кроме стереозэкрана?

— Два миллиона раз — нет!

— Я подразумеваю книги, рассказы бредозрителей...

— Еще один миллион! Книг я не читаю, а рассказы о снах выношу, когда говорят лишь о моих собственных сновидениях. Оригинальность — нежный цветок, ее надо оберегать от постороннего воздействия. Я, конечно, могу быть уверен, что вы займетесь срочным распутыванием моей загадки?

Рой развел руками.

— К сожалению, это зависит не только от меня. И боюсь...

Генрих, до этого молчавший, вмешался:

— Можете не сомневаться, друг Артур, мы сегодня же приступим к выполнению вашей просьбы.

Рой, проводив снотворца до двери, упрекнул брата:

— У нас столько проблем, срочных и важных, неужели ты и вправду собираешься погрузиться в этот вздор?

— Как понимать определение “вздор”?

— Обыкновенно, нормально, общепринято, стандартно! Вздор — иначе: чепуха, ерунда, пустопорожность, вранье, око-лесица, бестолочь, нелепость, ахинея, галиматья, дичь, чушь, мура... Еще уточнения требуются?

— Что-то в этом человеке поражает, — задумчиво сказал Генрих. — Я тоже не любитель сновидений на публику, но ведь многие этим увлекаются, а почему? Что их захватывает? И ведь странно, согласишься, неожиданное возобновление через сотню лет отнюдь не стандартного зрелища — каких-нибудь облетов планет, встреч с пришельцами из космоса, в общем, распространенных сюжетов...

— Ничего странного. Врет снотворец. Плагиатор! Знает он Джексона.

— А если не плагиатор?

Рой раздраженно махнул рукой.

— Ты, кажется, заявил, что не присоединяешься к расследованию аварии? Вот и занимайся снотворчеством, а нас с Арманом не отвлекай.

— Я хотел предложить как раз такое разделение тем, — миролюбиво сказал Генрих.

Рой ответил сердитым взглядом. Он гораздо лучше брата знал древнюю историю и нередко ввертывал в свою речь старинные словечки. Больше других старинных словечек он любил слово “вещий”. Он говорил, что слово это пахнет секретами, что в нем таится загадочность, что оно возбуждает любознательность, погружает во вдумчивость. Рой и не подозревал во время спора с братом после ухода Артемьева, что не так уж много времени пройдет до момента, когда он сам охарактеризует внезапное желание Генриха помочь сновидцу именно этим емким словом: вещее!

4

Дня через три Генрих попросил Роя и Армана прийти к нему.

— Хочу продемонстрировать вам сновидения Джексона и Артемьева, чтобы вы сами сравнили их. Рассматривайте это как отдых, если по-прежнему не пожелаете принять участие, — сказал Генрих.

На стереозэкране последовательно сменились два зрелища: почерпнутое из четырнадцатой катушки полного собрания сновидений Петрова и то, о котором говорил Артемьев.

— Ваше мнение? — спросил Генрих, выключив экран.

— Они прежде всего разные, — первым отозвался Арман. — Артемьев преднамеренно видит забавные сны, он тешит нас кошмарами, но и во сне не верит в свой сон. Бред у Артемьева — хорошо отработанное ремесло. А видения Джексона художественно убедительны.

— Покажи Джексона еще разок, — попросил Рой.

Среди кубических механизмов, чудовищно несоразмерных, скорее силуэтов, чем вещей, металась и вопила безобразная обезьяна с искаженной мордой и кроткими испуганными глазами. С головы ее срывались молнии, ударявшие в кубики механизмов и погасавшие в них, грохот разрядов складывался в слова; слова не грозили, а умоляли. Старая обезьяна, сновавшая меж диковинных аппаратов, кого-то тревожно предупреждала об опасности, руки ее хватались то за один кубик, то за другой, лихорадочно их перетасовывали, потом вдруг всеми когтями впивались в лохмы головы, и обезьяна безвольно качала потупленной головой, из глаз ее катились слезы... Плач обрывался внезапно, как и начинался, и снова обезьяна бросалась то к одному, то к другому нагромождению кубиков, энергично с чем-то сражаясь, чему-то изо всей мочи противодействуя...

— И вправду не очень развлекательно, — заметил Рой. — Для чего Джексон продуцировал такие сны, Генрих?

— Я бы поставил вопрос по-другому. Не для чего, а почему? Какие мысли, какие чувства, какое душевное состояние порождало в его мозгу эти фантастические картины?

— Все-таки я хочу разобраться, — сказал Рой.

Генрих спорил слишком запальчиво. Сновидения, даже художественно отработанные, не заслуживали такой пылкой защиты.

— Ты хочешь понять, что означает эта странная картина?

— Нет, хочу понять, для чего ты вызвал нас.

— Я вчера изучал биографию Петрова и столкнулся с некоторыми странностями. Дело в том, что у Петрова была обезьяна, и очень любимая.

— Домашняя обезьяна?

— Раньше бы надо условиться, как толковать этот термин — домашняя. Шимпанзенок Нелли. Джексон, впрочем, звал ее

Олли. Эту Нелли, или Олли, он получил в дар от галактического штурмана Михаила Борна, когда тот умирал.

— Михаил Борн? — переспросил Рой. — Не тот ли, что один вернулся на Землю после аварии звездолета “Цефей” неподалеку от Ригеля?

— Он самый. Но он вернулся не один.

— Сколько знаю историю звездоплавания, весь экипаж “Цефея” погиб. Посланный на помощь галактический курьер “Орион” обнаружил на “Цефее” двадцать три трупа и одного полумертвеца — Михаила Борна. Его вывели лишь на Земле. Так?

— Так, Рой, но не совсем. Борн остался парализованным и немым. Понимал его лишь Джексон — они были друзьями с детства. Никаких сведений о трагической гибели экипажа у Борна выведать не удалось. Суть не в этом.

— В чем же?

— Я уже сказал, Михаил вернулся не один. С ним был шимпанзенок Нелли, тоже член экипажа. Нелли, как и Михаил, не погибла. Самое интересное было знаешь в чем? Джексон разобрал одну фразу, часто повторявшуюся Борном, не знаю уж, как он ее произносил: губами ли, руками или движением глаз. Фраза такая: “Олли нас всех спасла”.

Джексон объяснил, что Михаил назвал обезьянку Олли, а не Нелли, как она значилась в судовых списках.

— Всех спасла, в то время как все погибли? Обезьянка удивительная!..

— Многое в ней еще удивительней! Олли прожила на Земле несколько лет и ничего не ела и не пила.

— Это установлено?

— Я вчера был в Музее Джексона Петрова и побеседовал с роботом-хранителем, слугой Джексона. Вы знаете этих старинных забавных человекообразных, фиксирующих на пленке каждое слово хозяина. Так вот, я прослушал все распоряжения Джексона относительно Олли. Он никогда не требовал для нее еды и питья, никогда не брал ее в столовую. Добавлю, что он редко показывал ее гостям, редко выводил гулять.

— Но ее видели другие? — спросил Арман.

— Да, конечно. Она иногда выбиралась из комнатухи и сидела на диване, очень смирная и тихая. Гости ее не любили. Им казалось, что она прислушивается к разговору... О чем ты думаешь, Рой?

Рой не сразу вышел из задумчивости.

— Интересно! Но по-прежнему не вижу, какой можно сделать конкретный вывод из твоего розыска.

— И я не вижу, — признался Генрих. — Но мне все больше кажется, что делом этим следует заняться поглубже. Если вы оба не переменили отношения к развлекательным зрелищам...

— Ты внимательно осмотрел квартиру Джексона, Генрих?

— Я ее не осматривал, музей был уже закрыт. Я поговорил с роботом и обещал зайти сегодня. Хочу вам предложить пойти со мной.

Арман покачал головой:

— Через час меня ждет Андрей. Контрольная проверка аппаратуры перед экспериментом. Идите вдвоем.

5

Робот был старый, замшелый, только антикоррозийный лак спасал его от проржавления; он разговаривал тем скрипучим голосом, что появляется у всех дряхлых роботов перед отправкой на ремонтировку. И если Чарли — так звали робота — еще существовал, то лишь потому, что принадлежал Джексону: он был уже не слугой, а музейным экспонатом. И стоял он на своем обычном месте в прихожей квартиры Джексона и, хоть по-прежнему мог ходить по всем шести комнатам, уже семьдесят лет не двигался с этого поста. Табличка на стене извещала, что первые тридцать лет после смерти хозяина Чарли непрерывно, днем и ночью, медленно, безнадежно слонялся по квартире, всматривался тоскующим красным глазом в вещи, вслушивался в шорохи и прокручивал старые свои пленки с голосом хозяина — людям, входившим в музей, казалось, что сам Джексон бродит по квартире, отдает приказания Чарли, разговаривает с друзьями.

— Старина! — сказал Генрих дряхлому роботу. — Ты знаешь о Джексоне Петрове больше всех на Земле. Нам нужно познакомиться подробнее с его жизнью.

На лбу Чарли тускло засветился красный глазок. Потеряв подвижность, робот не утратил разума. Он прохрипел — голос доносился словно бы издалека:

— Если это не повредит хозяину...

— Твой хозяин давно умер, — мягко сказал Генрих.

— Он жив. Он во мне. Он со мной. Он со всеми нами.

— Да, в памяти твоей и человеческой.

— Слушайте! — торжественно сказал робот. — Живой голос моего живого хозяина.

Из недр Чарли доносилось лишь потрескивание, неясный шум, всегда сопровождающий работу разлаженного электронного механизма. Потом из сумятицы помех вынесся молодой, звучный голос: “Чарли! Чарли! Где ты? Я уйду поесть, а ты последи, чтоб не падало напряжение! Шесть тысяч триста семнадцать вольт — такое сегодня задание! И никого не пускай к Олли!”

— Вы слышали живого Джексона Петрова! — торжественно возвестил робот. — Не смейте говорить, что он умер.

— Генрих, я поражен! — пробормотал Рой. — Такой голос!..

— Друг, повтори этот разговор, — попросил Генрих. — И, пожалуйста, вспомни другие приказания. Мой брат никогда не слышал голоса твоего хозяина.

Генрих, хоть он любил ходить по комнате и временами этим раздражал медлительного брата, поспешно сел на диван и закрыл глаза. В Музее Джексона, только впад во временную неподвижность, можно было слушать со вниманием. Ни в одной из комнат не действовали интерьерные поля, здесь все оставили, как было при владельце — громоздкая постоянная мебель, постоянные картины, вещественные, а не силовые ковры. Ходить было неудобно, даже опасно — забыв на минуту, что движешься среди мебели, легко удариться о столик, о шкаф, о диван и кресла, споткнуться о ковер, запутаться в портъере, зацепиться за дверную ручку. Двери в этих архаичных комнатах не втягивались в стены при приближении человека, их надо было рукой тянуть на себя или отталкивать.

Рой подумал, что жить в такой квартире можно лишь на свету: в темноте человек становится беспомощным, а вещи, загромождавшие комнаты, всемогущи и враждебны, они перестают обслуживать, превращаются в притаившиеся помехи.

В комнате, куда их ввел робот, имелись три огромных окна для дневного света, а с потолка свисала люстра с электрическими светильниками — уже по крайней мере сто лет ни в одной квартире не существовало ни окон, ни специальных светильников, ни тем более постоянной мебели.

Робот с минуту поскрипывал — проверял свою работоспособность, прочищал голосовые контакты, — потом комнату снова наполнил голос Джексона Петрова.

Хозяин квартиры смеялся и сердился, он выговаривал роботу и хвалил его, он напевал, расхаживая по комнате, вслух читал стихи, вслух разговаривал с собой. Сквозь помехи — несовершенство старинной записи, да и дряхлость пленки — прорвался обрывок его разговора с каким-то другом, клочок беседы с телестудией, раза два заглушенно — видимо, услышанный через стену, — прозвучал призыв: “Олли, Олли, хорошая моя, это я, выходи!”

И о чем бы ни говорил Джексон, как бы ни менялись его интонации, был ли сам Джексон весел или печален, устал или бодр, раздражен или счастлив, воспроизведенный механическим слугою голос хозяина создавал одну картину, звукописал один образ. По квартире расхаживал молодой, энергичный, жизнерадостный человек, он был остроумен и добр, это было главное в нем — наполнявшая все его существо доброта. И, что было, может быть, всего удивительней — о доброте этого человека свидетельствовали не слова, а голос; слова порождались обстановкой и соответствовали ей, такие слова мог говорить любой другой — голос принадлежал одному Джексону, голос был своеобразен неповторимо — волновал и тревожил, покорял и очаровывал...

И когда голос Джексона умолк, Рой ответил на восхищенный взгляд молчаливого Генриха словно на высказанную мысль:

— Ты прав — человек поразительный! Жаль, что мы так мало о нем знаем.

— Сегодня узнаем больше. — Генрих обратился к роботу: — Твой хозяин чаще всего сидел в библиотеке, так?

— Да, он любил библиотеку, — сказал робот.

— Проведи нас в библиотеку, — приказал Генрих — И поторопись, у нас мало времени!

Робот тяжело зашагал в последнюю комнату; за ним, подталкивая его в спину рукой, пошел Генрих. Рой удивился, но промолчал.

Не так уж часто бывало, чтобы деликатный Генрих властно кому-то повелевал и кого-то бесцеремонно поторапливал.

Библиотека в этом музее старого быта была самой музейной комнатой. Ее тоже наполняла стационарная мебель — диван, два кресла, свисающая с потолка люстра, гардины на неизбежных окнах. Кроме мебели в ней были еще книги, обязательная принадлежность старых квартир, — сотни книг на застекленных

стеллажах: маленькие и большие, тоненькие и толстые, с яркими иллюстрациями и заполненные одними буквами.

Рой не любил книг: это был несовершенный способ передачи информации — медлительный, с малым коэффициентом полезного действия. Он бросил скучающий взгляд и устроился как мог в неудобном постоянном кресле. Зато Генрих обошел стеллажи, вглядывался в корешки, некоторые книги вынимал.

В библиотеке Джексона была одна принадлежность, родившая его архаическое обиталище с современными жилыми помещениями: между стеллажами втеснился стереоэкран. Рой вспомнил, что во времена Джексона стереоэкраны только входили в быт и с ними еще конкурировало кино, а Джексону в признательность за снотворческое мастерство поставили лучшую из тогдашних стереомоделей. В сравнении с теперешними эта диковина, поражающая воображение современников, казалась убогой. Рой скользнул по экрану взглядом. Генриха тоже не заинтересовал дедушка нынешних стереоэкранов, он лишь задержался у рукоятей управления, одну из них, чему-то усмехнувшись, осмотрел.

В углу комнаты стояло странное сооружение, и на него засмотрелся Рой. Это был лакированный цилиндр в рост человека, с проводами и сигнальными приборами. Небольшой барьерчик отгораживал аппарат от комнаты.

Рой кивнул Генриху на цилиндр с проводами.

— Забавное сооружение! Для чего оно могло служить?

— Ты говоришь о высоковольтном аппарате? Олли пользовалась им для подзарядки. — Генрих говорил так уверенно, словно годы работал с аппаратом. Он с такой же уверенностью властно потребовал от робота подтверждения: — Два раза в день, так? Утром и вечером?

— Утром, — ответил робот. — Хозяин в это время уходил поесть.

— Естественно. Воздух слишком ионизировался, к тому же возможность разряда... Напряжение регулировал ты?

— Потом и Олли научилась.

— Она говорила тебе, когда выключать аппарат?

— Я знал и без нее. Мне объяснил хозяин.

— Но она разговаривала с тобой?

— Очень мало.

— А сидела она чаще всего здесь?

— Да, здесь.

— Твой хозяин беседовать с ней приходил сюда?

— Чаще сюда, иногда в гостиной. Я не понимаю...

— Это неважно, понимаешь ты или не понимаешь. Спрашивать буду я, ты — отвечать. Так ты говоришь, Олли любила читать? Какие же книги она читала?

— По астрономии и физике, еще — по биологии и по... — Единственный глаз робота вдруг налился малиновой яростью. Он прохрипел с угрозой: — Вы — недруги. Я не говорил, что Олли любила читать, вы сами... Вы сделаете Олли зло. Вам нужно уйти.

Генрих засмеялся и похлопал старого робота по плечу. Теперь Генрих говорил своим обычным голосом:

— Не сердись, милый. Мы знаем, что Джексон запретил тебе говорить об Олли. И мы не хотим ей делать зло, даже мертвой. Поверь, я отношусь к ней с не меньшим уважением, чем он.

— Вам нужно уйти, — повторил робот хрипло. Голосовые контакты опять отказали, и он уже не старался их продуть. — Вы заставили меня нарушить запрет хозяина.

Не сделав и трех шагов к двери, Генрих опять остановился. В узком промежутке между двумя стеллажами висела фотография — хозяин квартиры со своей обезьянкой. Джексон на снимке стоял у окна. Это был человек среднего роста, он соответствовал своему голосу — улыбающееся лицо, веселые глаза. На его плече лежала рука обезьянки — перед ней-то и замер Генрих. Олли не доставала Джексону и до плеча и очень напоминала шимпанзенка — длиннорукая, рыжеволосая, широкомордая, со ртом до ушей, с синими губами, выпирающими челюстями...

Но была одна странность в ее облике. Всякому, кто внимательно вглядывался в фотографию, просто нельзя было не заметить печали на мордочке Олли: пронзительно умными, бесконечно скорбными глазами всматривалась обезьянка в остановившихся перед нею людей.

Генрих снова повернулся к роботу.

— Друг мой! Старина! Не сомневаюсь, что Джексон запрещал тебе записывать голос Олли, но если хоть звук ее речи сохранился, хоть один звук!..

Ответ робота донесся словно из-за десяти дверей:

— Если вы знаете, что хозяин запрещал мне сохранять голос Олли, то должны также знать, что я ежедневно стирал с пленок все, что случайно она запечатлевала на них...

На улице Рой с улыбкой посмотрел на брата:

— Не мытьем так катаньем ты приобщаешь меня к анализу сновидений. Согласись все же, что прямого отношения к терзающим меня загадкам жизнь Джексона Петрова не имеет.

— Самое прямое, — убежденно ответил Генрих. — После вторичного посещения музея я в этом уверен. Послушай доказательства...

— Если ты о том, что Олли не имеет ничего общего с шимпанзенком Нелли и вовсе не обезьянка, а великолепно исполненный робот с электрическим питанием, так не стоит трудиться.

— Разве я давал тебе повод считать меня глупцом, Рой? Что между Нелли и Олли нет ничего общего, не требует доказательств.

— Тогда что же ты хотел сообщить?

— Ты узнал бы об этом две минуты назад, если бы не перебивал. Помнишь, в какой катушке напечатано бредовое эссе “Обезьяны в космосе”?

— Помню. Четырнадцатая катушка.

— А чем она отличается от других?

— Она последняя. По словам Артемьева, она завершает полное собрание сновидений Джексона Петрова.

— Вот тут ты ошибаешься. Четырнадцатая катушка — дополнительная к собранию, а не просто последняя. В ней по-смертно собраны все ранние вещи Джексона, которые он не хотел вносить в свои сборники, считая художественно слабыми.

— Ты хочешь сказать, что сновидение “Обезьяны в космосе” — из ранних произведений Джексона?

— Я хочу сказать, что это было первое сновидение Джексона, передававшееся в эфир. Именно с “Обезьян в космосе” начался этот странный вид искусства.

Рой даже остановился от удивления.

— Генрих, ты и не подозреваешь, как это важно!

— Может быть, все-таки подозреваю? — Генрих потянул брата за руку. — Терпеть не могу, когда ты ни с того ни с сего каменеешь на ходу.

— Куда мы идем?

— Ты не догадываешься?

— В Музей космоса, наверно?

— Куда же еще?

В огромных залах Музея космоса всегда было полно посетителей. На стенде экспедиции “Цефея” цветные фотографии показывали экипаж галактического корабля. На одной была изображена и Нелли рядом с командиром Сергеевым и штурманом Борном.

Рослая шимпанзе положила руки на плечи астронавтов, уродливая морда ее была вровень с головами людей.

— Ты знаешь, что меня удивляет? — сказал Рой. — Что эту тупую рожу спутали с тонким и умным лицом Олли, я еще могу объяснить — людям все обезьяны на одно лицо. Но заметить, что молодая шимпанзе в экспедиции не подросла, а стала меньше — это, согласись, не требовало особой наблюдательности.

— Возможно, кто-нибудь и заметил эту несуразность. И, может быть, узрел в ней новый закон природы: обстановка в космосе, в частности авария “Цефея” вызывает уменьшение тел животных.

Во всех музеях около человека, надолго задержавшегося у какого-нибудь экспоната, вскоре собирается кучка любопытных. Рой с Генрихом не обошли и трети стенда “Цефея”, как им стали мешать толкающиеся посетители: “Скажите, а что здесь показывают?”, “Что-нибудь новое есть?”, “Да ничего интересного, старая катастрофа. И чего люди толпятся!”

— Уйдем, — сказал Генрих.

Рой показал дежурному по залу карточку института. В музее, впрочем, братьев узнавали и без документов: в одном из помещений среди портретов исследователей космоса висели и их фотографии. Дежурный посоветовал посмотреть в демонстрационном зале фильм о “Цефее” и выслушать заключение экспертов, расследовавших трагедию.

На стереозэкране вспыхивали знакомые еще по школьному курсу кадры: первые звездолеты с аннигиляторами пространства, позволяющими развивать сверхсветовые скорости, портреты великих завоевателей космоса, отлеты, причаливания к незнакомым небесным телам, снова отлеты, торжественные возвращения...

“Цефей” в семействе сверхсветовых кораблей не был уникален — рядовой галактический лайнер. Задание, врученное команде, тоже не показалось необычным. Отклониться от осво-

енных космических трасс, посмотреть еще не изученные уголки всюду в общем одинакового галактического пространства — что тут особенного? Десятки кораблей бороздили межзвездные просторы, везде было как возле родного, хорошо изученного Солнца; трудность представлялась одна: чем дальше от Солнца, тем больше надо брать активного вещества для двигателей.

Уже через полстолетия такой наивный расчет, восторженное опьянение от первых успехов безвозвратно прошли: космос был не только обширен, но и грозен — каждый неизученный район таил опасные непредвиденности. И трагедия “Цефея” была одним из событий, что привели человечество к трезвому пониманию своих возможностей и величины опасностей.

Астронавты, поднимаясь на корабль, весело прощались с Землей. И обезьянка Нелли визжала, металась меж людей, повисала на перилах трапа — забавная хлопотунья, существо в рост мужчины и с умом годовалого ребенка.

Все четыре года полета к Ригелю регистраторы, фиксирующие жизнь в отсеках, изображали одни и те же, без изменений повторяющиеся картины. Первая неожиданность совершилась, когда внезапно и все сразу отказали корабельные автоматы: штурманские и бытовые приборы, командные аппараты аннигиляторов. Все, связанное с электричеством, полностью замерло.

Уже не могущественный корабль, свободно меняющий структуру пространства и тем создающий себе сверхсветовую скорость, а безжизненный ящик мчался в темной пустоте. О панике экипажа свидетельствовали записи в бортовом журнале: и командир Сергеев, и штурман Борн пытались аварийным способом — чернильной пастой на бумаге — передать человечеству известие о беде. Но паста испарялась с листа, неведомая сила стирала назавтра все написанное сегодня, лишь по вмятинам на страницах можно было как-то разобрать, о чем стремились поведать миру командир и штурман.

На экране появились журнальные записи, торжественный голос диктора скорбно читал обрывки фраз: “Дьявольское поле, все автоматы... Вероятно, электрическое... Только в телескоп... Две планетки, назвали Сциллой... несет на Харибду... Каждая молекула тела пронизана... Вручную люк очень трудно... Так удивительно похожа!.. Бедная Нелли... Мы пока...”

— Дальше идут страницы несомненно заполненные, но даже вмятин не разобрать, — комментировал диктор показанные

чистые листы журнала. — И только на обратном пути, когда звездолет, по-видимому, обогнул опасную планетку, названную Харибдой, снова появляются записи, и снова они свидетельствуют о смятении и отчаянии.

На экране загорались и погасали отдельные разобранные буквы, диктор читал наиболее вероятную расшифровку: “...терпеть две недели, когда каждая минута ужасна... Борн возражает, он уверовал... Убежден, что аннигиляция не усилит... Почему верить!.. Аннигиляторы теперь можно... спрашиваю — почему... общее мнение — да!.. Борн... однажды спасенные, снова... я очень резко... Убежал с обезьянкой... последнюю запись — включаем...”

— Это и точно последняя запись, — сообщил диктор. — Посмотрите теперь, как галактический курьер “Орион” обнаружил “Цефей”.

Навстречу зрителям летел мертвый корабль с безжизненными аннигиляторами, с погашенными ходовыми огнями.

Он не откликался на запросы, не менял скорости.

К нему устремился с “Ориона” разведывательный космолет, спасатели вскрывали аварийные люки, с осторожностью проникали внутрь. И то, что они увидели на “Цефее”, страшными картинками разворачивалось на экране.

Сергеев и старший механик лежали бездыханными в рубке, их руки впивались в рычаги — командир с помощником, уже умирая, судорожно выключали запущенные аннигиляторы. Весь экипаж, кроме Борна, был на рабочих местах — и все мертвы. Борн распластался на полу в салоне, на нем, обхватив его руками, лежала обезьяна. И Борн и обезьянка были живы, но без сознания.

Врач с “Ориона” высказал предположение, что гибель экипажа совершилась от электрического поражения нервных клеток, диагноз подтвердили на Земле. Эксперты единогласно сошлись, что “Цефей” попал в гигантское электрическое поле между загадочными планетами Харибда и Сцилла и что оно заблокировало механизмы корабля.

Описав траекторию вокруг Харибды, звездолет вынесся в открытый космос. Экипаж, измученный электрической пыткой, постановил, когда появилась такая возможность, запустить аннигиляторы, чтобы поскорее отсюда выбраться. Против преждевременного включения механизмов возражал один Борн. Не исключено, что в момент уничтожения про-

странства произошло гигантское сгущение электрических потенциалов внутри корабля.

Вывод экспертов был таков: пока взаимодействие пространства и полей всесторонне не выяснено, новых звездолетов в опасные районы не посылать.

— Именно тот вывод, которого, по-видимому, желала Олли, — сказал Генрих. Экран погас. — Выйдем, Рой.

— Ты хочешь возвратиться в институт?

— Я бы погулял по парку. Не знаю, как чувствуешь себя ты, а мне сегодня не до работы.

— Я тоже не машина, и у меня тоже нервы, — хмуро ответил Рой.

8

В центральном парке Столицы всегда можно было найти пустынную аллею.

Нарядно окрашенные клены понемногу сбрасывали листья, хотя до Недели листопада оставалось около двадцати дней. Генрих поймал в воздухе малиновый листочек, зажал его в руке. Давно Рой не видел брата таким грустным.

— Эта ужасная картина — парализованный штурман и так беззаветно спасающая его обезьянка Нелли... — сказал Генрих.

— Олли, Генрих. Нелли погибла задолго до этого, и труп ее, вероятно, доныне вращается где-то вокруг злополучной Харибды.

— Да, Олли. Разве я назвал ее Нелли? И вот я пытаюсь связать мысль в логическую цепь, но вспоминаю об этой картине, и цепь обрывается. И я начинаю жалеть, что не жил сто лет назад и что меня не было на “Цефее”. Вдвоем с Борном мы отговорили бы экипаж от безрассудного решения — еще не выбравшись из электрических полей, включать аннигиляторы пространства. Ведь гибель произошла именно от включения аннигиляторов.

— Ты переоцениваешь свое красноречие, Генрих. Тебе пришлось бы иметь дело с людьми, обезумевшими от страданий. И сам ты тоже был бы истерзан до полусмерти. Вряд ли такое состояние помогает вывязыванию четких логических цепей.

— Борн, наверное, и сам не знал полностью, что им грозит. Как ты думаешь, Олли уже овладела тогда человеческой речью? Она могла с ними беседовать, как беседовала потом с Джексоном?

— Вряд ли. Но какой-то способ общаться с экипажем у нее, наверно, был, иначе они не выбрались бы так далеко от Харибды, что стало возможно включение аннигиляторов. По словам Джексона, штурман сообщал, что Олли спасла их всех. Последующая трагедия явно стерлась из его памяти, но начало ее — как Олли выводила корабль из электрических полей — он запомнил.

— Об этом, кстати, свидетельствует запись: “Борн... однажды спасенные, снова...” Борн, похоже, доказывал, что уже хотя бы раз спасенные, они снова собираются идти ва-банк против гибели.

— Эта-то часть трагедии не самая темная.

— Что тебе темно, Рой?

— Лучше расскажу, что ясно, чтоб отделить факты от гипотез. Первый твердый факт — “Цефей” попал в электрическое поле, генерируемое Харибдой или Сциллой. На Харибде обитает цивилизация разумных существ, похожих на наших обезьян. Их отличает от нас то, что они, выражаясь фигурально, питаются электричеством. Диковинное существо Олли у Джексона — доказательство. Правильно?

— Я бы добавил, что харибдяне — существа не биологической, а какой-то иной природы.

— Как рабочую гипотезу можно принять и это. Бесспорен важный вывод: прямое общение между людьми и харибдянами невозможно и потому исключено. Что человеку здорово, то жителю Харибды — смерть. Контакт между этими двумя цивилизациями затруднен, хотя теоретически не отрицается: Олли некоторое время прожила среди людей. Между прочим, харибдяне ясней, чем люди, понимали опасность прямого контакта. В сновидении Джексона харибдянин — по-видимому, оператор на космической станции — рвет на себе волосы от отчаяния, когда приближается корабль людей. К твердым фактам я отношу и высокую моральную культуру электрических обезьян. Харибдяне пытались спасти людей ценою жизни своего гражданина. Усилением поля они могли уничтожить непрошенных гостей, но взамен этого всемерно, до угрозы собственному существованию, ослабляли губительные для людей электрические потенциалы.

— Что они ослабляли свои поля, не доказано, Рой.

— Зато доказано, что они послали на звездолет харибдянина — эту самую Олли. Запись: “Вручную люк очень трудно...”

говорит о том, что астронавты впустили Олли на корабль, а она пыталась вывести потерявший управление звездолет из опасной зоны. И если бы экипаж не изнемог от терзаний, ей удалось бы это и в историю человечества была бы вписана новая яркая страница — установление контакта с цивилизацией развитых, рыцарски благородных существ.

— А как ты объясняешь, что Олли нашли распростертой на теле Борна?

— Думаю, она знала о всплеске напряженности поля, когда заработают аннигиляторы, и пыталась своим телом защитить штурмана. Возможно, харибдяне обладают свойствами электрических экранов. А дальше все просто. Увидели погибший экипаж, парализованного штурмана, обезьянку, вспомнили, что на звездолете имелся шимпанзенок, и без долгих раздумий отождествили харибдянина с животным. А сама Олли не захотела раскрывать свою природу и так, не узнанная человечеством, окончила свой недолгий век на Земле. У тебя имеются возражения против такой концепции?

— Давай присядем, — сказал Генрих.

Несильный ветер раскачивал ветви, деревья шумели.

Генрих рассеянно любовался яркими листьями, сыпавшимися на землю.

После короткого молчания он заговорил:

— Мне кажется, против твоей концепции могла бы возразить сама Олли. Что значит — не узнанная человечеством? Джексон знал, что она не обезьяна. Мне кажется, разгадка последующей жизни Олли у Джексона много драматичней. Это печальная история, Рой. Не могу сказать, чтобы люди того времени вели себя наилучшим образом.

— Мы, выходит, дошли до обвинения всего человечества? Как назовем судебное дело: “Харибда против Земли”?

— Не надо насмешек, Рой. Я не хочу обвинять. Я хочу разобраться в событиях столетней давности. И я не согласен, что Олли послали, только чтобы вызволить попавший в беду звездолет. Она была полномочным послом, а не техником по авариям. Она должна была завязать отношения с людьми, так безрассудно вторгшимися в их электрическое царство. Поэтому она и не покинула звездолет, когда он стал стремительно удаляться от Харибды.

— Но почему же она тогда не раскрыла себя на Земле?

— Причин много было. Еще на звездолете Олли узнала, что люди — существа иной физической природы, чем харибдяне. Нужно было не просто вступить в контакт, а предварительно разработать систему безопасности, чтоб общение не стало для обеих сторон губительным. А экипажу было не до контактов, они жаждали одного — спастись! И умная электрическая обезьянка с грустью убедилась, что новыми ее знакомыми — Борн был единственным исключением — страсти души руководят сильнее логики разума.

— А на Земле, Генрих? Человечество в целом ведь не погибло, не впадало в панику, как экипаж звездолета!

— Вероятно, она хотела раньше изучить людей и лишь потом раскрыться. Она, конечно, знала, что электрические бури стирали все журнальные записи и что диктофоны не работали, — догадаться, кто она, было непросто. Не сомневаюсь также, что Джексону она объявилась сразу и что все ее последующее поведение — плод взаимного согласия Джексона и Олли.

— Так ли, Генрих?

— А вспомни голос Джексона, его лицо, вспомни все, что знаем о нем. Это был обаятельный человек, добрый, увлекающийся, обуреваемый фантазиями... Он, не сомневаюсь, пылко сочувствовал бедственному положению Олли, он сделал все, чтобы скрасить ее существование на Земле. И он уступил ее настоянию — никому не раскрывать, что за существо у него обитает.

— Но почему, Генрих, почему?

— Помнишь книги, которые читала Олли? Она пыталась сама изучить возможности безопасного общения между людьми и харибдянами. Ей было ясно, что люди на Харибде жить не могут. Сама она на Земле чахла. А что было бы, если бы человечество узнало тогда о цивилизации на Харибде? Одно космическое открытие сменялось в те годы другим, мироздание становилось своим, близким. Немедленно были бы снаряжены новые экспедиции на Харибду, и, плохо подготовленные — а в те времена их и нельзя было готовить лучше, — они стали бы источником бед для нас и харибдян. Изучая людей и нашу науку, Олли поняла, что не пришло еще время для тесного общения ее народа с нами, и обрекла себя на добровольное затворничество. И если бы я сегодня так сурово не разговаривал со старым роботом, мы и не узнали бы, что Олли умела объясняться по-

человечески, что она читала книги и любовалась телезрелищами, что гостям Джексона казалось, будто забавная обезьянка прислушивается к их беседе...

— И сновидение Джексона, переданное в эфир, было единственной информацией, которую она разрешила дать человечеству?

— Совершенно верно. Придя к выводу, что информировать человечество о реальной обстановке на Харибде рано, Джексон Петров изобретательно нашел такой не слыханный еще способ сообщения. А может, его подсказала Олли — не исключено, что на Харибде сновидения включены в сферу общественной информации. Но на Земле ориентация была на потомков, странные видения Джексона Петрова могли оценить лишь в будущие века. Именно для такой далекой цели он и воспользовался только что изобретенной записью сновидений. Джексон, возможно, и не подозревал, что этой передачей кладет основание новой отрасли искусства — художественного снотворчества. Он мог и не видеть того сна, все это были рассказы Олли, выданные за художественный бред. Снотворцем он стал после триумфального успеха его первой телепередачи.

— Вероятно, все-таки это был сон, — сказал Рой. — Замечательной особенностью Джексона было как раз то, что мозг его непрерывно рождал поразительно яркие сны. Захваченный событиями на Харибде, он думал о них и наяву, и в постели. Но почему он потом не включал это сновидение в свои сборники?

— А потому, что Олли интересовалась телезрелищами. Я видел на регуляторах стереозэкрана следы ее коготков. Она, конечно, внимательней всех на Земле смотрела ту передачу.

— Логика тут есть: неожиданный успех сновидения грозил преждевременным раскрытием тайны, и она упростила Джексона больше не транслировать эту картину. А он, чтоб отвлечь внимание от первой передачи, согласился и дальше опубликовывать свои сны и, можно сказать, поневоле стал создателем нового художественного жанра.

— Да, наверно, так.

Братья замолчали.

Ветер усиливался, липы и клены шумели.

Небо потемнело, в гуще листвы загорались светильники.

Генрих больше всех времен года любил сухую холодную осень и такие вот вечера на аллеях, освещенных призрачно сияющими деревьями.

Рой вернул брата к теме разговора:

— Мы не все выяснили, Генрих. Я бы даже сказал, тьма сгустилась. Правильно, мы узнали много нового о Джексоне Петрове, созданном им искусстве и обезьянке Олли. Анализом полузабытых фактов мы доказали существование в ближних районах Галактики некоей разумной цивилизации, и с ней можно будет возобновить связи, основанные на взаимной безопасности.

— По-твоему, это не значительно?

— Значительно. Но эти факты — попутные открытия. А то, ради чего ты предпринял поиск, не выяснено.

— Ты говоришь о сновидении Артемьева?

— Да. Почему очень важная, как мы теперь понимаем, информация Джексона, нечто вроде закодированной межзвездной ноты, возобновилась через сто лет в путаном сознании какого-то...

— А разве ты не предложил заранее решение этой загадки? — Генрих зевнул: он после болезни быстро уставал. — Врет Артур, знает он Джексона.

— Теперь я решительно отказываюсь от такой упрощенной, вульгарной гипотезы. В сновидении содержится настолько важная информация, что любая поверхностность, небрежность в описании опасна. Существуют неизвестные нам, но тем не менее веские особые причины, по которым сочтено было напомнить человечеству о каком-то давнем событии.

— Если бы Олли была жива... Что, если она все же не умерла, Рой?

— Можно проверить. Место ее захоронения, наверно, известно. Но для начала я бы, не удивляйся, все-таки обследовал Артемьева.

— Зачем?

— Получить полную картину его мозговой деятельности — структуру излучений, подсознательную сферу...

— Попросить его, конечно, можно. Если снотворец по-серьезному заинтересован, он даст согласие на любое обследование... Что случилось, Рой?

— Мыслепередача от Армана! — Рой выхватил из кармана передатчик.

— Да что там? — Генрих в испуге вскочил.

Рой побледнел, передатчик в его руке дрожал.

— С Андреем беда! Нас просят немедленно прилететь.

Глава четвертая ДАЛЕКОЕ ШАРОВОЕ СКОПЛЕНИЕ...

1

Лаборатория Андрея занимала один из корпусов Института космической физики. Здесь размещались командные механизмы, операционные залы, центральная щитовая. Шифровальные аппараты были вынесены в отдельное здание, на девять десятых погруженное в землю. Когда Рой с Генрихом подбежали к щитовой, где Андрей устроил свой рабочий кабинет, около нее стояла группа работников лаборатории, среди них директор института и Арман.

— Андрей жив, но плох, его сейчас вынесут, — сказал Арман.

Он еще не оправился от перенесенного потрясения, темное его лицо было пепельно-серым.

Никто толком не знал, что произошло. Арман находился в операционном зале, когда в щитовой грохнуло. Взрыв был несильный, его покрыл вопль Андрея: “Какой ужас!” Сотрудники ринулись в щитовую. Андрей лежал на полу без сознания. Вызванные врачи удалили из помещения всех.

К щитовой подошел президент Академии наук Боячек и отвел Роя в сторону.

— Несчастья одно за другим, — сказал он, очень расстроенный. — Попали в полосу невезений. С Марсом еще не прояснилось?

Рой хмуро смотрел на подавленного президента — тому приходилось нелегко: от него требовали ясных результатов, а он все надежды возлагал на исследование, зашедшее в тупик.

— Нет ли связи между этими событиями? — продолжал Боячек. — Я не физик, но мне кажется, что одно событие как-то корреспондирует другому.

— Возможно, связь есть, — сдержанно ответил Рой, — но мы ее пока не открыли. Правда, мы нашли интересные факты о незнакомых инозвездных цивилизациях, о них я вас информирую позднее.

Из щитовой выкатилась койка, на ней лежал Андрей. Президент остановил врача, шедшего позади.

— Сильное нервное потрясение, таков предварительный диагноз, — ответил врач. — Я бы сказал — нервный взрыв.

— Корытин будет жить?

— Пока удастся поддержать жизнь — и это уже хорошо.

Койка покатила дальше. Боячек спросил директора, можно ли входить в щитовую или подождать, пока произведут фотографирование. Директор ответил, что во всех помещениях установлены обзорные теледатчики. Корытин, правда, свой выключал: он объяснял, что не может сосредоточиться, когда за ним наблюдают. Но сейчас каждая мелочь многократно зафиксирована на пленке. Президент первый шагнул внутрь.

— Повреждений не вижу, — сказал он, осматриваясь.

Щитовая получила название от щитов с приборами, дублирующими командные аппараты операционных залов. В отличие от лаборатории Роя с ее множеством механизмов, у Андрея не было ничего, кроме стола, стереоэкрана над ним и самописцев на щитах, да еще стоявшего посреди комнаты четырехугольного сооружения с телескопическим глазом и вращающимся креслом.

— Корытин редко прибегал к экрану, он предпочитал оптический искатель. — Директор показал на аппарат с телескопическим глазом. — Несчастье произошло во время расшифровки сигналов из скопления Кентавр-3.

— Здесь все? — Боячек обвел глазами вошедших сотрудников лаборатории. — Давайте восстанавливать картину происшествия.

— Прослушаем запись, — предложил директор.

Обзор щитовой был выключен, но звуковая связь поддерживалась. Корытин голосом отдавал распоряжения.

Генрих присел около щита, рядом встали Рой и Арман. На экране появилось изображение операционного зала: сотрудники работали за пультами. Изредка голос невидимого Андрея требовал, чтоб ослабили или усилили сигналы.

В четыре часа тридцать две минуты, когда шла интенсивная обработка непрерывно принимаемого светоизлучения Кентавра-3, внезапно раздался восхищенный голос Андрея: “Наконец-то!”, еще через минуту: “Вот это да!”, почти непосредственно за этим новое восклицание, в нем слышалась досада: “Нет, не успели!”, и еще после трех минут молчания вопль: “Какой ужас!

Помогите же!” Вопль был полон отчаяния и так невнятен, словно Андрея что-то зажало.

Генрих приподнялся и вновь опустился — все в нем рванулось бежать на этот прорывавший короткий призыв. Рой молча положил руку на плечо брата.

— И это все, — хмуро сказал директор. — Первый же расшифрованный сигнал оказался гибельным. К счастью для остальных, Кoryтин вел расшифровку один. Он недавно подал мне рапорт, что, пока не убедится в безопасности приема, никого в щитовую не допустит.

— Запись сигнала, расшифровка которого привела к катастрофе, сохранилась? — спросил Боячек.

— Да, конечно.

— И ее можно снова попытаться расшифровать?

— Да, конечно.

— В той же последовательности, в том же темпе?

— В той же последовательности, в том же темпе. И, вероятно, с теми же результатами: новый наблюдатель пострадает так же загадочно, как Кoryтин.

Президент задумался.

— И, однако, нужно повторить расшифровку. Сигналы, судя по всему, генерирует по-настоящему высокоразвитая цивилизация. Возможно, мы просто не в состоянии понять на сколько и почему она враждебна всему живому. Возможно, она, как тот сказочный джинн, платит гибелью каждому, кто пытается с ней познакомиться или показывает, что узнал о ее сущности. Но даже в этом случае мы должны знать характер опасности, угрожающей человечеству.

Он посмотрел на Роя. Рой нахмурился:

— Вы хотите поручить и эту задачу нашей лаборатории? Немного ли заданий?

— А кто другой может провести такие исследования? — спросил президент. — Вы как-то специализировались на неожиданных космоса, другие лаборатории работают по заранее определенной тематике.

Рой колебался недолго.

— Хорошо, мы займемся этим. Андрей — наш друг, несчастье с ним касается нас близко. И я согласен, что беды последнего времени имеют какую-то общую основу.

Вскоре Рой попросил разрешения удалиться.

Арман пошел с Роем.

— Не могу сосредоточиваться на людях, — пожаловался Рой Арману. — Временами я завидую Генриху: он способен размышлять в любой обстановке, ему нужно только увлечься. И размышляет он легко и стремительно, а я тугодум.

Арман поинтересовался, что обнаружено в Музее Джексона.

— Надо проверить труп обезьянки, — сказал он, выслушав Роя. — Это сделаем гамма-искателями, не вскрывая могилы. Думаю, Артемьева удастся уговорить на обследование. Если не возражаешь, этим займусь я.

2

В сознании Андрея не возникало ни четких мыслей, ни бредовых картин: мозг то пробуждался — слабенькое пульсирующее излучение свидетельствовало, что клетки живут, — то снова погружался в дремоту. Жизнь на самом низком энергетическом уровне — такой формулой определил состояние электронный медик.

Почти начисто сгорел парень, — отвечал главный врач университетской клиники Кон Араки на запросы о пострадавшем. Араки был человек, он высказывался с обычной человеческой неточностью. И если вначале у Роя была надежда, что Андрей очнется и поможет распутыванию нового происшествия, то скоро он с этой надеждой расстался. Он так сумрачно и объявил Генриху и Арману. явившимся после его очередного разговора с врачами.

Зато есть новости об обезьянке! — сказал Арман. — И не только о ней, друг Рой, но и о Спенсере с Гаррисоном, и о сновтворце Артемьеве!

Казавлось, дальше будет лучше.

— Начинайте с обезьянки, — сказал Рой. — В каком состоянии труп? Труха? Сто лет все-таки прошло после ее смерти.

— Обезьянки нет. В гробу, в котором ее хоронили, нет никаких останков.

Рой с недоумением посмотрел на Генриха.

Улыбающийся брат молчал. Это было его любимое состояние во время общего разговора: внимательно всех слушать, улыбаться каким-то своим мыслям, а если вступать в беседу, то лишь при вопросах, от которых нельзя отмолчаться.

— Выходит, Джексон похоронил пустой гроб?

— Тело было, но за сто лет оно испарилось.

— Сгнило — так говорили когда-то, Арман. Словечко грубое, но точное. Не вижу причин, почему надо от него отказываться.

— Есть такие причины. Не гниение, а испарение или возгонка. Если тебе нравится больше другое словечко, пожалуйста, — сублимация. На стенках гроба образовался налет, плотный, как эмаль, — и это все, что сохранилось от Олли. Но это лишь часть новости, Рой, и не самая важная. Химический анализ осадка показал, что Олли была не углеродо-водородо-кислородного строения, как земные существа, а кобальто-стронциево-гелиевого.

— Что ж, мы и раньше предполагали, что Олли — внеземной гость, — сказал Рой. — А что о Спенсере и Гаррисоне?

Было ясно, что Арман выкладывает главную новость:

— Помнишь странное явление, замеченное Винклером на Марсе?

— Тело Спенсера там быстро ссыхалось. Неужели и в консервирующей атмосфере...

— Да, Рой, точно такое же явление, как с Олли. Тело Спенсера испарялось и оседало на внутренних стенках его саркофага. И если бы Араки не принял более действенные меры консервации, Спенсер скоро превратился бы в куколку.

— А Гаррисон? — с волнением спросил Рой. — Ты понимаешь, как нам важно полностью сохранить хотя бы Гаррисона!

Арман успокоил Роя. Тело Гаррисона не подвергалось возгонке, теперь прекратилось и высыхание Спенсера. Кстати, высыхание, или мумифицирование, как назвал это явление Араки, — термин неточный, он характеризует лишь начало процесса, когда из клеток тела испаряется вода.

— Такой воды в теле девяносто процентов, — возразил Рой. — Вполне достаточно, чтобы потеря ее непоправимо изменила облик...

Арман подтвердил кивком, что именно так. Пример Олли показывает — процесс на испарении не закончится. Нет сомнения, что без мощных консервирующих средств Спенсер, а вероятно, и Гаррисон сублимируют без остатка, то есть превратятся в конечном итоге в плотный, как эмаль, осадок, который равномерно покроет внутренние стенки их гробов.

— Подожди, Рой! — закричал Арман на протестующий жест Роя. — Все знаю, что скажешь: Олли не человек, с ней это возможно, а Спенсер и Гаррисон — люди, твердая основа челове-

ческого тела рассыпается в прах, но не испаряется. Так вот, слушай самое поразительное. Клеточная структура Спенсера и Гаррисона во многом отличается от человеческой!

И Арман с торжеством объявил, что, не ограничившись установлением возгонки Спенсера и Гаррисона, он проделал химический анализ. До детального изучения клеток не дошло, такое исследование наспех не произвести, но составлено общее представление о том, из каких элементов состоят тела погибших. Так вот, химический состав тела Спенсера и Гаррисона существенно отличается от состава кобальтово-стронциевой Олли, но не совпадает и с человеческим. И главное отличие — в теле Спенсера раза в три больше гелия, раза в четыре больше стронция, в восемь раз больше кобальта и фосфора, чем у нормального человека. Те же отличия, только количественно более слабые, найдены и у Гаррисона.

Рой пристально глядел на излагающего свои открытия Армана.

— Ты все свои новости выложил? Я жду самой потрясающей. Неужели и Артемьев...

— Человек, человек! — Арман захохотал: мысль, что сновидец не земной структуры, показалась ему забавной. — Между прочим, он с охотой согласился подвергнуться исследованию. Но и тут есть новость: волновая характеристика “Горилл у космопульта” резко отличалась от типичной для Артемьева, но зато всеми волнами и обертонами...

Рой прервал Армана:

— Догадываюсь. Совпала с характеристикой бреда Генриха и с излучением, которое генерировал мозг Гаррисона?

— Совершенно верно! — Арман воскликнул с восторгом: — Наконец-то ситуация проясняется! Что ж не радуешься, Рой?

Рой нажал на кнопку. Глухая наружная стена стала прозрачной для света, проницаемой для звуков. Рой подошел к стене, превратившейся в исполинское окно.

С двадцать четвертого этажа был хорошо виден северный сектор Большого бульварного кольца — разноцветные стоэтажные здания, мосты над улицами и площадями, причальные пятачки для авиеток на крышах и террасах. По мостовым переходам ходили люди, бегали веселые мальчишки и девчонки; эти дороги, проложенные на головокругительной высоте, издавна служили для беготни и прогулок, их любили больше, чем пус-

тынные аллеи парков и бульваров, — с них открывался величественный пейзаж огромного города.

И всюду, куда Рой ни обращал взгляд, в воздухе мелькали авиетки — сотни, тысячи авиеток — многокрасочных, ярких, бесшумных, стремительных, надежных. За безопасностью их полетов следили автоматические диспетчеры. В Столице люди привыкли жить в трех измерениях, они предпочитали высоту поверхности, они лишь касались земли, чтобы тут же взмыть ввысь. А между ними, между пятнадцатью миллионами веселых, энергичных, трудолюбивых жителей Столицы, еще недавно ходили странные существа, псевдолюди, маски среди лиц... Зачем они появились? Что они несли с собой?

Даже сюда, на восьмидесятиметровую высоту, доносились птичьи голоса, шум деревьев бульвара — над ним поднималось здание института. Вчера метеорологи объявили в Столице осеннюю пору, ветры пока запущены небольшие, “пейзажные, а не деловые” — так их с иронией именуют. Через семь дней, в первый день Недели листопада, приятное совместят с полезным: будет дан старт осенним штормам, над землей ошалело взметнутся пожухлые листья, на водах разыграются бури, миллионы людей поднимутся над лесами и морем, наслаждаясь посвежевшим воздухом, любуясь сыплющими яркое убранство кронами, белыми валами прибоев. Обычная осенняя картина, о ней в подробностях заранее объявлено в метеографике — так происходит уже почти сорок лет, так будет и в этом году.

А после живописного листопада хлынут дожди — тоже запланированная сырость. Столько было просьб иных сибаритов поумерить хляби небесные, раз уж не принята просьба сделать весну вечной, — нет, человечество не захотело менять традиции: раз уж осень — так холод и слякоть, многим нравятся и такие погоды. Все будет в этом году как и в прошлые годы; жизнь на Земле устоялась, крупные изменения совершаются теперь лишь на планетах, туда перенесена основная активность человечества, там же можно ожидать и непредвиденностей — на Земле все спланировано до деталей.

Но вот она, абсолютно неожиданная непредвиденность: псевдолюди среди людей! Да, конечно, ситуация прояснялась. Но свет, озаривший тьму, таил в себе больше загадок, чем сама тьма. Арману свойственна горячность мысли, он с убежденностью отстаивает все, что логично вытекает из посылок или фак-

тов, его не останавливает невероятность следствий, неожиданность выводов.

Нет, но почему невероятность и неожиданность? Произошло лишь то, чего давно ожидали. Уже в древней литературе описывались встречи с иноземными существами, это была любимая тема — вторжение звездожителей на Землю, появление среди людей лазутчиков иных цивилизаций. Реально совершалось по-иному — лишь в прошлом веке космонавты человечества открыли разумные общества в ближайших районах Галактики, но все это были существа, далеко уступавшие людям в развитии. Правда, Андрей доказывает, что найдена цивилизация, безмерно превосходящая нас в могуществе, но та цивилизация отчаянно далеко, отнюдь не звездный сосед...

Генрих негромко сказал:

— Чему ты так поражаешься? Знакомство с Олли доказывает, что еще сто лет назад нас посещали звездожители.

Рой возвратился на свое место, выключил прозрачную стену и хмуро возразил:

— Ее мы привезли на Землю. Спенсера и Гаррисона мы не привозили. Псевдолюди появились сами. В стихийность их появления верить неразумно. Слишком много энергии требуется для поддержания этого, скажем так — проекта. Из чего следует, что обязательно должна существовать какая-то необходимость, чуждая, нам неизвестная необходимость их пребывания на Земле.

— И твое мнение, Рой?

— Зло! — твердо ответил Рой. — Присутствие Спенсера привело к аварии корабля. Гаррисон проник в лабораторию Андрея — Андрей едва не погиб.

— Однако Гаррисон покончил с собой, — заметил Арман. Он явно не разделял мнения Роя. — И перед смертью внедрил в болезненное сознание Генриха важнейшие для человечества математические истины.

— Я не знаю, почему он покончил с собой. А насчет истин — ты сам сказал: в болезненное сознание. А почему не в здоровое? Почему сам не опубликовал своих открытий? Твой пример как раз и доказывает, Арман, что добро совершилось в форме болезни, что оно несет в себе ненормальность. А это значит, что в нормальном бытии и Спенсер, и Гаррисон — вестники зла, в отличие от Олли, о которой я этого сказать не могу.

— Ты считаешь, что Олли и они — посланцы одной цивилизации?

— Ни утверждать, ни отрицать не берусь. Арман, тебе особое задание. Мы с Генрихом будем выяснять, какие все-таки депеши отправляет таинственная цивилизация на Кентавре, а ты займись поисками новых псевдолюдей. Продолжай проверку мозговых излучений. И особенно выискивай те, которые по характеристике...

— ...совпадают с видениями Генриха и снами Артемьева, так? Будет исполнено! — Арман, получая четкие задания, любил говорить четко.

3

Директор положил фотографию на стол.

— Расшифровка будет проецироваться на экран. Вот снимок Кентавра-3.

Это было обычное шаровое скопление, каких на границах Галактики больше сотни: диаметр около сорока парсеков, а в этом сравнительно небольшом объеме подсчитано почти сто пятьдесят тысяч ярчайших звезд.

— На вас работают все механизмы института, — повторил директор. — Все ваши требования будут немедленно исполняться.

Он ушел, и Рой занял место за пультом. Пульт стоял вплотную к одноглазому аппарату, с которым работал Андрей, — сейчас на него был натянут чехол. Рой обернулся к Генриху.

— Начнем?

— Покажи дешифратор, — попросил Генрих.

Рой подал на экран изображение дешифратора. Сложная металлическая решетка отделяла экран от людей, между прутьями пульсировало защитное поле. При опасности защитное поле, усиливаясь, становилось непроницаемым. Решетка была нововведением, Андрей работал без нее.

На экране показался приземистый купол, чья-то невидимая рука раскрыла его, засветились механизмы, смонтированные в подземелье. Их было множество, больших и малых, похожих на чаны и вытянувшихся трубами, — гигантский энергетический завод, заполнивший площадь в тридцать гектаров. Порция фотонов, уловленная во время почти мгновенной съемки шарового скопления Кентавр-3, должна была пробежать по внутренне-

стям всех этих механизмов, здесь фотоны классифицировали, подвергали действию гравитационных, ротонных и многих иных, уже известных, а возможно, одновременно с ними и еще неизвестных сопутствующих полей.

Генрих размышлял о том, что Андрей перебрал в дешифраторе тысячи вариаций полей, пытаясь уловить присутствие предугаданного им сверхсветового агента. Андрей провел за пультом, где сейчас сидит Рой, несколько лет, проверил, вероятно, миллионы комбинаций, пока какая-то одна удалась. Что удалось? Каким образом загадочный сверхсветовой агент вступил во взаимодействие с полями в дешифраторе? Какие при этом были порождены явления? Какова мера их важности и их опасности?

— Может быть, оторвешься от своих мыслей? — спросил Рой.

— Начинай, — сказал Генрих.

На экране шаровое скопление Кентавр-3 было больше и ярче, чем на снимке, но отдельные звезды по-прежнему терялись в светящемся месиве. А затем скопление пришло в движение, оно разбухало, распадалось на тысячи светил — и вдруг погасло. Темнота, окутавшая экран, через доли секунды уступила место ночному пейзажу, звездному небу — до того красивому, что Генрих вскрикнул от восторга, даже Рой что-то восхищенно пробормотал. Ни на Земле, ни в космических странствиях по окрестностям Солнца братья еще не встречались с таким великолепным зрелищем.

Небо пылало десятками тысяч сверкающих точек, среди них мятежно сияли светила величиною с орех, белые, зеленоватые, красные, темно-фиолетовые... А звезд величиной с земную Луну Генрих насчитал сорок три, четырнадцать образовывали причудливое многоцветное созвездие.

— Рой, поглядеть бы! — дрогнувшим голосом прошептал Генрих.

— А ты и так глядишь, — отозвался Рой. — И глядишь изнутри. Передача, по-видимому, совершается с одной из внутренних звезд.

Картина скопления опять изменилась, звезды тускнели и пропадали. Лишь одна продолжала сиять, ordinaria звездочка, не больше горошины; она терялась рядом с другими светилами, хоть была ярче Сириуса на земном небе. Вскоре сияние ее стало зыбким: она то сжималась, то расширялась, то ярко вспы-

хивала, то почти погасала. А на экране возникла шифрограмма: светящиеся пики прерывались долинами, снова вздымались пики — чередование их складывалось во фразу: два-два — четыре; два-два — четыре... Затем экран погас.

— Сделаем остановку, — попросил Генрих. — Формула дважды два — четыре и вправду похожа на позывные. Не кажется ли тебе, что передающая станция — это и есть та меняющая свою светимость звезда?

— Я тоже подумал об этом. И пока ты любовался звездой, запросил расшифровку ее пульсации. Дешифраторы не нашли разумной информации в колебаниях яркости.

— Я не говорю, что передача информации осуществляется колебаниями яркости звезды — это противоречило бы теории Андрея о сверхсветовом агенте телесвязи, — но не являются ли попутным следствием передачи перемены ее яркости? Иначе зачем нам показывают звезду то в спокойном, то в возбужденном состоянии?

— Мысль тут имеется. Но тогда как же должна быть могущественна цивилизация, если она способна превратить звезду в сигнальный фонарь!

Несколько минут прошло в темноте, затем засветилась новая картина.

Это было, несомненно, искусственное сооружение, но размером с планету. Сперва его изобразили в схеме: в центре та же пульсирующая звезда, а вокруг нее вращались семь планет — шесть круглых тел и одно дискообразное, шесть естественных — одно искусственное.

— Показывают масштаб, — сказал Рой.

Искусственная планета выросла во всю площадь экрана, теперь она была похожа на исполинский человеческий дом с надстройками, флигелями, крытыми переходами из корпуса в корпус.

Рой заметил, что если здесь и обитают живые существа, то каждое должно быть высотой километров в пять.

Жители этой планеты-дома были длинны, а не высоки. Из одной башни что-то потекло и зазмеилось между надстройками и флигелями — меж искусственных сооружений бежала река. Когда существо вытекло все, стало видно, что оно начинается ярко поблескивающей головой, а завершается сверкающим хвостом. На голове возвышались острия короны, срывающиеся с них молнии сумрачно озаряли темную поверхность планеты-

дома. На хвосте тоже виднелись острия, но поменьше, и они не исторгали молний. Рой сказал, что корона — энергетическое устройство, а хвост — приемо-передающая станция.

Рекообразное существо подтекло к шару, стоящему на крыше приземистого флигеля, потекло вверх по стене — молнии чаще срывались с гребней, теперь они были толще и ярче — и стало вливаться в шар; сперва пропала голова с короной, потом втянулись туловище и хвост. Вскоре на крыше опять стоял один шар, и было ясно, что он металлический — так сильно он отражал свет.

Вскоре он унесся в пространство. И по мере того как шар отдалялся, он огибал то одну, то другую планету — Рой восхищенно прошептал, что управление космическими аппаратами в этом мире совершенно — и причалил к той, что была ближе к центральному светилу. Теперь и оно было видно — звезда класса В, синевато-белая, как Вега, по облику — из породы ранних гигантов, лишь начинающая звездную эволюцию.

Шар опустился на поверхность новой планеты, рядом были другие шары; всего на видимой стороне — около полусотни, но, очевидно, имелись и на невидимой, шары нигде не сгущивались.

Планетка напоминала Марс — желтая каменистая пустыня. Но было и отличие от Марса: на поверхности, правильно расставленные, возвышались башни, похожие на гигантские рога.

Из шара стала выливаться живая река — голова с короной, извивающееся туловище, хвост с частоколом антенн. И еще не успело диковинное существо полностью вытечь, как голова влилась в какое-то отверстие на поверхности планеты, и вслед за головой туда стало низвергаться туловище. Рой начал длинную шутку, что кентавряне на родной планетке — реки, в своих космических кораблях-шарах — озера, а на станции приземления превращаются в водопады, но закончить ее не успел. Все башни вдруг запульсировали. Они расширялись, превращаясь в подобие бочек, вытягивались, снова расширялись. И, как бы под действием их пульсации, стала накаляться звезда. И до этого она была огромной светимости — в тысячи раз ярче Солнца, — сейчас светимость ее увеличивалась в миллионы раз, звезда распухала, летела к своим планетам; из ореха, какой предстала, превратилась в тарелку, летела дальше... Рой усилил защитное поле — так нестерпимо яркое стало мертвенно-синий пожар, запылавший на экране.

Вдруг вся картина разительно переменилась. Звезда и планета пропали. Взамен на экране снова заплясали черные пики, складывающиеся в прежнюю формулу: дважды два — четыре. Генрих взволнованно прошептал, что теперь-то начинается настоящая передача, все остальное было своеобразной визитной карточкой, простым уведомлением далеких корреспондентов, что в недрах одного из звездных скоплений существует высоко-развитая цивилизация и что она выглядит так-то, а ведет себя так-то. Рой пробормотал, что осмысленной передачи пока нет, картинки на экране скорее напоминают хаотическое переплетение случайно возникающих геометрических фигурок.

Но уже через минуту он признал, что какой-то смысл в пляшущих на экране фигурках все же есть. Среди них возникали отчетливые треугольники и эллипсы, ломаные линии; быстро проносились светящиеся шары, весь экран внезапно заполнило что-то мутное, очень похожее на гигантскую каракатицу. Генрих воскликнул, что мутное пятно напоминает обыкновенную клетку. Рой хотел возразить, но не успел — мутное пятно стерлось; на экране пульсировало новообразование, подобное обыкновенному и очень простому кристаллу, но едва братья согласились, что оно — кристалл, как из него посыпались лучи, кристалл взрывался, пропадал в черном дыму, прорезанном искрами; он стал теперь эпицентром взрыва, расширявшегося на все стороны, рвавшегося с экрана в зал.

Передача эта оборвалась так же внезапно, как началась. Экран потускнел. Бесстрастный электрический голос дешифратора доложил, что расшифрована одна миллиардная секунды светового потока, прошедшего обработку в аппаратах. Следующий интервал, примерно в две секунды, настолько сложен, что никакой расшифровке пока не поддается, а завершается он теми же позывными: дважды два — четыре, дважды два — четыре.

Рой выключил экран и с удивлением посмотрел на брата.

— Знаешь, что напоминает показанная нам чертовщина? Видения, томившие тебя во время болезни!

Генрих с сомнением взглянул на белый экран.

— Я своих видений не помню.

— Зато в мою память они врезались. Я говорю не о том видении, когда ты вдруг объявил себя выдающимся математиком, а о бессмысленных образах, проносившихся в твоём мозгу.

— Любой сумбур на экране или в мозгу кажется нам одинаковым. Лишь специалист по антилогикам Гаррисон смог бы

классифицировать разные роды сумбура, но Гаррисон мертв. Включай экран, Рой.

Рой медлил. Он вспомнил восклицание Андрея: “Какой ужас!” Не к следующей ли стадии расшифровки относился его крик? Если это так, то картины, которые им предстоит увидеть, несут в себе опасность. Недаром Андрей сразу закричал: “Помогите же!”

— Не они! — нетерпеливо бросил Генрих.

— Ты уверен?

— Уверен. Андрей кричал не о себе. Он, конечно, узрел в своем приборе что-то страшное, почему и выкрикнул: “Какой ужас!” Но призыв “Помогите!” был непроизвольным, так люди кричат, когда с кем-то совершается беда, а они не могут помочь. Андрей не бежал от аппарата, а всем лицом прильнул к нему, потому крик и прозвучал так глухо. Не беспокойся, мы будем осторожней Андрея. Включай, включай!

4

И сразу же на экране вспыхнула картина катастрофы, разразившейся где-то в недрах шарового скопления.

Звезда — шарик величиной с орех — расширялась, накаливаясь до нестерпимости. И на этот раз было что-то злое в ее разбухании. В нем отсутствовала мера, это уже была не гармоничная пульсация — работа космической передающей станции, — а нечто стихийное. Звезда вышла из повиновения. Она мчалась на свои планеты, чтоб превратить их в облачко плазмы. Движение больше не возвещало, что некая цивилизация делится с другими богатством знаний: это был пейзаж гибели.

На экране опять появилась планета-здание — ярко запылавшая, безжалостно разрушаемая. Из недр сжигаемой планеты огненными фонтанами выбрасывались наружу еще недавно величаво струившиеся кентавряне. Погибая, они стремились к своим транспортным шарам, кое-кому удавалось влиться туда, полностью или частью, шары взлетали, отдалялись от планеты, но и в отдалении гибли — жадное пламя превращало их в факел, несущийся в темной пустоте; затем факел гас — лишь тусклое плазменное облачко продолжало мчаться в космосе. А на поверхность выбрасывались все новые кентавряне; их было много больше, чем шаров, ни один не дотекал до корабля. А еще через какое-то время — для зрелища на экране это был интервал лишь в несколько секунд — уже ни один не появлялся, только облачка пара

вырывались из глубин то здесь, то там— плотные, разноцветные, быстро рассеивающиеся... И люди, остолбенело впившиеся глазами в страшную картину, понимали, что каждое облачко, взвившееся вверх, — еще один погибший в недрах житель.

— Какой ужас! — потрясенно пробормотал Генрих.

И, словно отвечая ему, космическое здание исчезло с экрана и опять возникла планета с башнями-рогами. Взорвавшееся светило неслось на нее, борьба между разумом и стихией продолжалась. Звезда разлеталась, управляющая планета отчаянно пыталась ввести ее в режим. Все башни пульсировали, быстро меняли форму. Какое-то мгновение казалось, что победа останется за разумом и на распоясавшуюся стихию будут наконец накинута узы. Пульсация башен достигла предела — и все явственнее, продолжая разлетаться, пульсировала ответно звезда. Она еще расширялась, но медленнее и толчками; толчки постепенно впадали в ритм башен, это была уже синхронизация. Вероятно, в этот миг Андрей и крикнул: “Помогите!”

Минутная надежда исчезла, новый взрыв оборвал пульсацию. Братья увидели, как распадается регулирующая планета, как вся она становится пламенем, дымом и газом. А в пламени и дыму, медленно наклоняясь и падая, продолжали пульсировать рушащиеся башни...

Экран погас. Расшифрованных передач больше не было.

Глава пятая. ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЛЫ И ЗЕВСА

1

Рой с волнением всматривался в бледное лицо Андрея. Семь дней, семь долгих дней оно было лишь безжизненной маской, муляжом, окостенившим одно из тысяч непрестанно сменяющихся выражений этого прежде удивительно подвижного лица, — окаменевшая гримаса страдания и боли. Сейчас к щекам возвращалась кровь, затрепетали веки, дыхание делалось глубже.

Араки предостерегающе положил руку на плечо Роя, властно шепнул:

— Соблюдайте спокойствие! Он не должен видеть, как вы волнуетесь.

Рой откинулся в кресле, постарался, чтобы с усилием вызванная улыбка не казалась вымученной. Андрей безучастно смотрел в потолок. Во взгляде была пустота, отрешенность от внешнего. Больной был уже в сознании, но еще погружен в себя. Он вяло привыкал к своему телу.

Он должен был раньше осознать, что существует, потом лишь дознаваться — как и среди кого? Все шло, как предсказывал Араки. Минут через пять Андрей повернется и узнает Роя, нужно терпеливо ждать.

Андрей повернул голову уже через минуту, поглядел на Роя — с той же безучастностью вначале, с постепенно нарастающим интересом потом. В пустом взгляде внезапно зажглось удивление — первое осмысленное выражение, оно знаменовало возвращение к сознанию. Сознание пробудилось скачком. Андрей приподнялся на кровати, Рой и Араки поспешно схватили его за плечи, принудили снова лечь — он не должен был делать резких движений.

Андрей с радостным удивлением прошептал слабо и сипло, но внятно:

— Вот те раз, жив! Я-то ведь думал, погиб!

— Если б погиб, то ни о чем бы и не думал, — радостно возразил Рой.

Араки сделал предостерегающий жест.

Рой глазами показал, что будет соблюдать объявленные ему условия. Араки хмуро усмехнулся, покачал головой.

Условия не выполнялись — слишком много радости звучало в словах Роя, дальше будет не лучше. Араки, впрочем, уже и сам не был уверен, лучше ли то, что раньше представлялось лучшим: возвращение больного в сознание было неожиданно быстрым.

— Рой, аппаратура?.. Не пострадала? Такой удар! — прошептал Андрей.

— Удар нанесен страшный, — подтвердил Рой. — Трудно оценить его силу. Но аппаратура в целости. И расшифровка сигналов продолжается. Хотя ничего тебе не известного пока не получено, — поспешно добавил он, заметив, что Андрей сделал новую попытку приподняться.

Больной некоторое время отдыхал. Слабая улыбка оживила его лицо. В глаза Андрея возвращался прежний блеск.

— Не было удара извне, — внятно проговорил он. — Разряд в мозгу... Вот отчего аппаратура... Что-то случилось со мной... Со мной одним, так?

Рой взглядом посоветовался с Араки. Тот решил, что настал его черед разговаривать:

— Вы совершенно правы, произошло сильное внутриклеточное потрясение мозга. Причины неясны, сразу хочу вас информировать. И еще одно: разрыва клеток не было, вы скоро вернетесь в нормальное свое состояние.

Андрей опустил веки. Рою показалось, что он засыпает. Рой тихонько приподнялся, чтобы уйти, но Андрей снова раскрыл глаза. Теперь он глядел на Араки.

— Не надо быстро возвращать здоровье, — произнес он. С каждой новой фразой он говорил все ясней и тверже. — Хочу поболеть...

— Не волнуйтесь, все в порядке, — поспешно сказал Араки. — Мы свое дело знаем, можете не сомневаться. И все, что потребуется...

— Нет. Не понимаете... — Он с мольбой посмотрел на Роя. — Ведь больше не повторится!.. Рой, пойми!

Рой знал теперь, что ничего от Андрея скрывать не нужно.

— Все твои видения записываются, Андрей. И могу тебя заверить, что мы делаем это гораздо тщательнее, чем когда болел Генрих. Ни одна минута твоей болезни не была для нас потеряна.

— Я ничего не открыл в бреде? — с надеждой прошептал Андрей. — Помнишь математические откровения Генриха...

— Нет, открытий не было, но выяснено много интересных закономерностей. Мы познакомим тебя с ними, когда ты окрепнешь. Этому уже не так долго ждать.

Лицо Андрея снова выразило неудовольствие. Он по-прежнему не хотел быстрого возвращения здоровья. Из его то ослабевающего, то возвращающегося к внятности шепота Араки и Рой уловили, что Андрей просит лекарства, не подавляющего, а усиливающего бред. Он все снова повторял, что такой редкостный случай терять нельзя: видения его порождены мощными силами, в природу которых надо обязательно проникнуть. Его личная неудача может явиться счастливым событием. Он требовал, чтобы ему ввели стимулятор безумия, усиливающий болезнь, — без угрозы конечному выздоровлению, погибать он отнюдь не хочет.

— Ни о каких специальных стимуляторах безумия и речи быть не может! — категорически объявил Араки. — Любой препарат такого рода станет для вас смертельным ядом. Повторяю, не беспокойтесь, вы с самой первой минуты явились для нас не только объектом лечения, но и объектом изучения.

Андрей снова повернул лицо к Рою и горестно прошептал:

— Рой, та цивилизация... Неужто погибла?

— Новых передач нет, старые повторно изучаются.

Андрей снова впал в беспамятство. Араки, поднявшись, попросил Роя идти с ним. Рой молча прошагал несколько помещений, примыкавших к палате, где лежал Андрей. Приборы, записывающие работу мозга больного, были размещены в кабинете Араки. Добрую треть стены занимал экран, изображавший расшифрованные картинки недавнего бреда Андрея. Рой, бросив рассеянный взгляд на пульсирующие фигурки и линии, подошел ко второму экрану, вмонтированному в стену несколько поодаль.

Он долго стоял перед этим небольшим, два метра на полтора, полупрозрачным, полутемным листом в рамке из светлого пластика. Посредине экрана струилась широкая серебристо-золотая река. Она бежала справа налево: то вспыхивала яркими точками, то приглушалась, края ее изгибались, из общего потока выдвигались заливчики, вымеивались тонкие параллельные ручейки — и снова возвращались в главное русло. Река неслась как бы в постоянно меняющейся бахrome и кружевах. Удивительный поток — его открыли три столетия назад, но долго не могли выразить формулами и кривыми; он оставался логической категорией, общественным понятием, несомненным, но неизученным, скорее психическим, чем физическим полем, его так и называли: общественное пси-поле. Не прошло и двух десятилетий с того дня, как Альберт Боячек продемонстрировал найденные им математические формулы для пси-поля, и стало возможным моделировать творческий уровень общества. Духовный потенциал человечества, прежде нечто неосоздаемое, превратился в предмет точного измерения. Картина на экране в кабинете Араки была копией непрерывно фиксируемого в Управлении Государственных машин потенциала пси-поля — Араки разрешили продублировать его у себя для исследований психики Андрея.

И сейчас Роя привлек к себе неподвижный пейзаж духовных возможностей человечества. На экране он менялся мало, лишь в

масштабе десятилетий обнаруживались изменения; прежде довольно частые, скачки гениальных открытий становились все реже, подъем творческого потенциала все больше определялся суммарным старанием всего человечества, а не вдохновенными порывами особо одаренных одиночек. “Все общество у нас теперь одаренное”, — недавно резюмировал Боячек свои многолетние исследования. Рой так часто, и до болезни Генриха, и особенно во время ее, всматривался в такую же развертку на экране, что для него в ней уже не было чего-либо неизвестного или удивительного. И смотрел он не на широкий серебристо-золотой поток, всеми своими бесчисленными сияющими точками перемещающийся на экране справа налево, а на тоненькую, как нитка, линию, змеившуюся у рамы, — на языке медиков она называлась графиком психофакторов Андрея. И хоть Рой хорошо знал, что тонкая струйка, протянувшаяся ниже широкой реки, не выдаст так просто своих тайн, он все не мог оторвать от нее глаза. Так всегда бывало, когда он приходил в этот кабинет: часами стоял перед экраном пси-поля, всматривался, вдумывался.

Араки сказал, пожимая плечами:

— Не могу понять, что вас так тревожит в пси-факторе Андрея Кобытина!

— Я уже объяснял вам, Кон, — сдержанно ответил Рой, присаживаясь к столу Араки.

— Да, объясняли: болезненное пси-поле Андрея может воздействовать на духовный потенциал всего общества. Я думал над вашим объяснением. Общественное пси-поле складывается из двенадцати миллиардов индивидуальных пси-факторов...

— Здоровых пси-факторов, Кон!

— Также и десятков тысяч больных, Рой. Или вы думаете, что Андрей единственный, кто находится на излечении? Травмы, старческие недомогания, хоть и редкие, но еще не изжитые полностью случаи атавизма и дегенерации — все они тоже там! — Араки показал на экран. — Не они, однако, определяют могучий уровень наших духовных возможностей.

Рой недоверчиво усмехнулся:

— Звучит убедительно. Но не для моего уха. Да, конечно, пси-фактор Андрея — капля, влитая в озеро. Но если это капля яда? — Араки хотел возразить, Рой не дал. — Вы физиолог, Кон, ваша научная, ваша человеческая задача — искать причины заболевания и ликвидировать их. А меня тревожит не при-

чина, а назначение заболевания — та цель, ради которой, возможно, болезнь вызвана.

— И это вы уже говорили: не скрывают ли гибель Спенсера, самоубийство Гаррисона, несчастье с Андреем Кориным сознательное зло, передающееся через них всему человечеству? — заметил Араки. — Подготовленный мной эксперимент, возможно, даст какой-то ответ на этот ваш вопрос. И все же, мне кажется, мы могли бы поспорить...

Рой не хотел спорить. Спор ничего не даст, нужны опыты, а не слова. Никем не доказано, что поражения индивидуальной психики могут повредить духовному потенциалу общества, но ведь не доказано и обратное: что общественное пси-поле застраховано от таких ударов. Духовный уровень общества отнюдь не арифметически связан с индивидуальными уровнями людей. Разве не отвечает пси-поле общества всплеском вверх на появление Аристотелей, Ньютонов, Эйнштейнов, Шекспиров, Нгоро, Толстых? Или не бывало в истории примеров того, как массами людей овладевает что-то вроде безумия? Разве не безумными кажутся нам теперь религиозные войны, разве не актом социального безумия были кровавые преступления фашизма? И неужели не болезненным психозом отдают теории сверхлюдей, высшей расы, того, что избранным, в отличие от массы, все позволено, что они — вне морали? Он ставит вопрос: можно ли, воздействуя на психику отдельного человека, нанести болезненный удар пси-полю общества? Если такая возможность осуществима, то реальна возможность гигантского злоторения. Тайный враг, коварно поразив мозг попавшего в его тенета простака, способен будет привести к безумию все общество, овладеть им, превратить великое содружество гордых, свободолюбивых индивидуумов в серую массу покорных рабов!

Рой, как и Араки перед тем, показал на экран пси-поля:

— Кон, взгляните на могучий поток пси-потенциала общества. Внешне он схож с графиком наших энергомоцностей. Безмерно велика энергосистема Земли — триллионы киловатт. А управляют ею командные аппараты, а командными аппаратами управляют люди. Энергосистема блестяще защищена от всяких трагических случайностей, в ней давно не происходит аварий. Но если дежурные инженеры, внезапно сойдя с ума, захотят вывести из строя командные аппараты... Страшно даже подумать, что произойдет тогда! И вот я хочу твердо знать: возможен ли во взаимоотношениях пси-поля с индивидуальными пси-

факторами тот срыв равновесия, который отнюдь не исключен в наших энергосистемах. Дайте мне наконец ответ: может ли психика отдельного человека сыграть роль кнопки пускателя, приводящего в действие или останавливающего исполинскую энергосистему, называемую общественным пси-полем? Вот о чем прошу!

Рой редко выходил из себя, но сейчас так разнервничался, что невольно повысил голос. Араки размышлял. Рой сердито отвернулся от задумавшегося ученого. Он сам попросил Боячека поручить Кону Араки исследование странных психических явлений, число которых с момента гибели звездолета все накапливалось. Рой оговорил, что оставляет своей лаборатории общую физику загадок, а психофизику передаст более компетентным экспериментаторам. В мире сегодня не существовало пси-физика крупней Кона Араки. Давно прошли времена, когда исследователи были специалистами, знатоками узкой отрасли знания — ущелья знаний, иронически говорил о таких людях Рой. Сам Рой мог послужить примером универсала, но и ему в этом отношении было далеко до Араки — блестящего медика, физиолога и психолога. Рой не сомневался, что совместная работа пойдет прекрасно. Она шла трудно. Араки быстро ставил эксперименты, но не разделял сомнений и страхов Роя. Он вносил какой-то дух иронии даже в опыты, которые не оспаривал. Целевую же установку он оспаривал. Рой ничего не мог с собой поделаться — такое отношение его раздражало.

— Я, собственно, не понимаю, почему вы так противитесь проверке моей гипотезы? — с возмущением добавил Рой, когда убедился, что Араки не собирается нарушать затянувшееся молчание.

Араки медленно заговорил:

— Я не противлюсь, нет, друг Рой. Я размышляю. Вы хорошо сказали: не причина, а назначение болезни... Вы видите в потрясениях психики, которые мы исследуем, зло, творимое человечеству, попытку взорвать нашу пси-систему. Но ведь возможна и обратная гипотеза: не зло, а добро, не нападение, а защита. Вынужденная, уродливая форма защиты, но — защита!

— Безумие как акт защиты? И вы можете это обосновать?

— Нет. Могу лишь высказывать, а не доказывать. Согласен с вами: тут нужны не слова, а факты. Добавлю лишь: уверен в прочности пси-системы человечества. Уверен, что у нее имеются могущественные методы противодействия любому испы-

танию ее прочности. А теперь идемте в лабораторию синтеза новых форм — посмотрим, как подготовлен опыт с Гаррисоном и Спенсером.

Лаборатория синтеза новых форм помещалась в другом конце Института физиологии. Идти туда пришлось долго, Араки к тому же заглядывал то в одну комнату, то в другую и каждый раз просил у Роя извинения, Рой каждый раз лишь выразительно пожимал плечами. Когда они спустились на восьмой подземный этаж и зашагали по гигантскому бетонированному коридору без дверей, Араки спросил, бывал ли Рой здесь. Рой знал все лаборатории института, бывал и там, где выводили синтетических живых существ. Работы лаборатории синтеза до сих пор мало его интересовали. Ему хватает загадок, создаваемых естественными существами, чтобы еще добавлять хлопот с искусственными.

Араки рассмеялся.

— С точки зрения добавляемых хлопот мы искусственников не рассматривали. Но вот создание искусственного мозга для Гаррисона и Спенсера хлопот доставило. Как вы знаете, того миллиона клеток, которые имелись в “Охранительнице” в качестве паспортов Гаррисона и Спенсера, было слишком мало для нашего эксперимента.

Рой молча кивнул. Машина, называемая “Охранительницей”, имела лишь те данные о каждом человеке, которые нужны для безопасности его полетов, передвижения по воде и суше, охраны его здоровья. И даже с этими простыми задачами она не справлялась, что и выявилось в самоубийстве Гаррисона и несчастье с Андреем; в аварии звездолета обвинять “Охранительницу” было нельзя, зона ее действия ограничивалась Землей. О том, чтобы “Охранительница” крохотной клетушкой, отведенной в ней каждому человеку, могла заменить живой мозг, и говорить не приходилось. И то, что Араки удалось из сохранившихся скудных данных воссоздать работоспособный мозг, было таким успехом, что Рой, уговаривая Араки заняться этим, не очень и надеялся, что тому удастся выполнить его просьбу.

Араки, подойдя к помещению, куда перенесли тела Спенсера и Гаррисона, пропустил Роя вперед.

Посреди зала на специальном столе возвышались два саркофага из свехплотного пластика. Сквозь прозрачные стенки были хорошо видны два трупа. Никаких изменений сравнительно с

тем днем, когда Рой видел их в последний раз, с ними не произошло. Гаррисон был крупнее Спенсера, тот успел больше высохнуть, все остальное было одинаково: не два близнеца — два тождества, один копировал другого, и оба были как бы лишены индивидуальности — средние, до того обычные, до того во всем повторяющие всеобщие черты, что лишь одна эта неопостижимая всеобщность и была удивительным индивидуальным отличием. И снова Рой думал о том же, о чем всегда думал, когда вспоминал их: если бы существовал могущественный мастер, пожелавший сотворить искусственного человека для наблюдения за людьми, то он сотворил бы того соглядатая именно таким, из одних общих, расчетных признаков, каждой внешней черточкой повторяющего сразу всех, подражающего сразу всем...

Перед Роем в прозрачных саркофагах лежали два мертвых человека — не могло быть таких людей, они были немислимы, он не мог в них поверить. Это были псевдолюди, а не люди. Псевдолюди живут среди людей. Сегодня это только его зловещая догадка, завтра она, возможно, станет неоспоримым фактом!

Араки проворно ходил вокруг саркофагов, придирчиво трогал руками толстые кабели и гибкие трубки, опутывавшие постамент, — по ним должна была поступать и отсасываться энергия, химические вещества, вода и газы. А вдоль трех стен, гигантским овалом очерчивая зал, тянулись механизмы, регулирующие движение питательных веществ в оживленных телах.

Два искусственных мозга — высокие цилиндры с кабельными выводами на саркофаги и проводной связью со всеми питательными механизмами — возвышались в центре овала.

Араки положил руку на плечо Роя:

— Завтра в двенадцать, друг Рой. Приходите с Генрихом и Арманом. Будет Боячек.

Рой шел пешком по Кольцевому проспекту. В метеографии сегодня планировали ветер и дождь, ливень должен был хлынуть после обеда. Рой присел на скамью. На этой скамье он сидел месяц назад. Тогда начиналось бабье лето, было тепло и томно — последняя нега природы перед осенним угасанием. И тогда его мучили трудные мысли, со всех сторон теснили загадки, он терялся среди них, но верил, что пройдет день, другой, неделя, все высветится, все станет понятно и закономерно. Прошли четыре недели, ничего не высветилось, стало темней. Природа перешагнула порог равенства, день скатывается,

как ковер, ночь расширяется на две трети суток. Даже в полдень сумрачно, сквозь заполнившие небо тучи тускло льется свет. Старые загадки не разрешены, добавились новые. Были Спенсер и Гаррисон, была болезнь Генриха. Он с той поры выздоровел, это единственная радость: Генрих — прежний. Энергичный, увлеченный, всех увлекающий...

Но к Спенсеру и Гаррисону пристроилась Олли, обнаружены передачи какой-то могущественной цивилизации; вряд ли можно ожидать от них добра — и Андрей Корытин едва не повторил трагедию Спенсера, и среди людей появились какие-то псевдолюди...

Рой поднял воротник плаща. Ветер ударил сразу, в воздухе заметались листья, тонко засвистела трава, загрохотали кроны дубов и каштанов. Нагрянувшая внезапно темнота сгустилась, стало холодно. И снова вдруг прояснилось. Наконец-то хлынул дождь — светлый, обильный, громкий.

2

О Боячке было известно, что он является ровно на минуту раньше условленного времени. "Моя точность предупредительна, а не надменна!" — пошучивал о себе президент Академии. Рой принадлежал к людям, точность которых точна — надменна, по выражению Боячка. Они с Генрихом и Арманом вошли в лабораторию синтеза новых форм без пяти секунд двенадцать. Боячек уже стоял около саркофагов с телами Спенсера и Гаррисона и выслушивал объяснения Араки, Рой с Арманом знали все, о чем говорил Араки, но еще раз мысленно прошли с ним все стадии эксперимента. Генриху была известна лишь общая идея опыта, он слушал с интересом.

Араки, показывая рукой на прозрачные ящики — тела, лежавшие в них, были сегодня прикрыты датчиками и питателями, опутаны проводами и трубками, — сказал, что опыт назван оживлением, но практически оживления мертвых не произойдет. Только в мифах некий бог велел мертвецу: "Возьми одр свой и иди!" — и мертвец покорно встал и пошел. Ни Спенсер, ни Гаррисон уже не встанут. Не будет ни единой минуты, даже ни единой микросекунды, когда бы стало возможным сказать: "Они ожили!" И все-таки каждая клетка их тела оживет, в каждой возникнут жизненные процессы, клетки будут делиться, нарождаться и умирать. Миллиарды жизней возникнут в мертвых телах Спенсера и Гаррисона, не будет лишь того общего,

что объединяет в нормальном бытии эти миллиарды частных, крохотных, микроскопических жизней, — живых Спенсера и Гаррисона. Ибо воскрешение мертвых еще не стало предметом эксперимента, оно пока лишь сокровище мифологии. Могущественная, бесстрастная машина, называемая искусственным мозгом, промоделирует элементарные жизненные процессы на клеточном уровне, но не сотворит заново того сложнейшего, невозстановимого их сочетания, которое называется живым телом. Это дело далекого будущего.

— И еще одно, — продолжал Араки. — Мы воскрешаем клеточную жизнь в телах Спенсера и Гаррисона не в прямом, а в обратном направлении. Мы заставим клетки во всех тканях пробежать обратные стадии развития: от состояний, характеризующих взрослых мужчин, до комплекса юноши, потом подростка, ребенка, зародыша. Точнее бы назвать наш эксперимент генооперацией, ибо мы сможем дойти до момента, когда оба тела, лежащие сейчас перед нами, распадутся на первоначальные родительские клетки. Приемники и питатели, смонтированные в зале, доставят клеткам тел все вещества, нужные для обратного процесса, отсосут все отходы, все формы когда-то поглощенной телами и ныне возвращаемой энергии. Во время обратного развития тел будет непрерывно анализироваться состояние на общеклеточном уровне. С особой же тщательностью — природа генетических молекул, ответственных за построение каждой клетки. Анализ показал, что Спенсер и Гаррисон лишь внешне полностью повторяют людей, а в клеточной структуре их тканей содержатся важные отличия от среднечеловеческих. Наша сегодняшняя задача: узнать, созданы ли Спенсер и Гаррисон с внутренними отклонениями от человеческой структуры еще на стадии зародыша или приобрели эти отличия позже. Рождены они нелюдьми или только выросли в нелюдей.

Когда Араки замолчал, Боячек задал вопрос:

— Развитие человека из родительских клеток до взрослого состояния охватывает примерно двадцать лет. Мы знаем, что моделирование обратного развития — процесс ускоренный. Насколько он ускорен? Долго ли нам дожидаться результата?

— Процесс ускорен примерно в сто тысяч раз, — ответил Араки. — Двадцать лет прямого развития будут втиснуты нами в два часа при моделировании обратного развития.

— Два часа прождать можно, — согласился президент.

Араки попросил пройти в аппаратную. Аппаратная возвышалась над залом прозрачной закрытой верандой. Отсюда можно было наблюдать за тем, что совершается внизу, где стояли два саркофага, и следить за механизмами, смонтированными на внутренней стене. Боячек — огромный сутулый — заложив руки за спину, медленно прохаживался вдоль линии аппаратов. Арман и Рой сели напротив “сумматора расхождений” — так назвал Араки этот сложный прибор, показывавший степень отличия структуры Спенсера и Гаррисона от средней человеческой. Генрих лишь бросил рассеянный взгляд на командные и анализирующие аппараты и, подойдя к прозрачной наружной стене, посмотрел вниз.

Внизу лежали два мертвых человека, о которых лишь после смерти стало известно, что они вовсе не люди, а псевдолюди, как называл их брат. С одним из этих псевдолюдей Генрих провел вместе несколько дней в салоне звездолета — вместе ели, разговаривали, любовались звездным небом на экране. Человек был как человек: суховатый, немногословный, рассудительный, редко улыбающийся, но как-то мило улыбающийся — улыбка красила его невыразительное лицо. Он не вызывал большой приязни, но и не был неприятен, он просто казался замкнутым, из породы тех, с кем надо съесть пуд соли, чтобы его узнать. Последующие события показали, что и миллиона тонн совместно съеденной соли не хватило бы на познание этого странного существа! Брат объясняет аварию звездолета нечеловечностью этого внешне такого обычного человека — одна загадка являлась простым следствием другой загадки. Возможно, Рой прав.

Слишком уж тяжкие последствия тянет за собой такая возможность!

Другого человека, Гаррисона, Генрих увидел впервые лишь в специально для него созданном прозрачном гробу. Он тоже не человек — так показывает бесстрастный химический анализ. И он, этот не знакомый Генриху псевдочеловек Федор Ромуальд Гаррисон, как-то загадочно связан с самим Генрихом: его удивительные математические озарения повторились в бредовой форме в мозгу Генриха. Что их связало? Почему они связаны? Как осуществлялась связь? И что заставило Гаррисона покончить с собой? Его предсмертная записка Андрею — ведь это же вопль отчаяния! Что породило такой неистовый взрыв чувств? Араки и Роя с Арманом занимает одно: сразу ли они возникли псевдолюдьми или их нечеловечность — результат заранее рас-

считанного развития? Нет спору, все это важно. Но не менее важен вопрос, отчего Гаррисон впал в отчаяние. Здесь истинный ключ к тайне! Ну хорошо, Араки докажет сегодня, что оба они не обычные человеческие уроды, какие иногда возникают среди людей, а нечто сознательно кем-то и как-то сконструированное. Объяснит ли это, почему один вызвал аварию звездолета, а второй пустил себе разряд в мозг?

Задумавшийся Генрих пропустил момент, когда аппараты заработали. Рой позвал его и показал на сумматор расхождений. На экране прибора возникли две ярко-красные кривые: одна, неподвижная, условно обозначала суммарную структуру человеческого тела, вторая, подвижная, плавно изгибающаяся, рисовала Спенсера, а под ней, такая же, лишь в мелочах не совпадающая со второй, бежала по горизонтали экрана кривая Гаррисона. Различие между первой кривой и двумя другими сразу бросалось в глаза. Араки обратил внимание зрителей на то, что между нормальными людьми, если выразить их кривыми на сумматоре расхождений, тоже не будет тождества, но и такого расхождения никогда не наблюдается.

“Не наблюдалось”, — мысленно поправил его Генрих. Араки был абсолютно уверен, что Спенсер и Гаррисон не люди, а это еще предстояло доказать.

Генрих снова посмотрел вниз. Тела в саркофагах уже перестали быть видны. Возможно, гробы наполнили светопоглощающие газы или на стенки напозл специальный экран. А в темноте кипели мертвые тела! Надо было подобрать иное выражение, не такое вызывающее, но оно понравилось Генриху, оно хорошо выражало стремительность реакций, забушевавших в умерших было клетках. И подошедшему Араки Генрих так и сказал:

— Кипят! — и показал рукой вниз.

Араки покачал головой.

— Неправильное представление, друг Генрих. Кипение — процесс, обращенный вовне: что-то вырывается наружу. А здесь обратное: опадение в себя. Ссыхание, растаивание, растворение, сгущение — такие слова тоже неточны, но правильной передают направление процесса.

Вдоль линии приборов прохаживался Боячек, грузный, стареющий, насупленный. Генрих с нежностью посматривал на пожилого ученого. Ему все нравилось в этом человеке: и его пронизательность, и какая-то только ему присущая вдумчивая

доброта, и даже категоричность его настояний и решений, и особенно — умная насмешливость, с какой он слушал, когда не соглашался. К Генриху подошел Рой и потянул за руку. Араки взволнованно показывал на кривые, вычерчиваемые сумматором. Линии Спенсера и Гаррисона, вдруг утратившие свою особость, шли на сближение с основной кривой. Араки переключил процесс на торможение, еще через минуту вовсе остановил его.

Обе индивидуальные кривые вытягивались на экране параллельно основной, почти сливаясь с ней.

— Генетические нарушения на стадии зародыша, — торжественно объявил Араки. — Родители обоих были люди. Изменение программ развития произошло на первой неделе внутриутробного существования.

— Изменение генетической программы совершилось одновременно у обоих? — поинтересовался Боячек.

Араки не мог дать точного ответа. Одновременность не исключена, но и не доказана. Одно несомненно: и Спенсер, и Гаррисон начали свое внутриматеринское бытие как люди. А затем возникла мутация: гены зародышей испытали внезапное изменение, очень сложное, можно даже сказать — коварное. В результате возникли не уроды, не калеки, а внешне совершенно человекоподобные, здоровые, жизнедеятельные существа, но с каким-то пока еще полностью не выясненным существенным отличием, особенно, вероятно, касающимся мозга. К сожалению, именно эта сторона проблемы исследована быть не может, так как у обоих сохранились тела, а мозг погиб. И это не случайно! Если в одном случае это может быть приписано внешним обстоятельствам, то Гаррисон сознательно расправился со своим мозгом.

— Итак, псевдолюди существуют, — хмуро констатировал Рой.

— Обсудим результаты эксперимента, — предложил Боячек. Он повернулся и, грузный, неторопливо пошел вперед.

3

Араки захотел вести обсуждение в своем кабинете. Он зашагал впереди, беседуя на ходу с Арманом. За ними, сутулясь, заложив руки за спину, неторопливо двигался Боячек. Рой и Генрих шли рядом. Рой молчал, молчание было понятней слов — Рой готовился переводить в свою веру инакомыслящих,

а к ним, вероятно, причислял и брата, и Араки, и самого Боячека. Рой настраивался на словесное сражение.

А Генрих не знал, будет ли спорить или отмолчится, как отмалчивался прежде, когда брат, уверовав в какую-либо концепцию, настойчиво навязывал ее всем. Генрих с удивлением поймал себя на мысли, что нет у него твердой концепции. Он даже хотел, чтоб на него запальчиво напали, усердно перетаскивая в свою веру, — тогда, сопротивляясь, он, возможно, свяжет свои возражения во что-то стройное. Во время споров с Роем так иногда бывало. И единственный, с кем он наверняка не согласится, будет брат.

В кабинете Араки Рой снова остановился перед экраном псиполя: хмуро всматривался в серебристо-золотой поток, струившийся в темной глубине экрана, в тонкую змейку пси-фактора Андрея. Араки, ни к кому в отдельности не адресуясь, известил, что перемен у Андрея нет: выздоровление несомненно, но затянется. Боячек сел, вытянул огромные ноги, откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе: президент Академии наук был слишком громоздок и плохо вписывался в обстановку. Генрих подумал, что если бы понадобилось нарисовать посланца иных миров, то вот она, эта массивная голова, широкое лицо с чересчур даже для него крупным носом и отвислыми щеками, сутулая фигура, разлапистая походка, руки, похожие на рычаги, ладони с детскую лопатку — нет, вышел бы инозвездный житель куда убедительней, нежели ничем не поражающие внимание Спенсер или Гаррисон! Они были слишком свои, он — нездешний, с удивлением сказал себе Генрих, именно такой путаной формулой вдруг охарактеризовав Боячека.

Президент подождал, когда все рассядутся, и заговорил. И голос у него был какой-то очень уж свой, отличный от любых голосов, мощный, конечно, — все в этом человеке было мощно. Глуховатый, но не хриплый, он выносился из глубин груди, он был многоинтонационен. Генрих с тем же насмешливым удивлением определил: разнообразен — в нем были и настойчивость, и доброта, и доброжелательная ирония, и недоверие; все это выражалось одними звуками, а не мыслями — звуки, не сочетаясь в логические категории, ясно высказывали себя. Президент был из тех, кто может спорить без вывязывания силлогизмов интонациями голоса.

— Итак, философия, — сказал Боячек. — Какую же философскую систему вы преподнесете нам, друг Рой?

Рой не собирался преподносить новые философские системы. Он будет придерживаться фактов. Он высказал это сухо и точно. Он последовательно перечислил недавние открытия. На далекой окраине Галактики обнаружена новая разумная цивилизация. И степень ее технического развития выше человеческой — это видно хотя бы из того, что она превратила звезды в широкоэвещательные станции и ведет свои передачи при помощи агентов, распространяющихся практически мгновенно. Оставляя в стороне загадочный вопрос, для чего ей понадобились такие передачи, следует отметить, что в технике превращения звезд в передатчики не все доработано — картины катастрофы в Кентавре-3 убедительно о том свидетельствуют. Неясно, существует ли еще эта цивилизация или уже погибла. Таковы главные новые открытия в галактическом космосе.

— А на Земле и солнечных планетах свои открытия, — продолжал Рой. — И нельзя их не соотнести одно с другим. На Земле появились разумные существа, но не человеческой природы. Первое такое существо — обезьянка Олли. Генрих считает, что она была послом общества электрических обезьян, встреча с которыми вызвала трагедию “Цефея”. И Рой недавно так считал. Теперь он отказывается от такой концепции. Она слишком примитивна. Олли не была посланцем добрых электрических обезьян, во владения которых безрассудно вторглись люди. Она посланец куда более мощной цивилизации, чем харибдяне, — возможно, той самой, крохи передачи которой удалось уловить. И ее облик свидетельствует лишь о том, что она приспособилась к условиям жизни харибдян. И если уж считать ее послом, то не к людям, а к жителям Харибды — она передавала информацию о харибдянах тем, кто ее создал. И когда неожиданно появились люди, естественно еще никому не знакомые, так как человечество только вышло в космос, создатели Олли предписали ей срочно сменить местопребывание. Нельзя было упускать случай познакомиться с людьми поближе. Так она появилась на Земле космическим шпионом.

— Ты обещал придерживаться фактов, — напомнил Генрих.

— Я обещал не развивать философских концепций, — спокойно возразил Рой. — Комментировать факты я волен как мне угодно.

Хорошо, он не настаивает на термине “шпионаж”, если слово “шпион” выражает что-то скверное. Не доказано, что Олли принесла людям зло, скорее известно обратное. Ограничимся

названием благородней: “космический разведчик”. Телесная форма, целесообразная на Харибде, среди людей не годилась. Олли, нет сомнения, передавала своим господам массу сведений о человечестве, среди них — и о структуре человеческого тела. Недаром же она так старательно изучала человеческие науки, а среди них и биологию. Связь осуществлялась при помощи того сверхсветового агента, к раскрытию тайны которого мы вплотную приблизились. Выполнив свои задания, Олли умерла, а ее создатели и господа разработали план засылки на Землю новых разведчиков, столь же приспособленных к местным условиям, как Олли была приспособлена к жизни у харибдян. Выслать к нам живую куклу, имитирующую человека, они не сумели. Любую информацию и команды они передают практически мгновенно, а для передачи тел нужно снаряжать корабли, и скорость звездолетов, даже в сверхсветовой области, не безгранична. Проект их был точен и надежен. Они не создали людей, но породили мутации в генах зародышевых клеток. Они переконструировали человека. И так хитро, так умно, так блестяще, что человек, внешне оставаясь человеком, превращался в датчик нужной им информации, в исполнителя их команд, в живую станцию мгновенной связи. Так среди людей появились псевдолюди — Спенсеры и Гаррисоны. И, возможно, не только они, открытые и погибшие, а еще и десятки других, нераскрытых и необезвреженных.

Араки кивнул головой. Пока он согласен с Роем. К сожалению, полностью погиб мозг Спенсера и Гаррисона. Наибольшие отличия были, вероятно, там — в клетках, укрытых за черепной коробкой. И допустимо, что специализированный мозг способен принимать и передавать сверхсветовые сигналы. Даже в обычном состоянии он настроен на излучение и прием — на этом основана вся работа с пси-факторами и пси-полями. От усовершенствованного мозга можно ожидать результатов более значительных.

Боячек прогудел, насмешливо улыбнувшись:

— Что называть усовершенствованием? Развитие методов злотворения? Насколько я догадываюсь, друг Рой будет склонять нас к мысли, что вся разыгрываемая среди нас спенсериада ведет ко злу и иного назначения у нее нет.

Рой игнорировал насмешку президента. Он по-прежнему придерживался одних фактов. Факты свидетельствуют, что присутствие псевдолюдей узнается лишь по создаваемым ими

несчастьям. Спенсер, обладая способностью принимать сигналы, распространяющиеся со сверхсветовой скоростью, применил вдруг эту способность в салоне звездолета к командам марсианского астропорта — и звездолет потерпел аварию. Гаррисон передал свои математические знания Генриху, но передал в форме бредовых видений. И не исключено, что в те часы математические истины были ядом для больного мозга Генриха и что они должны были сыграть роль внутреннего пламени, сжигающего обессилевшие мозговые клетки. Гаррисон погиб, его намерения остались невыясненными. Зато есть Андрей, руководитель Гаррисона, и несчастье с Андреем сомнения не вызывает. Андрей воспринял передачи далекой цивилизации в Кентавре-3 — и мозг его получил удар, лишь немного уступающий тому, что сжег содержимое черепной коробки Спенсера. Можно ли отрицать влияние на Андрея совместной работы с Гаррисоном? Все, что связано с послами или разведчиками инозвездной цивилизации, таит в себе грозную опасность для людей!

— Не могу с вами согласиться, — сказал Боячек, когда Рой замолчал.

— Вы отрицаете несчастья, вызванные присутствием среди нас псевдолюдей? — спросил Рой.

Боячек отрицательно покачал головой. Невозможно отрицать уже совершившиеся беды. Но позволительно усомниться в том, что их кто-то зачем-то сознательно вызывал. Друг Рой уклонился от философской концепции. Он, Боячек, собирается затронуть именно эту область, тот ее конкретный раздел, который трактует взаимоотношения добра и могущества.

Рой пожал плечами:

— Хороша конкретность! Есть ли понятие абстрактней?

— Есть, и много. А теперь не протестуйте, если мои соображения покажутся азбучно простыми.

Генрих не любил областей, где лишь общие понятия являлись единственной конкретностью. Брат тоже не жаловал отвлеченностей, он часто говорил об этом. Но у Роя протест против абстракций был не больше чем абстракцией — Рой охотно ввязывался в споры любой сложности. Генрих, хватая рассуждения Боячека с пятого на десятое, с любопытством разглядывал, кто как слушает и говорит. Араки суживал и без того узкие глаза, поджимал губы: он соглашался и возражал, он дополнял и уточнял, не произнося ни слова, — лицо его, отнюдь не такое выразительное, как у Роя или Армана, изображало речь без

слов. Арман, обычно нетерпеливо выражающий себя жестами и гримасами, — временами казалось, что он вскочит, оборвет, начнет страстно опровергать, стремительно дополнять, — только слушал; различные выражения, торопливо сменяющиеся на его лице, были лишь признаком внимания — он старался постигнуть чужую мысль. А Рой отстранялся от чужой мысли, он стремился заранее ее опровергнуть, он опровергал ее всем в себе, не выговорив еще ни слова, — откинулся, полузакрыв глаза, полуулыбался, полуморщился — он, казалось, высокомерно-скучаяще говорил: “Ладно, ладно, ну, что еще?” Генрих тихо рассмеялся. Он знал, что после такого молчаливого, почти обидного неприятия Рой, когда доходила очередь высказываться, часто вдруг менялся и спокойно объявлял: “Да, вы правы, у меня будут лишь незначительные замечания”. “Ты слушаешь не уважительно, а провокационно, — говорил ему Генрих нередко, — ты заставляешь подыскивать все новые и новые аргументы, а потом выясняется, что из пушек били по воробьям”.

А Боячек говорил. И не говорил, а гудел. И хмурый бас, выносящийся из груди так легко, словно Боячку и не нужно было набирать дыхание, настойчиво вторгался в сознание. Звучит музыкально убедительно, думал Генрих о голосе. Боячек заставлял слушать себя, мысль его давила, а не скользила; с ней соглашались, даже когда она вовсе не была бесспорной, а сейчас, определил Генрих, Боячек, как и предупреждал, высказывал истины почти тривиальные. Настоящее могущество, говорил он, неспособно противоречить добру. Злотворение — черта несовершенства, оно может быть особенностью силы, но не могущества. Другому причиняют вред тогда, когда нужно получить что-то для себя. Могущество предполагает изобилие благ и возможностей. Вспомните человеческую историю: сколько в ней было вражды, порожденной лишениями! По мере развития человечества совершенствовалась и мораль: еще в первобытной общине изжили индивидуальную войну — войну каждого против всех; затем стихали племенные, религиозные, национальные, расовые, государственные распри, пока не забыли и о самой стойкой борьбе — классовой.

— Вы распространяете человеческие законы на Вселенную, — заметил Рой. — Но разумные существа бесконечно различаются по строению, форме и цели жизни.

Нет, Боячек не распространял человеческих законов на Вселенную. Он просто находил в человеческой жизни действие

более общих законов. Он не верил, что существуют высокоразвитые цивилизации, враждебные разуму, а в понятие разума входит понимание общности мыслящих существ. Когда-то человечество написало на своем знамени великие слова: “Человек человеку — друг, товарищ и брат”. Кто докажет, что этот принцип не может быть распространен на всю Вселенную? В этом случае он будет звучать так: все высокоразумные цивилизации — дружелюбны. И чем выше цивилизация, с которой завязывается контакт, тем вероятней, что встретим в ней друга, а не врага. Какие бы удивительные формы жизни ни открывались, с какими бы социальными структурами ни знакомились, человечеству не придется пересматривать основы своей морали. Если биология всюду — местная, то этика — всеобщая. Всюду помощь друг другу будет добром, а издевательство над соседом, стремление сосать его соки — злом.

— А нет ли материальной основы морали? — с живостью поинтересовался Арман. Он при каждом подходящем случае старался перевести отвлеченные понятия на более близкий ему язык физических величин. — Скажем, доброта на молекулярном уровне. Химическая структура доброжелательности. Электронные потоки коварства. Квантовая фокусировка неприязни и ненависти. Атомная картина эксплуатации одного живого существа другим. Почему бы и нет? Физические причины безумия ведь существуют! Не исключено, что будет обнаружено и мезонное поле несправедливости.

Боячек ответил с улыбкой:

— Мы, социологи, скажем спасибо, если вы переведете наши понятия на свой язык. Но сомневаюсь. Безумие, здравый ум — физические состояния человека, их вы опишете физическими величинами. Несправедливость — понятие социальное, оно характеризует нравственный уровень общества.

Рой сухо сказал:

— Я бы все-таки предложил возвратиться к самой важной сегодня проблеме: кто такие Олли, Спенсер и Гаррисон? Какие цели преследует их появление на Земле? Я этот вопрос ставлю конкретно, но конкретных ответов пока не слышу.

Боячек не считал, что Олли, Спенсер и Гаррисон ставят очень уж трудные вопросы. К тому же, ответы на них уже даны. Здесь упоминаются термины: посол, шпион, разведчик. Термины древней дипломатии мало соответствуют межзвездным от-

ношениям. Раньше все проблемы исчерпывались взаимосвязями внутри биологически однородного общества, сейчас мы говорим об общности разума, об общности высших принципов нравственности, но отнюдь не об общности биологических форм существования, а это порождает свои особые трудности. И первая — проблема физической несовместимости, та самая, с которой столкнулся несчастный “Цефей”. Люди неосторожно сунулись к харибдянам — и поплатились жизнью.

— Современные полеты к звездам повторяют ситуации древних мифов, — размеренно гудел Боячек. — Греков волновала проблема контактов богов и людей. Вспомните, как Зевс являлся своим смертным подругам: в образе орла — Семеле, быка — Европе, лебедя — Леде, золотого дождя — Данае. Изобретательность Зевса, согласитесь, была незаурядна. Семеле захотелось увидеть своего друга в истинном его облике. Но чуть он предстал перед ней, она была испепелена. Почему погибла неразумная Семела? Не оттого ли, что Зевс, поддавшись ее мольбам, нарушил им же изобретенные правила безопасности при общении с людьми?

— Поучительная история, — холодно констатировал Рой.

— О чем я и говорю! Предварительное изучение форм существования есть обязательное условие общения разных цивилизаций. И раньше, чем контакт примет форму связи всех членов общества, отправляют тайного посланца. А тот должен обладать внешностью сродни изучаемой цивилизации, он должен быть близок ей — имманентен ей, я так скажу.

— Божество в образе неандертальца?

— Скорее уж — ген божества в теле неандертальца, если шутить по-вашему, Рой. Ибо мозг посланца должен, в общем, действовать на уровне цивилизации, внутри которой оперирует. Посланец способен выступать и как бродильное начало, но лишь в меру возможностей общества. Теперь возвращаемся к Олли. Вы правы: она была на Харибде посланцем более высокой цивилизации. На Землю она попала, как вы и доказываете, неожиданно, а здесь убедилась, что мало подходит для налаживания связи с людьми. И отосланная ею информация дала возможность разработать иной способ терпеливого знакомства с нами. Так появились Спенсер и Гаррисон, а может быть, и еще не открытые нами другие Спенсеры и Гаррисоны, которые благополучно бродят среди нас. Думаю, между прочим, что эти

существа до чрезвычайных происшествий искренне считают себя людьми. Роль их остается тайной для них.

Рой заметил, что в ответ на его точку зрения лишь выдвинули другую. Каждый доказывает возможность своей концепции. Но возможность — не больше чем возможность. Требуется достоверность, а не гипотезы. Достоверно существование инозвездных посланцев. Но как объяснить вызванные ими несчастья?

— Могу это сделать по тому же принципу “ежели бы да кабы”, — спокойно сказал президент. — Вы с братом развернули перед нами яркую картину гибели широковещательной станции кентаврян. Не логично ли допустить, что произошло внезапное изменение сигналов, которые и запутали Спенсера и Гаррисона? Несчастья на Земле — лишь отзвуки разразившейся вдалеке катастрофы.

Рой недоверчиво покачивал головой. Нужно наконец вырваться из сферы догадок. Его могут убедить только факты.

Генрих сказал, что может сообщить о некоторых фактах. Брат удивленно уставился на него. Какие еще неизвестные факты? Генрих объяснил, что он лишь сегодня закончил проверку одного предположения и еще не успел поделиться выводами.

— Мы слушаем вас, — сказал Боячек.

— События на Земле и Марсе как-то связаны, против этого никто не спорит. Я сверил время событий. Спенсер стал приподниматься на диване точно в ту секунду, когда Андрей уловил расшифровку два-два — четыре. Точно в ту секунду! Но это еще не все. Мы сегодня ничего не говорили об Артемьеве, а его нельзя оставить в стороне. Трансляция сна, как это обычно бывает у Артемьева, подготовлялась заранее, но само сновидение началось в ту же минуту. И авария планетолета, и сновидение Артемьева совершались во время приема сигналов с Кентавра, свидетельствовавших о катастрофе.

— Убедительно! — сказал Рой. — Но ты не говорил, что собираешься сопоставлять эти события во времени.

— Мысль об этом явилась, когда ты недавно доказывал, что инозвездные посланцы — агенты злоторения. Олли — и зло! Для меня это не вяжется, Рой. Вред высокоразвитая цивилизация может причинить и не засылая агентов — прямым нападением, например. И я вспоминал безумные глаза Спенсера, Рой! До той секунды они были нормальны — смирные приемники внешнего света, а не пронзительные излучатели! Даже если бы

вскоре не произошло трагедии, то такое мгновенное изменение само по себе свидетельствовало об ужасном событии. Я помню охвативший меня в ту секунду страх. Он был вещим, по твоему любимому выражению.

Рой практически уже был убежден, но хотел обсудить выводы из сделанных ему возражений. Хорошо, пусть добро в качестве нормы, а несчастья — от неведомых катастроф. Резон в таком толковании есть. Но не отменяется вопрос: как бороться со Спенсерами, порою катастрофически впадающими в безумие? Чем грозит их безумие человечеству?

Он обращался к молчавшему весь диспут Араки — хотел закончить в присутствии Боячека завязавшийся раньше спор.

Араки сдержанно сказал, что разработка методов защиты относится скорее к компетенции физиков, чем физиологов. Все беды, о которых шла речь, — авария звездолета, болезнь Андрея — от физических причин. Что до безумия, то он повторит: безумие — реакция на удар; реакция эта — иногда форма защиты от более грозных последствий. Обществу такие акты безумия не грозят. Если гениальность становится общественным достоянием, то безумие остается индивидуальным несчастьем.

— Очень глубокая мысль, — с волнением сказал Генрих. — И мне кажется, из нее вытекают важные выводы. Я подумаю.

— Закончим на этом, друзья! — предложил Боячек. — Резюме: исследования продолжаются, немедленные выводы откладываются.

Братья возвращались к себе пешком. Генрих молчал почти всю дорогу. Рой спросил, о чем он размышляет.

— О Гаррисоне, — сказал Генрих.

— Гаррисоне? Что в нем удивительней, чем у Олли и Спенсера?

— Многие загадки, связанные с Олли и Спенсером, нам ясны, — задумчиво сказал Генрих. — А у Гаррисона остается одна загадка, и она все больше меня тревожит. Мне кажется, пока мы не поймем ее, мы ничего не поймем!

Рой иронически посмотрел на брата. Генрих преувеличивал, такова уж была его натура. Все, чего он не понимал, казалось ему самым важным. Потом, разобравшись, он признавался, что неизвестное скрывало в себе пустячок; раскрытие пустячка лишь дорисовывало детали, а не открывало новые горизонты.

— Какое же непонятное действие Гаррисона кажется тебе ключом к тайнам? — спросил Рой.

— Самоубийство, — ответил Генрих.

Глава шестая

ДОБРОМУ БОГУ БАЛЬДРУ СТАЛИ СНИТЬСЯ ДУРНЫЕ СНЫ...

1

Сон был из тех, какие классифицируются категорическим словом “бессмысленный”.

Но он повторился трижды — образ в образ, звук в звук, тень в тень. Генрих озадаченно усмехнулся, проснувшись после первого сновидения; удивился после второго, сказав брату: “Вот же дурь в голову лезет, Рой! Скоро я начну отбирать у Артемьева лавры”; был потрясен после повторившегося в третий раз сумбурного видения. Вскочив с кровати, он тут же — уже сознательно — возобновил в мозгу увиденную картину: выжженная пронзительно черным солнцем пустыня, белое небо; две размахивающие черные руки, двигающиеся по пустыне, одни руки — ни ног, ни туловища, ни головы; руки шагали, как ноги, не опираясь на песок; раздавался громовой вой, свист, грохот — небо раскалывалось, руки пускались в бег, заплетались, хватались за отсутствующую голову, заламывались, сцеплялись пальцами, падали; черное солнце распадалось на ослепительно сияющие зеленые куски, один из огненно-зеленых кусков рушился на спасающиеся руки; руки вдруг отрывались от несуществующего туловища и, царапая пальцами почву, проворно уползали в разные стороны, вымеивались, прыгали, судорожно металась; они жили и двигались вместе, умирали порознь — становились, умирая, желтыми, солнечно-желтыми, это был цвет гибели; “и-и-и” — пронзительно переливался вопль по холмам, он вещал о конце сна, надо было просыпаться — Генрих просыпался.

В самом видении не было смысла. Смысл был в том, что оно повторяется. Но Генрих не мог постичь значения того, что непрестанно возобновляется одна и та же бессмыслица. Рой нетерпеливо отмахнулся, когда Генрих рассказал о втором

“приступе сна” — так он назвал повторение, — проворчал, что до Артемьева Генриху далеко: у того все же сновидения сюжетно выстроены. Еще он посоветовал обратиться к Араки или записывать свои сны. Генрих после второго повторения подключил ночью регистратор сонных видений, но сон больше не возобновлялся. “Не хочет записываться”, — с новым удивлением сказал себе Генрих.

Рой в эти дни вместе с Арманом занимался расшифровкой новых уловленных сигналов Кентавра-3. Генрих не мог дать себе отчет, почему вдруг отказался участвовать в работе, им же начатой. В лаборатории всегда хватало дел с незавершенными темами, авария со звездолетом и последующие события оттеснили, но не отменили старые вопросы. Рой даже обрадовался, что Генрих хочет отойти от острых проблем к плановым темам. Рой сказал, что Генрих все же не полностью поправился — посещающие его видения не свидетельствуют о железном здоровье. А если будет что интересное, они с Арманом известят его.

Три раза в неделю Генрих посещал клинику Араки. Андрей оставался в том же состоянии — ни хорош, ни плох. Временами он бывал в полном сознании — они неспешно, как в старые добрые времена, беседовали о цивилизации на Кентавре, о земных новостях, к которым ни тот ни другой не охладели. Нередко Андрей впадал в забытие, и тогда Генрих тихо сидел у его кровати, всматривался в него. Андрей изменился, изменения накапливались. Он пополнел. Худое лицо округлилось, вобрало в себя резко выдававшиеся скулы. И говорил Андрей гораздо спокойней. Лишь глаза оставались такими же огромными. “Неприличные для мужчины глаза, для девушки подошли бы”, — говорил Генрих раньше Андрею. В них вспыхивал прежний блеск, но спокойные, умные, резко меняющие выражение глаза до болезни вязались с подвижным лицом — сейчас они казались чужими на лице сонном.

Однажды, вдруг пробудившись, Андрей увидел, что Генрих рассматривает его.

Генрих смутился, будто его поймали на нехорошем поступке.

— Что ищешь во мне? — резко спросил Андрей.

— Изучаю, скоро ли тебя покинет хворь, — шутливо ответил Генрих.

— Нет, — объявил Андрей с обычной категоричностью. — Ты хочешь знать, скоро ли я превращусь в Гаррисона, не надо обманывать, я все понимаю, Генрих.

Глаза Андрея так блестели, что Генрих не сумел ответить взглядом на взгляд.

— Я уже передавал тебе, к каким выводам мы пришли. Нарушение генетической программы на стадии зародыша, а ты все-таки взрослый мужчина...

Андрей нетерпеливо прервал его:

— Чепуха, зародыш — одна из возможностей, не думай, что кентавряне, если это они, а нет сомнения, что это они, так вот, они не глупее нас, — говорил он, напластывая одно предложение на другое. — Посланцы, живые приборы связи, должны быть всегда, это же невозможно, если гибель одного не вызывает немедленного возникновения другого, не говорю уж, что их может быть множество, уже известные — двое, множество неизвестных, разве не так?

Генрих наконец прервал несущийся поток речи Андрея.

— Рой с Арманом инструментально ищут подозрительные излучения. На поиск выделена совершеннейшая аппаратура. Пока результатов нет. Новых Спенсеров и Гаррисонов не обнаружено.

Андрей некоторое время молчал.

— Слушай, — наконец сказал он и снова уставил на Генриха блестящие глаза. — Если эта судьба ожидает меня, то и тебе она грозит, хрен редьки не слаще, ты думал об этом, только не виляй, говори прямо!

— Не думал, — признался Генрих. Такая дикая мысль и вправду не приходила ему в голову.

— Тогда думай! — приказал Андрей, откинулся на подушки и закрыл глаза. Он был и похож и не похож на себя. Генрих, прождав с минуту, чтобы Андрей отдохнул, хотел заговорить, но Андрей рывком повернулся, раздраженно повторил: — Думай! И обо мне и о себе; самое худшее возможно, жестко думай, без страха, надо нам знать!

— Буду думать, — ласково сказал Генрих. — И хотя не о нас с тобой, но все-таки каждодневно, повсечасно думаю все о том же.

— Растолкуй, вы с Роем всегда так витиеваты и многословны...

— Я думаю о Гаррисоне. Его самоубийство для меня загадка. Ты его знал лучше всех. Не мог бы ты подсказать мне какую-либо путеводную нить?

Андрей удовлетворенно мотнул головой, словно мысль о загадке самоубийства Гаррисона была той самой, которая должна была всех больше волновать друга.

— Я тоже — каждый день, каждый час... Вывод один — потрясающе темная загадка, ровно десять возможностей решения, начну с тривиальных: женщины, несчастная любовь — отпадает...

— Арман проверял — не было у Гаррисона близких женщин, — вставил фразу Генрих.

— О чем я и говорю, не прерывай. Парень неплох, молод, лаборантки заглядывались — нет, Федя не прельщался. Вторая возможность — неудачи по работе, ссоры с начальством, начальство — я, чепуха, все шло в ажуре, перспективы сияющие — отпадает. Третья — тайные болезни, наследственные хвори, роковые житейские секреты в прошлом, чушь такая, что и не стоит дальше, — отпадает. Четвертая — осознал, что посланец иных миров, пришел в ужас, растерялся, сдался — не отпадает. Пятая — всего лишь вариация четвертой, понял, что способен натворить бед, ужаснулся, сдался — не отпадает. Шестая — вариация пятой, я, всегда рядом я, воздействие на меня, видит, что тянет меня в пропасть, не захотел, ужаснулся... Еще надо?

— Пожалуй, хватит.

— Тогда иди, я устал, — приказал Андрей. — И думай!

Он повернулся лицом к стене.

Генрих тихо удалился. Уходя, он бросил осторожный взгляд на друга, теперь надо было следить даже за выражением своих глаз, чтобы Андрей не прочел в них того, о чем и сам Генрих не догадывается. Это тоже было новой чертой: прежде Андрею хватало других забот, он и не старался особенно разбираться в настроениях друзей.

Генрих направился к Араки.

Главный врач рассматривал в настольном экране изображение какой-то сложной химической структуры. Не отрываясь от изображения, он молчаливым жестом пригласил Генриха сесть. Генрих ждал и осматривался. Если лаборатория Роя и Генриха была вся заставлена приборами самых разнообразных конструкций, то у Араки доминировали экраны — большие и маленькие, прямоугольные, овальные, круглые, темные, полупрозрачные, цветные, однотонные. На рабочем столе Араки стояло несколько аппаратов, и каждый — со своим экраном.

Араки наконец оторвался от изображения.

— Вас интересует Андрей Корытин, друг Генрих? Ему лучше. Через месяц выпустим, если не произойдет осложнений.

— Я хотел поговорить о себе.

— Вы заметили в себе что-то новое, чего мы не знаем?

— Только одно: меня мучают странные сны. Странность их в том, что они повторяются с буквальной точностью.

Араки не нашел в снах ничего странного, обыкновенные фантазии. Удивительность, нездешность, необычность — типичная черта сновидений. Сон странен, если в нем нет ничего странного. Очень уж реалистические сны говорят скорее о расстройстве психики, а не о ее нормальности.

— Не волнуйтесь, пока серьезных нарушений нет, — сказал Араки на прощание.

Генрих возвратился в лабораторию. Роя вызвал к себе Боячек, Арман возился с аппаратами. Генрих сел на диван и задумался.

Арман что-то сердито бормотал про себя — вероятно, какое-то из любимых древних ругательств вроде “Черт возьми!”, “Остолоп!”, “Чистая дьявольщина!” — Арман изобретательно варьировал архаические выражения.

— Слушай, Арман, вы с Роем знатоки древности, — сказал Генрих. — Особенно ты. Как в старину относились к сновидениям? Видели в них только забавные развлечения, какими они стали у поклонников Джексона и Артемьева?

— Ни в коем случае! — воскликнул Арман. Он сел рядом с Генрихом. — Какие-нибудь новости об Артемьеве? Я думал, мы с ним все распутали.

— Нет! Просто меня тяготят нелепые сны, — со вздохом сказал Генрих.

— Доброму богу Бальдру, сыну отца богов Одина и богини-матери Фригг, стали сниться дурные сны! — нараспев заговорил Арман. — И великая Фригг, встревоженная, пошла по Земле упрашивать все вещи мира не делать зла ее светозарному сыну. И все камни, металлы, растения, вода, животные, птицы и рыбы с охотой давали обещание не вредить Бальдру. Лишь с одной омелы Фригг позабыла взять слово, слишком уж невзрачна на вид была омела. Об этом проведал злой дух Локи. И ветка омелы, пущенная по наущению коварного Локи рукой брата Бальдра слепца Хеда, пронзила сердце солнценосного бога. Так пелось в древних скандинавских сагах.

— Не то чтобы дурные, — сказал Генрих. — Непонятные. Не могу уяснить, что за чушь лезет в голову и почему лезет...

Арман мигом перескочил из сферы древней мифологии в сферу современной науки.

— Отлично! — воскликнул он с воодушевлением. — Я хочу сказать, что ты ставишь перед нами интереснейшую математическую проблему — моделирование сновидений. Мне кажется, я давно о чем-то таком подумывал, но всё руки не доходили. С нами до сих пор занимались медики и мастера искусства, а дело это надо поручить физикам. Итак, мы вводим в нашу институтскую МУМ все данные твоего мозга, а также и схемы увиденных сновидений, и машина определяет, могли эти картинки сна зародиться сами в твоём мозгу, вырастая лишь из той информации, что хранится в их клетках, или они навеяны со стороны. Не возражаешь против такого эксперимента?

— Не возражаю, — сказал Генрих.

2

Когда на Генриха наваливалась апатия, он лежал дома на диване и бессмысленно смотрел в потолок, и тогда к нему лучше было не подходить.

Рой скоро научился безошибочно определять приближение у брата приступов беспричинного равнодушия. Тогда он обычно оставлял Генриха в покое, терпеливо ожидая, пока апатия пройдет. Он заходил в комнату Генриха и, увидев, что “на брата нашло”, спокойно говорил что-либо вроде “хороший сегодня день по метеографику” или “после работы погуляю” — и уходил.

Сегодня Рой не зашел. Генрих проснулся, поднялся, хотел одеться, но передумал и снова лег. В комнате было темно-то — надо было засветить потолок и внутренние стены. Генрих нажатием кнопки сделал прозрачной наружную стену, теперь она была сплошным окном. Светлее почти не стало, за холодной прозрачностью стены были видны лишь быстро несущиеся лохматые тучи. Вторым нажатием кнопки Генрих распахнул стену. В комнату ворвался холодный ветер и шум, в теплой комнате наступила осень. Генрих вышел на балкон.

Бульвар, как всегда, был пустынен, и, как всегда, в воздухе носилось много авиеток и мчались аэробусы. Генрих закрыл глаза, втянул в себя воздух. Прносящиеся воздушные машины

не создавали шума, шум шел снизу — ветер трепал сады на бульваре и деревья кричали как живые. Они не как живые, а живые, поправил себя Генрих, жизнь их иная, чем у людей, — но жизнь! Он вспомнил, что давно уже хотел настроить дешифратор на поиск смысла в голосах травы и листьев, но что-то всегда заставляло откладывать.

Он лег на кровать и включил инфракрасные излучатели внутренних стен.

Снаружи врывался холод, его оттесняло струящееся со стен тепло, попеременно тянуло то ледком, то жарой. Генрих то поеживался, то расправлялся — в воздухе было смятение, как на душе. Все путалось, не было ничего устойчивого. И хоть еще вчера Генрих понял, что надо делать, он все же не находил душевной силы на задуманное.

И, поеживаясь от налетавшего холода, он возвратился мыслью к тому, о чем размышлял весь вчерашний день; к тому, что Рой во время споров у Араки назвал загадочным вопросом, но не захотел обсуждать — истинная глубина всех загадок таилась здесь. Собственно, и загадки не было, вопрос был прост, ответ еще проще. И Генрих все снова беззвучно, не шевеля губами, повторял и этот вопрос: “Зачем цивилизации в Кентавре-3 понадобилось вещать о себе на всю Вселенную и повсюду рассылать своих послов?” — и удивительно ясный, до изумления убедительный ответ: “Захотелось”.

— Захотелось, просто захотелось! — вслух сказал Генрих.

Он закрыл глаза.

Мысль летела быстрее таинственного сверхсветового агента связи кентаврян. Генрих мчался в красочном звездном скоплении, небо вокруг — и над головой и под ногами — сверкало тысячами ярчайших глаз, оно было не пейзажное, а живое. Генрих не любовался небом, он тосковал. Он представил себя кентаврянином. И ему было тяжело в этом прекраснейшем из уголков мира, ему и всем его братьям, кентаврянам. Все здесь, познанное и покоренное, было свое: он мог менять сияние звезд, сдвигать и разбрасывать их — могущество, столь огромное, становилось неизмеримым! Но не было соседей, не было родственного разума, друга, с которым можно было бы перекинуться сиянием звезд. Звезды, и не сознавая этого, разговаривают друг с другом — у него не было друзей. Он был одинок. Он жаждал общения: услышать о других разумах, рассказать о себе, помочь тем, кто нуждался в помощи! Вселенная была слишком велика.

Было страшно, было горько ощущать себя единственным разумом в таком огромном мире.

Генрих вдруг вспомнил, как еще в начальной школе читал пьесу древнего писателя, где герой, некто Бобчинский, просит другого героя всем, кого тот повстречает, не исключая, если придется, самого государя, говорить, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский, только одно это и сообщать — живет, мол, в том городе Бобчинский, и все! Товарищи смеялись, читая забавную сценку, а Генриха поразила тоска, звучащая в просьбе. Глуповатый помещик жаждал известности, но подспудно лежало глубинное чувство общения, такой связи со всеми, чтобы равнялась миллионорукости — и каждая рука протянута другу! И если кто еще недруг, того сделать другом!

— Конечно, конечно! — пробормотал Генрих. — Жажда общения! На каком-то этапе развития она стала острее жажды существования, та примитивней. Здесь истоки добра, разносимого ими, здесь корень невольно творимого зла. Все сходится! Все сходится!

Генрих вскочил. Время размышлений кончилось: надо было действовать. Он подошел к столу, придвинул к себе диктофон, проверил, есть ли пленка, негромко сказал:

— Рой, милый, прости, дальше тянуть опасно. Не сердись. Лучше участь Гаррисона, чем Спенсера.

Он положил диктофон на видное место. Брат вечером придет и, не увидев Генриха, включит запись. Теперь надо было торопиться, Рой мог прийти и раньше вечера. Он постарается помешать.

Генрих снова вышел на балкон и вызвал авиетку. Давно он не мчался с такой торопливостью над улицами Столицы. Лишь пролетев над Окружным парком, он сбросил скорость. Среди деревьев открылось одноэтажное здание. Генрих приземлился у входа, торопливо прошел в вестибюль. Суховатый голос первого сторожа — здесь все автоматы настраивались на предупреждающе строгий тон — поинтересовался, что нужно посетителю.

— Первая срочность, — сказал Генрих и бросил жетон во входное отверстие сторожа.

Генрих знал, что жетоны не могут не сработать. Рой уже не раз пользовался своим розыскным жетоном, и сбоев не было. Но Генрих еще не прибегал к разрешающей силе жетона, и от волнения вдруг перехватило дыхание. Жетон возвратился через минуту, первая дверь открылась. Генрих торопливо шел по ярко

освещенному пустому тоннелю, тоннель завершился полукруглым залом. Посредине зала, выступая из стены, возвышался цилиндрический второй сторож, от него двумя крыльями отходили панели со встроенными в них дверьми.

— Слушаю вас, — сказал второй сторож. Голос его, медленный и хмурый, доносился как бы отовсюду.

— Склад силовых экранов, первая срочность, — сказал Генрих и бросил жетон.

На панели справа открылась крайняя дверь, Генрих поспешил туда. Здесь идти пришлось всего несколько шагов. Очередной сторож повторил тот же вопрос. Генрих ответил теми же словами о первой срочности и бросил жетон. В этом помещении не было дверей, а сторож представлял собой массивный столб, стоявший посреди комнаты.

Жетон не возвращался. Сторож прогудел:

— Уточните тип экрана.

— Последняя модель лаборатории академика Ивана Томсона, — сказал Генрих. — Я имею в виду защитный костюм, создающий гравитационную, оптическую и электромагнитную прозрачность, а также...

— Автономность высшей категории тип Н-5, — прервал его сторож. — Сожалею, друг. Первая срочность недостаточна.

— Как — недостаточна? Я вас не понимаю. Первая срочность всегда давала право вести розыск в любой одежде, создающей невидимость.

Ответ последовал незамедлительно:

— Только не в этой. Для модели Н-5 установлена особость К-12. Ваш жетон старого образца, он не дает права на гравитационную невидимость, а только на электромагнитную. Очень сожалею, друг.

Генрих в отчаянии глядел на пластиковую тумбу, разговаривавшую голосом человека. Он знал, что препятствия к получения костюма возможны, но опасался лишь того, что его не допустят на эти самые труднодоступные склады. И на такой случай он придумал выход: они с Роем уже осматривали разные модели экранных костюмов, осмотр с одеванием равносителен использованию, а что раз было разрешено, то разрешено вообще. Но, оказывается, память электронных сторожей хранила однажды полученное разрешение. Гравитационные экраны он не осматривал и не испытывал, разрешения на них не запраши-

вал. Но только эти костюмы были нужны, все остальные не могли защитить от розыска, который вскоре предпримет Рой.

— Очень сожалею, друг! — непреклонно повторил сторож.

Надо было удаляться или просить другой костюм. Генрих, судорожно глотнув ком, вдруг возникший в пересохшем горле, воскликнул:

— Одну минуточку! Можно ли мне узнать, что значит особость К-12?

— Ваш жетон разрешает получить ответ на этот вопрос, — сказал сторож. — Особость К-12 означает, что только двенадцать человек допущены к пользованию костюмами высшей категории автономности.

— У вас есть список людей, которым разрешено?

— Нет, друг. Список ежедневно подтверждается в памяти “Охранительницы” в Управлении государственных машин. Я обязан запрашивать “Охранительницу”, кому на сегодняшний день и час разрешено получать такие костюмы.

Генрих быстро сказал:

— Запросите “Охранительницу”. Возможно, я имеюсь в этом списке.

Сторож молчал с минуту, потом торжественно произнес:

— Совершенно верно, друг Генрих. Вы находитесь в особости К-12 под номером одиннадцать. Прошу вас войти.

Сторож раздвинулся на две половинки, каждая отошла к стене, между половинками образовался проход.

Новое помещение было собранием ниш, в каждой нише висел экранирующий костюм. Сторож прогудел, что надо идти к нише номер три и брать костюм номер восемь — восьмой номер будет сидеть на Генрихе лучше других. Генрих протянул руку и погладил массивный ящик, похожий скорее на поставленный торчмя саркофаг, а не на костюм, — последнее великое творение Ивана Томсона: он выпустил эту модель из лаборатории всего за два месяца до своей трагической гибели.

Генрих с грустью подумал, что, вероятно, сам Томсон внес его с Роем в список тех, кому позволено пользоваться его изобретением. “Вам с Роем моя последняя работа очень пригодится во время исследования катастроф на других планетах”, — порадовал их тогда Томсон. Он и не подозревал, что катастрофы произойдут на Земле, что в одной из них погибнет он сам и что самый совершенный костюм для поиска будет использован его другом для защиты от поиска.

— Передвижение осуществляется внутренним двигателем, — гудел сторож. — Кнопочное включение гарантирует прозрачность в оптической, тепловой, магнитной, электростатической, гравитационной и всех гамма- и радиообластях. Входите и закрывайтесь. Выведу наружу своими полями. Доброго поиска, друг Генрих.

Генрих влез внутрь ящика, и ящик ожил. Он задвигался, зашевелился, из твердого стал гибким; теперь он и вправду был костюмом, а не саркофагом: громоздким, массивным, но оберегающим, а не только хранящим в себе тело. Генрих вытянул руки — стена костюма легко выдалась наружу, образуя рукав, но не выпустив наружу пальцы. Сторож посоветовал использовать костюм как кокон, обеспечив себе свободу внутри него, в противном случае будет впечатление, что тело облеплено тестообразной массой.

— Доставьте меня для начала на Второй Кольцевой бульвар, в пятнадцатый сектор, — ответил Генрих на вопрос сторожа, куда его транспортировать до того, как он включит свои охраняющие экраны и двигатели.

Это была боковая аллея — уединенное местечко, огражденное высокими пирамидальными тополями. Аллея вела к полянке, полянку окаймляли густые кусты роз; посреди стоял фонтан, в жаркие дни он создавал влажную прохладу, сегодня — по случаю хмурой погоды — не работал. Вокруг фонтана тянулись скамейки, над спинками их наклонились ветви кустов. Генрих любил бульвары Столицы, а сюда, в пятнадцатый сектор, приходил весной и летом чаще, чем в другие уголки. Здесь, под нависающими яркими, нежно пахнущими розами, перед причудливо перекрещивающимися струями фонтана хорошо отдыхалось и думалось.

Сегодня в метеографии после полудня значился дождь. Время шло к полудню, тучи уже сгущались. Ветер гремел в ветвях, шипел на гравии дорожек, свистел в чаще молодых деревьев. В воздухе металась листва. Генрих включил все формы электромагнитной невидимости; теперь он был недоступен для глаза и для всех приборов, использующих частицы и волны. Он оставался еще в этом мире, но уже был вне его. Поколебавшись, он погасил экраны. Было рано наглухо закрываться. Он еще мог побыть в своем личном бытии. Часа два он еще имеет. Он не будет торопиться. Еще не все продумано, еще не все окончательно решено, еще не опровергнуты последние сомнения...

“Нет, все продумано, — безжалостно сказал себе Генрих. — Все решено.”

Сомнений больше нет. Загадок не стало вчера, с той минуты, когда он внезапным озарением постиг причины гибели Гаррисона. Это была последняя тайна. Он так трудно и так настойчиво размышлял о ней, он предугадывал, какое значение она имеет для всех, для него в особенности. Он искал в разгадке решения собственной судьбы — нашел и ужаснулся. Он отшатнулся от решения, не захотел принимать; то была тяжелая ночь споров с собой, нападков на себя, жалости к себе! Ночь кончилась, а с ней и сомнения. Все стало ясно. Хмурая ясность! Ясность или самообольщение?

“Не было самообольщения, — с жестокой честностью возразил себе Генрих. — Было понимание. Могущественная цивилизация, создававшая всюду свои живые датчики связи, свои опорные умы, через которые получала нужную информацию и исподволь передавала свои знания и умения, одного лишь не учла: возможности своей гибели. О, конечно, Боячек прав, она никому не желала зла; стремление к связи, к вселенскому общению бескорыстно — зло возникло непредвиденно. Произошла катастрофа в далеком звездном скоплении, и все связные гибнущей цивилизации из послов добра стали агентами злотворения. Спенсер не понял происходившего, его мозг сгорел сразу, а Гаррисон в отчаянии сообразил, что может стать для людей так же губительно страшен, как Спенсер. И он ушел из жизни, предварительно навеяв в мой мозг важные математические истины, послав через Артемьева сообщение об Олли. И я силою аварии на Марсе стал наследником Спенсера, вероятно, и Андрея подготавливали к этому, но у Андрея не зашло так далеко, как у меня. Я теперь их представитель на Земле — канал, через который может пролиться яд. А я не хочу быть источником зла, не хочу, не хочу!.. Нет, — сказал себе Генрих, пораженный новой мыслью, — нет, все не так, как вообразилось. Нет, как же смел я подумать, что одного они там, в своем невообразимом далеке, не предугадали, не поняли, не учли: возможности собственной гибели. Все они учитывали, от всего защищались. Вот она, их защита: мое внезапное понимание! Да, так! Так, и не может быть иначе! Живые датчики связи осуществляют свои функции бессознательно, это их вторая жизнь — тайная, неподозреваемая. Нет, они не сознательно творящие свое дело Олли! А в момент опасности они или гибнут, как Спенсер, или их озаряет

понимание, как Гаррисона. И Гаррисон уходит из жизни сам. Безопасность — здесь, в мгновенно пробуждающемся сознании, что ты опасен. Они уверены в тех, кого выбрали! Какое уважение в том, что осужденного одаряют пониманием его судьбы!”

Генрих включил двигатель шага. В костюме стало легко ходить. Генрих прошелся по аллейке, постоял у пирамидального тополя, задрал голову вверх. Тучи мчались быстрее, опускались ниже: становились темней. Генриха наполнил еще не изведанный, острый, как сердечная боль, приступ любви к миру, к любой его вещи, движению и звуку.

Он когда-то лишь жил в мире, мир был его окружением, а теперь он стал сопричастен всему в мире, с радостной болью ощутил кровную связь с ним.

Он подошел к розовому кусту. Еще недавно это был пышный кудряш, сейчас он простирал оголенные ветки, и всеми ветками дрожал на ветру. Генрих погрузил в него руку, пошевелил в чаще скользких, в колючках, прутиков, с нежностью сказал: “Не бойся, я не сделаю тебе зла!” Он погладил забронированными в пластик пальцами ствол покачивающегося тополя, и ему тоже сказал: “Не бойся!” Потом сел на гранитный барьер и пообещал пустому, тускло поблескивающему розовым мрамором фонтану, что зла и ему не будет. Рядом возвышались три валуна: в центре серый гранит из Скандинавии, справа базальт с Луны, слева красный вулканит с Марса. Раньше Генрих лишь бросал на них рассеянный взгляд — ни земные, ни небесные камни его не интересовали. А сейчас он подошел к трем камням, внимательно пригляделся к ним. В угрюмости их чудился страх, недвижимая надменность их тел скрывала боязнь... Он гладил поочередно камни Земли, Луны и Марса и растроганно шептал им: “Я ваш, я не изменю вам”. И гравию, шумящему под ногой, он грустно сказал: “Ты говоришь моим голосом!” И, опершись рукой на спинку скамейки, он с болью заверил ее: “Я сидел на тебе не для того, чтобы вредить тебе!” А ветру, гремевшему кругом, он взволнованно крикнул: “Твой, твой, всегда твой!”

Хлынул дождь — неистовый, мощный, громогласный. И сразу стих ветер, перестали испуганно метаться деревья, ошале-ло извиваться кусты и травы — все голоса замолкли, движение замерло. Все звуки были теперь отданы рушащейся воде, и лишь она одна двигалась в окружающем мире. И Генрих, прислонившись к тополи и открыв лицо холодным потокам, с за-

крытыми глазами упоенно шептал: “Я — дождь! Я — дождь!” Это было новое ощущение, новое понимание, новое озарение — все прежние прикиновения к истине потонули и растворились в нем. Генрих сказал радостно: “Я — тополь!” — и пошел по аллейке. Гравий молчал под ногами, по гравию гремела вода, Генрих прошептал: “Я — земля! Я — вода!” Он глянул вверх: туч не было, была плотная белесая мгла. И Генрих медленно и торжественно произнес: “Я — тучи! Я — небо!” — и возвратился к скамейке.

Время исчерпало себя, время перестало быть — надо было исполнять задуманное.

Генрих проглотил приготовленные еще вчера пилюли, надавил на пусковые кнопки электромагнитного и гравитационного экранов и, выпадая из мира, которым с такой всеощутимостью вдруг стал сам, успел лишь прошептать: “Я — жизнь!”

3

— Только вы можете это сделать, — взволнованно сказал Боячек. — Модель Н-5 вышла из вашей лаборатории.

— Только ты, Рорик! — эхом откликнулся Рой.

Роберт Арутюнян, после смерти академика Ивана Томсона возглавивший лабораторию нестационарных полей, хмуро уперся глазами вниз. Экранный костюм высшей автономности был создан еще при жизни Томсона. И их, сотрудников Томсона, тогда занимала проблема обеспечения максимальной защиты от внешних воздействий — задача, прямо противоположная той, что ставилась сейчас. Труднейшая проблема, захватившая их тогда, была решена блестяще. Высшая автономность среди вещей и сил мира стала высшей отстраненностью от вещей и сил.

Экранированный выпадал из мира почти совершенно. Средств воздействия на экранированного не существовало.

— Но как он сумел получить этот костюм? — растерянно пробормотал Арутюнян. — Сколько я знаю...

— Вы правы, разрешение на пользование таким костюмом дается крайне редко, — прервал его Боячек. — Но Генрих имел разрешение. Я сам внес его в список. Себя не внес, а его поставил. Вы тоже имеете в том списке, друг Роберт.

— Ты уверен, что он жив? — спросил Арутюнян Роя после некоторого молчания.

— Уверен! — быстро сказал Рой. — Если бы он хотел немедленной смерти, он пустил бы себе в мозг разряд. Он принял медленно тормозящие жизненные процессы пилюли. Он умирает, но пока жив и еще некоторое время будет жив — сутки, во всяком случае.

— Ты убежден, что он не бежал с Земли на другие планеты? — снова спросил Арутюнян.

Ему ответил Боячек:

— Исключено. Я послал предупреждение всем космопортам, аэропортам и аэропортам.

— Никто не сможет узнать, что он проникнет в машину, — заметил Арутюнян.

— Мы это учитывали. Все рейсы временно отменены. Машины — земные и межпланетные — задержаны на своих местах. Генрих может передвигаться только при помощи собственных двигателей или на авиетке. Авиетка будет казаться пустой.

— Пустую летящую авиетку засечь легко, — согласился Арутюнян.

— Он не двигается никуда, — настойчиво указал Рой. — Он притаился где-нибудь в укромном уголке и медленно впадает в небытие. Говорю вам, он захватил пилюли не для того, чтобы они лежали в кармане! Я знаю Генриха!

Арутюнян обвел глазами заставленное механизмами помещение — разговор происходил в аппаратном зале лаборатории нестационарных полей — и сказал, колеблясь:

— Каких-либо надежных средств захвата экранированного не существует. Мы ведь специально все делали так, чтобы этого не могло случиться. Но если разработать новый метод...

— Какой? Сколько времени на него понадобится? — нетерпеливо спросил Рой.

— Времени немного, несколько часов... Но поиск будет удачен, только если Генрих на Земле, а не в космосе, не в стратосфере, не в вакууме. Не забывайте, что жизнедеятельность внутри костюма гарантируется независимо от условий внешней среды. Конечно, если не принимать опасных пилюль. Дело в том, что экранированный недоступен для любых внешних воздействий, но остается материальным телом, вытесняющим воздух. Его можно открыть по ямке в атмосфере, по провалу в воздухе. Нетрудно быстро собрать поисковые анализаторы и ручные искатели, определяющие местные пустоты в воздухе. Но

разве можно в короткий срок обследовать всю поверхность Земли, выискивая крохотные атмосферные провалы?

— У нас нет иного выхода — значит, займемся обследованием атмосферы Земли. Арман в твоем распоряжении, Рорик, — сказал Рой. — Я тоже буду помогать.

— Будем надеяться, что Генрих остался в Столице, — со вздохом сказал Боячек.

— Он в Столице или недалеко от нее, — сумрачно повторил Рой.

Арутюнян, взяв Армана под руку, отошел с ним.

— Я удивляюсь вам, Рой, — с возмущением сказал Боячек. — Неужели вы не понимали, в каком Генрих состоянии? Могли бы уделить ему побольше внимания, не оставлять одного...

— Я боялся быть с ним, — грустно ответил Рой. — С того момента, как мы решили с Араки проверить, не передалось ли что Андрею и Генриху от тех двух... Мы ведь хотели оставить это в тайне и от Андрея, и от Генриха, чтобы не волновать их. Генрих, часто встречаясь со мной, мог догадаться, что ведется всестороннее изучение.

— Он все-таки догадался, хотя вы и старались пореже быть с ним.

— Он сам пришел к этой мысли. Он не знает о нашей проверке. Собственно, не сам, а по подсказке Андрея. Тот раньше беспокоился.

— Вы в этом уверены?

— Уверен. Окончательно Генрих утвердился в мысли, что заражен излучениями Спенсера, после того как ему стали являться нелепые сны. Все это я знал. Я только не ожидал таких быстрых мер со стороны Генриха. И я надеялся, что он поделится со мной опасениями, а я к тому времени буду иметь ответ. Раньше он советовался...

— Раньше не возникало такой трудной ситуации. — Боячек опять вздохнул. — Все энергетические станции Столицы будут работать на вас, Рой. Если не хватит резервов, мы на время остановим автоматические заводы.

Рой молча наклонил голову.

Арутюнян с Арманом собирали схему поиска: Арутюнян высчитывал, какие потребуются механизмы, и отдавал команды на их подключение, Арман согласовывал с энергетическим центром канализацию энергии. Рой вызвал авиетку.

— Если понадобится, я у Араки, — сказал он Арману.

— Я передал вчера Араки разработанную мной схему моделирования сновидений, — сказал Арман. — Вероятно, он уже провел первые эксперименты по этой схеме.

Араки уже знал о поступке Генриха. Рой спросил, сколько часов в их распоряжении, если допустить, что Генрих принял пилюли сразу после получения экранирующего костюма. Араки ответил, что смерть наступит не раньше чем через сутки. Рой безрадостно заметил, что сутки — слишком незначительный срок для успешного поиска: придется ведь обшаривать каждый уголок пространства в Столице, а возможно, и за ее пределами. Араки возразил, что Рой неправильно поставил вопрос и поэтому получил неутешительный ответ. Реально важен не момент наступления смерти, а момент, когда невозможно обратное возвращение к жизни, — моменты эти существенно разнятся.

Дело в том, что пилюли затормаживают не только процессы жизни, но и необратимые процессы смерти.

— Найдите брата в пределах трех суток, и я его возвращу к жизни. Я приготавливаю нужные для этого лекарства сегодня же. Немедленно вызывайте меня, когда обнаружите Генриха.

— Как Андрей? Как проверка сновидений Генриха? — спросил Рой. — Как с этим... — он на мгновение запнулся, — со спенсеризацией обоих?..

Араки ответил, что Андрей все в том же состоянии — медленно выздоравливает. О поступке Генриха он ничего не знает. Экспериментальное моделирование сновидений по методу Армана Лалубы показало, что ничего сверхъестественного в снах Генриха не было: ни в одном не обнаружено информации, которая бы раньше не содержалась в памяти Генриха.

Сны вовсе не навеяны неизвестными излучателями, а представляют обычную фантастическую комбинацию вполне реальных деталей.

— Что до того, что вы называете спенсеризацией, Рой, — Араки выразительно пожал плечами, — то могу вас заверить, ее нет. И Андрей, и Генрих — нормальные люди. Вчера я в это только верил, сегодня — знаю.

— Итак, я вызову вас, Кон, — сказал Рой и удалился.

В лаборатории Арутюнян, сидя за пультом Рой и раньше часто видел его на этом командном пункте, когда Томсон изучал свойства нестационарных полей, — быстро перебирал пальцами белые, красные, черные кнопки: отдавал команды

автоматам, принимал мыслеграммы от невидимых механических и живых помощников. Во всю стену перед ним сияла карта Столицы, на ней то там, то здесь вспыхивали красные поисковые огоньки. Арман сидел в стороне, глаза его бегали по светящейся карте. На полу лежали два прибора, похожие на старинные пневматические буры. Рой присел рядом с Арманом.

— Ручные поисковики, — пояснил Арман, кивнув на приборы.

Арутюнян перевел поиск на автоматическое управление и подошел к Рою.

— Допустим, — сказал он, — мы обнаружим Генриха. Как мы раскроем его, если он без сознания или если он в сознании, но не захочет раскрываться?

— Ты конструктор костюма, Рорик, — сказал Рой. — Ты сумел создать автономность для тех, кто пользуется твоими экранами. Уверен, что у тебя имеются и способы снимать автономность. Или не так?

Арутюнян помедлил с ответом.

— Безопасных способов не существует, Рой.

Рой долго всматривался в слишком спокойное, почти бесстрастное лицо Арутюняна. Арутюнян и Арман были внешне похожи: та же темная кожа лица, те же черные глаза, черные волосы — у Армана они сильнее курчавились, — тот же невысокий рост. Вряд ли существовало среди друзей Роя двое других столь же разных людей, как они. Арман вспыхивал “даже от трения, от прикосновения”, говорил о нем Генрих, он мог споткнуться на ровном месте. Арутюнян сохранил бы и в огне внешнюю бесстрастность. Если он ровным голосом говорил: “Это нехорошо”, надо было понимать: “Ужасно!”

— Ты объяснял нам, что трудно обнаружить экранированного человека! — воскликнул Арман. — Об опасности раскрытия ты ничего не говорил, Рорик.

— Раньше надо найти, потом раскрывать... Раскрытие — вторая задача.

— Она еще трудней? — спросил Рой.

— Опасней. Имеется ротоновый ключ, Рой. Излучатель ротонов, которые снимают экранные поля.

— Ты умеешь пользоваться ротоновым излучателем?

— Умею.

— Так в чем тогда дело? Пустяки в ход излучатель, когда найдем Генриха.

— Не буду: опасно.

Арман хотел вмешаться, Рой взглядом остановил его. Арутюнян объяснил, что воздействие ротонов на силовой экран протекает бурно. Малейшая неточность при манипуляции излучателем может привести к гибели экранированного. Арутюнян недостаточно уверен в своих нервах, чтобы пустить в ход излучатель.

Рой усмехнулся:

— Понимаю тебя. У меня нервы крепкие. И погибнет мой брат, если я не приду ему на помощь. Где ротоновый излучатель?

— Пойдем, я выдам его тебе и научу, как им пользоваться.

Ротоновый излучатель походил на кинжал в ножнах.

Рой прикрепил излучатель к поясу и возвратился к карте Столицы. Арутюнян занял свое место за пультом. Арман с досадой сказал, что почти вся Столица проверена, но Генрих не обнаружен.

Рой задумчиво глядел на карту. Поиск был методичен, но сух. В нем чувствовалась система, но отсутствовала догадка. Работа как работа — без вдохновения...

— Рорик, у Генриха были любимые места для прогулок, — сказал Рой. — В частности, восточные секторы Второго Кольцевого бульвара. Что, если заняться ими?

Арутюнян молча кивнул головой и перевел поиск на бульвары, оставляя обширные неизученные районы рядом с проверенными.

Вскоре он сказал, что в пятнадцатом секторе обнаружена небольшая гравитационная пустота. Полная оптическая прозрачность, такая же проницаемость для тепловых, магнитных и электрических импульсов, но явный островок вакуума в атмосфере.

— Не радуйтесь преждевременно, — остановил он поспешно схватившего поисковик Армана. — Я уже десятки раз обнаруживал похожие пустоты, а после они оказывались баллонами или механизмами с хорошо поглощающей черной поверхностью и разреженным газом внутри.

Через минуту он объявил, что по одной из полянок бульвара медленно передвигается материальный объект — невидимый, не испускающий тепловых лучей, прозрачный для частиц и волн, но несомненно образующий небольшой воздушный провал — в объеме человека в автономной одежде.

— Похоже, что это он, — сказал Арутюнян. — Наденьте обычные защитные костюмы. Я буду дистанционно подстраховывать вас. Перевожу все механизмы на инструментальную облаву. Если он попытается скрыться, ему это уже не удастся.

Арман проворно влез в защитный костюм, схватил поисковик и бросился наружу, где уже ждала авиетка. Рой послал вызов Араки и поспешил за Арманом. Дождь, начавшийся точно в объявленное время, хлестал упругими струями. Арман, влезая в авиетку, посоветовал Рою послать в метеоцентр просьбу отогнать от города тучи: ради чрезвычайного случая можно изменить график погоды. Рой покачал головой — пусть уж ливень льет, раз запланирован. Арман исчез в серой пелене дождя. Рой мчался за Арманом, не видя его. Авиетка Армана приземлилась на круглой поляне, окаймленной высокими пирамидальными тополями, рядом села авиетка Роя. Рой осмотрелся. Он хорошо знал это место — Полянка Роз, так он и Генрих называли это место, здесь они часто отдыхали. Арман крикнул, проведя поисковиком вдоль потерявших листья голых кустов:

— Он тут! — и кинулся к скамейке с другой стороны фонтана.

Скамейка была пуста, дождь шумно низвергался на нее, в изгибе сиденья виднелась лужица воды, на поверхности ее вскипали пузыри. Поисковик свидетельствовал, что пустота таит в себе невидимую материальную массу. Арутюнян по мыслепроводу предупредил, что Арман и Рой вышли на искомую точку, надо быть осторожней — они не видят Генриха, но он видит их. И если он рванется в сторону, удар при столкновении будет тяжек.

— Какое совершенное экранирование! Подлинное привидение! — сказал Арман, бледнея. — Рой, он не движется. Он потерял сознание, Рой!

Рой сделал знак Арману стоять на месте и осторожно приблизился. Минуты две он молча всматривался в струи, текущие по спинке, в пузырящуюся воду на сиденье. Генрих был здесь — и его не было. Его надо было раскрывать вслепую. Рой оглянулся на Армана.

Неподалеку приземлилась авиетка, из нее вылез Араки. Рой и ему жестом велел держаться поодаль.

— Сдвигаю к вам все защитные поля, — донесся до Роя спокойный голос Арутюняна. — Но будь осторожен, Рой, будь предельно осторожен!

Рой сделал еще шаг вперед. Снова и снова он водил поисковиком по скамейке, всматривался в контуры, которые тот рисовал в пустом воздухе. Еще никогда он так не напрягал зрение. И хотя и для Армана, и для Араки, наблюдавших за его действиями, скамейка оставалась пустой, Рой все отчетливее видел на ней согнутую, потерявшую человеческие очертания фигуру — замысловатый кокон, схоронивший в себе человека. С каждым новым движением поисковика невидимая фигура делалась определенной, отпечатывалась в памяти отчетливее. Она оставалась невидимой, но Рой ее видел. Он должен был видеть ее — и во всех деталях, — иначе могла произойти ошибка. Ошибка была бы непоправимой.

И когда, вынув из ножен ротонный излучатель, он направил его на пустоту, где со всей отчетливостью мысленно вообразил себе бесформенную фигуру, он знал, что ошибки не будет и что вырвавшаяся узкая — острием кинжала — струя ротоннов ударит именно в тот узел экранного костюма, который, по объяснению Арутюняна, является замком конструкции.

Упругий толчок отшвырнул Роя к фонтану. Скамейка, прочно врытая в грунт шестью ножками, взлетела вверх и стала рассыпаться в воздухе, словно раздираемая могучими руками. Рой схватился рукой за барьер и крикнул в передатчик, чтобы Арутюнян еще теснее сдвинул внешние защитные поля. Арман, бросившийся было на помощь Рою, попал в извивы схлестнувшихся невидимых сил и, пронзительно закричав от боли, упал на землю.

Схватка столкнувшихся полей переместилась с полянки в аллею, в воздух взвивались вырванные с корнем кусты, стал рушиться столетний пирамидальный тополь, за ним другой — стволы и кроны еще при падении разрывало на ветки, листья и щепки. Дождь, с прежней интенсивностью секший землю, вдруг стал косым, силовые поля отбрасывали струи в сторону, швыряли вверх. В парке бушевал удивительный ураган, беззвучный и яростный, — буря противоборствующих полей. Арман, вскочив, хотел снова броситься в самый их центр, но Рой задержал его.

— Наша защита может отказаться. Рорик справится теперь и без нас.

Безмолвный ураган, только что рушивший деревья, стал превращаться в обыкновенный ветер. Кроны тополей заметались, ветви засвистели, на земле зашелестел переметаемый гравий.

Потом все затихло, один дождь монотонно гремел. На дорожке у выхода в аллею медленно обрисовывался — из силуэта в тень, из тени в тело — человек. Все трое разом кинулись к нему.

Генрих был страшно бледен, не шевелился. Рой приподнял его, Арман торопливо обнажил грудь. Араки приложил к коже присоску инъекционного аппарата. Минуты две все трое молчали, ожидая действия лекарства. Щеки Генриха постепенно порозовели, он вздохнул, медленно раскрыл глаза, обвел взглядом Араки, Армана, Роя.

— Вы нашли меня? — прошептал он с удивлением. — Разве экранизация отказала?

— Не отказала, но преодолена, — ответил Рой. — Сейчас мы полетим домой, Генрих.

Генрих оттолкнул руки Армана и Араки, сел.

— Рой, — сказал он, — ты мне никогда не лгал. Кто я?

— Тот же, кем был всегда, — ответил Рой. — Ну, может, немного поглупел от сонных наваждений. Я не лгу, Генрих. Все в порядке!

*1970 год,
Калининград*

ТРИДЦАТЬ ДВА ОБЛИЧЬЯ ПРОФЕССОРА КРЕНА

Памфлет-фантазія

К начальнику полиции вошел следователь. Начальник, энергичный старичок с провалившимися щеками и злыми глазками, недовольно повернулся к нему. Тот походил скорее на тренера команды тяжелолюбителей, чем на юриста. Начальнику не нравилась в помощнике слишком оптимистическая внешность и доверие к людям. За три года работы в полиции этот самодовольный боров довел до смертного приговора всего четверых и не добился для других своих подопечных полных ста лет тюремного заключения. Начальник не одобрял методов следователя. Тяжелый кулак был веским аргументом не всегда. «Вину из обвиняемого лучше не выдавливать, а выдалбливать, — говорил начальник. — А невинные если и существуют, то лишь в ближайшем окружении господ бога, да и то потому, что туда не добраться». Начальник не позволял себе чертыхаться, но господ бога вспоминал с благоговением часто.

— Я вас не звал, Симкинс, — заметил начальник.

— Совершенно точно, господин полковник, — ответил следователь, кланяясь. — Я, с вашего разрешения, в связи с загадочным вопросом профессора Крена...

— Вы олух, Симкинс, — почти вежливо сказал худой начальник. — Никаких загадочных вопросов в деле Крена не существует. Как этот прохвост Крен?

— Бредит. Третий день не приходит в себя. Врачи ни за что не ручаются.

— Никто бы не дал врачам медной монеты, если бы они за что-нибудь поручились. Врач в самом простом случае должен сомнительно качать головой — этим он повышает себе цену. Зато я поручусь, что меньше двадцати пяти пропойца Крен не отхватит. Если, конечно, вы не испортите заварившуюся кашу своим всепрощением.

— Постараюсь, господин полковник. Сделаю все возможное. Между прочим, Крен не пьет. Никогда не пил!

— Вы оглохли, Симкинс? В сотый раз спрашиваю, что вам надо?

— Если позволите... Обгоревший дневник Крена восстановлен почти полностью, много интересного... В парламенте выступал Поппер, я отчеркнул в газете важнейшие места.

— Давайте Поппера! Так, так. Ага, вот: “Я лично осматривал эти великолепные заводы, — произнес оратор в своей речи, — и убежден, что с божьей помощью и дополнительными капиталовложениями их можно переоборудовать для выпуска военной продукции. Что же до мошеннических проектов нынешних акционеров, то от них приходится отказаться как от беспардонного блефа”.

Начальник поднял голову и осмотрел своего помощника с головы до ног.

— Вы слишком плотно ужинаете, Симкинс. К сорока годам у вас будет свыше ста килограммов. Жир вреден, ибо развивает добродушие. У хорошего человека злость сидит в костях, а не в жире. Сколько их было, этих искусственников? Тридцать два, вы сказали?

— Сорок восемь. Крен говорит о тридцати двух потому, что они ему всех ближе. Но всего их было сорок восемь. Ни один пока не пойман.

— Оставьте дневник и можете идти.

Когда следователь осторожно закрыл за собой дверь, начальник пододвинул обгоревшую тетрадь. От первых страниц ничего не осталось, многое отсутствовало и на следующих, но середина и конец составляли почти связный текст. Начальник читал с интересом, временами качал головой и — не то удивленно, не то восхищенно — бормотал про себя: “Прохвост же! Ну и прохвост! Двадцать пять — и ни года меньше!”

“...потрясенный. Я стремился лишь к этому восемь мучительно трудных лет — нет, я не мог поверить! Это было слишком хорошо, невысказанно хорошо! Я заметался по комнате, чуть не плакал; думаю, взгляни кто со стороны, решил бы, что я сошел с ума,— так я был рад! Потом я сказал: возьми себя в руки, он настал, наконец, час твоего торжества — весь мир вскоре падет к твоим ногам! Я прикрикнул на себя: и на меньшее, чем мир, не соглашайся, руки у тебя достаточно сильны, чтобы поиграть этим шариком; нет, говорю тебе, нет, ты не напрасно потрудился, человечество отметит тебя среди величайших благодетелей! После этого я приблизился к аппарату. Колени у меня дрожали. Шарик жил, пульсировал, расчле...

...пошел на убыль: четыре дня реального существования после восьми лет горячечных мечтаний и математических расчетов! Здесь важен факт — мне удалось материализовать мысли, остальное — детали; детали можно переделывать и дорабатывать. Я почувствовал усталость: четверо суток без сна — даже для меня это многовато. Я в последний раз полюбовался рассывающимся в растворе комочком. Я знал, что, когда проснусь, комочка не будет. Он был — лишь это имело значение! Я повалился на диван...

...Черт! — сказал он. — Счет электрической компании за этот месяц чудовищный! Вы не жуете эти проклятые киловатты, профессор Крен?

— Не понимаю, чего вы хотите, доктор Паркер? — сказал я, сжимая под столом руки. Я не хотел, чтобы он заметил, что я волнуюсь.

— Отлично понимаете! То, что легко разрешают себе частные компании, нам недоступно. Налогоплательщики раскошеливаются на полицию, а не на науку.

— Вычтите из моего жалования за лекции. Хоть за три года вперед!

Он фыркнул. У него была рожа самодовольной жабы. Он растянул до ушей синеватые губы. В его выпуклых глазах мерцали зеленые огоньки. Я его ненавидел.

— Вы нахал, Крен! Может, вы припомните, видали вы в последнем семестре кого-нибудь из своих студентов?

Я молчал. В эту зиму я не прочитал ни одной лекции. Я ссылался на нездоровье, на неполадки с аппаратами, находил тысячи других причин, чтобы не появляться в аудитории. Меня корчило от мысли, что придется забросить эксперименты хоть на час. Изредка встречая студентов во дворе колледжа, я отворачивался и торопился пройти мимо.

— Вы израсходовали свое жалование за десять лет вперед, — продолжал Паркер. — Два таких профессора, как вы, выпустят в трубу любой университет...

...миллиарды лет! Я содрогнулся, представив себе безмерный однообразный бег столетий, начавшийся с момента, как первый комочек протоплазмы стал развиваться в мыслящую субстанцию. Продолжительность человеческой жизни рядом с продолжительностью процесса, создавшего ее, — песчинка у подно-

жия Монблана! Что сложнее? Быть готовой песчинкой или нагромоздить гору, порождающую песчинку? Я задал себе этот вопрос и ужаснулся — ответ был иной, чем я ожидал.

Ровно три миллиарда лет понадобилось природе, чтобы даровать женщине умение за девять месяцев породить новую жизнь. Труд женщины и природы несоизмерим. “Монблан и песчинка!” — твердил я себе, шагая по лаборатории из угла в угол.

Да, конечно, я совершил открытие. Я нашел способ миллиарды лет, потраченные природой, сжать в недели и дни. Я уверен: мне поставят памятники во всех городах мира, каждое слово, набросанное мной на листке, будут изучать под микроскопом. “Он был в волнении, когда писал эту букву “а”, в ней чувствуется нервозность”, — скажут знаменитые историки. “Нет, — пойдут доказывать другие, — буква “а” спокойна, но взгляните на “б”! Мы берем на себя смелость утверждать, что в момент, когда Крен чертил эту букву, его полоснула ослепительная идея, может, та величайшая его мысль — об искусственно созданном усовершенствованном человеке. Макушка буквы “б” набросана с гениальной свободой и широтой!” Все это будет, не сомневаюсь.

Ничего этого не будет! Рожденное мной детище беспомощно. Я — мать, вышедшая из больницы одинокой во враждебный мир. Я сижу на камне с ребенком в руках, у меня нет денег, нет еды, льет дождь. Ребенок корчится и тихо плачет. Что мне делать? Нет, что же мне...

— ...Мак-Клой! — сказал он, пожимая руку. — Я представлял вас другим. Мне думалось, что вы черный, как паровозная труба. У вас вполне приемлемое лицо, док, уверяю вас.

— И мускулы боксера! — пискнул второй, очень маленький и юркий, с мышинным личиком, желтозубый и редковолосый. Он хихикнул и поправил галстук-бабочку. Рука его была покрыта красноватой шерстью. — Я — О’Брайен. Вы не выступали на ринге, профессор? Я хорошо помню, как некий Рудольф Крен нокаутировал любимца публики Джойса во втором раунде. Судья сделал все, что мог, но что он мог сделать, если Джойс пришел в себя лишь на другой день? Нет, вспоминаю, того парня звали Карпер. Он вам не родственник?

— Садитесь, Крен! — проговорил третий. Этот не протянул руки, лишь указал на кресло. Мне показалось, что он у них

главный. Он был худ и угрюм. Я еще не видал таких колючих глаз: он ударял ими, как гвоздями. Кстати, они были цвета гвоздей. — Моя фамилия Гопкинс. Я читал ваш меморандум. Вам не кажется, что это может плохо кончиться?

Я сразу понял, что с ними нельзя быть искренним.

И великан Мак-Клой, и карлик О'Брайен, и железный сухарь Гопкинс были одинаково мне чужды. Их возмутила бы, если не рассмешила, великая страсть, поддерживающая меня восемь тяжелых лет. Высокие мотивы моей работы могли им показаться лишь подозрительными, результаты ее — ниспровержением основ. Я внутренне съежился, когда Гопкинс кольнул меня страшными глазами, и еле удержался, чтобы не убежать. Я крикнул на себя в душе: "Помни, это твой последний шанс! Ты, кажется, считаешь их скверными людьми? Тебе остается приподлиться к уровню их подлости — проделай это с достоинством!"

Я сел в кресло и закинул ногу за ногу.

— Скажите, джентльмены, — промямлил я, — кто из вас Эдельвейс, а кто — братья?

Мак-Клой и О'Брайен разом ответили:

— Эдельвейс — это я.

Гопкинс хмуро добавил:

— А братья — я. Почему вас это интересует?

— Как бы вам объяснить? М-м!.. Я предпочитаю иметь дело с солидными людьми. Фирма "Эдельвейс и братья", конечно, всемирно... Короче, я не желал бы, чтобы мое открытие попало в недружественные руки.

Я значительно сжал губы и холодно посмотрел на них. Мак-Клой ударил кулаком по столу и захохотал.

— Вот мошенник! Он подозревает, что мы левые. Признайтесь, док, такого проходимца, как вы, еще не существовало со времен потопа! Как по-вашему, ребята, он сукин сын?

— Очень, очень стоящий человек! — прохихикал О'Брайен, излучив морщинками серое личико. — Говорю вам, он не хуже своего родственника Карпера смог бы нокаутировать великого Джойса. Думаю, мы сработаемся.

— Я могу удовлетворить ваше любопытство, — проговорил ледяным тоном Гопкинс. — Старый дурак Эдельвейс закончил свою грешную жизнь в ночлежном доме. Не думайте, что мы что-либо имеем против него: он был волк как волк, пожалуй даже зубастей других. Состояние его поделили Мак-Клой и

О'Брайен. Что до братьев, то Джим повесился на сорок четвертой минуте биржевой паники 28 сентября 1995 года, а Джек пустил себе пулю в лоб часом позже. Их акции достались мне. Мы решили не менять название нашей заслуженной фирмы.

— Отлично! — объявил я, закуривая сигарету. — Можете держать себя свободно. Вижу, что не ошибся, считая вас серьезными дельцами. Нам остается договориться о пустяках — сколько миллиардов вы вложите в наше...

— Четыре миллиона киловатт? — ужаснулся Мак-Клой. — В жизни не слыхал большей чепухи! Вы послушайте его, ребята! Он требует миллионов киловатт на обслуживание одного автомата.

— И химического завода площадью в две тысячи гектаров, — добавил я. — Не забывайте, что мой аппарат займется производством людей.

Мак-Клой энергично выругался.

— Я тоже занимался производством людей — и не без успеха, поверьте: две черноглазые дочери и четыре голубоглазых сына — вот мое сальдо за девятнадцать лет супружеской жизни. Но мне не понадобилась для этого постель в две тысячи гектаров. И потребности в электроэнергии я не ощущал, скорее — наоборот: ни разу не забывал выключить лампочку!

Я со скукой пожал плечами.

— Не собираюсь подвергать сомнению качество ваших детей. Но между вашими и моими, машинными, есть разница. Я буду выпускать людей в массовом масштабе, на конвейере, и притом с заранее заданными свойствами. Надеюсь, вы не собираетесь оспаривать, что ваше крохотное семейное производство не больше чем работа вслепую. Вы заранее не знаете даже, кто получится, мальчик или девочка, не говоря уж о таких важнейших элементах, как цвет волос и глаз, влечения и рост, приспособленность к жизни, политические взгляды и прочее. Средневековая кустарщина, Мак-Клой, просто не понимаю, как в наш век поточного машинного производства вы, признанный мастер современной индустрии, осмеливаетесь хвастаться жалкой ручной работой. И вообще, я обращаю ваше внимание, джентльмены, на то, что мои машинные создания представляют собой материализованную мысль, получившую на заводе человекоподобное оформление. В наш век материалистического безбожия это тоже кое-чего стоит.

— Стоит! Стоит! — любовно поскрипывал О'Брайен, не отрывая от меня восхищенных глаз. От него исходил сладковатый запах восторга. — Это кощунство, Мак-Клой, сравнивать своих неудачных личных деток с конвейерными созданиями нашей компании. Даже Джон, самый сильный из ваших сыновей, не простоял бы и двух раундов против Джойса. Что до меня, то я требую, чтобы профессор Крен придал человекоподобным свое личное подобие. Вы меня понимаете, Гопкинс? А вы, Мак-Клой? Хи-хи-хе! По десяти в ряд Крены шагают из ворот завода — один к одному красавцы и силачи. Огромная колонна, не иссякающая ни днем ни ночью, — и все на ринг, на ринг! Вот это будет зрелище, говорю вам! Такого кулачного боя человечество не видывало.

Я посмотрел на Гопкинса. Решение зависело от него. Гопкинс уперся гвоздями глаз в стол.

Мне показалось, что дерево прогибается под его взглядом: Гопкинс передвигал мысли с усилием, как рычаги. Если бы у меня нашелся радиоскоп, я различил бы в его голове скрип приближающихся и отодвигаемых мыслей. Наконец Гопкинс заговорил:

— Предложение заманчивое, конечно. Но откуда взять такую уйму денег? Мы трое со всеми потрохами не стоим и половины того, что вы запросили для одного себя.

О'Брайен вскочил и, махая ручонками, быстро заверещал:

— Не так, Гопкинс! Как вы все близоруки, джентльмены! Выпустим две тонны акций, пусть их раскупают рабочие нашей компании — вот вам и денежки!

— Нет, тут требуется что-нибудь посолиднее. Я вижу лишь одну возможность — военное министерство.

— Военное?.. — пискнул О'Брайен. — А ведь в самом деле, Гопкинс, великолепная мысль!

— Сногшибательно! — загрохотал Мак-Клой. — Такого проныры, как вы, Гопкинс, мир не видывал! Я настаиваю, чтобы док в своих человекоподобных оподобил вас.

— Поручите это дело мне, — сказал Гопкинс, вставая. — Я имею в виду переговоры с военными. Их, конечно, заинтересует конвейерная армия солдат с заранее заданными свойствами. Сейчас я из своего кабинета кое с кем потолкую в столице.

Пока Гопкинс вызывал столицу, мы мирно покуривали. Я старался не показывать волнения тем двум. Я непрерывно волну-

юсь с того дня, как понял, что у меня нет иного выхода, кроме как завязать опасную игру с этими двуногими.

Пока я сидел у них на спине — а не в пасти, это было уже хорошо. Я усмехнулся, вспомнив, как они запротестовали, когда я объявил, что меньше, чем на половине доходов, не примирюсь. Мак-Клой подскочил до потолка: “Вы бандит, док, зачем вам такая прорва денег?” Я отрезал: “Собираюсь скупить фирму “Эдельвейс и братья”. Я отвлек их от существа проблемы. Только так и надо с ними держаться. Пусть они займутся вырыванием денег у меня из глотки, у них не останется времени совать носы в технологию. Я буду проводить эту линию неукоснительно — заставлю их с боем добиваться того, что мне абсолютно не нужно.

Я гордился своим коварством — с такими людьми иначе нельзя.

— Долго же он там! — пропищал О'Брайен. — Поверьте, я никогда так не волновался.

— Дышите глубже и разводите руками в такт вдоха, — строго сказал я. — Приседайте, когда одолевает волнение.

— Вы невероятный человек, Крен! — сказал он восторженно. — В жизни не встречал такой выдержки! Неужели вас не тревожит...

— Меня тревожит одно: успеем ли мы сегодня оформить финансовое соглашение? Драгоценные минуты тратятся на телефонную болтовню, в то время как мы могли...

Мак-Клой поспешил успокоить меня:

— Сейчас мы позовем Пьера Роуба, и он так быстро приведет вас в форму, что вы и ахнуть не успеете. В мире еще не существовало мерзавцев, равных Роубу.

— Пьером мы гордимся, — подтвердил О'Брайен. — Ни одна из конкурирующих фирм пока не сумела обзавестись таким сотрудником.

— Роуб — ваш адвокат?

— Нет, Роуб наш доносчик. Главный клеветник нашей фирмы.

Я понятия не имел, что подобные должности введены официально. Мак-Клой поглядел на меня и захохотал. О'Брайен тоненько дребезжал.

Я все же овладел собой.

— Люблю специалистов своего дела, — сказал я. — Так вы утверждаете, этот Роуб?..

— Да, утверждаю! — радостно закричал Мак-Клой. — Вы будете целовать его руки, док, когда узнаете старину Пьера поближе. Он и на вас напишет поклеп, не сомневайтесь. У этого человека фантастические способности. Покажите ему молча язык, и он докажет, что вы собираетесь взорвать Дом правительства. Достаточно поглядеть на Роуба, чтобы коленки у вас затряслись и мучительно захотелось признаться в чем-нибудь страшном. Сейчас вы это испытаете! — Он снял трубку телефона и распорядился: — Роуба — поскорее!

— Роуба мы нашли не сразу, — продолжал О'Брайен. — Когда мы прибрали к рукам наследие папаши Эдельвейса, встал вопрос: кого из сотрудников приставят... вы понимаете, Крен? И вот тут мы услышали, что некоего Роуба прогоняют с десятого места за доносы и полную неспособность к чему-либо иному. “Стоп! — сказал Гопкинс. — Уверен, что это нужный нам парень!” Ровно через неделю после появления у нас Роуб донес куда следует, что мы продались врагам нашего государства и расширяем производство, чтобы неизбежная в последующем безработица стала безысходней. С этой минуты участь Пьера Роуба была решена. Мы удвоили ему жалование и приблизили к себе. В мире теперь нет сил, которые принудили бы нас расстаться с Пьером.

— А не благоразумней ли наоборот — прогнать Роуба ко всем?..

О'Брайен ужаснулся.

— Какая наивность, Крен! Это ведь свой доносчик. На него надо молиться как на святого!

— Что значит — свой? Он ведь доносит на вас!

— Ну и что? Кто-нибудь обязательно будет доносить, без этого нельзя. От каждой фирмы должно исходить установленное количество порочащей информации — таков закон. А так неудобно, если не знаешь, кто из твоих ребят и что именно доносит! Роуб же заменяет один целый полк информаторов. Из него изливается столь мощный поток порочащих сведений, что в других клеветниках больше нет нужды. Любимое его изречение о себе: “Роуб шерстью чувствует врага”. И в самом деле, когда он видит незнакомого, у него встают дыбом волосы.

— Можно подумать, что вы описываете работу кибернетической машины! — заметил я.

— А что вы думаете? — загремел Мак-Клой. — Наука навета нуждается в автоматизации. Я узнал, что Министерство

дознаний недавно заказало двенадцать электронных мозгов повышенной скорости — каждый для обработки пяти миллионов доносков в час! Масштаб, не правда ли, док?

В комнату, раздувая ноздри широкого, как мастерок, носа, вошел Роуб. Я собирался возражать Мак-Клою, но запнулся, ошеломленный. Роуб бросил настороженный взгляд в пустой угол комнаты, поглядел налево и лишь потом обернулся ко мне. Я впоследствии узнал, что его волнует пустота. “То, чего нет, подозрительней того, что есть” — эту мысль я слышал от него не раз. Но в тот момент меня поразила не философия Роуба, а его облик.

В его морщинистом лице, сработанном из синеватого воска, не было ничего живого. Он уперся мутными, как холодец, гляделками и зашевелил оттопыренными ушами. Больше всего он напоминал огромную взъерошенную летучую мышь. Но это впечатление исчезало, когда он раскрывал рот. Он не говорил, а блеял. К тому же он так торопливо выбрасывал из себя слова, что они, сшибаясь, создавали невразумительный гул.

— Я вас слушаю, джентльмены! — быстро-быстро заблеял он. — Я готов к услугам, джентльмены, понимаете, такая штука.

— Поглядите на посетителя, Роуб, — приказал Мак-Клой. — Что вы открываете в его лице?

Роуб так жадно впился в меня, словно хотел сожрать живьем.

— Ничего сногсшибательного! Десять процентов невразумительного, сорок процентов инфантильности, остальное — нормальная тупость пополам с пижонством, понимаете, такая... Стандартное лицо. В последнее время за такие лица уже не арестовывают.

Мак-Клой шумно ликовал:

— Нет, каково, док? С одного взгляда понял, что вы гениальны. Слушайте, Роуб, вас нужно четвертовать.

— Стараюсь, шеф! — Роуб поклонился. — Вы преувеличиваете мои скромные способности, такая штука.

— Роуб, — запищал О'Брайен, — заготовьте проект соглашения о вступлении профессора Крена в совет директоров компании “Эдельвейс и братья”. Он будет одним из братьев.

— Оговорить долю участия, джентльмены?

Мак-Клой и О'Брайен быстро сказали одинаковыми голосами:

— Долю участия пока не оговаривайте!

Появившийся в дверях Гопкинс знаком приказал Роубу убираться. На сером лице Гопкинса подрагивало что-то отдаленно напоминающее улыбку, глаза посветлели. Он торжественно положил ноги на стол.

— Все в порядке, ребята! Парни из Военного министерства страшно заинтересовались нашими живыми игрушками. В расходах рекомендуется не жаться и времени зря не терять. Теперь о сути. Ваши претензии, профессор, больше чем неисполнимы — они недопустимы. Наши окончательные условия: вы входите в компанию на правах некоторой части старика Эдельвейса и получаете...

...совершенной автоматике. Тысяча двести сорок чанов, каждый размером с трехэтажный дом, обслуживаются одной кибернетической машиной. В чанах первичная зародышевая клеточка, произведенная Электронным Создателем, проходит все стадии эмбрионального роста, пока в конце химического конвейера белковое образование из нескольких молекул не превратится во взрослого живого человека. В последнем чане новосотворенный человек очищается от технологической грязи, посторонних белковых включений и заусениц, затем неторопливо двигается к выходу, бреется или завивается в парикмахерской и получает одежду, соответствующую классу технологической обработки. В одной из серий питательных чанов человекоподобное новообразование подвергается действию психических стимуляторов. Именно здесь наши искусственные люди приобретают все навыки, знания и стремления, необходимые для функционирования в обществе.

При полностью освоенном производственном процессе от записи генетической формулы до выхода из ворот завода искусственного парня с сигаретой во рту или кокетливой девушки с модной сумкой пройдет не более пятнадцати часов. Завод спроектирован из расчета, что в каждом чане находится не более одного изготавливаемого существа, то есть на производство одновременно тысячи двухсот сорока людей.

Грубо говоря, мы рассчитываем вырабатывать около полумиллиона людей в год. Возможно, однако, запустить в чан сразу двух существ. Природа показывает нам пример, временами радуя родителей близнецами и тройняшками. Если чаны перевести на выработку близнецов, то производительность завода

поднимется до миллиона человекоголов в год. Впрочем, я увлекся. Это уже дело инженеров с политиками, а не ученого.

На Электронном Создателе я должен остановиться подробней. Он составляет суть изобретения. Сказать о нем, что это искусственный мозг неслыханной мощности, — значит ничего о нем не сказать. Он, конечно, мозг, ибо может молниеносно разрешать задачи любой трудности. В этом свойстве он еще не отличается от любой другой логической машины. Создатель — творец зародышевых клеток. На вводе он перерабатывает полученную информацию в генетическую формулу заданного существа, подбирает нужную комбинацию нуклеиновых кислот и спаивает их в микроскопическую живую клеточку, готовую для развития в чанах. Природа для создания новой жизни не придумала ничего лучшего, чем непосредственное воздействие одной родительской клетки на другую. Мой Электронный Создатель не нуждается в телесном слиянии с партнером, не требует ласковых слов, страстных объяснений, нежных взглядов. Он ограничивается связью по радио. Все совершается в полном молчании: пакет электромагнитных волн — готово, ваша генетическая формула воспроизведена, начинается копирование родителей. Да, копирование, а не дележка свойств — от отца серые глаза, от матери остренький носик... Как часто отец, не находя ничего своего в ребенке, гневно обвиняет жену в измене. От детей, произведенный Электронным Создателем, не отречется ни один из отцов.

Зеркало, самооживляющееся появившееся в нем изображение, — вот что такое мой аппарат. И он будет копировать только лучшее: умниц и красавцев, гениев разума и доброты — вот его назначение! Люди, великолепные, как боги, — на меньшем я не помирюсь, нет!

Он возвышается надо мною. Он огромен, как небоскреб. В его недрах kloкочут миллионы киловатт — он в три раза мощнее всех остальных цехов завода, вместе взятых.

Моя лаборатория лишь щелка ввода в его электронное нутро. Высокая решетка справа от стола — замаскированный фильтр приема. И когда посетитель садится в кресло, я незаметно нажимаю кнопку...

— ...заболеете! Вам нужно перекусить перед сном. Вы вторые сутки почти не едите.

Я оттолкнул поднос с едой.

— Убирайтесь к дьяволу, Мартин! Я сегодня вкусно пообедал. Салат, кровавый бифштекс, сосиски... Великолепный обед! Вы мне мешаете, Мартин.

— Сосиски были вчера, а бифштекс вы ели на прошлой неделе, профессор. Вся ваша сегодняшняя еда — черный кофе из термоса.

— Ваше счастье, Мартин, что я вам не жена. Без кочерги в руках с вами невозможно разговаривать. Поставьте поднос на стол и исчезните.

Он примостил поднос на свободное от бумаг местечко и отошел в сторону. Я грозно посмотрел на него.

— Вы оглохли, Мартин? Я сказал — исчезните!

— Будет исполнено. Вам нужно раньше освободить поднос.

Я понял, что споры с ним займут больше времени, чем еда. Этот человек упрям, как столб. Из двух зол я всегда выбираю меньшее. Если мне не удастся сразу прогнать Мартина, я делаю то, на чем он настаивает. Я мог бы уволить Мартина за непослушание, но новые слуги вряд ли будут лучше. Мне со слугами не везет. Те, до Мартина, тоже ни во что меня не ставили. У него к тому же есть неоценимые достоинства — он немолод, одинок, искренне считает меня научным гением и видит свое счастье в обережении меня от всего, что может помешать моей работе. Правда, дальше хозяйственных дел его забота не идет.

— Пирожки необыкновенно сочные, а бутерброды выше всех похвал, — сказал я, заканчивая еду. — Я, кажется, и вправду проголодался. Теперь вы исполните мою просьбу, дорогой Мартин, и удалитесь?

— Непременно, профессор. В час ночи зайду, профессор.

— Зачем?

— Напомнить, что пора спать.

— Вы считаете меня ребенком, Мартин?

— Нет, профессор. Дети многое умеют делать без подсказки.

Я видел, что и на этот раз его переспорить не удастся.

— Позвоните по телефону, Мартин. Я лягу сейчас же, как вы напомните, что пришло время.

Он с сомнением посмотрел на меня. Просто удивительно, как он не верит в мою самостоятельность.

— Хорошо, — сказал он. — Я позвоню.

Это прозвучало угрожающе. Не обычное вежливое: “Слушаюсь!”, а что-то вроде: “Ладно, ладно. Не думайте, что

это у вас пройдет гладко!” Мне сегодня предстояли слишком важные дела, чтобы завязывать спор из-за пустяков.

Когда Мартин убрался, я опять включил телевизор конвейерной линии. Фигурка уже не походила на зародыш, это было вполне человекоподобное существо. Оно бултыхалось в семьсот тринадцатом чане в почти непрозрачной белковой массе, и я плохо различал его — что-то с головой, четырьмя конечностями, плотненьким туловищем. В чане бурлил питательный раствор, и человечек то забавно взмывал вверх, отбрасывая конечности, как крылья, то, складывая их, скользил вниз. Я долго любовался моим созданием. У меня сладко щемило сердце. Человечек был больше чем мой ребенок. Он был — я сам.

Я погасил экран и снова, снова, в бесконечный раз вспоминал, как мне явилась прекрасная мысль воспроизвести себя, удвоить себя в энергичном молодом существе.

Это буду я — со всеми моими знаниями и способностями, со всем моим жизненным опытом, но без груза моих сорока восьми лет; я — нынешний, но двадцатилетний, юный и умудренный, с порывистой душой и рассудительным разумом; я — вмещающий в себе все преимущества молодости и все достижения старости. У меня дрожали руки, когда я набирал нужный шифр.

На экране главного телевизора вспыхнуло светлое пятно — три миллиона киловатт, собранные в пронзительные электронные пучки, просвечивали самые темные уголки моего мозга, жадно усиливали его излучение. А затем пятно погасло, и его сменили пляшущие черточки и точки — я был записан, шла выборка из бездны данных того, что необходимо для моей генетической формулы. Черточки и точки на экране загорались и тускнели, то замирали, то вновь начинали метаться. Мне показалось, что я рассматриваю картину известного художника под названием не то “Улыбка любимой”, не то “Взрыв в угольной шахте” — хаос световых вспышек, можешь думать о них что угодно, они все равно ни на что не походят. Но я знал, что это я сам — математический шифр моего тела и моей души: генетическая формула того существа, какое называется, всего двумя словами, “профессор Крен” — ибо общество не способно постичь меня глубже этих двух слов. Оно, познавая меня, скользит по моей поверхности, а Электронный Создатель изучает и бесконечно усложненную мою суть, и примитивно простую внешнюю мою форму.

Это было три дня назад, всего три дня назад! Генетическая формула минут десять сияла на экране — черточки и стрелки, точки и тире, густо заполнившие весь экран. Электронный Создатель творил меня из ничего, создавал первую мою зародышевую клетку. Три дня минуло с того часа, всего три дня! Зародышевая клетка прошла за это время сотни реакционных чанов, две трети утробного конвейера — новый человек, мой двойник, собирается твердой ногой вступить в мир!

Я снова включил технологическую линию. Мой двойник барахтался в чане. При самом энергичном просвечивании нельзя было разобрать ничего, кроме неясного силуэта. Надо набраться терпения. Я ждал восемь лет, придется подождать еще часок! Я передал распоряжение двойнику — сейчас же по рождении явиться ко мне — и откинулся на спинку кресла. Я мечтал. Неторопливые, радужно сияющие мысли сменяли друг дружку в моем мозгу. Вероятно, я задремал.

Меня разбудил неуверенный стук в дверь. Я вздрогнул и поднял голову. Часы били полночь. Стук повторился, но по-странному — резкий, нетерпеливый, как бы захлебывающийся. Я вспомнил, что скоро придет мой двойник, и выругался. Посторонние могли испортить радость первого свидания с собой.

— Да! — крикнул я и добавил потише: — Черт бы вам сломал ногу!

На пороге появился мальчик лет двенадцати. Я с изумлением смотрел на него. Я его где-то встречал, но не мог припомнить где.

— Вам не мешало быть повежливее! — проворчал мальчик. — Вы откликнулись лишь на второй стук. Выкладывайте, чего вам надо, я тороплюсь.

— Вы ошибаетесь, я вас не звал, — сказал я.

— Я не из тех, кто ошибается, эти штучки вы бросьте! Гениальной меня еще не существовало человека. Отойдите, я посижу в вашем кресле.

Усевшись, мальчик закинул ножки на стол и опрокинул технологический телевизор. Я успел подхватить аппарат на лету. Мальчик даже не шевельнулся: телевизоры его не интересовали. Я определенно знал когда-то этого скверного мальчишку.

— Прежде всего я хочу услышать, кто вы такой? — проговорил я почти спокойно. — И на каком основании вы вторглись ко мне?

— Разуйте глаза, — посоветовал мальчишка. — Вы или слепы, или тупы, а вернее, и то, и другое. Я — вершина человеческих достижений и Монблан научной мысли. Каждое слово, написанное мной, фотографируют под микроскопом. Даже буквы в моих записных книжках сверхъестественны, так пишут мои биографы. Во всех городах мира мне поставлены памятники. Что вы так вытаращились на меня. Я этого не люблю!

Это была нечеловеческая схватка с собой, но я не дал вырваться наружу бешенству.

— Не знаю, что удержало меня от того, чтоб выпороть вас. Но если вы через минуту не вылетите в ту дверь, вам не поздоровится.

Он поспешно вскочил. Ужас исказил его наглое некрасивое лицо.

— Не смейте, я вас боюсь! — захныкал он. — Что вам от меня нужно? Вычтите мое жалование за лекции, хоть за три года вперед, но не трогайте. Я предпочитаю иметь дело с солидными людьми.

Я шел на него с распахнутыми руками, как на забившегося в угол зверька. Никого я так не ненавидел, как это дрянное существо. Он полетел на пол после первой же пощечины. Я добавил пинок ногой.

— Вставай и уходи! Нет, стой! Признавайся, не то вытрясу душу! — Я бешено мотал его из стороны в сторону. — Тебя подослал Роуб? Неужели этот идиот сумел так проникнуть!.. Будешь отвечать?

— Вы меня задушите! — пищал мальчишка. — Дайте глотнуть воздуха! Восемь лет я одиноко работаю над усовершенствованием людей, а люди меня ненавидят. Что я вам сделал плохого?

Я швырнул его на ковер. Мальчишка скорчился и тихо плакал. У меня тяжело стучало сердце. Я начал понимать, что попал в скверную историю.

— Я думал, настал час моего торжества! — по-стариковски причитал мальчик. — Мне так хотелось поиграть земным шариком, побросать его из руки в руку-у-у!

Я не отрывал от него глаз. Все сходилось в одну страшную точку. У меня оглушительно звенело в ушах.

— Прекрати плач! Я тебя больше и пальцем не трону, хоть ты заслуживаешь и не такой взбучки.

К нему моментально возвратился прежний вид. Он подбежал к столу и взгромоздился на него, сбросив на пол мои записи.

— Отлично, профессор! — сказал он. — Можете держать себя свободно. Дышите глубже и размахивайте руками в ритм вдоха. Вижу, что не ошибся, считая вас двуногой акулой. Пока я сижу у вас на спине, а не в пасти.

У меня оставался один шанс, только один шанс! Я в смятении зажмурился, лишь потом заговорил:

— Ты упомянул о восьми годах работы? По виду не скажешь, что ты изнурен. Мне кажется, тебе больше знакомы шалости, а не труд.

Он поглядел на меня с презрением.

— Я не собираюсь подвергать сомнению ваши интеллектуальные способности. Вряд ли существовал более тупой осел, чем вы. Даже слепая летучая мышь увидела бы, что я только что появился на свет.

— Из чана? — спросил я глухо.

— Откуда же еще?

— Зачем же ты говорил о годах работы?

— Без коварства с такими, как вы, нельзя. Вас интересуют пустяки. Сто лет я работал или ни единой минуты — какое это имеет значение?

Я так глубоко задумался, что не слышал телефонного звонка.

— Возьмите трубку, — сказал мальчик. — И пошлите к черту того, кто мешает нам разговаривать.

Это был Мартин.

— Час ночи, профессор. Напоминаю, что пора спать.

— Я уже сплю, — сказал я. — И уже вижу страшный сон, Мартин.

— Лучше видеть плохие сны, чем проводить ночи без сна, — заметил Мартин. Он любил изрекать максимы, почерпнутые из романов мисс Вудворт.

Я повернулся к мальчику. Надменно закинув крохотную голову, он смотрел на меня свысока. Это был, конечно, я — вот отчего он показался мне знакомым. Этот отвратительный уродец был собран из моих черт, нашпигован моими мыслями, озвучен моими словами. Я не мог его принять, это было слишком чудовищно!

— Скажете ли вы наконец, что вам нужно? — сварливо поинтересовался мальчик. — Я ведь уже объяснял, что спешу.

Я закурил сигару, мне надо было успокоиться.

— Вы оглохли, профессор?

— Нет, я хорошо слышу. Вы куда-то спешите. Я хотел бы знать, куда вы спешите?

На этот раз он, кажется, искренне удивился.

— Как — куда? Наружу! Если вы не глухой, то слышали, чего мне надо. Я поиграю земным шаром, потом брошу его себе под ноги. Надеюсь, он далеко не откатится. И я намерен любоваться своими памятниками. Вы имеете возражения?

— Только одно: сейчас ночь, а земной шар не везде освещен. Вам придется переночевать в нашей гостинице.

Он грозно нахмурился. Мне кажется, он колебался, не ударить ли меня ногой.

— Что за тон, профессор? Придется! Это мне, что ли, придется? Поняли вы наконец, с кем разговариваете?

Теперь я крепко держал себя в руках.

— Простите, я не хотел вас оскорблять. Я очень бы попросил вас соскочить со стола и пройти за мною...

— Я пойду впереди вас, — сказал он высокомерно. — Показывайте, куда идти.

Из лаборатории в гостиницу можно попасть по коридору. Гостиница — небольшая, на полсотни номеров — была роскошна. Обслуживание в ней вели автоматы: электронные швейцары охраняли здание, электронные горничные убирали, электронные официанты подавали еду и вина. Она предназначалась для наших гостей — акционеров, военных экспертов, членов парламента. Но мне больше некуда было девать мальчишку.

— Ваш номер — первый! — сказал я. — Три личных комнаты, ванная, гостиная на двадцать человек. Карточка занумерованных вин и блюд на столе, номер набирайте на клавиатуре.

— Здесь неплохо, — сказал мальчик, задирая голову. — До утра побыть можно. Этот ковер ручной работы? Не забудьте положить ключ на столик.

— Покойной ночи! — сказал я и поклонился.

Он повернулся ко мне спиной.

Я возвратился в лабораторию и в изнеможении упал в кресло.

Голова моя шла кругом. Я, кажется, заплакал.

Потом я сказал себе: слезами горю не поможешь, и заходил по лаборатории. Мне лучше думается, когда я хожу. В ту ночь я

не ходил, а бегал. За стеной мерно гудел Электронный Создатель, осуществлявший на холостом ходу самопроверку и регулировку. Это единственная в мире машина, не нуждающаяся в постороннем наладчике: она сама налаживает и исправляет себя. В бешенстве я пригрозил Создателю кулаком. Он налаживал себя, чтоб выдать злую карикатуру, исправлял для искажения. Все его миллионы киловатт работали на беспардонное, бесцеремонное вранье! Я топал ногами, обзывал его последними словами. Утомившись, я прилег на диван. Мне было до того плохо, что пришлось принимать лекарство.

— Ладно, — сказал я себе, глотая пилюли. — Ты откричался, пора и порассуждать. Он, конечно, искажил тебя. Но почему? Неверная запись генетической формулы или неправильная материализация формулы в зародыше? А может, что-нибудь третье?

Нет, третьего быть не могло. В реакторных чанах человеческий зародыш развивается, а не создается. Они не могут прибавить ему ни одной существенной черты, отсутствующей в зародышевой клетке, — простая столовая, удовлетворяющая потребность зародыша в пище. Конвейерная линия чанов к искажению моего образа отношения не имела. Карикатуру на меня сотворил Электронный Создатель. Он один отвечает за этого отвратительного мальчишку.

Мысль о неправильной материализации генетической формулы я тоже не мог принять. В конце концов, это техническая операция — подобрать по расчету нуклеиновые кислоты. Любой школяр, не задумываясь, подставит в алгебраическое выражение численные значения величин, это задача для начальных классов, а не для Электронного Создателя. Зародыш монтируется правильно, в этом нет сомнений.

Если бы Создатель совершал такие грубейшие ошибки, как неправильная сборка зародышевой клетки, то грош бы ему была цена, а заодно и мне.

Дело тоньше, дело гораздо тоньше!

Остается одно: генетическая формула записана с ошибками. Электронный Создатель не разобрался в моих мыслях, неправильно прочитал биотоки мозга, все дальнейшее было лишь развитием этого первоначального искажения.

Но что помешало произвести правильную запись? Почему он так обидно отобразил меня двенадцатилетним мальчишкой?

Не мог же Создатель прочесть в моем мозгу, что я карликового роста, — у меня метр семьдесят семь, откуда же взялись эти проклятые метр сорок?

И вообще — случайны ли эти искажения или закономерны?

Несовершенства первого воспроизводства человеческого образа — или природные свойства воспроизводящего аппарата?

Повторятся ли они в следующем акте творения моего двойника или бесследно исчезнут?

— Надо проверить, — сказал я себе. — Стань под облучатель — и через три дня ты узнаешь, таков ли твой новый двойник, как первый.

Я с содроганием отбросил эту мысль. Я заспорил с собой. А если ошибка Электронного Создателя повторится? Один такой мальчишка способен уложить меня в гроб, двоих я не вынесу! Нет, этот путь не для меня.

— Не дури! — сказал я себе. — Ты ученый. Ты должен со всем научным тщанием...

— Глупости! — крикнул я на себя. — Я прежде человек, а потом ученый. Если я еще раз увижу это мерзкое создание, я стану убийцей. Ты хочешь, чтобы я гонялся за ним с ножом в руках?

— Я хочу, чтобы ты успокоился, — возразил я себе, пожимая плечами. — Что за дурацкая манера — орать на самого себя! Пойми, у тебя нет никаких других возможностей проверки.

— Чепуха. Я вижу тысячи иных вариантов. Разве я не могу воспроизвести кого-нибудь другого, хотя бы того же Мартина или Пьера, и посмотреть, соответствует ли их образ оригиналу?

— Можешь, конечно, — согласился я с собой. — Но если Мартин будет воспроизведен точно, это не решит загадку, почему Электронный Создатель наврал, воспроизводя меня. Нет, дружок, нужно еще раз повторить на себе, а потом, найдя причину искажений, перемонтировать Создатель. У докторов принято новые лекарства испытывать на себе. Наука без жертв не движется, дорогой!

— Ненавижу жертвы! Слушай мой новый план. Создатель воспроизводил меня по моим мыслям о себе. Сотни людей тоже думают обо мне. Почему мне этим не воспользоваться? Я приглашаю знакомого человека, навожу его на мысль обо мне, а Создатель записывает.

— Пожалуй, можно и так. Решено: записываем первого, кто появится завтра в лаборатории.

Я рухнул на диван и, измученный разочарованиями этой ночи, быстро уснул.

Первым появился О'Брайен.

Восторженный карлик часто навещал меня.

Он хотел знать, как идет дело, обещавшее солидную жатву денег, и как себя чувствую я. Приходя, он совал свою рожицу в бумаги и книги, чертежи механизмов и образцы питательных сред из чанов. Дурно пахнущие коллоидные растворы восхищали его не меньше, чем гигантские размеры Электронного Создателя.

— Здравствуйте, Крен! — пропищал он, хватая своими лапками мою руку. — Всю ночь думал о вас. Это счастье для нашей фирмы, что вы живете на свете.

С О'Брайеном я церемонился еще меньше, чем с остальными директорами компании.

— В чем же ваше счастье, дорогой О'Брайен?

— Как в чем? Вы делаете нам золото, профессор. Чем вы заняты, Крен?

— Собираю схему. Не обращайтесь внимания, сидите спокойно. Думайте обо мне.

— Думать о вас, профессор, истинное наслаждение для каждого из нас!

— Поговорим о золоте, О'Брайен. Зачем оно вам нужно? Лучше одеваться, сытней питаться?

— Вы смеетесь, профессор. Пятнадцатый год я питаюсь одними сухарями. Увы, хорошая еда для меня — несбыточная мечта! Крен, а вы? Я имею в виду разные пикантные блюда — первое, второе, десерт... Хи-хи-хе, по глазам вижу, по глазам — вы лютый чревоугодник, Крен!

— Отпираться не буду — иногда обжираюсь. У вас много наследников, О'Брайен?

— Ни одного, дорогой Крен, ни одного. У меня не было времени ухаживать за женщинами. Я растил не наследников, а деньги.

— Для чего?

— Удивительный вопрос, Крен. Для денег! Деньги порождают деньги, других детей у них нет, разве вы не знали? Что вы крутите на столе?

— Сейчас окончу, и вы сможете побегать... то есть осмотреть аппаратуру лаборатории, дорогой О'Брайен. Продолжайте думать обо мне.

Вошел Мартин с подносом. Я молча показал на стол и на дверь. Он молча поставил поднос, но не ушел. Я молча топнул ногой. Он нерешительно поглядел на меня, на О'Брайена и, все так же не открывая рта, медленно направился к двери. Мартин знал, что, когда я вожусь с пусковой клавиатурой Электронного Создателя, со мной лучше не разговаривать.

— Не очень вежливый у вас слуга, — сказал О'Брайен, когда Мартин убрался к себе.

— Нахал. Если бы вы знали, что он иногда себе позволяет!

— Нокаутируйте его, — посоветовал О'Брайен. — Не понимаю, почему вам нужно сдерживать благородные порывы души? Ваш брат Карпер ни одной бы минуты не колебался. Карпер ведь приходится вам братом?

— Да, кажется. Или я ему, или он мне — точно не помню. Можете встать, О'Брайен.

На экране главного телевизора сияла моя генетическая формула — хаотическое переплетение стрелок, тире и пятен, линий и мазков, нечто вздыбленное и перепутанное, нечто похожее на развалины небоскреба после атомного взрыва. Это была та же формула, что я видел несколько дней назад, я ощущал их схожесть.

Вместе с тем, это была иная формула, я чувствовал: что-то в ней изменилось, я не знал лишь — что-то существенное или пустяки.

— Боже, как красиво! — пискнул О'Брайен. — У меня дома висит шедевр Джексона Поллока — очень, очень похоже. У вас даже лучше, Крен. Скажите, как вы это получаете?

— Почему вы не спрашиваете, что это означает? — поинтересовался я.

— Я не такой наивный, Крен. Это ничего не означает. Вернее, это означает как раз то, на что оно несколько не похоже. Должен вам сказать, что среди друзей меня считают знатоком современной живописи.

Я посмотрел на него, возможно, слишком внимательно. Другой человек счел бы такое разглядывание нахальным. Мне захотелось разобраться в характере карлика. Это было важно не только для понимания его самого, но еще больше для понима-

ния моего второго двойника, создаваемого сейчас Электронным Создателем, — О'Брайен, несомненно, видел во мне не то, что видел в себе я сам, второй двойник не мог повторить первого.

— Дышите глубже, О'Брайен! Не суетитесь, не размахивайте руками! — сказал я строго. — Сейчас я задам вам несколько трудных вопросов, а вы ответите на них честно и исчерпывающе. Протокола пока заполнять не будем.

— Вы титан, профессор! — пропищал он восторженно. — Я готов для вас на все. Вы подозреваете меня в уголовных преступлениях? Я и не догадывался, что вы еще и криминалист!

— Я философ, это гораздо опасней, чем криминалист. И подозреваю вас в философской извращенности. Обвинение грозное, я не отрицаю.

Впервые на его личике появилось что-то похожее на смущение. Он стал заикаться.

— Профессор, уверяю вас... Нет, я никогда... В общем, никаких половых извращений... Я не эротоман, можете мне поверить.

— Повторяю: речь идет о вечных загадках философии, а не о насущных проблемах эротомании. Итак, соберитесь с духом. Сложите ручки на коленях. Возвращаемся к зловещей тайне, которую уже мельком затрагивали. Итак, зачем вам деньги?

Он поглядел на меня с искренним удивлением.

— Как зачем? Я же ответил: деньги нужны для денег. Одна монета растит десять. Разве это непонятно?

— Темно, как в могиле. Глухой тропический лес в полночь. Для чего вам десять монет, если вы неспособны потратить и одну? У вас нет наследников, вы не поклонник женщин, желудок ваш не переносит изысканных блюд, вы не тратитесь на драгоценности, на наряды, на выезды, на слуг, на дворцы... Тысячи прекрасных вещей и дел есть на свете, к которым ваше отношение исчерпывается единственной короткой фразой — “не нужно”, даже еще сильнее — “не хочу!” Для чего же, черт подери, вам непрерывно, неустанно, непомерно разбухающее состояние?

Он слушал меня с таким напряжением, что у него отвисла нижняя губа. Видимо, я задел его больное место, у него внутри все заклокотало — в углах рта вдруг появилась припадочная пена, тусклые глазки засверкали. И отвечал он с жаром, какого я и ожидать не мог.

— Все правильно, профессор! Не нужно или не хочу! Воистину божественно точная формула, ваш могучий ум сразу проник в нее. Но и всей вашей несравненной проницательности не хватило, чтобы довершить эту формулу главной ее частью: могу! Не нужно, не хочу, но могу! Понимаете, профессор, — могу!

— Что вы можете? Что? Даже поесть нормального обеда...

— Все могу! Нет того, чего бы я не достиг и не получил, захотев истратить хоть часть своего состояния! Одной трети его хватит, чтобы стать президентом этой страны! Пятьдесят миллионов делегатам парламента, сто миллионов газетам, двести на избирательную кампанию — и готово, я президент. Могу, но не хочу. А вы можете? Сколько бы ни хотели, не сможете! Женщины, вы сказали, эротомания? Мне доступны любые красотки, у меня хватит золота, чтобы все они попадали передо мной на колени! Тысячи красавиц у моих ног, молоденькие, голенькие, расфуфыренные — все, все мои! Как часто я вижу, закрыв глаза, такую картину! Но не хочу, ни одной не хочу. Могу, но не нужно. А вы, профессор, можете ли вы получить любую женщину, на которую падет ваш взыскующий взгляд? Обеды, ужины, банкеты! Да понимаете ли вы, что я могу на главной площади столицы расставить сотни столов, а на каждый стол водрузить сотни изысканных блюд, сотни вкуснейших блюд, вдохновенная фантазия лучших поваров мира к моим услугам!.. Любая еда — любая может быть моей, я могу ее заказать и получить, но не хочу. А вы смогли бы, как бы сильно ни захотели? Вот что дают мне мои монеты, те самые, какие вы варите для меня в ваших чанах. Всевозможность, вседоступность, всемогущество!

Он впал в неистовство.

Он не говорил, а кричал.

Он прыгал на стуле от возбуждения. Я сделал попытку вылить на его огонь ведро ледяной воды.

— Что значит пустое слово “могу”? Реально вы не лезете в президенты, не завели ни одной любовницы, не устроили ни одного банкета, боитесь прикоснуться вилкой к куску мяса!

— Да, да, да! — закричал он в исступлении. — Никаких реальностей, ибо каждая реальность осуществляет лишь одну возможность, а мне подвластны они все, и я хочу их всех! Я упиваюсь сознанием, что я все могу, все, профессор! С меня этого достаточно. Я не хочу обкрадывать себя, не хочу обед-

няться, удовлетворяясь малой частью того, что мне доступно полностью.

— Обкрадывать себя? Обедняться? — Признаюсь, я растерялся от его ответа.

Он взирал на меня почти с презрением. От его недавнего преклонения передо мной ничего не осталось. Уверен, его возмущала моя тупость. Он не мог примириться с тем, что я мыслю по-иному, чем он.

— Профессор, меня удивляет ваше отношение... Неужели непонятно, что, взяв что-либо одно, я тем самым отказываюсь от всего остального! Разве, поев ростбифа, я стану тут же смотреть на бекон, на индейку, на черную икру, наконец? Почему мне отказываться от них ради ростбифа? И от ростбифа ради них? Насыщение порождает отвращение. Мне хочется вкусить всех блюд мира, и я удовлетворяюсь тем, что могу их всех вкусить, а чтоб такая возможность существовала, отворачиваюсь от каждого отдельного блюда, иначе пробужу в себе отвратительную мелочную сытость. Любовницы? Но если я заведу одну, то пренебрегу всеми другими! Ради блондинки отвернусь от брюнетки, от шатенки, от рыжей, от лиловой, от серой в крапинку, от пестрой в пятнышках... Зачем мне такое обнищание? Я могу иметь их всех — и не откажусь от сладостного всеобладания ради скудного обладания одной. Стать реально президентом? Мне доступны все государственные должности нашей страны, неужели пренебрегать возможностью иметь их все? Я всемогущ, пока мне все доступно. Практическое удовлетворение любой возможности безвозвратно губит всевозможность. Формула “все могу” неотрываема от формулы “не хочу”. Я ответил на ваши вопросы, профессор?

— На все. Честно и исчерпывающе, как я и требовал.

Он умильно заглянул мне в глаза.

Он мгновенно стал прежним льстивым, восторженным, смешным карликом. Но я уже не мог относиться к нему по-старому. О'Брайен был не смешон, а страшен.

Он не веселил, а пугал меня.

Я сделал усилие над собой, чтобы держаться непринужденно.

Он поболтал и ушел.

Я невесело размышлял у стола, чертил на листке бессмысленные черточки и кружочки — математические эквиваленты моего существа, того неповторимого своеобразного единства души и тела, что называется Креном. Между мною и этими ду-

рацкими значками лежала непроходимая пропасть — удастся ли мне перебросить через нее мосток?

Мои размышления прервал пришедший с обедом Мартин. Я вяло пожевал котлету и выпил стакан апельсинового сока. Генетическая формула на экране телевизора погасла — это означало, что она материализована. Электронный Создатель смонтировал из нуклеиновых кислот и питательной протоплазмы мою зародышевую клетку и отправил ее в рост и размножение. Мой второй двойник был запущен в эмбриональное развитие в бурно перемешиваемые коллоидные среды первых чанов — он начал жизнь.

— У меня к вам просьба, Мартин, — сказал я. — Посидите в кресле и сосредоточьтесь мыслью на мне.

— Нет ничего проще, — ответил он. — Я всегда думаю о вас. Если я не буду думать о вас, профессор, вы о себе не подумаете.

Третья генетическая формула, вспыхнувшая на экране главного телевизора, по виду походила на первые две, но обостренное чувство убеждало, что внешнее сходство содержит внутренние различия. Электронный Создатель опять создавал что-то иное. Я не знал, исправляет ли он старые ошибки или нагромождает новые. У меня было смутно на душе. Два человека — мои двойники — барахтались в питательных чанах, неуклонно пододвигаясь к рождению. Я ловил себя на мысли, что страшусь знакомства с ними.

Двойник, порожденный неистовым воображением О'Брайена, появился в лаборатории на третий день после обеда. Как раз перед этим я жестоко поссорился с первым двойником, по-прежнему стремившимся наружу. Тот заявил, что ни одного часа больше не останется в гостинице. Вот уже третьи сутки я держу его взаперти, теперь он пойдет напролом, перегрызет мне горло, но вырвется. У этого уродца упрямства было не меньше, чем самомнения. Мне пришлось схватиться за трость. Он визжал и катался по ковру, когда я запирали дверь. Я возвратился расстроенный и позабыл, что предстоит встреча со вторым двойником.

Второй вошел не постучав. Это был детина метра на два, с кулаками в футбольный мяч, сонным лицом и мутными глазами. Он не сказал “Здравствуйте!”, а я был так потрясен, что не успел обидеться. Это был, конечно, я, много больше я, чем тот

крохотулька Первый, но я не мог, не хотел поверить, что это я, — так я был издевательски шаржирован.

Второй, прищутив глаз, осмотрел помещение и сплюнул на ковер. После этого он развалился на диване.

— Алло, парень! — сказал он хриплым голосом. — Значит, ты здесь делаешь монеты?

— Простите, с кем я имею честь? — пролепетал я, не соображая, что говорю, ибо я, разумеется, много лучше его знал, кто он такой.

— Я — Карпер, — сообщил он. — Это я свалил твоего братца Джойса на втором раунде. Между прочим, он был парень что надо. Я не помню, пришел ли он в себя после моего двойного в челюсть? Жалко, что ты на него мало похож! Я спрашиваю, где ты делаешь деньги?

— Э-э... как вам сказать... Есть такое местечко — банк. Они там растут. Увеличиваются, обрастают процентами...

Он довольно мотнул головой.

— Правильно, я слышал о банках. Это вроде грядок, а на грядках монеты, верно? Их надо удобрять навозом, чтобы они быстро росли. Ты, кажется, продаешь людей, парень? Если они все похожи на тебя, то двенадцати таких мозгляков не хватит моему кулаку позавтракать. Как ты на этот счет соображаешь дырявой башкой, а?

Он гулко захохотал. Из осторожности и я посмеялся, хотя мне было не до смеха.

— Я тоже изготавливаю людей, — сказал он потом. — Я изобрел машину, которая печет их. Я наготовлю их миллион, а на выручку заведу денежный огород. Я с большой охотой разбил бы всех людей всмятку, но приходится сдерживать порывы души. Я собираюсь купить фирму “Эдельвейс”. Ты слышал о ней?

— Да, конечно... Нет, не слышал.

— Просто удивительно, как ты глуп. Твой брат Джойс, до того как я выбил из него мозговые извилины, соображал быстрее.

На лице его вдруг появилось недоверие. Он поднял голову и посмотрел на потолок. Он словно к чему-то принюхивался.

— Врет, конечно, — бормотал он. — Не может быть, чтобы он выращивал их в другом месте.

Он встал и направился к столу. Я непроизвольно преградил ему путь. Он хладнокровно надавал мне коленом, и я отлетел

метра на два. Лежа на полу, я глядел, как он расправляется с бумагами и приборами. Но когда, покончив со столом, он повернулся к стальной дверце Главного Щита, я вскочил. За дверкой была клавиатура технологических шифров. Нажимая на кнопки, можно было менять процессы в чанах, смешивать растворы в новых пропорциях, переделывать коммутацию и схемы Электронного Создателя. Но среди множества возможных комбинаций цифр имелась одна запрещенная: набери ее — растворы в чанах смешаются, а Электронный Создатель займется демонтажем своей схемы. Я придумал эту комбинацию на случай, если не полажу с акционерами — лишь я буду эксплуатировать свое изобретение.

— Стойте, Карпер! Сейчас вы получите деньги.

Его лицо светилось. Он хлопнул меня по плечу.

— Рад, что берешься за ум. Давай их сюда!

Он протянул ладонь, похожую на лопату для угля.

— Я немедленно отправлюсь в банк. Кое-что у меня там есть, для начала вам хватит.

Он вынул из кармана нож (“Откуда у него нож? — подумал я. — Не в чане же он его нашел?”) и сунул мне.

— Возьми мой, он режет как бритва. Руби монеты под корень и не трать времени на очистку, я займусь этим сам. Где я могу потрескать? Я иногда обжираюсь — первое, второе, третье... до десятого, понимаешь?

— У нас имеется гостиница. Вот ключ от второго номера. Там вы сможете пообедать и подождать моего возвращения.

Я открыл дверь в коридор.

Второй двойник шагнул на порог, секунду постоял в раздумье, обернулся и ткнул меня кулаком в челюсть. Я мгновенно потерял сознание.

Когда я пришел в себя, около меня стоял печальный человек средних лет. Я не сразу сообразил, что это мой третий двойник.

Я смотрел на него и думал, почему он плачет. Потом я застонал и дотронулся до головы. Голова разваливалась на части.

Третий утер слезы и радостно улыбнулся.

— Боже, как я счастлив! — сказал он благодарно. — Я полчаса стою около вас. Я боялся, что вы умрете не приходя в сознание.

Я сел на полу и ощупал челюсть. Кость была цела.

— Могли бы вызвать врача, — сказал я. — Никто бы вам не сделал выговора, если бы вы позвонили по телефону в ближайшую больницу.

Он смутился, весь как-то увял.

— Я не догадался... Теперь вижу, что вполне мог бы, а тогда как-то... Я очень огорчился, что вы в таком состоянии, и ни о чем больше не мог думать.

— Что же вы стоите? Садитесь. Пойдите, дайте мне раньше руку. Благодарю.

Я осмотрел его с головы до ног. Он, пожалуй, ближе всех воспроизводил мой внешний облик. Впрочем, он был худ и бледен, а я скорее отношусь к разряду здоровяков. И у него были такие парикмахерски-мечтательные глаза, что, не будь я подавлен неудачами, я бы поиздевался над их неземным сиянием.

— Садитесь, — повторил я. — Сколько раз вам нужно долбить одно и то же, пока вы поймете, чего от вас хотят?

Он покорно сел.

— Теперь ответьте, знаете ли вы, кто вы такой?

Он обнаружил слабые признаки оживления.

— О, конечно! Я ученый. Это когда... Вы представляете себе?

— Немного представляю. Итак, вы — ученый. В какой области вы учены?

Он был, казалось, в затруднении.

— Как вам сказать... Вопрос такой неожиданный, я не очень подготовился... Я занимаюсь изготовлением чего-то... И что-то изобрел!

— Вот как — изобрели? Выходит, даже вы на что-то годитесь?

После неудачной встречи со вторым двойником челюсть моя ныла, и я не мог вести светский разговор. Мне надо было высказать возмущение.

Третий двойник увядал на глазах.

— Я изобрел машину, — лепетал он. — Таковую, знаете... очень большую. Даже — очень-очень... Она дает много денег, и я завел слуг. Они все делают за меня, а я сам... Мне надо говорить, когда есть, когда спать, что одеть. Счастливее меня нет на свете, потому что у меня слуги. Человек, у которого слуга, счастливый и великий человек.

— Сейчас вы пройдете в гостиницу, мистер счастливый остолоп. Держите, это ключ от третьего номера. Там вы поужи-

наете. Это делается так: верхняя челюсть на месте, нижняя — вниз и вверх, вниз и вверх. Потом вы уляжетесь в постель и уснете. Подушку под голову, ручку под щечку. И будете ждать моих дальнейших указаний.

— Очень вам благодарен, — проговорил он, сияя. — Просто не могу выразить, как я счастлив, что у меня такой расторопный слуга. Обещаю слушаться вас во всем.

Я вывел его в коридор гостиницы.

— Еще одно, — сказал я. — Не шляйтесь по соседям. Во втором номере поселился громила. Этот тип мечтает разбить всех людей всмятку. Как бы он не начал с вас. У меня ощущение, что для этой цели вы пригодны больше других.

Мне пришлось втолкнуть его в номер и захлопнуть за ним дверь. Я слышал, как, запертый, он все бормочет слова благодарности. Тихо, чтобы не потревожить остальных двойников, я возвратился назад. Электронный Создатель мерно гудел, проверяя и регулируя себя на холостом ходу. В ярости я погрозил ему кулаком. Густая тьма, окутывавшая его работу, прояснялась. Это была нерадостная ясность. Но я не дал усталости и смятению овладеть мной.

Фактов было еще мало для больших выводов. Я не мог отвергнуть дело всей моей жизни после трех неудач, хоть и понимал уже, что неудачи не случайны.

— В гостинице пятьдесят номеров, — сказал я себе. — Заполни их своими двойниками. Используй для копирования всех посетителей. Не верю, чтоб хоть один из них не увидел в тебе настоящего человека. Только один — и изобретение твое оправдано!

Директора компании настаивали на пуске завода. Их подпирали контракты — недели через две мы должны были выдать армии первую тысячу искусственных новобранцев. Они и понятия не имели, что я собирался улучшать человечество, а не поставлять идиотам в погонах эшелоны пушечного мяса. Я ссылался на необходимость наладки каждого технологического узла в отдельности, но компаньоны не хотели ничего слушать. О'Брайен, расстроенный моими отговорками, съел за обедом три печенья вместо двух и свалился от жестокого несварения желудка. Гопкинс и Мак-Клой пришли ко мне — лично подбить итоги.

— Вы шарлатан, док! — гремел Мак-Клой. — Признайтесь по-честному: такого лжеца, как вы, мир не видывал с того часу,

как дьявол бросил обдуривать нашу прабабушку Еву. Я восхищаюсь вами, но не кажется ли вам, что это уже слишком?

Гопкинс методично вбивал в меня гвозди своих металлических глаз.

— Контракт есть контракт, Крен! — бубнил он с неумолимостью автомата. — Если ваш Универсальный Создатель...

— Электронный Создатель, — поправил я.

— ...Универсальный Создатель, — повторил он железным голосом, — не может разработать простого человеческого зародыша, то плюхнитесь сами в чан, Крен, и размножайтесь, черт побери! Мы собрались здесь для того, чтобы делать деньги, а не для наладки технологических узлов.

— Монеты надо рубить под корень, тогда они хороши, — сказал я. — Успокойтесь, джентльмены. Я люблю эти чудные фрукты не меньше вашего. Мы еще насладимся ими!

Я нажал кнопку. На экране вспыхнули два новых варианта моей генетической формулы.

— Мы вынуждены пересмотреть соглашение с вами, Крен, — забил последний гвоздь Гопкинс. — Вы заграбастали слишком большую долю. Вам придется потесниться, Крен, дальше так не пойдет.

Я закурил сигару и забросил ноги на столик, за которым сидели директора. Гопкинс даже не повел носом, когда перед лицом у него возникла подошва моего ботинка. Он был готов на все.

— Что вы мне отрубили в деле папаши Эдельвейса? — пропыхтел я сквозь сигарный дым. — Кусочек плеча и левую руку. Можете снять еще пару пальцев в свою пользу, джентльмены.

Моя податливость примирила их с неполадками в технологической схеме. У Гопкинса глаза из стальных стали алюминиевыми — это был его способ улыбаться.

— Я пришлю Роуба с новым соглашением, — сказал он. — На той неделе наш завод посетят высокие гости: военная комиссия парламента. Господа из правительства хотят видеть, во что они вогнали миллиарды налогоплательщиков. Объяснение будете давать вы.

— Не сомневаюсь, что вы им задурите головы, док, — добавил Мак-Клой и расхохотался. — Что-что, а засорять мозги вы сейчас единственный мастер на земле.

— Они останутся довольны, — пообещал я.

В этот день лабораторию посетили Паркер и Роуб.

Паркер потребовал уплаты моего долга университету. Он разговаривал со мной совсем по-иному, чем в дни совместной работы. Я слушал его и не уставал удивляться: он был почти вежлив.

— Вы знаете, Крен, я никогда не верил в ваш успех, — признался он. — У вас все же чего-то не хватает, чтоб пробраться в нобелевские лауреаты. Но против очевидности я не иду, а очевидность — за вас. Ваша новая лаборатория шикарна. Вам повезло, Крен.

Я помучил Паркера. Я молчал и слушал, не глядя на него. Восемь лет этот человек был моим кошмаром, гонителем всего лучшего во мне. Я не раз подумывал бросить науку и заняться чисткой сапог — и все потому, что на свете существовал Ральф Фридрих Паркер.

Один взгляд этого человека испепелял душу, одно слово иссушало любую свежую идею. Ныне, оглядываясь, я удивляюсь, как мне удалось вынести восемь лет в учреждении, где на всех комнатах лежала зловещая тень этой сварливой жабы — Паркера. И когда он снисходил до визита в подвал, где рядом с угольным бункером помещалась моя тогдашняя крохотная лабораторийка, у меня от страха перехватывало горло. Я опускал голову, молча выслушивал его выговоры. Он почему-то решил, что молчание мое от гордыни. Но сейчас я не достаивал его словом именно от этого, от торжества, что больше он надо мной не властен, — я изводил и стегал его молчанием злее, чем руганью.

— Вы мало переменились, Крен, — заметил он, сияясь улыбнуться. — Возвышение не сделало вас мягче. Как же мы поступим с тем должком?

В этот момент в лаборатории возник Роуб. Он влетел, неслышный и темный, растопырив похожие на крылья, заросшие волосами уши, раздувая синеватый широкий нос. У него радостно запылали глаза, когда он посмотрел на Паркера. Летучие мыши всегда остолбеневают в воздухе, когда видят жаб.

— Вам придется подождать, пока я закончу с этим господином, — сказал я Паркеру. — А вы, Роуб, присаживайтесь вот сюда. Я вижу у вас в руках новое соглашение? Давайте-ка его, Роуб.

Я положил соглашение на стол и принялся настраивать Электронный Создатель на мысли Роуба обо мне. Но проклятый соглядатай не отрывался от Паркера и думал лишь о нем.

— Роуб, вы смотрите не туда и думаете не о том, — сказал я строго. — Вы написали какую-то чепуху, а не договор, Роуб.

Ему пришлось поневоле повернуться в мою сторону. К его лицу я уже привык за время работы в фирме “Эдельвейс и братья”, но голос, так не походивший на его облик старого лохматого нетопыря, всегда меня поражал. Роуб заблеял, что соглашение составлено по форме, а про себя думал обо мне что-то яростное. Генетическая формула, записанная Электронным Создателем на основе его мыслей обо мне, даже на экране выглядела чудовищной.

— Вот вам чек, Паркер, — сказал я. — Надеюсь, наши взаимные расчеты завершены? А вы, Роуб, держите подписанное соглашение.

Паркер удалился, а Роуб вскочил. Он блеял так быстро, что последующие слова в воздухе перегоняли предыдущие и предложение становилось похожим на:

— Профессор человек за что? Пришел вам к он зачем?

Я это расшифровал так: “Что это за человек? Зачем он к вам пришел?”

— Разные люди ходят ко мне, — сказал я веско. — И по разным причинам, Роуб.

Он блеял все так же энергично и еще непонятней, а я переводил его выкрики на человеческий язык. На этот раз получилось более длинно:

— У него что-то подрывное в лице! Вы заметили, как он хорошо улыбается? К этому человеку нужно присмотреться, понимаете, такая штука.

— Присмотреться к нему не мешает, — согласился я.

Роуб, еще шире растопырив похожие на крылья волосатые уши, торопливо унесся за Паркером, а я через полчаса отправил в питательные чаны две только что синтезированные зародышевые клетки моих новых двойников.

Вечером этого же дня я принимал у себя четвертого и пятого двойников. Они вошли вдвоем. Четвертый, от Мак-Клоя, был невысокий, быстренький хохотун; пятый, от Гопкинса, — замедленный, недоверчивый мужчина из тех, что себе на уме.

— Привет, привет! — еще на пороге развязно закричал Четвертый. — Здравствуйте, как поживаете? У меня великолепный план, профессор, пустяки, миллиончиков на двадцать, на больший кусок я не собираюсь вас облапоши... предложить вам участвовать.

— И напрасно, — попенял я, пожимая ему руку. — Большого прохвоста, шарлатана и лжеца, чем вы, в мире не существовало со времен археоптериксов и цератозавров.

— Ага, вы уже слышали обо мне! — сказал он бодро. — Тем лучше, тем лучше. Так вот, мы разворачиваем производство искусственных живых...

Я знаком остановил его и обратился к пятому двойнику. Тот ходил, осматриваясь, по лаборатории. Перед вводом Электронного Создателя он стоял, задрал голову, больше минуты.

— Вас, кажется, что-то заинтересовало? — спросил я. — Не могу ли быть вам полезным?

Он недоброжелательно поглядел на меня.

— Я должен раньше убедиться, что вы солидный человек, — проворчал он. — Терпеть не могу несолидных людей. Я знал ловкача Эдельвейса, крупнейшая была фигура, старый хрыч, но и тот подход в ночлежке. Где гарантии, что вы крепче его?

— Вот что, друзья, — предложил я. — Сейчас я проведу вас в гостиницу, вы помоеетесь, подкрепитесь, отдохнете после рождения, а там настанет время потолковать: с вами — о планах, а с вами — о гарантиях моей солидности.

Из гостиничного коридора до нас донеслась дикая брань, детский визг и старческий плач. Второй двойник, от О'Брайена, избивал двух других. Новые двойники остановились на пороге.

— Шагайте смелее! — подбодрил я их. — Ничего особенного — несколько паучков в банке. Уверен, вам здесь придется по душе. А к утру я подброшу вам для компании еще пару неплохих экземпляриков.

Двойники от Паркера и Роуба народились на рассвете и явились ко мне один за другим. Паркеровское создание вошло задрал нос, не ответило на поклон и молча село у столика. Это был мужчина, похожий на статую римского императора. Он двигался, как гипсовый.

Для интереса я спросил, как его зовут и зачем он пришел.

— Уберите ноги! — процедил двойник от Паркера. — И помолчите. Не люблю, когда много болтают.

Затянувшееся наше молчание прервал седьмой двойник. Он подозрительно поглядел на нас с Шестым и кивнул на стену.

— Электронный Пускатель?

— Создатель, — поправил я.

— Значит, так, — возбужденно зашептал Седьмой, присаживаясь ко мне: — Это дело легко организовать. До сих пор ин-

триговали против отдельных государств и правительств, но мы с вами не станем кусочничать. У меня имеется небольшой, хорошо скатанный заговорчик против земного шара, сообразили? Мы выбираем тихий вечерок, нажимаем кнопку этого Пускателя и пускаем мир под откос. Бум, бах, трах — здорово, правда?

Я прибавил этих двух к пятерым прежним...

... посетили меня во вторник. В просторной лаборатории стало тесно от сборища важных господ. Я усадил их в кресла и прочитал лекцию о целях и методах нашего производства. Я хорошо подготовился к встрече — Электронный Создатель был налажен на одновременную запись двадцати схем. На этот раз я фиксировал все их мысли: и то, что им взбрело в голову обо мне, и то, что они думали о себе. Мне надоело воспроизводить карикатуру на себя. Я хотел проверить, так ли они издевательски окарикатуривают себя, как проделывают это со мною.

На голубом экране одна за другой вспыхивали генетические формулы — все такие же яркие, переплетенные, ласкающие глаз цветовой симфонией линий и пятен. Я не дал обмануть себя кажущейся приятностью. Я знал, что за нарядной внешностью скрывается неприглядная сущность. Я не торопясь обводил взглядом лица моих слушателей — вежливые, грубые, милостивые, уродливые, молодые, старые, замкнутые, надменные, веселые. Лица были как лица — разные. Но глаза у всех были одинаковы — холодно внимательные, отстраняющие, недобрые глаза. Я понимал, что думают обо мне посетители. Они думали обо мне скверное. С этим ничего нельзя было поделать. Но я не был уверен, нет, я не был уверен, что и к себе они относятся лучше!

Если они и не ненавидели себя, то понимали свою истинную цену — теперь я знал, что она невысока: много за себя они не дадут. А я еще хотел при помощи их мыслей о себе улучшить все человечество!

Боже, как я был слеп!

Когда погасла последняя генетическая формула и Электронный Создатель приступил к следующей операции — монтажке зародышевых клеток, я в удобном месте прервал лекцию.

— Теперь пройдемся по цеху, господа. Познакомимся на месте с условиями выращивания людей.

В суматохе выхода ко мне пробрались директора компании. Они ликовали.

— Док, я растерялся! — рявкнул громовым шепотом Мак-Клой. — Я не подберу для вас эпитета. Боже, как вы их провели за нос! Вы им продали флакон испорченного воздуха за водородную бомбу! Даже старик Эдельвейс этого не умел.

— Вам надо поставить при жизни памятник! — ликовал О'Брайен. — Я завтра же открою подписку на вашу конную статую. Вы будете в тоге, с саблей на боку и пулеметом в руках — шедевр скульптуры, говорю вам!

— Засоряйте и дальше им мозги перспективами нашего производства, но не заикайтесь о сроке выпуска первой партии искусственных людей, — посоветовал Гопкинс. — Перспективы поражают воображение, а за неисполнение сроков отвечают перед судом. Вам понятна разница, Крен?

В одном из коридоров я повстречал Роуба. В лабораторию его не пустили, но он перехватил нас по дороге. Уши его торчали перпендикулярно к голове.

Он был в диком возбуждении.

— Профессор, людей круг блестящий такой вас у собрался как? — проблеял он.

Я тут же перевел это на более привычный мне язык: "Как собрался у вас такой блестящий круг людей, профессор?"

— Разве вы не слышали, Роуб? Нам оказала честь специальная комиссия парламента.

У него заходили ноздри и захлопали уши. В мутных его глазах запылал зеленый огонек. Он блеял еще торопливей, а я расшифровывал:

— Никогда я не видел столь важных господ! Какие они все разные!

— Да, — сказал я. — Все они разные, Роуб. Одни высокие, другие низенькие. Худой шагает рядом с толстым. Неясно одно — почему они такие разные? По-вашему, это случайно?

Он чуть не задохнулся от открывшихся ему величественных перспектив.

— Вы думаете, Крен?.. Признайтесь, вы думаете?..

Я ответил уклончиво:

— Все мы что-нибудь думаем, Роуб. Человеку свойственно размышлять, хотя в наше время это не совсем безопасно. Но я говорю не о шатких предположениях мысли, а о твердых, так сказать, физических фактах. Приглядитесь к тем двоим, Роуб. Разве вас не поражает их походка?

Я ткнул пальцем в переднюю пару. Как нарочно, один был высок и массивен, другой худ и изящен. Они шли вдоль линии чанов и мирно беседовали.

— Правильно, сэр! — зашептал Роуб. — Боже, как правильно! Этот огромный вдавливают ботинки в пол, как в тесто. Он не ходит, а попирает ногами землю. Он ненавидит нашу землю — все ясно как дважды два!.. А второй — крадетя и перебирает ножками, как пальцами. О, этот еще хуже, в тысячу раз хуже! Я их разоблачил с единого взгляда, такая штука! Нет, ребятки, вы сосунки, не вам обмануть Роуба...

Он хотел умчаться вперед, но я задержал его.

— Не слышали, как дела у Паркера? Помните того ученого, с кем я вас познакомил неделю назад?

— Как же, отлично помню — высокий, важный мужчина, тонкие губы, зеленые глаза, один глаз более выпуклый, чем другой... С Паркером все в порядке, профессор. Паркер признался, что подложил две атомные бомбы под систему высшего образования в нашей стране, но не успел взорвать, так как попал в тюрьму. Я забыл сказать, что Паркера вскоре после визита к вам арестовали. Однако я покорнейше прошу меня...

Я присоединился к гостям, и мы около часа провели на заводе, потом прошли в ресторан. За легким обедом на шесть перемен с девятью сортами вина я сообщил собравшимся радостную новость:

— В конце недели, господа, состоится первое ознакомление с первыми образцами производства нашей фирмы. Я надеюсь, все, кто сегодня почтил нас присутствием, не откажутся выступить в роли экспертов и ценителей. Вам будет продемонстрировано с полсотни бравых парней самой высокой кондиции.

— Слишком много образцов, Крен, — попенял мне один из гостей. — Для конвейерной продукции это не подойдет. Армия заинтересована в одном-двух, не более, но отработанных до пуговицы типах солдата.

Я успокоил его:

— Вы сами отберете понравившиеся вам образцы, а мы запустим их в массовое производство. Думаю, армия останется довольна. Итак, в следующее воскресенье, господа.

Гости мне аплодировали, а после их ухода директора компании устроили скандал. Железный сухарь Гопкинс орал, как перепившийся золотарь. Даже О'Брайен казался подавленным.

— Что такое, Крен? — негодовал Гопкинс. — Вы, оказывается, запустили в ход технологические линии, а мы об этом ничего не знаем. Кем вы нас считаете, профессор? Раньше я посмотрю на этих парней, а потом кто-то другой. Пусть комиссия выбирает, кто ей нужен, но кого им показать — будем решать мы.

— Это буду решать я один, — сказал я. — Не забывайте, что в соглашении стоит пункт о том, что технологические вопросы находятся в моей личной компетенции. За продукцию, поставляемую нашим человекопроизводящим конвейером, отвечаю я. Вы занимаетесь представительством, рекламой, финансами, вообще — внешними связями. Вы не забыли этого пункта, джентльмены?

— Мы разорвем соглашение! — бушевал Гопкинс. В этот момент он походил на нормального человека, умеющего раздражаться и огорчаться не хуже других. — Водите за нос кого угодно, но не нас, Крен! Мы вычеркнем этот пункт, слышите вы!

Я улыбнулся ему в лицо.

— В договоре есть и второй пункт, — напомнил я. — Если между директорами и изобретателем возникнут непреодолимые разногласия, директора вправе выставить его за дверь, а изобретатель вправе привести в негодность Электронный Создатель. Не кажется ли вам, что пришло время воспользоваться этой важной оговоркой?

Гопкинс, ошеломленный, молча глядел на Мак-Клоя и О'Брайена. Я точно рассчитал удар. Гопкинс, остывая, на глазах осухаривался. Теперь это снова была бесчувственная неторопливая машина для изготовления денег. С ним опять можно было толковать по-деловому.

— Вы ничего не подделаете с этим бессовестным сутягой, Гопкинс! — прогремел Мак-Клой. — Нам понадобилось десять лет, чтобы свалить старину Эдельвейса. Не сомневаюсь, что док прикончил бы его за десять минут.

О'Брайен согласно закивал головой.

— Мы у него в руках, Гопкинс, надо смотреть на вещи здраво. Скажу открыто, профессор, даже с вашим знаменитым противником Джойсом вы не расправились так свирепо, как с нами троими. Я видел Джойса: он пришел в себя на другой день. Когда мы оправимся от вашего нокаута, я даже боюсь загадывать! Нет, вы не довольствуетесь сознанием, что хотя и не все, но

многое можете, вам непременно нужно наносить практические удары!

— В воскресенье вы забудете об этом ударе, — утешил я пророка абстрактной всевозможности. — Ручаюсь, вам будет весело в воскресенье.

— Итак, до воскресенья, — сказали они одинаковыми голосами.

О'Брайен, однако, прибежал ко мне на второй день. Он чуть не плакал.

Дело было серьезное.

Пьер Роуб потерпел катастрофу. Его разнесло в щепы на пустом месте.

— Вы помните тех двух — высокого и маленького? — то-ропливо пищал О'Брайен. — Они всюду ходили вдвоем и на других смотрели вот так... неужели не помните? Боже мой, Крен, вы не знаете, кто они такие? Маленький — Дик! Да, Дик, единственный Дик, сын президента. Дик председательствует в сорока трех компаниях и держит у себя в кармане еще семьдесят шесть независимых фирм, он стоит больше своего великого отца ровно на четыреста восемьдесят девять миллионов — круглых миллиончиков, сэр! А второй, здоровила, — наклонитесь ближе, Крен! — Джонни Поппер. Да, да, великий Поппер, вы угадали, самый знаменитый из политических деятелей. И на этих достойнейших людей наш безрассудный Роуб... Вот что получается, когда взамен величественной возможности все сделать увлекаются мелочным пошлым делом!

— Роуб накатыл донос? Ха-ха!

— Не вижу ничего смешного, профессор. Я лично в голом факте... гм... доклада в уважаемое учреждение еще не открываю преступления, нет, Крен, не открываю! Но в чем он их обвинил — вот подлинное безумие! Сегодня за ним пришли двое. Он вырывался и кричал на весь “Эдельвейс”: “Я вам покажу, не на таковского напали! Я притяну Министерство общественного дознания к уголовному суду. Вы у меня наплачетесь!” У меня сердце разрывалось, я не мог слышать его горестных воплей. Такого сотрудника потерять!

— Вам теперь будет трудновато, О'Брайен. Министерство общественного дознания постарается заменить провалившегося Роуба и не доложит, кто вместо него.

— Роуба заменить невозможно, гений клеветы незаменим.

— Одного гения заменят десятками талантов — сойдет.

— Откуда у вас такой цинизм, Крен? Даже мысль о том, что кто-то претендует заменить титана, мне глубоко противна. Жить под тайным взглядом лишенных фантазий механизированных сексотов — ужасно, ужасно, Крен!

— А вы сами замените Роуба, — посоветовал я.

Он окаменел с выпученными глазами, потом сделал движение, словно заглатывал что-то засевшее в глотке.

— Вы шутите, Крен?

— Ничуть. Я уверен, у вас неплохо получится. Но надо поторопиться, чтоб не перебежали дорогу. Там теперь такой конкурс претендентов!

Он вскочил. Глаза его блудливо бегали. Только природная воспитанность не давала ему опрометью кинуться в дверь, размахивая руками и восторженно вопя. У него даже не очень дрожал голос.

— Я подумаю, Крен, над вашим советом, я подумаю. Нет, честное слово, у вас удивительно мощная мысль, железные логические мускулы, профессор!

Он засеменил к двери, потом вдруг вернулся и со слезами на глазах потряс мою руку. Нервы его не выдержали.

— И можете быть спокойны, Крен! — воскликнул он с горячей благодарностью. — На вас я...

— Доноса не напишете — во всяком случае, первого? Благодарю, О'Брайен. Я не сомневался в вашем благородстве.

Приход О'Брайена немного успокоил меня. В последние дни я плохо сплю, живу на лекарствах. Дружеский разговор с О'Брайеном подействовал на меня лучше душа. Он был неплохим человеком, этот О'Брайен — наивная увлекающаяся душа. Я долго смеялся, вспоминая слезы признательности на его глазах. Недавно он потряс меня своей страшной философией абстрактной всевозможности. Он показался мне тогда титаном всеуродства. Он был и остался карликом. Он мигом отказался от формулы “все могу, но не хочу” ради сладости мелкого доносительства. Он станет старательным клеветником, но на большее его не хватит. Даже Пьер Роуб был крупнее.

Я вызвал трех роботов в двадцать киловатт мощности каждый и, когда они появились, отправился в гостиницу.

С некоторых пор без надежной охраны я побаивался ходить в это гнездо скорпионов.

Теперь их было сорок восемь: сорок восемь живых, мыслящих, разгуливающих и скандалящих существ — полсотни бес-

тий в образе человека. Тридцать два копировали меня, остальные шестнадцать воспроизводили гостей из парламента. И хоть все они меж собой были поразительно несхожи, каждый из тридцати двух в отдельности походил на меня, что-то во мне отражал. Я не мог бы назвать их своими детьми. Это были мои двойники, материализованные изображения меня в глазах окружающих и моих собственных, мои фотографические карточки, вынутые и оживленные не из семейного альбома, а из мозга моих знакомых и моего. Я не уставал удивляться, до чего же у меня мерзкий вид на всех этих копиях. Ни один из них даже отдаленно не напоминал того, что я мечтал увидеть в себе. Единственное, что могло служить мне грустным утешением, было то, что остальные шестнадцать были еще гадостней, чем те тридцать два — мои...

Два робота шагали по бокам, один прикрывал меня сзади. Я сказал механическим телохранителям:

— Сегодня придется жарковато! Следите, чтоб с вас не сбили управляющие антенны.

У входа на меня набросился первый двойник, мой крохотный уродец, не устававший кричать, что гениальнее его на свете человека не существовало. Он вынесся из двери, только я вступил в коридор, и попытался укусить меня в руку. Робот легко отшвырнул его к стенке.

— Вы наглец! — надрывался первый двойник. — Вы троглодит! Вы неконституционны! Никто не дал вам права лишать меня человеческих прав! Отдайте мне земной шар! Я пожалуюсь на ваш деспотизм в Верховный Суд!

Его визг расшевелил остальных. Один за другим они выползали и выскакивали из номеров. Я прибавил шагу. Даже под защитой трех роботов я не хотел столкнуться со всей их оравой в коридоре. Я шел, а они торопились за мной — огромные и крохотные, широкоплечие и узкогрудые, вымахавшие до двух метров двадцати и не добравшиеся до метра сорока — народ удивительно разнообразный по внешности и мертвенно, уродливо-однообразный по существу.

В обширном холле я присел за столик у стены и открыл совещание своих и прочих двойников. Я вежливо попросил их рассесться. Три робота бдительно следили, чтоб никто не приблизился ко мне.

— Итак, джентльмены, начнем! — предложил я. — У вас, кажется, имеются ко мне претензии?

— Деньги! — прорычал второй двойник, от О'Брайена. — Вы обещали нарубить монет, профессор. Какого черта вы медлите?

— Здесь так мало слуг! — простонал третий, от Мартина. — Меня водит под руку один робот. Разве это можно вытерпеть? Я хочу, чтоб меня водили под обе руки.

— Внимание, джентльмены, внимание! — надрывался, ерзая в кресле, юркий двойничок от Мак-Клоя, четвертый по счету. — Я сейчас вас всех объегаю... то есть успокою! Мы создаем компанию на один миллиард долларов под моим председательством и легко вытаскиваем...

Седьмой двойник, от Роуба, не вынес напора ожесточенных страстей и вскочил. Его дикие глаза зловеще фосфоресцировали.

— Я предложу уважаемому собранию изященький заговорчик! — проскрипел он. — Удивительно красивая штучка, ее можно носить в кармане. Мы берем государство, продырявливаем его посередине, потом закладываем, понимаете, такая штука...

Все голоса заглушил железный рык верзилы, воспроизводившего одного из гостей.

— Минометы! — заревел он. — Орудия и торпеды! Я хочу поиграть ручной атомной бомбой!

Тут все разом заорали, завопили, завизжали, заскрежетали и заскулили.

Я молча разглядывал их разъяренные морды. Я испытывал радостный трепет от мысли, что участь их решена.

Разумеется, я не показал им, о чем думаю. Я был холоден и невозмутим. Если бы я держался хоть немного по-иному, они разорвали бы меня в клочья, смяв охраняющих роботов. Просто удивительно, до какого жара накалялась злоба, одушевлявшая эти конвейерные создания. Они жили лишь ради того, чтобы кого-то кусать, облапошивать, взрывать и валить.

Когда на мгновенье наступила тишина, шестой двойник, от Паркера, надменно проговорил, откидываясь в кресле:

— Какой невероятный шум, профессор! Не могли бы вы вырывать языки у этих весьма уважаемых джентльменов?

Я поднял руку, чтоб притушить хоть немного новую бурю воя, визга и рева.

— Я вполне понимаю ваши благородные желания! — сказал я. — И от души вам сочувствую. Но поверьте, не все зависит от

меня. Я не могу своей личной властью выпустить вас в мир. Нужно, чтоб с вами познакомились предварительно ваши духовные отцы, они-то и решат, кто из вас достоин существования и воспроизводства.

— Подавайте нам отцов! — завопил одиннадцатый двойник — не то мой, не то одного из членов комиссии, — я так до конца и не разобрался, кого он копирует. — Ох, и поговорю я со своим папашей!

Я продолжал:

— В это воскресенье состоится ваша встреча с родителями. Вы выскажете им все, что думаете о них и что желаете получить. Советую основательно поразмыслить перед встречей.

— Пулеметы будут? — прогремел Восемнадцатый. — Я категорически настаиваю на пулеметах. Раздайте нам хотя бы по ножу. Без этого встреча не удастся, не тешьте себя напрасными иллюзиями!

— Ах, и подведу же я их под одну штучку! — восторженно заблеял Седьмой. — Легкое нажатие — и все покатится!..

Минуты две они ликовали, топали ногами, аплодировали, орали “ура”.

Я решил, что самый раз удалиться, пока не остыл их восторг. Я шепнул роботам, чтоб они меня прикрыли, и осторожно направился к двери. Первый двойник, увидев, что я пробираюсь к выходу, пронзительно заклекотал:

— Он уходит! Он уходит! Он уходит!

— Бейте его! — крикнул кто-то в задних рядах. — Не выпускайте его живым!

На меня ринулся Второй. Он нацелился мне в челюсть, но попал на железный локоть робота. Взыв от боли, Второй отпрянул назад и угодил на ногу чопорного Шестого. Шестой выругался, и Второй тут же его нокаутировал. Восемнадцатый поспешил на помощь Шестому, но сам попал под кулак Двадцать девятого. Первый, остервенело визжа, вонзил клыки в ногу Третьему, тот, заливаясь слезами, сзывал на помощь слуг. Ловкач Четвертый прыгнул на спину Седьмому и впился в горло, жадно добираясь до артерии. Седьмой заметался по холлу и, если бы случайно не ударил развевающимися ногами Четвертого по колонне, то был бы минуты через три полностью высосан. Свирепо облизывая окровавленные губы, Четвертый извивался на полу, стараясь уползти меж ног дерущихся.

Схватка стала всеобщей.

Два робота, пробивая железными кулаками проход в толпе беснующихся двойников, постепенно продвигались к двери в спасительный коридор. Третий робот методично отбивал ожесточенные атаки со спины. И недалеко от двери произошло то самое, чего я опасался больше всего и от чего предостерегал роботов, но что, как я сейчас понимаю, может быть, по-настоящему и спасло меня.

Яростно нападавший Второй умелым ударом сбил с одного из роботов управляющую антенну, и робот, потеряв согласование с моими приказами и координацию движений, превратился в тупую сражающуюся машину. Взревев металлическим голосом, он бешено завертелся на месте, сшибая все, что подворачивалось под его страшные ручные рычаги. Один за другим двойники рушились к его бронированным ногам. Со всех сторон понеслись крики ужаса. Двойники, от страха обретая благоразумие, выскакивали в коридор и разбегались по номерам, наглухо закрывая двери. Не прошло и минуты, как в холле стало пусто. Один взбесившийся робот вертелся волчком и дико размахивал руками. Потом он налетел на колонну и распался грудой дымящихся обломков.

Я посмотрел на останки моего защитника и пошел к себе.

— Надо со всем этим кончать! — говорил я себе. — Надо, надо!

Я не спал эту ночь, не спал и следующие. Я заперся в лаборатории, сидел в кресле, уставив глаза в ковер. Пусть никто не думает, что решение досталось мне легко. Мысли мои были тяжелей ударов кулака — я не щадил себя.

Одно я понимал теперь с окончательной полнотой: великое открытие мое следовало срочно закрыть, оно не удалось. Все остальное было пока в тумане.

Я прорывался сквозь туман, настойчиво освещал его логикой рассуждений, пронзал прожекторным лучом неотвергаемых фактов. И мало-помалу мне становилась ясна грандиозность моей ошибки. Одним уничтожением созданных мной человекоподобных тварей дело не могло ограничиться. Надо идти дальше, значительно дальше.

Я с горечью вспоминал, какие высокие мечты кружили мне голову, когда я сидел над расчетами Электронного Создателя. Я трудился не для денег и не ради того, чтобы к четырем миллиардам людей, населяющим земной шар, прибавить еще парочку миллиардов. Я хотел вывести нового человека — благородно-

го, умного, доброго, талантливое. Мне думалось, Электронный Создатель вполне годится для этой цели. Он превращает в живую плоть мысленное представление людей о себе, мы любим себя за хорошее, гордимся прекрасным в себе — так я наивно думал. Как я ошибся, как непоправимо ошибся! Вот оно, наше материализованное представление о себе, — двуногие волки, беснующиеся сейчас в роскошной гостинице!

Значит ли это, что Электронный Создатель искажает, творя копии, что он всего лишь кривое зеркало? Нет, он работает точно. Он только воспроизводит не людей, но мнение их о себе и других, придает этому мнению человекообразную форму. Он материализовал нечеловеческие, зверские отношения, связывающие людей в нашем насквозь прогнившем обществе. Боже, сколько раз мне приходилось слышать мерзкие изречения: “Каждый за себя, один бог за всех!”, “Человек человеку — волк!”. Здоровый эгоизм, конкуренция, индивидуализм — все эти словечки оказались стертыми, словесная мишура и мертвечина, я не вдумывался в них. А они жили страшной и тайной жизнью — злокачественные бактерии социальной гнили. Я опрометчиво придал им очеловеченную плоть, и вот они забушевали на свету — грабители, убийцы, стяжатели, всяческие человеконенавистники.

А разве я сам не среди этих людей — нет, разве я лучше их? Может, талантливей, но не лучше! Я ненавидел и презирал их, как и они меня, я издевался над ними, боялся их и подличал перед ними, обманывал их — разве не точно воспроизвел мои поступки и мысли двенадцатилетний уродец? В той грязи и подлости, что взметнул со дна наших душ Электронный Создатель, немалая толика моей личной грязи, мне от нее не отречься!

Итак, Электронный Создатель не способен усовершенствовать человека. Больше того, он вреден. Поработай он месяца три на полной мощности — какой смрадный поток ринется в мир, какого нестерпимого накала достигнет глухо тлеющая сейчас в глубине общественная злоба. Может, в другие времена, когда человек объявит человека братом и другом — возможно, не зарекаюсь, тогда мой Электронный Создатель и пригодится. Но сейчас его надо уничтожить! Я прозреваю. И ненавижу, став зрячим.

Как я ненавижу!

Под утро я задремал. Меня разбудил Мартин.

— Доброго утра, профессор. Не хотите ли погулять? Сегодня воскресенье, сэр.

Я вскочил с дивана.

— Великолепно, Мартин. Воскресенье — день возрождения. Приготовьте завтрак и можете уходить, куда хотите.

Он был так поражен, что пришлось объясниться.

— Видите ли, Мартин, ко мне должны прийти... гм... одна дама. Я уверен в вашей скромности, но дама такая подозрительная. Короче, раньше четырех часов не возвращайтесь.

— Будет исполнено. Я очень рад, что вы... Я боялся, что занятия наукой навсегда отвлекли вас от всего... простите мою откровенность, профессор!

Он, кажется, искренне обрадовался, этот чудак, что во мне пробудились обычные человеческие чувства. Я выставил его за дверь и позавтракал, потом, не торопясь, набрал на клавиатуре Главного Щита одиннадцать цифр из двенадцати, составляющих единственную запрещенную комбинацию. Мне остается теперь лишь ткнуть пальцем в последнюю кнопочку — и комбинация полностью осуществится, а с ней осуществится то самое, о чем мечтает двойник от Роуба, — бум, бах, трах! И не станет Электронного Создателя, не будет гениальная моя машина, вместо усовершенствованного человека, выплевывать на свет грязь и подлость. И вас не станет, мои уродливые создания! Что мне вас жалеть? Разве вы сами способны кого пожалеть?

Я делаю последние записи, потом запру тетрадь в сейф. В окно мне видно, как к воротам одна за другой подъезжают машины. Высокие гости прибыли. Сейчас я пойду вас встречать и выпущу на вас жильцов гостиницы. Потолкуем, уважаемые джентльмены, с собственными детьми, воспроизводящими открытой человеческой плотью всю нашу внутреннюю, глубоко скрываемую, звериную нечеловечность!

Теперь вы у меня попляшете, голубчики!”

Начальник откинулся в кресле, закрыл глаза, сжал в кулачок худое лицо — это была его манера размышлять.

Потом он снова пододвинул к себе газету и перечел речь Поппера: “Это было великолепное побоище, — сказал депутат парламента. — Перед тем, как выломать двери, орава Крена дала волю кулакам. В основном они тузили друг друга, но и нам кое-что перепало. Ни в высказываниях, ни в поступках этих

ребят я не обнаружил ничего нечеловеческого. Лично я предполагаю, что Крен устроил грандиозный шантаж, набрав где-то шайку готовых на все парней, а доверчивым акционерам выдал их за искусственников.

Докопаться до истины нелегко, ибо, придя в отчаяние от страха разоблачения, этот ловкий мошенник на наших глазах взорвал главный аппарат. Только чудо господне сохранило нас, когда кругом валялись обломки и взвивались языки пламени.

Что касается выстроенных предприятий, то я лично осматривал...”

В комнату торопливо вошел взволнованный следователь.

— Полковник! — закричал он с порога. — Похоже, что мы напали на след этих...

Начальник со скукой уставился на своего помощника. В его взгляде, обращенном не столько на вошедшего, сколько сквозь него, было столько откровенного презрения, что следователь запнулся.

— Этих? — промямлил начальник. — Кого “этих”, Симкинс?

— Как — кого? — пробормотал помощник. — Я вас не понимаю. Я говорю об искусственниках, проходящих по делу об изобретении Крена.

— Вам надо меньше есть, Симкинс, — строго посоветовал начальник. — У тех, кто все свое свободное время проводит на кухне, за столом, за буфетной стойкой, кто, не щадя себя, беспрестанно объедается, кровь естественным образом отливает от головы к желудку и в мозгах бродит вечный серый туман. В сто первый раз оповещаю вас, Симкинс, что ежели не существует дела об изобретении, то не существует и не может существовать этих самых искусственников, проходящих по этому делу. Неужели вам не ясно? Я вас спрашиваю, вам не ясно?

— Но позвольте! Да, конечно, мне все ясно. Будет исполнено.

— Вот это лучше, Симкинс. Люблю дисциплинированность и четкость мысли, качества, присущие мне и моим сотрудникам. Кстати, что именно вы собираетесь там исполнять?

— Ваше приказание, разумеется. Отменим “напали на след”, прекратим преследование...

— Хорошо, — одобрил начальник. — У вас появляется полицейское чутье, Симкинс, я очень рад. Бедные парни ничем не

хуже нас с вами, а вы спустили на них ораву сыщиков. Разъясните своим болванам, что полиция стоит на страже спокойствия честных граждан. Еще одно, Симкинс. Этот, как его?..

— Вы имеете в виду профессора Крена?

— Да, да, пройдоху Крена. Узнайте, как у него в личной жизни. Разные преступные увлечения, порочащие знакомства, всякие мошенничества... Это, уверен, много серьезней несуществующего изобретения. Лет на двадцать пять, вы меня понимаете, Симкинс?

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ

Памфлет-фантазия

РАЗВИЛКА

Конрад Подольски подошел к шоссе и присел на камешек. Надо было спокойно обдумать, куда идти и что делать. Позади, под углом к шоссе, кривилась тропка к отцовскому дому. Всего час назад он выбежал оттуда, сгибаясь под тяжестью отцовских проклятий и благословений. Среди проклятий были, несомненно, и пророческие, а среди благословений — полезные. Весь этот бесценный груз Конрад стряхнул уже на первом километре, и было темно, чтобы разглядеть, куда что свалилось. Больше других егозил в душе последний отцовский выкрик: “Все знаю, что сделаешь, хорошего не жду!” Отец имел великое преимущество перед сыном: он знал, что сын будет делать, сам Конрад и понятия об этом не имел. Будущее было темно, как ночь в погребке, но и долго сидеть на камешке не хотелось. Конрад зашагал по шоссе.

Он решил идти в город, хотя и знал, что Анатра охвачена смутой. В ночном сообщении — отец в ярости разбил приемник, чтобы не слушать неприятных вестей, — уже говорилось о баррикадных боях. Сражения на баррикадах Конрада не привлекали, но коли выбирать между уличными драками и ссорами с неистовым отцом, то уж лучше баррикады.

Не пройдя и километра, Конрад снова остановился. Шоссе на этом месте разветвлялось на три дороги, и указателей, куда какая ведет, не было. Конрад задумался — по какой идти? И тут в нем заговорил Внутренний Голос. Конрад не раз поступал по его предписаниям и советам, бегство из отчего дома тоже произошло по его уговорам. Но раньше Внутренний Голос лишь менял интонации: то был мягким, то гневным, то категоричным, то молящим — но в сущности оставался самим собой. А сейчас он как будто был не один, а разделился на три Голоса. Впрочем, Голоса соблюдали очередность речи и не наускаивали друг на друга, так что их можно было принять и за прежний дружественный Внутренний Голос, только вдруг зазвучавший на разные голоса.

— Болван, чего ты остановился? — мощно прогремел первый Внутренний Голос. — Говорю тебе, крой по правой дорожке. Именно она ведет в Анатру. Ибо правое всегда правильно, а что на нашей паршивой планете правильной мерзкого городишки Анатры? Старина, ты ведь всегда мечтал сыграть великую роль, а где и найти такую роль, как не в смуте и раздоре? Правая ведет к могуществу и славе! А что слаще славы и могучей могущества? Соображаешь, старик?

— Иди, дорогой, по средней, — прозвенел второй Внутренний Голос тоненьким голоском, когда утихли первые громовые раскаты. — Среднее не знает крайностей, среднему неведомы жалящие углы, разве не так, милый? Вспомни, как ты хотел прославиться своим умом и добротой, смелостью и благородством! Вспомни, как по ночам ты плакал в подушку от счастья, вообразив себя благодетелем нашей маленькой несчастной планетки! Иди по средней, там ты осуществишь лучшее в себе. Говорю любя тебя — только на средней ждет тебя истинное счастье!

— Иди по левой, иди по левой, — хмуро пробормотал Внутренний Голос в третью свою очередь — красноречие его, видимо, иссякло, и он ничем не сумел расцветить свою последнюю просьбу.

Конрад огляделся. По обе стороны шоссе простиралась каменистая, неплодоносящая равнина. Выходила Москита — далекое красное светило, холодная недобрая ночь постепенно превращалась в холодный недобрый день. Все три дороги, ответвлявшиеся от шоссе, вели в такую же каменную пустыню, как и та, что раскидывалась вокруг. Конрад зашагал по правой дороге.

— Молодец! — оглушающе рявкнул Внутренний Голос. — Не молодец — молоток! Не молоток — кувалда! Теперь одна проблема, старик, — размахнуться пошире, жахнуть покрепче.

ПРАВАЯ ДОРОГА

Конрад Подольски больше часа одиноко шагал по пустынному шоссе. Временами от основной дороги к невидимым за холмами домикам ответвлялись боковые тропки, но и на тропках не встречалось ни людей, ни машин: время было плохое, крестьяне побаивались ехать в город. Красная Москита совер-

шила треть своего унылого небесного пути, когда Конрад, утомленный, воззвал к Внутреннему Голосу — правильно ли он все-таки делает, что шагает в город, куда, кроме него, никто не стремится? Он не успел, однако, услышать ответа, ибо как раз в эту минуту услышал грохот приближающейся машины: прямо с каменного бездорожья на шоссе вырвался стреломобиль, пролетел несколько метров и с визгом опрокинулся на правое крыло. Из стреломобиля вывалился израненный, окровавленный человек и, судорожно извиваясь всем телом, пополз на обочину. Он, видимо, хотел укрыться в придорожных камнях. Конрад поспешил к нему и сделал попытку поднять. Но незнакомец на ногах не стоял, он был страшно бледен, на шее кровоточила открытая рана, глаза непроизвольно закрывались. Конрад осторожно положил раненого на клочок травы и стал искать в карманах, чем бы перевязать рану. До Конрада донесся прерывистый шепот:

— Друг, спеши в Анатру... Скажи, Марк Фигерой... Пусть продолжают... Победа близка... Приказываю... Друг, берегись!

Последние слова прозвучали как тихий крик. На шоссе вывалился второй стреломобиль и остановился в трех шагах. Из него вылезли два зверомордых военных с импульсаторами в руках.

— Фигерой и перед смертью вербует слуг в свою шайку, — насмешливо сказал один из военных, он был в офицерской форме. — Вот же неугомонная натура! Парень, отойди. Мы с тобой поговорим после, а пока прикончим этого бандита.

Внутренний Голос немедленно приказал отойти в сторону от раненого, и Конрад послушался. Лучше всего было бы вообще бежать подальше, но Голос не разрешил бегства, ибо второй военный — по всему, простой солдат — держал импульсатор дулом на Конрада и только ждал команды, чтобы послать в него убийственный резонансный луч. Офицер подошел к Марку Фигерою, тот сделал слабую попытку приподняться, но офицер ткнул его дулом импульсатора в лицо, и раненый снова бесильно распластался на грунте.

— Итак — конец, великий Марк Фигерой! — с издевкой заговорил офицер. — Больше тебе не орать в тавернах, не возбуждать бешеных ночлежников, не устраивать тайных сборищ в вертепах, не смущать армию в казармах. Думал стоять сотнями собственных статуй на площадях и перекрестках? Нет, будешь лежать и распадаться в грязи, и скоро никто не припомнит, как тебя звали, министр экономики Марк Фигерой!

Офицер нажал на спуск и водил дулом, облучая тело Фигерою резонансными импульсами. И там, куда ударял убийственный луч, вспухала и чернела кожа. Не прошло и минуты, как вместо молодого, довольно красивого, стройного мужчины на грунте громоздилась черная горка, потерявшая всякие человеческие очертания.

Покончив с Фигерою, офицер обернулся к трепещущему безгласному Конраду и почти печально сказал:

— Мне очень жаль, парень, ты выглядишь довольно безобидным. Но ты смотрел, как я расправился с подлым бандитом, два года служившим у меня министром. А у него столько сторонников, и они будут так пылко жаждать мести! А моя жизнь — важное достояние общества, и ее нельзя прерывать без вреда для хороших людей. Надеюсь, я убедил тебя, что для блага нашей страны ты должен пойти вслед за Марком Фигерою. И уверен, что ты сам благоразумно и благородно поставишь общее благо выше маленького своего сопливого личного благополучия. Я не ошибся, парень?

Внутренний Голос панически прокричал в Конраде: “Он убьет тебя, беги!”

Конрад прыгнул в сторону в тот миг, когда офицер направил на него дуло импульсатора. Офицер был решителен, но неповоротлив. Он только успел повернуться к Конраду, как тот уже схватил камень и метнул его. Камень ударил офицера в висок, офицер зашатался, выронил импульсатор. Конрад схватил оружие еще до того, как оно упало на грунт, и направил дуло на солдата. Солдат, растерянный, стоял неподвижно, как столб, только переводил глаза с Конрада на тяжело ворочающегося на грунте офицера. Он крепко сжимал обеими руками свой импульсатор, но не собирался пускать его в ход — солдат был из тех, кто без приказа не стреляет.

— Бросай оружие! — приказал Конрад. — И отойди на десять шагов.

Солдат покорно опустил на грунт импульсатор и отошел на предписанное расстояние. Конрад проворно овладел вторым стволом.

— Слушай меня, солдат! — сказал Конрад. — Я уйду, а вы оба десять минут не двигайтесь с места. И не смейте меня преследовать, в моих руках стволы излучают без промаха.

— Так не пойдет, господин прохожий! — ответил солдат. — Знаете, кого вы свалили? Перед вами лежит майор Шурудан!

Величайший воин и глава правительства, вот на кого вы подняли руку, господин!

Фердинанд Шурудан! — Конрад с любопытством поглядел на офицера, со стонами старавшегося подняться и снова падавшего.

Лицо его было залито кровью, мундир в пыли. В таком жалком виде он и отдаленно не напоминал грозного командира правительственных войск, имя которого по всей стране произносили только шепотом. — Уж не хочешь ли ты, солдат, чтобы я помог человеку, который собирался без всякой моей вины уничтожить меня?

— Если вы поможете майору Шурудану, он казнит и вас, и меня, — рассудительно возразил солдат. — Вас — за то, что вы ранили его самого, а меня — за то, что я не успел вам помешать. Надо убить моего командира и бежать в Анатру, вы будете там приняты как герой.

— Подойди поближе и облужи Шурудана! — велел Конрад и протянул солдату импульсатор.

Солдат, и шага не сделав, грустно сказал:

— Лучше казните меня, ибо у меня рука не поднимется на моего великого командира майора Фердинанда Шурудана!

Внутренний Голос свирепо заорал в душе Конрада: “Бей сам, остолоп! Бей сам, говорю тебе! И поживей, майор вот-вот оклемается!” Повинуясь велению своего наставника, Конрад быстро провел лучом по лицу и груди офицера. Только увидев, как чернеет безжизненное тело командира, солдат осмелился подойти поближе.

— Дайте мне импульсатор, господин мятежник! — сказал солдат. — Боже мой, как вы с ним разделались! Никто бы в армии не поверил, что с самим господином майором можно так легко!.. Возьмите меня в охранники, господин. Я буду ваш раб, теперь только в вас моя защита от кары правительства.

Конрад вернул солдату оружие. Внутренний Голос подсказал, что этому коренастому уродливому крестьянину можно верить. Конрад понимал, что совершилось абсолютно непредвиденное и чрезвычайно опасное событие: он, отнюдь этого не желая, замахнулся на само правительство и так преуспел, что один из влиятельнейших его членов, его военный вождь, превращен рукой Конрада в горку мусора.

Сбывались мрачные предсказания отца: тот не ждал ничего хорошего от выхода сына в самостоятельность и грозил заранее

его покарать собственными узловатыми кулаками за преступления, какие он, несомненно, совершит по выходе из дома. От отцовских кулаков удалось увильнуть, от отцовского предвидения — нет. Конрад два часа шагал по правой дороге “наобум Лазаря”, со смутной надеждой чем-нибудь выдвинуться в городской смуте.

Как страшно сузилась сейчас дорога, показавшаяся поначалу столь широкой! Она обернулась кривой тропкой в мятеж. И хоть, повинувшись ору Внутреннего Голоса и доброму совету неизвестного солдата, Конрад своевременно, до того как тот покончил с ним, расправился с грозным вождем правительственных войск, теперь его бил запоздалый страх. Дальнейшая жизнь стала чудовищно необеспеченной. И Конрада утешала спокойная рассудительность, с какой этот немолодой, крестьянского вида правительственный воин рассуждал о переходе в мятеж, сразу причислив самого Конрада к мятежникам и согласившись служить ему верным охранником, будто он уже был в мятеже крупной фигурой.

Раз так — значит, мятеж, — отчаянно решил Конрад, и Внутренний Голос одобрительно рявкнул: “Молоток! Что я тебе говорил? Размахивайся пошире! А крепко бить умеешь, это точно!”

— Стреломобиль Фигероя поврежден, господин мятежник! — заговорил солдат. — По приказу господина майора я метнул в этот стреломобиль крылатую гранату, и господин майор похвалил меня за удачное попадание. Но наш стреломобиль в исправности, господин мятежник, мы на нем отлично доберемся в Анатру.

— Как тебя зовут, солдат? — поинтересовался Конрад, усаживаясь на второе сиденье стреломобиля и с облегчением вытягивая порядком уставшие на каменистом шоссе ноги.

— Микаэл Убуби, с вашего разрешения, господин мятежник. И не сочтите нескромностью с моей стороны полюбопытствовать, как вас величать и каков ваш высокий чин и ответственный пост в мятеже?

— Зови меня Конрадом Подольски — и не ошибешься. А что до чина, то еще не удостоен чинов, а посты пока занимал не ответственные, а безответные.

— Ха-ха, господин Конрад, — не ответственные, а безответные, — сдержанно посмеялся солдат Микаэл Убуби и тут же уверенно предсказал: — Такому геройскому мятежнику, как вы,

господин Конрад, судьба идти на высоты, я это сразу понял, когда вы так решительно метнули тот решающий камень в господина майора.

— Решающий камень? — переспросил Конрад.

— Так точно — решающий. Ибо он решил не только исход сражения между вами и страшным господином майором Шуруданом, но всю судьбу мятежа. Правительство без своего военного вождя теряет половину силы.

Разговаривая, солдат Микаэл Убуби ловко оперировал клавиатурой стреломобиля. Стреломобиль сперва неуклюже потоптался на шоссе, переваливаясь с колеса на колесо, потом приподнялся над грунтом, вытянул крылья и взмыл. Микаэл Убуби для осторожности нажатием кнопки переменял рыжую окраску машины на красновато-фиолетовую — под цвет неба. Под крыльями стреломобиля неторопливо пробегали каменистые рыжие сопки, сухие русла бывших ручьев и рек, одинокие крестьянские домики.

Конрад мысленно прикидывал, как держаться в Анатре. Главное — не напороться на правительственные отряды, встреча с которыми добром не кончится. Он отыщет подпольную квартиру мятежников и попросит зачислить его в боевую дружину. Он объяснит, что хорошо владеет импульсатором и что после убийства майора Шурудана можно не сомневаться в его верности мятежу. Мятежники смелы, но подозрительны, об этом говорил отец, они часто страдают от измен, но он убедит их, что не предатель. “Как я могу перейти на службу правительству, — скажет он, — когда столь провинился перед ним, а ведь законная власть свирепа и беспощадна. Вот так я объяснюсь с вождем мятежа”, — закончил Конрад размышление, и Внутренний Голос одобрил: “Правильно, старик, что я тебе говорил? Так держать!”

— Правительственные машины! — с тревогой сказал солдат, проворно втянул крылья в бока стреломобиля и снова сменил высотную окраску на защитную рыжую, для бреющего полета: теперь машина мчалась над холмиками и впадинами, держа дистанцию метров двадцать от грунта. Личная боевая машина командира правительственных войск была отменного качества, но Конрад, схватившись за поручни, предпочел бы пассажирский аппарат попроще: те неспособны так точно держать высоту, зато их не швыряет и не качает столь жестоко над неровностями почвы. У Конрада кружилась голова, его тошнило.

— Пронесло! — бодро сказал солдат и стал сбрасывать скорость: показались первые городские здания.

Машина по-прежнему летела стрелой, не выпуская крыльев, но больше не трясло.

Испугавшие солдата правительственные машины — три маленьких, почти неразличимых пятнышка в сумрачном полдневном небе — исчезли в стороне. Они, по-видимому, патрулировали над городом, пресекая попытки мятежников завоевать господство в воздухе.

Благодаря умелому маневру Микаэла Убуби с уборкой крыльев, переменной окраски и быстрым снижением, патрульные стреломобили не обнаружили их машины. Теперь опасностей надо было ждать не с воздуха, а с земли, ибо на улицах шло сражение: там бежали люди, слышались хлопки гранат, зудящее пенье больших орудийных импульсаторов. Конрад хотел было приказать своему спутнику не ввязываться с бухты-барахты в уличный бой, но солдат и сам разобрался в обстановке.

Он привалил стреломобиль к стене продовольственного склада и ловко набрал на клавиатуре окраску машины под кирпич, и скоро уже в двадцати шагах нельзя было различить, где стена, а где летательный аппарат.

— Быстрее наружу, господин мятежник! — крикнул солдат и помог Конраду выбраться на улицу, ибо, оставаясь в машине, они демаскировали ее цветом своей одежды.

— Пойдем искать штаб боевых дружин, — сказал Конрад и двинулся в глубь города. Солдат Микаэл Убуби шел следом, страхуя своего нового начальника от нападения сзади.

Они прошли всего несколько шагов, как из-за угла вывернулась орава вооруженных, разномастных, дико орущих людей. Последний, наставив импульсатор на Конрада, яростно закричал:

— Стой, кто идет? Почему в армейской форме? Солдаты правительства у нас в тылу! К стенке шпионов!

У Конрада от страха перехватило горло. Внутренний Голос не подал голоса — видимо, тоже растерялся. Но солдат Микаэл Убуби смело шагнул вперед и молодежато отрапортовал:

— Я больше не солдат правительства, я личный охранник господина Конрада Подольски. Мой славный командир стоит перед вами, господин предводитель, и ждет знаков почтения, ибо он собственной своей геройской рукой...

— С ума слезть, какое вранье! Еще ни один шпион не уходил живым из могучих рук Франциска Охлопяна! К стенке, говорю вам!

К предводителю подошел высокий, страшно худой человек в одежде летающего монаха и положил руку на его плечо.

— Умерься, Франциск! Надо допросить этих молодцов. Если они из правительственных войск, то они смогут рассказать, по какой дороге нам безопаснее скрыться.

К ярости в голосе Франциска Охлопяна стало примешиваться отчаяние. Он все так же неистово орал, но в его выкриках слышался уже не только гнев, но и слезы.

— О чем допрашивать? Для чего? Мы окружены! С минуты на минуту придет их страшный дракон Фердинанд Шурудан и заглотает нас всех. Солдаты ждут только его прилета, чтобы двинуться в последнее наступление. А Фигероя нет и нет! Пропал наш великий Марк Фигерой! Сгинул, провалился в преисподнюю! Бежим, Антон Пустероде, бежим, пока живы. Вот-вот в небе промчится стреломобиль дракона! Расправимся с этими правительственными ублюдками — и деру!

— Можете не опасаться прилета господина майора Шурудана! — промолвил солдат Микаэл Убуби. — Майор импульсирован, а его стреломобиль стоит вон у той стенки, мы на нем прилетели. Я был личным охранником майора Шурудана, а теперь я — верный охранник господина Конрада Подольски, который на моих глазах своей бестрепетной рукой предал майора заслуженной казни.

Франциск Охлопян впился ошалелыми глазами в Конрада, еще не проронившего ни звука.

Летающий монах довольно проворно подбежал к стреломобилю и радостно крикнул:

— Машина майора, я ее узнаю! Я сам благословлял ее за неделю до мятежа. При благословении я поцарапал дверную ручку, мне так за нее досталось от майора! Не сомневаюсь, что дракон, живой, не дал бы похитить свой личный стреломобиль! Ура, нет дракона! Слава нашему другу Конраду Подольски!

Все это летающий монах говорил и выкрикивал, уже возвращаясь обратно. В толпе мятежников гремело “ура!” в честь гибели майора Шурудана и “слава!” в честь нового отважного друга. Предводитель отряда мятежников сменил яростный тон на радостный и бешенство — на почтительность.

— Дорогой друг, почему вы молчите? Так важно, так нужно, так великолепно знать, что проклятого Шурудана больше нет! Ах, почему задерживается наш великий Фигерой? Он бы вас прижал к своей груди!

Конрад молчал, потому что Внутренний Голос во время перепалки твердил ему подождать с объяснением, пусть раньше обо всем растолкует солдат.

Но теперь Внутренний Голос, окрепнув звуком, грохотнул: “Твоя взяла, бей, старина, с размаху!” И Конрад сказал с холодной надменностью:

— Я молчал, ибо меня поразила ваша недисциплинированность, Франциск Охлопьян! Вы слишком распускаете нервы! Не ждите Марка Фигероя, он не придет. Великий противник правительства был уже ранен, когда появился майор Шурудан. Я не сумел спасти Фигероя, но отомстил за него. А перед смертью Фигерой поручил мне потребовать, чтобы вы...

Из-за угла показалась кучка мятежников. Они кричали, что солдаты теснят их из квартала в квартал, надо поскорее бежать.

— Приказывайте! — сказал Франциск Конраду. — Теперь вы командир.

Конрад поманил к себе летающего монаха, тот угодливо подбежал.

Конрад много слышал об этом удивительном человеке. Антон Пустероде первым облачился в форму, которая его прославила и породила многочисленные подражания: гибкий панцирь с фонариками на плечах, заменившими доисторические военные погоны, и круглыми пластмассовыми крылышками на спине.

Фонарики яркого света не давали, а крылышки в далекий полет не уносили, но мистический эффект обеспечивали. Когда летающий монах возносился над головами прихожан и прохожих, а в сумраке проникновенно сияли его фонарики, высвечивая худое фанатичное лицо, людьми овладевал экстаз: кто только тихо плакал, кто надрывался в истошном вопле. Антон к тому же умел проповедовать и голосом был одарен мощным — утробно гремящим, зловеще проникновенным.

Конрад приказал летающему монаху:

— Прoberитесь к солдатам и возвестите им свыше, что майора Шурудана, командующего правительственными войсками, больше нет в живых и что восставших поведу в бой я, его убийца. А вы, Франциск, — обратился Кондрад к предводителю

мятежников, — соберите свой растерявшийся сброд в правильный отряд, поставьте засадой на углу — и, когда солдаты появятся, ударим на них. Думать о бегстве запрещаю! Теперь наша возьмет!

— Теперь наша возьмет! — восторженно повторил Франциск Охлопьян и кинулся строить мятежников.

По улице пронесся натужный рев. Летающий монах, взмыв на недостижимую для импульсаторов высоту, кричал о новых событиях. Голос Антона Пустероде не приближался и не отдалялся — солдаты, услышав его, так растерялись, что позабыли наступать. Летающий монах все снова повторял, что преступный командир правительственной армии казнен могучей рукой нового вождя восставших и что новый вождь готов помиловать всех, кто перейдет на его сторону, а офицеров правительства, сложивших оружие, хорошо наградит. И когда солдаты возобновили натиск, в нем уже не было ни той уверенности, с какой они всего час назад вытеснили мятежников из городских кварталов, ни автоматической дисциплины боя. Из-за угла выбежало несколько солдат, за ними показались остальные — нестройная кучка, охваченная сомнением и беспокойством. Франциск Охлопьян мгновенно оценил перемену и громовым криком бросил мятежников на солдат. Солдаты побежали, мятежники мчались за ними, восторженно импульсируя отстающих.

Конрад, увидев, как легко мятежники обратили в бегство солдат, хотел было и сам ринуться в преследование, но Внутренний Голос мощно крикнул: “Стой! Справятся без тебя”. Личный охранник Конрада, бывший солдат Микаэл Убуби, не подозревая, что его начальник в этот миг прислушивался к своему Внутреннему Голосу, но заметив его колебания, поспешно сказал:

— Господин мятежный вождь, вам лучше оставаться здесь, пока солдаты не отрапортуют о победе.

Первым воротился Антон Пустероде. Летающий монах так устал, что не снизошел с высоты, а неуклюже плюхнулся на грунт. Он сиял не только фонариками на плечах, но и всем своим худым неистовым лицом.

— Даже крылья вспотели! — похвастался он, вытирая рукой пластмассовые кружочки, поникшие на спине. В отличие от летающих монахов низшего ранга — их крылья представляли собой набор из трех кружочков — у Антона Пустероде каждое крыло составлялось из пяти кружков, он и возносился выше, и

летал быстрее. Правда, когда Пустероде примкнул к мятежу, правительство постановило лишить его обоих крыльев, но мятежники не дали унижить знаменитого проповедника. Антон Пустероде продолжал с самодовольством: — Вам понравилась моя вдохновенная речь, господин вождь? Мне кажется, я блестяще раскрыл всем врагам вашу блестящую роль в нашей победе.

— Победы еще нет, не слышу рапорта о ней, — надменно возразил Конрад: Внутренний Голос приказал ему разговаривать только начальственным тоном.

— Победа уже близка, — предсказал летающий монах, и из-за угла выбежал ликующий Франциск Охлопьян; за ним торопились другие мятежники.

— Победа! Полная победа! — возгласил предводитель мятежников. — Солдаты сдаются в плен! На нашу сторону перешло восемь офицеров, больше трети вражеских командиров. Мы овладели всем городом! Вас ждут в ратуше городские власти, наши воины и бывшие сторонники правительства. Все хотят знать, какие блага вы возвестите нам.

“Иди и возвещай!” — приказал Внутренний Голос, и Конрад ответил предводителю мятежников:

— Ведите меня. Будут блага, равные блаженству, пусть никто в этом не усомнится.

Конрад шел по городу, окруженный отрядом мятежников, — верный охранник, бывший солдат правительства Микаэл Убуби шагал позади, защищая от коварного удара в спину, — и внутренне терзался. Надо было до появления в ратуше выстроить программу возвещаемых благ и блаженств, без Внутреннего Голоса такой план не осилить, а Внутренний Голос в этот важнейший момент бормотал что-то невразумительное. Чтобы продлить время, Конрад останавливался у каждого поврежденного здания, спрашивал, из какого орудия импульсировали по дому, были ли убитые жители или всем удалось скрыться в подвалах.

— Разрушений хватило, — радостно объяснял Франциск Охлопьян, — правительство не церемонилось с жителями, в каждом оно видело потенциального врага. И не ошибалось, — с гордостью похвалился руководитель мятежников, — ибо не было дома, где бы нас не прятали, хоть при этом и проклинали, — честно добавил он. — Зато и солдатам досталось, когда они побежали. Вот что значило ваше появление у нас, господин Конрад! Великолепный поворот событий! Мы ждали нашего

дорогого вождя Марка Фигероя, но с ним и отдаленно не связывали столь радостных надежд, какие сейчас уже стали не надеждами, а реальностью.

Радостное признание руководителя мятежников пробудило Внутренний Голос. Он мигом набросал программу поведения, широкими мазками высветив обстановку. “Победа мятежа — это твоя, Конрад, личная победа. Не двинься ты по правой дороге, была бы не победа, а разгром. Отсюда первый вывод: ты достоин высшего почета как единственный спаситель мятежников. Принимай знаки почета без благодарности, как должное, а не наградное. Как назвал тебя этот психоватый верзила? “Господин Конрад”, — так он сказал. Поставить нахала на место! Ты не какой-то их неудачный божок Марк Фигерой, трусливо бежавший от правительственного дракона Фердинанда Шурудана, — пусть до всех дойдет величие твоих дел”.

Так говорил — горячо и убедительно — Внутренний Голос, и Конрад Подольски понимал, что и на этот раз, как и всегда, должен вести себя по советам своего верного друга и руководителя. Но в какие конкретные поступки воплотить свое твердое решение взойти на вершину величия?.. “Оставь это на ход обстоятельств”, — мудро посоветовал Внутренний Голос.

Ход обстоятельств немедленно указал решение.

— Представлять вас городским сановникам буду я, — сказал летающий монах. — Как бы вы повелели именоваться? Марка Фигероя мы называли просто вождем, иногда более скромно — великим Фигероем, иногда и фюрером — в честь его древнего земного предшественника, некоего Гитлера. Но ваши заслуги, несомненно, выше и глубже, я бы даже осмелился выразиться, они более пылающие. Вы не находите, что формула “пылающая заслуга” единственно точная?.. Может быть, государь или император?

— Я человек скромный, и эти выпренные наименования — вождь, великий фюрер, император — не по душе мне, — спокойно ответил Конрад. — Вы просите, чтобы я повелел... назвал вам свой чин и ранг? Вот так и зовите меня — Повелителем. И даже без господина. Не господин Повелитель, а просто Повелитель. Скромно и значительно, не так ли?

— Удивительно скромно, необыкновенно значительно! — восторженно высказался Антон Пустероде. — Я бесконечно горд, Повелитель, что моя просьба повелевать нам... что она воодушевила вас возложить на себя сан Повелителя. Повели-

тель, Повелитель!.. Какое сладостное слово, как радостно произносить его! Сколь почетно будет выполнить повеление Повелителя!

Отряд мятежников двигался с прежней медлительностью, и тусклая Москита уже успела закатиться, когда показалась ратуша — трехэтажное здание на десять окон в каждом этаже. Ратуша мощно возвышалась над одно- и двухэтажными зданиями великого города — Анатра протянулась в длину почти на километр и захватывала больше полукилометра в ширину; все остальные города планеты, вместе собранные, не могли бы сравниться величиной со столицей. Конрад еще в детстве дважды побывал в Анатре, и с той поры в душе его застыло восхищение ее красотой и богатством. И сейчас он многое бы дал, чтобы безмятежно пошляться по улицам, любуясь изысканностью таверн, роскошью вертепов, удобствами ночных берлог — он как-то переночевал с отцом в одной такой ночлежке. И во рту у него надолго остался восхитительный вкус проданного им на последний отцовский медяк варева, которое отец уважительно назвал гороховой баландой. Но Конрад сегодня не мог дать волю душе. И хоть при воспоминании о гороховой баланде непроизвольно облизнулся, он никому не позволил подозревать, какие плотские вождедения им овладевают. Ибо он теперь был не праздным зевакой, позвякивающим в кармане двумя-тремя монетками, а Повелителем — и вел себя соответственно сану.

У входа в ратушу его встретили отцы города — три величавых седобородых старика. Отряд мятежников остался на улице, а Конрад прошествовал с отцами города внутрь. Со спины его по-прежнему страховал бывший солдат, а ныне верный охранник Микаэл Убуби; с боков, на почтительном отдалении в два шага, двигался предводитель мятежников, могучий рыцарь Франциск Охлопян и проповедник Антон Пустероде, главный летающий монах планеты, создатель этого крылатого воинства, насчитывающего, как он гордостью поведал Повелителю по дороге в ратушу, уже ровно четырнадцать отважных и красивых летунов, не считая его самого. Сановники расселись на парадных сосновых пнях у стены, а Конрад уселся на троне, вывезенном еще с Земли в качестве богатого трофея, о чем свидетельствовала почтительно сохраненная бирка: “Кресло-кровать. ГОСТ 12345. 2034 год”.

Летающий монах вышел вперед и возвестил собранию, что на Марите произошел успешный и внеплановый перево-

рот. Он успешен, ибо правительственная армия сложила оружие. А внеочередной он потому, что совершился раньше нормального срока. С того незабываемого дня, когда отряд Архидео Марадоны, покинув Землю на захваченном им звездолете, высадился на Марите, прошло ровно 105 лет, и в этот не такой уж огромный исторический интервал вместились ровно 35 государственных переворотов. Иначе говоря, перевороты совершались с точностью астрономического события каждые три года. А этот возник на год раньше, ибо правление военного вождя правительства майора Фердинанда Шурудана стало поистине нестерпимым и его великий противник, Марк Фигерой, министр экономики, счел нужным поднять народ на досрочный мятеж. А внеплановость мятежа в том, что, во-первых, благодаря его внеочередности в душах солдат не накопилось достаточно отвращения к правительству и армия поддержала майора Фердинанда Шурудана, хотя не только на улицах, но и в казармах майора и шепотом и громко именовали страшным драконом и он сам, это точно известно, гордился своим несколько нехорошим прозвищем. А во-вторых, ни Шурудан, ни Фигерой не одержали победы, а, наоборот, оба погибли; а исход мятежа непредвиденно решил новый человек, удивительный человек Конрад Подольски, принявший на себя титул и сан Повелителя. Итак, в связи с вышеизложенным, мятеж против ныне не существующего майора Шурудана следует считать не мятежом, а освободительным переворотом, что же до последующего, то пусть сам Повелитель объявит свои повеления.

— Прежде чем высказать повеления, прошу ознакомить меня с обстановкой. Что в Анатре и в других городах?

Отвечал старший из трех отцов города. Анатра покорна своему Повелителю.

По всем улицам объявлена мирная обстановка. Уже открываются бытовые и увеселительные заведения — пивные таверны, танцевальные вертепы, пищевые берлоги, трущобы для командированных, подвалы для почтенных гостей, а также казематы для торжественных приемов. Отцы города, конечно, знают, что при государственном перевороте победители требуют благодарственных денег. На этот случай заранее подготовлен особый, неприкасаемый — в мирное время, естественно, — денежный фонд. Но в связи с досрочностью и внеплановостью

переворота... Денег меньше, чем, возможно, потребует Повелитель.

— Все деньги передать армии, — повелел Конрад. — И срочно собрать такую же сумму для моих личных государственных нужд. Слушаю дальше.

Франциск Охлопьян доложил, что положение в армии стабилизируется. В Анатре правительственные войска побеждены, в других городах они без сопротивления переходят под власть Повелителя. Он с радостью извещает, что все двадцать три офицера армии высказались за новую власть. Такой ошеломительно быстрой, такой всецело полной победы еще не бывало ни при каких прежних переворотах. В знак особого величия одержанной победы надо бы выдать каждому офицеру поощрительную награду или наградное поощрение. Если Повелитель не возражает, для этого можно использовать благодарственный финансовый дар города Анатры.

— Не возражаю. Как настроение крестьянства?

О настроениях крестьянства доложил летающий монах.

Крестьянство затаилось в своих хижинах. Крестьян гораздо больше, чем горожан, — почти шесть тысяч по налоговой переписи, — но они истари ненавидят всякую власть.

Крестьяне на Марите традиционно скупы, и хотя правительство никогда не требовало от них больше половины их доходов, но и эту жалкую мзду без армии не сыскать. А ведь половина доходов крестьянства — тот минимум, без которого власть не может функционировать. И безвременно погибший великий Марк Фигерой, и злой дракон Фердинанд Шурудан в этом единственном пункте были одинакового мнения. Слушаю повеления по проблеме крестьянства.

Конрад со злорадством припомнил, как кричал отец, выгоняя его из дому.

Отец не был способен понять, что Конрад созрел для великих свершений. Пришло время показать ему, как страшно он ошибался в сыне. Конрад прислушался к Внутреннему Голосу. Внутренний Голос гремел так мощно, что его могли услышать и со стороны. “Что я тебе обещал, если пойдешь по правой дороге? — разливался Внутренний Голос. — Ты теперь Верховная власть, вот ты на какой высоте! Но власть тем выше, чем она властней. Соображаешь? Руби и круши — в том истинное величие властной власти. Пусть отец и жалкие соседи почувствуют твою руку!”

— Как относились крестьяне к правлению Фердинанда Шурудана? — спросил Конрад, хотя и сам знал ответ: отец этот ответ часто произносил в сопровождении жутких проклятий.

— Ненавидели! Они-то и прозвали его государственным драконом.

— Значит, крестьяне рады, что мы освободили их от дракона?

— Не сомневаюсь ни единой минуты, Повелитель!

— И они благодарны нам за освобождение?

— Как может быть по-иному, Повелитель?

— Тогда повелеваю: пусть крестьяне в благодарность за освобождение от старой власти вручат новой власти дополнительно к старым налогам, равным половине их доходов, еще одну десятую. Итого шесть десятых. Сбор шестидесятки поручаю офицерам армии, которые получают поощрительную награду. Повеление ясно?

— Вполне ясно, Повелитель, — объявили в один голос бывший предводитель мятежников, а ныне командир правительственных войск Франциск Охлопьян и летающий монах, ныне министр экономики Антон Пустероде. Конрад объявил им о новых должностях, когда они подходили к ратуше, и оба жаждали функционировать.

Конрад сказал, что хотел бы отдохнуть, ибо день был трудный. Старший из отцов города отвел Повелителя в роскошные апартаменты. Это была обширная комната на два окна с настоящей кроватью и тремя стульями, умывальником и ковриком у порога — все предметы обстановки были еще с Земли. Конрад подошел к окну и долго всматривался в площадь. По ратушной площади ходили радостные солдаты, то один, то другой возглашал: “Слава Повелителю!” Москита закатилась, и темная звездная ночь нависла над городом. Звезды лихорадочно мигали; раньше Конрад не мог без содрогания смотреть на слишком живое ночное небо, но сегодня оно его не пугало. В Конраде фонтаном било молчаливое ликование. Внутренний Голос не обманул. Правая дорога была верной. Самые яркие мечты, самые сладостные надежды осуществлены. Никому до того не известный — кроме злого отца, разумеется, — он теперь повсеустно славится на всех улицах великой Анатры, а в ней живет более тысячи маритян. Завтра же вся Марита с восторгом и признательностью будет твердить его имя!

Вместе с Конрадом в его однокомнатный апартамент вошел и бывший солдат Микаэл Убуби.

— Ты чего? — спросил Конрад.

— Буду лежать на пороге. — Микаэл Убуби показал на роскошный потертый коврик у двери. — Теперь я от вас ни на шаг. И каждого, кто осмелится!.. Можете положиться на меня, Повелитель, расправлюсь не хуже, чем вы с грозным майором Шуруданом.

— Да, грозному майору досталось, — скромно согласился Конрад.

— Еще как! — восторженно воскликнул бывший солдат. — Боже мой, кто бы мог подумать, что найдется человек, который так смело, так ловко... Простите, Повелитель, но когда вы неподвижно стояли под дулом моего импульсатора и я ждал лишь команды великого майора Шурудана, чтобы импульсировать вас вдоль и поперек... В общем, вы были такой бледный, такой растерянный, что и в голову не могло прийти, что одним прыжком... Голова кружится, когда припоминаешь это! Такая небывалость! Спите спокойно, Повелитель, после такого дня нужно хорошо отдохнуть. Я позабочусь, чтобы сюда никто и носа не сунул.

Бывший солдат, ныне личный охранник Повелителя растянулся на коврике и спустя минуту смачно захрапел. Для человека, хвалящегося своей бдительностью, он мог храпеть и не так громко. Конрад смотрел на Убуби. Было, конечно, приятно, что этот человек своевременно подал добрый совет расправиться со страшным майором, а теперь добровольно и восторженно вызвался в личные охранники, а без охраны, понимал Конрад, небезопасно. Но Конрад предпочел бы, чтобы ему не напоминали, каким он в тот момент выглядел бледным и растерянным. Внутренний Голос проворчал: “Поставь ты этого болтуна на место, иначе он наворотит!” Конрад еще раз посмотрел на Убуби, обдумывая, как его поставить на место. Верный охранник не стоял, а лежал, залиvisto храпя. Он был на своем месте — на полу, у ног Повелителя.

За два дня в Анатре восстановился порядок. Как и пообещали отцы города, открылись все пивные таверны, танцевальные вертепы, пищевые берлоги, гостиничные ночлежки, подвалы для больших пиров и казематы для торжественных приемов. Из других городов приходили добрые вести: везде признавали власть Повелителя, везде торжествовали по случаю гибели майора Шурудана. Летающий монах порадовал Конрада, что в одном городишке из самых заплеванных некий горожанин пуб-

лично высказался: “Хрен редьки не слаще!” — и странная эта фраза, по письменному объяснению горожанина, немедленно от него затребованному, означает высшую степень одобрения. Сам Антон Пустероде был склонен именно к такому толкованию, хотя и не знал, что такое хрен и что такое редька, и в толковом словаре языка Мариты тоже не нашел значения этих слов.

Зато сообщения из деревень не радовали. Скупые крестьяне, и раньше не жаловавшие пятидесятипроцентное изъятие доходов, поголовно как с цепи сорвались, услышав о шестидесятке. Кое-где дополнительные десять процентов приходилось изымать под дулами импульсаторов. На исходе недели летающий монах, ныне министр экономики, доложил о возмутительном происшествии, случившемся неподалеку от Анатры на маленьком хуторке.

— Хозяин того хутора схватил дубину и кинулся на предводителя отряда. Еле-еле удалось его усмирить. А когда ему благожелательно разъяснили, что дополнительное изъятие совершается по вашему личному указанию, он разбушевался еще сильнее. По долгу службы обязан известить вас, что он яростно кричал непотребные слова, вроде: “В гробу я видел вашего Повелителя! Буду дубиной полосовать его повелительную задницу, как не раз полосовал!” И прочее в том же духе. Предводителю отряда пришлось импульсировать старого буяна. А потом он узнал, что старик носил ту же фамилию, что и вы, Повелитель. Он опасается, что казнил вашего родственника.

— Нет, казненный мне не родственник, — спокойно сказал Конрад. — Предводитель поступил правильно. Передайте ему мою благодарность.

Все же спокойствие далось нелегко. По уходе министра экономики Конрад впал в горесть. То ли терзали печеночные колики, то ли грызла совесть. Он не любил отца, отец не терпел сына. Но никогда их свары не раскалялись настолько, чтобы он пожелал отцу смерти. И, дерзя и возмущаясь, он сохранял сыновнее почтение. Он и бежал из дому, чтобы не перейти в запале за грань этого почтения. А сейчас отец погиб по велению сына, хоть и не прямому, стал только косвенной, но все же жертвой сыновних приказов. И Конрад в отчаянии воззвал к утешению Внутреннего Голоса. Внутренний Голос отозвался без промедления. “Старик, я тебя понимаю! — горько изливался он. — Боже, как я тебе сочувствую! Такое горе нелегко пережить, но пережить надо. Страна нуждается в твоём ясном уме, в

твоей твердой воле, в твоём безмятежном спокойствии, и потом, между нами говоря, больно уж шебутной он был, твой безвременно погибший отец. Он единственный не верил в твоё величие и делал все, чтобы величия не осуществилось. Он был тебе не только отцом, но и врагом, так это нехорошо получается. И нет сомнения, что он бы не ограничился руганью, после того как узнал, что ты — Повелитель. Он такую бы на тебя покати́л телегу! Попросту не дал бы достичь той великой цели, которую тебе предназначила судьба. Сколько бы людей погибло, разожги он восстание, а он бы перед этим не остановился. Так что его маленькая личная смерть спасет от общественных потрясений, от сотен других смертей. С государственной точки зрения надо одобрить его гибель. Вот так оно очень непросто и очень закономерно получается, старина! Возьми себя в руки и успокойся!”

Аргументы Внутреннего Голоса были объективны и убедительны. Конрад взял себя в руки и успокоился.

Вскоре, однако, возник новый повод смущаться душой. Командующий войсками Повелителя, майор — он теперь стал майором — Франциск Охлопян информировал Конрада, что его верный охранник Микаэл Убуби повел себя плохо. Бывший солдат свергнутого правительства собирает молодых воинов и рассказывает, как импульсировали великого Фигероя и презренного Шурудана. И так расписывает, каким растерянным и жалким выглядел тогда Повелитель, что солдаты удивляются.

— Байки такого рода подрывают основы государственного строя, — высказал твердое убеждение майор Охлопян.

— Что вы предлагаете, майор?

— Прикажете своему охраннику держать язык за зубами, Повелитель.

Конрад промолчал. Внутренний Голос орал, заглушая все мысли: “Гнать его, пса! Вот же гад! Такую клеветню на тебя!” Но, стараясь не выдать, как яростно в нём голосит Внутренний Голос, Конрад холодно произнес:

— Сомневаюсь, чтобы такой запрет был эффективен. Прошу вас прислать другого охранника. Человек, который не может охранить мою честь, не способен охранять мою жизнь.

— Как прикажете поступить с государственным изменником Микаэлом Убуби?

— Сделать так, чтобы у него больше не было возможности совершать государственную измену.

— Понимаю, Повелитель.

Теперь на коврике у двери спал другой охранник — молодой, статный, молчаливый. Конрад немного поогорчился, что понадобилось убрать словоохотливого Микаэла Убуби, тот все же хоть и был некрасив до уродливости, но добродушен и незлобен. И он первый поверил в величие Конрада. Внутренний же Голос запальчиво твердил, что человек, безответственной болтовней бросающий тень на светлый лик Повелителя, заслуживает самого жестокого наказания и что даже вспоминать его нечего, ибо не следует обременять свою память теми, кого уже нет на свете.

Новые доклады министра экономики окончательно отвратили Повелителя от тягостных воспоминаний.

— Я пролетел по всей Марите. Везде славят ваше имя, Повелитель! — восторженно делился новостями летающий монах. — В вашем восшествии в повелительность многие видят чудо, считая, что без божественного участия не обошлось. Я слышал, как один говорил о вас: “Послал нам его Бог на голову!”, а другой еще определенной: “Ну и шутку вытворил Господь!” Некая божественность присваивается вашей личности как ее важный государственный признак. Этим великим историческим фактом надо воспользоваться.

— Как это понимать, министр? — милостиво поинтересовался Конрад. Лишь большим усилием воли он не разрешил себе запрыгать в кресле. Внутренний Голос побрякивал от удовольствия.

— Шестидесятка идет плохо, — откровенно сказал министр. — Солдат бесит неразумное сопротивление крестьян. Уже в трех деревнях применялись импульсаторы. Если бы называть ваши приказы велениями свыше...

Предложение летающего монаха было хорошее, но недостаточное.

Внутренний Голос прекратил восхищенное побрякивание и заговорил по-деловому: “Не кусочничай, не мелочись! Размахивайся пошире! Сколько раз повторять, что тебе нужны величайшие посты в этом мире. А какой пост — величайший? Усек, болван?”

— Почему бы не объявить себя богом? — спросил Конрад. — Повелитель и Господь Конрад Подольски... Звучит внушительно и просто. Скромное титулование: “Ваша божествен-

ность” вместо “Ваше величество”, тем более — “Ваша повелительность”. А вам присвоим ранг летающего ангела.

Летающий монах впал в тихое обалдение и так вытаращился, словно узрел у носа змею. И поперхнулся ответом, будто проглотил лягушку.

— Да, конечно. Господь Бог Конрад Подольски... Все очень, очень просто... Но, видите ли...

— Не вижу, — строго ответил Конрад. — Объясните определенней.

Летающий монах кое-как справился с растерянностью.

— Отличнейшая идея, хотел я сказать. Ваша удивительная голова рождает ошеломительные проекты... Однако любое божество отличается от смертного тем, что способно сотворить чудо. К сожалению, ваши уникальные способности не простираются до творения чудес, Повелитель.

— Вы сами сказали, что многие видят чудо в моем вступлении в повелительность.

Было ясно, что министр экономики в своем преклонении дошел до межи, через которую перешагнуть не осмеливается.

— Чудо совершено, так сказать, с вами, а не вами. Вы появились чудом, но сами не явили Марите чудес.

— Я предвидел такое возражение, — спокойно сказал Конрад. — И я его опровергну. В пещере Альдонса хранится звездолет, на котором наши предки сто пять лет назад прилетели с Земли. Звездолет получил при посадке большие повреждения, его целое столетие не могли восстановить. Но сейчас он способен к новому полету. И это совершил механик Бартоломей Хапи, большой друг моего отца. Отец говорил, что Хапи способен в своем деле творить чудеса. Чудо в наше время, министр,— проблема научно-технического уровня, не так ли? Я велю Бартоломею Хапи разработать аппаратуру для творения чудес. Когда она будет в наших руках, ничто не помешает провозгласить меня Богом, а вас — летающим ангелом.

— Слушаюсь, Повелитель. Но если Бартоломей Хапи...

— Мы летим в Альдонсу. Пусть командующий войсками подготовит правительственный стреломобиль. Майор Охлопьян полетит с нами.

Пещера Альдонса представляла собой огромную выемку в теле горы. В глубине хранился звездолет “Гермес”. Его столетие восстанавливали три поколения механиков. Только четвертый мастер из рода Хапи сумел рапортовать правительству, что

звездолет снова обрел способность взмыть в космические просторы. Правда, Бартоломей Хапи честно предупредил, что не уверен в длительности полета — о возвращении на Землю пока и не мечтать.

Бартоломей Хапи, хмурый, рослый мужчина, так посмотрел на прибывших вельмож, что это могло сойти за вызов. А официальное “Слава Повелителю!” скорей напоминало “Убирайтесь к чертовой матери!”

— Вам ясна ваша задача, Бартоломей Хапи? — осведомился Конрад, изложив причины приезда.

— Мне ясно, что это не моя задача, — грубо отпарировал механик.

— Не понял. Изложите вторично и доходчивей.

— Вторично и доходчивей будет так: никакой аппаратуры для творения чудес не получите. Даже не мечтайте об этом.

— Да вы понимаете, механик, с кем говорите? — закричал командующий армией майор Охлопьян. — Повелитель Мариты заставит вас склонить колени.

Только этого окрика не хватало, чтобы механик Бартоломей Хапи раскрыл свою суть.

— Повелитель? — заорал он, размахивая рукой перед лицом побледневшего Конрада. — Отцеубийца, а не повелитель! Моего лучшего друга, своего родного отца подставил под дуло импульсатора! Тиран и кровопийца, вот ты кто! И помочь тебе еще сильнее зверствовать?

— Да вы мятежник! — воскликнул майор. — Бунт против законного Повелителя!

— Сегодня еще не бунтовщик. Но завтра буду им! А сейчас проваливайте, пока я не сжег вас огнем двигателей звездолета.

Конрад поспешно отошел от разъяренного механика. Внутренний Голос приказал: “Этот урод способен на все, а твоя жизнь нужна государству!”

Конрад вскочил в стреломобиль. Командующий армией и министр экономики шли за Повелителем, как побитые собаки. Бартоломей Хапи прокричал им вслед несколько прощальных проклятий. В воздухе Внутренний Голос обрел временно утраченную смелость и сменил страх на гнев. “Грош тебе цена, если простишь оскорбление”, — прорычал он. Конрад обратился к своим помощникам:

— Мне кажется, этот мерзкий тип, механик Бартоломей Хапи — государственный изменник. Как по-вашему?

— Очень опасный изменник, — мрачно подтвердил майор Франциск Охлопьян.

А министр экономики добавил:

— Ходят слухи, что этот негодяй со своими сообщниками вынашивает планы бегства на восстановленном звездолете на Землю.

— Значит так, майор, — сказал Конрад. — Завтра он намерен поднять бунт, вы сами слышали это. Повелеваю сегодня ночью выслать в Альдонсу вооруженный отряд и импульсировать Бартоломея Хапи и всех, кто встанет на его защиту.

— Через час отряд вылетит. И никакое чудо не спасет мятежного механика. Утром я доложу вам о его заслуженной казни.

Утром Конраду явились оба его помощника.

По их взволнованным лицам Конрад понял, что надо ждать нехороших вестей.

Чудо все-таки произошло.

Механик Бартоломей Хапи не только взбунтовался сам, но и подговорил на бунт солдат, что пришли его импульсировать. Мятежный отряд движется на столицу. Надо противопоставить бунтовщикам верное войско.

— Какие есть возможности, майор? — спросил Конрад.

— Одна, но хорошая. У восставших нет вождя. Бартоломей Хапи может ремонтировать звездолеты, но не способен командовать армией. А у верных вам солдат, Повелитель, имеюсь я. Я поведу армию на подавление мятежа и ровно через час восстановлю государственное спокойствие.

Майор Франциск Охлопьян удалился, а Конрад продолжал обсуждать с министром экономики, как завершить взимание шестидесятки. Прошел час, но майор не воротился. Второй час тоже прошел без вестей от него.

Внутренний Голос приказал Конраду встревожиться. Конрад, встревожась, велел летающему монаху разведать, что с командующим армией. Антон Пустероде ушел, но вскоре, воротясь, еще с порога закричал:

— Измена! Майор возглавил мятежников. Армия взбунтовалась. Только охрана вашей резиденции еще верна.

Внутренний Голос так растерялся, что не проронил ни слова. Летающий монах продолжал:

— Я сам возглавлю верных вам солдат, Повелитель. Я полечу во главе их навстречу мятежникам. Я заклею измену

гневным словом, испепелю мятеж огненным проклятием. Даю вам торжественное обещание: через час армия снова склонится перед вашим величием.

Министр экономики, летающий монах, будущий летающий ангел Антон Пустероде убежал, а Внутренний Голос, обретший дар слова, закричал: “Беги, не то погибнешь! В глухой заначке тот стреломобиль, на котором ты прилетел с несчастным Микаэлом Убуби. Спасайся, пока машину не захватили мятежники!”

— За мной! — велел Конрад молодому охраннику и побежал на улицу.

Стреломобиль стоял в том же укрытии у продовольственного склада, где Конрад с Убуби схоронили его.

Чтобы добраться до продовольственного склада, нужно было пробежать половину города. К счастью, улицы были пусты, никто не задержал Конрада с его охранником. На каком-то повороте охранник отстал. “Сбежал, предатель!” — мрачно констатировал Внутренний Голос.

Конрад один прокрался к стреломобилю. Влезая на сиденье, Конрад услышал глас с небес. Над продовольственным складом пронесся летающий монах, натужно ревя: “Солдаты, все на штурм ратуши! Смерть кровопийце Повелителю!” Голос его затих вдали — Антон Пустероде не углядел с высоты, куда укрылся Повелитель. Конрад быстро вывел стреломобиль на улицу и взмыл.

Управление машины было простым, но Конрад не сумел проворно сложить крылья и пролетел над городом не стрелой, а стрекозой. Воздушная охрана города засекала его побег, за стреломобилем ринулась погоня. Крылья наконец втянулись в машину, но погоня вошла в стреловидность раньше и поэтому догоняла.

За Конрадом гнались три машины.

Он различил в передней Франциска Охлопяна с импульсатором на коленях и Антона Пустероде с импульсатором в руках. Конрад резко вывернул стреломобиль на посадку. Внизу тянулись заросли колючего кустарника, они давали надежду на спасение. Конрад выскочил из машины и ринулся в дебри. Стреломобиль врагов, не приземляясь, пронесся над ним, и оба — майор Охлопян и летающий монах, так и не ставший летающим ангелом, — разом полоснули из импульсаторов. Мучительная боль свела все клетки тела Конрада.

Он упал лицом в колючий кустарник — и очнулся.

ЛЕВАЯ ДОРОГА

Конрад сидел на камне у развилки дорог. Тусклая красноватая Москита выплывала из-за горизонта. Мир был уныл и невыразителен. От долгого сидения на холоде тело свело. Конрад встал и потянулся.

— Я, кажется, крепко уснул, и мне приснился отвратительный сон, — сказал он себе. — Вроде бы я пошел по правой дороге, и там со мной произошло что-то скверное.

Что сон был плох, Конрад понимал отчетливо, но что в нем плохого, не вспоминалось. Это и раньше случалось: в сонном мозгу разворачивались удивительные видения, а потом оставалось лишь смутное ощущение необычности — и ни единой ясной картины. Впрочем, сегодня хороших снов можно было не ожидать.

Безобразная ссора с отцом не стимулировала радужных видений.

Зато физически Конрад ощущал себя как бы подкрепившимся. Домашняя ссора порядком взвинтила нервы, сон дал им отдых.

— Так по какой дороге все же идти? — спросил себя Конрад, и тут заговорил Внутренний Голос:

— Милочка! — сказал Внутренний Голос очень недовольно. — Твой сон вещий, хоть ты и не запомнил отчетливо, что снилось. Опасайся, дорогой, правых дорог, они неправильны. Шагай подальше от них. Послушай — и не раскаешься.

Конрад зашагал по левой дороге.

Поначалу левая дорога мало отличалась от главного шоссе — такая же широкая, прямая, утрамбованная красной щебенкой. А дальше она сузилась, покривилась, ушла вбок и запетляла меж холмов, проросших колючим серо-зеленым кустарником. Конрад взобрался на небольшую высотку и огляделся. Вокруг лежал неприветливый, однообразный мир: скудная растительность на каменистом грунте, тусклое и пустынное — ни единой тучки — небо и торопливо скользящее по нему холодное светило, лишь слегка освещающее, но не животворящее. И чем дальше уходила левая дорога, тем скудней становился пейзаж, от него начинало сводить скулы и ныли зубы. Впереди не виделось ни хорошего, ни плохого.

— Занес меня черт на эту дурацкую левую дорогу, — с укором сказал Конрад своему настойчивому Внутреннему Голосу.

Внутренний Голос проворчал хмурым голосом без твердой уверенности: “Иди, иди! Шагай, раз начал шагать!”

Конрад выругался, но послушался Внутреннего Голоса. На каком-то обходе одного из бесчисленных холмов щебенка кончилась, дальше шел путь непроезжий. Впрочем, Конрад двигался пешком, его мало тревожили рытвины, колдобины и выбоины, вздутия и валуны. Но ноги уставали быстрее. Он присел на придорожный камешек и с минуту отдыхал. Внезапно из кустов он услышал приглушенный стон. Стон повторился и перешел в тихий плач. Плакал ребенок и, по всему, плакал так, чтобы не привлечь ничьего внимания. Конрад раздвинул кусты и пробрался вглубь. В гущине кустарника притаился мальчик лет двенадцати. Лицо его было измазано грязью, залито слезами. Он с таким страхом посмотрел на Конрада, словно боялся, что тот его убьет. Конрад улыбнулся, присел рядом. Страх у мальчика не проходил. Он полулежал, обхватив обеими руками правое колено, — видимо, оно болело.

— Ушибся? — спросил Конрад.

Мальчик ответил не сразу.

— Ушибся. — И сквозь слезы пояснил: — Бежал и упал на камень.

— Всегда вы, ребята, несетесь, не глядя куда. Дай я посмотрю, что у тебя.

Мальчик отшатнулся с таким ужасом, будто Конрад хотел не полечить, а оторвать больную ногу.

— Не надо, прошу вас! Уже почти не болит. Вот совсем уже не болит. Я сейчас встану, вы сами увидите.

Мальчик, и вправду, сделал попытку встать, но тотчас со стоном повалился на землю. Конрад ласково погладил его по голове.

— Да лежи, чудак. Не хочешь, чтобы я лечил твою ногу — и не надо. Впервые встречаю трусишку, который так трясется при виде врача.

Мальчик, похоже, почувствовал себя обиженным.

— А вы разве врач? Вы, наверное, солдат.

— Нет, не врач, — сказал Конрад с сожалением. — Был бы врач, я не посчитался бы с твоими протестами, а вылечил насильно. И не солдат тоже. Так от кого ты так сильно бежал, что с размаху налетел на камень? Подрался с товарищами?

— Я бежал от солдат, — сказал мальчик. Он глядел исподлобья, он не был уверен, какое впечатление окажет на Конрада его признание.

— А какое у тебя отношение к солдатам?

— Они начали драться на дороге, я испугался и побежал.

— Мог бы и не пугаться. Солдаты воюют не против тебя. Кстати, что это были за солдаты? Хотя откуда тебе знать!

— Я знаю. Мятежные солдаты Марка Фигероя напали на законных солдат Фердинанда Шурудана. У них произошел ужасный бой.

— Если ты так хорошо знаешь, кто за кого воюет, то, наверное, знаешь, кто кого победил?

— Победил Марк Фигерой. Мятежники погнались за солдатами Шурудана. А вы за кого?

— Я ни за кого. Я за себя. Кстати, меня зовут Конрад Подольски, а тебя?

— Меня — Кристиан Кренстон. Я сын Джозефа Кренстона, помощника Бартоломея Хапи, механика при звездолете.

— Слышал такую фамилию — Хапи. О твоём отце не слышал ничего. Что ты думаешь делать дальше, Крис?

— Помогите мне добраться до дома, господин Конрад. Мы живем неподалеку. Мой отец поблагодарит вас, вы отдохнете. Мой сестра сейчас дома, отец тоже, наверное, вернулся, он сегодня работал ночью.

— Видишь ли, Крис, — сказал Конрад, колеблясь. — Я тороплюсь в Анатру. Меня ждут в столице важные дела. Можно сказать — важнейшие. Я должен тебя покинуть, дружок.

Мальчик явно страшился одиночества.

— В столице сегодня ужасно воюют, господин Конрад. Я оттуда, там отовсюду стреляют, ни один житель не высовывает носа на улицу. Вы не сможете там сделать никаких дел. Очень прошу вас, господин Конрад!

Внутренний Голос помог мальчику. “Пожалуй, мальчик прав, нет смысла идти в столицу, охваченную пожаром раздора, — внезапно став говорливым, убеждал Внутренний Голос. — Отведешь его домой, отдохнешь, перекусишь, познакомишься с отцом и сестрой. Взгляни, какой он хорошенький, этот сорванец, а сестра, наверно, просто красавица, с такой невредно и сойтись поближе. И вспомни, ведь ты всегда мечтал совершить что-то выдающееся, вот тебе отличное первое деяние — оказать помощь мальчонке, без твоей помощи он не доберется к своим!”

— Навязался ты на мою голову! — с досадой сказал Конрад, адресуясь не столько к мальчику, сколько к Внутреннему Голосу, а мальчику приказал: — Ухватись за меня и вставай!

Встать мальчик сумел, но, ступив на больную ногу, вскрикнул, застонал и так побледнел от боли, что Конрад подхватил его. Мальчик, стоя на одной ноге, прижался головой к Конраду и тяжело дышал.

— Придется понести тебя, — сказал Конрад. — Вынесу на дорогу, а там оставляю и пойду за твоим отцом. Пусть он сам решает, что с тобой делать.

— Оставьте меня здесь, господин Конрад, — прошептал мальчик. — Я боюсь один лежать на дороге, там меня увидят солдаты. Вы не сердитесь на меня, я и вправду не могу идти сам.

— Дались тебе солдаты, Крис. Будто у них нет другого дела, как гоняться за тобой. Я понесу тебя. Держись крепче за мою шею.

Мальчик не был тяжел, но дорога была из тех, по каким и без ноши шагать нелегко. Конрад минут десять нес Кристиана, потом усадил его на придорожный камень и присел рядом. Кристиан, измученный, прикрыл глаза. Он и вправду был красив: черные длинные кудряшки обрамляли худенькое лицо, а большие глаза приличествовали скорее девочке, чем пареньку. Конрад почувствовал нежность к робкому мальчишке, сперва так испугавшемуся незнакомого мужчины, а потом столь искренне доверившемуся. “Навязался ты на мою голову”, — тихо повторил Конрад.

— Отдохнул, Крис? Может, пойдём?

— Я не устал, это вы устали, господин Конрад. Я только ходить не могу. Я такая обуза для вас, господин Конрад.

— Пустяки! Неудобно, конечно, но не больше.

На каком-то отрезке дороги Кристиан сказал, что скоро появится высокий холм, надо повернуть около него на боковую тропку — она приведет к его дому. У холмика Конрад сделал привал. Он хотел было присесть на обочине, но мальчик попросил его пройти за холм, чтобы их не увидели с дороги: по ней часто идут солдаты.

— Меня все-таки удивляет, Крис, твой страх перед солдатами, — Конрад сел рядом с мальчиком. — Что тебе до того, кто с кем воюет? Ты ведь не участник мятежа и не защитник правительства, ты слишком мал для этого. Или твой отец замешан в

сваре военных? Ты что-то скрываешь от меня, а напрасно: я тебе не враг.

Кристиан старался не глядеть в глаза Конраду. Он явно что-то таил.

— Не хочешь — не говори. В конце концов, твои тайны меня не касаются.

— Я скажу вам, господин Конрад, — прошептал мальчик, решившись на признание. — Мой отец — конструктор больших стреломобилей.

— Ты сказал, что он — помощник главного механика пещеры Альдонса, известного Бартоломея Хапи, — напомнил Конрад.

— Да, он помощник Хапи. Но он еще сконструировал два стреломобиля. Очень большие, на тридцать солдат каждый.

— Понятия не имел, что такие гиганты существуют. Где же они?

— Один в казармах у майора Шурудана, другим завладели мятежники Фигероя. Стреломобили повреждены, без отца их не поднять в воздух. И Шурудан и Фигерой разыскивают отца, чтобы он им пособил.

— Кому же пособляет твой отец?

— Никому. Фигерой пригрозил отцу смертью, если он услужит Шурудану. А Шурудан поклялся казнить нас всех, если отец поможет мятежникам.

— Положеньице! Как все-таки поступил твой отец?

— Он скрылся. Никто не знает, где наш дом, отец его недавно построил. А я побежал в город, чтобы передать в Альдонсу, что отца не будет в пещере, пока идет война. Мятежники Фигероя узнали меня, когда я подходил к городской квартире Бартоломея Хапи, я хотел передать весть об отце через жену главного механика. Меня задержали, но я вырвался из рук солдат и убежал.

Конрад покачал головой.

— С тобой, оказывается, опасно быть знакомым. Теперь я понимаю, почему ты боишься и тех, и других солдат. Но ты уверен, что твоего отца не найдут?

Мальчик повторил, что никто не знает об их новом доме, кроме самого Хапи, а главный механик не выдаст своего помощника. Господину Конраду не нужно нести его до самого дома. Господин Конрад может донести его только до маленького лесного озера, откуда они, он и сестра, берут воду. Он поле-

жит там на берегу в кустах, а утром окликнет сестру, когда она придет за водой. Господин Конрад может спокойно удалиться, когда уложит его возле озера, и никто на свете тогда не узнает, что он помогал сыну человека, которого стремятся захватить обе враждующие стороны.

— Навязался ты на мою голову, Крис! — с чувством повторил Конрад. — Но как же я тебя брошу в кустарнике на ночь глядя? Нет, уж я вызову твоего отца и сдам тебя с рук на руки. Или вручу сестре, если твой отец так спрятался, что и на голоса наши не отзовется.

— Сестра отзовется, если мы покричим ее, господин Конрад.

— Вот и отлично. Сестра старше тебя, Крис?

— На пять лет старше. Ей скоро семнадцать.

— Она добрая? Как ее зовут?

— Катарина. Она лучше всех на свете.

— Лучше всех на свете? Значит, и красивая?

— Самая красивая на Марите. Я слышал, как механик Бартоломей Хапи называл ее первой красавицей планеты.

— Вот видишь, красавица и вообще лучше всех. Я не могу оставить без присмотра раненного брата такой сестры. Обхвати мою шею покрепче, Крис.

Конрад опять нес мальчика, с удовольствием прислушиваясь к Внутреннему Голосу. Внутренний Голос уверял, что благородство всегда было важнейшей чертой характера Конрада, только на этом поприще — в помощи всем, кто просит помощи — и найдет себя Конрад Подольски, прекраснейший из граждан Мариты, юноша высокого духа и выдающейся личной смелости. “Не понимал тебя твой хмурый вспыльчивый отец, когда уверял, что ты беспринципен и потому равно способен и на злодейство, и на самопожертвование, — нет, и отдаленно не понимал он тебя, — горячо доказывал Внутренний Голос. — А вот посмотрел бы он, как ты несешь этого мальчонку и как он доверчиво прижимается к тебе головой; нет, поглядел бы только — и наверняка попросил бы прощения, ибо не дано ему постичь твою натуру, да и сам ты еще не полностью провидишь, каких наград достоин”.

Под сладкий шепот Внутреннего Голоса Конрад нес мальчика до высокого холма, где начиналась боковая тропка. Здесь он укрыл Кристиана под кустом и укрылся сам. В небе пронесся стреломобиль, спустя минуту пролетели еще два. Над дорогой

промчался на низкой высоте какой-то летающий монах, трубный рев донесся до обоих притаившихся путников и заглох в отдалении. Конраду показалось, что он узнает голос Антона Пустероде, самого известного из летающих монахов. Впрочем, Конрад еще не видел Антона Пустероде вблизи, только изредка слышал его с высоты. Отдаление искажало голос, было неясно, за кого ратует монах: то ли призывает к мятежу, то ли славит правительство. Увидев, что в небе больше нет ни грозных стреломобилей, ни опасных летающих монахов, Конрад со своей живой ношей двинулся дальше.

Он подошел к озерку, прошел по его берегу, пересек кустарниковую заросль, углубился в густой низкорослый лесок.

— Мы у дома, — сказал мальчик. — Поднимите меня повыше, я покричу. — Конрад приподнял его над своей головой, мальчик прокричал: — Отец! Катарина! Это я, идите ко мне.

Он два раза воззвал к родным, чтобы они шли к нему, но из леса никто не отозвался. Конрад потянул носом воздух — пахло гарью.

— Что-то у вас дома случилось, Крис. Пойдем посмотрим.

Гарью тянуло все сильнее, меж деревьев поплыли струйки дыма. Конрад вышел на поляну и увидел охваченный пламенем домик. Мальчик заплакал и закричал, но никто не отозвался.

— Отец, Катарина, где вы? — рыдал мальчик. — Где вы, отзовитесь!

— Полежи здесь на траве, — сказал Конрад, осторожно опуская Кристиана. — Я обойду домик и поищу. Вероятно, отец и сестра убежали от пожара. Но ты не двигайся, тебе нельзя напрягать больную ногу.

— Я буду лежать неподвижно, господин Конрад, — пообещал мальчик, давясь слезами. — А вы сами позовите их — они, наверное, недалеко.

Пройдя всего с десяток шагов, Конрад понял, что кричать хозяев домика не нужно. У стены, противоположной от места, откуда они с мальчиком вышли, лежал пожилой мужчина, пересеченный по груди и по ногам лучом импульсатора. Он глядел в красноватое небо широко распахнутыми незрячими глазами. Был полдень, тусклая Москита стояла точно над мертвецом. А неподалеку лежала мертвая девушка. Возможно, при жизни она была красивей всех на планете, но разряд импульсатора изуродовал ее. Конрад оглянулся на мальчика. Тот не мог увидеть, что заставило Конрада остановиться и на что он сейчас смотрел.

Мальчику нельзя было сообщать, какое несчастье случилось с его родными. Конрад очень громко и отдельно прокричал во все стороны леса:

— Джозеф Кренстон, Катарина! Отзовитесь! Идите скорей сюда! Вас ожидает Кристиан.

После каждого выкрика он делал вид, что прислушивается, нет ли ответа. Внезапно ответ донесся тихим стоном из кустарника. Конрад быстро шагнул на голос. Шагах в двадцати от горящего домика лежал раненный солдат, рядом валялся импульсатор. Солдат устало взглянул на Конрада, с усилием прошептал:

— Ты кто, приятель? Подлый мятежник или наш?

— Не ваш и не их, — ответил Конрад. — Я сам по себе. Но я постараюсь вам помочь. Куда вы ранены?

— Не старайся, мне жить до вечера. Погляди, — солдат показал на правую ногу, и Конрад увидел широкую полосу от резанувшего по ней луча. — Кто получит такой импульс, тому крышка. Жаль, что ты не наш. Хоть бы отомстил бандитам Фигероя.

— Что здесь случилось? Почему горит дом? Кто убил старика и девушку? Если я не могу помочь вам, то хоть объясните, кому я должен мстить за гибель механика Кренстона и его дочери. Такое преступление не может остаться безнаказанным!

— Не было преступления, парень. Был приказ — и только! — Солдат говорил с трудом, но ясно. — Нашли, где старик скрылся, и пришли брать. Сам майор велел его доставить. Он сопротивлялся, а ведьма девка вцепилась: “Отец! Отец! Не отдам!” Вырывала у меня импульсатор... Я ее полоснул. А тут мятежники Фигероя. Кто-то старика резанул, потом меня... Наши побежали, бандиты за ними. Я отполз. Буду здесь умирать. Жаль, что ты не наш, отплатил бы за меня. Возьми импульсатор, передай нашим.

Конрад поднял оружие и долго смотрел в лицо солдату, потом сказал:

— Хорошо, что тебя уже импульсировали, я бы добавил луча.

— Так и знал: мятежник, — равнодушно сказал солдат и устало прикрыл глаза. Он был длинный, рыжий, ширококоротый, узколицый, на груди красовалась ленточка “За примерную службу”. Он умирал бесстрастно. Он привык к чужим смертям и давно знал, что и сам умрет вот так: перерезанный смертоносным лучом, постепенно охватываемый окостенением. Не было причин выделять свою гибель как чрезвычайность.

Конрад быстро отошел от него.

Мальчик с таким страхом поглядел на него, что Конрад счел нужным почти весело улыбнуться.

— Там в кустах лежит умирающий солдат. Он рассказал, что они явились сюда, чтобы забрать твоего отца, но не нашли ни его, ни сестры. Очевидно, твои родные, услышав приближение солдат, убежали подальше. А потом нагрянули мятежники и произошло сражение между ними и солдатами. Мятежники победили и сейчас преследуют удравших солдат. Скоро они возвратятся, чтобы захватить твоего отца. Но отец не воротится; он понимает, что, раз его убежище раскрыто, ему здесь больше не жить. Мы с тобой тоже уберемся, не хочется встречаться ни с воинами Шурудана, ни с мятежниками Фигероя.

— Вы уходите, а я останусь, господин Конрад, — сказал Крис.

— И думать об этом не смей! Нужно тебе сталкиваться с разъяренной солдатней!

— Я не могу идти, а вам тяжело нести меня, господин Конрад.

— Долго и не буду нести. И ты еще побежишь быстрее меня.

— У меня немеет вся нога, — пожаловался мальчик. — Я уже не чувствую ноги. Даже перестала болеть.

— Покажи рану. Что ты стесняешься, как девочка? Лежи спокойно, я посмотрю сам, что можно сделать с твоей раной.

Мальчик запрокинул голову и закрыл глаза, приготовившись к боли. Конрад быстро стащил с мальчишки брюки. Ошеломленный, он молча глядел на черную полосу, наискосок протянувшуюся по ноге. Не было никакого ушиба — и никакой надежды на выздоровление. Кристиан попал под разряд импультатора. Резонансный импульс, лишь опалив одежду, умертвил живые ткани. Омертвление неотвратимо распространялось дальше, уже вся нога начинала чернеть. Время жизни для Кристиана исчислялось теперь часами.

— Почему ты мне этого не сказал, Крис? — горестно воскликнул Конрад.

— Я боялся, — грустно ответил мальчик, снова раскрывая глаза. — Вы могли испугаться, что солдаты стреляли в меня. Как вы думаете, я умру, господин Конрад? Мне бы хотелось перед смертью повидаться с отцом и сестрой. Но, может быть, рана заживет! Я очень хотел бы, чтобы она зажила, господин Конрад!

— Ты встретишься с родными, уверен в этом. А теперь — побыстрее бежать, пока не воротились солдаты или мятежники. Руки у тебя крепкие, не разнимай их.

Конрад торопился так, словно погоня уже за плечами. У высокого холма, где тропка сливалась с левой дорогой, он положил мальчика на грунт и осторожно выглянул. Дорога была пуста — самый раз зашагать по ней, пока не появились солдаты или мятежники. Конрад, измученный, свалился около Кристиана. Мальчик был плох. Окостенение поднималось уже выше колена. Бледный, с запекшимися губами, он тревожно следил за каждым движением Конрада. Он понимал, что приближается час, когда случайно появившийся друг захочет покинуть его, чтобы самому не попасть в беду. Конрад с отчаянием спросил себя: что делать? Внутренний Голос, вот уже два часа молчавший — видимо от растерянности, — наконец внятно заговорил. “Навязался тебе на голову паренек с большими, как у девчонки, глазами, — посетовал Внутренний Голос, — но как теперь от него отвязаться? Он, нет сомнения, умрет, но ведь пока живой! Всего благоразумней оставить его у холма, пообещать пойти на поиск его родных и скрыться. Но ты этого не сделаешь, я тебя знаю, дорогой, ты не покинешь беззащитного и еще не верящего, что он умрет. Хоть бы скорее он умер, раз уж ему не жить. Но все же он еще живой, он живой, этот несчастный мальчик, пойми меня, Конрад, мальчик еще живой! И у него нет другого защитника, кроме тебя!”

Из кустарника вдруг показался солдат и заорал:

— Сюда! Сюда! Здесь тот мальчишка!

Конрад схватил Кристиана и побежал по склону холма. Нога запнулась, и Конрад с ношей свалился в яму. Он хотел было снова вскочить и бежать дальше, но из кустарника появились новые солдаты. Впереди быстро шагал их предводитель. Конрад узнал Марка Фигероя, недавнего министра экономики, теперь вождя мятежников: портреты этого красивого рослого человека вместе с обещанием крупной премии каждому, кто доставит его живым или мертвым, были расклеены повсюду. Конрад пригнулся в яме, чтобы наружу глядели только глаза, и выставил вперед импульсатор. Фигерой остановился в отдалении и закричал:

— Слушай, парень, ты кто — наш или враг?

— Не знаю, — ответил Конрад. — Еще не думал, кто я.

— Значит, будешь нашим. Опустим импульсатор, это не игрушка. Слушай меня внимательно. Мы видели, что ты тащил мальчишку, сына казненного нами механика. Механик предался солдатам Шурудана, они его уводили. В общем, не достался ни

нашим, ни вашим, ты меня понял, парень? Нам нужен мальчик. Он покажет, где отец спрятал чертежи большого стреломобиля, без чертежей не разобраться, как поднять машину в воздух. Да убери импульсатор, говорят тебе. Сейчас мы подойдем, и ты выдашь нам мальчишку.

Конрад обернулся к мальчику. Кристиан лежал с закрытыми глазами. Он потерял сознание, услышав, что его отца казнили. Конрад крикнул:

— Мальчик не может вам помочь. Он тяжело ранен и к тому же без сознания.

— Это не твоя забота, парень, в каком он состоянии. У меня есть добрый человек, который и мертвых заставляет говорить. Да опустишь ли ты наконец импульсатор?

Конрад наставил ствол прямо на медленно подходящего Фигероя.

— Стойте на месте! Я не дам вам мальчика.

Фигерой остановился, сделал знак рукой, и с разных сторон на холм ринулись мятежники. Конрад услышал противное жужжание резонансных разрядов, взвизг взметнувшихся вокруг него мелких камешков и нажал на кнопку спуска. Фигерой согнулся, переломился и покатился вниз по холму. Импульсатор был последней модели, со страшной убойной силой, к тому же сразу включен на полную мощность: резонансный луч так перерезал тело вождя мятежников, что обе ноги отвалились сразу, за ними с плеч слетела голова.

Воины погибшего Фигероя с воплями помчались вниз и пропали в кустарнике. Минуты две-три Конрад тешил себя надеждой, что, потеряв предводителя, они уберутся восвояси. Но блестящий то тут, то там среди рыжих веток металл показывал, что враги замаскировались и ждут лишь ночи, чтобы взять приступом рытвину, где оборонялся Конрад. Он с тоской посмотрел на небо. Тусклая Москита теряла и ту жалкую яркость, с какой пробиралась по небу днем. Наступал вечер — вероятно, последний вечер в его и Кристиана жизни. Конрад в отчаянии и бешенстве воззвал к Внутреннему Голосу — что делать? Но Внутренний Голос потерянно молчал: он не знал, что делать. Мальчик по-прежнему лежал с закрытыми глазами, без памяти, с бледных щек скатывались капельки пота, он тоже не мог что-либо посоветовать. “Навязался ты на мою голову, — с грустной нежностью подумал Конрад. — И тебя не спасу, и сам погибну”. Он посмотрел вверх. О том, чтобы искать спасения внизу,

не приходилось и думать, там были разъяренные солдаты. Но, может, удастся прокрасться наверх с мальчиком на руках? Не найдется ли там неожиданного пути к спасению?

И тут Конрад услышал тонкое пение стреломобиля. Машина летела на полной скорости — со втянутыми крыльями. Это была обычная боевая машина на двоих: Конрад увидел в кабине водителя и стрелка с импульсатором. Стреломобиль пролетел и мигом пропал вдали. Видимо, пассажиры что-то заметили, машина повернула назад, выбросила крылья и стрекозой зависла над холмом. “Будет меня обстреливать”, — со страхом подумал Конрад, но из кустов прожужжали импульсы по машине — и стрелок в стреломобиле провел резонансным лучом по кустам. Конрад услышал крики, из кустов по машине било уже с десятков лучей, отчетливо видных в красноватом сумраке вечера. Затем из-за холма вынырнули еще стреломобили и выбросили наружу крылья. Сумрак сгущался, и все отчетливей становились лучи с земли и на землю. Конрад весь сжался, чтобы сражавшиеся его не заметили. Если бы удалось так продержаться до полного захода Москиты, можно было надеяться, что в пылу сражения мятежники его потеряют, а солдаты не заметят. Но издали донесся трубный рев, над холмами показался летающий монах и сделал два круга в вышине. По летающему монаху обе стороны старались не импульсировать, он только криком, а не оружием участвовал в сражении. Отец — Конрад это хорошо запомнил, — однако, часто говаривал: “Больше всего боюсь этих крылатых бестий, ибо они все до одного — порождения сатаны”.

Вскоре Конрад разобрал, что кружащий над ним монах — знаменитый Антон Пустероде. Только у него так мрачно сияли на плечах фонарики погон, только ему могли принадлежать пятикружковые могучие крылья. Антон Пустероде, видимо, служил в правительственных войсках, ибо, заметив труп Фигероя, он радостным ревом оповестил своих, что предводитель мятежников сражен. Конрад еще плотней приник к грунту. Если нашли труп Фигероя, то должны искать его убийцу. Внутренний Голос пискнул было, что правительство хорошо наградит убийцу своего главного врага и что поэтому больше не надо прятаться. Но Конрад не внял Внутреннему Голосу и, точно, в следующую минуту убедился, что сомнения его обоснованны. Летающий монах разглядел Конрада и дико завопил, что сын механика обнаружен и его надо хватать. Из двух стреломобилей, за-

висших над холмом, вывалились солдаты и кинулись к яме, где затаился Конрад. Летающий монах кружил низко, показывая им, куда бежать. Конрад повернулся к Кристиану. Мальчик открыл и снова закрыл глаза, что-то шепнул. Он умирал, это было явно. Конрад встал во весь рост.

— Будь ты проклят, летающий дьявол! — крикнул он Антону Пустероде и выдал полный импульс.

И последней картиной, ярко отпечатавшейся в мозгу Конрада Подольски — беспутного юноши, бежавшего от недоброго отца — был пейзаж вечернего сражения на высоком каменистом холме: вспыхивающие длинными нитями смертоносные лучи с земли и на землю, рушащийся на Конрада с пронзительным клетотом импульсированный летающий монах Антон Пустероде и два бегущих солдата, не успевших спасти своего крылатого соглядатая, но прибывшие как раз вовремя, чтобы расправиться с самим Конрадом.

Конрад упал на скорчившегося на дне ямы мертвого мальчика — и проснулся.

СРЕДНЯЯ ДОРОГА

Конрад сидел на камне у развилки дорог. Тусклая красноватая Москита выплывала из-за горизонта. Мир был уныл. От долгого сидения на холодном камне тело свело. Конрад потянулся.

— Опять дурной сон, — сказал он с возмущением. — И вроде бы сон во сне. Но разве так бывает, чтобы во сне приснилось, что видишь другой сон?

Очевидно, так бывает, раз это случилось с ним. Конрад не стал ломать голову над законами сновидений. Но его одолела досада — он видел два нехороших сна, возможно, даже один сон в другом, но что происходило в тех сновидениях, вспомнить не мог. Были приключения, удивительные события, но какие, черт побери? Было плохо, даже очень плохо — вот и все, что он помнил о них. Конрад посмотрел на развилку дорог. Все три дороги казались одинаковыми, но на двух с ним случилось несчастье. Он не чувствовал себя в силах сделать хотя бы шаг к ним. Правда, несчастья произошли во сне, а не наяву, но ведь и сны бывают вещими. Но надо было идти, он задумал достичь удачного будущего, а на пустой развилке не виделось никакого

будущего — просто скучное, пустое, ничего не выражающее и ничего не сулящее местечко. Для уверенности он обратился к своему неизменному наставнику — Внутреннему Голосу. Правильно ли он поступит, выбирая теперь среднюю дорогу? Внутренний Голос был из породы агитаторов, он не просто советовал и наставлял, а требовал, настаивал, горячо убеждал, Конрад знал его лишь таким. Но сейчас Голос только убежденно прозвенел: “Средняя — это истинно твоя счастливая дорога”.

И Конрад зашагал по единственной не испытанной ни во снах, ни наяву дороге — средней.

Он неторопливо двигался, предчувствуя, что хорошего не ждуть. Дорога шла явно не в Анатру, а в сторону от города. Ни на дальнем, ни на близком расстоянии от столицы не было ничего, что манило бы к себе: ни крупных городов, хоть отдаленно напоминающих Анатру с ее огромным населением почти в тысячу человек, ни больших заводов. Все промышленные предприятия — их отец называл почему-то кустарными мастерскими; название, по всему, выражало особенное уважение — располагались в Анатре. Правда, была еще долина Альдонсы с ее обширной пещерой, где уже больше ста лет возились с поврежденным при посадке звездолетом, и Альдонса была как раз где-то там, куда шел Конрад. Но к пещере и близко не подпускали, да и что делать у звездолета человеку, ничего не понимающему в древней космической технике — в ней, так говорил отец, теперь и сами механики не разбираются.

Эти мысли настраивали на грусть. Конраду уже начинало казаться, что он, поссорившись с отцом и удрав из дому, поступил не лучшим образом. Впереди — он все определенной удалялся от столицы — не светило радужным, а окружающее было таким, что впору ругаться, а не радоваться. Воздух затянула багровая дымка. Тусклая Москита превратилась во что-то темное, потянуло вечерним холодом, хотя до вечера было еще не близко. А дорога превратилась в полосу препятствий: нигде на равнине не виделось столько ям, сколько зияло на ней, и нигде не было навалено столько валунов, сколько вместила она. И Конрад, падая духом от бесперспективности, запросил Внутренний Голос, не пора ли возвращаться и просить у отца прощения, на что Внутренний Голос недовольно ответствовал: “Иди как идешь!”

Над дорогой пролетели два стреломобиля. Они выбросили крылья и стрекозами покружились над Конрадом, потом сели на

дорогу — один впереди, другой позади Конрада. Из передней машины вышел высокий, красивый мужчина, Конрад сразу узнал его: портреты этого человека, Марка Фигероя, были развешаны на дорогах, правительство за доставку его живым или мертвым сулило почти состояние. Из второй машины выбрался вооруженный импульсатором солдат и бравый офицер, и его Конрад узнал: за этого человека, Франциска Охлопяна, друга и правую руку вождя мятежников, тоже обещался солидный куш.

— Прохожий, ты наш или не наш? — строго спросил Марк Фигерой.

У Конрада перехватило дыхание, он не набрал силы ответить. За него ответил приблизившийся Франциск Охлопян:

— Господин Фигерой, даже слепой безошибочно увидит, что перед нами презренный солдат правительства, закамуфлированный под мирного прохожего. Если позволишь мне дать ему разок-другой по уху, он мигом признается, что шпионит в пользу проклятого майора Шурудана.

Конрад наконец обрел способность говорить:

— Нет, нет, господин министр экономики, я не шпион! Я никогда не служил в войсках правительства. Я не люблю правительства.

— Ты, я вижу, парень, знаешь меня, — сказал Фигерой смягчившимся голосом. — Но я уже не министр экономики. Подлый интриган майор Шурудан, которого мы все — и ты, надеюсь, тоже — дружно ненавидим, возмутительно и незаконно выставил меня из правительства. За это он поплатится своей головой. Беру тебя, парень, к себе. Господин Охлопян, выдайте ему запасной импульсатор. Ты умеешь пользоваться оружием? Отлично. Полетишь в моем стреломобиле, будешь охранять меня от нападения в воздухе.

— Я бы все-таки поставил тебя к стенке, парень, — с сожалением сказал Франциск Охлопян, вручая Конраду импульсатор. — Тебе не кажется, что так было бы надежней?

— Нет, не кажется, господин Охлопян! — отрезал Конрад и на всякий случай поспешно отдалился от человека, которого называли правой рукой вождя мятежников.

В мутном багровом воздухе показались светящиеся точки. К маленькой группке Фигероя прибывало подкрепление — три летающих монаха. Впереди мощно махал крыльями широкоплечий верзила с такими яркими фонариками на плечах, что их можно было разглядеть и за километр. И крылья у него выделя-

лись: из пяти, а не из трех пластмассовых дисков каждое, да и диски покрупней. Два других летающих монаха были щупленькие, узкоплечие, со слабенькими светящимися погонами, с трехдисковыми маломощными крылышками.

— Что случилось, почтенный Антон Пустероде? — спросил Фигерой крылатого верзилу. — Почему ты мчишься, будто за тобой гонится проклятый Шурудан?

— Я спешил доложить, что Шурудан неподалеку и что его можно взять голыми руками, господин Фигерой. Отряд, им возглавляемый, взимает в данную минуту пятидесятку на соседнем хуторе. Солдаты так увлеклись грабежом, который они называют получением законных налогов, что их можно всех проимпульсировать, прежде чем они схватятся за оружие.

— Отлично. Сейчас мы нападём на них. Господин Франциск Охлопьян, лети за нашим пешим отрядом и поведи его в хутор. Я полечу вперед выбирать позицию для внезапного удара.

Взгляд Антона Пустероде упал на скромно стоящего в стороне Конрада. Летающий монах безмерно удивился.

— Посторонний? И с оружием в руках? Тебя еще не расстреляли, парень?

— Как видите, господин Пустероде, — хмуро ответил Конрад.

— Расстрел от тебя не уйдет, — успокоил его летающий монах. — Как тебя зовут? Конрад Подольски? Никогда не слышал такого малозначащего имени и такой невыразительной фамилии. Впрочем, в списках казненных у меня хватает и других недостойных имен и возмутительных фамилий: ты будешь среди приличествующих тебе мертвецов.

— Надеюсь, что нет! — Конрад повернулся спиной к рыгочущему от удовольствия крылатому шпиону.

Марк Фигерой велел Конраду садиться рядом с собой. Второй стреломобиль и летающие монахи умчались. Конрад, как ему было приказано, бдительно всматривался в проплывающую внизу равнину.

Впереди все было пусто и уныло. Позади, среди красноватых кустарников и невысоких рыжих холмов, двигался отряд мятежников, над ним стрекозой висел стреломобиль и реяли три летающих монаха. Марк Фигерой направил свою машину вниз и посадил на поляне, окруженной кустарником.

— Будем ждать прихода наших здесь, — сказал предводитель мятежников. — Проклятая солдатня проклятого Шурудана уже недалеко. Гляди, чтобы с той стороны к нам кто-нибудь

незаметно не подобрался. Не спрашивай кто, а сразу импульсируй, в той стороне наших нет.

— Лучше бы мне пролезть немного дальше, я бы охранял вас спереди, — предложил несмело Конрад.

Фигерой с подозрением посмотрел на него, подумал и разрешил. Конрад крадучись зашел за холм и прислушался. В кустарнике стояла неживая тишина — ни звука впереди, где, по донесению крылатого разведчика, злобствовали правительственные солдаты, ни шороха позади, откуда пробирался отряд мятежников. Конрад в унынии запросил Внутренний Голос — что делать? Внутренний Голос высказался нерешительно: “Жди, что еще делать?” Ждать пришлось недолго. В кустах послышался шорох — мимо крался солдат правительства. Конрад осторожно попятился назад и доложил вождю мятежников:

— Господин Фигерой, в наше расположение проник солдат Шурудана.

— Далеко не уйдет, с той стороны идут наши, — ответил Фигерой. — Главное, чтоб они не двинулись всей армией, пока мы неожиданно не напали на них, ибо неожиданность — залог удачи.

Прошло еще несколько времени, и подошел отряд Франциска Охлопяна. Охлопян вел за ворот пойманного шпиона: жалкий коротышка солдат опасно оглядывался — он знал, что его ожидает.

— Зачем ты пробрался в наше расположение? — строго спросил Марк Фигерой.

Шпион пробормотал, что его послал сам майор Шурудан — разведать, далеко ли мятежники. Солдат был из недотеп, которые со страху сразу во всем признаются и заранее с покорностью примиряются с горькой судьбой.

Марк Фигерой поинтересовался, сколько солдат сейчас у майора Шурудана. Ответ шпиона Фигерою не понравился: отряд Шурудана был слишком велик, чтобы возникло хорошее настроение и можно было пожалеть пленника. Фигерой кивнул Конраду.

— Кончай его, парень, двумя хорошими импульсами накрест, а мы поглядим, как ты владеешь оружием.

Франциск Охлопян зловеще улыбнулся и наставил свой импульсатор на Конрада. Тотчас подоспел со своим оружием и летающий монах, — эта крылатая бестия, по всему, от души жаждала прошить Конрада резонансным лучом.

— Прости, друг! — тихо сказал Конрад застывшему от горя пленнику и нажал кнопку пуска.

— Теперь ты наш, — удовлетворенно высказался Марк Фигерой. — Выброси в кусты эту падаль и отдохни, мы скоро выступаем.

Конрад повалился на грунт. Горе душило его, но не было сил — да и страшно на виду мятежников — вылить горе слезами. Неподалеку лежал уничтоженный им человек — он будет отныне вечным укором совести. Конрад заговорил со своим Внутренним Голосом. “Я шел добывать славу, независимость и богатство, — горько упрекнул он Внутренний Голос, — и ты посоветовал мне пойти по средней дороге, и я пошел, а куда пришел?” — “Еще не все потеряно, еще будет удача и слава, — без уверенности в голосе пообещал Внутренний Голос. — Ты можешь бежать: смотри, все повалились на землю, даже глаза закрыли, набираясь сил перед боем. Беги, и тебя ждет успех!”

Конрад сорвался с места и ринулся в кусты. Кто-то закричал, один мятежник погнался за беглецом. Конрад бежал изо всей мочи, но преследователь настигал. Это был рослый воин, он кричал, что импульсирует Конрада на бегу, если тот не остановится. Конрад не останавливался, лишь спину сводило от страха, что вот-вот в нее вопьется убийственный луч.

Внезапно из кустов раздался повелительный возглас:

— Стойте оба! Немедленно остановитесь!

Обоих — Конрада и преследователя — окружила толпа солдат. Впереди бронированной башней возвышался сам грозный глава правительства майор Фердинанд Шурудан.

— Ты куда бежал? — спросил Конрада Шурудан. — А ты зачем гнался за ним? — обратился он тут же к преследователю.

— Я бежал от мятежников, потому что они захватили меня насильно. Я не воин, я простой крестьянин, — ответил Конрад.

— Я бежал за ним, потому что он бежал от нас, замыслив измену нашему вождю Марку Фигерою, — честно признался мятежник.

— Один из вас враг, другой может стать другом, — постановил майор Шурудан. — Ты, парень, — сказал майор Конраду, — должен доказать, что тебе можно доверять. Импульсируй нашего врага, который едва не догнал и не импульсировал тебя самого.

Вокруг Конрада выстроились солдаты и направили на него оружие. Куда он ни поворачивался, на него глядели смертонос-

ные дула. Никто не думал расправляться с мятежником, но Конрада, сделай он неверное движение, немедленно прошьют десяток лучей. Конрад нажал на спуск, пленник зашатался и повалился на грунт.

— Мятежники! — крикнул из кустов дозорный, и на поляну, где совершался допрос и расправа, вырвался отряд Фигероя. Майор Шурудан скомандовал отступление, и солдаты, отбиваясь лучами, в полном порядке отошли в глубь кустарника. Конрада глава правительства держал около себя. Охрана командующего страховала Шурудана позади и с боков. Вскоре показалась группа строений. Солдаты ввалились в дом и сарай. Майор Шурудан торжественно возгласил:

— Нас надежно защищают стены, а если мятежники сунутся на приступ, мы переимпульсируем всех как куропаток.

Марк Фигерой не хуже Шурудана понимал, что положение правительственных войск лучше, чем положение мятежников. Для поддержания духа мятежники из кустов исполосовали лучами стены дома и сараев, но на мертвый камень резонансные импульсы не действовали. Потом все вдруг затихло и в воздух взмыл с белым флагом в руках летающий монах Антон Пустероде.

— Переговоры! Переговоры! — трубно гремел Антон Пустероде. — Переговоры! Не импульсируйте!

Он сделал два круга над убежищем майора Шурудана, плавно опустился, сложил крылья, притушил светящиеся погоны и ловко юркнул в домик. Переговоры начались с дикого ора, его все слышали сквозь стену: майор Шурудан зло грохотал, Антон Пустероде зычно ревел, потом голоса стали тише, потом и вовсе смолкли.

На поляну вышли майор Шурудан с летающим монахом, и Антон Пустероде во всю мощь голоса залился:

— Вечный мир! Вечный мир! Великий майор Шурудан, глава правительства и главнокомандующий, жаждет братски прижать к сердцу своего лучшего друга и любимого министра великого Марка Фигероя. Вечный мир! Вечный мир!

Из дома и сараев выскакивали солдаты, из кустов выбегали давешние мятежники, а теперь верные слуги правительства. Все радостно орали: “Вечный мир! Вечный мир!” Майор Шурудан трижды торжественно облобызался с Марком Фигероем. В честь примирения недавние враги радостно проимпульсировали багровое небо резонансными лучами. Взгляд Марка Фигероя

упал на Конрада, тоже выбежавшего из дома, но из осторожности не совавшегося вперед.

— Это ты, негодяй! — гневно воскликнул Марк Фигерой. — Знаешь, мой друг, этот мерзавец пристал к нам и объявил себя мятежником, — сообщил Фигерой Шурудану.

— Нет, он пристал к нам и объявил себя слугой правительства, — возразил майор Шурудан.

— Чтобы доказать, что он предан мятежу, он собственноручно умертвил твоего разведчика, дорогой майор.

— Чтобы доказать верность правительству, он собственноручно казнил одного из твоих людей, дорогой Фигерой.

— Ах, предатель! — воскликнули они оба одинаковыми голосами, и Марк Фигерой обратился к майору Шурудану:

— В закрепление нашей дружбы, прошу тебя, дорогой майор, выдать мне этого негодяя, чтобы я мог его здесь публично казнить.

— Нет, это я прошу тебя в ознаменование нашего вечного мира предоставить мне этого двойного изменника на публичную казнь, — ответил майор Шурудан.

— В таком случае — казним его совместно, ибо он предал каждого из нас.

Конрада поставили в центре полянки перед домом, солдаты Шурудана встали справа, воины Фигероя зашли слева.

Антон Пустероде сверкал плечевыми фонариками и победно ревел, рея над обреченным Конрадом.

Внутренний Голос отчаянно завопил: “Беги, беги, пока жив, не то, говорю тебе, точно казнят!”

И Конрад ринулся в кустарник, опрокинув на землю Марка Фигероя и так тяпнув ногой Шурудана, что тот взвыл. Солдаты сперва растерянно попрыгали и потолкались, потом пустились преследовать беглеца.

Но Конрад спасал собственную жизнь, а преследователи ничего не спасали и потому не усердствовали. Они вскоре отстали так далеко, что и голосов уже не было слышно. Конрад, однако, бежал со все той же отчаянной торопливостью и не остановился, пока не выскочил на затерянную в кустарнике новую полянку.

Здесь, измученный, он свалился у домика, стоявшего на краю полянки. На скамейке сидел жилистый старик и молча глядел на Конрада. В неистовстве бега Конрад примчался к собственному дому, откуда еще сегодняшней ночью с таким

облегчением удрал на широкую волю — отец с хмурым любопытством ожидал, как поведет себя Конрад дальше.

— Я воротился, как видишь, — пролепетал Конрад и сделал немалое усилие, чтобы встать на ноги.

— Я знал, что ты воротишься, Конрад, — сказал отец. — Я всегда верил, что ты не вовсе потерял совесть, хотя к этому шло. Расскажи теперь, что тебе пришлось пережить за этот день. Судя по тому, как ты рвался сквозь кусты, выход в другую жизнь не принес тебе радости.

Отец еще не кончил, а Конрад сразу вспомнил, что испытал на трех избранных дорогах. Все восстановилось в памяти с такой яркостью, словно было только что пережито, и уже не казалось трижды одолевавшим его сном, а было как бы трижды повторенной явью.

Отец слушал и кивал, потом сказал:

— Не уверен, что реально было, как ты рассказываешь, но что должно было быть именно так, убежден. Ибо в тебе бог смешан с чертом, и ты равно годен и на зло, и на добро, и на подвиг, и на позор. И не ты командуешь обстоятельствами, а они — тобой, хоть тебе и воображается по-иному. А как ты поведешь себя, зависит не так от тебя, как от обстановки, ибо каждая найдет в тебе, что ей нужно. Сколько раз я колотил тебя, но так и не выколотил неопределенности из твоего характера. И еще бы надо поотдубасить — да бесполезно.

— Отец, ты же не будешь отрицать, что я не инертен, не безучастен, не равнодушен...

— И много других “не”. Активен, активен, даже чересчур. На нашей проклятой планете это чаще всего ведет к катастрофе.

— У меня под рукой нет другой планеты, отец.

Отец долго вглядывался в Конрада — крепкий старик, как бы весь вырубленный из плотного узловатого дерева, с густой, как смола, кровью — не жиденькой водицей.

Его жесткую руку Конрад хорошо знал, его советами и наставлениями перенебрегал, слушал только свои Внутренние Голоса.

Но сейчас Внутренние Голоса молчали, и Конрад был готов выслушать самый жестокий совет. Был бы он только полезен.

— Есть такая планета, сын. Сто лет назад группа людей сбежала с Земли и скрылась вот на этой скудной, поганой Марите. Здесь мы постепенно вырождаемся, истребляем

один другого в бесчисленных мятежах и кратковременных захватах власти. Возвращайся на Землю, сын. Уверен, там не обстоятельства командуют людьми, а люди обстоятельствами. Надо же, чтобы где-нибудь в мире было местечко, где не дорога выбирает тебя, а ты — свою жизненную дорогу. Иди там по главной, а не по боковой душевной склонности; по основной, а не по второстепенной способности. И ты будешь там стоять ровно столько, сколько реально стоишь. Не больше — но и не меньше.

— Слышал, слышал: Земля — прародина, утраченный рай, — сказал Конрад с досадой. — Но в знаменитой и затхлой пещере в ущелье Альдонсы все эти сто лет покоится поврежденный звездолет. И нет надежды, что его восстановят для самостоятельного похода.

— Его уже восстановили, Конрад. Механик Бартоломей Хапи и его опытный помощник Кренстон закончили долгий ремонт космического корабля. И они тайно подготовили группу людей, мечтающих о прародине. Завтра они отлетают. Мне тоже предложили присоединиться, я отказался.

— Почему? Разве ты не мечтаешь о рае?

— Мечтаю, Конрад. Всегда мечтал. Но я слишком стар для такого полета. Другое дело — ты. Ты сможешь еще увидеть зеленую горячую Землю — уверен, уверен, что она именно такая!

— Смысл в этом есть, но я устал, отец. Сколько было событий сегодня на этих трех дорогах! Ты говоришь — отлетают завтра утром? В таком случае ночь я посплю, а на рассвете ты меня разбуди. Что я должен сказать твоему другу механику Бартоломею Хапи?

— Только то, что ты мой сын и что я послал тебя. Этого будет вполне достаточно для побега на Землю.

— Впервые ты убедил меня, отец. Цени мою покладистость. Теперь не буди меня до утренней Москиты.

Конрад направился к дому, но отец задержал его.

— Боюсь, у тебя не будет ночи для отдыха, Конрад. Прислушайся к шуму в кустах. Вон там, там...

Он показывал в сторону, откуда прибежал Конрад.

Из кустов доносился треск далеких шагов, Конраду слышался даже трубный рев Антон Пустероде.

— Это солдаты Шурудана и Фигероя! — воскликнул Конрад. — Они разыскивают меня. Что делать, отец?

— Отдай мне свой импульсатор и беги! На час я их задержу, а за это время ты пробежишь половину пути до пещеры Альдонса. Торопись, Конрад, твои враги приближаются.

Конрад опрометью кинулся к кустам.

На краю зарослей он оглянулся.

Отец торопливо сложил баррикаду из бревен, залег за ней, направил импульсатор на кусты. Конрад не видел лица отца, но не сомневался, что оно светится торжеством. В годы военной службы отец хорошо овладел импульсатором и собирался теперь действовать, как давно жаждала душа.

СОДЕРЖАНИЕ

ХРОНОНАВИГАТОРЫ

Роман

Часть первая

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ..... 7

Часть вторая

В ФОКУСЕ ХРОНОБОЯ 73

Часть третья

МЕРТВОЕ БЕССМЕРТИЕ 138

Часть четвертая

МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И ГИБЕЛЬЮ 205

ПРЫЖОК НАД БЕЗДНОЙ

Повесть289

ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ

Повесть

Глава первая.

ПРИЗРАКИ В ЗВЕЗДОЛЕТЕ..... 335

Глава вторая.

ДВА ТРУПА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА 347

Глава третья.

ОБЕЗЬЯНКА ОЛЛИ..... 363

Глава четвертая.

ДАЛЕКОЕ ШАРОВОЕ СКОПЛЕНИЕ... 394

Глава пятая.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЛЫ И ЗЕВСА..... 408

Глава шестая.

ДОБРОМУ БОГУ БАЛЬДРУ
СТАЛИ СНИТЬСЯ ДУРНЫЕ СНЫ..... 431

ТРИДЦАТЬ ДВА ОБЛИЧЬЯ ПРОФЕССОРА КРЕНА

Памфлет-фантазия453

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ

Памфлет-фантазия503

Сергей СНЕГОВ
СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Т О М 3

Руководитель проекта

П. Угроватов

Редактор

Т. Ленская

**Оригинал-макет изготовлен
издательством «Редкая книга»
(г. Калининград)**

**ЛР № 071177 от 05.06.95 г.
Подписано в печать 09.09.96 г.
Усл. печ. л. 35. Изд. № 130.
Цена 31 000 р.
Цена для членов клуба 27 900 р.**

**Издательство «ТЕРРА»—«Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.**

*Книги издательства «ТЕРРА» можно заказать по адресу:
109033, Москва, а/я 66.*

**В серии
«Большая библиотека приключений
и научной фантастики»
в 1996 году вышли в свет:**

ДЕБРИ И ПУСТЫНИ

В четырех томах

В четырехтомник включены произведения писателей разных стран: француза Э. Шевалье «Черноногие», англичан Майна Рида «Затерявшаяся гора» и Э. Гленвилля «Зулусы наступают», немца К. Верисгофера «Сокровища Перу», норвежца Э. Фриха «Бессмертные карлики» и др. Их объединяет любовь к путешествиям и приключениям, а их произведения с авантюрно-детективными сюжетами, романтикой одинаково интересны как для юного, так и для взрослого читателя.

Ю. ДАВЫДОВ

Сочинения в трех томах

В трехтомник известного российского писателя Юрия Владимировича Давыдова включены повести и рассказы о людях, чья жизнь была отдана морю и кораблям, овеяна ветрами всех румбов и опалена порохом, о мужественных открывателях морского пути из Атлантического океана в Тихий, а также исследователях Африканского континента.

К. МАЙ

Сочинения в двух томах

Произведения знаменитого немецкого писателя, мастера приключенческого романа Карла Мая (1842—1912) переведены почти на тридцать языков. Его по праву называют немецким Фенимором Купером. В двухтомное собрание сочинений включены романы «Сокровища серебряного озера», «Сын охотника на медведей», «Дух Льяно-Эстакадо». Читателя ждет знакомство с малоизвестным пока в России творчеством этого замечательного писателя.

М. Мёрдок. МАРСИАНСКИЕ ВОЙНЫ

В двух томах

Погони, вооруженные столкновения на Земле и в космосе, бескомпромиссная, не на жизнь, а на смерть, борьба компьютерных интеллектов — вот что положено в основу сюжета фантастической трилогии М. С. Мёрдока. Надеемся, что она будет интересна не только любителям фантастики, но и самому широкому кругу читателей.

Р. Белоусов. ОШИБКА СЫЩИКА ДЮПЕНА

В двух томах

Тем, кто любит историю и литературу, несомненно, будут интересны разыскания «литературного детектива». Книга рассказывает о необычайных приключениях подлинных исторических личностей, появившихся под вымышленными именами на страницах литературных шедевров. Это граф Монте-Кристо и капитан Немо, каторжник Жан Вальжан и аббат Фариа, сыщики Огюст Дюпен и Шерлок Холмс, разбойники Карл Моор и Георгий Кирджали, воровка Молль Флендерс и куртизанка Манон Леско и многие другие персонажи.

Э. Сю. АГАСФЕР

В четырех томах

В романе классика социальной литературы и крупнейшего мастера французского социального романа эпохи буржуазно-демократических революций Эжена Сю (1804–1857) теснейшим образом переплетены любовь и ненависть, бескорыстие и жажда наживы, честность и лицемерие.

ДЖ. КОНРАД

Сочинения в трех томах

Выдающийся английский прозаик Джозеф Конрад (1857—1924) написал около тридцати книг о своих морских приключениях и путешествиях. Неоромантик, мастер психологической прозы, он по-своему пересоздал приключенческий жанр и оказал огромное влияние на литературу XX века. В трехтомное собрание сочинений вошли романы «Каприз Олмэйра», «Изгнанник», «Негр с «Нарцисса», «Прыжок за борт», «Конец рабства», «На отмелях» и др.

Э. САЛЬГАРИ

Сочинения в трех томах

Динамичные, до предела насыщенные действием романы итальянского писателя Эмилио Сальгари (1862—1911), герои которых попадают в самые невероятные ситуации, по праву относят к классике приключенческого жанра. В трехтомник вошли романы, не известные еще нашей читающей публике: «Жемчужина Лабуана», «Тайны черных джунглей», «Пираты Малайзии», «Два тигра», «Королева Карибов», «Морские истории боцмана Катрама».

Scan Kreyder - 12.07.2017
STERLITAMAK

